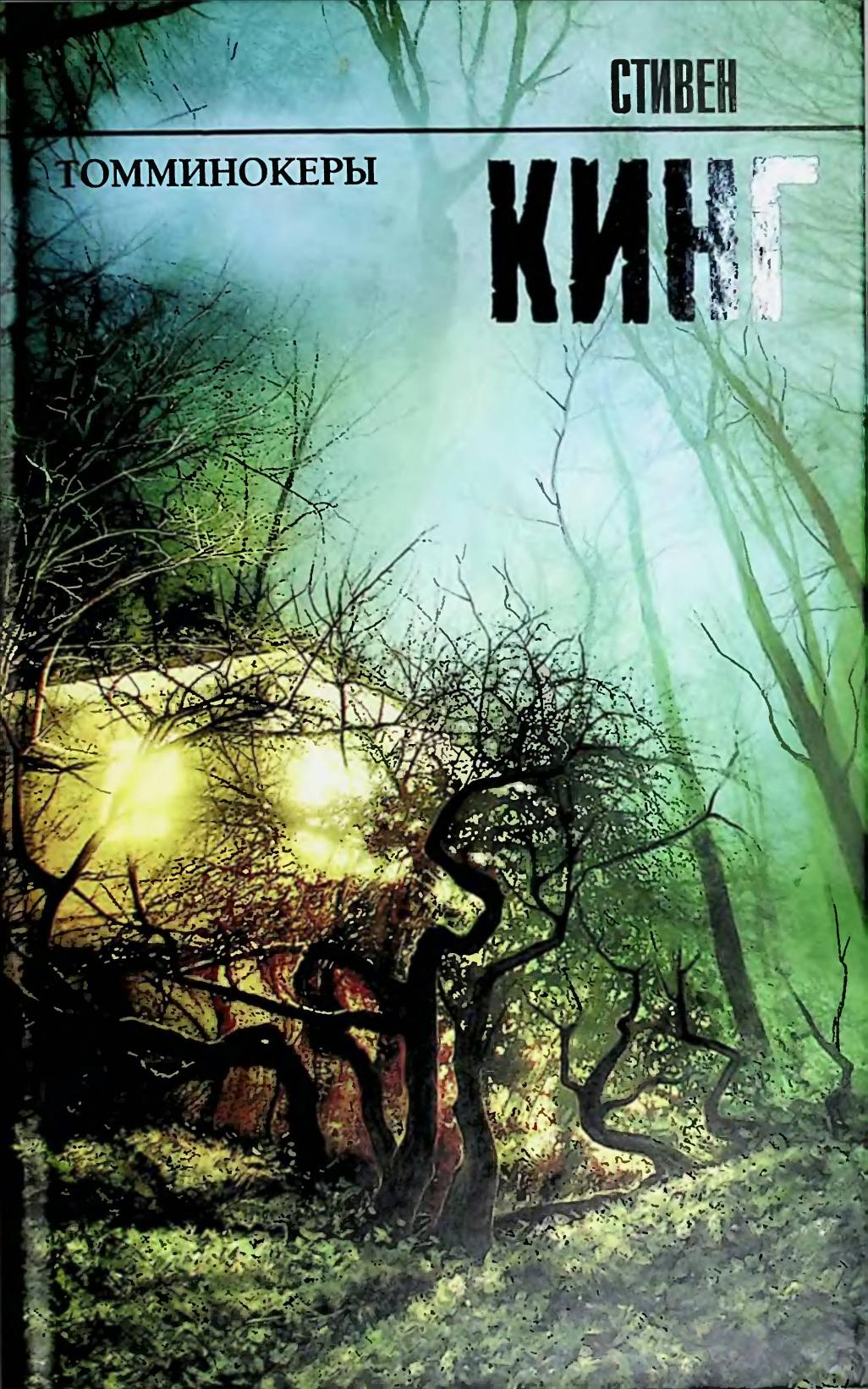

СТИВЕН

ТОММИНОКЕРЫ

КИНГ

Стивен
КИНГ

Стивен Кинг

Томминокеры

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сoe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
THE TOMMYKNOCKERS

Перевод с английского Ю. Моисеенко, М. Казанской

Художник В. Лебедева

Компьютерный дизайн А. Смирнова

Фото автора на обложке: Shane Leonard

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Томминокеры : [роман : перевод с английского] / Стивен Кинг. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 736 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-102168-9

...Что-то странное происходит в тихом провинциальном городке Хейвен, где живет Роберта Андерсон. У каждого жителя открываются поразительные сверхъестественные способности, а сам городок превращается в смертельную ловушку для чужаков.

Неужели причина всего этого — в таинственном металлическом объекте, погребенном в земле тысячу лет назад и случайно найденном Роберто? Неужели она и другие обитатели Хейвена заключили сделку с беспощадной и жестокой силой? Или Зло из далеких миров само нашло их — и теперь медленно, но верно завладевает их душами и телами?..

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сoe)-44

ISBN 978-5-17-102168-9

© Stephen King, Tabitha King,
and Arthur B. Greene, Trustee, 1987
© Школа перевода В. Баканова, 2013
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2017

Если б только вы знали, как громко в夜里
В мою дверь томминокер стучит и стучит.
Хоть убейте — не выйду из дома теперь:
Я боюсь даже видеть проклятую дверь.

Предисловие

Как и многие «Песни Матушки Гусыни», стишок про томминокеров только на первый взгляд кажется простым. Между тем трудно даже понять, откуда взялось это слово. Полный словарь Уэбстера определил томминокеров как: а) троллей, живущих в подземных тоннелях, или же б) привидений, которые водятся в заброшенных пещерах и шахтах. Учитывая, что «томми» на устаревшем британском сленге означало армейский паск (когда-то в Британии так называли всех новобранцев, вспомним хотя бы строчки из стихотворения Киплинга: «Эй, Томми, так тебя и сяк...»), авторы Большого Оксфордского словаря, не посвятив томминокерам отдельной статьи, все же предполагают, что это могут быть призраки шахтеров, погибших голодной смертью, которые до сих пор стучатся в чужие дома, прося еды и приюта.

Первую часть стихка («Если б только вы знали, как громко в ночи») и я, и моя жена нередко слышали в детстве, хотя мы с ней выросли в разных городах, воспитывались в разных вероисповеданиях и происхождение у нас разное: ее предки прибыли в свое время из Франции, а мои — из Ирландии и Шотландии.

Остальные строчки — плод воображения автора.

Автор — то есть я — хочет выразить благодарность Табите, моей жене, как бесценному, хоть зачастую и раздражающему меня критику (если критик вас раздражает, можете быть почти уверены: он прав), редактору Алану Уильямсу за его доброту и внимание, Филипп Грин за терпение (фактически этот роман был не столько написан, сколько выдолблен киркой каторж-

ника в горах) и в особенности Джорджу Эверетту Маккатчону, который не только прочел каждую главу и отшлифовал ее — прежде всего, конечно, в отношении оружия и баллистики, — но и скрупулезно следил за тем, чтобы главы не противоречили друг другу. Когда Мак ушел из жизни, книга была в процессе переработки. Скажем так: я послушно правил очередной отрывок в соответствии с его замечанием — и вдруг узнаю, что Джордж все же пал жертвой лейкемии, с которой сражался около двух лет. Мне страшно его не хватает — не только как друга, помогавшего навести порядок в мыслях, но и как человека, по-настоящему близкого моему сердцу.

Следует поблагодарить еще многих, всех и не перечислить: пилотов, дантистов, геологов, сотоварищей по перу, даже моих сыновей, присутствовавших при чтении этой книги вслух. Отдельное спасибо Стивену Джою Гулду*. Хоть он и болеет за «Янки», а стало быть, не заслуживает полного доверия, его замечания насчет возможностей «эволюции отупления», как я это называю, помогли в обработке последнего варианта романа (см. его книгу «Улыбка фламинго»).

Хейвен не существует в реальности. Персонажи вымышлены. Все это выдумка, за одним исключением:

Томминокеры — настоящие.

И если, по-вашему, я шучу — должно быть, вы пропустили по телевизору вечерние новости.

Стивен Кинг

* Стивен Джей Гулд (1941–2002) — известный американский палеонтолог, биолог-эволюционист и историк науки. — Здесь и далее примеч. пер.

Книга первая

КОРАБЛЬ В ЗЕМЛЕ

Тут нам попался Гарри Трумэн:
из Миссури вместе плыти.
Мы спросили про войну, а он сказал: «Забыли!»
Мы напомнили про бомбу: «Вам не стыдно за нее?»
Он в ответ: «Плесни-ка выпить; это дело не твое!»

The Rainmakers. Downstream

Глава 1

АНДЕРСОН СПОТЫКАЕТСЯ

1

Королевство пало «оттого, что в кузнице не было гвоздя», — вот к чему сводится наша история. В конечном счете все на свете сводится к чему-то похожему; по крайней мере так думала Роберта Андерсон, хоть и много позже. Либо всем управляет случай, либо... рок. Двадцать первого июня 1988 года Андерсон буквально споткнулась о собственную судьбу в городишке под названием Хейвен, штат Мэн. Это и стало отправной точкой для всех последующих событий.

2

Андерсон была в компании Питера, дряхлого бигля, подслеповатого на один глаз. Питера подарил ей Джим Гарденер, и случилось это в 1976-м. Годом ранее Андерсон бросила колледж за пару месяцев до получения степени, чтобы вселиться в дядюшконо имение в Хейвене. Она и не замечала, насколько была одинока, пока Гард не принес собаку. Хотя нет, тогда еще только щенка. Андерсон до сих пор иногда не верилось, что пес постарел, а между тем, по собачьим меркам, ему стукнуло восемьдесят четыре. Некоторым образом Питер напоминал ей о возрасте. 1976 год давно канул в Лету. Тут не поспоришь. Когда тебе двадцать пять, можно позволить себе такую роскошь —

верить, что цифирки в паспорте означают всего лишь канцелярскую ошибку, которая рано или поздно будет исправлена. Но когда в одно прекрасное утро просыпаешься и понимаешь: твоему псу восемьдесят четыре, а тебе самой тридцать семь, приходится пересмотреть свои взгляды. Тут не поспоришь.

Андерсон искала подходящее место для рубки дров. Кое-что у нее лежало в запасе, но на зиму требовалось обычно в три раза больше. Сколько же она поработала топором с тех пор, как Питер был резвым щенком, который любил грызть старые тапочки и слишком часто прудил на ковер в столовой; а деревьев как будто и не убавилось. Участок (даже теперь, тринацать лет спустя, местные жители по-прежнему называли его фермой Фрэнка Гаррика) протянулся вдоль шоссе номер 9 на каких-нибудь сто восемьдесят футов, однако каменные стены на его северной и южной границах расходились под неправильным углом. Еще одна, тыльная стена, которая от ветхости давно рассыпалась на отдельные груды камней, покрытых зеленым мхом, углублялась на целых три мили в чащу, поросшую как старыми, так и молодыми деревьями. Общая площадь этого клина земли впечатляла. К западу от владений Бобби Андерсон простирались необъятные безлюдные мили, собственность компаний «Нью-Инглэнд пейпер». «Горелый лес», как гласила надпись на карте.

По правде сказать, ей даже не нужно было искать хорошее место для вырубки. Дядя по материнской линии оставил племяннице землю, ценную как раз деревьями твердых пород, почти не пораженных личинками непарного шелкопряда. Просто после затяжной череды весенних ливней (из-за которых теперь в саду ни пройти, ни проехать от грязи) наконец-то выдался ясный и теплый день, а с новой книгой можно повременить. Так что Андерсон зачехлила пишущую машинку и вышла прогуляться в компании верного одноглазого старины Питера.

Оставив позади ферму, она прошла милю по старой трассе, проложенной некогда для перевозки леса, и повернула налево. С собой Бобби взяла рюкзак, где лежали книга и бутерброд, собачьи галеты, ворох оранжевых ленточек, чтобы помечать деревья, которые надо будет срубить ближе к концу сентября, когда тепло начнет уступать прохладной октябрьской погоде. Во фляжке плескалась вода. Карман оттягивал компас марки «Сильва». Пусть ей только раз довелось заблудиться в здешних

местах, но и этого раза оказалось более чем достаточно. Жуткая выдалась ночь; Бобби никак не могла поверить, что потерялась на собственной, черт возьми, земле, и в то же время со страхом ждала погибели. Кстати, это было вполне возможно: пропажу заметил бы только Джим, а он имел привычку появляться, когда не ждешь. Наутро Питер благополучно вывел хозяйствку к ручью, а тот, в свою очередь, к шоссе номер 9, где с беззаботным журчанием убежал в подземную трубу в каких-то двух милях от ее дома. На сегодняшний день она, наверное, достаточно хорошо освоилась на местности, чтобы в случае чего самостоятельно выйти к дороге или одной из каменных стен, но «наверное» — это не значит «точно». Так что компас в кармане лишним не будет.

Примерно в три часа дня ей встретилась подходящая кленовая рощица. На самом деле, хорошие деревья попадались и раньше, но эти росли у знакомой тропинки, где с легкостью мог проехать «Томкэт»*. В двадцатых числах сентября — если кто-нибудь до тех пор не взорвет этот мир ко всем чертям — надо будет прикатить сюда на тракторе с прицепленными позади санями и помахать топором. Бобби почувствовала, что на сегодня достаточно нагулялась.

— Что скажешь, Пит?

Тот сипло гавкнул. Хозяйка взглянула на него с жалостью, и внезапно у нее защемило сердце. Как же он сдал! В последнее время почти перестал гонять разных птиц, белок и редких лесных гостей — сурков. Не говоря уж о том, чтобы броситься за оленем... Похоже, на обратном пути не обойтись без частых привалов. А ведь совсем недавно (как упрямо твердил хозяйке рассудок) Питер мчался на добрую четверть мили впереди нее, оглашая заросли громким лаем. И вот уже не за горами день, когда Бобби решит: достаточно. И в последний раз хлопнет ладонью по пассажирскому креслу своего грузовчика «шевроле», приглашая Питера прокатиться в Огасту, к ближайшей ветеринарной клинике. Господи, только не этим летом! Не осенью и не весной, пожалуйста, Господи! И вообще никогда, если можно.

Без собаки ее захлестнет одиночество. Разве что... Впрочем, Джим Гарденер вот уже года три как напоминает чокнутого. Он все еще друг, но... как бы чокнутый.

* Модель сельскохозяйственного трактора.

— Хорошо, что мы снова друг друга поняли, старина. — Бобби принялась завязывать ленточки, прекрасно понимая, что до сентября может несколько раз передумать и они так и сгинут на стволах. — Твой безупречный вкус уступает лишь твоему бравому виду.

Питер не стал с годами глупее и смекнул, чего от него ждут: маxнул облезлым хвостом и подал голос.

— Покажи вьетконговца! — приказала Андерсон.

Пес покорно свалился на бок (при этом тоненько взвизгнув), перекатился на спину и вытянул ноги. Тот же трюк он проделывал по команде: «хуч!»* и «Милай!»**. Бобби обычно веселилась, однако сегодня притворная смерть любимца болезненно напомнила ей о собственных размышлениях.

— Хватит, Пит.

Тот с усилием поднялся, тяжело дыша. Какая же у него седая морда...

— Пошли домой.

Хозяйка бросила псу галету. Тот щелкнул челюстями, но промахнулся. Понюхал траву, прошел мимо угощения, вернулся и неторопливо, без особой радости принял жевать.

— Молодец. Идем.

3

Не было подковы — королевство пало... выбрали тропинку — нашли корабль.

В течении тринадцати лет, за которые ферма Гаррика так и не превратилась в имение Андерсон, Бобби не единожды успела сюда наведаться. Вот знакомый склон, вот валежник, оставленный лесорубами (умершими, пожалуй, еще до войны с корейцами), вот могучая ель с раздвоенной верхушкой. Бобби бывала здесь раньше, а значит, без труда отыщет обратную дорогу, когда поведет «Томкэт». Раз-или два, а то и раз шесть

* Дословно: лачуга, хижина.

** Название вьетнамской деревенской общины, где 16 марта 1968 года произошло массовое убийство мирного населения американскими солдатами.

она проходила в считанных ярдах, футах, если не в дюймах от места, на котором сегодня споткнулась.

На этот раз Бобби взяла чуть левее тропинки, следуя за собакой, и вдруг мысок старого туристического ботинка во что-то врезался... больно врезался.

— Ой! — вскрикнула она и замахала руками, но было поздно.

Бобби повалилась на землю. Щеку задела острые ветка низенького кустарника — и, кажется, порезала до крови.

— Черт!

Голубая сойка отчитала ее за брань сердитой тирадой.

Тут вернулся Питер и, обнюхав хозяйку, лизнул ее в нос.

— Фу, не надо, воняешь!

Пес завилял хвостом. Бобби села и провела рукой по левой щеке: на ладони и пальцах осталась кровь.

— Ничего себе, — хмыкнула она, оглядываясь.

Что же такое ей подвернулось под ногу — ветка? Скорее всего, торчащий камень. Этого добра в Мэнне хоть отбавляй.

Перед глазами блеснул металл.

Бобби дотронулась, провела пальцем и сдула черную грязь.

— Что это, Питер?

Пес подошел, понюхал — и вдруг, ни с того ни с сего, попятился, сел, разразился протяжным воем.

— Какая муха тебя укусила? — поинтересовалась хозяйка, но Питер не обращал на нее внимания.

Андерсон подползла поближе, испачкав сзади джинсы, и пригляделась. Что это за железка в земле?

Предмет торчал над слоем пожухлой травы на три дюйма — не захочешь, споткнешься. Наверное, ливни размыли почву на склоне. Первым делом Бобби подумала о лесорубах, трудившихся на этой земле в двадцатые и тридцатые, выезжая на пресловутые «лесоповальные выходные» трехдневки: должно быть, работники закопали здесь разный мусор.

Жестяная банка из-под бобов или супа? Э, нет, кто бы мог споткнуться о такую жестянку? Разве только младенец. Бобби поддела находку мыском ботинка. Та совершенно не поддавалась. Твердая, будто скала. Может, какое-нибудь орудие?

Андерсон из любопытства склонилась пониже, не замечая, что Питер поднялся, отошел еще на четыре шага и только тогда снова сел.

Металл имел мутно-серый оттенок; будь это жесть или железо, они блестели бы. Да и толщина для обычной банки неподходящая: чуть ли не с четверть дюйма. Бобби потрогала край указательным пальцем — и ощутила странную дрожь.

Отдернула палец. Озадаченно на него посмотрела...

И снова потрогала.

Ничего. Тишина.

Бобби сжала предмет между пальцами и попыталась выдернуть из земли, точно расшатанный зуб из десны. Никакого эффекта. Рука стиснула торчащий предмет примерно посередине. Он — если только Бобби не ошиблась в расчетах — уходил на два дюйма в землю. Да она бы лет сорок могла гулять рядом с этой штуковиной трижды в день и не спотыкаться, скажет Андерсон Джиму Гарденеру несколько позже.

Она стряхнула еще немного земли, затем погрузила пальцы в рыхлую лесную почву — та всегда легко поддается, если вам повезет не наткнуться на разветвленные корни — и прорыла небольшую канавку. Потом встала на колени и принялась копать с другой стороны. Гладкий предмет не кончался. Бобби еще раз попробовала его раскачать. Никакого толку.

Она быстрее заработала пальцами. Вот уже из-под земли показались шесть дюймов металла, девять, фут...

Внезапно ей пришло в голову: это какой-нибудь автомобиль, грузовик или трактор. Закопанный здесь, в глухи.

Или «печь Гувера»*. Но почему здесь-то?

Сколько Бобби ни думала, ей не пришло на ум ни одной причины. Ну, то есть ни единой.

Порой она находила в лесах какой-нибудь хлам — канистры из-под бензина, пивные банки (самые старые из них были даже без открывалки на крышке, зато с треугольными дырками от «церковных ключей», как их называли в смутные шестидесятые), конфетные фантики, прочую чепуху.

* Переносная печь из автомобильных деталей со свалки. «Гувервиллями» называли многочисленные городские трущобы во время Великой депрессии. Название пошло от фамилии Герберта Гувера, в то время президента США, на которого возлагали вину за депрессию.

Конечно, Хейвен лежал в стороне от двух основных туристических маршрутов штата Мэн, один из которых проходил через озеро и горы на запад, а второй — через побережье на восток; но от первозданной природы здесь почти ничего не осталось. Однажды, когда Бобби проникла за развалины каменной ограды, тем самым нарушив земельное право компании «Нью-Инглэнд пейпер», ей на глаза попались ржавые остатки «хадсон-хорнeta» конца сороковых, брошенного посередине бывшей лесной дороги, у которой уж двадцать лет как не проводили плановых вырубок и которая к тому времени погрязла в непролазной путанице ветвей, называемой в простонародье Чертвудом. Машина там взяться неоткуда... И все же если появление автомобиля поддавалось хоть какой-то логике, то как объяснить эту печку, или рефрижератор, или еще невесту какую дрянь, столь основательно погребенную в земле?

Прокопав два углубления длиной в целый фут по обе стороны от предмета, Бобби так и не выяснила, где он заканчивается. Она и вглубь проникла на целый фут, но потом ногти стали царапать горную породу. Камни, по крайней мере, поддавались раскачиванию, — только вытаскивать их не было уж совсем никакого смысла. Незнакомая штука явно уходила гораздо глубже.

Питер начал поскуливать.

Андерсон посмотрела на пса и поднялась. Оба колена хрустнули. Левую щиколотку как будто покалывало иголками. Выгудив из кармана часы марки «Саймон», потускневшие от времени (еще одна часть наследства дядюшки Фрэнка), Бобби с изумлением поняла, что потратила уйму времени — битый час с четвертью — и что уже давно прошло четыре.

— Идем, Питер, — позвала она. — Хватит здесь прохладиться.

Тот опять заскулил, но не тронулся с места. Внезапно Бобби заметила, как он весь дрожит, будто в лихорадке. Трудно сказать, болеют ли псы малярией; старые — может быть. Бобби помнила лишь один случай, когда Питера била такая дрожь. Осенью 1975 года (или 1976-го), когда по лесу бродила рысь. Ночью девять кряду окрестности глохли от воплей неразделенной страсти. Каждый раз Питер подходил к окну в гостиной

и запрыгивал на бывшую церковную скамеечку возле книжного шкафа. Он никогда не лаял. Только пристально смотрел в темноту, раздувая ноздри, навострив уши, и вслушивался в этот мистический, по-женски отчаянный плач. Вот тогда его так же трясло.

Бобби покинула место своих раскопок, села на корточки рядом с Питом и взяла его дрожащую морду в ладони.

— Ну, что случилось, мой мальчик? — прошептала она.

Как будто и так непонятно.

Зрячий глаз гончей уставился на предмет в земле, а потом на хозяйку. Даже мерзкая молочная катараракта не могла скрыть отчетливую мольбу в этом взгляде: «Уходим отсюда, Бобби. Знаешь, не по душе мне эта штуковина, почти как твоя сестрица».

— Ладно, — смущенно произнесла Бобби.

А ведь и вправду: когда такое случалось, чтобы она совсем перестала следить за временем в этих местах? Бобби не сумела припомнить.

Питеру тут не нравится? Что ж, мне тоже.

— Идем.

Бобби двинулась вниз по склону. Пес с готовностью потрусил следом.

Они почти дошли до тропинки, когда Андерсон, подобно жене Лота, вздумала обернуться. Не будь этого последнего взгляда, она бы все забыла. С тех пор как Бобби оставила колледж перед самыми выпускными экзаменами (не помогли ни слезные уверещания матери, ни язвительные нападки сестры), у нее все лучше получалось пускать дела на самотек.

С расстояния были заметны две вещи. Во-первых, предмет вовсе не врос в землю, как ей показалось вначале, а просто торчал посередине свежего углубления, размытого бурными ливнями запоздалой весны. Он был почти незаметен между двумя небольшими холмами. И походил отнюдь не на автомобильный бампер. Скорее — и это во-вторых, — он напоминал край тусклой железной пластины или тарелки — нет, не той, для еды, а...

Питер залаял.

— Да-да, я слышу, — откликнулась Андерсон. — Идем.

Мы идем, а оно пусть катится...

И она зашагала посередине тропинки следом за Питером (покорявшим обратно к лесной дороге), любуясь роскошной зеленью лета... наконец наступившего лета. Сегодня ведь солнцестояние. Самый долгий день в году. Она с улыбкой прихлопнула на щеке комара. А что, летом здесь хорошо. Даже лучше всего, пожалуй. Хоть и не сравнить с какой-нибудь там центральной Огастой, кишащей туристами, а все-таки отдыхается неплохо. Когда-то Бобби наивно верила, будто приехала сюда лишь на пару лет — залечить раны переходного возраста, связанные с сестрой и уходом («позорным бегством», по выражению Энн) из колледжа, но пара лет как-то незаметно превратилась в пять, потом в десять, тринадцать, — и вот вам, пожалуйста: Пит одряхлел, а в ее некогда черных, как волны Стиksа, локонах стали все чаще проблескивать светлые нити (года два назад Андерсон постриглась «под панка» и, к своему великому огорчению, обнаружила, что седина стала еще заметнее, после чего уже не пыталась ничего сделать с волосами).

Возможно, она так и проведет всю жизнь в Хейвене, разве что будет по работе наведываться к редактору в Нью-Йорке каждый год или два. *Этот город тебя затянул в свои сети. Это место, эта земля тебя не отпустят. Ну и подумаешь. В жизни бывают вещи похуже.*

Как, например, тарелка. Металлическая тарелка.

Бобби сломала короткую ветку, густо покрытую сочной листвой, и замахала перед лицом. Комары уже обнаружили живую добычу и явно решили устроить банкет. Так и кишили над головой... А в голове кишили мысли. От них-то не отманишься.

Я чувствовала, как оно вздрогнуло под моим пальцем.. Точно камертон. А потом сразу перестало дрожать. Что ж такое может вибрировать под землей?

Да ничего. Разве только...

Психическая вибрация? Бобби отнюдь не сказала бы, что совсем не верит в такие явления. Может, подсознание уловило какой-то сигнал и передало его единственным доступным образом, через тактильные ощущения? Питер тоже что-то почувствовал, недаром он даже близко не подошел.

Забудь.

Она и забыла.

Но ненадолго.

4

Вечером поднялся сильный, теплый ветер; Бобби вышла на порог покурить под его шелест и посвист. Еще год назад Питер бы не отпустил хозяйку одну; теперь же он так и остался лежать в гостиной, свернувшись калачиком на коврике возле плиты.

Мысли Андерсон продолжали крутиться вокруг тарелки, торчащей из-под земли. Не тогда ли (к примеру, бросив окурок на гравиевую дорожку) Бобби решила выкопать неизвестный предмет, чем бы он ни оказался? Как знать... Позже она так и не сумеет этого вспомнить.

А все-таки что там? Андерсон перестала сопротивляться неотступным вопросам и предположениям. Если, как бы вы ни старались, рассудок упорно возвращается к определенной теме, — значит, ему виднее. Бежать от навязчивых дум — верный шаг к одержимости ими же.

Промелькнула смелая мысль: может, это выступ какой-нибудь сборной постройки? Да нет, кому здесь, в лесу, мог понадобиться металлический хлам, когда трое мужчин с топорами и пилами соорудят маленькую сторожку буквально за шесть часов? Это и не машина — она заржавела бы. Двигатель? Очень похоже, но для чего опять же?

Теперь, когда тьма сгущалась, Андерсон была твердо уверена, что ощущала ту необъяснимую дрожь. Да-да, это контакт на уровне психики. Нечто вроде...

Вдруг на нее снизошло леденящее осознание: там кто-то похоронен. Штука в земле некогда могла быть хоть автомобилем, хоть частью стального грузовика или рефрижератора, но сейчас это гроб. Для убитого? А кого бы еще стали погребать таким образом? Мужчины, пришедшие в лес поохотиться, даже слуясь им сбиться с дороги и умереть, не таскали с собой железных контейнеров для подобной оказии. А если бы и таскали, — предположим такую чушь, — откуда вся эта земля, кто бы мог ее набросать? *«Остынь, приятель», — как любили говорить на заре моей юности.*

Дрожь — это знак. Зов человеческих останков.

«Ой, да ладно, Бобби, ты только с ума не сходи!

Тем не менее Роберту передернуло. Невесть почему эта мысль показалась ей убедительной, как рассказы о привидениях викторианской эпохи, не нашедшие себе места в мире,

нессущемся, словно шар в кегельбане, навстречу неведомым чудесам науки и ужасам двадцать первого века, — от нее кожа точно так же покрылась мурашками. В голове зазвучал неприятный смех Энн: «Сестрица, ты скоро свихнешься, как дядя Фрэнк! Так тебе и надо! Сбежала от людей, живешь тут с какой-то вонючей шавкой!» Ну да. Лихорадка затворницы. Комплекс отшельницы. Звоните врачу, вызывайте сиделку: Бобби больна, и ей становится хуже...

Странно, ей вдруг захотелось — нет, даже приспичило — поговорить с Джимом Гарденером. Андерсон вошла в дом, набрала первые четыре цифры на телефоне — и только тут вспомнила: у него выездные чтения. Ими да поэтическими семинарами он и зарабатывал на жизнь. Для гастролирующего творческого человека лето — самая жаркая пора... в смысле работы. Бобби практически услышала его насмешливый голос: «Всем этим персизрелым дамочкам нечем заняться теперь, а мне зимой надо кушать. Вот мы и не даем умереть друг другу. Скажи спасибо, тебе не приходится гоняться за своими читателями!»

Это точно, гоняться не приходилось. Впрочем, Бобби подозревала, что Джиму по душе такой образ жизни. По крайней мере, вдоволь натрахается.

Она положила трубку на место и посмотрела на книжный шкаф у плиты. Ну, «шкаф» — это слишком громко сказано (не бывать тебе, Бобби, плотником), однако свое назначение он худо-бедно выполнял. Две нижние полки заняла серия выпусков «Тайм-лайф» о жизни на Диком Западе. Следующие две были бессистемно забиты правдой и вымыслом на ту же самую тему: ранние вестерны Брайана Гарфилда силились оттеснить в сторонку внушительный труд Губерта Хэмптона «Исследуем территории Запада», серия «Братьев Саккетт» Луиса Ламура нежно жалась к чудесным романам Ричарда Мариуса «Приближение дождя» и «По дороге в Землю обетованную». «Кровавые письма и негодия» Джая Роберта Нэша с одной стороны и «Западная экспансия» Ричарда Ф. К. Маджета — с другой — из последних сил сдерживали натиск обложек с фамилиями Рэя Хогана, Арчи Джойслен, Макса Бранда, Эрнеста Хейкокса и, конечно, Зейна Грея («Всадники полынных прерий» были зачитаны в клочья).

На верхней полке выстроились книги, написанные хозяйствкой. Ровно тринадцать штук, из них двенадцать — вестерны,

от «Хэнгтауна», опубликованного в 1975-м, до «Долгой дороги обратно», изданной в 1987-м. Выход в свет нового романа, «Каньон Массакр», ожидался по сложившейся традиции в сентябре. Кстати: именно здесь, в Хейвене, Бобби взяла в руки первый экземпляр «Хэнгтауна», хотя начала работать над романом еще в той каморке в Кливз-Миллз, печатая на винтажном «Ундервуде» тридцатых годов, клавиши которого рассыпались от старости. Но закончила и получила его уже здесь.

Здесь, в Хейвене. Вся ее писательская карьера связана с этим местом... Кроме одной-единственной книжки.

Сейчас Бобби взяла ее с полки, удивившись, что вот уже лет, наверное, пять не прикасалась к тонкому томику. Печально было думать о том, как стремительно летит время; и еще печальнее — осознавать, что думает она об этом все чаще.

В отличие от своих собратьев, на чьих обложках красовались нарисованные холмы и горы, наездники и коровы на фоне пыльных пейзажей какого-нибудь придорожного городка, томик был оформлен гравюрой девятнадцатого столетия с изображением клипера, пристающего к берегу. Ярко-черная краска на ярко-белой бумаге так била в глаза, что почти давила на психику. Сверху название: «Против компаса», внизу пояснение: «Стихотворения Роберты Андерсон».

Она раскрыла книгу, перевернула титульный лист, чуть нахмурившись при виде указанной там даты (1968 год), и остановилась на страничке с посвящением, напечатанным той же контрастной краской, что и гравюра. «Джеймсу Гарденеру». Тому самому, чей номер Бобби только что набирала. Второму из трех мужчин, с которыми она делила постель, и единственному, кто умел довести ее до оргазма. Не то чтобы это было важно... *Настолько уж важно...* Так она полагала. Или полагала, что полагает. Или как там? А впрочем, без разницы; поезд давно ушел.

Бобби со вздохом вернула книгу на место, даже не взглянув на стихотворения. Все равно там только одно удачное. Оно появилось на свет в 1967-м, месяц спустя после смерти дедушки в больнице от рака. Все остальное — чушь, хотя неискушенный читатель мог этого и не понять: все-таки у нее талант... Правда, не в области лирики. Когда был издан «Хэнгтаун», круг знакомых писателей от нее отвернулся. Все, кроме Джима. Кстати, издателем томика стихотворений был он.

Перебравшись в Хейвен, Андерсон однажды накатала длинное неофициальное письмо Шерри Фендерсон, а в ответ получила открытку с лаконичным посланием: «Не надо мне больше писать. Я вас не знаю». И не менее лаконичной подписью в виде размашистого первого инициала. Бобби долго плакала над этой открыткой, сидя на пороге своего дома, и тут как раз появился Джим.

— Нашла о чём убиваться! — высказался он. — Ты что, доверяешь дуре, которая на каждом углу кричит: «Власть — народу», а от самой за милю несет духами «Шанель»?

— Зато она поэтесса хорошая, — всхлипнула Андерсон.

Джим отмахнулся с досадой.

— Это си ума не прибавило. И не убавило ханжества, которому она как сама обучилась, так и других теперь учит. Имей в виду, Бобби: если хочешь заниматься тем, что тебе по нраву, то кончай дурить и распускать тут нюони. Надоело. Меня тошнит, как посмотришь. Ты что, из породы слабаков? Нет. Я же вижу. Ну и зачем тебе это надо — быть не собой, а кем-то другим? Хочешь превратиться в свою сестрицу? Так, что ли? Но ее здесь нет, и она — другой человек, и если тебе не хочется — не пускай ее сюда. Только чтобы я больше не слышал, как ты ноешь из-за сестры. Взросльть пора. Бросай уже этот скулеж.

Бобби вспомнила, как посмотрела на него округлившимися глазами. А Джим продолжал:

— Разбираться в своем деле — одно, а в людях — совершенно другое. Шерри еще до этого не доросла. И ты тоже. Только будь проще, а то я с тоски помру слушать эти вечные жалобы. Кто жалуется, тот тряпка. А тебе не идет быть тряпкой.

В тот момент Бобби ненавидела и любила его, желала всей душой — и готова была послать. Джим говорил, будто хорошо разбирался в слабаках. Еще бы ему-то не разбираться, с такими наклонностями... Это было заметно уже тогда.

— Ну, так что? — спросил Джим. — Ты пойдешь в постель со своим бывшим издателем или будешь дальше реветь над дурацкой открыткой?

И Бобби пошла с ним в постель, сама не зная (как не знает и до сих пор), хотелось ли ей этого. И вскрикнула, когда кончила.

Это было почти перед самым разрывом. Да-да, перед самым разрывом, припомнила она. Вскоре Джима женили, но и без этого все шло к расставанию. Он был слабаком и тряпкой.

Ну и ладно. Пора дать себе привычный добрый совет: «Не думай об этом».

Легко сказать: «Не думай»... Андерсон еще долго в ту ночь не могла уснуть. Книжка стихов пробудила в душе позабытых призраков. Или все дело в разгулявшемся ветре, от которого гудели карнизы и со свистом раскачивались кроны деревьев?

Ей почти удалось забыться, когда Пит начал завывать во сне.

Андерсон в испуге вскочила. Пес и раньше вел себя по ночам неспокойно (к примеру, испускал невероятно вонючие газы), но не выл. Так плачут дети, когда им снятся кошмары.

Бобби в одних носках зашла в гостиную и опустилась на колени перед ковриком возле плиты.

— Питер, — шептала она, — Пит, успокойся.

И погладила пса. Питер и так весь дрожал, а от неожиданного прикосновения и вовсе отпрянул, оскалив полуотгнившие зубы. Потом раскрыл оба глаза — больной и здоровый — и вроде бы очнулся от сна. Заскулил, постучал по полу куцым хвостом.

— Все хорошо? — спросила Бобби.

Пес лизнул ее руку.

— Вот и спи. Хватит уже скулить, надоело. Кончай выделяться.

Питер улегся обратно, закрыл глаза. Андерсон продолжала с тревогой смотреть на него.

Ему снится та странная штука.

Рассудок отвергал эту мысль, однако ночь диктовала свое: *это так, и не сомневайся*.

В конце концов ей пришлось лечь в постель, а около двух часов ночи ей даже приснился сон. Очень странный сон. Бобби пробиралась во мраке... Нет, ничего не искала, скорее наоборот — пыталась уйти от чего-то. Дело было в лесу. Ветки со свистом хлестали ее по лицу и кололи руки. Ноги запинались о корни, стволы упавших деревьев. И тут впереди вспыхнул страшный зеленый луч. Во сне Бобби вспомнился Эдгар По, «Сердце-обличитель», а точнее — фонарь безумного рассказчика, закрытый наглухо, за исключением маленькой дырочки для света, который он направлял прямо в «недобрый» глаз своего престарелого благодетеля.

А потом у Бобби выпали зубы.

Все до единого — правда, без боли. Нижние вывалились наружу или ввалились внутрь, на язык или под язык, где и оста-

лись лежать твердыми комочками. Верхние упали на грудь, прикрытую блузкой. Один провалился в лифчик с передней застежкой, которая вечно царапала кожу.

Свет. Зеленый свет. С ним что-то не то.

Сероватый, перламутрового оттенка, он лился в окно: похоже, поднявшийся ночью ветер дул не просто так, а к перемене погоды. Еще не посмотрев на будильник на ночном столике, Бобби почувствовала неладное. Потом схватила его и поднесла к самым глазам, хотя сохранила прекрасное зрение. Пятнадцать минут чиствертого! Положим, она вчера припозднилась, но все равно должна была — по привычке или из-за мочевого пузыря — подняться в девять или хотя бы в десять. Но в этот раз Бобби провалялась в постели битых двенадцать часов... и теперь голодна как волк.

По-прежнему в одних носках, она вышла в гостиную. Питер лежал на боку, весь обмякнув, с вытянутыми лапами и за-прокинутой головой, обнажив желтые зубы. «Умер, — Бобби похолодела. — Питер умер. Во сне». Она приблизилась, думая, как заставить себя прикоснуться к окоченелой плоти и безжизненной шкуре, когда вдруг из собачьей пасти вырвался сонный гортанный храп. У Бобби словно гора с плеч упала. Она позвала пса по имени.

Пит встрепенулся с виноватым видом, словно и он понимал, что ужасно заспался. А может, и так. У этой собаки было необычайно развито чувство времени.

— Вот такие вот мы с тобой сони, дружище.

Питер поднялся, вытянул по очереди задние лапы, огляделся с потешно-озадаченным видом и направился к двери. Бобби распахнула ее. Пес помедлил на пороге, отнюдь не обрадовавшись дождливой погоде, но все же пошел по своим делам.

Андерсон постояла, пытаясь понять, с чего это ей пришло в голову, будто Питер умер. Что на нее накатило, откуда эта мрачность? Что ж, пора идти на кухню готовить себе еду — завтрак или как там его называют, когда впервые садятся к столу в три часа дня...

По пути она заглянула в ванную. Постояла перед забрызганным пастой зеркалом. Перед ней было отражение женщины, которой вот-вот стукнет сорок. В волосах седина, а так все нормально: не пьяница, не курильщица, все свободное от писательства время — на свежем воздухе. Черные, как у неко-

торых ирландок, волосы (никаких тебе рыжих локонов, воспетых в романах) — длинноваты, пожалуй. Серо-голубые глаза... Внезапно она оскалилась перед зеркалом, на секунду поверив, что увидит одни лишь гладкие розовые десны.

Но зубы оказались на месте — все до единого, спасибо фторированной воде из водопровода Ютики. Бобби даже дотронулась до них, чтобы лишний раз убедить свой мозг в очевидном.

И все же что-то не так...

Мокро.

По бедрам течет.

О нет, на неделю раньше! И главное, она только вчера постелила свежие простыни.

Впрочем, когда она ополоснулась в душе, надела чистые хлопковые трусы и вернулась проверить постель, пятен там не было. Хоть «дела» и пришли не в срок, но, по крайней мере, дождались, пока она окончательно не проснется. Возможно, это из-за диеты. Или в биологических часах начинают соскакивать с осей шестеренки. Не хотелось, конечно, быстро состариться. Однако время от времени Бобби приходило в голову, каким облегчением было бы наконец оставить в прошлом все беспокойства, связанные с менструальным циклом.

Ночного кошмар был окончательно позабыт, и она пошла на кухню — завтракать.

Глава 2

АНДЕРСОН КОПАЕТ

1

Следующие три дня на улице лило как из ведра. Андерсон беспокойно слонялась по дому (разок даже прокатилась с Питом в Огасту накупить всяких в общем-то не нужных в хозяйстве мелочей), тянула пиво и занималась мелким ремонтом под старые записи «Beach Boys». Но где найти столько поводов для ремонта? На третий день она кружила вокруг пишущей машинки, раздумывая, не взяться ли за новую книгу. Уже и сюжет был готов: молоденькая, но строгая школьная учительница и охот-

ник на бизонов втянуты в вооруженную междуусобицу из-за пастбищ в Канзасе. Дело происходит в девятнадцатом веке, в начале пятидесятых годов — тогда любой житель центральных районов страны вольно или невольно готовился к гражданской войне. Книга обещала получиться хорошей. Правда, Бобби считала, что «не дозрела» пока до новой работы (в голове зазвучал насмешливый голос Орсона Уэллса: «Мы не напишем ни строчки до срока!»*). Тем не менее это грызущее беспокойство, это нетерпение по отношению к книжкам, к музыке и к самой себе — все признаки налицо. Скоро Роберту начнет уносить в мир грез... И придется подолгу сидеть за пишущей машинкой, силясь переправить ее туда же.

Питера тоже мотало по дому: он то царапал дверь изнутри, чтобы выйти, то снаружи, чтобы войти; покружит, уляжется, снова вскочит. «Виновато низкое атмосферное давление, — думала Андерсон. — Из-за него мы такие квелье и неприятные».

Да съе «этн дни»... Обычно из нее лило, как из шланга, а потом словно кто-то резким движением заворачивал вентиль. На сей раз было не так: она подтекала, как неисправный кран, *ха-ха, не смешно*. На второй день дождя, с наступлением сумерек, Бобби вдруг очнулась перед пишущей машинкой с уже заправленным в каретку чистым листом. Пальцы сами застучали по клавишам, но выходили то какие-то детские крестики-нолики в виде бесконечно повторяющихся «Х» и «О», то вообще имитация математических уравнений... Глупо, учитывая, что в последний раз она имела дело с уравнениями еще в средней школе, а в настоящее время пользовалась клавишей «Х» исключительно для зачеркиваний. Наконец Бобби вытащила страницу и выбросила в корзину.

На третий дождливый день, ближе к обеду, она позвонила в университет, на кафедру английской литературы. Джим не преподавал там уже лет восемь, но сохранил кое с кем отношения. Мириэл, например, обычно была в курсе всех его дел.

Как и на этот раз.

Джим Гарденер, сообщила она, сегодня, двадцать четвертого июня, уехал на чтения в Фолл-Ривер, в качестве участника так

* В 1970-х Орсон Уэллс снялся в рекламном ролике вин марки «Поль Мессон». Слоган гласил: «Мы не продадим ни бутылки до срока».

называемого Поэтического каравана Новой Англии. Через три дня он дважды выступит в Бостоне, а потом его ждут со стихами и лекциями Провиденс и Нью-Хейвен. Андерсон не удержалась от улыбки, узнав фирменный стиль Патрисии Маккардл.

— То есть вернется он... когда? Четвертого июля?

Мюриел удивилась:

— Ууу, вот этого не могу сказать, Бобби. Я не в курсе, когда его ждать обратно. Ты же знаешь Джима. Известно только, что последнее чтение назначено на тридцатое июня.

Андерсон сказала спасибо и положила трубку. Потом задумчиво посмотрела на телефон, вызвав в памяти образ Мюриел. Вот настоящая ирландка — с «правильным», огненно-рыжим цветом волос, круглица, зеленоглазая, пышногрудая, в самом соку. Интересно, Джим с ней уже переспал? С него станется. Андерсон почувствовала укол ревности — так, легкий укольчик. Мюриел классная. Стоило с ней поболтать — и стало легче. Приятно поговорить с человеком, который знаком с тобой лично. Это вам не просто читатель у книжной витрины в Огасте или редактор, высылающий указания по почте. Бобби не слишком нуждалась в обществе, но и не чуралась его. Порой от обычной беседы она получала такое удовольствие, какого, представьте себе, сама не ожидала получить...

И кажется, до нее наконец дошло, зачем вдруг понадобился Джим. Да-да, после разговора с Мюриел всё встало на свои места. Бобби преследовали мысли о том непонятном предмете в лесу, причем теперь она уже твердо верила: там что-то вроде тайного захоронения. На самом деле Роберту тянуло не к новой книге, а на раскопки. Просто ей не хотелось заниматься этим в одиночку.

— А похоже, придется, Пит, — произнесла она, сидя в любимом кресле-качалке для чтения перед восточным окном.

Пес коротко взглянул на нее, словно говоря: «Как скажешь, детка». Андерсон вдруг подалась вперед и впервые за долгое время по-настоящему присмотрелась к нему. Питер ответил вполне бодрым взглядом, заколотил по полу хвостом. На мгновение у хозяйки мелькнула мысль: он как-то переменился. Причем настолько, что это должно было броситься ей в глаза.

— Но почему-то не бросилось.

Бобби откинулась на спинку и снова раскрыла книгу — очерк одного из преподавателей университета в Небраске, по-

священный увлекательной теме «Междоусобные конфликты и гражданские войны». На этом вся увлекательность очерка и заканчивалась. Вспомнилось вдруг, как недавно ей померещился голос Энн: «Сестрица, ты скоро свихнешься, как дядя Фрэнк!» А что... вполне может быть.

И вот она уже с головой погрузилась в очерк, время от времени делая пометки в отрывном блокноте, который нарочно для этой цели держала рядом. А за окном лило и лило.

2

Зато следующее утро выдалось образцовым — ясным, без единого облачка, хоть сейчас на открыtkу. Даже ветер, казалось, дул исключительно для того, чтобы отгонять разных мошук. До десяти утра Бобби расхаживала по дому, не зная, чем еще себя занять, и чувствуя, как в душе нарастает желание бросить все и отправиться в лес, на раскопки. Она честно пыталась бороться с позывом (опять этот Орсон Уэллс: «А вот ничего до срока не откопа...» Орсон, ты бы заткнулся, а?). Давно прошли те денечки, когда Бобби поддавалась любому порыву души, проводя свою жизнь под смелым девизом: «Нравится? Делай!» Не очень-то ей помогла эта философия. Даже наоборот: чуть ли не все неприятности происходили из-за необдуманных шагов. Другие пусть живут, как им заблагорассудится; вот только собственным импульсам она больше не доверяла.

После плотного завтрака (к слову, Питер — наверное, от радости, что дожди наконец закончились, — тоже ел с таким аппетитом, что пришлось добавить к обычной порции омлет из яйца) Бобби мыла посуду и думала: вот если закончатся «эти дела», тогда все получится. Но нет, вряд ли это произойдет раньше положенного срока. Да, Орсон? Мать твою...

На улице она надела на голову соломенную шляпу и целый час провозилась в саду. Вообще дела здесь обстояли гораздо лучше, чем следовало (если вспомнить эти жуткие ливни). Горошек всходил, и пшеница исправно поднималась, как сказал бы дядюшка Фрэнк. В одиннадцать Бобби все бросила к чертовой матери. Она обогнула дом, заглянула в сарай за лопатой и заступом, немножко подумала и захватила еще и лом. Вышла,

потом вернулась, чтобы взять из ящика с инструментом отвертку и разводной гаечный ключ.

Пес по привычке двинулся было следом, но в этот раз Андерсон обронила:

— Нет, Питер, — и указала на дом.

Любимец остановился с обиженным видом. Поскулил. Сделал робкий шаг в ее сторону.

— Нет, Питер.

Тот сдался и поплелся обратно, понурившись и повесив хвост. Жаль бедолагу, но Андерсон еще помнила, как он отреагировал на тарелку в земле. Бобби чуть постояла на тропинке с лопатой в одной руке, заступом и ломом в другой, наблюдая, как пес взобрался по ступенькам, отворил носом заднюю дверь и скрылся в доме.

Нет, все-таки что-то с ним не так... По-другому... Вот только *что*? Если бы знать! На миг она почти вспомнила свой кошмар: пронзительный луч ядовито-зеленого света и зубы, выпавшие без боли.

Но только на миг.

А потом зашагала в лес, на встречу с той непонятной заштукатуренной землю штуковиной. На маленьком засеянном участке, оставшемся позади, мерно стрекотали цикады. Поле ждало первой жатвы.

3

В три часа дня Питер вырвал хозяйственную коробку из полуобморочного состояния, в котором та продолжала работать. Она вдруг осознала, что еще немного — и загнулась бы от голода и переутомления.

Питер выл.

Спина и руки Бобби покрылись гусиной кожей. Она уронила заступ и попятилась от таинственного предмета. Это была не тарелка, не ящик, а вообще неизвестно что. Бобби только помнила, как впала в бездумное оцепенение, и это ей очень не нравилось. Сегодня она не просто потеряла счет времени, она перестала чувствовать и саму себя. Словно кто-то забрался в голову, как забирается бульдозерист в кабину, заводит мотор и принимается дергать нужные ему рычаги.

А пес так и выл, подняв морду к небу. Протяжный, тоскли-
вой звук, леденящий кровь.

— Перестань, Питер! — завопила Андерсон, и, к счастью, тот перестал. Еще немного — она сорвалась бы с места и бросилась в бегство.

Бобби попыталась взять себя в руки. Отступила еще на шаг... Но тут ее что-то мягко хлопнуло по спине. Услышав крик хозяйки, Питер издал еще один краткий визгливый звук, но тут же умолк.

Андерсон не глядя нашупала то, что ее задело. Трудно сказать, чего она ожидала. Впрочем, за секунду до прикосновения Бобби вспомнила — смутно, будто сквозь сон, — как прервала работу, чтобы повесить на куст свою блузку. Да, это она.

Бобби надела ее, но неправильно застегнула пуговицы, и блузка перекосилась на один бок. Пришлось переделывать всю работу заново. Андерсон, не отрываясь, смотрела на результаты своих раскопок (вот сейчас этот археологический термин как нельзя более подходил к ее действиям). Как она провела здесь эти четыре часа, Бобби помнила очень смутно; в голове всплывали даже не воспоминания, а их жалкие клоны.

Но теперь, глядя на плоды своего труда, она испытала благоговейный страх... смешанный с растущим восторгом.

Что бы это ни было, оно оказалось *огромным*. Не просто *большим*, понимаете?

Лопата, заступ, лом лежали на некотором расстоянии друг от друга возле пятнадцатифутовой траншеи. А рядом с ними красовались аккуратные черные кучки лесной земли и груды камней. В том самом месте, где Андерсон запнулась ногой о трехдюймовую штуковину из серого металла, теперь возвышался четырехфутовый край какого-то титанического предмета. *Серый металл... Какой-то предмет...*

«Для писательницы я сама точность и конкретность», — мысленно усмехнулась Андерсон, вытирая рукавом вспотевший лоб. Но что поделать? Она и вправду не знала, что это за металл. Сталь? Навряд ли. Может быть, редкий сплав: бериллий, магний, что-то еще? Да не знает она!

Бобби принялась расстегивать джинсы, чтобы заправить блузку, но вдруг замерла от неожиданности. Выцветшие «Левайсы» были насквозь пропитаны кровью.

Ничего себе. Ну и ну. Это не месячные, это Ниагара какая-то. Андерсон охватил нешуточный страх. Впрочем, нашла чему удивляться, трусиха. Перед этим Роберта работала точно в трансе и наворотила столько — четверым здоровым мужикам не управиться... Это она-то, хрупкая женщина. Немудрено, что кровотечение усилилось. Да все нормально. Остается только порадоваться, что она просто течет, а не корчится в судорогах от боли.

Ой-ой-ой, какие мы романтичные, Бобби. Она подавила хриплый смешок.

Самое время наведаться в душ и переодеться. А по джинсам давно уже плачет мешок для ветоши. Одной проблемой меньше в этом тревожном и беспокойном мире, правильно? Правильно. Было бы о чём горевать.

Она застегнула молнию, не заправляя блузку: незачем матать еще и ее, хотя, положа руку на сердце, блузка тоже не «Диор». Липкая влажность внизу живота заставляла морщиться при любом движении. Боже, как же ей надо в душ! Срочно!

Но вместо того чтобы тронуться вверх по склону к тропинке, Бобби вновь подошла к предмету в земле, точно притянутая магнитом. Питер завыл, и она вновь покрылась мурашками.

— Да заткнешься ты там или нет?!

Она почти никогда не орала на пса всерьез. Но, черт побери, в этот раз Бобби чувствовала себя подопытной в лаборатории. Зазвенел колокольчик — выделилась слюна... То есть, тьфу, завыла собака — побежали мурашки. Никакой разницы.

Оказавшись близко к своей находке, Бобби в изумлении залибовалась ею и сразу же позабыла о Питере. Прошла секунда, другая... Она протянула руку. Дотронулась. И вновь уловила необъяснимую вибрацию: та пробежала по пальцам и растворилась. Как если бы это был корпус гигантской машины, внутри которой на полную мощь работал мотор. Необычайная гладкость металла наводила на мысль о машинном масле; казалось, стоит коснуться поверхности — запачкаешься.

Она сложила ладонь в кулак и осторожно постучала костяшками пальцев. Предмет отозвался глухим, как от удара по деревянной колоде, звуком. Помедлив, Бобби вытащила из заднего кармана отвертку и нерешительно, отчего-то чувствуя себя чуть ли не вандалкой, провела острым концом по металлу. Царапины не осталось.

Если внимательно приглядеться, то начинало мерещиться... Но нет, это обман зрения... Будто предмет утолщается от торчащего края к центру, запрятанному глубоко под землей. И что край чуть заметно изогнут. Однако, если глаза не врут — можно предположить такое! Это нелепо, чудесно, страшно, невероятно... И с какой-то безумной точки зрения совершенно логично:

Бобби провела ладонью по гладкому металлу, потом очнулась и отступила на шаг. С какой стати она тут ласкает металлическое хрен-знает-что, в то время как по ногам хлещет кровь? Да, но если догадка верна, месячные станут самой мелкой из всех возможных напастей.

«Тебе надо кому-нибудь рассказать о происходящем. И как можно скорее, Бобби».

«Я Джиму позвоню. Когда он вернется».

«Ну разумеется. Позови поэта. Великолепно. А почему не преподобного Муна*? Эдвард Гори с Гэханом Уилсоном** тоже сойдут — они недурно рисуют. И еще найми две-три рок-группы, закатим здесь долганный Вудсток 1988-го, а?! Пора быть серьезнее, Бобби. Звони в полицию».

«Нет. Сперва — Джим. Он должен это увидеть. Мы все обсудим. А пока я еще покопаю».

Но это может быть очень опасно.

Да, и не просто может, а будет. Она уже это почувствовала, не так ли? И Питер тоже.

Кстати, вот еще что странно: сегодня утром, спускаясь по склону, Бобби чуть было не наступила на дохлого сурка. Судя по запаху, бившему в ноздри, тот умер два дня назад, не меньше, но мухи над ним почему-то не вились, их жужжание предупредило бы неосторожную путницу. Андерсон не могла припомнить похожего случая. Причину смерти по внешнему виду установить не удалось. Но ведь не связано же это с не-понятной штукой в земле? Бред какой-то! Он, наверное, съел

* Мун Сон Мен (1920–2012) — южнокорейский религиозный деятель, основатель и лидер религиозного движения «Церковь объединения».

** Эдвард Гори (1925–2000) — американский писатель и художник, известный своими книжными иллюстрациями в стиле макабр.

Гэхан Уилсон (р. 1930) — американский писатель, карикатурист и иллюстратор, прославившийся серией карикатур с изображением ситуаций в стиле хоррор-фэнтези.

отравленную приманку на чьем-нибудь поле и приковылял сюда умирать.

Иди домой, Бобби. Переоденься. Ты вся в крови, и пахнет от тебя плохо.

Она попятилась, а затем развернулась и принялась подниматься по склону. На тропинке ее чуть не сбил с ног Питер. Неуклюже налетев на хойяку, он бросился облизывать ей лицо с такой радостью, что его даже стало немного жаль. Год назад Питер попытался бы сунуть нос ей между ног, привлеченный запахом, теперь же он лишь дрожал.

— Вот дурак! Кому было сказано оставаться дома?

Однако Бобби была даже рада его появлению; а вдруг она заработалась бы здесь до сумерек? Возвращаться затемно, зная, что где-то рядом в ночи торчит эта штука... Такая перспектива совершенно ее не прельщала.

Андерсон обернулась. С высоты было легче оценить масштабы. Предмет торчал из земли под небольшим наклоном. Передняя кромка и в самом деле чуть-чуть закруглялась.

Я же сразу подумала о тарелке, когда впервые пыталась ощупать его под землей. «Стальная тарелка, но не обеденная...» А ведь из земли торчала такая малая часть... Тарелка!

Летающая, черт возьми, тарелка.

4

Дома Бобби сходила в душ и переоделась, и, хотя кровотечение уже начало останавливаться, взяла самый надежный тампон. А затем приготовила плотный ужин из тушеной фасоли с колбасками. Остатки — то есть львиную долю — пришлось отдать Питеру. А Бобби ждали кресло-качалка возле окна и очерк на полу (нужное место она заложила спичечной этикеткой). Рядом лежал отрывной блокнот. Бобби взяла его и на чистой странице принялась рисовать загадочную штуковину из леса — такой, какой увидела ее с тропинки перед уходом.

Не сказать чтобы она была с ручкой на «ты», если дело не касалось написания текстов, но все же кое-какой талант имелся. Впрочем, рисунок продвигался медленно, и даже не из-за стремления к точности: просто новоявленная художница

утомилась. А тут еще Питер пришел и стал тыкаться носом в руку, прося ласки.

Хозяйка рассеянно погладила его голову и отвела мокрый нос от рисунка.

— Да, ты хороший песик, отличный песик, сходи-ка проверь нашу почту, а?

Питер поплелся через гостиную и открыл носом дверь с натянутой на ней сеткой от комаров. Андерсон поспешила вернуться к рисунку, только разок оторвавшись, чтобы взглянуть, как пес выполнит свой фирменный трюк «собака, достающая письма». Оперевшись левой передней лапой о столб, правой он стукнул по дверце ящика. Джо Полсон, местный почтальон, нарочно оставляя ее приоткрытой для Питера. Та откинулась вниз, но и пес потерял равновесие, не успев схватить почту зубами.

Хозяйка болезненно поморщилась. До этого года Питер не допускал подобных оплошностей. А ведь он так гордился этой способностью — даже больше, чем умением изображать мертвого вьетконговца, и уж куда больше, чем выполнением банальных команд «голос» или «сидеть» за одну галету. Зрители каждый раз изумлялись, и Питер знал об этом. Однако в последнее время наблюдать за ним было грустно. Все равно как если бы по телевидению выступали Фред Астер и Джинджер Роджерс, пытаясь изобразить один из своих старых танцев.

Пес повторил попытку. На этот раз у него получилось вытряхнуть из ящика почту — каталог и письмо (или счет — да, скорее всего, ведь сейчас конец месяца) — одним ударом лапы. Пока Питер подбирал с земли разлетевшиеся бумажки, Бобби опустила взгляд на рисунок, мысленно одернув себя: нельзя же, в самом деле, каждые две минуты звонить по любому в похоронный колокол! Сегодня он еще ничего, а на днях вообще раза три-четыре поднимался на задние лапы, прежде чем вытащил почту, состоявшую, как обычно, из бесплатных пробников «Проктер энд Гэмбл» и буклетов из «Кей-март».

Бобби присмотрелась к рисунку и задумчиво заштриховала тень на высокой сосне с расщепленной верхушкой. Не стопроцентное попадание, но в целом узнаваемо. Во всяком случае, суть она ухватила.

Ей захотелось заключить рисунок в квадратную рамку. А потом из квадрата сделать грань куба... Словно так можно

было отгородить непонятный предмет от остального мира. На рисунке изгиб заметен, а вот существует ли он в реальности?

Да. И эта металлическая тарелка — действительно корпус. Гладкий, как зеркало, и без единой заклепки.

Бобби, ты сходишь с ума... Но ты уже в курсе, верно?

Питер поскреб москитную сетку, чтобы его впустили. Бобби направилась к двери, все еще глядя на свой рисунок. Пес положил добытую почту на стул в коридоре и медленно поковылял на кухню в надежде найти в миске незамеченный ранее кусочек.

Бобби, привычно поморщившись, вытерла почту о джинсы. Занятный трюк, кто бы спорил, но ее никогда не радовала собачья слюна на конвертах. Каталог был от «Радио шэк»: ей предлагали купить текстовый процессор; ну а счет — из Центральной энергетической компании штата Мэн (почему-то снова вспомнился Джим Гарденер). Бросив и то и другое на стол, Бобби вернулась в кресло-качалку, раскрыла блокнот на новой страничке и стала торопливо копировать свой первый рисунок.

Потом чуть нахмурилась: может, она додумывает изгиб? Словно прокопала не на четыре фута в глубину, а на двенадцать-четырнадцать. Ну и что? Она же писательница, это часть ее ремесла — додумывать. Те, кто считает вымысел прерогативой научных фантастов или авторов фэнтези, просто незнакомы с литературной кухней и не имеют понятия о проблеме заполнения белых пятен в истории. Куда, например, исчезли однажды все колонисты с острова Роанок, неподалеку от побережья Северной Каролины, оставив только необъяснимую надпись, вырезанную на дереве: «КРОАТОАН»? Откуда взялись монолиты с острова Пасхи? И почему обитатели маленького городка Благословенный, штат Юта, все разом сошли с ума (по крайней мере, так полагают) одним летним днем 1884 года? Пока это никому не известно, можно сколько угодно строить догадки... Должен же быть какой-то способ рассчитать диаметр окружности по ее изгибу! Точно должен, наверняка. Загвоздка в том, что Бобби запамятовала треклятую формулу. Но хоть приблизительно? Допустим, она не ошиблась в предположениях. Можно, к примеру, попробовать найти центр...

Роберта поспешила к рабочему столу и вытащила средний ящик, куда сваливала всячую всячину: потрепанные пачки

оплаченных счетов, сдохшие батарейки (по какой-то причине у Бобби не поднималась рука их выбрасывать, так что там, где женщины обычно копят подаренные фигурки слоников, у нее было самое настоящее Кладбище Батареек), мотки тонких резиночек, неотвеченные письма фанатов (избавиться от них рука тоже не поднималась), карточки с рецептами... На дне лежали вразброс карандаши и прочая мелочь; там она и нашла то, что нужно: циркуль с обломком желтого карандаша.

Бобби вернулась в кресло-качалку, открыла блокнот на новой странице и в третий раз нарисовала торчащий из земли металлический край. Теперь она увеличила свой набросок, стараясь тщательно соблюдать пропорции, а вот очертания деревьев вокруг только-только наметила, чтобы не потерять перспективы.

— Ладно, попробуем, — произнесла Бобби, втыкая иголку в желтую страницу отрывного блокнота.

Затем настроила ножку циркуля и провела через нарисованную дугу полную окружность. Посмотрела на то, что у нее получилось, — и зажала себе ладонью рот.

— Это бред, — только и смогла прошептать Бобби.

А вот и не бред.

Если она не слишком грубо прикинула изгиб и не сильно ошиблась, когда искала центр, то этот предмет под землей должен иметь по меньшей мере три сотни ярдов в окружности.

Андерсон уронила блокнот и циркуль и стала смотреть в окно, слушая учащенное биение своего сердца.

5

Когда наступило время заката, Бобби уселась на заднем крыльце и, глядя поверх садовых деревьев на темнеющий лес, слушала голоса у себя в голове.

Однажды в колледже, еще на первом курсе, она принимала участие в семинаре кафедры психологии, посвященном теме творческих способностей. И поразилась, а также испытала немалое облегчение, узнав, что почти все люди с развитым воображением слышат голоса (она-то всю жизнь думала, что страдает каким-то неврозом, и старалась это скрывать). Не просто мысли, а именно голоса — чужие, отчетливые, несхожие

между собой, как у дикторов радио прошлых лет. Преподаватель объяснил, откуда они берутся: из правого полушария, зачастую ответственного за такие явления, как видения, телепатия и поразительная способность некоторых людей создавать яркие образы при помощи сравнений и метафор.

Летающих тарелок не существует.

Да что вы? Кто вам сказал?

Ну, хотя бы BBC. Их представители еще двадцать лет назад закрыли эту тему, заявив, что девяносто семь процентов подтвержденных свидетельств легко объясняются с точки зрения традиционной науки, а остальные три можно списать на необычные явления в атмосфере: паргелий*, турбулентность при ясном небе, атмосферные разряды... Черт, а лаббокские огни?! В свое время это была сенсация, и что же выяснилось в итоге? Крупные стаи мигрирующих мошек, вы понимаете? Свет от лаббокских фонарей отражался от их бесчисленных крыльев и, падая на низкие облака, затянувшие небо над городком на целую неделю, создавал видимость огромных освещенных объектов, движущихся с невероятной скоростью. И кто из американцев в те дни не верил, что на главную улицу Лаббока вот-вот заявится существо в легком космическом скафандре с закрытым лицом, как у Майкла Ренни в фильме «День, когда остановилась Земля», и, подозвав к себе ручного гигантского робота, потребует личной встречи с правителем планеты? А это были всего лишь мошки. Нет, как вам нравится?! И должно ли вам это нравиться?

Между прочим, голос в голове звучал на удивление четко и принадлежал он доктору Клингельману, проводившему тот семинар. Старый добрый Клинги, сколько энтузиазма он вкладывал в свои выступления. Андерсон с улыбкой зажгла сигарету. Что-то она много курит в последние дни — переутомилась, наверное.

В 1947-м капитан BBC по фамилии Мантел залетел через чур высоко, преследуя летающую тарелку (так он думал), — и потерял сознание. Самолет разбился, Мантел погиб. Он умер, погнавшись за отражением Венеры на стремительно скользя-

* Оптический феномен, который выглядит как светлое радужное пятно на уровне солнца. Возникает вследствие преломления солнечного света в кристалликах льда, парящих в атмосфере.

ших облаках, иными словами, за паргелием. Так что отражения мошек существуют, Бобби, отражение Венеры — тоже, а летающие тарелки — нет.

Но что закопано там, в земле?

Голос лектора замолчал — видимо, не нашел, что ответить. Вместо него зазвучала Энн, чтобы в третий раз повторить одно и то же: ее сестричка уже готова свихнуться, как дядя Фрэнк; скоро ее оденут в поношенную смирительную рубашку и доставят с комфортом в клинику для душевнобольных в Бангоре или в Джунинпер-Хилл, где Роберта будет до скончания дней бредить об НЛО, зарытых в лесу, и плести корзины... Да, это вполне в стиле Энн. Можно прямо сейчас набрать номер сестрицы, поведать ей о случившемся и услышать точно такое же наставление, слово в слово.

Но права ли она?

Нет. Неправа. Сестрица не видела разницы между уединенной жизнью и безумием, и переубедить ее не было ни малейшей надежды. Положа руку на сердце, мысль о спрятанном в лесу космическом корабле и впрямь кажется бредовой... Но отчего бы не допустить такую возможность, раз других версий все равно пока нет? Энн была бы против, а Бобби — наоборот. Что плохого случится, если открыть разум для новых, невероятных идей? Вот только не слишком ли быстро пришла к ней подобная мысль?

Андерсон поднялась и вернулась в дом. В прошлый раз, покрутившись у неизвестного предмета в лесу, она проспала двенадцать часов. Вот бы и сегодня устроить такой же постельный забег. Видит бог, при ее усталости это не повредило бы.

«Оставь эти игры, Бобби. Ты в большой опасности».

Но она не оставит, разве не ясно? «Не теперь», — подумала она, стягивая футболку с надписью «Голосуйте за Опуса»*.

Как выяснилось, уединенная жизнь отличается одним недостоинством, и именно поэтому большинство ее знакомых боялись остаться в одиночестве даже ненадолго: проходит немного времени — и начинаешь слышать голоса из правого полушария. Чем дальше, тем громче и отчетливее они звучат. Критерии

* О п у с - п и н г в и н — популярный персонаж комиксов, по сюжету выдвигавшийся на должность вице-президента США во время президентских выборов 1984 года.

рационального утрачивают актуальность в молчании, а голоса набирают силу, уже не просят, а требуют твоего внимания. Немудрено испугаться и счесть их признаком сумасшествия.

«Энн точно сочла бы», — невесело усмехнулась Бобби, забираясь в кровать. Лампа отбрасывала на стеганое одеяло четко очерченный круг света; жаль, очерк о войнах так и остался лежать на полу. Она целый день ожидала болезненных спазмов, которые сопутствовали ранним обильным месячным, но пока что так и не дождалась. Ну и не очень-то хотелось, сами понимаете.

Бобби сцепила пальцы за головой и уставилась в потолок.

«Нет, Бобби, ты не сошла с ума, — размышиляла она. — Вот Гарденер — тот немного рехнулся, но ты...» Ох, а это разве не признак безумия? Психологи говорят в таких случаях об отрицании и подмене понятий. Типа, я в норме, это все вокруг сумасшедшие...

Все верно. Вот только она действительно чувствует, что держит себя под контролем. Одно можно сказать точно: здесь, в Хейвене, Бобби намного здоровее умом, чем была в Кливз-Миллз, и уж куда здоровее, нежели в Ютике. Еще пара лет, проведенных рядом с сестрой, и наверняка пришлось бы составить компанию Безумному Шляпнику. Похоже, Энн считала, что сводить своих близких с ума — ее... даже не работа, нет, это слишком приземленное слово... Ее священная миссия.

Впрочем, Бобби беспокоилась не столько из-за того, что так легко пришла к мысли о существовании НЛО; сейчас ее больше тревожило чувство твердой уверенности в этом. Открытый разум — конечно, неплохо, но хорошо бы еще сохранить то, что Энн зовет здравомыслием. Бобби больше не сомневалась. И это наполняло ее смятением, страхом, тревогой, но в первую очередь — нарастающим неуемным восторгом.

«Видишь ли, Энн, старушка Роберта могла бы вернуться в Стоквилль и слететь с катушек, но предпочла переехать сюда и выздороветь. Безумие всегда означает ограничение наших возможностей, ясно тебе? Сумасшедший откажется проследовать за собственной мыслью, даже увидев в ней логику... У него словно нет жетончика на проезд, понимаешь? Нет? Ну еще бы. И никогда бы не поняла. Вот и шагай отсюда. Оставайся-ка ты в своей Ютике, Энн, и скрипи зубами во сне, пока не сотрешь их до самых десен, доводи до безумия каждого, кто рискнет ока-

заться в зоне действия твоего голоса, будь так любезна, только шагом марш из моей головы.

Эта штука в земле — корабль, прилетевший из космоса.

Вот так. И все. И никакого бреда. Плевать на Энн, плевать на лаббокские огни и даже на BBC, закрывшие тему НЛО. Плевать на колесницы богов, на Бермудский треугольник или на то, как Илия был живым взят на небо в огненном шаре. Там корабль, приземлившийся или разбившийся, может быть, миллионы лет назад.

Боже!»

Она продолжала лежать, скрестив руки за головой. Несмотря на внешнюю холодность и спокойствие, сердце в груди колотилось быстрее, быстрее, быстрее...

И вдруг уже кое-кто другой, а именно покойный дедушка повторил вслед за голосом Энн: «Не лезь туда, Бобби. Это опасно».

Необъяснимая дрожь под пальцами. Стремительно возникшая, пугающе неколебимая уверенность в том, что из-под земли торчит край чьего-то гроба. Поведение Питера. Преждевременно наступившие месячные — причем здесь, на ферме, они еле-еле капают, а возле того предмета Андерсон истекает кровью, будто зарезанная свинья. Утраты чувства времени. Ненормально долгий сон. И плюс еще старина сурок, провонявший смертью и разложением, но почему-то без мух. Даже не спросишь, что за муха его укусила...

«Чепуха какая-то. Я готова поверить в летающую тарелку, потому что, как бы дико это ни прозвучало вначале, в этой мысли есть хоть небольшая логика. Но где же логика в этих разрозненных фактах? Они словно бусинки, раскатившиеся по всему столу. Вот если бы нанизать их на нитку — другое дело, а так... Я даже думать об этом не собираюсь. Понятно?»

И снова неторопливый, властный дедушкин голос, единственный в мире умевший заставить девочку Энн замолчать: «Все это произошло сразу после твоей находки, Бобби. Вот тебе и нитка для связи».

Нет. Недостаточно.

Легко ей перечить дедушке — теперь, когда он шестнадцать лет пролежал в могиле. Тем не менее его голос преследовал ее и во сне:

«Не лезь туда, Бобби. Это опасно...

Сама знаешь...»

Глава 3

ПИТЕР ВИДИТ СВЕТ

1

И почему, интересно, Бобби сразу не поняла, что не так с Питером? На следующее утро ей это бросилось в глаза первым делом.

Проснувшись в привычное время, около девяти, она прошла на кухню и высыпала полпачки «Грейви трейн» в старую красную миску. Пес, как всегда, радостно пришел на звук. «Грейви трейн» в их доме появился недавно. Вплоть до этого года на завтрак были «Гейнз мил», на ночь — полбанки «Ривал догфуд», а днем — все, что Питер сумеет переварить во время лесной прогулки. А потом он вдруг перестал есть «Гейнз мил», и до хозяйки дошло только через месяц: дело не в том, что любимый корм ему надоел; просто Пит больше не мог пережевывать пеньками зубов даже маленькие кусочки. И тогда ей пришлось купить «Грейви трейн»... Так старые люди когда-нибудь начинают кушать яйца-пашот на завтрак.

Бобби залила корм теплой водой из-под крана и помешала его старой ложкой. Вскоре набухшие гранулы уже плавали в грязной жиже, которая, по идеи, должна была напоминать подливку... или засор из трубы под мойкой.

— Ага, вот и ты, — сказала Бобби, оборачиваясь.

Питер сидел в условленном месте — то есть на таком расстоянии, чтобы Роберта, повернувшись, на него не наткнулась, — и бил хвостом по линолеуму.

— Надеюсь, тебе это хоть немного нравится. Потому что меня бы наизнанку выверну... — Тут она замерла с красной миской в руке, не успев наклониться. Упавшие волосы закрыли глаз; она отвела их в сторону. И услышала собственный голос: — Пит?

Пес удивленно посмотрел на нее — и побрел к подстилке. Мгновение спустя он уже бодро лакал свой завтрак.

Бобби выпрямилась. Хорошо, что она не видит сейчас его морду. В голове вновь настойчиво зазвучал голос дедушки, убе-

ждающий не лезть туда, где опасно, ведь Бобби сама это знает, и разве этого не достаточно?

«В этой стране найдется миллион человек, которые с радостью сбежались бы сюда, узнай они о подобной «опасности»... И еще бог знает сколько таких во всем мире... А если штуковина еще на что-то способна? Как насчет рака, к примеру?»

У нее подкосились ноги. Бобби попятилась и рухнула на подвернувшийся стул, неотрывно глядя на Питера.

Молочная катаракта, закрывавшая его левый глаз, наполовину исчезла.

2

— Нет, даже не представляю, — произнес ветеринар несколько часов спустя.

Питер послушно сидел на столе для осмотров, а Бобби занимала единственный стул для посетителей. Еще недавно ее страшила мысль о том, что придется везти любимца к ветеринару... А теперь, похоже, его вообще не придется усыплять.

— Но это же правда, мне это не показалось?

Бобби хотела услышать утвердительный ответ врача, не жели недовольный голос Энн у нее в голове: «Так тебе и надо! Сбежала от людей, живешь тут с какой-то вонючей шавкой!»

Эйзеридж покачал головой:

— Нет. Но ваше замешательство мне понятно. Надо сказать, я и сам несколько сбит с толку. Катаракта находится в стадии активной ремиссии. Можешь слезать, Питер.

Тот спустился со стола на стул ветеринара, на пол, а оттуда забрался на колени к хозяйке.

Андерсон погладила его по голове, пристально глядя на Эйзериджа и не решаясь произнести вслух вопрос, который ясно читался в глазах: «Вы точно видели это?» Ветеринар поспешил отвести взгляд. «Да, видел, но ни за что не признаюсь».

Как осторожно Питер слез со стола! Теперь его движения не сравнить с безудержной резвостью щенка, каким он был когда-то... А ведь еще неделю назад он бы робко, дрожа всем телом, неуклюже сполз на пол, неестественно вывернув голову вправо, чтобы посмотреть, куда наступает, и притом так шатался бы, что Бобби, наверное, выдохнула бы только после

того, как увидела его внизу целым и невредимым. На этот раз Питер спустился неспешно, но с твердой уверенностью пожилого политика (так он двигался года два-три назад). И пожалуй, дело не только в восстановлении левого глаза, которое Эйзеридж подтвердил при помощи серии тестов. Мало того: улучшилась координация всего тела. Вот так вот. Запросто. Невероятно, но факт.

Но ведь не из-за исчезнувшей катаракты морда Пита, целый год как белая, переменила цвет на соль с перцем? Бобби заметила это уже в машине — и чуть не съехала на обочину.

Интересно, сколько еще мелочей заметил Эйзеридж, но не захотел признавать? Бобби предположила, что много. Хотя, конечно, это не доктор Дагgett. Тот обследовал Питера самое меньшее дважды в год целых десять лет. Ну и между плановыми осмотрами бывали разные случаи — например, когда годовалый щенок решил помериться силами с дикобразом, а Дагgett потом вытаскивал из него иголки, насиживая мелодию из фильма «Мост через реку Квай» и поглаживая дрожащего бедолагу свободной ладонью, такой большой и чуткой... А в другой раз Питер приковылял домой с дробью в филейной части — суровым подарочком от охотника, либо слишком глупого, чтобы смотреть, куда он целится, либо садиста, готового причинить боль собаке, раз под руку не подвернулась куропатка или фазан. Доктор Дагgett заметил бы перемены и даже при всем желании не смог бы отрицать. Доктор Дагgett снял бы очки в розовой оправе, протер их о край белого халата и проговорил бы: «Надо срочно проверить, где он побывал и куда вляпался. Это очень серьезно, Роберта. Собаки не молодеют ни с того ни с сего, а с Питером, кажется, именно это и происходит». Андерсон пришлось бы ответить: «Я в курсе, где он побывал, и даже точно знаю, в чем дело». Вот оно, решение всех проблем, верно? Но доктор Дагgett продал частную практику Эйзериджу — неплохому на первый взгляд специалисту, который, однако, так и остался здесь чужаком, — а сам укатил во Флориду. Тем временем Питер старел, дряхлел и все чаще — теперь уже до четырех раз в год — нуждался в осмотрах. И новый ветеринар проводил их со всей исправностью, но... видел он куда меньше. Возможно, ему не хватало проницательности предшественника. Или его характера.

Тут в палате у них за спиной разразилась басистым лаем, напоминающим пулеметную очередь из проклятий, немец-

кая овчарка. Остальные псы подхватили. Питер навострил уши и начал вздрагивать. Приключившаяся с ним «Загадочная история Бенджамина Баттона», как видно, не прибавила Питу невозмутимости. Едва выйдя из щенячьего возраста, он сделался настолько спокойным и непробиваемым, что иногда напоминал паралитика. Эта дрожь — что-то новенькое.

Эйзеридж слушал с нахмуренным лбом. Теперь залаяли чуть ли не все собаки разом.

— Спасибо, что уделили нам время... — Роберте пришлось повысить голос. Уже и в приемной отрывисто, нервно залаяла какая-то мелкая собачка — шпиц или, скорее всего, пудель. — Вы очень... — Она запнулась, ощущив под пальцами

(летающая тарелка)

вибрацию, как от того предмета в лесу. Правда, на сей раз не настолько таинственную. Это явление Бобби хоть и редко, очень редко, но приходилось уже наблюдать. В горле Питера клокотал глухой рокот.

— ...любезны, но, кажется, нам пора уходить. У вас тут просто митинг какой-то.

Это задумывалось как шутка, но прозвучало вполне серьезно. По всей маленькой клинике, состоящей из приемного и процедурного кабинетов, палаты и операционного зала, словно шквал прокатился. Шпица в приемной поддержали еще два собачьих голоса... и визгливые завывания — несомненно, кошачьи.

— Доктор Эйзеридж... — испуганно позвала миссис Алден, просунув голову в дверь.

— Иду, — резко бросил он. — Прошу прощения, мисс Андерсон. — И быстро вышел.

Стоило ему открыть дверь, и лай стал вдвое громче. «Они там с ума посходили, что ли?» — не успела подумать Андерсон, как вдруг Питер резко рванулся из рук. Нарастающий рокот прорвался из его горла угрожающим рыком. Эйзеридж не услышал этого: он торопился по главному коридору, оглушенный лаем со всех сторон, да и дверь как раз закрывалась... зато услышала Андерсон. И не схвати она Питера за ошейник — любимец вылетел бы стрелой из кабинета вслед за ветеринаром. Дрожание, рык — явно не признаки страха, вдруг осознала хозяйка. Тут самая настоящая ярость, хотя откуда, казалось бы? Это так не похоже на Питера... Она натянула ошейник,

и.рык превратился в сдавленное: «Гав!» Пит обернулся. В его вращающемся, налитом кровью глазе сверкало нечто ужасно похожее (как потом признается себе Андерсон) на гнев существа, которому помешали броситься на добычу.

Ну, знаете... Бобби могла смириться с тем, что на ее земле закопана летающая тарелка окружностью в добрых три ярда; что загадочные вибрации или эманации корабля отняли жизнь у неосторожно приблизившегося сурка, причем даже мухи не пожелали лакомиться останками; плевать на обильные месячные, на почти пропавшую катаракту, даже на то, что старый пес начал ни с того ни с сего молодеть.

Пустяки.

Но увидеть безумную ненависть к себе, к Бобби Андерсон, в глазах своего любимца Питера... это уж слишком.

3

К счастью, все быстро закончилось. Дверь кабинета захлопнулась, приглушив какофонию, и Питер как будто бы начал успокаиваться — еще дрожал, но хотя бы уселся.

— Уходим отсюда, Пит, — позвала хозяйка, потрясенная гораздо сильнее, чем она потом признается Джиму Гарденеру. А все потому, что ей будет невыносимо в подробностях вспоминать плотоядную злость, сверкнувшую в здоровом глазе любимца.

Судорожно нашупав и чуть не уронив непривычный поводок, снятый с Питера при входе в кабинет, Бобби (ее всегда раздражало это правило, обязывавшее приводить в клинику каждую собаку на поводке — да, всегда раздражало, но только не теперь) кое-как пристегнула его к ошейнику, подвела пса к двери и толкнула ее ногой. В коридоре поднялся невообразимый гам. Визгливый голос и впрямь принадлежал шпицу, питомцу тучной дамы в желтых слаксах и желтой же кофточке. Толстуха едва удерживала песика, причитая: «Ну, Эрик, будь паникой, ради мамули!» Крысиные глазки Эрика ярко сверкали между ее дряблыми большими руками, остального почти не было видно.

— Мисс Андерсон... — начала миссис Алден. Ошеломленная, даже немножко испуганная, она пыталась привычно вести

дела в месте, неожиданно превратившемся в дурдом. Бобби прекрасно понимала ее чувства.

Тут шпиц увидел Питера — и началось. Бобби позже могла бы поклясться, что началось именно с этого. Не долго думая, песик вонзил свои острые зубки в пухлую руку.

— Вот сволочь! — звзвизнула «мамуля» и уронила Эрика на пол.

По руке побежала кровь.

В то же мгновение Питер устремился вперед, рыча и лая, буквально сорвав с места Роберту с ее коротким поводком. Ясным внутренним взглядом писательницы Андерсон уже видела, что случится дальше. Эрик и Питер сойдутся точно в центре, подобно Давиду и Голиафу; вот только малышу недостанет смекалки, не говоря уже о праще, чтобы победить великана. Питер сдвиным махом откусит ей башку.

Катастрофу предотвратила девочка лет одиннадцати, сидевшая слева от «мамули» с сумкой-переноской на коленях (внутри поблескивал крупный полоз, каждая чешуйка которого сияла здоровьем). С молниеносной реакцией, свойственной только детям, она выбросила вперед ногу и придавила к полу поводок шпича. Песик аж перекувыркнулся в воздухе. Сохрания спокойствие среди полного бедлама, девочка подтащила его к хозяйке.

— А вдруг у этого засранца бешенство? — продолжала голосить та, направляясь к миссис Алден.

Между пальцами, сжимающими место укуса, сочилась кровь.

Когда толстуха прошла мимо, Питер мотнул головой в ее сторону, и Бобби пришлось тащить его к выходу, натянув поводок. На двери висела маленькая табличка с надписью: «ПРОСЬБА ОПЛАЧИВАТЬ УСЛУГИ НАШИХ СПЕЦИАЛИСТОВ НАЛИЧНЫМИ ЗА ИСКЮЧЕНИЕМ ОТДЕЛЬНО ОГОВАРИВАЕМЫХ СЛУЧАЕВ».

«Да пошли вы!» — подумала Андерсон. Скорее на улицу — и гнать машину на всей скорости до самого дома, а там как следует выпить. И выкурить сигаретку. Нет, две. А вообще, лучше сразу три.

Откуда-то слева донеслось озлобленное шипение. Андерсон повернулась и увидела кошку, будто сошедшую с плаката-страшилки ко дню Хэллоуина. Черная, не считая белого кончика

хвоста, зверюга вдавилась в дальнюю стенку сумки-переноски: спина дугой, шерсть — торчащие в разные стороны клочья, зеленые, неестественно блестящие глаза так и бураяят Питера, не мигая; розовая пасть широко разинута, зубы оскалены.

— Женщина, уберите своего пса, — проговорила кошатница ледяным голосом. — Блэкки их недолюбливает.

Позже Бобби жалела, что не выразила всей глубины своего равнодушия к этому факту, пусть Блэкки там хоть на губной гармошке играет при помощи заднего выхлопного отверстия... Жаль, столь изысканно уместные, хотя и немного витиеватые выражения редко приходили в голову вовремя. Вот герои ее романов не лезли за словом в карман; Бобби даже не напряглась, чтобы вложить в их уста достойный хлесткий ответ, все получалось как-то само собой. К сожалению, жизнь — это не роман.

— Помолчали бы, — малодушно пробормотала она себе под нос, так что кошатница при всем желании не смогла бы ее расслышать, а сама продолжала тянуть упирающегося Питера за поводок... Ох, как ее бесили хозяева, которые вот таким же образом обращались на улице со своими собаками!

Пит начал задыхаться и кашлять, высунув язык, с которого бежала слюна; но теперь его внимание привлек боксер с гипсом на правой передней лапе. Хозяин — здоровяк в синем рабочем комбинезоне механика — обеими руками тянул к себе пса за поводок, дважды намотанный на кулак с пятнами от машинного масла, — и еле-еле справлялся с питомцем, которому ничего не стоило разделаться с Питером еще быстрее, чем тот разорвал бы шпинта. Боксер неудержимо рвался вперед, позабыв о больной лапе. Уж лучше бы хозяин сам ухватил его за загривок. Потрепанный поводок совершенно не внушал доверия.

Бобби казалось, что она возится с ручкой двери целую вечность. Это как в ночном кошмаре, знаете: когда руки заняты, а штаны вдруг медленно, неумолимо начинают сползать.

«Это все из-за Питера. Черт знает почему».

Наконец ручка повернулась, и Андерсон бросила короткий прощальный взгляд назад. В коридоре творилось невесть что. Миссис Алден оказывала «мамуле» первую медицинскую помощь, в которой та явно нуждалась: бегущая струями кровь успела запачкать и желтые слаксы, и белые туфли. Кошка Блэкки еще шипела. С ума посходили даже мыши-песчанки доктора

Эйзериджа, обитавшие в пластиковом лабиринте из труб и башенок на стеллаже у дальней стены. Эрик, он же Отчаянный Шпиц, стоял на задних лапах, натянув поводок, и хрипло тявкал на Питера. Бигль ответил глухим рычанием.

Андерсон бросила мимолетный взгляд на полоза в сумке у девочки; тот сделал стойку подобно кобре, неотрывно смотрел на Питера и, разинув пасть без клыков, угрожающе колол воздух узким розовым языком.

«Полозы никогда так не делают. Я ни разу в жизни такого не видела».

Поняв, что близка к настоящему ужасу, Бобби ударилась в бегство.

4

Стоило двери закрыться у них за спиной, как Питер начал приходить в чувство. Он уже не кашлял, не сопротивлялся, а просто шел рядом, искоса поглядывая на хозяйку, словно хотел сказать: «Не нравится мне эта удавка на шее и никогда не понравится, но раз ты так хочешь — пожалуйста, пожалуйста».

К тому времени как они оказались в кабине пикапа, он уже был прежним.

А вот Бобби — нет.

Руки дрожали так сильно, что она только с третьего раза вставила ключ зажигания, неудачно его повернула и заглушила мотор. «Шевроле» резко дернуло, и Питер вывалился из кресла на пол, после чего смерил хозяйку фирменным упрекающим взглядом (вообще-то все псы мастера на такие взгляды, но у его породы страдальческое выражение получается особенно хорошо), словно хотел спросить: «Так откуда, говоришь, у тебя права, Бобби? Заказала почтой по каталогу?» Потом он полез обратно. Бобби уже и не верилось, что каких-нибудь пять минут назад Питер глухо рычал и лаял, словно чужая дурно воспитанная собака, и был готов растерзать все, что движется, и так смотрел, будто... Бобби не стала заканчивать эту мысль, поспешив выбросить ее из головы.

Со второго раза мотор завелся, и машина благополучно покинула парковку. Проезжая мимо здания с аккуратной табличкой «ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА ОГАСТЫ», Бобби

опустила стекло. До нее донеслось вполне мирное тявканье. Ничего особенного.

Похоже, хаос прекратился.

И, кстати, не только в клинике. Бобби была почти уверена: ее «критические дни» тоже успели закончиться.

Ну и скатертью им дорожка, как говорится.

5

Бобби не собиралась ждать обещанной себе выпивки до конца поездки. Сразу же за границей Огасты расположилась придорожная закусочная с очаровательной вывеской «Большой потерянный уик-энд, бар и гриль (попробуйте наше фирменное блюдо: потрясающее мясо на ребрышках)».

Андерсон втиснулась между старым универсалом и трактором «Джон Дир» с грязной бороной зубьями кверху. Чуть поодаль стоял большой старый «бьюик» с фургоном для лошадей на прицепе, от которого Бобби предпочла держаться подальше.

— Жди здесь, — приказала она.

Свернувшийся на сиденье пес ответил взглядом, как бы говорящим: «Охота за тобой таскаться, чтобы ты снова душила меня этой глупой веревкой!»

В «Большом потерянном уик-энде» было сумрачно и почти безлюдно: все-таки близился только вечер среды. Танцплощадка напоминала пустую пещеру, в глубине которой что-то поблескивало. Пахло прокисшим пивом. Бармен, он же и продавец, подошел к ней и произнес:

— Мое почтенье, красотка. Сегодня у нас в меню...

— Я буду «Катти Сарк», — перебила она. — Двойную порцию. И воды.

— Вы всегда пьете, как мужчина?

— Нет, обычно я пью из стакана.

Дурацкая шутка. Все это из-за усталости. Бобби выжата как лимон. Она поспешила в дамскую комнату, чтобы сменить использованный тампон на простую мини-прокладку — так, на всякий случай, пусть будет. К счастью, прокладка действительно оказалась нужна только «на всякий случай». Уф, можно отдохнуть целый месяц.

Андерсон вернулась за столик уже в лучшем расположении духа, а осушив половину порции, еще немного оттаяла.

— Эй, вы только не обижайтесь, — извинился бармен. — Здесь очень пустынно в такие дни, так что радуешься каждому новому лицу. Вот у меня и развязался язык...

— Сама виновата, — отмахнулась Андресон. — Просто неудачный выдался день.

И, прикончив напиток, вздохнула.

— Налить вам еще, мисс?

«Уж лучше бы продолжал звать красоткой...»

Она отрицательно покачала головой.

— А вот молока принесите. Иначе к вечеру у меня изжога начнется.

Бармен принес молока. Бобби пригубила стакан, размышляя о том, что случилось в ветеринарной клинике. На ум пришел быстрый и простой ответ: «Я не знаю».

Зато Бобби помнила, что произошло, пока они с Питером дожидались очереди на прием. Ровным счетом ничего. Ее разум уцепился за эту мысль. А ведь посетителей там сидело не меньше, чем после, когда случился этот хаос и Пита пришлось насилием тащить к выходу. Конечно, там не было тихо: все-таки клиника — не библиотека, туда приводят животных самых разных пород, многие из которых в природе не выносят друг друга, — но шум стоял в пределах приличий. Под влиянием выпивки Бобби вспомнился хозяин боксера, мужчина в комбинезоне механика. Боксер просто посмотрел на Питера. Тот ответил кратким взглядом. Ничего особенного.

Ну и какие выводы?

«Какие-какие... Допивай свое молоко, вали домой и забудь обо всем».

Хорошо. А как насчет той штуки в лесу? Про нее тоже надо забыть?

Вместо ответа в голове зазвучал голос дедушки: «Кстати, Бобби, а как эта хреновина действует на тебя? Ты хоть задумывалась над этим?»

Нет.

О, а теперь задумалась... И сразу же захотела выпить еще. Но стоит поддаться порыву, и она захмелеет. И это большой вопрос, хочется ли Бобби хмельть в одиночестве, ближе к вечеру, в этом огромном сарае, дожидаясь, пока кто-нибудь (мо-

жет, даже сам бармен) подкатит и спросит, что же делает столь прелестное место вокруг такой девушки...

Оставив на стойке пятерку и попрощавшись, она пошла к выходу, но по дороге заметила телефон-автомат. Это ничего, что от грязной, засаленной будки разило старым бурбоном. Андерсон опустила монетку и, прижимая трубку к уху плечом, отыскала в «Желтых страницах» номер клиники Эйзерида. Миссис Алден ответила ровным тоном. Где-то на заднем фоне слышался лай собаки. *Одной собаки.*

— Не хотела, чтобы вы считали меня нечестной клиенткой, — объяснилась Бобби. — Я заплачу, а ошейник вышлю вам завтра по почте.

— Не волнуйтесь, мисс Андерсон, мы столько лет вас знаем, что не стали бы беспокоиться. А насчет поводков — так у нас их тут целый шкаф.

— Шумновато сегодня было, да?

— Ой, и не говорите! К миссис Перкинс пришлось вызывать врача. Ей наложили несколько швов... Хотя, по-моему, она довольно легко отделалась, и вообще-то люди с такими проблемами обычно сами добираются до больницы. — Миссис Алден доверительно понизила голос. — Слава богу, ее покусала своя же собака. Дамочки такого сорта готовы таскать людей по судам из-за всякого пустяка.

— А вы случайно не знаете, что могло стать причиной?

— Не знаю, и доктор Эйзеридж тоже не представляет. После дождя было душно... Хотя... Доктор Эйзеридж вроде бы слышал об одном схожем случае на выездном конвенте. Калифорнийский ветеринар рассказывал, как все животные в клинике разом «поддались заклятию бешенства» перед началом большого землетрясения.

— Серьезно?

— В прошлом году в Мэне было одно, — вздохнула миссис Алден. — Надеюсь, другого не будет. Да еще эта атомная станция неподалеку, в Уискассет, — как представляю, мороз по коже.

«Скажите об этом Гарду», — мысленно усмехнулась Бобби. И, поблагодарив, повесила трубку.

А потом вернулась к машине. Питер спал. Когда Бобби залезла в кабину, он приоткрыл глаза, но тут же снова закрыл их и продолжал лежать, положив морду на лапы. Явно помолодевшей мордой, судя по исчезающей седине.

«Кстати, Бобби, а как эта штука действует на *тебя*?»

«Помолчи, дедушка».

Приехав домой, она выпила еще одну порцию виски, разбавленного, прежде чем зашла в ванную и замерела перед зеркалом. Бобби долго изучала собственное лицо, потом наконец решилась провести пальцами по волосам. Даже приподняла пару прядок — и отпустила.

Седина никуда не исчезла, осталась на месте — вся до последнего волоска. Вроде бы.

Бобби никогда не подумала бы, что будет настолько рада видеть эти тонкие белые нити. Но она им обрадовалась. Почти.

6

Ближе к вечеру небо на западе затянуло тучами, и с наступлением сумерек разразилась гроза. Похоже, ливни вернулись — как минимум еще на одну ночь. Значит, Питера снова будет не выгнать на улицу, разве что ему очень сильно приспичит. Грозы пес ужасно боялся еще с щенячьего возраста.

Андерсон сидела перед окном в кресле-качалке, и со стороны могло показаться, будто бы она читает. На самом деле Бобби мучилась... мучилась над унылым очерком о Гражданской войне. Сухой, точно пыль под кроватью, он еще пригодится в случае, если вдруг грянет новая война. Что, кстати, может произойти в любой момент.

С каждым раскатом грома Питер еще чуть-чуть придвигался к хозяйке, изображая на морде несколько виноватую ухмылку. Да, мол, знаю-знаю, эти глупости неопасны; я просто подсяду ближе, ладно? А если по-настоящему грохнет, сгоню тебя к чертям собачьим с этого кресла, что скажешь? Ты ведь не против, Бобби?

Гроза усилилась к девяти часам вечера; к тому времени Андерсон была уже твердо уверена: ночью им мало не покажется. «Да уж, льет как из ведра», — подумала Бобби. Пришлось идти на кухню за газовой лампой и искать в кладовке. Пес поплелся следом, поджимая хвост и не расставаясь с виноватой ухмылкой. Хозяйка чуть не споткнулась об него на выходе.

— Дорогу, Питер.

Тот немного подвинулся... но тут же бросился прямо к ее ногам, испугавшись ужасного громового раската, от которого

задрожали оконные стекла. Когда Андерсон вернулась к креслу-качалке, комнату заливали голубоватые вспышки. За окном шумели и вздыхали деревья под сильным ветром.

Питер уселся у самого кресла и поднял на хозяйку выразительный умоляющий взгляд.

— Ну ладно, — вздохнула она. — Иди сюда, размазня.

Пса не пришлось просить дважды. Он резво вскочил к ней на колени, больно дав лапой под дых. Питер всегда попадал или туда, или по груди. Не то чтобы специально целился — так уж получалось. Это одна из загадок Вселенной — ну, вы знаете, из серии: почему, когда вы страшно спешите, лифт непременно останавливается на каждом этаже? Если и можно было как-нибудь уберечься от этих ударов, то Бобби Андерсон еще только предстояло это выяснить.

Гром расколол небеса. Пес прижался к хозяйке вплотную. Его запах марки «одековоны» ударил прямо в нос.

— Давай, осталось только мне в горло вцепиться, и дело с концом!

Питер в который раз виновато осклабился, точно говоря: «Сам знаю, могла бы и промолчать».

Вой ветра звучал все громче. Лампочки уже начинали мерцать. Верный знак: скоро Роберта Андерсон и система электроснабжения помашут друг другу ручкой. Часов до трех-четырех утра как минимум. Бобби отложила очерк в сторону и обняла своего любимца. На самом деле она ничего не имела против редких летних гроз, да и зимних метелей тоже. Ей нравилось ощущать их мощь, наблюдать и слушать, как действуют могущественные силы природы — грубо, слепо, уверенно, с неким безрассудным состраданием к земле. Те же самые стихийные силы словно заряжали ее энергией, заставляли шевелиться волоски на руках и затылке при каждой особенно яркой вспышке...

Как-то раз между Бобби и Джимом Гарденером произошел один очень странный разговор. В голове у Гарда была стальная пластина, пожизненное напоминание о несчастном случае во время лыжной прогулки, чуть не убившем его в возрасте восемнадцати лет. Так вот однажды, меняя лампочку, он по неосторожности угодил указательным пальцем в патрон и получил весьма ощутимый удар током. В принципе, это было предсказуемо, а вот последствия — нет. Всю неделю потом

он слышал музыку, выпуски новостей и рекламу прямо у себя в голове. Гард признался, что очень боялся тогда сойти с ума. На четвертый день ему даже удалось разобрать позывные передающей станции, одной из бангорских, вещающих на средних волнах. Джим записал названия трех песен, прозвучавших друг за другом, и позвонил узнать, действительно ли их передавали в это время (плюс рекламу полинезийского ресторана «У Синга», автомобилей «виллидж субару» и музея птиц в Бар-Харбор). Оказалось, передавали.

На пятый день, по его рассказам, сигнал стал слабее, а через двое суток и вовсе пропал.

«Это все из-за дурацкой железки, — посетовал Гард, легонько стукнув кулаком по шраму на левом виске. — Даже не сомневаюсь. Ясное дело, тысячи людей надо мной бы сейчас посмеялись, но я абсолютно уверен».

Услышав подобную байку от кого-то другого, Бобби решила бы, что над ней подшутили. Но это был Джим: достаточно посмотреть ему в глаза — и вы бы тоже все поняли.

Большие бури несут в себе большую силу...

Полыхнувшая молния залила комнату голубоватым сиянием, оборвав все мысли. Бобби увидела в окне машину с первыми каплями дождя на лобовом стекле, короткую грязную подъездную дорожку, почтовый ящик с опущенным и надежно прикрепленным к алюминиевой стенке флагжком, и деревья, гнувшиеся под ветром. Спустя мгновение раздался и гром. Питер подскочил, жалобно скуля. И тут отключился свет. Без прелюдий, мерцаний... Просто взял и отключился. Сразу повсюду.

Андерсон потянулась за фонарем — и вдруг замерла.

На дальней стене, по правую сторону от уэльского комода дядюшки Фрэнка светилось зеленое пятно. Оно подпрыгнуло на два дюйма, двинулось вправо, влево, на миг исчезло, потом возникло снова.

Ночной кошмар вернулся в виде жуткого дежавю. Вспомнилась лампа из рассказа Эдгара По, и почему-то в связи с другой книгой — с «Войной миров» Уэллса. Или даже так: с марсианскими тепловыми лучами, что сеяли смерть по всему Хаммерсмиту.

Бобби медленно (так что шея хрустнула, будто дверь на несмазанных петлях) повернулась к псу, уже догадываясь, что она там увидит. Свет струился из глаза Питера. Из левого. Тот

просто сочился колдовским зеленым сиянием, вроде огней святого Эльма, которые плавают над болотной трясиной после удушливых дней.

Даже нет... Светился не глаз. Катаракта... Точнее, ее остатки. Она заметно уменьшилась со времени утреннего визита в клинику. Зато теперь левая часть морды излучала зеленоватое свечение, и пес напоминал какого-то монстра из комиксов.

Первым порывом хозяйки было скинуть его с колен и удариться в бегство...

Но ведь это же *Питер*, в конце концов. А он и так перепуган до полусмерти. Брось его — вообще придет в ужас.

Кромешная тьма взорвала громовым раскатом. На этот раз подпрыгнули оба. А потом хлынул ливень — нескончаемым шумным потоком. Андерсон снова обернулась к стене, где продолжал качаться и плавать зеленый блик. Когда-то в детстве Бобби, лежа в постели, подолгу играла с наручным «Таймексом», заставляя похожие отсветы от экрана плясать по комнате.

«И кстати, Бобби, что эта штука творит с *тобой*?»

Потаенный зеленый огонь в глазу Питера уничтожает его катаракту. Пожирает ее. Бобби повернулась обратно и чуть было не передернулась, когда Питер лизнул ей руку.

В ту ночь она долго лежала без сна.

Глава 4

РАСКОПКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

1

Когда Бобби наконец-то проснулась, на часах было около десяти. По всему дому горел свет — значит, подсуетились-таки на местной подстанции. Андерсон прошлась по комнатам в носках, выключая лампы, а потом выглянула в окно. Питер сидел на пороге. Она впустила его и первым делом осмотрела глаз. Кошмар, пережитый ночью, еще не забылся, но в ярком свете летнего утра он уступил место приятному изумлению. Да кто угодно бы испугался, увидев что-то подобное в темном доме без электричества, во время бушующей за окном грозы.

Да, но почему Эйзеридж ничего не заметил?

Ну, это просто. Светящийся циферблат на часах светится и днем, но видно его только ночью. Бобби слегка недоумевала, как это ей самой удалось не заметить сияния в предыдущие вечера... И даже не обратить внимания на уменьшение катаракты. И все же Эйзеридж осматривал пса очень тщательно. Разве нет? И он заглядывал Питеру в глаз при помощи старого офтальмоскопа. На уменьшение катаракты он указал, а вот о свечении умолчал почему-то.

Может, увидел, да только решил «развидеть»? Предпочел же доктор закрыть глаза на заметное омоложение своего пациента...

Не нравился Бобби этот новый ветеринар, очень не нравился. Возможно, из-за сильной симпатии к его предшественнику, которая привела к неизбежному, хотя и довольно нелепому заблуждению, что доктор Даггет будет всегда рядом, пока жив Питер: Но не глупо ли из-за этого подозревать новичка в некомпетентности? Даже если он не увидел (или не захотел увидеть) явное исцеление пораженного глаза, он все же кажется безупречным специалистом.

Между тем катаракта светилась зеленым... Не мог же Эйзеридж не заметить! Отсюда вывод: ветеринару *нечего* было видеть. По крайней мере, на тот момент. Ведь шум в приемной тоже поднялся не сразу, правда? Не во время сидения в очереди. Не во время приема. Только тогда, когда они собирались на выход. Что, если свечение появилось именно в ту минуту?

Бобби насыпала в миску гранулы «Грейви трейн» и встала у мойки, ожидая, пока пойдет вода потеплее. Ждать приходилось с каждым разом все дольше. Нагреватель работал медленно, чаще упрямился и, к сожалению, тоже не молодел. Бобби давно собирались его заменить, — тем более что на носу зима, — однако единственный водопроводчик в Хейвене и окрестностях показал себя крайне противным типом. Делберт Чайлз, так его звали, вечно плялся на нее, словно на голую (причем в глазах читалось: «Я, разумеется, не впечатлен, но на худой конец и ты сгодишься»). А еще он каждый раз любопытствовал, пишет ли Андерсон «свои новые книжки». Любил ввернуть в разговор, что и сам стал бы недурным писателем, «если бы не шило в одном месте, ну, вы понимаете?». В последний раз,

когда пришлось прибегнуть к его услугам (трубы лопнули на двадцатиградусном морозе), он, едва управлявшись, предложил клиентке «куда-нибудь прошвырнуться». Та вежливо отказалась. В ответ Чайлз подмигнул ей с видом многоопытного мужа, взирающего на невинную простоту. «Эх, малышка, знала бы ты, что теряешь!»

«Прекрасно знаю, потому и отказываюсь», — чуть было не сорвалось с ее губ. Но Бобби вовремя прикусила язык, понимая, что Чайлз еще не единожды ей понадобится. Ну вот, почему отменные остроты приходят на ум немедленно именно в тех ситуациях, когда ими нельзя воспользоваться?

«Ты кое-что можешь сделать с этим нагревателем», — прозвучало у нее в голове. Голос был незнакомым. Какой-то чужак вломился в мысли? Ох ты... чтоб ей провалиться, не вызвать ли копов? «Да можешь же, — не унимался голос. — Для этого надо всего лишь...»

Но тут вода потеплела. Забыв о нагревателе, Бобби размешала подливу и позвала Питера есть. В последнее время его аппетит заметно улучшился.

Надо бы зубы ему проверить, подумала вдруг хозяйка. Может, пора возвращаться к «Гейнз мил»? Лишние деньги на дороге не валяются, да и американская читательская публика не ломится валом к твоим дверям, да, малышка? Но...

Но когда же началась та неразбериха в ветклинике?

Андерсон попыталась вспомнить все до мельчайших подробностей. Она не дала бы руку на отсечение, но тем не менее уверенность возрастала с каждой минутой: да-да, пожалуй, все началось сразу после того, как доктор Эйзеридж окончил осмотр и убрал свой офтальмоскоп.

«Обратите внимание, Ватсон, — внезапно затараторил в голове настойчивый голос Шерлока Холмса в исполнении Бэзила Рэтбоуна. — Глаз у собаки светится. Но... не весь глаз, одна катаракта. Андерсон этого не замечает, хотя могла бы. Эйзеридж тоже не замечает, хотя уж он-то обязан. Допустим теперь, что животные в клинике не бесились, пока катаракта не начала светиться... Другими словами (рассуждая чисто теоретически), пока не возобновился процесс исцеления. Предположим. А что, если сияние намеренно исчезает в определенных ситуациях, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания? Ах, Ватсон, какое безоснователь-

ное и пугающее допущение! Ведь это значит, что у зеленого света есть...

Есть что-то вроде разума».

Такой ход мыслей Бобби совсем не устраивал, и она отсекла их привычным, давно проверенным способом: посоветовала себе обо всем забыть.

Способ сработал и в этот раз.

Временно.

2

Андерсон захотелось пойти и продолжить раскопки.

Сознанию эта мысль пришла не по нраву.

Решительно.

«Оставь эту штукку, Бобби. Она опасна».

Это точно.

«И кстати, как она действует на *тебя*?»

Да ничего такого пока не заметно. Однако влияние сигарет на легкие тоже не видно, иначе никто не курил бы. А вдруг у нее уже загнивает печень, или сердечные камеры сплошь забиты холестерином, или она уже бесплодна? Откуда Бобби знать: может, прямо сейчас ее костный мозг с бешеною скоростью вырабатывает лишние лейкоциты. Только ли месячные пришли пораньше, или вместе с ними пришло что-то поинтереснее — лейкемия, к примеру?

И все равно ее тянуло копать.

Этот простой, неконтролируемый порыв не имел отношения к деятельности сознания, но, судя по многим признакам, исходил от самого тела: так оно иногда настоятельно требует соли, крепкого кофе, сигарет или героина. На стороне сознания — логика, в то время как здесь — неистребимое желание: «Иди копать, Бобби, да все нормально, подумаешь, покопаешь немножко, ерунда, тебе ведь хочется выяснить, что там, и ты это знаешь, так почему бы не покопаться в земле еще, пока не разберешься в этом вопросе, копай, копай, копай...»

Андерсон, конечно, могла усилием воли отключить этот голос... Но спустя пятнадцать минут уже снова внимала ему, словно дельфийскому оракулу.

«Ты должна с кем-то поделиться, Бобби».

«С кем? В полицию обратиться, что ли? Ха-ха. Ни за что. Или...»

Что «или»?

В это время Бобби была в саду и рьяно пропалывала грядки... чувствуя себя наркоманом в период ломки.

«Или к любым другим представителям власти», — закончил голос.

Правое полушарие отозвалось саркастическим смехом Энн, чего и следовало ожидать. Как и многие люди ее поколения, Андерсон не питала доверия к представителям власти. В их способности решать проблемы она разубедилась еще в возрасте двенадцати лет. Дело было в Ютике; Бобби сидела на диванчике между мамой и Энн, жевала гамбургер и наблюдала, как полицейские Далласа сопровождают Ли Харви Ос瓦льда к подземной парковке. Копов, этих типичнейших «представителей власти», было ну очень много. Столько, что, когда Освальда кто-то застрелил на их глазах, диктор новостей поведал об этом с искренним изумлением: дескать, неужели что-то пошло не так? Он даже поверить не мог. Но ведь пошло же.

Бравые полисмены Далласа постарались на славу, охраняя Освальда и Джона Ф. Кеннеди. Два года спустя — очевидно, в качестве реванша — их послали усмирять межрасовые разборки, а потом воевать во Вьетнаме. Затем, через десять лет после выстрела в Кеннеди, — решать проблему нефтяного эмбарго, вести переговоры об освобождении американских заложников в Тегеранском посольстве, и наконец, когда стало ясно, что молодчикам наплевать на доводы власти и разума, Джимми Картер велел копам силой вызволить бедолаг. Неужели эти «защитники закона», в свое время с таким хладнокровием и апломбом «уладившие дело» осады Кентского университета*, не могли нормально исполнить свою рутинную «невыполнимую миссию»? Ладно, допустим, не повезло парням, но,

* Расстрел 4 мая 1970 года Национальной гвардией штата Огайо студентов Кентского университета, которые после вторжения американских войск в Камбоджу устроили массовые акции протеста на территории университетского городка. Четверо студентов были убиты и девять получили ранения. Позднее Президентская комиссия по расследованию беспорядков в университетах признала действия Национальной гвардии незаконными и «непростительными».

в общем и целом, они же как-то справлялись с работой? О да. Достаточно посмотреть, как надежен и безопасен стал этот чертов мир с тех пор, как мужчина в драной рубашке, с редеющей, блестящей от тоника шевелюрой и остатками жира от купленных в «Макдоналдсе» окорочков под ногтями разнес мозги президенту на заднем сиденье «кадиллака», катящего по улице Далласа.

«Я расскажу обо всем Джиму Гарденеру. Когда он вернется. Гард разберется, как поступить. Хоть что-нибудь дельное, да придумаст».

«Отлично, — съехидничала Энн. — Иди за советом к лунатику».

«Он не лунатик. Просто немного не в себе».

«Ну конечно. Когда во время последней демонстрации в Сибрукс* Джима задержала полиция, при нем был рюкзак, а внутри — заряженный «кольт» сорок пятого калибра. Немного не в себе, говоришь?»

«Отвали, Энн».

И Бобби продолжала полоть — все утро, на самой жаре. Футболка на спине насквозь промокла от пота. Шляпа, обычно хорошо защищавшая лицо от палящих лучей, так и осталась висеть на прошлогоднем пугале.

После ленча Бобби решила прилечь, но задремать не смогла. В голове беспрестанно спорили голоса — в том числе и тот, незнакомый. «Копай, Бобби, все обойдется, копай!»

Наконец она поднялась и, захватив с собой лом, заступ и лопату, отправилась в лес. На дальнем от дома конце поля она постояла, нахмурившись, а затем повернула обратно к пикапу. Питер сидел на крыльце. Он только взглянул на хозяйку, но даже не сделал попытки пойти за ней. Андерсон этому не особенно удивилась.

* АЭС в Сибруке, штат Нью-Хэмпшир. Строительство АЭС «Сибрук» было завершено на десять лет позже ожидаемого срока и обошлось в семь миллиардов долларов. Огромный долг привел к банкротству главного владельца, «Компании коммунальных услуг Нью-Хэмпшира». За восемь лет до начала строительства АЭС местные жители проголосовали против. Разочарованные своей неудачей, они вдохновились успехом крупного антиядерного пикета в Вилле (Германия). 1 августа 1976 года более 600 протестующих пикетировали место строительства АЭС. В мае 1977 года их было уже более двух тысяч. 1414 протестующих были задержаны и находились под арестом две недели.

3

Наверное, двадцать минут Бобби простояла на склоне, глядя вниз на траншею, прокопанную (внутренне она уже не сомневалась) вокруг крошечного фрагмента инопланетного космического корабля. Прочный, гладкий, вполне осязаемый корпус — не вымысел, не «пар и сновидения». Вот он, перед глазами. Материальный, точно отвертка или гаечный ключ. Влажный лесной чернозем, отброшенный в сторону в прошлый раз, теперь побурел и блестит после ночного дождя.

Она начала спускаться... И тут под ногой что-то хрустнуло, точно смялась новая газета. Вот только это была не газета. Воробей. Мертвый. А футах в двадцати от него на спине лежала ворона, комично, словно в мультфильме, задрав лапы кверху. Андерсон замерла, оглядываясь вокруг. Ей удалось замстить еще трех птиц: другую ворону, голубую сойку и красно-черную пирангу. И ни единой ранки. Просто мертвые, и все. Ни мухи рядом.

Бобби пошла вперед и, бросив инструменты возле траншеи, спустилась вниз. Под подошвами ботинок громко чавкала грязь. Вот он, серый край, выступающий прямо из лужи.

«Что же ты такое?»

Она положила ладонь на металл. Дрожь проникла в руку, пробежала по всему телу и через мгновение стихла.

Бобби повернулась, чтобы взять лопату, гладкая деревянная ручка которой успела нагреться на солнце.

Между тем лес, казалось, лишился привычных, да и вообще любых звуков. Вокруг не свистели птицы, и животные не ломали сучья, удирая через подлесок подальше от человеческого запаха. Однако сознание Бобби лишь самым-самым краешком воспринимало неестественную тишину вокруг. Запахи ощущались куда отчетливее: земля, торф, хвоя, кора и древесные соки...

Голос откуда-то изнутри, уже не из правого полушария, а словно из самых сокровенных уголков разума, начал визжать от ужаса.

«Здесь творится неладное, Бобби, здесь что-то происходит, и прямо сейчас! Беги отсюда... Мертвый сурок, издохшие птицы... Бобби, пожалуйста, пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА!»

Рука крепче сжалась вокруг черенка лопаты. Все в точности как на рисунке в блокноте: это край чего-то гигантского, спрятанного глубоко под землей. Снова вернулись месячные;

не страшно, она заранее поместила тампон куда нужно; до того как вышла на прополку. Версию «макси». А в рюкзаке припасла еще с полдюжины — так ведь? Или больше дюжины? Она не помнила, да и какая разница? Где-то в глубине души она чувствовала, что в конце концов непременно окажется здесь, несмотря на все свои наивные притязания на «свободу» воли и разума... Но даже это уже не пугало. На Роберту сизошел сияющий, неземной покой. Пусть себе дохнут животные, птицы... Месячные заканчиваются и вновь начинаются, когда им угодно... Пусть она заблаговременно подготовилась идти туда, куда якобы не собиралась... Это мелочи, даже меньше, чем мелочи, — сущая чепуха. Она просто покопает немного, посмотрит, что там за дрянь из металла спрятана под землей... Ведь на самом-то деле все...

— Все путем, — проговорила Бобби среди неестественной тишины.

И принялась за работу.

Глава 5

ГАРДЕНЕР ПЕРЕЖИВАЕТ ПАДЕНИЕ

1

В то время как Бобби Андерсон обводила циркулем гигантские контуры неизвестно чего, а ее утомленный донельзя мозг выстраивал немыслимые догадки, Джим Гарденер занимался единственным делом, на которое был способен в последнее время. Все происходило в Бостоне. Двадцать пятого июня в местном университете прошли очередные поэтические чтения. Причем прошли, надо сказать, отлично. Двадцать шестого, согласно плану, устроили выходной. Тогда-то Джим и споткнулся... Хотя нет, это не совсем подходящий оборот, к сожалению. Что значит споткнуться? Скажем, задеть ногой корень в лесу и шлепнуться. А тут получилось долгое, бесконечно затянутое падение; это как сверзиться с лестницы и кувырком лететь по ступеням, ломая кости. Ничего себе, «с лестницы»! Да он чуть не покинул землю!

Все началось в гостиничном номере, а закончилось на волнорезе возле пляжа в Аркадии, штат Нью-Хэмпшир, восемь дней спустя.

Как Бобби тянуло копать (хотя она и отвлеклась на время на разные глупости вроде осмотра Питера и его катаракты), так Гарда утром двадцать шестого вдруг неодолимо потянуло выпить.

Он прекрасно знал: полуалкоголиков не бывает. Ты или пьешь, или нет. В настоящее время Джим не прикладывался к бутылке, и его это устраивало. Но вообще-то и раньше случалось, что он целыми месяцами не вспоминал о спиртном. Время от времени Гард посещал собрания Общества (желательно каждые две недели, иначе его начинало снедать беспокойство; словно он за обедом опрокинул солонку, а соль за плечо не бросил), чтобы встать и сказать перед всеми: «Здравствуйте, меня зовут Джим, и я алкоголик». Но в те периоды, когда желание выпить совсем пропадало, он сам себе не верил. И не считал себя трезвенником. Гард мог даже выпить, но не бухать: скажем, опрокинуть пару коктейлей после пяти на вечеринке или корпоративе, не более того. Или позвонить Бобби Андерсон и сходить вместе с ней куда-нибудь пропустить пару рюмочек. Без излишеств. Легко.

А потом наступало утро вроде сегодняшнего — когда, проснувшись, Джим мечтал поглотить все горючее в мире. Это была не просто жажда. В такие дни ему вспоминались карикатуры Верджила Парча в «Сэтеди ивнинг пост», на которых небритый мужик ползет по пустыне со священным языком, озираясь в поисках источника воды. Когда нападало такое желание, Гарденеру оставалось одно — бороться, терпеть, пытаться преодолеть себя. Хорошо, если он оказывался в месте типа Бостона; тут можно было ходить на собрания — хоть каждые четыре часа, если нужно. Трое-четверо суток — и его отпускало...

Как правило.

Вот и в этот раз он надеялся перетерпеть. Отсидеться в номере, круглосуточно смотря фильмы по кабельному за счет гостиницы. Последние восемь лет после развода и увольнения из университета Джим занимался поэзией на полную ставку — другими словами, вился в ту субкультуру, где бартер порой был важнее денег.

Гарденер писал за еду. Как-то раз один фермер заказал ему поздравительный сонет для своей жены в честь ее именин, а взамен притащил три мешка картошки.

— Только, ты это, покруче там чего-нибудь нарифмуй, — предупредил заказчик, буравя Гарда холодным тяжелым взглядом. — Чтоб прямо по-настоящему забирало!

Джим хорошо понимал намеки, особенно если дело затрагивало интересы его желудка. В итоге он наводнил сонет настолько преувеличенными выражениями супружеских чувств, что сам хохотал во все горло, когда правил второй черновик. Потом набрал номер Бобби, и они посмеялись уже вдвоем. Всухом это было даже забавнее. Прямо как пылкое любовное признание от Доктора Сьюза*. Впрочем, Джим и без замечаний Бобби знал, что не унизился до халтуры, сочинив эту, хоть и попсовую, но все-таки недурную вещицу. В другой раз маленькое издательство в Уэст-Майнот согласилось опубликовать его поэтический сборник, а расплатилось дровами. Гарденер был не против. Это произошло в начале 1983 года; он отлично запомнил дату, потому что с тех пор ни единого сборника так и не выпустил.

— Надо было взять с них раза в полтора больше, — сказала ему в тот вечер Бобби, когда они вдвоем, покуривая, сидели у печи, грели ноги на железной решетке и слушали завывания ветра в саду и в поле. — Стихи-то ведь очень хорошие. И потом, их так много.

— Знаю, но я замерзл. А на этом как раз продержусь до весны. — Гарденер подмигнул. — Мне еще повезло, что эти чудики — из Коннектикута. Им ни за что не понять, какое фуфло я им на самом деле всучил!

Бобби округлила глаза и со стуком опустила ноги на пол.

— Да ладно?

— Честное слово.

Она захихикала, и Джим ее крепко поцеловал. Позже они заснули в обнимку. Правда, Гарденер быстро проснулся и долго лежал — слушал ветер, представляя себе, как темно и холодно за окном, наслаждался теплом и покоем их общей

* Сьюз Гейзель, или Доктор Сьюз (1904—1991) — один из самых популярных американских детских писателей, автор книг «Кот в плюще», «Гринч — похититель Рождества», «Лоракс» и др.

постели, укрытой парой стеганых одеял, и мечтал о том, чтобы это продлилось вечно. Но, разумеется, ничего не продлилось. Трудно сказать, почему бог, который, как говорят, есть любовь, ухитрился создать людей достаточно умными, чтобы летать на Луну, — и в то же время заставил их верить в наивные сказки вроде «потом они жили долго и счастливо».

Наутро Бобби опять пыталась всучить ему денег, а он, как обычно, не взял. Не то чтобы Джим в то время купался в золоте, но концы с концами сводил. И к тому же его немного взбесил ее прозаичный тон.

— Ты в курсе, кому обычно платят за ночь любви? — ухмыльнулся поэт.

Бобби приподняла подбородок.

— Кажется, ты назвал меня шлюхой?

Он продолжал скалить зубы.

— Хочешь, пойду к тебе в сутенеры? Говорят, они хорошо зашибают.

— Гард! Ты будешь завтракать или гадости говорить?

— Разве одно другому мешает?

— Мешает.

Она уже по-настоящему завелась; Джиму сделалось не по себе. Как так? Только что все было легко и прекрасно... «Разве она не видит, что я шучу? — подумал он, заключая Бобби в объятия. — Всегда понимала, а тут вдруг...» Но она, конечно, не видела. Потому что Джим не шутил. Кого он пытается обмануть? Подружка поставила его в неловкое положение; Гард хотел ее уколоть побольнее. А ведь на самом деле, глупостью было не столько ее предложение, сколько его непонятный гнев. Чего же смущаться, если он сам себе выбрал такую жизнь?

Нет, Джим вовсе не думал отталкивать от себя Бобби. В постели с ней было классно, но даже не это главное. Главное, что они друзья; а в последнее время с Гардом и так творилось неладное: его близкий круг общения очень быстро сужался. Пугающе быстро.

«Это друзья разбежались в разные стороны? Или ты сам разогнал их, а, Гард?»

Обнимать Бобби в таком состоянии было все равно, что прижимать к себе гладильную доску. Еще немного — и подружка начнет вырываться, а Джим попытается удержать ее,

и это станет последней ошибкой... Но она потихоньку смягчилась.

— Хочу завтракать, — сказал Гард. — И еще хочу извиниться.

— Ладно. — Андерсон отвернулась, не желая показывать глаза; судя по дрожащему голосу, она была готова расплакаться. — Вечно забываю, что предлагать деньги янки — признак дурного тона.

Джим бы не поручился, что это так; однако денег у Бобби он никогда не возьмет. Не брал и не собирается.

Другое дело — проехаться с «Поэтическим караваном».

«Смотри не упусти добычу, сынок, — сказал бы Рон Каммингс, нуждавшийся в деньгах не больше, чем папа римский — в какой-нибудь новой шляпе. — Раз эта жирная сучка сама идет к тебе в руки — хватай!»

«Поэтический караван Новой Англии» приносил наличные. Три сотни вперед и три сотни — по окончании. Купюры в обмен на грэзы. «И слово стало плотью», если можно так выразиться. Но даже наличные — это еще цветочки.

Самое сладкое в этом деле — халява.

Во время турне открывается столько разных возможностей! Заказать еду прямо в номер, сделать стрижку в гостиничной парикмахерской или как-нибудь вечером выставить в коридор не повседневную обувь, а выходные ботинки (если такие имеются), чтобы их тоже отполировали до блеска.

Потом, опять же, фильмы. В кинотеатре он бы таких не увидел, там почему-то упорно требуют денег за то, что поэты, по мнению общества, просто обязаны делать бесплатно. Или за три мешка картошки за сонет (одну штуку). Конечно, фильмы в номер тоже приносили не за красивые глазки, но кого это волновало? Все записывалось на общий счет — автоматически, при помощи какого-то продвинутого компьютера. Гарденеру лишь оставалось благодарить небеса за халяву и отрываться по полной. Он посмотрел все, что смог достать: от «Эммануэль в Нью-Йорке» (сцена в манхэттенском ресторане, где геройня тискает под столом своего дружка, показалась ему верхом искусства: у Джима сразу же поднялось настроение) до «Индианы Джонса и Храма судьбы» и мультика «Яркая радуга и похитительница звезд».

«Да, вот этим я сейчас и займусь, — думал он, потирая шею и мечтая о виски хорошей выдержки. — Именно этим. Пере-

смотрю их заново, даже «Яркую радугу». Потом закажу три чизбургера с беконом. Один съем холодным, около трех. Ну ладно, «Яркую радугу» можно и пропустить, лучше прикорнуть ненадолго. Вечером из номера выходить не буду. Спать лягу рано. Вот так и перекантуюсь».

Бобби Андерсон, гуляя по лесу, споткнулась о трехдюймовый кусок металла, торчавший из земли.

Для Джима Гарденера камнем преткновения стал Рон Каммингс.

Разные ситуации — результат один.

«Оттого, что в кузнице не было гвоздя...»

Рон заглянул в тот же вечер, когда примерно за двести десять миль от Бостона Андерсон с Питером наконец-то вернулись домой после более чем необычного визита к ветеринару. Каммингс предложил сойти в бар и выпить по стакану, а то и по десять.

— Или так, — продолжал он с радостным возбуждением. — Опускаем все эти прелюдии, сразу надираемся в хлам!

Вот если бы он сказал это чуть помягче, Гард еще бы смог отказаться... Но вместо этого вскоре сидел у стойки, тянул шикарный коньяк и тешил самого себя старой байкой о том, что в любой момент может «заязять» — если только захочет.

Рон Каммингс... Хороший, серьезный поэт. При этом — так уж распорядилась судьба — он разве что не испражнялся деньгами. «Я — новый Медичи, — любил говорить людям Рон. — Я разве что не испражняюсь деньгами».

Его предки вот уже лет девятьсот занимались текстилем; теперь им принадлежала львиная доля южного Нью-Хэмпшира. Рона они считали помешанным, но поскольку он имел счастье родиться вторым, а первенец был в своем уме (то есть интересовался текстилем), парню позволили заниматься чем душе угодно. Он и занимался: писал стихи, читал их и вечно ходил в стельку пьяным. Гарденер ни разу не видел, чтобы этот худощавый молодой человек с лицом телевзвезды ел что-нибудь, кроме соленых орешков и крекеров. Надо заметить в защиту Рона: он и понятия не имел о проблемах Гарденера с алкоголем... например, о том, что Джим едва не прикончил свою жену, когда напился.

— Ладно, — махнул рукой Гарденер. — Надираться так надираться.

Пропустив еще несколько бокалов, Рон решил, что двум столь бравым парням не стоит киснуть под писклявую фоновую музычку, которая капала здесь из динамиков под потолком.

— Душа просит чего-то такого... — высказался он. — То есть я еще сам не знаю, но...

— Бог трусов не терпит, — вмешался Гард.

Рон ослабился, хлопнул его по плечу и потребовал *общий счет*. Поставил размашистую подпись, а потом — уже из личного кошелька — добавил щедрые чаевые.

— Гулять так гулять!

И они вышли на улицу. Солнечные лучи пронзительно били в глаза. Внезапно у Джима появилось дурное предчувствие.

— Рон, послушай, — начал он. — Я, наверное, лучше...

Каммингс хлопнул его по плечу. На его вечно бледных щеках теперь горел румянец, обычно затуманенные глаза ярко блестели — ни дать ни взять мистер Джабс, купивший себе очередную машину*.

— Только не надо сейчас вот этого, Джим! — взмолился Рон. — Весь Бостон с его возможностями лежит у наших ног, сверкая, как след от первой мальчишеской эякуляции...

Джим не удержался и закатился хохотом. Рон тоже прыснул.

— Вот такого Гарденера мы все знаем и любим!

— Бог трусов не терпит, — ответил Джим. — Поймаешь для нас такси, Ронни?

И тут он заметил воронку в небе. Гигантскую, черную, наползающую... Еще немного — и Гарда унесет ураганом...

Жаль только, что не в страну Оз.

Такси подкатило к бордюру, и они залезли внутрь. Водитель спросил, куда ехать.

— В Оз, — буркнул Джим.

Рон хохотнул.

* Мистер Джабс (Жабби) — герой сказочной повести шотландского писателя Кеннета Грэма «Ветер в ивах». Богатый повеса, крайне увлекающаяся натура, мистер Джабс покупает себе автомобиль. Но, став фанатом быстрой езды, он разбивает его, а потом один за другим приобретает новые — после каждой очередной аварии.

— Он хотел сказать, куда-нибудь, где быстро напиваются и еще быстрее танцуют. Найдешь нам такое местечко?

— Отчего не найти, — отозвался таксист, и машина тронулась.

Гарденер обнял приятеля за плечи, воскликнув:

— Вперед, и с песнями!

— Отличный тост, — кивнул Рон.

2

На следующее утро Джим проснулся в ванне, полной холодной воды. Его лучшая выходная одежда (на свою беду, Гард был именно в ней, когда Рону вздумалось отправиться в свободное плавание) противно липла к коже. Пальцы побелели, точно рыбье филе, подушечки сморшились. Похоже, давно он сюда забрался. Может быть даже, вода поначалу была горячей. Джим этого не помнил.

Выбравшись из отверстия стока, он заметил на туалетном сиденье бутылку бурбона. Полупустую, в каких-то масляных пятнах. Джим взял ее в руки, принюхался. От пятен едва уловимо пахло жареной курицей. Но аромат, исходивший из горлышка, был куда привлекательнее. Ох, не надо бы... Но бутылка стремительно стукнула его по зубам, и мысль осталась незаконченной. Гарденер выпил залпом. И отключился.

А когда пришел в себя, то стоял без одежды, с телефонной трубкой возле уха, и набирал чей-то номер. Он не имел представления чей... пока не услышал голос Рона. Судя по интонации, бедолага чувствовал себя еще более паршиво, хотя Гард мог поклясться, что это в принципе невозможно. Тут он как бы со стороны услышал собственные слова:

— Что вчера было?

И вот так каждый раз, когда его затягивает циклон. Даже в полном сознании (а Джим почти никогда не чувствовал себя в полном сознании) он воспринимал окружающую реальность немного серой и зернистой, точно снимок в газете. По большей же части — как бы парил над собственной головой, словно детский воздушный шарик.

— Много мы дел наворочали?

— Наворочали? — повторил Каммингс и замолчал.

Наверное, напрягал извилины. По крайней мере, Гарденер очень надеялся, что парень просто пытается вспомнить. Или наоборот — боялся этого. Руки противно похолодели.

— Да ничего мы не наворочали, — наконец выдал Каммингс, и Гарда слегка отпустило. — Вот только бедная моя голова! Как ей тяжко сейчас приходится! Ууужас!

— Точно ничего? Совсем ничего?

Вспомнилась Нора.

Внутри головы почему-то вдруг прозвучал голос помощника шерифа: «Жену ты подстрелил, вот что. Доволен, засранец?»

— Н-ну... — нерешительно протянул Каммингс и замолчал. Гарденер так и впился пальцами в трубку.

— Что «ну»?

Почему вдруг стало так нестерпимо светло? Точно вчера на улице, когда они вдвоем покидали отель.

Значит, *что-то* он все-таки натворил. Снова отключился и выкинул какую-нибудь глупость. Большую. Ужасную. Когда он только научится держать себя под контролем? И вообще, научится ли?

Память подсунула диалог из старого фильма...

Злобный Эль Команданте: «Завтра, сеньор, вы умрете еще до рассвета! Вы видели солнце в последний раз!»

Храбрый американец: «Велика беда; а ты зато лысый, и останешься таким до конца дней!»

— Что? Что я там выкинул?

— Ввязался в какой-то спор в гриль-баре «Каменистая пустошь». — Каммингс хохотнул. — Ай! Господи! Уже и смеяться больно; кажется, я действительно перестарался... Джеймс, дорогой, ты хоть что-нибудь помнишь? Гриль-бар или этих козлов?

Гарденер сказал, что не помнит. Потом хорошенько поднатужил извилины. Мысленно увидел вывеску «Братьев Смит» со знаменитыми близнецами* и солнце, ныряющее в кровавую лужу. Когда это было? Июнь близится к концу, значит... в половине девятого? или в четверть? В общем, часов через пять после того, как они с Роном пустились в свободное плавание. Еще вспоминался их яростный спор об Уоллесе Стивенсе**. Джиму

* Братья Смит — создатели леденцов от кашля.

** Уоллес Стивенс (1879—1955) — американский поэт-модернист.

приходилось напрягать горло, чтобы перекричать музыкальный автомат, грохочущий голосом Джона Фогерти*. На этом лента памяти резко оборвалась.

— Ну, там еще прямо над баром приклеили автомобильный стикер «Вэйлона Дженнингса** в президенты», — подсказал Каммингс. — Теперь вспоминаешь?

— Нет, — промямлил Гарденер.

— В общем, ты с какими-то парнями поцапался. Слово за слово — сначала вы как следует разогрелись, потом раскалились. Дошло и до кулаков.

— Моих? — У Гарда совершенно упал голос.

— А чьих же, — радостно подтвердил Рон. — Тут мы оба красиво так пролетели по воздуху и приземлились на тротуар. Знаешь, сказать по правде, мы еще легко отделались. Они уже прямо копытом били!

— Что мы обсуждали — Чернобыль или Сибрук?

— Ага! Значит, помнишь?

— Если бы помнил, не уточнял бы.

— Собственно говоря, и то, и другое... — Каммингс замялся. — Ты как там, Гард? Что-то у тебя голос не очень.

«Да ладно, Рон. Я прямо летаю. Лечу с циклоном. По кругу, все выше, и выше, и выше, и вниз, и неизвестно, когда этому настанет конец».

— Я — отлично.

— Ну и хорошо. Надеюсь, ты в курсе, кого за это благодарить.

— Тебя, что ли?

— Ну а кого же? Дружище, я шлепнулся об асфальт, прямо как неумелый младенец с горки. Не видел еще свою задницу в зеркале, но готов поклясться, зрешице не для слабонервных. Совсем как плакат «Грейтфул дэд» шестьдесят девятого года. Но ты ведь еще собирался вернуться и потолковать о чернобыльских детях, которые все перемрут от лейкемии за пять ближайших лет. О каких-то парнях, что чуть не подняли на воздух весь Арканзас, разыскивая со свечкой в руках неисправ-

* Джон Кэмерон Фогерти (р. 1945) — американский певец, песенник и гитарист, более всего известный как лидер и автор большинства песен группы «Creedence Clearwater Revival».

** Вэйлон Дженнингс (1937—2002) — американский певец, один из самых популярных исполнителей кантри XX века.

ность проводки на атомной электростанции. И вроде бы даже устроили небольшой пожар. Могу поспорить хоть на свои часы (а у меня ведь «Ролекс»), это ты про Сноупсов с Миссисипи*. Я тебя чудом в такси затащил; пришлось обещать, что мы непременно вернемся и поотрываем им головы. Потом долго заговаривал зубы, чтобы ты в номер поднялся. Я даже ванну набрал! Ты сказал, что уже очухался. Собирался немного поплавать и позвонить своему дружку по имени Бобби...

— Это подружка, — рассеянно обронил Гарденер, потирая правый висок свободной рукой.

— Хорошенькая?

— Ничего, сойдет.

Голову вдруг пронзила странная, но очень четкая мысль: «Бобби в белс». Так запоздалый билльярдный шар с грохотом катится по зеленому игровому столу. И через мгновение проваливается в сетку.

3

Гарденер медленно подошел к стулу и опустился на него. Теперь уже он массировал оба виска. АЭС, вечно эти АЭС. А что еще? Если не Чернобыль, то Сибрук, не Сибрук — так Три-Майл-Айленд**, или Мэн Янк в Вискассете***, или Хэнфордский комплекс**** и то, что могло бы остаться от штата Вашингтон, если бы кто-то случайно не обнаружил сваленные в неогороженную канаву отработанные стержни, готовые взвиться к небу.

* Герой трилогии Уильяма Фолкнера о людях и судьбах американского Юга «Поселок» (1940), «Город» (1957), «Особняк» (1959).

** Атомная электростанция, расположенная на острове на реке Саскуэханна в 16 км к югу от Гарисберга, штата Пенсильвания. 28 марта 1979 года на ней произошла авария, до сих пор считающаяся самой страшной ядерной аварией в США.

*** АЭС на полуострове Бейли, Вискассет, штат Мэн. Проработала с 1972 по 1996 год, когда возникшие проблемы потребовали слишком больших расходов. В конце концов АЭС была списана и демонтирована.

**** В настоящее время выведенный из эксплуатации комплекс по производству радиоактивных материалов, расположенный на берегу реки Колумбия, штат Вашингтон.

Сколько их было, таких вот случаев?

Топливные стержни, набросанные огромными саморазогревающимися кучами. Кого там пугало проклятие Тутанхамона? Погодите, ребята, пока археолог двадцать пятого века наткнется на одну из таких вот свалок атомного дерьма!

Гард, ты всего лишь пытался поведать о лжи, о наглой, бессовестной лжи. О том, что ядерная энергия в конце концов убьет миллионы людей, превратив гигантские пространства в бесплодные и непригодные для обитания. В ответ на тебя таращились пустые глаза. Ты обращался к современникам, которые в течение многих лет избирали себе то одну, то другую администрацию и слушали ложь за ложью и даже ложь о лжи, а стоило какому-нибудь вранью раскрыться, вруны говорили: «Ой, извините, мы просто ошиблись», и избиратели их похристиански прощал. Ты все не мог поверить, черт побери, как много людей готовы так поступать, пока не вспомнил, что Ф. Т. Барнум писал о сверхъестественно высокой рождаемости простаков на белом свете*. В ответ на истину люди, похлопав глазами, обзывают тебя последним жуликом, ибо американское правительство не способно врать, иначе это была бы уже не Америка, и «Ох, отец, я не смолчу; да, это сделал я, и врать не стану ни за что, пусть хоть прибьют меня!»**. Ты говорил, а на тебя пялились, будто на иностранца, лепечущего невесть что на своем наречии.

Восемь лет назад он чуть было не убил жену, а три года назад их с Бобби арестовали в Сибруке; ее — по общему обвинению, за участие в нелегальной демонстрации, а вот Гарденера уже с куда более серьезной формулировкой: «хранение личного огнестрельного оружия без лицензии». Все остальные вышли

* Финеас Тейлор Барнум (1810–1891) — американский шоумен, антрепренер, крупнейшая фигура американского шоу-бизнеса XIX века. Снискал широкую известность мистификациями, организовал цирк, названный его именем. «Каждую минуту рождается еще один простак» — таков был девиз этого человека.

** Поэтически переосмысленная фраза из назидательной истории, якобы случившейся с Джорджем Вашингтоном в детские годы. Однажды Джордж, желая испробовать новый топорик, срубил любимую вишню отца. В ответ на расспросы своего батюшки он, как полагают, и произнес свою знаменитую фразу: «Я не умею лгать. Это я срубил вишню».

под залог. Джима продержали два месяца, и адвокат заявил, что ему еще повезло. Гард поинтересовался у него, каково это — прикуривать от бомбы, готовой взорваться в любую минуту. Тогда адвокат спросил, не угодно ли Джиму обратиться к хорошему психиатру. В ответ Джим послал его самого — и не к врачу, а немножко дальше.

Впрочем, ему хватило здравого смысла не участвовать более ни в каких демонстрациях. Хотя бы на это — хватило, да. Обходить их за несколько миль, только бы не *отравиться* снова. Но стоило напиться, и разум (те жалкие остатки, что пощадил алкоголь) с навязчивой одержимостью возвращался к теме реакторов, отработанных стержней, захороненных контейнеров с отходами, а главное — к невозможности остановить крушения этого мира, едва лишь тот покатится под откос.

Другими словами, к АЭС.

Стоило выпить, и сердце начинало саморазогреваться. АЭС, чертовы АЭС... А что, символично. Тут даже не надо быть Фрейдом, чтобы раскусить: на самом-то деле Гард протестует против реактора в собственном сердце. Что касается системы самоконтроля, она уже вышла из строя, и специалиста, отвечающего за нее, давно бы следовало уволить. Этот козёл попросту сидел на рабочем месте, играясь с разными переключателями, и, похоже, не собирался успокаиваться, пока Джима не хватит китайский синдром*.

Да чтоб им пусто было, этим АЭС!

«Забудь ты о них».

Он честно попытался. Для начала решил подумать о своем вечернем выступлении в Северо-восточном университете. Это невинное развлеченье спонсировал сам университет и еще группа, окрестившая себя «Друзьями поэзии». Название наводило на Гарденера страх и трепет. Группы с такими названиями, как правило, сплошь состоят из дамочек преклонного возра-

* Ироническое выражение, возникшее в среде американских специалистов по ядерной энергетике в середине 60-х и означающее гипотетическую тяжелую аварию на АЭС с расплавлением ядерного топлива и проникновением его в почву. Крайне малая вероятность такого события подчеркивалась названием, произошедшем от шутки, что при тяжелой аварии на АЭС ядерное топливо способно прожечь всю Землю насквозь и дойти до Китая.

ста, величающих себя «леди». Творения какого-нибудь Рода Маккуина* им куда ближе, нежели стихи Джона Берримена**, Харта Крейна***, Рона Каммингса или старины Джеймса Эрика Гарденера, запойного пьяничужки, однажды выстрелившего в собственную жену.

«Вали ты отсюда, Гард. Пошли подальше «Поэтический караван Новой Англии». Забудь про Северо-Восточный университет, про подружек поэзии, про суку Маккардл. Беги, пока не стряслось беды. Настоящей беды. Потому что, если ты здесь останешься, ее точно не миновать. «Луна сделалась как кровь...»****

Но будь он проклят, если сбежит обратно в Мэн, поджав хвост! Только не он! И потом, эта сучка...

Патрисия Маккардл. Или Гарденер совершенно не разбирается в стервах, или эта — стерва высшего класса.

В контракте, который она заставила всех подписать, было четко сказано: отрабатывай свой хлеб с маслом — или ни черта не получишь.

— Боже! — Джим закрыл ладонью глаза, тщетно пытаясь отгородиться от усиливающейся мигрени.

Хотя точно знал, что здесь поможет одно-единственное лекарство. И вот оно-то как раз грозило серьезными бедами. Но думать об этом хотелось меньше всего. Вскоре спиртное уже текло рекой, а в небе сворачивалась новая воронка смерча.

Джим Гарденер был в свободном падении.

4

Патрисия Маккардл — главный сотрудник и предводительница «Поэтического каравана Новой Англии». Ноги от ушей, но костлявые. Нос аристократический, но непривлекательный: слишком остро заточен. Гард как-то хотел

* Род Маккуин (1933–2015) — американский поэт, автор и исполнитель песен, композитор.

** Джон Берримен (1914–1972) — американский поэт.

*** Харт Крейн (1899–1932) — американский поэт. Тяготел к архаической лексике и усложненному синтаксису.

**** Откровение Иоанна Богослова, 6:12.

ее мысленно поцеловать и ужаснулся непрошено всплывшей картинке; этот клюв не просто скользнул по его щеке, а распорол ее, словно бритва. Высокий лоб, нулевая грудь, глаза — серые, точно горные ледники под пасмурным небом. И еще она вела свое происхождение от первых британских переселенцев, прибывших в Северную Америку на галеоне «Мэйфлаэр».

Гарденер раньше работал с ней — и уже знал, что не обретется проблем. В 1988-м его неожиданно включили в состав «Поэтического каравана Новой Англии» при довольно жутких обстоятельствах... впрочем, не столь уж неслыханных в мире поэзии. как и, скажем, в мире джаза или рок-н-ролла. В последнюю минуту в заявленной программе вдруг образовалась дыра, которую требовалось срочно ком-то заткнуть: один из шестерых участников предстоящего веселеньского круиза взял и повесился на ремне в сортире.

— Прямо как Фил Оукс*, — высказался Рон Каммингс в первый день тура, когда они с Гардом тряслись на смежных сиденьях в хвосте автобуса. И нервно хихикнул, будто школьник на задней парте. — Впрочем, наш сукин сын Билл Клотсурт никогда не блистал оригинальностью.

Патрисии предстояло устроить двенадцать публичных чтений, причем аванс уже был заплачен, что, если отбросить высокопарную риторику, означало попросту: предъявить шестерых поэтов в одной упряжке.

Самоубийство Клотсурта поставило Маккардл перед необходимостью за три дня отыскать публикующегося поэта в разгар сезона, когда все они были уже нарасхват («Или на вечных каникулах, как дурачок Билли Клотсурт», — заметил Каммингс, криво ухмыльнувшись).

Никто из потенциальных спонсоров не отказался бы уплатить оговоренную ранее сумму только из-за того, что «Караван» уменьшился на одного поэта, — поступить так было бы «некультурно», особенно если учесть причину случившегося. И все же с формальной точки зрения это значило нарушить условия контракта, а Патрисия не из тех, кому по нраву какие бы то ни было нарушения.

* Филип Дэвид Оукс, «Фил Оукс» (1940—1976) — американский музыкант, автор и исполнитель «песен протеста», в которых критиковались нарушения прав человека, война во Вьетнаме.

Выслушав четверых поэтов — один хуже другого — менее чем за тридцать шесть часов до первого выступления, она наконец позвонила Гарденеру.

— Все еще пьяниствуешь, Джимми? — напрямик спросила она.

«Джимми! Он терпеть не мог подобного обращения. Вот «Джим» — то, что надо. Так его в основном и звали. Сам он мысленно именовал себя Гардом... и Бобби Андерсон тоже.

— Пью помаленьку, — ответил Джим. — Не так чтобы очень.

— Что-то я сомневаюсь, — холодно проронила она.

— Ты снова в своем репертуаре, Патти. — Гарденер знал, что Патрисия ненавидит это обращение даже сильнее, чем он — «Джимми». Вся ее пуританская кровь восставала против фамильярностей. — А почему ты спрашиваешь, из любопытства? Или вдруг появилась во мне нужда?

Разумеется, он был в курсе, и она это знала, как и то, что Джим сейчас ухмыляется, и это ее не могло не бесить, зато его самого забавляло до жути, и это Патрисии тоже было известно, что радовало Гарденера больше всего.

Еще несколько минут они скрещивали шпаги, а затем заключили нечто вроде брачного договора — только не по расчету, а скорее по необходимости. Джиму нужна была дровяная печка для предстоящей зимы — подержанная, но в рабочем состоянии; он устал как собака ютиться в холод на кухне перед плитой под стук расшатавшегося оконного косяка. А Патрисии срочно понадобился поэт. Они могли бы договориться и на словах, но вы не знаете сучку Маккардл. Она прикатила из Дерри с контрактом (в трех экземплярах) и нотариусом. Гард даже слегка удивился, почему она не взяла с собой и второго нотариуса — на случай если первого хватит удар, или просто так, на всякий случай.

Плевать на плохие предчувствия: стоит Гарденеру прямо сейчас улизнуть, и не видать ему дровяной печи как своих ушей. Половина-то гонорара получена. Патрисия потащит беглого поэта в суд и не пожалеет тысячи долларов, только бы вытянуть из него уплаченные «Караваном» три сотни. С нее станется. Хотя Джим отработал почти все назначенные выступления, однако в контракте за его подпись черным по белому было указано: если Гарденер ударит по любой причине,

которую Координаторы Тура посчитают неуважительной, вся не выплаченная ему сумма аннулируется, а весь аванс подлежит возвращению зарегистрированной корпорации «Караван» в течение тридцати (30) суток.

Патрисия ни за что не отвяжется. И вовсе не из принципа, как будет думать она сама, а потому что в трудную минуту Джим назвал ее «Патти».

Но если бы только это. Попробуй он устраниться, и эта сучка не устанет поливать его грязью. Никогда уже Гарденеру не доведется принимать участие в поэтических турах, с которыми она хоть как-нибудь связана, а это чертова уйма тур. И ведь еще этот деликатный вопрос грантов. Муж Патрисии, вот уже десять лет как покойный, оставил ей кучу денег... Нет, Джим, конечно, не думал, что у нее, как у Рона Каммингса, например, монсты выходят из задницы: тело мисс Маккардл в принципе не могло иметь столь вульгарных отверстий, не говоря уже о прямой кишке; в случае необходимости она, скорее всего, прибегала к непорочному выделению шлаков... Как бы там ни было, Патрисия обошлась с деньгами по-умному и учредила свой премиальный фонд. Этот шаг превратил ее одновременно в серьезную меценатку и чрезвычайно ловкую деловую женщину, ведь гранты налогами не облагались. Часть из них выдавалась авторам в назначенные сроки, другие служили наградами в конкурсах, а третью страховали современные литературные журналы. Распределением ведали комитеты, за каждым из которых стояла сама Патрисия, чьи холеные руки подгоняли их друг к другу, словно части китайской головоломки... или, вернее, сплетали их вместе, будто нити паучьей сети.

Маккардл не просто вытрясет из Гарденера жалкие шесть сотен баксов — она наденет на него намордник. А ведь еще существует возможность — пусть слабая, но возможность, — что Джим напишет два-три хороших стихотворения до того, как безумец, уже засунувший дуло в задницу мира, решится спустить курок.

Значит, придется идти до конца. Гард заказал в номер бутылку «Джонни Уокера» (боже, благослови халаву отныне и вовеки, аминь) и вскоре уже наливал себе по второй, причем руки на этот раз совсем не дрожали. Решил — значит, вытерпит.

Однако день продолжал тянуться, и поэта все чаще посещала мысль о том, чтобы выйти к остановке на Стюарт-стрит, забраться в автобус с борзой на капоте, через пять часов сойти у пыльной придорожной аптеки в Юнити. Оттуда уже автостопом до Трои. Позвонить и сказать: «Меня почти унесло циклоном, Бобби, но я вовремя скрылся в убежище. Здорово, правда?»

«Брось, Гард. Каждый сам кует свое счастье. Проявишь силу — будет и удача. Взялся за дело — терпи».

Джим перерыл дорожную сумку в поисках самой приличной одежды: костюм для выступлений, увы, восстановлению не подлежал. Пара линялых джинсов, незатейливая белая рубашка, потрепанная майка с трусами и носки полетели на ровно расстеленное покрывало («Мерси, мадам, но уборку делать не нужно: я отлично выспался в ванной»). Одевшись, Гарденер проглотил мятную конфету, запил алкоголем, бросил в рот еще мятных конфет и вновь принялся потрошить свою сумку, на этот раз пытаясь найти аспирин. Нашел. Проглотил сразу несколько штук. Посмотрел на бутылку. Отвел взгляд. В голове все отчетливее пульсировала боль. Джим сел у окна с тетрадями: надо же выбрать, что прочесть вечером.

При скучном свете стихи казались написанными на карфагенском. Вместо того чтобы бороться с мигреню, аспирин явно решил с ней сотрудничать. Трам-бам-мерси, мадам. Голова раскалывалась с каждым биением сердца. Словно тупой стальной бур медленно ввинчивался внутрь — над левым глазом, чуть в стороне. Знакомое дело... Гарденер дотронулся до бледного шрама и задумчиво обвел его, еле касаясь подушечкой пальца. Там, под кожей, таилась стальная пластина — напоминание о несчастном случае в юности, во время лыжной прогулки. Доктор тогда сказал: «Сынок, иногда тебя будут терзать головные боли. В такие дни говори спасибо, что ты вообще что-то чувствуешь. Считай себя невероятным везунчиком».

Но Гарденер сомневался, что это так.

Весьма сомневался, когда начинало накатывать.

Дрожащей рукой отложив тетради, он прикрыл глаза.

«Я не смогу».

«Ты сможешь».

«Нет. Луна уже сделалась кровью, я это чувствую, черт, почти вижу».

«Завязывай с этой ирландшиной, девка, никчемный слабак!
Сильнее надо быть, сильнее!»

— Постараюсь, — пробормотал он, не открывая глаз.

Четверть часа спустя из носа закапала кровь, но Гард не заметил этого. Он заснул сидя.

5

Перед выходом на сцену Джима всегда охватывал страх. Даже если его ждала совсем небольшая аудитория (а большие и не собираются, чтобы послушать современных поэтов). Но в этот вечер, двадцать седьмого июня, к привычному страху прибавилась головная боль. Очнувшись у себя в номере у окна, Гарденер обнаружил, что дрожь и нытье в желудке бесследно пропали, зато мигрень усилилась в несколько раз и достигла высшего, неведомого ранее уровня. Словно гигантский кролик нервно колотил по черепу тяжелой лапицей.

Когда наконец подошла его очередь выступать, Джим слышал сам себя точно со стороны — в записи, по испорченному приемнику, на коротких волнах, откуда-то из Испании, а то и из Португалии. Все мысли будто смыло волной; осталось лишь притвориться, что он не может найти особое стихотворение, которое задевал куда-то. Гарденер зашелестел листами, перебирая их негнущимися, потерявшими чувствительность пальцами. «Кажется, я сейчас упаду, — подумал он. — Прямо здесь, у всех на глазах. Вместе с кафедрой опрокинусь на первый ряд. Если повезет, приземлюсь на эту аристократическую сучку и прикончу ее. А значит, не зря проживу свою жалкую жизнь».

«Не сдавайся! — отозвался безжалостный внутренний голос. Иногда он звучал как отцовский, но чаще — как голос Бобби Андерсон. — Держись, и все тут. Больше от тебя ничего не требуется».

Аудитория, как назло, именно в этот вечер собралась впечатльная. Человек сто набилось за парты лекционного зала Северо-Восточного университета. Какие большие у них глаза. «Почему у тебя такие большие глаза, бабушка?» — «Чтобы съесть тебя!» Они просто выплюют до дна его душу, *ка*, или как там ее еще называют. Вспомнился отрывок из песни группы «T. Rex»: «Детка, я вампир твоей любви... И я тебя *ВыСОСУ!*»

Ну да, конечно, «T. Rex» давно уже нет. Марк Болан, их лидер, впечатался на спортивной машине в дерево и может считать себя везунчиком, потому что не выжил. Бейте в гонг в честь Марка, которому удалось... Или не удалось. Неважно. В 1986-м их мелодию перезапишут на студии «Пауэр стейшн», и это будет кошмар, это... это...

Джим поднял дрожащую руку ко лбу, и по аудитории прокатился обеспокоенный шепоток.

«Лучше продолжай, Гард. Аборигены волнуются».

Ага, это голос Бобби, конечно.

Квадратные светильники, вделанные в потолок впритык друг к другу подобно камням мостовой, начали странно пульсировать, причем почему-то в такт волнам накатывающей боли. Гарденер видел перед собой Патрисию. Она сидела в маленьком черном платье, которое наверняка обошлось не дороже трех сотен и было куплено с молотка в одной из прогоревших лавок на Ньюбери-стрит. Вытянутое, бледное, суровое лицо пуританки, чьи предки, эти славные жизнелюбивые парни, с радостью могли сгноить за решеткой всякого, кто выйдет в субботу из дома, позабыв положить в карман носовой платок, и, на его несчастье, будет пойман с поличным. Темные глаза Маккардл давили на него, точно огромные пыльные камни. Гарденер понял: она все видит. И очень довольна. «Вы только посмотрите. Она ждет моего падения. Знаете, что подумает Патрисия, когда я не выдержу и свалюсь? Прекрасно знаете...»

«Ну разумеется. Это тебе за то, что назвал меня «Патти», спившийся сукин сын». Именно так и подумает. «За то, что назвал меня «Патти», унизил, заставил себя упрашивать... Так что смелее, Гарденер. Может быть, я даже не отберу у тебя карманные деньги. Три сотни — совсем небольшая цена за ни с чем не сравнимое удовольствие наблюдать, как ты тут загнешься у всех на глазах. Вперед, не стесняйся!»

Теперь уже зрители по-настоящему начали волноваться. Пауза между стихами затягивалась куда дольше обычного. Шепот перерастал в приглушенный гул. Где-то за спиной неуверенно кашлянул Рон Каммингс.

«Соберись!» — рявкнул голос Бобби Андерсон... и вдруг начал затихать, затихать.

Готовясь упасть, поэт посмотрел в лица зрителей — и увидел пустые круги, нули, большие белые дыры вселенной.

Гул усиливался. Гарденер заметно качнулся и языком провел по пересохшим губам, с немым испугом глядя в аудиторию. И вот он уже не слышит Бобби, но ясно и четко *видит ее*.

Прямо сейчас она в Хейвене — и в то же время здесь, перед ним. Сидит в кресле-качалке. На ней шорты и топ на завязочках, прикрывающий... назовем это «грудью». У ног, обутых в потрепанные старые мокасины, свернулся Питер и крепко спит. Книжка есть, но она ее не читает. (Джим сумел даже разобрать название. Это были «Ангелы-хранители» Дина Кунца.) Бобби молча смотрит во тьму и думает о своем. Мысли у нее всегда движутся ровно, по правилам, одна за другой, как вагоны поезда. Не спешат, не запаздывают, не сходят с рельсов. Бобби — образцовый железнодорожник.

Джим думал расслышал, о чем она думает. Что-то такое в лесу... Ей что-то попалось в чаще. Ну да. Бобби, пытается разобраться с этим и сообразить, почему она так устала. Ей и в голову не приходит вспомнить о Джиме Эрике Гарденере, известном поэте и бунтаре, пустившем пулю в собственную жену в День благодарения, а ныне стоящем на сцене Северо-Восточного университета, под ярким пульсирующим сиянием, в компании еще пятерых литераторов и какого-то журнального тюфяка по прозванию не то Арберг, не то Аргльбаргль, и почти готовом грохнуться в обморок. Мистер Катастрофа собственной персоной. Боже, благослови разумную Бобби; ей всегда удавалось «владеть собой наперекор уродам». Вот и сейчас она размышляет, как положено нормальному человеку...

Или нет. Все совсем не так.

И тут впервые мысль настойчиво прорвалась к нему сквозь звукоизолирующую оболочку, сияя, как пламенный шар в ночи: «Бобби в беде! В НАСТОЯЩЕЙ БЕДЕ!»

Эта уверенность поразила его, как боксерский удар в челюсть; даже голова перестала кружиться. Джим весь сжался, передернувшись от стука собственных зубов. Накатил новый приступ мигрени, но это было даже неплохо: если он ощущает боль, значит, вернулся в реальность, а не плавает неизвестно где посреди озонового слоя.

А потом что-то переключилось, и перед глазами мелькнула другая картинка, очень зловещая и отчетливая. Бобби находилась в подвале дома, унаследованного от дядюшки. Копалась

в каком-то механизме... Вроде бы. В темноте было не разобрать, да и Бобби никогда раньше не дружила с техникой. Но теперь она явно пыталась что-то такое сделать: язычки призрачного голубого пламени плясали между пальцами, погруженными в путаницу из проводов внутри... чего? Мало света, не разобрать... Что там за темный цилиндр? Гарденер уже где-то видел его. Но тут...

Тут он начал еще и слышать. И это было даже страшнее, чем видеть недобродетельное синее пламя. Джим услышал Питера. Тот завывал. А Бобби не обращала внимания. Вот уж совсем на нее не похоже! Она продолжала себе распутывать провода в глубине сырого, неосвещенного, пахнущего корнями подвала.

Тут раздался гул голосов, и видение испарилось.

Лица зрителей уже не напоминали вселенские белые дыры, а обрели узнаваемые человеческие черты. Кто-то (не очень многие) смотрел с любопытством, кто-то с досадой, но большинство — с тревогой и беспокойством. Ну да, на их месте он бы точно так же смотрел. Неужели Джим только что боялся этих людей? Серьезно? Почему?

Только Патрисия Маккардл выбивалась из общей картины. В ее взгляде сквозила спокойная, сытая уверенность в его профиле, мгновенно приведшая Гарденера в чувство. Поэт внезапно заговорил, мысленно сам удивившись тому, как естественно и приятно прозвучал его голос:

— Прошу прощения. Извините. У меня целая пачка новых стихов; боюсь, я тут зачитался и малость ушел в себя.

Пауза. Улыбка. Многие люди снова откинулись на спинки сидений, на встревоженных лицах было теперь написано облегчение. Кто-то сочувственно хохотнул. На щеках Патрисии пропали гневные пятна, при виде которых у Гарденера даже прошла головная боль.

— Честно говоря, — продолжал он, — это еще не вся правда. Вообще-то я размышлял, прочитать ли вам что-нибудь новенькое. Благоразумие сошлося в нелегком спарринге с тяжеловесом под именем Авторская Гордость — и одержало победу, но спорную. Соперник просит реванша...

Смех в зале звучал уже веселее.

Щеки старушки Патти пылали, как раскаленная плита у него на кухне, если взглянуть на нее в обледеневшее окошко

морозным вечером, а руки так крепко переплелись, что побе-лели костяшки пальцев. Она не оскалила зубы, но, о братья и сестры, была к этому близка, ужасно близка.

— Тем временем я собираюсь исполнить опасный трюк и прочесть перед вами довольно длинное стихотворение из своего первого сборника «Гримуар». — Подмигнув Патрисии, Гарденер закончил с доверительно-иронической интонаци-ей: — Бог трусов не терпит, верно?

За спиной хрюкнул Каммингс, весь зал рассмеялся. Поэт наконец увидел, как из-под гневно сжавшихся в линию губ ярко блеснули жемчужные зубки. Ох, мама дорогая, как это было прекрасно, лучшего и желать нельзя!

«Гард, осторожнее с ней. Думаешь, твой ботинок уже стоит у нее на шее? Может, и так, но это всего лишь мгновение. Не расслабляйся. Она не забудет. И не простит».

Ладно, потом, потом... А сейчас он раскрыл свой первый потрепанный сборник. Тот сам распахнулся на нужном сти-хотоврении — «Лейтон-стрит». Глаза пробежали по надписи: «Посвящается Бобби, которая первой учудила запах полыни в Нью-Йорке».

Стихотворение родилось в год их знакомства. Тогда Бобби только и говорила, что про улицу в Ютике, на которой выросла и откуда сй пришлось совершить побег, чтобы стать собой — простой сочинительницей простых историй. У нее были спо-собности, яркость и легкость. Гард почувствовал это практи-чески сразу. А в течение последующего года увидел и большее: как она переросла свой поверхностный, расточительный стиль и стала писать пусть не как великий, но как очень смелый автор. Однако вначале ей нужно было вырваться с Лейтон-стрит. Не с настоящей, конечно, а с той демонической улицы, которую Андерсон продолжала носить в своем сердце, где среди уны-лых, населенных призраками многоэтажек обитали больной любимый отец и безвольная любимая мать, а надо всеми царила надменная и всесильная, словно дьявол, сестра. В том же году как-то раз Бобби умудрилась заснуть во время занятия. Гарде-нер был с ней предельно мягок — потому что уже понемногу влюблялся и потому что заметил огромные круги у нее под глазами.

— Я ночью почти не спала, — оправдывалась она, задержав-шись после звонка. Бобби еще находилась в полудреме, иначе

не стала бы продолжать; так сильна была хватка Энн и Лейтон-стрит. Но сейчас Бобби словно накачали наркотиками, она будто стояла ногами по разные стороны каменной темной стены из грез. — Стоит забыться, и я начинаю слышать ее.

— Кого? — спросил Джим с теплотой в голосе.

— Сеструху... то есть мою сестру Энн. Она скрежещет зубами, и звук такой, будто к-к-к...

«Кости трещат», — хотела сказать она, но вместо этого разразилась истерическим плачем, сильно перепугав поэта.

Энн...

Живое воплощение Лейтон-стрит.

Именно Энн была препятствием

(«В мою дверь томмисокер стучит и стучит»)

на пути творческих устремлений сбежавшей сестры.

«Ну хорошо, — решился Гард. — Ради тебя, Бобби. Только ради тебя».

И начал читать «Лейтон-стрит» — спокойно, неторопливо, как если бы репетировал у себя в комнате.

— Такие улицы от начала залиты битумом,

Откуда торчат булыжники,

Похожие на головы заживо погребенных младенцев.

«Из какого это мифа?» — спросим мы с тобой.

«Какой такой миф? — рассмеются дети с обочины,

Продолжая скакать на палках и перебрасываться мячом. —

Какой еще миф, никакого мифа, сука, здесь только Лейтон-стрит, и все, и кругом ничего, кроме вросших в землю домов, ничего, кроме задних крылец, где наши мамашы чешут между собой языками».

Душными летними днями на Лейтон-стрит слушают радио, а над крышами, между антеннами, так и шмыгают птеродактили.

«Эй, сука, эй, сука! — скажут они. — Какой тебе миф? Никакого мифа! Ты слышишь, сука, здесь нет ничего, кроме Лейтон-стрит. Сгинь и умолкни, пока не сгинешь, молчи, — говорят они, — сука».

И мы с тобой повернемся спиной к этим улицам, к магазинам

с глухими витринами из кирпича, и ты промолвишь: «О, я достигла пределов знания, но до сих пор слышу этот ее зубовный скрежет, этот скрежет в ночи...»

Джим так давно не перечитывал это стихотворение, что сейчас не просто его «исполнял», но заново открывал для себя. Да и какое там «исполнение» может быть в конце тура, о чём вы? Большинство из явившихся на выступление в Северо-

Восточный тем вечером, даже наблюдавшие жуткую, отвратительную связку, позже сошлись в одном: «Лейтон-стрит» в прочтении Гарденера — лучшее, что им когда-либо приходилось слышать.

Неплохо, учитывая, что это было последнее выступление в его жизни.

6

Читал он примерно двадцать минут, а закончив, тревожно устремил взгляд в бездну притихшего зала. Гарденеру даже успело почудиться, что ничего он на самом деле не прочитал, просто пережил еще одну яркую галлюцинацию перед обмороком.

Потом кто-то поднялся с места и зааплодировал — громко, отчетливо. Это был молодой человек с мокрыми от слез щеками. Рядом с ним встала девочка и тоже захлопала, тоже плача. А потом они все поднялись и устроили ему — да-да, представляете? — овацию. Джим увидел на лицах то самое выражение, о каком и мечтает любой поэт: люди словно только что пробудились от сказочно яркого сна, рядом с которым блекнет любая реальность. Вид у них был как у Бобби в тот памятный день, когда, казалось, она с трудом соображала, где вообще находится.

Впрочем, не все поднялись и хлопали. Патрисия Маккардл, прямая как палка, продолжала сидеть, судорожно вцепившись в маленькую вечернюю сумочку. Губы ее были плотно сжаты, напоминая тонкий бескровный разрез. Жемчужные зубки надежно спрятались. Гард устало порадовался. Что скажешь, Патти? Правда ведь, настоящая этика пуритан в том и заключается, чтобы не дать белой вороне каркать громче положенного? Однако в контракте ни слова не было про обязанность лицемерить, верно?

— Спасибо вам, — пробормотал поэт в микрофон, дрожащими руками сгребая свои тетрадки и записи в одну неровную кучу, которую чуть было не рассыпал по полу, покидая трибуну.

И с глубоким вздохом рухнул в кресло рядом с Каммингсом.

— Господи, — шепнул Рон, не переставая рукоплескать. — Боже мой!

— Кончай уже хлопать, болван, — зашипел в ответ Гарденер.

— Черта с два. Не знаю, когда ты успел написать эту вещь, но она просто великолепна! С меня сегодня бутылка.

— Сегодня — разве что газировка, — ответил Джим, точно зная, что врет.

Мигрень уже возвращалась. Аспирином или каким-нибудь перкоданом ее не вылечить. Кваалюдом* — тоже. Тут поможет одно — изрядные алкогольные возлияния. Всю боль разом снимет.

Аплодисменты начали затихать. Патрисия выдавила из себя вымученную улыбку благодарности.

7

Толстяка, представляющего поэтов публике, звали все-таки Арбергом (хотя Гарденеру по-прежнему хотелось величать его Аргльбарглем). Будучи доцентом английской кафедры, он возглавлял группу спонсоров. Отец Джима окрестил бы такого «крепким шлюхином сыном».

После чтения крепкий шлюхин сын закатил у себя на дому вечеринку для участников «Каравана», «Друзей поэзии» и кое-кого из коллег по кафедре. Все началось в одиннадцать и сперва шло чинно, благопристойно, как это обычно бывает: мужчины и женщины в неудобных позах стояли мелкими группами со стаканами и одноразовыми тарелками в руках, ведя осторожные академические беседы. Гарденера всегда бесила столь бесполезная траты времени — и в его бытность преподавателем, да и теперь... Хотя, пожалуй, теперь в этом было нечто ностальгическое, какая-то приятная меланхоличная нотка.

Тем более внутренний голос завсегдатая вечеринок подсказывал, что лучшее — впереди. Ближе к ночи на смену этюдам Баха придет рок-группа «Pretenders», а болтовня о классовых различиях, политике и литературе уступит место куда более

* Антидепрессант.

увлекательным темам: как сыграли «Бостон ред сокс», кто на кафедре пьет больше всех, кто с кем переспал...

Сочинители в основном теснились у шведского стола, явно следуя золотому правилу Гарденера для поэтических турнов: «Не упусти хаявшую». Под взглядом Джима Энн Делани, написавшая несколько не блестящих, но назойливо застrevавших в памяти стихотворений о сельских тружениках Новой Англии, широко открыла рот, чтобы впиться зубами в огромный сандвич. Майонез, похожий оттенком и консистенцией на бычью сперму, брызнул ей прямо на пальцы. Поэтесса некрасиво их облизала и подмигнула Гарденеру. По левую руку от Энн обладатель прошлогодней премии Бостонского университета имени Натаниэля Готорна (за длинную поэму «Прибениш грез 1650—1980») проворно запихивал в рот оливки. Джон Элвард Симингтон, так звали этого парня, сделал передышку, чтобы набить карманы вельветового пиджака (с заплатками на локтях, разумеется) кружочками сыра «Бон-бел» в обертках, и снова набросился на оливки.

Тут к Джиму подрулил Рон Каммингс. Этот, как всегда, ничего не ел. В руке у него был бокал утерфордского хрусталия, наполненный неразбавленным виски. Рон кивнул в сторону закусок:

— Замечательно. Просто рай для ценителя болонских колбас и кочанных салатов.

— Умеет жить этот Аргльбаргль, — кивнул Гарденер.

Каммингс прыснул напитком так, что у него даже выпутились глаза.

— Аргльбаргль? Боже мой, Джим, ты сегодня в ударе. — И, выразительно посмотрев на бокал товарища (там была сильно разведенная тоником водка — правда, уже вторая за вечер), лукаво спросил: — Значит, газировка и ничего, кроме газировки?

— Ну... По большей части.

Рон опять засмеялся и отошел.

К тому времени, когда вместо записей Баха поставили Б. Б. Кинга, Гард уговаривал четвертый бокал. На этот раз он просил бармена, присутствовавшего на выступлении, сделать упор на водку. И принял на все лады повторять две шутки, которые с каждой порцией все сильнее его смешили. Первая — про ценителей болонских колбас

и кочанных салатов, а вторая — про то, что все доценты подобны «Кошкам» Т. С. Элиота, по крайней мере, в одном: у каждого из них есть тайное имя. Тут Гарденер сообщал под большим секретом, что разгадал имя хозяина: Аргльбаргль. Когда подошло время пятой порции, Джим велел бармену просто помахать тоником перед водкой: этого, мол, вполне достаточно. Парень с каменным выражением на лице покачал банкой перед наполненным водкой стаканом. Гарденер хохотал до слез и до колик в животе. Ему действительно начинал нравиться этот вечер... И скажите по чести, дамы и господа, разве не заслужил он немного радости? Сегодня Джим отработал лучшее выступление за многие годы, а то и за всю свою жизнь.

— Знаете, — подмигнул он бармену, нуждающемуся в деньгах аспиранту, нанятыму специально для этой оказии, — все доценты напоминают «Кошек» Томаса Элиота, по крайней мере, в одном...

— Да, мистер Гарденер?

— Джим. Просто Джим.

Поэт по глазам видел, что этому никогда не бывать: сегодня вечером он блестал перед парнем на сцене, а значит, уже не станет в его глазах каким-то банальным «Джимом».

— У каждого из них есть тайное имя, — продолжал Гарденер. — У хозяина вечеринки тоже такое имеется, и я его разгадал. Аргльбаргль. Это как горло прополоскать для приятного запаха... — Он задумался. — Что, кстати, означенному джентльмену вовсе не помешало бы.

Тут он расхохотался. Какое милое дополнение к шутке. «Все равно что стильный рисунок на капоте крутого авто», — подумал он и опять рассмеялся.

Люди, стоявшие рядом, с недоумением посмотрели на него и вернулись к прерванным разговорам.

«Тише, Гард, старина. Пора немного убавить громкость». Поэт широко ухмыльнулся: все-таки у него намечался чудесный вечер. Даже мысли, чтоб им, в голову лезли одна другой забавнее.

Бармен ответил кислой улыбкой.

— Поосторожнее с профессором Арбергом, — посоветовал он, — или о ком вы там говорили. Он у нас... малость обидчивый.

— Да вы что! — Джим выпучил глаза и энергично задвигал ими вверх-вниз, подражая Граучо Марксу*. Но громкость и вправду убавил. — И наверное, даже не «малость», судя по габаритам. Крепкий шлюхин сын, ага?

— Ну... да. — Украдкой оглянувшись, бармен перегнулся через импровизированную барную стойку. — В прошлом году было дело... Профессор случайно услышал в фойе, как один студент пошутил: ему, дескать, всегда хотелось учиться в таком заведении, где Моби Дик был бы не сухой и казенной классикой, а живым членом кафедры. Говорят, этот парень числился среди наших одним из первых, но уже до конца семестра он вылетел. Как и все, кто смеялся над шуткой. Остальные учатся до сих пор.

— Господи, — выдохнул Гарденер.

Он и раньше слышал подобные истории (две или три из них были даже еще гнуснее), но все равно каждый раз испытывал омерзение. Проследив за взглядом бармена, поэт обнаружил Аргльбаргля возле фуршетного столика, в обществе Патрисии. Жирдяй жестикулировал глиняной кружкой с пивом, а другой рукой загребал картофельные чипсы, погружал их в устричный соус и переправлял себе в рот, не переставая болтать и брызгать слюной. Гарденер не мог вспомнить, когда в последний раз видел что-то более гадкое. При этом на лице у сучки Маккарди был написан такой неподдельный восторг, что казалось, еще немного — и она падет на колени, чтобы ему отсосать. А жирный хрен, вдруг представилось Джиму, даже жрать в это время не перестанет, так и будет ронять на ее прическу крошки от чипсов и капли вонючего соуса.

— Иисус разрыдался бы, — протянул поэт и медленно осушил полбокала водки-уже-без-тоника.

Напиток почти не обжег... Обожгло другое — накатившая вдруг волна враждебности, предвестница немого и необъяснимого гнева, который терзал его с самых первых дней пьянства.

— Долей-ка, приятель.

Бармен плеснул еще водки. А потом робко сказал:

— Мистер Гарденер, по-моему, вы сегодня просто чудесно выступили.

* Джюлиус Генри «Граучо» Маркс (1890–1977) — американский актер, комик, участник комик-труппы, известной как Браты Маркс.

— Спасибо.

Глупо, но Джим растрогался. Этот мальчишка, которому самому-то не во всех заведениях подадут спиртное без документов, чем-то напомнил ему Бобби Андерсон в ее первые дни в университете. Стихотворение «Лейтон-стрит» посвящалось именно ей.

— Вам надо поаккуратнее с этой водкой, — предупредил мальчишка. — Она забирает не сразу, но крепко.

— Все под контролем, — заверил Гарденер и подмигнул. — Идеальная видимость в радиусе десяти миль.

С этими словами он отошел от бара, покосившись в сторону крепкого шлюхина сына и сучки Маккардл. Та мгновенно почуяла и ответила холодным неулыбчивым взглядом двух синеватых льдинок.

«Выкуси, фригидная стерва», — подумал Джим и по-трактирному неучтиво отсалютовал ей бокалом, дерзко ослабившись.

— Газировка, значит? Чистая газировка?

Гарденер обернулся. Рон Каммингс возник за его спиной, как чертик из коробочки. Он даже ухмылялся по-мефистофельски.

— Отвали, — сказал Джим, и многие из стоящих поблизости обернулись.

— Дружище...

— Знаю-знаю, пора убавить громкость, — проворчал Гарденер.

А в голове уже все настойчивее нарастала пульсация, но не та, о которой предупреждал доктор после несчастного случая, — не ото лба, а со стороны затылка, из глубины. И она не несла с собой боли...

Скорее наоборот, было даже приятно.

— Доволен? — Каммингс еле заметно кивнул в сторону Патрисии. — Ты здорово ее разозлил, Джим. Она спит и видит, как от тебя избавиться. Не вздумай дать повод.

— А пошли бы вы оба и трахнулись.

— Сам с ней трахайся, — возразил Рон. — Я еще понимаю — загнуться от рака, цирроза печени, повреждения мозга: это все статистически доказанные последствия пьянства, так что если накроет — винить буду только себя. Диабет, глаукома, преждевременный износ организма в нашем роду были тоже

в порядке вещей. Но отморозить пенис? Слуга покорный, как-нибудь без меня.

Гарденер озадаченно посмотрел товарищу вслед. Потом до него дошло, и он разразился диким хохотом. Слезы не просто выступили на глазах, а потекли в три ручья по щекам.

Окружающие опять на него покосились — вот уже в третий раз за вечер. Здоровый мужик в обносках с бокалом, наполненным, судя по виду, неразбавленной водкой, стоит один и хохочет в голос.

«Легче на поворотах!» — подумал Джим.

«Громкость убавь!» — приказал он себе.

«Отморозить пенис!»

Гарденер вновь зашелся смехом.

Мало-помалу он взял себя в руки. И двинулся в другую комнату, к стерсоустановке. В таких местах обычно тусуются самые интересные люди на вечеринках. По дороге Джим жадно проглотил пару канапе с подноса, не переставая думать о том, что Маккардльбардль все еще пристально глядит ему в спину, а тем временем выкладывает Аргльбарглю всю подноготную неугодного стихоплета, не расставаясь со своей коронной холодной улыбочкой. «Вы разве не знали? Ну как же! Выстрелил, да. Прямо в лицо. Она согласилась отозвать обвинение, если развод состоится полностью на ее условиях. Кто знает, правильное это было решение или нет. В других женщин он еще не стрелял... Пока что. Сегодня ему удалось недурно выступить, даже несмотря на ту подозрительную отключку между стихами, но вы же сами видите, Гарденер не в себе, да и с выпивкой у него нелады...»

«Спокойнее, Гард. — Во второй раз за вечер в голове зазвучал голос Бобби Андерсон. — Не будь параноиком. Бога ради, что им, поговорить больше не о чем?!»

В дверях он все-таки замер и обернулся.

Парочка смотрела на него в упор.

Джима захлестнула опасная, пугающая волна потрясения. Он выдавил из себя еще одну широкую оскорбительную ухмылку и снова приветственно поднял бокал.

«Не надо, Гард, уходи. Это может кончиться плохо. Ты пьяна».

«Все в порядке, я держу себя в руках. Она хочет, чтобы я вылетел, потому и сверлит меня взглядами, потому и рассказывает

этому жирному борову о жене, в которую я стрелял, про заряженный колт, с которым меня задержали в Сибруке; ей позарез нужно от меня избавиться — а иначе придется признать, что алкаш и женоубийца, коммуника и демонстрант стал гвоздем программы. Но я не хочу пороть горячку. Будь спокойна, детка. Я еще потусуюсь немного, воздерживаясь от огненной воды, выпью кофе и пораньше свалю к себе в номер. Без вопросов».

И хотя кофе он пить не стал, не свалил пораньше, и уж тем более не воздерживался от огненной воды, ближайший час прошел очень мирно. Всякий раз, когда громкость угрожающе нарастала, Гарденер убавлял ее и предусмотрительно умолкал, когда чувствовал, что его, по выражению бывшей, «заносит». «Джим, когда ты напьешься, язык развязывается, и тебя заносит; в этом одна из главных твоих проблем».

Держался он в основном в гостиной Арберга, среди молодежи, еще не успевшей набраться осмотрительности и чопорности. Беседы здесь вели оживленно, весело, интеллигентно. Время от времени в памяти Гарденера возникала тема АЭС — в такие часы, как этот, она всплывала всегда, словно разлагающийся утопленник в ответ на пушечный выстрел. В такие часы, а особенно на этой стадии опьянения, уверенность, что людей нужно срочно предупредить об угрозе, поднималась из глубины на поверхность, неизбежно таща за собой возбуждение, злость и потерю логики, словно полусгнившие водоросли. Как всегда... Последние восемь лет подобной жизни были скверными, из них самые последние три — вообще кошмарными; за это время он сам себя перестал понимать и распугал почти всех своих близких знакомых. Стоило выпить, и гнев, ужас, а главное — неспособность объяснить хоть кому-то, что же на самом деле произошло с Джимом Гарденером, — находили единственный выход в разговорах об АЭС.

Однако сегодня вечером, едва лишь он затронул коронную тему, как в гостиную ввалился Рон с лихорадочными пятнами на впалых щеках. Пьяный ли, нет ли, Каммингс мгновенно почуял, куда ветер дует, и ловко повернул разговор обратно в русло поэзии. Джим испытал к нему смутную благодарность, но, если честно, и разозлился. Нелогично? Да, и все-таки факт остается фактом: Гарденера сбили с любимой темы.

Итак, благодаря отчасти самоконтролю, отчасти своевременному вмешательству Каммингса, Джим избегал проблем

чуть ли не до конца вечеринки. Еще полчаса — и он вышел бы сухим из воды... по крайней мере, на этот раз.

Но тут Рона с его убийственным остроумием потянуло язвить о поэтах-битниках, и Гарденер решил наведаться в столовую — плюснуть себе горячительного и, возможно, перекусить у фуршетного столика. То, что произошло дальше, мог подстроить лишь *исключительно злющий и остроумный бес*.

— Когда запустят «Ирокез», вы сможете раздать хоть три дюжины дополнительных стипендий, — послышалось откуда-то слева.

Гарденер так резко развернулся, что чуть было не расплескал напиток. Этого просто не может быть; ведь ему померещилось, правда?

У фуршетного столика стояли трое мужчин и столько же женщин. Разумеется, не обошлось без всемирно известной комической парочки — Аргльбаргля и Мисс Маккардльбардль. Речь держал человек, похожий на торговца автомобилями, только прилично одетого. Рядом стояла его жена — с натяжкой можно сказать, что симпатичная. Ее блекло-голубые глаза казались огромными за толстыми линзами очков. Гарденер, которого ни пары алкоголя, ни одержимость еще никогда не лишали зоркой жизненной наблюдательности, сразу подметил одну деталь. У этой дамы в толстых очках был сейчас точно такой же взгляд, как у Норы, его бывшей жены, когда пьяного Джима на вечеринках «несло». Очевидно, ей очень хотелось вывести благоверного из этого состояния, но как?

Гард присмотрелся внимательнее: эти двое женаты месяцев восемь. Или, может быть, год. Нет, все же месяцев восемь.

Говорящий — скорее всего, какая-нибудь мелкая шестеренка из «Бэй стейт электрик». Да, точно «Бэй стейт»: это им принадлежит «Ирокез». Мужчина расхваливал будущую АЭС как лучшее изобретение человечества (не считая идеи продавать хлеб уже нарезанным), и по его убежденному виду Гарденер заключил: нет, даже не мелкая шестеренка. Просто «шестерка». Большие шишки не проявляли такого энтузиазма. Даже если на время забыть абсурдность самой идеи связываться с ядерной энергией, «Ирокез» вот уже пять лишних лет «запускали» и «запускали», а ведь от непредсказуемого исхода этого мероприятия зависела судьба трех крепко связанных между собой банковских цепей Новой Англии. Их главы стояли по горло

в зыбучих радиоактивных песках и торговали бумажками, не обеспеченными ничем, кроме громких посолов. Чем-то все это напоминало безумную версию детской игры «Успей занять стул, когда музыка кончится».

Месяц назад, как и ожидалось, компания получила судебное разрешение на загрузку урановых стержней. То-то, должно быть, полегчало засранцам!

Арберг слушал с благоговением на лице. Пусть он не числился в попечительском совете своего института, но и не был простым педагогом — следовательно, уже понимал, как важно уметь подмаслить посланника от «Бэй стейт электрик», пусть даже самую что ни на есть «шестерку». Электроэнергетика могла многое сделать для вуза, если бы захотела.

Интересно, этот Редди Киловатт* — тоже «Друг поэзии»? Ну да, такой же, как Гарденер — «Друг нейтронной бомбы». А вот его жена, с ее толстыми линзами в очках и хорошенъким озабоченным лицом, — та походила на «Друга поэзии».

Зная, что совершает чудовищную ошибку, Джим медленно, словно во сне, направился к этим людям. На его лице продолжала играть дежурная улыбка немного усталого завсегдатая вечеринок, но в левой части головы уже нарастала пульсация. До боли знакомый беспомощный гнев поднимался багровой волной, а в сердце рождался крик: «Вы хоть понимаете, о чем говорите?» Время от времени Гард мог вести логичные споры на тему АЭС, но в случаях, подобных сегодняшнему, ему оставалось одно: безмолвные вопли души.

«Разве вы ничего не знаете? Не понимаете, что стоит на карте? Неужели никто не помнит, что было в России всего лишь два года назад? Им не хватит и следующего столетия, чтобы захоронить *всех* жертв!» Не помнят. Откуда им помнить. Господи... Боже ты мой! Эти люди готовы воткнуть урановый стержень себе же в задницу, а потом любоваться светящимися какашками, продолжая всех убеждать в безобидности и безопасности ядерной — мать ее — энергии. Иисус! ИИСУСЕ! Придурки стоят и внимают козлу, словно он *вменяют*!

* Рисованный персонаж комиксов, бывший более 60 лет символом энергетической индустрии США. Его использовали более 300 различных электрических компаний в продвижении своих услуг. По сути, он стал одним из американских символов середины XX века.

«Шестерка» продолжал нести ахинею. Гарденер тихо стоял с бокалом в руке и с любезной улыбкой слушал.

Третий в группе мужчина, лет пятидесяти с виду, смахивал на декана. Величая «шестерку» Тэдом, он полюбопытствовал, не возобновятся ли осенью акции протesta.

Тэд Ядерная Шишка заверил его, что и тут беспокоиться не о чем. В Сибруке пошумели и перестали, Мэн тоже забыл эту моду. С тех пор как федеральные судьи вынесли несколько суровых приговоров за «уличные безобразия», демонстранты подрастирали свой пыл. «Эти храбрецы меняют лозунги чаще, чем любимые рок-группы», — высказался он. Арберг, Маккарди и прочие рассмеялись. Все, кроме жены Тэда Ядерной Шишки, вымученно растянувшей уголки рта.

Зато Гарденер продолжал ухмыляться вовсю. Улыбка просто примерзла к его лицу.

Тэд Ядерная Шишка усилил напор. Дескать, пора показать арабам раз и навсегда, что американцы в них не нуждаются. Дескать, даже самые современные электростанции на угольном топливе все равно чересчур грязны, чтобы Управление по охране окружающей среды сочло их приемлемыми. Дескать, солнечная энергия — это прекрасно, «но только в солнечный день». Собеседники снова прыснули.

В голове у Гарденера стучало и дергало, дергало и стучало. Чутко уловив еле слышный треск, будто от сломавшейся льдинки, Джим поспешил чуть ослабить хватку, чтобы не раздавить бокал.

Потом моргнул — и вдруг увидел над шеей хозяина вечеринки голову хряка. Галлюцинация была удивительно, даже сверхъестественно правдоподобной, вплоть до жесткой щетины на морде. Фуршетный столик давно разорили, но Арберг ловко подбирал объедки. Дожевывая последние печенья «Трисквит», он нанизал на зубочистку одинокий ломтик салами и вместе с кусочком сыра отправил его себе в сопящую пасть, а вдогонку — еще и крошки картофельных чипсов. Все это время он не переставая кивал в ответ на заверения Тэда, что ядерная энергия — единственно правильный выбор для человечества.

— Слава богу, американцы наконец посмотрели на эту шумиху вокруг Чернобыля более трезвым взглядом, — вещал Ядерная Шишка. — Погибло тридцать два человека. Согласен, это ужасно, однако месяц назад авиакатастрофа унесла

сто девяносто с лишним жизней. Не знаю, как вы, а я что-то не слышал воплей: «Закроем авиалинии!» Да, это страшно, когда погибают тридцать два человека, но зачем же делать из муки слона, как эти протестующие чудики? Тоже мне, Армагеддон! — Тут он заговорщически понизил голос. — Они же психи, как те ларушисты*, только в некотором роде опаснее их, потому что умеют косить под нормальных людей. Дайте им то, чего они требуют, — и завтра поднимется крик: «Почему не работают наши фены? Почему отключился блендер? Как же я приготовлю мой макробиотический завтрак?»

Гард уже перестал видеть в нем человека. Над белым воротничком рубашки торчала волчья морда. Она хищно вращалась, поблескивая зеленовато-желтыми глазами и свесив розовый язык. Арберг одобрительно хрюкнул, загружая в щетинистое рыло очередную порцию объедков. У Патрисии теперь была узкая лоснящаяся голова гончей. Декан с супругой превратились в горностаев. А жена электрика стала испуганным кроликом в толстых очках, за которыми бегали красноватые глазки.

«О нет, Гард!» — только и простонал его разум.

Джим на миг зажмурился. Люди снова стали людьми.

— Кстати, все эти протестующие молчат на своих митингах об одном, — продолжал Тэд Ядерная Шишка, оглядываясь вокруг с видом адвоката, достигшего кульминации выступления. — За тридцать лет в Соединенных Штатах Америки не зафиксировано ни единого смертного случая, хоть как-то связанного с мирным применением атома. — Тут он скромно улыбнулся и допил свое виски.

— Что же, вы всех нас успокоили, — подал голос человек, напоминающий декана. — Думаю, теперь мы с женой...

— А вы в курсе, что Мария Кюри умерла от радиоактивного заражения? — дружелюбно спросил Гарденер, и все головы развернулись к нему. — Да-да. Лейкемию вызвало прямое воздействие гамма-лучей. Она стала первой жертвой в длинной

* **Линдон Ларуш** (р. 1922) — американский экономист и левый политический активист, основатель нескольких политических организаций, именуемых также движением Ларуша. В 1973 году последователи Ларуша произвели так называемую «операцию зачистки» — избиение членов Коммунистической партии США, Социалистической рабочей партии, а также членов других групп, классифицированных Ларушем как «левые протофашисты».

цепочке смертей, приведших к созданию вашего хваленного «Ирокеза». Знаете, Мария Кюри провела очень много исследований и старательно документировала их результаты... — Джим обвел взглядом внезапно притихшую комнату. — Но все ее записи заперты в одном из парижских подвалов. Со свинцовыми стенами. Тетради до сих пор целы, но так облучены, что никто к ним не прикасается. А насчет погибших в Америке — трудно сказать. Комиссия по атомной энергии и Управление по охране окружающей среды ни за что не откроют вам правды. — Патрисия помрачнела. Арберг продолжал обчищать и без того разграбленный столик. — Пятого октября тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, — сообщил Гарденер, — в реакторе Энрико Ферми, в Мичигане, частично расплавился топливный элемент.

— И ничего не произошло! — Тэд Ядерная Шишка развел руками, как бы говоря собравшимся: вот видите? Что и требовалось доказать.

— Да, не произошло, — отозвался Джим. — Бог весть почему. Боюсь, что, кроме него, это никому больше не известно. Цепная реакция остановилась сама по себе. Строители-подрядчики вызвали инженеров. Один из них с нервной улыбкой сказал: «Парни, мы только что чуть не лишились Детройта». И грохнулся в обморок.

— Но мистер Гарденер! Это было...

Поэт поднял руку.

— Посмотрите на статистику смертей от рака в районах вокруг любой АЭС по стране, и вы обнаружите аномалии. Внушительные отклонения от нормы.

— Это полная чушь, и к тому же...

— Я не закончил. Это уже ничего не изменит, и все же позвольте договорить. Задолго до чернобыльской катастрофы русские пережили еще одну аварию ядерного реактора, в мстечке под названием Кыштым. Правда, в то время премьером у них был Хрущев, и КГБ куда лучше умел держать язык за зубами. Судя по всему, использованные стержни просто сбрасывали в неглубокую яму. А что особенного? «Тогда это показалось уместным», — как могла бы сказать мадам Кюри. Произошла реакция окисления, только вместо оксида железа, или попросту ржавчины, эти стержни покрылись чистым плутонием. С тем же успехом можно было бы разводить костер

под канистрой со сжиженным нефтяным газом, но люди ни о чем не догадывались. Надеялись на авось. Они просто... — Гарденер слышал, как в его голосе нарастает гнев, но уже не в силах был остановиться. — Они просто играли с чужими жизнями, будто с кучей тряпичных кукол, а потом... Догадайтесь, что случилось потом? — Наступила мертвая тишина. Рот Патти застыл на белом от злости лице кровавым разрезом. — Дождь пошел, — сказал Джим. — Очень сильный. Началась цепная реакция, за ней последовал взрыв. Это как извержение отравленного вулкана. Тысячи были срочно эвакуированы. Каждой беременной женщине поспешили сделать аборт. Без вариантов. Главную дорогу через Кыштым закрыли на год. Потом, когда информация о катастрофе начала по капле просачиваться в мир, русские сняли все заграждения. Но повесили очень любопытные дорожные щиты. Я видел снимки. Языком не владею, но попросил четверых или пятерых различных знакомых перевести. Их тексты совпали. Это звучит, будто скверная местная шутка. Представьте, вот едете вы по американской автостраде и вдруг читаете на большом щите: «ПОЖАЛУЙСТА, ЗАКРОЙТЕ ВСЕ ОКНА, ВКЛЮЧИТЕ ВСЕ ВЕНТИЛЯЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ, НАБЕРИТЕ МАКСИМАЛЬНО ВОЗМОЖНУЮ СКОРОСТЬ И НЕ СНИЖАЙТЕ ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ ДВАДЦАТЬ МИЛЬ».

— Это бред! — громко высказался Тэд Ядерная Шишка.

— Фотографии в открытом доступе согласно закону о свободе информации, — отчеканил Гарденер. — Понимаете, если бы этот парень вам просто врал, я бы не стал встrevать в разговор. Но он и прочие совершают куда более грязное дело. Они словно продавцы сигарет, убеждающие легковерную публику, будто курение не только не вызывает рак, но и пополняет запасы витамина С в организме, защищая нас от простуды.

— Вы обвиняете...

— Тридцать две жертвы в Чернобыле — это только по официально подтвержденным данным. Хорошо, пусть даже будет всего тридцать две. Хотя, если верить снимкам, сделанным американскими докторами, их было как минимум двести, давайте остановимся на тридцати двух. Это не меняет сугубо: ни для кого не секрет, что представляет собой высокая радиация. Статистика обманчива, потому что не все жертвы погибают сразу. Смерть собирает три жертвы, не меньше. Первая вол-

на — это люди, сгоревшие при взрыве. Вторая — пораженные лейкемией, в основном дети. И третья, самая мощная — рак у взрослых старше сорока. Не просто отдельные случаи, а настоящая эпидемия. Чаще всего это рак костей, груди, печени и меланома — другими словами, поражение кожи. Но есть еще рак яичек, мочевого пузыря, опухоль головного мозга и...

— Замолчите, пожалуйста! — вырвалось у жены Тэда. Начинающаяся истерика придала ее голосу неожиданную силу.

— Хотелось бы, дорогая, но не могу, — мягко промолвил Джим. — В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом наша Комиссия по атомной энергии провела исследование: что может произойти в худшем случае, если американский реактор в пять раз меньшие Чернобыльского взлетит на воздух. Отчет получился настолько жуткий, что о нем предпочли забыть. Там говорилось...

— Гарденер, замолчи, — громко сказала Патти. — Ты же пьян.

Поэт даже не взглянул в ее сторону, сосредоточившись на жене шестерки.

— Там говорилось, что, если такое произойдет в сельском районе страны (в качестве примера выбрали Пенсильванию, где, кстати, находится Три-Майл-Айленд), это повлечет гибель сорока пяти тысяч человек, заразит территорию штата на семьдесят процентов и принесет убытки в семнадцать миллионов долларов.

— Врешь, скотина! — воскликнул кто-то.

— Нет, — отозвался Гарденер, не отрывая взгляда от женщины, словно застывшей от страха. — Умножим на пять. Получается двести двадцать пять тысяч мертвцев и восемьдесят пять миллионов долларов ущерба.

В наступившей мертвой тишине Джим снова наполнил бокал, грубо поприветствовал им Арберга и сделал пару глотков чистой водки. Незараженной водки, надо надеяться.

— Итак! Мы здесь толкуем о том, как третья волна унесет почти четверть миллиона людей примерно к две тысячи сороковому году. — Он подмигнул Тэду, растянувшему губы в хищном оскале. — Столько не поместится даже в «Боинг-767», правда?

— Все эти цифры высосаны из пальца, — со злостью бросил Тэд Ядерная Шишка.

— Тэд, — обеспокоенно подала голос его жена. Она побледнела как полотно, только на щеках пылали два алых пятнышка.

— А что, я должен стоять и выслушивать этот... пьяный треп? — произнес тот, надвигаясь на Гарденера. — С какой стати?

— В Чернобыле были убиты дети, — промолвил Джим. — Ты хоть понимаешь? Кому-то из них едва стукнуло десять, кто-то не успел покинуть утробу. Многие пока еще живы, но умирают прямо сейчас, пока мы тут стоим и тянем спиртное. Некоторые даже не научились читать. Большинство ни разу не поцеловалось. Они гибнут прямо сейчас, пока мы тут стоим и пьем... Они убили *своих* детей. — Он продолжал смотреть на жену Тэда. Голос начал умоляюще дрожать и срываться. — Нам известно о Хиросиме, о Нагасаки, о наших собственных ядерных испытаниях в Тринити и Бикини. Они убили своих детей, до вас что, не доходит? В Припяти полно девятилетних ребятишек, которым еще предстоит испражняться собственными кишками! Они убили детей!

Жена Тэда отпрянула. Ее глаза за стеклами очков расширились, рот нервно дергался.

— Мистер Гарденер — тонкий поэт, думаю, все здесь со мной согласятся. — Тэд Ядерная Шишка обхватил супругу рукой и притянул к себе — ни дать ни взять ковбой, заарканивший упрямого теленка. — Но, боюсь, он не слишком информирован в вопросах ядерной энергии. Нам очень мало известно о том, что на самом деле случилось — и случилось ли вообще — в Кыштыме, а русские данные о чернобыльской катастрофе...

— Не свисти, — оборвал его Джим. — Уж ты-то в курсе, о чем я. Все данные содержатся в папках «Бэй стейт элек-трик». Там же говорится и о повышенной смертности от рака в окрестностях американских атомных станций, о радиоактивных отходах, которые просачиваются в глубокие водоносные слои, — а это, между прочим, вода, в которой люди стирают одежду, моют посуду, купаются; та, которую они пьют. Все вам известно. Как и представителям любой — хоть частной, хоть муниципальной, хоть федеральной компании в Соединенных Штатах.

— Гарденер, прекрати. — Маккардл угрожающе выступила вперед. А потом озарила всех чересчур белозубой улыбкой. — Простите, он малость...

— Ты знал, Тэд? — внезапно сказала женщина в толстых очках.

— Конечно, я видел кое-какую статистику, однако...

Мужчина осекся. И громко захлопнул рот. Не так уж много он и успел сказать... Но этого оказалось достаточно. Присутствующие — все до единого — поняли: этот проповедник утаил от них очень приличный кусок из Писания.

Гарденер испытал неожиданное чувство триумфа, хоть и несладкого.

Повисла неловкое молчание, после которой женщина в толстых очках совершенно намеренно отстранилась от мужа. Тот вспыхнул. «Как человек, ударивший себя молотком по пальцу», — подумалось Джиму.

— Да у нас уйма разных отчетов хранится. Большинство из них — это наглая ложь и русская пропаганда. Такие вот идиоты, как ты, глотают ее вместе с леской, крючком и грузилом. Насколько известно, взрыв в Чернобыле не был случайностью, а скорее попыткой помешать нам...

— Боже, — поморщился Гарденер, — скажи еще, что Земля плоская. Или ты не видел снимки солдат в антирадиационных костюмах, марширующих вокруг атомной станции в получасе езды от Гаррисберга? Знаешь, как они пытались заделать прорвавшуюся сливную трубу? Баскетбольным мячом, обмотанным изолентой. Это помогло, только ненадолго. Потом его выбросило напором отходов, и он пробил дыру в стене заграждения.

— Я вижу, вы здорово натасканы в пропаганде, — яростно выплюнул Тэд. — Русским такие по нраву! Скажите, сколько вам платят? Или за спасибо стараетесь?

— Ну и кто из нас сейчас говорит, как мунист из аэропорта? — усмехнулся Гарденер и шагнул к нему. — По-вашему, ядерные реакторы сложены лучше, чем Джейн Фонда?

— Если хотите — да, что-то вроде того.

— Прошу вас, — вмешалась не на шутку расстроенная жена декана. — Беседа беседой, но голос-то зачем повышать? Мы же образованные люди...

— Черт, о таких вещах не грех и орать! — выкрикнул Гарденер. Дама отшатнулась и заморгала, а ее муж так уставился на поэта ледяными сверкающими глазами, словно хотел навсегда запомнить его физиономию. Пожалуй, что

и запомнил. — Представьте: просыпаетесь вы среди ночи, а в доме пожар. Вы одна изо всей семьи не спите и знаете, что происходит. Вы повысите голос или начнете ходить по дому на цыпочках и шептать, как положено «образованному человеку»?

— Мне просто кажется, что вы слишком далеко за...

Гарденер отвернулся и доверительно подмигнул мистеру Бэй Стейт Электрик:

— Кстати, Тэд, а далеко ли ваш собственный дом расположен от хваленого ядерного сортира, который никак не построят ваши бравые парни?

— Я не обязан все это выс...

— Значит, не очень близко? Я так и думал.

Он посмотрел на миссис Тэд; та отпрянула, схватившись за руку мужа. Боится? Но почему? Что она такого увидела?

К вящему огорчению Гарденера, ему ответил голос помощника щерифа, листающего журнал: «Жену ты подстрелил, вот что. Доволен, засранец?»

— Вы думаете обзаводиться детьми? — мягко спросил Джим. — Если да — я надеюсь, ради вашего блага, что ваша семья действительно поселится как можно дальше от этой АЭС. Понимаете, они продолжают дурить. Как на Три-Майл-Айленд. Еще до открытия той станции, буквально за неделю, случайно выяснилось, что подрядчики слили три тысячи галлонов радиоактивных отходов прямо в питьевые фонтанчики. Как вам это нравится?

Женщина заплакала.

Да, заплакала, но Джим уже не мог остановиться.

— Следователь потом записал, что присоединять трубы для охлаждения радиоактивной жидкости к резервуарам для питьевых фонтанчиков «обычно не рекомендуется». В общем, если благородный однажды захочет показать вам свой кабинет, я бы на вашем месте у них ни за что не пил. Как в Мексике. А уж если он позовет вас, когда вы будете беременны (или только заподозрите, что беременны), скажите ему... — Гарденер улыбнулся ей, а потом и мужу: — ...Что у вас голова болит.

— Замолчите, — выпалил Тэд, а его жена тихо застонала.

— Точно! — поддакнул Арберг. — Думаю, вам самое время заткнуться, мистер Гарденер.

Джим посмотрел на них, потом на других участников вечеринки, застывших в молчании, с широко раскрытыми глазами, возле фуршетного столика. Среди них был и тот молоденький бармен.

— «Заткнуться»?! — Боль пронзила левую часть головы сверкающим хромированным копьем. — Вот-вот! Помалкивай, и пусть чертов дом выгорает дотла! Не сомневайтесь, хозяева этой халупы явятся позже, на холодное пепелище, чтобы выгрести из пепла наши обугленные останки и получить страховку! «Заткнуться»! Только этого от нас и ждут! Попробуй сам не умолкнуть, и тебе заткнут рот, как той же Карен Силквуд...*

— Гардспер, прекрати! — прошипела Маккардл. Бог весть, как ей это удалось, поскольку во фразе не было ни одной шипящей согласной.

Джим подался к жене Тэда, чьи бледные щеки теперь блестели от слез.

— Заодно посмотрите статистику СДС — синдрома внезапной детской смертности. Она тоже вырастает в разы вокруг любой АЭС. Прибавьте сюда врожденные пороки развития, такие, как синдром Дауна, он же монголоидизм, или слепоту, или...

— Сейчас же покиньте мой дом, — отчеканил Арберг.

— У вас чипсы на подбородке, — бросил поэт и вернулся к мистеру и миссис Бэй Стейт Электрик. Голос его поднимался уже откуда-то из глубины, точно из колодца. Все внутренние системы слетели с катушек. Панель управления угрожающе мигала сплошь красными индикаторами. — Тэд будет сколько

* Карен Силквуд была работником plutониевого завода в Оклахоме и одновременно являлась активисткой профсоюза работников нефтяной, химической и атомной промышленностей. В 1974 году Силквуд от профсоюза включили в комиссию, целью которой было проверить соблюдение норм безопасности на заводе. Она обнаружила многочисленные нарушения, в том числе переоблучение персонала, дефектное оборудование и огни в системе учета и контроля продукции, позволявшие при желании организовывать хищения plutония. 13 ноября Силквуд выехала на встречу с лидерами профсоюза и репортером «Нью-Йорк таймс», намереваясь передать собранные материалы, и погибла в автомобильной катастрофе. По утверждению полиции, Силквуд уснула за рулем. Документы, находившиеся при Силквуд, исчезли без следа.

угодно плести вам про «сильные преувеличения», про малые жертвы и богатую фантазию журналистов. Вы можете даже ему поверить. Но факт остается фактом: во время чернобыльской катастрофы в атмосферу Земли было выброшено больше радиоактивного мусора, чем после всех наземных атомных взрывов со времен испытаний «Тринити»*. В Чернобыле до сих пор опасно. И будет опасно очень долгое время. Как долго? Никто не знает. Да, Тэд? — Гарденер отсалютовал ему бокалом и еще раз обвел взглядом замерших вокруг участников вечеринки, умолкнувших с испуганным видом. — Когда-нибудь это снова произойдет. Например, в штате Вашингтон. В Хэнфорде топливные стержни сбрасывали в обыкновенные ямы — точно так же, как и в Кыштыме. Интересно, где тряхнет в следующий раз? В Калифорнии? Во Франции? В Польше? А может быть, прямо здесь, в Массачусетсе, если этот молодчик добьется своего и «Ирокез» будет запущен к весне... Достаточно, чтобы один кретин не вовремя дернул рычаг, и в следующий раз «Ред сокс» смогут выйти на стадион Фенуэя не раньше две тысячи семьдесят пятого года.

Патрисия побелела, как восковая свеча. Только глаза плевались снопами голубоватых искр, точно сварочный аппарат.

Арберг, наоборот, весь побагровел под цвет старинного кирпича, из которого обычно сложены респектабельные дома в престижных районах.

Миссис Тэд смотрела то на Гарденера, то на мужа, как на оскaledных псов, готовых ее укусить. Мистер Ядерная Шишка перехватил ее взгляд, мало того — почувствовал, как она вырывается из его железных объятий. Джим заподозрил, что его слова спровоцировали серьезное — возможно даже, роковое — обострение в отношениях между ними. Без сомнения, Тэда учили давить истерики вроде той, что устроил Гард. Для бесчисленных тэдов это столь же обыденная рабочая рутина, как для стюардесс — демонстрировать пассажирам аварийные кислородные системы самолетов. Просто был уже поздний час; пьяная, но красноречивая и аргументированная речь Гарденера привела к настоящему взрыву — пьянчуга точно шаровую

* Первое в мире испытание ядерного оружия, произошедшее 16 июля 1945 года в штате Нью-Мексико, США, на полигоне Аламогордо.

молнию из кармана вытащил. И вот результат: собственная жена смотрит как на «Рижского мясника»*.

— Господи, как я устал от нытья! Сегодня весь вечер вы лопотали свои бессвязные вирши в электрический микрофон, ваш резкий голос усиливался электродинамиками, вашу рожу подсвечивали электросветильники... Откуда, вы думаете, вообще берется ток? Может, его поставляет Волшебник из страны Оз? Боже мой!

— Уже поздно, — поспешила вмешаться Маккардл, — и нам пора...

— Лейкемия, — проговорил Джим, обращаясь прямо к жене Тэда с пугающей откровенностью. — Дети. Они всегда первыми страдают после аварий. Одно хорошо: взрыв «Ирокеза» на долгие годы обеспечит «Фонд Джимми»** работой.

— Тэд? — всхлипнула женщина в толстых очках. — Скажи, что это неправда! То есть... — Она полезла в сумочку за носовым платком, но та выскользнула из рук и упала на пол со странным звуком: внутри явно что-то разбилось.

— Уймитесь, — проговорил Тэд. — Если хотите, мы поговорим об этом позже, но перестаньте намеренно доводить мою жену.

Гарденера окончательно захлестнула тьма, он отдался ей и впустил в себя. Да, то, что надо!

— А я хочу ее довести. Похоже, она о многом и не догадывалась. Хотя должна была знать. Учитывая, за кого вышла замуж.

Поэт сверкнул на женщину красивым хищным осколом. В этот раз она даже не отшатнулась — наоборот, оцепенела, как олениха, вдруг ослепленная фарами на дороге.

— Теперь к вопросу об отработанных стержнях. Вы в курсе, как с ними поступают после использования? Может, он вам рассказывал, что их по ночам забирают особые феи? Ответ неправильный. Саморазогревающиеся стержни валяются ку-

* Э́двард Рошман (1908–1977) — нацистский военный преступник, член СС. В годы Второй мировой войны — комендант Рижского гетто (1943) и концлагеря Рига-Кайзервалль (1943–1944). Благодаря роману Фредерика Форсайта «Досье Одессы» и снятому на его основе фильму получил прозвище «Рижский мясник».

** «Фонд Джимми» занимается сбором средств на научные исследования и лечение раковых опухолей в онкологическом институте Дана-Фабер в Бостоне, штат Массачусетс.

чами где попало, в том числе прямо в лужах. Мадам, они очень опасны. И еще долго будут.

— Гарденер, уйдите, — вновь подал голос Арберг.

Не обращая на него внимания, он продолжил говорить мистеру и миссис Тэд:

— Многих из этих свалок уже и след потеряны, вы знали? Так малые дети за день наиграются, потом завалятся спать, а наутро не могут вспомнить, где побррасали свои машинки с кубиками. Вот и отходы все равно что испаряются. Идеальное сырье для Безумного Бомбера*. Плутоний исчезает в таких количествах, что хватит поднять на воздух все Восточное побережье Соединенных Штатов. Но мне же необходим микрофон, чтобы лопотать бессвязные вирши. Боже меня упаси возвысить го...

Внезапно Арберг — грузный и дряблый, однако чертовски мощный, — схватил его в охапку. Рубашка Гарденера выскочила из брюк. Выскользнувший на пол бокал разлетелся вдребезги. Зычным, хорошо поставленным голосом преподавателя, много лет читавшего лекции в аудиториях, хозяин вечеринки с негодованием объявил:

— А сейчас я вышвырну эту скотину прочь.

Ему захлопали. Правда, не все собравшиеся, может, даже меньше половины.

Жена Ядерной Шишки рыдала у того на плече, прижимаясь всем телом, больше не пытаясь отстраниться. Только что Гарденер возвысился над ней, явно представляя собой угрозу, — и вот уже болтается в объятиях Арберга. Мыски ботинок чиркнули по полу, а потом и вовсе оторвались от него.

Взгляд упал на Патрисию. Плотно сжатые губы, полыхающие глаза, ладони смаочно и яростно хлопают друг о друга. Наконец-то, аплодисменты! А тогда, после выступления на поэтическом вечере — постеснялась, что ли?

Вот и Рон Каммингс — стоит в дверях библиотеки с гигантским бокалом, одной рукой приобнимая хорошеньюю блондинку и незаметно тиская ее грудь. Вид у него озабоченный, но не то чтобы удивленный. В конце концов, это просто продолжение потасовки в гриль-баре «Каменистые земли», ведь правда?

* Джордж Метески (1903—1994), более известный как Безумный Бомбер, терроризировал Нью-Йорк в течение 16 лет в 1940-е и 1950-е годы, устраивая взрывы в театрах, библиотеках и офисах.

«И ты позволишь этому мешку с дерьямом выставить себя за порог, будто нашкодившего кота?» Гарденер подумал и решил: нет, не позволит.

И что есть мочи двинул назад левым локтем. Он угодил в грудную клетку. Ощущение было такое, словно рука попала в миску со студнем. Арберг сдавленно вскрикнул и выпустил Джима. Тот развернулся, сжимая перед собой кулаки, готовясь дать отпор и почти надеясь, что враг захочет продолжить драку. Пусть только дотронется!

Но крепкий шлюхин сын, казалось, вдруг растерял свой пыл и не проявлял желания вышвырнуть Гарда за дверь. Он только схватился за грудь, словно плохой оперный певец во время скверной арии. Кирпичный оттенок покинул его лицо, если не считать горящих полос на щеках. Жирные губы сложились буквой «О», обвисли, снова сложились в «О» и опять обвисли.

— Сердце! — прохрипел он.

— Какое сердце? — презрительно бросил поэт. — Разве оно у вас есть?

— Приступ... — сипел толстяк. — Вызово...

— Приступ? Да черта с два. Пострадало разве что ваше самолюбие. Так вам и надо, сукин сын.

Джим обогнул толстяка, застывшего в театральной позе с руками, прижатыми к груди в месте, куда пришелся удар. В дверях между столовой и коридором толпились люди; как только Гарденер к ним приблизился, все расступились. Он торопливо направился к выходу.

Тут за спиной послышался женский визг:

— Выметайся отсюда, понял? Проваливай, гадина! Вон! И чтоб я тебя больше не видела!

Пронзительный бабский визг настолько не вязался с образом Патрисии Маккардл, этой вечно мурлыкающей леди с острыми коготками под бархатными подушечками, что Гарденер остановился как вкопанный. Обернулся... И склопотал тяжелую, оглушительную пощечину. Лицо Патти неузнаваемо перекосилось от гнева.

— Я должна была знать, — выдохнула она. — Ты просто неудачник и пьянь, вздорный, помешанный дебошир и урод. Но я тебе покажу. Вот увидишь. Ты в курсе, о чем я.

— Надо же, Патти, с чего бы вдруг такое внимание? Очень любезно с твоей стороны. Может, я много лет ожидал, пока

ты мне покажешь. Наверх подниматься будем? Или доставим гостям удовольствие, пусть вместе со мной полюбуются?

Рон Каммингс, успевший подобраться поближе к театру действий, расхохотался. Патрисия оскалила зубы. Ее ладонь снова взметнулась в воздух. На этот раз Гарденера задело по уху.

Голос Маккардл прозвучал хоть и глохно, но так, чтобы слышали все присутствующие:

— Чего и ждать от козла, стрелявшего в собственную жену?

Джим обернулся, спросил у Рона:

— Прости, можно? — выхватил у него бокал и, молниеносным движением подцепив пальцами лиф ее черного пластица (эластичная ткань отлично тянулась), выплеснул туда виски. — ЧАО, дорогуша, — бросил Гард напоследок и снова направился к двери. Пожалуй, это был самый достойный выход из сложившейся ситуации.

Арберг так и стоял на месте, держась за сердце. Губы его по-прежнему то сжимались в «О», то беспомощно обвисали.

— Сердце, — еще раз хрюкло выдавил он, обращаясь к Гарденеру — или к любому, кто услышит.

Тем временем Патрисия была уже в другой комнате и визжала:

— Все в порядке! Не трогайте вы меня! Отстаньте! У меня все в порядке!

— Эй, вы!

Джим повернулся на голос — и в его щеку впечатался кулак Тэда. Гард пошатнулся, пролетел через весь коридор, тщетно цепляясь руками за стену, наткнулся на стойку для зонтиков, опрокинул ее и наконец ударился о парадную дверь, да так, что задребезжали оконные стекла. Тэд шагал прямо на него с воинственным видом.

— Моя жена заперлась там, в ванной, и у нее истерика. Это все из-за вас. Сейчас же убирайтесь отсюда, или я вас так отмечю...

Темнота взорвалась, точно вздувшийся от газов пакет со сгнившими кишками внутри.

Гарденер схватил ручку зонтика — длинного, черного, какими, должно быть, пользуются английские лорды, — и бросился на противника. Тот прекрасно знал, каковы ставки в этой игре, но упрямо шагал вперед. Собственно, почему бы и нет? За японский автомобиль осталось всего семь выплат, еще восем-

надцать — за дом для семьи, так куда ему отступать? Что значит для этого парня шестикратное увеличение детской смертности? Только бы благоверная не рыдала там, в ванной! Добрый старина Тэд... Тебе повезло, что в коридоре стояли зонтики, а не боевые винтовки.

Тэд тут же замер, в изумлении расширив глаза. Выражение бешеной ярости сменилось неуверенностью и страхом, какой нападает на человека, столкнувшегося с чем-то иррациональным.

— Эй...

— Карамба, собака! — вскрикнул Гарденер и, взмахнув зонтом, ткнул Ядерную Шишку в живот.

— Эй! — Тэд охнул и согнулся пополам. — Хватит!

— Andale, andale! — вскричал поэт и принял охаживать Тэда своим грозным оружием: взмах — удар, взмах — удар, взмах — удар. Застежка еще держалась, но вскоре ослабла, и ткань стала хлопать по ручке. — Artiba, artiba!*

Обескураженный Тэд уже и не думал о драке, он вообще ни о чем не думал, кроме спасения собственной шкуры. Мистер Бэй Стейтс Электрик повернулся и бросился наутек. Джим устремился следом, колотя врага по макушке и по затылку. Поэт гоготал во все горло... Хотя ему было отнюдь не до смеха. Голова гудела, разваливалась на части. Ну что это за победа, судите сами: переспорить надутого индюка, довести до слез его дражайшую половину, а самого отлупить зонтом? Может, что-то из этого помешает запуску АЭС «Ирокез» в следующем мае? Или спасет от дальнейшего разрушения руины его собственной жалкой жизни? Или убьет червей, что растут, и плодятся, и ползают у него в голове, пожирая остатки разума?

Нет, конечно же. Но прямо сейчас он не видел другого выхода, нежели совершать бессмысленные движения... за немением лучшего.

— Artiba, гад! — кричал он, загоняя Тэда в столовую.

Ядерная Шишка прикрывал голову руками, неловко пытаясь отмахиваться, как от летучих мышей, одну из которых и вправду напоминал черный, хлопающий на лету зонтик.

* Andale, andale! Artiba, artiba! — подбадривающие крики на испанском. В таком сочетании их использовал только Спиди Гонсалес — мультипликационный персонаж из серии «Луни Тюнз», «самая быстрая мышь во всей Мексике».

— Помогите! — визжал Тэд. — Помогите, он сумасшедший!
Но все только пятались, округлив глаза от испуга.

Ядерная Шишка задел бедром фуршетный стол, и тот закачался. Серебряная посуда посыпалась со сморщенной скатерти. Следом с грохотом полетели тарелки. Уотерфордская чаша для пунша, гордость Арберга, после падения взорвалась, точно бомба, и какая-то женщина заголосила. Стол еще покачался немного и опрокинулся.

— На помощь! На помощь! Спаси-и-иите!

— Andale!

После особенно сильного удара о голову кнопка на ручке сработала, зонт тихо зашипел и раскрылся. Теперь Джим напоминал Мэри Поппинс под кайфом. Позже он вспомнит примету: раскрывать зонт внутри дома — не самое доброе предзнаменование.

Кто-то обхватил его со спины.

Джим рывком развернулся. Значит, Арберг все же оправился от своего неуместного приступа и решил-таки выставить дебошира за дверь?

Но это был не Арберг, а Рон. Причем совершенно невозмутимый с виду. Только во взгляде его сквозило что-то пугающее... Сочувствие? Да, очевидно.

Внезапно зонтик показался ненужным, и Гарденер отшвырнул его прочь. На мгновение комната погрузилась в мертвую тишину. Слышалось только судорожное дыхание Джима да резкие всхлипы побитого.

Опрокинутый столик лежал на груде смятого льна, гнутых вилок, хрустальных осколков. Запах разлитого пунша наполнил комнату испарениями, от которых слезились глаза.

— Патрисия Маккарди уже звонит копам, — сообщил Рон. — Это престижный район, они быстро явятся. Уносил бы ты ноги подобру-поздорову, Джим.

Гарденер огляделся. Участники вечеринки группками жались к стенам и дверям, не сводя с него округлившихся, испуганных глаз. Наутро никто и не вспомнит, что стало предметом спора: атомные ли станции, поэзия Уильяма Карлоса Уильямса или вопрос, сколько ангелов помещается на конце иглы. Половина гостей будет завтра рассказывать другой половине, будто Гарду взбрело на ум наставить Тэду рога. Да-да, просто наш добрый старый весельчак Джим Гарденер, любитель пострелять

в женщин, съехал с катушек и выбил дермо из какого-то парня при помоши зонтика. Ага, и еще вылил пинту шотландского виски на мелкие титьки собственной работодательницы перед самым уходом. При чём здесь АЭС, правда?

— Ерунда какая-то получилась, — хрюпло сказал он Рону.

— Черт, они сроду этого не забудут, — ответил Каммингс. — Лучшее в истории литературное чтение завершилось самой крутой в истории вечеринкой. А теперь уходим. Скорее тащи свою задницу в Мэн. Я позвоню.

Тэд Ядерная Шишка, выпучив блестящие от слез глаза, рванулся к Джиму, но двое парней (в том числе бармен) его удержали.

— До свидания, — обратился Гарденер к гостям. — Благодарю за приятный вечер.

И пошел было к выходу, но вернулся.

— Если забудете все, что здесь было сказано, помните эти два слова: «лейкемия» и «дети». Помните...

Ничего они не запомнят, кроме финальной драки с зонтом. Это было написано на их лицах. Джим кивнул, прошел в коридор мимо Арберга, так и застывшего с прижатыми к сердцу руками и бессовечно шевелящимся ртом, даже не оглянувшись, потом распихал ногами поваленные зонты, открыл парадную дверь и вышел в ночь. Еще никогда в жизни ему так не хотелось напиться. Очевидно, Гард нашел способ утолить свою жажду, потому что вскоре он уже провалился в живот большой рыбы, и мрак поглотил его целиком.

Глава 6

ГАРДЕНЕР НА ВОЛНОРЕЗЕ

1

На рассвете четвертого июля 1988 года Джим проснулся — вернее, пришел в себя — на краю скалистого волнореза, протянувшегося в Атлантику неподалеку от развлекательного парка «Аркадия», штат Нью-Хэмпшир, Новая Англия. Не то чтобы Гард имел представление, где он находится... Хорошо хоть, имя свое не забыл. Сейчас он, пусть и с большим трудом, понимал

только две вещи. Первое — все его тело ужасно страдает. Второе, менее важное — ночью он чуть было не утонул.

Джим лежал на боку, а ноги покачивались в воде. Вероятно, уснул он гораздо выше, но потом скатился во сне... а тут вдруг начался прилив. Еще полчаса отключки — и тело пошло бы гулять по волнам, словно корабль, неожиданно снявшийся с отмели. Одна нога была по-прежнему обута, но что толку? Гарденер скинул скукоженный от воды мокасин и вяло наблюдал, как тот медленно погружается в зеленоватую тьму. Может, омары теперь туда будут какать... Джим выпрямился и сел.

Голову прострелила такая невыносимая боль, что Гарденер подумал: уж не удар ли? Может, он пережил эту ночь на волнорезе только для того, чтобы наутро скончаться от закупорки кровеносного сосуда?

Понемногу его отпустило, краски мира вновь простили сквозь сизую дымку, и Джим начал осознавать, как ему плохо. Бобби Андерсон, можно не сомневаться, сказала бы что-то вроде: «Ведь ты этого достоин...» Ну, как в рекламе, знаете? Что может быть лучше, чем наслаждаться своим состоянием после ночи внутри циклона...

«После ночи? Ой ли?

Нет-нет-нет, малыш Джимми. Это был настоящий, долгий запой. Такой, что и черту не поздоровится».

Живот крутило и пучило. Во рту стоял гнусный привкус разложившегося дермы. Гарденер покосился влево: так и есть, на камнях осталась типичная подпись алкоголика — большая лужа подсыхающей рвоты.

Боже, как ломит все тело!

Джим провел трясущимся грязным пальцем под носом и обнаружил мелкие хлопья спекшейся крови. Значит, снова текло. Так часто бывало после того инцидента во время лыжной прогулки в Сандей-Ривер. Стоило набраться как следует — и вот, пожалуйста. Кроме того, большие попойки (а Гарденер почти три года не надирался в хлам) оставляли и другие малоприятные последствия в виде жуткой мигрени, озноба и готового лопнуть от кислоты желудка; но хуже всего была невероятно глубокая тоска — нет, даже не тоска... а чувство полной обреченности.

Однако *настолько* худо ему еще не приходилось. Даже если вспомнить депрессию после Великой пьянки на День благода-

рения в 1980 году, в результате которой оборвались его преподавательская карьера и брак... и которая чуть не стоила жизни Норе. Тогда Гард очнулся в окружной тюрьме Пенобскота, штат Мэн. Снаружи, у двери камеры, дежурил охранник, почитывая последний выпуск «Крейзи»* и ковыряя в носу. Позже Джиму расскажут то, что известно в каждом полицейском управлении: запойные часто приходят в себя в подавленном состоянии и слетают с катушек. Поэтому лучше за ними приглядывать, чтобы не отвечать потом, если что... сначала пусть отсидит, сколько ему положено по закону, и покинет пределы казенного учреждения.

— Где я? — прохрипел Гарденер.

— Сам-то как думаешь?

Охранник вытащил из носа большую зеленую гадость и с явным удовольствием размазал ее по грязной подошве ботинка. Гард наблюдал за ним, не отрываясь. Год спустя он напишет об этом стихотворение.

— Что я натворил?

Вчерашний день зиял в памяти черным провалом, если не считать пары коротких проблесков сознания — бессвязных, похожих на солнечные лучи, что прорываются сквозь прорехи в тучах перед началом бури. Вот Джим подает Норе чай, разглагольствуя об атомных станциях. Ну конечно, а то о чем же? Славься, Чернобыль, во веки и веки. Гарденер и перед смертью произнесет: «АЭС», а не «бутон розы». А еще он упал на дорожке у гаража... И жадно ел пиццу, так что большие куски расплавленного сыра падали за пазуху, обжигая грудь под рубашкой... И набрал номер Бобби. Потом бормотал в трубку что-то ужасное, а Нора визжала... визжала?

— Что я натворил? — повторил он уже настойчивее.

Помощник шерифа покосился на него с плохо скрываемым презрением.

— Жену ты подстрелил, вот что. Доволен, засранец?

И опять погрузился в свой «Крейзи».

Скверно... нет, хуже. Скверно — это когда заранее глубоко презираешь себя, но не можешь вспомнить, в чем провинился. Например, перебрал шампанского, как однажды на Новый год, и прыгал по комнате с абажуром на голове, поминутно

* Иллюстрированный сатирическо-юмористический журнал.

сползающим на глаза, отчего все вокруг (за исключением жены, разумеется) пришли в восторг: ничего подобного они в жизни не видели. Тебе плохо, но ты еще не в курсе, что на самом-то деле врезал полисмену на улице. Или стрелял в жену.

Так вот, сегодня на волнорезе Гарденер чувствовал себя еще хуже. Он и не представлял, что такое возможно. Голова наотрез отказывалась даже пытаться восстановить события последних дней.

Джим молча смотрел на вздывающиеся волны, повесив голову и обхватив колени руками. Вода откатывала, оставляя мелких раков копошиться в зеленых водорослях... Или нет, в какой-то зеленой слизи, похожей на сопли.

«Жену ты подстрелил, вот что. Доволен, засранец?»

Гард зажмурился от пульсирующей боли, снова открыл глаза...

И вдруг тот же голос мягко поманил его: «Прыгай. А что, разве ты не устал от всех этих мерзостей?» Занятно, наверное, там, на дне. Никто не хватится. Представим, что Джима смыло дождем. Однажды он возродится — с очередным поворотом кармического колеса... Каким-нибудь навозником, в наказание за все, что успел натворить. «Давай не тушуйся, Гард. В нынешнем состоянии у тебя наверняка сведет ноги, долго мучиться не придется. Думаешь, на тюремных нарах лучше будет? Прыгай смелее».

Он встал на камнях и начал покачиваться, глядя в пучину. А ведь это могло бы само случиться, во сне. Черт, почти случилось...

Нет, рано. Сперва надо поговорить с Бобби.

Его разум ухватился за эту идею. Бобби... Единственное, что уцелело из прошлого. Она до сих пор обитает в Хейвене, пишет вестерны, здраво мыслит. Они больше не любовники, но до сих пор друзья. Последняя ниточка, последняя связь.

Значит, сначала — Бобби, да? Для чего? Хочешь и ее доконать? По твоей милости полицейские завели на Бобби досье, а стало быть, и фэбээровцы тоже. Не впутывай ее в это дело. Прыгай — и всем полегчает.

Гард покачнулся вперед. Очень близко...

В его голове больше не осталось доводов в пользу того, чтобы жить. Его разум мог бы напомнить, что Джим уже года

три более или менее хранил себя в трезвости, не уходил в запой с тех пор, как их с Бобби арестовали в Сибруке в 1985 году. Но все это чепуха. Не считая Бобби, он один на свете. Почти все это время его рассудок находился в полном хаосе, снова и снова — даже на трезвую голову — возвращаясь к теме АЭС. От первоначального беспокойства и злости Гард скатился в состояние одержимости. Да, но осознать проблему и исцелиться — разные вещи. Его поэзия деградировала. Мозги — тоже. Самое гнусное: даже не прикасаясь к спиртному, он мысленно тянулся к бутылке. Просто в последнее время тяга сделалась невыносимой. «Я — словно ходячая бомба, готовая сдетонировать где и когда угодно. Пора самообезвредиться».

Ну и ладно. Ладно. Джим закрыл глаза и приготовился.

Но тут его посетила непонятная, интуитивная убежденность — мошная, на грани предвидения. Это Бобби нужно поговорить с ним, а не наоборот. Шутки разума? Не похоже. Она явно попала в беду. Причем в серьезную.

Гард открыл глаза и огляделся с видом человека, очнувшегося от глубокой дремы. Долго ли найти телефонную будку и позвонить? Он даже не скажет: «Привет, а я тут вышел из запоя» или «Не представляю, куда я попал; по крайней мере, здесь не сидит помощник шерифа, любитель поковыряться в носу...». Только одно: «Как ты поживаешь, Бобби?» Если все у нее отлично, надо бы лучше, да некуда, банда Джеймса затеяла перестрелку в Нортфилде, Сандэнс Кид и Бутч Кэсси迪 ударились в бегство, «а ты-то как, старина?» — Гард ответит: «Великолепно! Пишу для разнообразия кое-что стоящее. Думаю съездить в Вермонт, навестить друзей», а потом вернется на волнорез и прыгнет. Больше никаких проволочек — нырнет, и все. Пожалуй, это будет в самый раз. Жил, как в омуте, и помрет в пучине. Океан был здесь миллионы лет, так что подождет еще пять минут.

«Только не переваливай на нее свои горести, слышишь? Обещай, Гард. Не вздумай сломаться и лепетать, как обиженное дитя. Она — подруга, а не жилетка для слез. Обойдемся без этого!»

Бог весть сколько тысяч раз Джим не выполнял обещаний, особенно данных самому себе, но это слово он сдержит.

Поэт неуклюже вскарабкался на волнорез — каменистый, суровый, того и гляди, сломаешь лодыжку, — и рассеянно огля-

делся в поисках потрепанной бурой сумки, которую таскал с собой в любые поездки и просто на длительные прогулки: она, должно быть, валяется где-то рядом или в какой-нибудь щели застяла... Сумки не было. Жаль: эта боевая подруга, помятая, замызганные, сопровождала Гарденера со временем его неудачного брака, одна из немногих ценностей, чудом сохранившихся за эти годы сплошных потерь. Что же, теперь и сумка исчезла. А с ней и смена белья, зубная щетка, мыло в пластмассовой коробочке, зубочистки (Бобби время от времени для потехи вялила мясо в сарае), двадцать долларов за подкладкой... и конечно, все неопубликованные стихи.

Впрочем, последнее беспокоило меньше всего. Ведь речь о стихах, написанных за минувшие несколько лет, собранных вместе под неподражаемо остроумным и оптимистичным названием «Радиоактивный цикл» и отвергнутых пятью издательствами подряд. Один безымянный редактор вернул их с припиской: «Поэзия и политика редко сочетаются; поэзия и пропаганда — никогда». Джим понимал всю правоту этой лаконичной нотации... Но и остановиться уже не мог.

Что ж, прилив теперь внесет свою правку волшебным синим карандашом. «Иди и ты поступай так же», — промелькнуло вдруг в голове. И Гарденер, шатаясь, медленно двинулся по каменистому волнорезу по направлению к пляжу, изумляясь тому, как он вообще ухитрился забраться туда, где проснулся: то-то, должно быть, занятно смотрелся со стороны этот смертельный акробатический трюк. Поэт шагал, а за его спиной поднимался над Атлантикой алый пузырь солнца, впереди под ногами, тянулась по гальке неровная тень, а на берегу какой-то мальчишка в джинсиках и футболке поджигал петарды.

2

Надо же, чудо: сумка не пропала. Лежит себе на берегу кверхудном, немногим выше линии прилива, молния расстегнута. Словно кожаный рот раскрылся и жадно кусает песок. Джим подобрал ее и заглянул внутрь. Пусто, все исчезло. Даже пара грязных подштанников. Гард проверил двойное дно из кожзаменителя. Двадцатка тоже испарилась. Мечты были сладки, но кратки...

Гарденер выпустил сумку из рук. Записные книжки, все три, валялись поодаль на пляже. Одна — вверх обложкой, в виде палатки, вторая мокла пониже приливной линии, распухнув до размеров телефонного справочника, а третью задумчиво перелистывал ветер. «Спокойно, — сказал себе Джим. — Так проходит вся жопа мира».

Мальчик с петардами осторожно, бочком, приблизился. «Боится, что я окажусь таким же дурным на всю голову, как и выгляжу, — мысленно усмехнулся поэт. — Думает рвануть, если что. Сообразительный ребенок».

— Это ваше? — спросил мальчишка.

На его футболке с изображением парня, взорвавшего бакалейную лавку, красовалась крупная надпись: «ЖЕРТВА ШКОЛЬНЫХ ЗАВТРАКОВ».

— Ага. — Гарденер наклонился за отсыревшей записной книжкой, посмотрел на нее и отбросил.

Мальчик протянул ему остальные две. Что тут было сказать? «Не трудись, парнишка, это не стихи, а сплошная галиматья»? «Поэзия и политика редко сочетаются, поэзия и пропаганда — никогда»?

— Спасибо, — решил сказать Джим.

— Да ладно. — Мальчик подержал раскрытую сумку, чтобы Гарденер мог положить туда сухие записи. — Странно, что вам хоть что-то оставили. Тут летом воров — как собак нерезаных. Наверное, из-за парка. — Он не глядя ткнул за спину большим пальцем, и Гард увидел на фоне облаков силуэт американских горок.

Первая мысль: неужели во время запоя его занесло на самый север штата, к Олд-Орчард-Бич? Хотя нет. Тогда рядом был бы пирс.

— Где я? — спросил Джим, моментально всеми чувствами переносясь в тюремную камеру, за дверью которой помощник шерифа листал журнал, ковыряясь в носу.

Что, если он сейчас пробасит: «Сам-то как думаешь?»

— Аркадия-Бич. — Во взгляде парня читалось одновременно удивление и презрение. — А вы вчера здорово набрались, мистер.

— Если б только вы знали, как громко в ночи в мою дверь томминокер стучит и стучит, — скрипучим, жутким голосом нараспев продекламировал Гарденер.

Мальчик изумленно моргнул... А потом, к восторгу поэта, неожиданно прибавил ни разу не слышанный им куплет:

— Хоть убейте — не выйду из дома теперь: я боюсь даже видеть проклятую дверь!

Гард ухмыльнулся, но тут же поморщился от нового приступа боли.

— Откуда ты это взял?

— От мамы. В детстве.

— Мне тоже мама про них рассказывала, но только первую половину.

Ребенок пожал плечами, словно тема уже потеряла для него интерес.

— Моя много чего выдумывала. — А потом оглядел собеседника с головы до ног. — Вам плохо?

— Ох, парень! — Гарденер торжественно поклонился. — По бессмертному выражению Эда Сандерса и Тули Купферберга*, я себя чувствую, словно дермо ручной работы.

— Похоже, вы долго бухали.

— Да? А ты-то что в этом понимаешь?

— Мама... Она всегда или плела что-нибудь типа дурацких стишков, или вообще пару слов связать не могла.

— Но теперь-то все позади?

— Да. На машине разбилась.

Джима передернуло. Парнишка, похоже, этого не заметил; он уставился на небо, провожая взглядом чайку. Птица прочертила утреннее небо нежного оттенка макрелевой чешуи, мелькнула черной тенью на фоне встающего алого солнца и опустилась на волнорез — поискать что-нибудь съедобное, с ее точки зрения.

Обескураженный Гарденер перевел взгляд с чайки на мальчика, чувствуя себя более чем... странно. Весь этот разговор показался ему чуть ли не знамением свыше. Парень знал о пресловутых томминокерах. Интересно, много ли в мире найдется детей, которые вообще о них слышали? И каковы были шансы, что Гард повстречает парнишку, который: а) помнил стишок наизусть и б) потерял бы пьяницу-мать?

* Авангардные поэты и музыканты, в 1965 году основавшие в США группу «The Fugs». «Дермо ручной работы» — название одной из их песен.

Мальчик вытащил из кармана небольшую связку петард. «Сладкоголосые птицы юности»*, — с улыбкой подумал Джим.

— Хотите, дам пару штук зажечь? Хоть отпразднуете. Может, полегчает немного?

— Что я отпраздную? Четвертое июля? Это сегодня, да?

— Да уж не праздник древонасаждения.

Постойте, двадцать шестое июня было... Он подсчитал. О боже. Восемь дней полной отключки. Ну почти. Но лучше бы полной... Солнечные лучи (кто их звал?!) уже начали пробиваться сквозь мглу, освещая мрачные закоулки памяти. Он причинил кому-то боль — снова. Да, теперь Джим был в этом уверен. Гард, тебе в самом деле хочется знать, кто это

(аргльбаргл)

и что ты ему, или даже сей, сделал дурного?

А может, не стоит? Может, лучше позвонить Бобби и сразу покончить с собой, пока не припомнил подробности?

— Мистер, почему у вас шрам на лбу?

— Катался на лыжах, врезался в дерево.

— Вот, наверное, больно было!

— Да уж, не поздоровилось, но терпимо. Здесь поблизости есть телефон-автомат?

Мальчишка махнул рукой в сторону экстравагантного особняка под зеленою крышей, что возвышался в миле от них, на гранитном мысе. Должно быть, гостиница. Ни дать ни взять пейзаж с бумажной обложки готического романа.

Гард попытался вспомнить название.

— Это ведь «Альгамбра», верно?

— Она самая.

— Спасибо, — сказал он и тронулся в путь.

— Мистер?

Джим обернулся.

— Последнюю тетрадку свою не возьмете? — Парень ткнул пальцем в отсыревшую записную книжку, так и оставшуюся возле приливной линии. — Ее можно просушить.

Гарденер покачал головой.

— Друг, мне бы самому просохнуть.

— Может, все-таки подожжем петарды?

* Название пьесы Теннесси Уильямса, считающейся классикой американской драматургии.

Джим опять мотнул головой и вдруг улыбнулся:

— Ты только осторожнее с ними, ладно? Эти штуки могут и покалечить при взрыве.

— Хорошо. — Мальчик тоже застенчиво улыбнулся в ответ. — А знаете, моя мама довольно долго пила, прежде чем... ну, вы понимаете...

— Да, я понимаю. Как тебя зовут?

— Джек. А вас?

— Гард.

— С Четвертым июля, Гард.

— С Четвертым июля, Джек. И держись подальше от томминокеров.

— Когда они постучат в мою дверь... — серьезно кивнул мальчишка и посмотрел на поэта так, словно знал что-то за-пределное.

Гарденера вновь посетило предчувствие — правда, только на миг. «Кто бы мог подумать, — проскрипел в голове язвительный голос, — что человек с бодуна получает доступ к психическим эманациям самой Вселенной?» В который раз накатила тревога за Бобби. И, махнув парнишке рукой на прощание, он зашагал по пляжу. Сначала — довольно бодро, хотя ноги все время вязли в песке, застrevали, тонули... Сердце колотилось все быстрее; гул в голове нарастал; вскоре даже глазные яблоки стали ощущать биение пульса.

Между тем «Альгамбра» и не думала приближаться.

«Сбавь скорость, а то заработаешь приступ. Или удар. Или и то, и другое сразу».

Он и в самом деле замедлил шаг... А потом подумал: какие глупости. Через четверть часа, не позже, он собирается пойти на корм рыбам, а вот поди ж ты: переживает за сердце. Прямо как тот приговоренный к высшей мере, которому перед расстрелом предложили закурить, а он отказался: «Нет, я как раз завязать пытаюсь...»

Гарденер снова ускорил шаг, и в ритме пульсирующей боли ему внезапно послышались корявенькие стишки:

Если б только вы знали, как громко вночи
В мою дверь томминокер стучит и стучит.
Я чокнутым был, зато Бобби — о'кей,
Но это пока не явились и к ней.

Поэт даже остановился. Дались ему эти томминокеры!

А в голове опять прозвучал этот жуткий, но очень реальный голос, похожий на крик одинокой гагары в ночи над пустынным озером: «Бобби попала в беду!»

Гарденер опять зашагал с прежней резвостью... а потом еще и прибавил ходу. «Хоть убейте — не выйду из дома теперь, — продолжало стучать внутри. — Я боюсь даже видеть проклятую дверь!»

Уже поднимаясь по выбеленным солнцем ступеням лестницы, ведущей по краю мыса от пляжа к отелю, Джим машинально вытер под носом — и снова увидел кровь.

3

В фойе гостиницы Гард провел одиннадцать секунд — ровно столько потребовалось портье, чтобы заметить его необутые ноги. Стоило Джиму возмутиться, как портье кивнул мускулистому коридорному, и они на пару его вытолкали.

«Меня бы вышвырнули даже обутого, — с горечью подумал Гард. — Черт, я бы сам себя вышвырнул».

Он успел посмотреться в стеклянную дверь фойе. Красавчик... Кровь вытирая рукавом — больше размазал. Глаза — красные, налитые, остекленевшие. Дикая поросль на щеках напоминала торчащие иглы дикобраза, остириженного шесть недель назад. В изысканной атмосфере «Альгамбры», где джентльмены расхаживали с красотками, облаченными в короткие теннисные юбочки, Гард определенно напоминал бомжа.

Только потому, что постояльцы в основной своей массе еще продирали глаза у себя в номерах, у коридорного нашлось время на короткое объяснение:

— Телефон-автомат есть на бензоколонке «Мобайл». А теперь вали отсюда, пока я в полицию не позвонил.

Если бы Гарденер еще хоть чего-то не знал о себе, он бы все прочитал в глазах этого здоровяка-коридорного.

Пришлось тащиться вниз по склону холма в направлении бензоколонки. Носки шлепали на ходу и липли к нагретому солнцем асфальту. Сердце стучало с присвистом, как мотор малобюджетного «форда», который долго и нещадно эксплуатировали. Головная боль постепенно перемещалась влево; в кон-

це концов она собирается в точку, словно от укола блестящей острой булавкой... Разумеется, если Джим до этого доживет.

И вдруг ему снова стало семнадцать. В то время Гард был одержим не трехбуквенными АЭС, а четырехбуквенным сек-сом. Девушку звали Анна-Мари. Гарденер верил, что скоро добьется ее благосклонности, если только не сдрейфит. Если не покажет себя слабаком. Может, даже прямо сегодня. Да, но доказывать, что он не слабак, придется тоже сегодня, здесь, на промежуточной лыжне «Прямая стрела» в Вермонт. Уже на ходу Гард уставился на свои лыжи, мысленно повторяя основные шаги и способы остановки. Он чувствовал себя как перед серьезным испытанием, которое во что бы то ни стало хотелось пройти. Ведь Джим в первый раз покинул учебные склоны для новичков, а вот Анна-Мари... В общем, вряд ли она пожелает отаться парню, который на финише будет напоминать дурацкого снеговика из мультильма. Выглядеть в глазах девушки слегка неопытным — в этом был бы определенный шик; но не круглым же дураком! И вот он едет, уставившись на свои лыжи, вместо того чтобы посмотреть вперед, а между тем прямо по курсу — старая кривая сосна с ярко-красной предупреждающей пометкой на стволе. И лишь ветер свистит в ушах, да сухо поскрипывает снег, и эти звуки сливаются в усыпляющее: *шиши...*

Тут мерзкий стишок ворвался в воспоминания, вынудил Гарденера остановиться в нескольких шагах от заправки, и вновь зазвучал в голове под мучительное биение пульса: «Если б только вы знали, как громко в夜里 в мою дверь томминокер стучит и стучит...»

Поэт откашлялся, ощущив во рту медный привкус крови, и сплюнул красноватый комочек флегмы на замусоренную обочину. Как-то раз он взялся расспрашивать маму о томминокерах. Ответа (если тот вообще прозвучал) Джим не запомнил, но почему-то всегда считал их грабителями с большой дороги, что в лунном свете крадутся за жертвами, в сумраке — убивают, а в самую темную пору ночи закапывают холодные трупы. Однажды мальчик провел полчаса — чуть не целую вечность, — лежа в постели без света и мучительно размышляя о том, что загадочные томминокеры могут оказаться не просто грабителями, а, например, каннибалами, и своих жертв они не закапывают, а готовят, и... ох...

Гарденер поежился, обхватив себя тощими руками за плечи (похоже, во время запоя он очень редко питался). А потом перешел дорогу к заправке, еще не открывшейся, но уже увешанной баннерами. Самые заметные из них гласили: «НЕЭТИЛИРОВАННЫЙ БЕНЗИН ВЫСШЕГО СОРТА.89», «БОЖЕ, БЛАГОСЛОВИ АМЕРИКУ» и «“ВИННЕБАГО” — ДОМА НА КОЛЕСАХ, КОТОРЫЕ РУЛЯТ!». Действительно, на стене заправки висел телефон-автомат. К счастью, это была одна из новейших моделей, позволявшая звонить на большие расстояния без предоплаты. По крайней мере, не придется тратить последнее в жизни утро на попрошайничество. Гард набрал ноль — и остановился. Рука сильно тряслась, не попадала по нужным клавишам. Тогда он зажал трубку между плечом и ухом, чтобы освободившейся правой рукой более или менее зафиксировать левую кисть... насколько это возможно. А потом до ужаса медленно, точно подрывник, боящийся ошибиться, стал указательным пальцем давить на кнопки. Автоматический голос велел ему либо ввести номер своей кредитки (совершенно невыполнимый для Гарда трюк в его теперешнем состоянии — даже если бы у него и *была* кредитка), либо ноль, чтобы связаться с оператором. Джим выбрал второе.

— Здравствуйте, с праздником, с вами говорит Элейн, — радостно прощебетала телефонистка. — Не могли бы вы сообщить, кто будет оплачивать разговор?

— Здравствуйте, Элейн, и вас тоже с праздником. Запишите на счет Джима Гарденера.

— Благодарю вас, Джим.

— Не за что. — Вдруг он встрепенулся: — Скажите ей, это Гард.

Пока где-то в Хейвене звонил аппарат, в ожидании ответа Джим засмотрелся на солнце, которое, раскрасневшись еще сильнее, будто гигантский волдырь, неспешно вставало на встречу макрелевым облакам; те понемногу сгущались, обещая к обеду ливень. В памяти всплыл стишок из детства: «Небо ало вечером — плыви, бояться нечего. Небо ало на рассвете — моряку невзгоды светят».

Что-то слишком много поэзии для последнего утра... Гарденер мысленно извинился перед Бобби: сегодня придется поднять ее ни свет ни заря, но ведь это больше не повторится. Впрочем, будить оказалось некого. Телефон продолжал звонить, но без толку. Дзинь... дзинь... дзинь.

— Вызывающий абонент не отвечает, — сообщила телефонистка на случай, если Джим оглох или забылся и приложил трубку к заднице вместо уха. — Попробуйте повторить попытку немного позже.

— Ага, разве что во время спиритического сеанса.

— Хорошо, — сказал Джим. — Желаю вам приятного дня, Элейн.

— Спасибо, Гард!

Он оторвал трубку от уха, словно та его укусила, и в испуге уставился на нее. На мгновение поэту почудился голос Бобби... Господи, *так* похоже...

— Простите, что вы сейчас ска?.. — только и выдавил он из себя, вернув трубку на место.

Но жизнерадостная Элейн уже отключилась.

Да, именно Элейн. Элейн, а не Бобби. Однако...

Почему «Гард»?

Джима никто так не называл, кроме...

А, ну да. «Скажите ей, это Гард».

Разумеется. Идеальное объяснение.

Но почему ему так не кажется?

Он медленно повесил трубку. Постоял у бензоколонки в отсыревших носках, заметно помятых штанах и незаправленной рубашке, глядя на свою длинную-предлинную тень. По дороге в сторону Мэна промчалась вереница мотоциклистов.

«Бобби в беде».

Может, хватит уже? Все это чепуха на постном масле — как она сама бы выразилась.

«Дружище, а кто тебе вообще сказал, что люди ездят домой только в Рождество? Она отправилась в Ютику, чтобы отметить Великий День Независимости с семьей, всего-навсего».

Ну да. Конечно. Скорее Джим устроится работать на массачусетскую АЭС, чем Бобби лишний раз сорвется в гости к родным. Энн ничего не стоит ради потехи сунуть несколько петард сестре между ног и поджечь.

«Значит, ее пригласили быть маршалом на параде... или даже шерифом, ха-ха! — в одном из тех скотоводческих городков, о которых она всегда писала. Дэдвуд, Эйбилин, Додж-Сити — что-нибудь в этом роде. Ты сделал все, что мог. А теперь доверши задуманное».

Его рассудок уже не спорил, махнув на все рукой. Только повторил заезженное: «Бобби в беде».

«Это просто отговорка, трус несчастный».

Или нет?

Неясное предчувствие превратилось в железобетонную уверенность. Чепуха или нет, на постном или сливочном масле, а внутренний голос продолжал твердить, что Бобби попала в серьезную передрягу. Нужно выяснить наверняка, а до тех пор... Как Гард уже сказал себе утром, океан все равно никуда не денется.

— Вдруг до нее добрались томминокеры? — произнес Джим вслух и разразился хриплым, испуганным смехом.

Сомнения прочь: он сходит с ума.

Глава 7

ГАРДЕНЕР ПРИЕЗЖАЕТ

1

Шшшуххххх...

Он пристально смотрел вниз, на гладкие коричневые деревяшки, скользящие по снегу. Джим опустил взгляд, чтобы убедиться, что держит их параллельно друг другу, а не как сопливая девчонка, впервые увидевшая склон, — и уже не смог оторваться от завораживающего движения искристой белой полосы между лыжами, стремительно летящей назад. Почти за-гипнотизированный, он очнулся только от крика Анны-Мари:

— Гард, берегись! Смотри!

В голове туман, как после крепкого сна. До Джима с трудом доходит, что он глазел вниз, на бегущую сверкающую полосу куда дольше положенного.

Анна-Мари визжит:

— Поворачивай, Гард! Поворачивай!

И снова что-то кричит — кажется, советует ему падать. Просто взять и упасть? Боже, так можно и ногу сломать!

В эти последние, считанные секунды до жуткого столкновения Джим по-прежнему не понимает: как все могло так быстро пойти наперекосяк?

Каким-то образом он умудрился съехать с накатанной дорожки влево. Теперь сосны и ели с тяжелыми от налипшего снега голубовато-сизыми лапами проносятся в каких-нибудь трех ярдах от него. Левая лыжа чудом не натыкается на торчащий острый валун. Джим холодаеет от ужаса: он больше не управляет собой, он забыл все, чему его научила Анна-Мари и что казалось детской забавой на склонах для новичков.

И вот он мчится на скорости... двадцать миль в час? Или тридцать? Сорок? Ветер обжигает лицо. Линия деревьев у края лыжни «Прямая стрела» стремительно надвигается. Между тем его собственная лыжня — уже не прямая, а плавно изогнутая диагональ. Этого вполне хватит, чтобы убиться. Скоро он совсем покинет лыжню, а потом остановится, и можно спорить на что угодно, это будет очень быстрая остановка.

Анна-Мари снова что-то кричит. «Повернуть»? Она что, серьезно? Гарда сейчас хоть озолоти — он даже затормозить не сможет, а тут... «поворнуть»!

Он пытается вырулить вправо, но лыжи упорно несутся выбранным курсом. Перед глазами встает то самое дерево, в которое Джим сейчас врежется, — старая, припорошенная снегом сосна. На кривом стволе — ярко-красная метка, совершенно ненужный сигнал опасности. Гард еще раз пытается повернуть, но понимает, что напрочь забыл, как это правильно делается.

Дерево угрожающе растет в размерах. Кажется, это оно само летит навстречу, а Джим застыл на месте. Он успевает различить шершавые нарости, острые обломки ветвей, на которые ему суждено наткнуться, трещины в старой коре, неряшлиевые потеки алоей краски.

Анна-Мари кричит снова. Он — тоже.

Шшшшухххх...

— Мистер? Мистер, вам плохо?

Гарденер резко выпрямился от неожиданности, мельком успев подумать, что боль ударит молотом по голове. Однако мигрень отступила. Немного подташнивало от голода, но в голове царил полный штиль. Боль загадочным образом исчезла, пока он видел сон о том несчастном случае.

— Все хорошо, — сказал он, озираясь.

И тут голова опять загудела — Джим ударился о барабан.

Девушка в обрезанных джинсах рассмеялась:

— Вообще-то по ним бьют палочками! А вы бормотали во сне.

Тут Джим разглядел, что едет в фургоне, и все встало на свои места.

— Правда?

— Ага. И голос у вас был не очень.

— Кошмар увидел, — ответил Гарденер.

— Угощайтесь. — Девушка протянула ему самокрутку с марихуаной, свернутую из обрывка газеты. С фотографии улыбался добрый старина Ричард Никсон в синем костюме. Пальцы у него были сложены в виде буквы W. Даже самые взрослые пассажиры фургона вряд ли помнили этот жест.

— Гарантia от любых кошмаров, — серьезно добавила девушка.

«Милая, то же самое мне говорили об алкоголе. Знаешь, иногда люди врут. Так и знай на будущее. Сильно врут».

Из вежливости Гард сделал одну затяжку; голова поплыла чуть ли не сразу. Он поспешил вернуть самокрутку девушке, сказав:

— Мне бы сейчас лучше пожевать чего-нибудь.

— Крекеры подойдут? — подал голос водитель, протягивая назад упаковку. — Остальное мы все подчистили. Бивер даже чернослив уничтожил, так что извини...

— Бивер что хочешь слизнет, — сказала девушка в обрезанных джинсах.

Парень рядом с водителем повернулся к ним пухлое, но приятное лицо.

— Ну, вот еще. Глупости. Матушку свою я, например, не лизал.

Все, включая Гарденера, громко расхохотались.

Потом Джим произнес:

— Хорошие крекеры. Честно.

Так оно и было. Сначала он ел осторожно и понемногу, прислушиваясь к желудку: не взбунтуется ли? Но тот молчал, и Гард начал ускоряться. Под конец он уже запихивал крекеры в рот большими горстями под раздраженное урчание в животе.

Когда же Джим в последний раз ел? Трудно сказать. Запой есть запой. Судя по прошлому опыту, поэт не слишком

увлекался едой в то время, когда пытался запить спиртным целый мир, — а если что-то и попадало в рот, то неизменно оказывалось потом у него на коленях или рубашке. Вспомнить хотя бы ту гигантскую жирную пиццу, которую Гард пытался умыть на День благодарения в 1980-м... В тот самый вечер, когда прострелил Норе обе щеки.

«Вы же могли задеть зрительный нерв, а то и оба! — возмущенно рявкнул в голове голос адвоката жены. — Это же частичная, если не полная слепота! А мог наступить паралич! Смерть! Достаточно, чтобы пуля задела зуб и кусок отлетел в какую угодно, мать ее, сторону! Хватило бы одного обломка! А вы тут сидите и мямлите, будто не имели намерения убивать! Что еще собираются сделать, когда целятся человеску в лицо?»

На Гарда накатила волна уныния — черная и гигантская, высотой в целую милю. Надо было все-таки покончить с собой. Зря он отложил это дело.

«Но Бобби в беде».

«Может быть. Только дожидаться помощи от такого, как ты, — все равно что просить пиромана починить газовую горелку».

«Заткнись».

«Ты конченый человек, Гард. Отработанный материал. У тебя мозги от спиртного спеклись, как выразился бы тот мальчик на пляже...»

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? — встревожилась девушка с красными волосами, коротко подстриженными под панка. Ноги — практически от ушей.

— Угу. А что, я так плохо выгляжу?

— Минуту назад — просто жуть, — мрачно подтвердила она.

Джим усмехнулся — не над ее словами, конечно, а над загробным тоном, и девушка с облегчением ухмыльнулась в ответ.

Гард посмотрел в окошко: оказывается, не так уж долго он и проспал. Перистые облака цвета макрелевой чешуи еще два часа назад начали сгущаться в однотонную серую массу: после обеда жди проливного дождя. Пока Джим доберется до Хейвена, там уже стемнеет, и наверняка он весь промокнет до нитки.

Повесив трубку там, на бензоколонке, он стянул носки и забросил их в урну. Затем вышел на нужную магистраль и с сумкой в руке принялся голосовать.

Двадцать минут спустя появился этот фургон — почти новый «додж-караван» с делаверскими номерами. Сбоку были

намалеваны две гитары со скрещенными, точно боевые мечи, грифами, а под ними — название группы: «ЭДДИ ПАРКЕР БЭНД». Машина притормозила, и Гарденер бросился к ней. Он задыхался, сумка больно била по ногам, левая сторона головы готова была взорваться, но Джим все-таки успел усмехнуться над забавным слоганом, тщательно выписанным на задних дверцах: «ЕСЛИ ЭДДИ БАЛДЕЕТ — НЕ СТУЧИСЬ, А ТО ОГРЕЕТ!»

И вот он сидит на полу, постоянно напоминая себе не поворачиваться резко, чтобы снова не врезаться в барабан. Как только впереди показался щит с надписью «Олд-Орчард», по ветровому стеклу застучали первые капли.

— Слушай, — притормозив, начал Эдди. — Не могу тебя отпустить просто так. Дело к дождю, а ты ведь даже без обуви.

— Обойдусь.

— Не так уж вы круто выглядите, — мягко заметила девушка в обрезанных джинсах.

Эдди сорвал с себя шляпу (над козырьком красовалась надпись: «Я ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЕМ, Я ВООБЩЕ ГОЛОСОВАЛ ЗА ГОВАРДА-УТКУ»*).

— Скидываемся, ребята.

Откуда ни возьмись появились бумажники, в карманах джинсов зазвенела мелочь.

— Спасибо, не надо! Вы что?

Кровь бросилась Гарденеру в лицо. Это было даже не смущение, а самый настоящий стыд. Где-то внутри поэт ощутил сокрушительный удар, от которого не ломаются зубы или, к примеру, кости, а вот душа — запросто. Эта мысль прозвучала мелодраматично, как колокольный звон. И, что самое ужасное, принесла вполне реальную боль. «Ага, — подумалось Джиму. — Значит, вот как оно бывает. Всю жизнь ты только слышал про людей, опустившихся на самое дно, а теперь понимаешь их. Вот оно. Джеймс Гарденер, собиравшийся стать вторым Эзрой Паундом** для своего поколения, принимает лишнюю мелочь от делаверской группы, играющей в барах».

— Ну, правда же... зря вы...

* Популярный персонаж комиксов, по сюжету участвовавший в президентских выборах в 1976 году.

** Эзра Лумис Паунд (1885—1972) — американский поэт, один из основоположников англоязычной модернистской литературы, издатель и редактор.

Эдди Паркер продолжал невозмутимо передавать шляпу. Среди монет там лежало несколько однодолларовых купюр. Бивер был последним в очереди. Подумав, он бросил пару четвертаков.

— Послушайте, — настаивал Гарденер, — честно, я тронут, но...

— Давай, Бивер, — подначил Эдди. — Ты же не какой-нибудь долбаный Скрудж?

— Нет, правда, у меня друзья в Портленде, я просто звякну им... и вообще вспомнил: я как-то оставил чековую книжку у одного знакомого в Фалмуте, — с горячностью приврал поэт.

— Би-вер — Скрудж, — весело выкрикнула девушка в джинсах. — Би-вер — Скрудж! Би-вер — Скрудж!

Остальные дружно подхватили и не унимались до тех пор, пока их товарищ, рассмеявшись и закатив глаза к потолку, не прибавил еще четвертак и один лотерейный билетик.

— Все, я пуст, — заявил он. — И опустею еще сильнее, когда чернослив подействует.

Его друзья и девушка в джинсах закатились хохотом. Бивер отчаянно взглянул на Джима, словно говоря: «Видишь, с каким придурками приходится иметь дело? Попробуй тут...» И всучил ему шляпу. Гарду пришлось подхватить ее, чтобы мелочь не раскатилась по полу фургона.

— Нет, серьезно, — промямлил он, пытаясь вернуть подношение, — все со мной будет в порядке...

— Не похоже, — отрезал Эдди. — Перестань нести чушь; что ты сказать-то хотел?

— Наверное, спасибо, — ответил Джим. — Ничего больше не приходит в голову.

— М-да, такую мелочевку можно даже не заносить в декларацию о доходах, зато тебе хватит на гамбургеры и на пару резиновых шлепанцев.

Девушка распахнула боковую дверь «долж-каравана».

— Удачи тебе! — сказала она, а потом, не дав Гарденеру опомниться, заключила его в объятия и поцеловала влажными, податливыми, полуоткрытыми губами, от которых сильно разило «травкой». — Береги себя, старина.

— Постараюсь. — Девушка уже разжимала руки, когда вдруг Джим сам порывисто прижал ее к себе. — Спасибо. Спасибо вам всем.

Он постоял на разбитой дороге, провожая взглядом громыхающий фургон и не торопясь опускать поднятую для прощания руку: а вдруг кто-нибудь из них еще смотрит в заднее окошко... Ведь помахала же девушка напоследок! С неба накрапывало все ощутимее. Слезы свободно лились по щекам вперемешку с дождем.

3

Гарденер так и не нашел возможности купить себе шлепанцы, зато в Хейвене оказался еще дотемна. Ему не пришлось даже топать последние десять миль пешком, как он рассчитывал. Может, кому-то и кажется, что в дождливые дни водители с большей охотой должны подбирать автостопщиков, но именно в это время они куда чаще проносятся мимо. Кому нужна лужа на заднем сиденье? Тем не менее возле Огасты Гарда подобрал один фермер, который потом всю дорогу до Чайна-тауна бранил правительство на чем свет стоит. Оттуда Гарденер снова двинулся пешком и одолел пару миль в раздумьях, на самом ли деле его ступни превратились в лед или это галлюцинация, когда у обочины резко притормозил лесовоз. Джим проворно забрался в кабину. Там пахло стружкой и застарелым потом... зато было несказанно тепло.

— Спасибо.

— Не за что. — Водитель протянул пятерню и представился: — Фриман Мосс.

Автостопщик схватил ее и потряс, еще не зная, что им судено снова встретиться в самом ближайшем будущем, и уже не при столь приятных обстоятельствах.

— Джим Гарденер. Еще раз спасибо.

— Развели тут церемонии, — фыркнул водитель, заводя мотор.

Грузовик начал набирать скорость. При этом он так грохотал, что Гард проникся искренним сочувствием к бедной развалине. Все в ней содрогалось, стонало и завывало голосом старой ведьмы, укрывшейся в дымоходе. Самая ветхая в мире зубная щетка, на стершихся щетинках которой чернело машинное масло, недавно вытертое с какой-нибудь шестеренки, скакала по всей приборной панели, периодически задевая освежитель воздуха, изображающий дамочку с весьма аппетитными формами. Мосс бесконечно

долго пытался выжать вторую скорость, дергая упрямый рычаг, и еле-еле вывел громыхающий грузовик с края обочины на дорогу.

— Слушайте, вы здорово напоминаете утопленника. Я тут обедал в Огасте, в «Пьяных пончиках», осталось полтермоса кофе... Будете?

Джим благодарно принял напиток (тот оказался крепким, горячим и очень сладким), а потом с наслаждением затянулся предложенной сигаретой, хотя от нее больно запершило в горле, которое явно успело воспалиться от холода.

Мосс высадил пассажира у самой границы Хейвена без четверти семь. К тому времени дождь утих, и небо на западе начинало светлеть.

— Бог пошлет сегодня роскошный закат, помяните мое слово, — предрек водитель. — Эх, жаль, я не взял запасные кроссовки, мистер, а то непременно бы поделился с вами. Всегда вожу их вот тут, за сиденьем, но сегодня с утра так лило, что у меня с собой только резиновые сапоги.

— Да не волнуйтесь, тут шагать меньше мили. Как-нибудь обойдусь.

На самом деле до дома Бобби оставалось больше трех миль, но если бы Мосс об этом узнал — без разговоров повез бы Гарда прямо туда. Джим, конечно, устал и заметно температурил; мало того — ухитрился не просохнуть даже за сорок пять минут в продуваемой горячим воздухом кабине... и все-таки хватит пользоваться чужой добротой сегодня. В теперешнем состоянии от этого можно свихнуться.

— Ладно. Тогда — удачи вам.

— Спасибо.

Он спустился на землю и долго махал на прощание Моссу и его лесовозу, похожему на доисторическое чудовище из музея. Грузовик уже скрылся за поворотом, а Гард продолжал стоять с отсыревшей сумкой в руке, увязнув побелевшими, точно садовые лилии, ногами в дорожной грязи. Фрост как-то сказал: «Дом — это место, где тебя всегда примут, поскольку им некуда деться». Но Джим прекрасно понимал, что приехал совсем не в такое место. Возможно, это одна из самых грубых ошибок в жизни — принимать дом друга за собственный. Особенно если друг — женщина, с которой ты раньше спал.

Ну и пусть... А все-таки Гарденер был почти у цели.

Повернувшись, он пустился в путь.

Четверть часа спустя, когда облачная завеса на западе наконец-то разорвалась, пропустив предзакатные солнечные лучи, произошло нечто очень странное: в голове у Гарда грянула громкая и отчетливая музыка.

Он замер на месте, залюбовавшись сиянием, излившимся на многие мили вперед на блестящие от влаги леса и скошенные поля. Лучи живописно пронизывали пейзаж, словно в эпическом фильме Де Милля. Дорога здесь поднималась в гору, и перед Джимом раскинулся дивный торжественный вид — хрустально-чистый в закатном свете, пасторальный, немного на староанглийский лад. После проливного дождя все выглядело особенно гладким, промытым, мир был гораздо ярче, фактурнее. Неожиданно для себя Гарденер даже обрадовался, что не успел совершить самоубийство, — просто потому, что удостоился этого мгновения незамутненной сияющей красоты и гармонии. Вконец обессиленный, дрожащий от озабоченности, он пребывал в наивном детском изумлении.

Вокруг стояла особая тишина медленно догорающего вечера. Взгляд не цепляли признаки прогресса и современных технологий, только следы присутствия человека — просторный красный амбар возле чисто выбеленного фермерского дома, несколько сараев, трейлер-другой, вот, пожалуй, и все.

Но свет... Вот что так потрясло душу Гарда.

Ясный и нежный, насыщенный, он косо, чуть ли не горизонтально пробивался сквозь обрывки рассеянных туч, возвещая о том, что долгий и утомительный день подходит к концу. Древние как мир лучи словно принадлежали другому времени; Гарденер вовсе не удивился бы, засыпав теперь охотничий рог, лай собак и топот звонких подков... Но в голове неожиданно загремела современная музыка, и очарование вечера было потеряно. Он испуганно прижал руки к вискам. Вспышка длилась не меньше пяти секунд — наверное, десять, так что Джим успел узнать песню Доктора Хука «Крошка, твои джинсы все расскажут за тебя». Голос чуть дребезжал, но слышался четко, словно из маленького транзистора вроде тех, что люди раньше брали с собой на пляжи, пока мир не завоевали плееры и здоровенные переносные кассетники с панк-рок-исполнителями

внутри. При этом звуки лились не в уши, а непосредственно в мозг, в то злосчастное место, где врач много лет назад заделал отверстие в черепе кусочком металла.

Ты ночная пташка,
Ты играешь, не любя.
Ты молчишь, но джинсы
Все расскажут за тебя.

Громкость была почти непереносимая. За долгие годы такое случилось всего лишь раз, когда Гард сунул палец в патрон от лампочки. «По пьяни?» — спросите вы. Они еще спрашивают!

К тому времени он уже выяснил, что музыкальные феномены подобного сорта — не галлюцинация и даже не редкость: люди ухитрялись ловить радиоволны с помощью фигурки фламинго в саду, пломбы в зубе или стальной оправы очков. В 1957 году одна семья из Шарлотты, штат Северная Каролина, в течение полутора недель принимала сигналы от музыкальной студии, расположенной во Флориде. Сначала классика грязнула в ванной, в стаканчике для полоскания рта. Вскоре звучали уже все бокалы в доме, а перед самым концом каждая комната, к ужасу хозяев, наполнилась звоном хрусталия, передающего произведения Баха и Бетховена вперемешку с сигналами точного времени. Потом дюжина скрипок разом взяли высокую ноту и так долго держали ее, что бокалы взорвались; на этом все прекратилось.

Гарденер знал: он не один такой и не сходит с ума. Жалкое утешение, если вдуматься. И потом, эта нестерпимая громкость...

Доктор Хук замолчал так же резко, как и ворвался в голову. Джим напрягся: а вдруг вернется? Но тот не вернулся. Зато еще громче, с новыми силами зазвучал прежний голос, повторяющий: «Бобби в беде».

Гарденер повернулся спиной к закату и снова двинулся по дороге. Измученный, с температурой, он шагал все быстрее... а потом сорвался почти на бег.

В половине восьмого Джим наконец добрался до дома, который местные жители даже спустя столько лет по-прежнему величали «логовом старого Гаррика». Тяжело дыша,

с пятнами нездорового румянца на щеках, он остановился возле почтового ящика, под железной дверцей которого, как обычно, темнел зазор: почтальон Джо Полсон и Бобби нарочно оставляли ее в приоткрытом положении, чтобы Питеру было удобнее доставать газеты. На подъездной дорожке стоял синий пикап Бобби. Инструменты в кузове бережно прикрывал от дождя брезент. В доме светилось восточное окошко — то самое, у которого Бобби любила читать, устроившись в кресле-качалке.

Какое спокойное, мирное зрелище, ни малейшего диссонанса. Конечно, пять лет назад — или даже три года назад — Питер непременно возвестил бы о прибытии гостя заливиштым лаем. Но что поделать, пес одряхлел. А кто молодеет?

Отсюда, с дороги, все выглядело так мило и тихо; еще одна прелестная пасторальная картинка, наравне с тем закатным пейзажем на окраине города. В ней было то, чего Гарденеру недоставало вот уже долгие годы, — покой и уют. И никаких тебе странностей. Просто жилье человека, довольного своей жизнью. Не то чтобы вовсе отшельника, удалившегося от суеты, но... сводящего потихоньку концы с концами. Дом уравновешенной, относительно счастливой женщины, построенный явно не в зоне черных торнадо. И все-таки что-то было неладно.

Гарденер замер у ящика, эдакий незнакомец во мраке,
(«но я не чужак, я же друг...»)

и неожиданно ощущил сильнейший порыв — бежать отсюда. Развернуться на пятке и удрать. Внезапно ему расхотелось выяснить, что творится в стенах этого дома, в какую именно беду угодила Бобби.

(томминокеры, Гард, это томминокеры)

Его передернуло.

(если б только вы знали, как громко в ночи в ее дверь томминокер стучит и стучит...)

Хватит!

(Гард и видеть не может проклятую дверь.)

Он провел языком по губам — кажется, они пересохли от лихорадки. Конечно, от лихорадки, от чего же еще?

«Уноси ноги, Гард! Луна уже стала кровавой!»

Страх проник в душу настолько глубоко, что если бы речь шла не о Бобби — последнем на свете друге Джима, — он бы, не

раздумывая, бросился наутек. От дома, особенно от светящегося окна, так и веяло деревенской прелестью, все выглядело до крайности правильно... но доски и стекла, булыжники подъездной дорожки, сам воздух, плотно сгустившийся у лица, — все в один голос кричали: «Беги! Спасайся! Там, внутри — скверно, опасно, там поселилось зло!»

(томминокеры)

Плевать, ведь Бобби тоже внутри. Не для того Гард преодолел столько миль под проливным дождем, чтобы в последний миг развернуться и убежать. Вопреки всем страхам он оторвался от почтового ящика и медленно двинулся вперед по подъездной дорожке, морщась от боли, когда слишком острые камни впивались в беззащитную кожу ступней.

Тут парадная дверь отворилась, и сердце Джима подскочило к самому горлу. «Это один из них, это томминокер! Сейчас он набросится и сожрет меня!» Гарденер едва нашел в себе силы подавить крик.

Силуэт, возникший в дверях, выглядел чересчур худым, чтобы напоминать Бобби Андерсон — хотя и не пышечку, но плотно сложенную, мягкую везде, где нужно. При этом голос, пусть даже дрожащий и резкий, мог принадлежать лишь ей... правда, в нем слышался еще больший ужас, чем тот, что только что, стоя на подъездной дорожке, испытал сам Гарденер.

— Кто там? Кто пришел?

— Это я, Гард.

Воцарилось долгое молчание. Затем прозвучали шаги. И осторожное:

— Гард? Это правда ты?

— Ну да.

Он прошел остаток дорожки по жалящим острым камням и, ступив на лужайку, задал вопрос, ради которого проделал долгий путь, отложив даже самоубийство:

— Бобби, у тебя все хорошо?

Ее было не разглядеть: солнце уже закатилось, в саду лежала непроглядная тьма. Интересно, куда подевался Питер?

— Все замечательно, — ответила она как ни в чем не бывало, уже совершенно без дрожи в голосе. Можно подумать, для нее это в порядке вещей — выглядеть словно скелет и, окликая ночных гостей, срываешься от страха на визг.

Тут она спустилась с крыльца, вышла из-под нависающей тени в сумерки сада, и Гарду впервые удалось ее рассмотреть. То, что он увидел, повергло поэта в изумление и ужас.

Бобби шагала ему навстречу с радостной улыбкой. Джинсы болтались на ней, как чужие, и блузка — тоже. Лицо изменилось до неузнаваемости: глаза глубоко запали в глазницы, лоб побледнел и даже как-то увеличился в размерах, кожа натянулась и болезненно блестела. Нечесаные волосы лежали на плечах, точно спутанные водоросли, выброшенные на берег. Рубашка была застегнута не на ту пуговицу. Молния на джинсах разошлась на три четверти. А этот запах пота и грязи... и еще, кажется, недавно она позабыла сходить в туалет, но не обратила на это внимания и не сменила белья.

Внезапно перед глазами Гарденера встало фото Карен Карпентер*, сделанное незадолго до ее смерти, наступившей, как официально считается, в результате нервной анорексии. Там тоже была наполовину живая, наполовину мертвая женщина, чья улыбка сильно смахивала на оскал, а глаза светились лихорадочным блеском. Ох, как похоже...

Бобби сбросила фунтов двадцать, не больше, иначе уже не стояла бы на ногах, но потрясенному Гарду казалось, что все тридцать с лишним. Она явно достигла крайней степени истощения. Огромные и блестящие, как у той несчастной девушки с журнальной обложки, глаза; широкая бессмысленная ухмылка нокаутированного боксера за миг до того, как у него подкосятся ноги.

— Замечательно, — повторил этот грязный, шатающийся скелет, приближаясь, и Гарденер снова услышал в голосе дрожь, но уже не от страха, а от усталости. — Я думала, ты меня позабыл. Какая приятная встреча!

— Бобби! Господи, Бобби, что здесь...

А она уже отчаянно трясла ему руку. Оставалось лишь изумляться, какой призрачной и невесомой стала ее ладонь.

— Тут столько всего происходит, — прохрипела Бобби надтреснутым голосом. — Я много сделала, впрочем, главное — впереди, но я почти у цели, почти у цели, ты сам увидишь...

* Карен Энн Карпентер (1950–1983) — американская певица и барабанщица, участница группы «Carpenters», основанной ею вместе с братом Ричардом Карпентером.

— Бобби, а что...

— Да все хорошо, все отлично, — еще раз произнесла она.

И в полуబессознательном состоянии рухнула на руки Гарду. Бобби еще что-то пробулькала напоследок, выпустив из уголка рта струйку слюны. Ее грудь на ощупь напоминала маленькие, плохо набитые подушечки подплечников.

Подхватив подругу, Джим поразился, какой она стала легкой. Нет, все-таки тридцать фунтов. Хоть это и невероятно, но, к сожалению, правда. Содрогнувшись от жалости, Гарденер вдруг подумал: да нет же, это вовсе не Бобби. Это он сам на исходе запоя.

И Джим торопливо понес ее в дом.

Глава 8

ПЕРЕМЕНЫ

1

Положив Бобби на кушетку, Джим кинулся к телефону и уже собирался набрать ноль, чтобы узнать у телефонистки номер ближайшего пункта «Скорой помощи». Его подруге нужно в Дерри, в больницу, срочно. Похоже, у нее нервный срыв или что-то вроде того. Хотя, конечно, измученный, сбитый с толку Гарденер плохо соображал и едва ли мог поставить диагноз. К тому же Бобби никогда не казалась ему той, кто способен перегореть от работы... но именно так и случилось.

Она что-то слабо прохрипела с кушетки. Гарденер ни слова не понял.

— Что, Бобби?

— Никому не звони, — повторила Бобби чуть громче, и это усилие вконец истощило ее. На щеках пылали пунцовые пятна, само же лицо напоминало восковую маску с глазами, сверкающими подобно сапфирам или синим бриллиантам. — Гард... Не вдумай!

Тут Андерсон откинулась на кушетку, учащенно дыша. Джим повесил трубку и в недоумении подошел. Нет, он не собирался отказываться от своего намерения: Бобби явно

нуждалась в помощи докторов... просто в данную минуту ее беспокойство перевесило чашу весов.

— Я тебя не оставлю, если ты об этом. — Гард взял ее за руку. — Бог знает, сколько раз ты была со мной и в худшие...

Она с возрастающей горячностью затряслась головой и прошептала:

— Просто надо поспать... А завтра покушать. Но сон главное. Я не отдыхала уже... дня три. А то и четыре.

Гарденер потрясенно уставился на подругу. Потом сопоставил ее слова с внешним видом.

— На что ты подсела? — «И почему?!» — мысленно добавил он. — Амфетамины? «Колеса»?

Он подумал о кокaine — и отбросил эту мысль. Конечно, если бы ей приспичило, денег бы хватило, но даже от чистого «снега» нельзя потерять тридцать с лишним фунтов за... сколько они не виделись?... за каких-нибудь три недели, да и бодрости на четыре дня он тоже не даст.

— Никакой наркоты. — Бобби закатила блестящие глаза и втянула обратно вытекшую струйку слюны.

На ее лице промелькнула гримаса, которая совершенно не понравилась Гарду... он даже малость перетрухнул. Это было выражение состарившейся Энн, ее коварной сестрицы. Потом веки опустились, продемонстрировав сеть из тонких фиолетовых прожилок — признак крайнего истощения. А когда она открыла глаза, то вновь превратилась в Бобби... Беспомощную, несчастную, нуждающуюся во враче.

Джим поднялся с кушетки.

— Я все-таки вызову «Скорую». Ты, правда, ужасно выглядишь...

Он повернулся к телефону, но вдруг ощутил, как его запястье неожиданно сильно сжала Бобби.

У нее по-прежнему был отчаянно изможденный вид, почти безнадежный, но глаза вдруг утратили пугающий блеск и смотрели прямо, ясно, осмысленно.

— Попробуй кому-нибудь позвонить, — проговорила Бобби почти нормальным, еле заметно дрожащим голосом, — и мы больше не друзья. Так и знай. Набери хоть «Скорую», хоть больницу в Дерри, хоть самого дока Уорвика — и дружбе конец. Ты никогда больше не переступишь порог этого дома. Моя дверь закроется навсегда.

Гарденер смотрел на нее с возрастающим беспокойством и ужасом. Если бы он только мог, то обязательно убедил бы себя, что Андерсон бредит... Но это явно было не так.

— Бобби, ты...

«...не понимаешь, что говоришь? Ах, если бы! Ужас заключался в том, что она-то как раз *понимала*. Бобби на самом деле угрожала разорвать отношения, впервые за все годы знакомства превратив их в дубинку для наказания Джима за неподчинение своей воле. Причем в ее глазах читалось четкое осознание ценности этих отношений — возможно, последнего, чем Гарденер еще дорожил на свете.

Может, сказать тебе, Бобби, как ты сейчас похожа на свою сестру? Нет, по лицу видно: это ничего не изменит.

— ...даже не представляешь, насколько плоха, — жалко промямлил он.

— Отчего же. — Она изобразила нечто наподобие улыбки. — Представляю, поверь мне. Все написано у тебя на лице... Оно лучше любого зеркала. Но, Гард, мне всего лишь нужно поспать. Выспаться и... — Она снова прикрыла глаза, но тут же с явным усилием открыла их. — Позавтракать. Да, сон и завтрак.

— Бобби, этого мало.

— Точно. — Ее рука с новой силой вцепилась в запястье Джима. — Еще мне нужен ты. Я звала тебя. Мысленно. Ты ведь услышал?

— Ну... — Поэт нервно поерзал. — По-моему, да.

— Гард... — Ее голос вдруг оборвался.

Джим ожидал продолжения. Мысли у него в голове путались. Бобби необходимо к врачу... Но как же их дружба, которой наступит конец, если позвонить хоть кому-нибудь?

Мягкий поцелуй прямо в перепачканную ладонь вывел его из задумчивости. Гард изумленно уставился сверху вниз на подругу. Лихорадочный блеск покинул ее глаза, теперь в них осталась только мольба.

— Подожди до завтра, — спросила Андерсон. — Если завтра мне не станет лучше... в тысячу раз лучше, чем теперь... можешь звонить врачам. Уговор?

— Бобби...

— Уговор? — Ее костлявые пальцы усилили хватку.

— Ну... посмотрим.

— Дай слово.

— Даю.

«Если только ты не начнешь задыхаться во сне, — мысленно прибавил Гарденер. — Если в полночь твои губы не посинеют, как от черники. И не начнется припадок».

Глупый, конечно, поступок. Опасный, трусливый... но главным образом глупый. Покинув черный смерч, Джим был убежден, что убить себя — лучший способ покончить со своими несчастьями и перестать приносить их другим. Он ведь на самом деле собирался нырнуть в холодную воду. Потом пришла твердая уверенность,

(«Я звала тебя... Ты ведь услышал?»)

что Бобби в опасности, и вот он здесь. «А теперь, дамы и господа, — болро, весело отчеканил в голове голос Алена Лудена, ведущего телевикторины, — вопрос на засыпку! Десять очков тому, кто скажет, с какой стати Джима испугала угроза подруги, если он все равно намерен покончить с собой? Что? Ни у кого нет версий? Вот удивительно-то! Я тоже не знаю!»

— Хорошо, — говорила тем временем Бобби. — Хорошо, прекрасно.

Ее волнение, почти на грани ужаса, куда-то исчезло. Дыхание стало размеренным, даже пятна на щеках чуть побледнели. Может быть, она все-таки знает, о чем говорит?

— Поспи, Бобби. — А Гарденер сидел на край постели и будет ждать. Да, он тоже измотан, но можно же выпить кофе (или найти запасы подруги, что бы она там ни принимала). Он задолжал ей такую ночь. Даже не одну, если хорошенко припомнить. — Засыпай.

Он осторожно высвободил руку из ее пальцев.

Бобби закрыла глаза, потом с трудом приоткрыла их на прощание... и улыбнулась. Так сладко, что Гарденер снова влюбился. Все-таки эта женщина обладала властью над ним.

— Прямо... как в старые добрые времена, Гард.

— Да, Бобби. Как в старые добрые времена.

— Я... люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. Спи.

Она глубоко задышала. Гарденер посидел у постели три минуты, потом еще пять минут, глядя на тихую улыбку своей мадонны, а когда окончательно поверил, что она уснула, Бобби медленно, с усилием разлепила веки и прошептала:

— Фантастика...

— Что? — Джим наклонился, не зная, верить ли ушам.

— Оно... и все, что оно делает... и что еще делает...

«Это она во сне», — подумал Гарденер, но почему-то ощущал на спине мурашки. На лице Бобби вновь появилось коварное выражение. Хотя нет, даже не на лицке, оно словно проплыло сквозь кожу.

— Ты должен был это найти, не я... Оно как раз по тебе, Гард.

— Что — по мне?

— Походи, оглянись, — прошептала она. — Сам увидишь. Мы вместе закончим раскопки. Вот посмотришь, оно решает... проблемы... все проблемы...

Гарденеру пришлось податься вперед, чтобы хоть что-то расслышать.

— Ты о чем?

— Оглянись, — повторила Бобби.

Последний слог утонул в размеренном храпе, потому что она уснула.

2

Джим хотел уже броситься к телефону, но на полпути развернулся и направился к любимому креслу-качалке. Бобби. Может быть, и вправду сначала оглядеться вокруг? Оглядеться и попытаться понять, что здесь происходит.

Он сглотнул и поморщился: в горле вновь запершило. Температура не спадала, болезнь продолжала делать свою работу на совесть. Гарденеру не просто нездоровилось; он утратил чувство реальности.

«Фантастика... Оно... и все, что оно делает...»

Надо просто присесть и подумать. Потом заварить себе кофе покрепче и бросить в чашку штук шесть аспиринок. Это уймет простуду и боль в горле, хотя бы на время.

«И что еще делает...»

У Джима закрылись глаза, и он задремал. Это ничего. Он только чуть-чуть отдохнет — все равно никогда не умел спать сидя. Да и Питер может явиться в любую минуту. Он увидит старину Гарда, запрыгнет к нему на колени и обяза-

тельно попадет по яйцам. Как всегда. Что касается прыжков на колени и попадания лапой по яйцам, пес ни разу еще не промахнулся. Самый надежный в мире будильник, попробуй только задремать где попало. Пять минут, и все. Не страшно и не опасно.

«Ты должен был это найти, не я... Оно как раз по тебе, Гард...»

Мысли куда-то поплыли; вскоре Джим уже погрузился даже не в сон, а почти что в кому.

3

Шшшухххххх...

Он смотрит вниз, на гладкие коричневые деревяшки, на скользящую между ними полосу снега, завороженный блеском и скоростью. Гарденер не понимает, что близок к состоянию транса, пока слева не раздается голос:

— Вот о чем вы, подонки, всегда забываете упомянуть на своих коммунячих антиядерных митингах: за тридцать лет мирного использования атома нас ни разу еще не поймали за руку.

Тэд одет в линялые джинсы и свитер с оленем. Едет он ловко и быстро. Не то что Гард, потерявший всякий контроль.

— Врежешься, — произносят справа.

Он поворачивается и видит Аргльбаргия. Толстяк уже начал разлагаться. Жирное лицо, багровое от горячительных излияний в тот вечер, теперь стало желтовато-серым, точно старая штора за грязным окном. Плоть сползает вниз, натягивается и рвется. Прочитав на лице Джима потрясение и ужас, толстяк раздвигает сизые губы в ухмылке.

— Такие дела, — произносит он. — Умер я. Это был настоящий сердечный приступ. Не желчный пузырь, не проблемы с пищеварением. Я свалился через пять минут после твоего ухода. «Скорую» вызвали. Парень, которого в тот вечер наняли барменом, сделал мне непрямой массаж и вновь запустил мое сердце. Но я все равно загнулся по дороге. — Оскол становится шире и бессмысленнее, как у форелей, умирающей на заброшенном берегу ядовитого озера. — Я помер у светофора на Сторроу-драйв, — сообщает Аргльбаргль.

— Нет, — шепчет Гарденер.

Вот, вот чего он всегда боялся. Совершить по пьяному делу что-то по-настоящему непоправимое.

— Да-да, — возражает мертвец, плавно скользя по склону и неуклонно приближаясь к деревьям. — Я пригласил тебя в собственный дом, напоил, накормил, а чем ты мне отплатил? Затеял пьяную склоку, довел до смерти...

— Пожалуйста... я...

— Ну что? Что «ты»? — подхватывают слева. Олень со свитера Тэда куда-то исчез, зато появились желтые знаки, предупреждающие о радиоактивной опасности. — Ты ничто, ты пустое место! Чертова современные луддиты*, откуда, по-вашему, ток берется?

— Убийца, — не унимается справа Арберг. — Скоро за все заплатишь. Ты расшибешься в лепешку, Гарденер.

— Думаешь, ток поставляет волшебник из страны Оз? — визжит Тэд.

Внезапно его лицо покрывается кровоточащими язвами. Губы раздуваются, лопаются, гноятся. Один глаз затягивает молочно-белая катаракта. Джим с ужасом понимает, что наблюдает симптомы последней стадии лучевой болезни.

Между тем ярко-желтые предупредительные знаки на свитере быстро чернеют.

— Расшибешься как пить дать, — гудит Аргльбаргль. — Трах!

Гарденер уже плачет от страха — точно так же, как тогда, после выстрела в собственную жену. Рука дернулась от неожиданно сильной отдачи, Нора покачнулась и завалилась на кухонный стол, прижимая ладонь к щеке, точно собиралась воскликнуть: «Да ты что? Вот сроду бы не подумала!» Между пальцами у нее сочилось красное, и сознание Джима сделало последнюю отчаянную попытку все объяснить: «Это кетчуп, расслабься, это же просто кетчуп!» А потом его затрясло от рывков, вот как сейчас.

— Конечно, парни, вам лишь бы вилку в розетку воткнуть, остальное — не ваша забота! — Гной стекает по лицу Тэда и капает на снег. Волосы отваливаются клочьями. Череп весь по-

* Участники первых стихийных выступлений против применения машин, кон. XVIII — нач. XIX века.

крывается язвами. Рот растягивается в безумном оскале, как у Арберга.

В ужасе Гарденер понимает, что совершенно потерял управление на этой «Прямой стреле», да еще должен ехать в компании двух покойников.

— Но знаешь, тебе нас не остановить. Это никому не под силу. Ситуация вышла из-под контроля... дай подумать... году еще в тридцать девятом. А к шестьдесят пятому мы достигли критической массы. Мир летит под откос. Скорого взрыва не миновать.

— Нет... нет...

— Ты высоко заехал, но тем больней будет падать, — гудит свое Арберг. — Прикончить гостеприимного хозяина — самое мерзкое из убийств. Ты разобьешься... Трах! Трах! Трах!

И это чистая правда. Джим пытается повернуть, но лыжи неотвратимо следуют выбранному курсу. Вот и большая за-снеженная сосна. Аргльбаргль и Ядерная Шишка бесследно растворяются в воздухе. «Так это и были томминокеры, Бобби?» — успевает подумать Гард.

Красная полоса вокруг искривленного ствола внезапно раздаивается, осыпаясь на снег ошметками. На глазах у беспомощно мчащегося вперед Джима сосна оживает и разевает пасть, чтобы проглотить его. Все шире, шире... Теперь уже кажется: дерево само несется ему навстречу, шевеля ветвями, как шупальцами. И эта жуткая чернота между двумя ярко-красными полосами, изгибающимися, словно накрашенные губы коварной шлюхи... Во мраке воют гнилые ветра... И...

Тут он *не* просыпается, хотя поначалу кажется именно так. Всем известно: даже в самых запутанных грезах присутствует своя странная логика... Гарденер просто меняет один сон на другой. Такое случается сплошь и рядом, верно?

Только что он летел на лыжах (уже второй раз за сутки, вы представляете?) навстречу дереву, из-за которого чуть не погиб и которое внезапно разинуло страшную пасть, — и вдруг обнаружил себя сидящим в кресле-качалке Бобби. Все тело у него

затекло, а в горле словно застрял моток колючей проволоки, но Джим рад уже и тому, что оставил кошмар позади.

Пора бы сходить на кухню за кофе и аспирином, как он и задумывал. Гарденер начинает приподниматься, и вдруг Бобби открывает глаза. Вот тут-то он понимает, что даже не думал просыпаться, ведь из глаз у нее вырываются зеленые лучи. Знаете, как у Супермена из комиксов, с его рентгеновским зрением. Их еще всегда рисуют с оттенком недозрелого лайма. Правда, этот свет скорее напоминает огни, что плавают над болотами в особенно душные ночи. Чувствуется в нем нечто пугающее, недобroе. Бобби медленно садится, оборачивается... смотрит в упор на Джима. Он хочет воскликнуть: «Не надо! Убери эти лучи!»

Но из горла не вырывается ни звука. Глаза Бобби уже пылают, как солнце, только ярко-изумрудным сиянием. Гарденер поскорее отводит взгляд, чтобы не ослепнуть. Хочет прикрыться ладонью, но руки не слушаются. «Все, теперь будет ожог, — проносится у него в голове. — Непременно будет. Через несколько дней начнут появляться язвы, похожие сначала на безобидные прыщики: это самые первые вестники лучевой болезни. С виду — ничего особенного, только не заживают. А потом состояние ухудшается. И ухудшается...»

В голове обрывочным эхом из предыдущего сна звучит торжествующий голос Арберга: «Так и знал, что ты расшибешься, Гарденер!»

Лучи прикасаются к Джиму... и омывают его, пробиваясь даже сквозь крепко зажмуренные веки. Он словно смотрит на циферблат, светящийся в темноте. Но ведь во сне человек не может испытывать настоящую боль; вот и здесь ее нет. Зеленое сияние не холодит и не обжигает. Гард вообще ничего не чувствует. Разве что...

Горло.

Оно больше не болит.

И слышится громкое, отчетливое: «...процентов! Таких сногсшибательных скидок вы больше нигде не найдете! Кредит выдается **ЛЮБОМУ!** Удобные кресла с откидными спинками! Водяные матрасы! А для вашей гостиной...»

Это пластинка в черепе снова заговорила — и тут же заткнулась. Голос исчез.

Как и першение в горле.

Вслед за ними пропал и зеленый свет.

Гарденер осторожно приоткрывает глаза.

Бобби лежит на кушетке; веки сомкнуты, дыхание глубокое... Все по-прежнему мирно. А как же рентгеновские лучи из глаз? Боже!

Джим садится обратно в кресло. Сглатывает. Не больно. Жар тоже почти спал.

Гарденер вспомнил, что собирался принять кофе с аспирином.

«Обязательно, — думает он, удобно откидываясь в кресле и закрывая глаза. — Но ведь это невозможно сделать во сне. Вот проснусь, тогда и...»

«Гард, ты уже пробудился».

Нет, не может этого быть. В мире бодрствующих люди не выпускают из глаз зеленый свет, исцеляющий от жара и першения в горле. Во сне — пожалуйста, в реальности — нет.

Скрестив руки на груди, Джим опять погружается в дрему и в таком состоянии — не понимая, на самом деле он спит или нет, — проводит в кресле-качалке остаток ночи.

5

Когда Гарденер наконец проснулся, ему в лицо бил яркий свет из окна. Спина зверски ныла, а стоило встать — еще и шея так жутко хрустнула, что он поморщился.

Четверть девятого.

Взглянув на Бобби, Джим чуть не задохнулся от страха: на миг ему померещилось, что она умерла. Но нет, это просто глубокий сон, настолько спокойный и неподвижный, что всякий на месте Гарда мог ошибиться. Ее грудь медленно вздыхала и после долгой паузы так же медленно опускалась — не чаще шести раз в минуту, подсчитал Джим.

Но выглядела Бобби при этом гораздо лучше. Не то чтобы замечательно, но и не как изможденная карга, рухнувшая ему на руки вчера вечером. «Я и сам-то сейчас хороши», — подумал Гард и отправился в ванную.

Лицо в зеркале оказалось не настолько жутким, как он ожидал. Правда, к его легкой досаде, в желобке под носом и на верхней губе темнела спекшаяся кровь — значит, ночью опять

лило. Джим взял из шкафчика мягкую мочалку и сунул ее под горячую воду, чтобы протереть лицо.

Он сделал это автоматически, по опыту зная, что с нагревателем Бобби можно сварить себе кофе и покурить, пока до-ждешься более-менее теплой воды, да и то если повез...

— Ай!

Гард отдернул руку из-под шипящей струи кипятка. И потрясенно уставился на плюющийся паром кран, прикрыв рот ошпаренной ладонью. Зеркальце для бритья на задней стороне аптечки уже начало затуманиваться. Джим на ощупь нашел ручку смесителя и, обернув руку мочалкой, чтобы не обжечься, закрыл наконец горячую воду. Потом, закупорив слив затычкой, пустил ее снова, но уже осторожнее, и добавил холодной.

Затем открыл аптечку. Среди разных бутылочек и пузырьков нашелся валиум — с именем Гарденера на прикрепленном рецепте. Если эти таблетки и вправду лишь набирают силу с годами — можно представить, как они должны действовать теперь! Кстати, запас практически не израсходован. Ну а чего он ждал? Если Бобби и впрямь на что-то подсела, это уж точно не на успокоительное.

Да и Джиму оно не нужно. Зато прямо за пузырьком...

Есть! Ура!

Гард вытащил обоюдоострую бритву и упаковку лезвий. С грустью посмотрел на слой скопившейся пыли: давненько же он не брился с утра у Бобби. Ладно, спасибо — не выбросила. Это было бы куда хуже, чем пыль, которую всегда можно протереть.

Побравшись, Гарденер почувствовал себя намного лучше. Потом убрал все на место и задумчиво посмотрел на ручку смесителя с красным кружочком посередине. Надо бы спуститься в подвал и проверить, что там за чудо-нагреватель теперь висит. Все равно больше нечем заняться, разве что наблюдать за спящей Бобби, но она и без его наблюдений справляется.

Странно: ему действительно стало намного лучше, в особенности теперь, когда затекшие после ночи в кресле спина и шея начали «отходить». «Значит, мы сидя не засыпаем, да? — мысленно усмехнулся Джим. — Нам бы все больше на каменных волнорезах?» Впрочем, это легкое поддразнивание нечего было сравнивать со вчерашним самоуничтожением,

язвительным и беспощадным. Каждый раз, жестоко мучаясь от похмелья и накатывающей тоски, Гарденер забывал о чудесном чувстве, которое иногда приходило после, — чувство, как будто бы он родился заново. В один прекрасный день просыпаешься и понимаешь: вчера ты не влил в свое тело ни капли яда... а то и неделю... или целый месяц... фантастически приятное ощущение.

Да, но ведь и начинавшийся грипп, если не воспаление легких, тоже куда-то исчез. Горло не болит. Нос не заложен. Температура нормальная. Бог весть какие бактерии и микробы могли запросто поселиться в его организме после восьми дней беспробудного пьянства, семи где попало проведенных ночей и возвращения в Мэн автостопом, в сильнейший ливень, без обуви. Однако к сегодняшнему утру все симптомы бесследно исчезли. Господь иногда бывает милостив.

Размышляя так, Гард вошел на кухню — и вдруг замер на полпути. Улыбка пропала с его лица, уступив место озадаченному и немного встревоженному выражению. Что же такое сегодня ему приснилось?

Вроде бы там была реклама по радио, непонятным образом связанная с прекрасным утренним самочувствием...

Однако воспоминание, не успев промелькнуть, угасло, и Джим решил не забивать себе голову чепухой. Главное, что ему стало лучше. Да и Бобби, кажется, тоже: вид у нее был посвежевший. Если не проснется до десяти — половины одиннадцатого, придется ее разбудить. Сможет разговаривать связно и держаться бодрячком — тогда ладно. Они спокойно обсудят, что здесь приключилось (а что-то, без сомнения, приключилось: скорее всего, пришли дурные вести из дома, красочно описанные сестрицей Энн) и как быть дальше. Но если она хоть отдаленно будет напоминать вчерашнюю жуткую Бобби под кайфом, Гард непременно вызовет доктора, нравится ей это или нет.

Но вот и подвал. Джим нашупал старенький выключатель, щелкнул — и пережил сильное потрясение. Выключатель был прежним. Но свет! С незапамятных пор тут висели две хилые лампочки по шестьдесят ватт каждая, а теперь подвал залило ослепительно белое сияние. Такое бывает лишь в супермаркетах над отделами распродаж. Гарденер привычно потянулся рукой к расшатанным ветхим перилам, но обнаружил на их

месте новые, добротные, крепко привинченные к стене блестящим латунным креплением. Все гнилые ступеньки на лестнице тоже были заменены.

Гард спустился и осмотрелся вокруг. Его изумление нарастало, теперь это был практически шок.

Куда подевался приторный затхлый запах?

Да, Бобби выглядела сильно переутомленной, буквально на грани; она даже не помнила, сколько ночей не спала, так что удивляться особенно нечему... Бывает, люди берутся вдруг приводить свои дома в порядок, но здесь очень странный случай. Она не могла сделать это все в одиночку. Или могла? Разумеется, нет.

Но внутренний голос подсказывал: так и было.

Проснись Джим после запоя не на краю волнореза возле Аркадии-Пойнт, а здесь, он бы нипочем не сообразил, где находится, хотя бывал тут бесчисленное количество раз. Он и сейчас не поверил бы собственным чувствам, если бы не спустился сюда из кухни Бобби.

Запах сырости и корнеплодов не то чтобы совсем выветрился, но заметно ослаб. Хозяйка успела тщательно выскрести пол... нет, если бы только выскрести! Время от времени земляной пол в каждом погребе превращается в грязное месиво; с этим нужно бороться, если вы собираетесь проводить здесь достаточно времени. Так вот, похоже, Андерсон привезла сюда несколько тачек свежей почвы, рассыпала ее повсюду равномерным слоем, дала подсохнуть, а потом уже утрамбовала и выскребла. Вот запах и поменялся к лучшему. Флуоресцентные лампы тянулись над головой ровными рядами, свисая с древних балок на цепях и все тех же латунных креплениях, и разливали вокруг белый свет. А над рабочим столом их даже объединили попарно; сияло тут словно в операционной палате. Гарденер направился прямо туда. К новому рабочему столу Бобби.

Когда-то здесь была развалюха из кухни, покрытая слоем клейкой бумаги. На грязной поверхности, рядом с обычной настольной лампой,rossыпью лежали разные инструменты, по большей части не в лучшем состоянии, а между ними стояли пластмассовые коробочки с гвоздями, болтами, гайками. В общем, рабочее место для мелкого ремонта, принадлежащее женщине, которая не умеет и не горит желанием заниматься этим самым мелким ремонтом.

Теперь же целых три длинных и легких стола выстроились вдоль левой стены погреба в ряд, будто в церкви на благотворительной распродаже печенья, а на них чего только не было: инструменты, оборудование, катушки с проводами различной толщины, кофейные банки, доверху наполненные штифтами, скобами, клеммами... Дюжины всевозможных предметов. А то и сотни.

На полу возвышались груды коробок с долговечными батарейками каждого существующего сорта в нераспечатанных блистерах. «Тут их на две сотни куплено, не меньше, — прокинул Джим. — Какого дьяво...»

Ошеломленный, он медленно прошелся вдоль столов, словно разборчивый покупатель на рынке. Похоже, Бобби работала над несколькими устройствами сразу... и Гарденер ни одного из них не узнавал. Вот, например, большой квадратный ящик со свинутой вбок передней панелью, а на ней — восемнадцать кнопок. И возле каждой напечатано название популярной песни: «Нью-Йорк, Нью-Йорк», «Тема Лары» и так далее. Рядом к столешнице была аккуратно приклеена изолентой инструкция для «единственного в своем роде цифрового звонка «Серебряный колокольчик» (сделано в Тайване)».

Джим даже представить себе не мог, для чего Бобби понадобился дверной звонок со встроенным микрочипом, позволяющим выбирать песни по вкусу. Ведь не для того, чтобы привести в восторг Джо Полсона. Ну, услышит он «Тему Лары», застряв у двери с бандеролью в руках, — и что? Впрочем, «Серебряный колокольчик» — это полбеды; хотя бы понятно, зачем он нужен, пусть и не в этом конкретном доме. Но Бобби явно пыталась его еще и усовершенствовать. Звонок был подключен к стереопропигрывателю величиной с небольшой чемодан. С полдюжины проводов — четыре тонких и два потолще — змеились между «чемоданом» (инструкция от которого тоже белела рядом, аккуратно приклеенная к столу изолентой) и обнаженными внутренностями «Серебряного колокольчика».

Гарденер озадаченно посмотрел на прибор и двинулся дальше.

Срыв. У нее что-то вроде нервного срыва.

А вот еще кое-что отдаленно знакомое: ребризер. Его крепят к воздуховоду, якобы затем, чтобы сэкономить растрачиваемое понапрасну тепло. Бобби могла наткнуться на это

устройство в каком-нибудь каталоге — к примеру, в Огасте, в магазине бытовой техники, могла даже завести разговор о покупке — но ни за что не приобрела бы, ведь тогда ей пришлось бы заняться его установкой.

И вот вам, пожалуйста: купила, установила...

Понимаете, в случае с Бобби нельзя сказать: «просто свихнулась». Это же по-настоящему творческий человек, а они редко могут «просто свихнуться». Психи — вообще компания не из приятных, но если слетает с катушек человек уровня Бобби, остается лишь рот раскрыть от изумления. Нет, вы только посмотрите на все это баражло!

Верите, нет?

Гарденер — верил. Не потому, что творческие натуры в чем-то утонченнее или, скажем, чувствительнее других и потому даже в помешательство впадают изящнее прочих, — оставьте подобную чушь для поклонников Сильвии Плат. Но, во всяком случае, люди искусства и сходят с ума искусно. Хотите возразить? Повторяю: взгляните на все это баражло.

Справа от двери белел цилиндрический нагреватель — вроде бы тот же самый.

Джим подошел к нему. Интересно, что же придумала Бобби, если вода так быстро...

Да, подруга «сдвинулась» на усовершенствовании дома. Как полагается безумцам, она теперь не замечает разницы между починкой нагревателя и улучшением дверного звонка. Новые перила. Свежая почва, доставленная в погреб и равномерно рассыпанная по полу. Бог знает что еще. Неудивительно, что она без сил. К слову, Гард: как же она ухитрилась постичь мудреные технологии? Окончила в спешном порядке заочные курсы популярной механики? Ох и пришлось же ей *торопиться* в таком случае!

Изумление, охватившее Джима при входе в безумную подземную мастерскую, понемногу сменялось растущей тревогой. Гарднера беспокоили даже не признаки одержимости вроде приклеенных за все четыре уголочка инструкций между симметрично расставленными приборами. И не явная неспособность отличить полезное усовершенствование от бесполезного (*на первый взгляд бесполезного — поправил себя Джим*).

Нет, его ужасала мысль — сама попытка подумать — об огромных, невообразимых затратах энергии, которых потребовали от Бобби все эти действия. Чтобы исполнить хотя бы

то, что он успел увидеть, она должна была пылать как факел. Проект с флуоресцентными лампами, например, завершен, а сколько еще незаконченных? И сколько раз ей пришлось мотаться в Огасту, чтобы купить гору оборудования, инструментов, батареек? Плюс ко всему — не забудьте! — свежая земля на полу взамен затхлой.

Что же вселилось в Бобби?

Гарденер этого не знал, но ему не нравилось представлять себе, как она тут носилась взад и вперед, работая над парой проектов — нет, над тремя, пятью, над целым десятком сразу. Картинка получалась уж больно четкая. Рукава у Бобби закатаны, три верхних пуговицы на блузке расстегнуты, в ложбинку между грудей стекает каплями пот, волосы кое-как забраны в конский хвост, глаза горят, лицо покрывает бледность, и лишь на щеках пылают лихорадочные пятна. Похожая на ополовумевшего мистера Визарда*, она старится на глазах, заворачивая шурупы, прикручивая гайки, паяя провода, вываливая из тачки землю, сутуясь на вершине стремянки, прогибаясь назад, словно балетная танцовщица, и пытаясь подвесить новые лампы. По лицу бегут струи пота, на шее вздуваются жилы... О, и раз уж об этом зашел разговор: достаточно вообразить, как Бобби меняет проводку и чинит свой водонагреватель.

Гарденер дотронулся до эмалированного котла и тут же отдернул руку. Тот хоть с виду и остался прежним, на самом деле пылал, будто раскаленная печь. Джим присел на корточки, чтобы заглянуть внутрь снизу, откинув специальную дверцу.

И вот тут Гард почувствовал, что его уносит куда-то вдали, на край мира.

6

Нагреватель всегда работал на сжиженном нефтяном газе, который при помощи малокалиберных медных трубок подавался в топку из резервуара за домом. Раз в месяц из Дерри приезжал на грузовике представитель компании «Дэд ривер гэс» и заменял

* «Наблюдаем за мистером Визардом» — американская телепередача для детей (1951—1965), демонстрирующая научные законы, лежащие в основе будничных явлений.

баллоны по мере надобности, а надобность возникала часто, ибо все они производились с браком и служили чрезвычайно неэффективно. Так вот, первым делом Гарденеру бросились в глаза обрезанные концы медных трубок, заткнутые ветошью.

Господи, как же тогда вода нагревается? Тут Джим все-таки заглянул внутрь — и на мгновение весь похолодел. Разум, казалось, работал ясно, однако вернулось неприятное чувство отделенности, оторванности от самого себя и от мира. Старина Гард опять полетел к небесам, точно упавший малышом серебристый воздушный шарик на ниточке. Он испугался, однако что значил какой-то там страх по сравнению с тягостным ощущением раздвоения личности? «Боже, только не это, Гард!» — тоскливо прокричал внутренний голос из самой глубины его сердца.

Вспомнилось вдруг, как в детстве (Гарду тогда не было и десяти) мать привезла его повеселиться на Фрайбургскую ярмарку. И вот они вместе вошли в Лабиринт Зеркал, а потом разделились. Тут Джим впервые по-настоящему испытал это чувство внутреннего раскола, улетающей вверх души — прочь от физической оболочки и телесного (если можно так сформулировать) разума. Конечно, мальчик видел маму — да не одну, а пять, десять, сто мамочек, длинных и коротышек, толстых и тощих, будто скелеты. И в то же время перед глазами у него шевелились пять, десять, сто Гардов. Иногда их отражения наконец-то соприкасались, и Джим несмело протягивал руку, ожидая, что коснется широких маминых брюк... но хватал пустоту или упирался в очередное зеркало. Мальчик бродил очень долго, минут пятнадцать, и, наверное, ударился в панику, но ощущил ее как-то неправильно. Насколько он помнил, все находили дорогу куда быстрее. Но когда наконец после бесчисленных поворотов, возвращений и столкновений с отражательными поверхностями Гард вышел из лабиринта, мать лишь еле заметно наморщила лоб, да и то на мгновение. И все. Но ему тогда — впрочем, как и сейчас, — было действительно страшно ощущать, как рассудок отделяется и упывает, точно отвинтившаяся деталь ракеты в условиях невесомости.

«Да, но это проходит, Гард. Просто чуть-чуть подожди. Потерпи, тебя скоро отпустит».

И он продолжал сидеть на корточках, заглядывая через открытую дверцу в нагреватель Бобби, дожидаясь, пока «отпу-

стит». Как когда-то ждал, что ноги сами выведут из ужасного Лабиринта Зеркал на Фрайбургской ярмарке.

На месте удаленной горелки в основании бака осталась пустота, которую теперь заполняла дикая путаница проводов — красных, зеленых, синих и желтых. А в середине располагался картонный контейнер из-под яиц «ХИЛКРЕСТ ФАРМЗ». В каждой ячейке разместилось по щелочной D-батарейке «Эвер-Рэди», плюсом вверху. Над ними были закреплены воронкообразные колпачки, двенадцать штук, через отверстия в которых и проходили все провода — где по одному, где попарно, а где-то по шесть штук сразу. Немного спровиввшись с паникой, Гарденер пригляделся и понял: в том, что он с первого взгляда принял за путаницу, была своя строгая система, как и среди приборов, размещенных на рабочих столах. Провода даже изгибались одинаковыми короткими арками. Некоторые из них уходили обратно в такие же колпачки, но большинство — к электрическим схемам, прикрепленным на стенках нагревательного отделения. Причем схемы эти были явно добыты из корейских электронных игрушек: серебристый дешевый припой в избытке на гофрированных картонках. Такое мог бы собрать Винт Разболтайло...* И все же эта причудливая штука работала. Даже более чем. Как минимум нагревала воду с бешеною скоростью: того и гляди ошпаришь пальцы.

А прямо над яичным контейнером, под изгибом арок из проводов, висел светящийся шарик, не крупнее четвертака, но яркий, как солнце. Гарденер невольно вскинул руку, чтобы прикрыться от нестерпимого сияния, мощным лучом ударившего через открытую дверцу, так что на земляной пол легла четкая тень заглянувшего в нагреватель Джима. Смотреть на шарик он мог, только сильно сощурившись и чуть раздвинув пальцы.

Яркий, как солнце...

Правда, не желтый, а ослепительно голубоватый, словно сапфир. Сияние пульсировало, переливалось, застыпало на какое-то время, и все повторялось снова, по определенному циклу.

«Но где же сам жар? — удивился Джим, мало-помалу приходя в себя. — Где жар?»

* Рассеянный изобретатель из диснеевского телевизионного мульти-сериала «Утиные истории».

Он еще раз приложил ладонь к гладкой эмалированной поверхности бака — и через миг отдернул. Там, в ванной, струя испускала пар, выходя из-под крана. В котле, разумеется, помешалось много горячей воды, но для такого эффекта она должна была вся испариться еще здесь, в погребе, и, выкипев, давно взорвать нагреватель. Почему этого не произошло? Загадка. Но что еще более странно: Джим не чувствовал, чтобы из дверцы тянуло жаром. Или хотя бы теплом. Он чуть не обжег себе пальцы до волдырей, когда открывал ее, так что маленькое солнце внутри могло бы запросто оставить его лицо без кожи. Ну и?..

Медленно, с опаской Гарденер потянулся к отверстию левой рукой, не отнимая правой от глаз, чтобы не ослепнуть. Рот у него заранее сложился в болезненную гримасу в ожидании сильного ожога.

Пальцы робко проникли в люк... и наткнулись на что-то упротое. Словно растянутые нейлоновые колготки, как он подумает позже. Вот только колготки можно порвать, а эта преграда, еле заметно поддавшись, не пропустила его дальше.

Но никакого барьера там не было! Видимого, по крайней мере.

Джим перестал давить, и мембрана мягко вытолкнула его руку обратно. Гарденер посмотрел на пальцы; они дрожали.

«Это силовое поле, вот почему меня не обожгло. Силовое поле, которое не проводит температуру. Господи, я угодил в научно-фантастический рассказ из серии «Стартлинг сториз»* примерно 1947 года выпуска. Может быть, даже попал на обложку? Интересно, кто бы взялся меня рисовать — Верджил Финлэй или Ханнес Бок**?»

Рука задрожала сильнее. Он потянулся к дверце, промахнулся с первого раза, потом все-таки нащупал ее и захлопнул, перекрыв поток ослепительно белого сияния. Наконец опустил правую ладонь. Перед глазами пульсировало остаточное изображение, как бывает, если выключить лампочку, на которую вы

* Дешевый журнал научной фантастики, издававшийся с 1939 по 1955 годы.

** Верджил Уорден Финлэй (1914–1971) — художник, один из самых известных мастеров фантастической иллюстрации XX века.

Ханнес Бок (наст. имя Уэйн Фрэнсис Вудард; 1914–1964) — американский художник и иллюстратор, поэт, писатель-фантаст. Создал примерно 150 обложек для научно-фантастических, фэнтезийных и детективных журналов.

перед этим пристально смотрели. Только Гарденер увидел большую зеленую ладонь с голубыми просветами между пальцев.

Потом изображение понемногу исчезло. А дрожь — не прошла.

Гарду еще ни разу в жизни так не хотелось выпить.

7

В кухне Андерсон было все, что нужно.

Бобби сама почти не употребляла спиртное, но хранила запасы горячительного в шкафчике за кастрюлями и сковородками: джин, шотландское виски, бурбон и водка, все — по одной бутылке. Джим выташил бурбон (не лучший сорт с какой-нибудь распродажи, но не в его положении привередничать), плеснул себе в бокал из цветного пластика пару глотков и выпил.

«Ты бы поосторожнее, Гард. Не искушай судьбу».

А он и не искушал. Ему почти хотелось набраться, но циклон в этот раз унесся в неизвестную даль... по крайней мере, на время. Гард налил себе еще. Задумался. Выплеснул больше половины в раковину, добавил воды и льда. Пусть уж вместо жидкого динамика будет цивилизованное пойло.

Тот мальчик с пляжа одобрил бы.

Полусонное оцепенение, охватившее Джима когда-то, при выходе из Лабиринта Зеркал, и вернувшееся сейчас, было, наверное, защитной реакцией психики. Чтобы не рухнуть на пол и не всплыть до потери сознания. Больше всего Гарда напугала готовность разума убедить его, что все увиденное сегодня — одна сплошная галлюцинация.

К примеру, — хотите верьте, хотите нет, — маленькое солнце внутри нагревателя казалось теперь просто излишне яркой, где-то на двести ватт, лампочкой.

«Но только это была не лампочка и не галлюцинация, а солнце, хотя и крошечное, но ослепительно сияющее, горячее, зависшее в воздухе под аркой из проводов, над яичной картонкой, наполненной батарейками. А теперь сходи с ума сколько влезет, обратись к Иисусу, пей до беспамятства, но ты видел то, что ты видел, и давай не будем подслащивать пилюлю, договорились? Вот и ладненько».

Андерсон все еще спала крепким сном. Гарденер вспомнил, что собирался разбудить ее в половине одиннадцатого.

Он посмотрел на часы. Всего лишь двадцать минут десятого. Да неужели? Оказывается, Джим провел в погребе куда меньше времени, чем ему показалось.

Стоило подумать о погребе — вспомнилось это сюрреалистическое солнце в миниатюре, застывшее под изогнутыми проводами... и мерзкое чувство раздвоения собственного сознания. Гарденер постарался отогнать мысль подальше, но она упорно не уходила. Он подняжал, пообещав непременно вернуться к ней, как только проснется Бобби и объяснит, что же тут происходит.

Джим посмотрел на свои руки: оказывается, он сильно вспотел.

8

Гарденер вышел с напитком во двор и свернулся за дом, где наткнулся на очередное последствие вспышки нечеловеческой активности, обувшей Бобби.

Ее трактор «Гомкэт» стоял у дверей большого сарая в левой половине сада. Обычное дело, хозяйка часто его там бросала в тех случаях, когда по радио не обещали осадков. Однако теперь даже с расстояния в двадцать футов Джим заметил, что Андерсон кардинально переделала двигатель.

«О нет, только не это. Забудь, Гард, и возвращайся скорее в дом».

А вот в этом голосе уже не было и следа полусонной отрешенности — он звенел от испуга и беспокойства. Джим чуть не поддался... но не решился пойти на столь отвратительное предательство по отношению к Бобби и к самому себе. Мысль о подруге вчера удержала его от самоубийства. Теперь нужно и о ней позаботиться. Как говорят китайцы: «Спас чью-то жизнь — отвечай за нее». И если Бобби действительно в нем нуждается, как можно ей помочь? Для начала не мешало бы разобраться, что происходит вокруг, верно?

Он опрокинул в рот остатки бурбона со льдом, поставил пустой бокал на верхнюю ступеньку крыльца и направился к «Том-кэт».

Где-то в высокой траве трещали кузнечики. Гарденер был не пьян и даже не навеселе, насколько он мог судить; он принял на грудь в самый раз, чтобы привести в порядок нервы.

(Лепреконы в сказках часто тачали сапоги, пока спал сапожник... Тук-тук-тук-перестук!)

Да, но Бобби как раз не спала. Она вкалывала как одержимая, пока не рухнула — в буквальном смысле — на руки Гарду.

(Туки-туки-перестуки! Если бы только вы знали, как громко в ночи в мою дверь томминокер стучит и стучит.)

Заглянув в открытый моторный отсек «Томкэта», Джим даже не содрогнулся — его затрясло, будто умирающего. Гарденер закусил нижнюю губу. Его побледневший лоб и виски взмокли от пота.

(Они в котел полезли и в трактор: чух-чух-чух. Раздолье томминокерам — работай, не хочу!)

«Томкэт» прежде был довольно скромной рабочей машинкой, практически бесполезной для тех, кто живет и кормится фермерством. Чуть крупнее газонокосилки, но мельче самого мелкого трактора «Джон Дир» или «Фармолл». В самый раз для хозяйства Бобби, занимающего полтора акра земли, на которых произрастали фасоль, огурцы, горошек, редис и картошка. А вот, например, морковью, капустой, баклажанами и кабачками здесь и не пахло.

«Я не развозжу то, что мне не нравится, — сказала однажды хозяйка Гарду. — Жизнь и так слишком коротка».

«Томкэт» был довольно универсален (еще бы: даже состоятельному фермеру нужны веские причины, чтобы купить мини-трактор за две с половиной тысячи для огорода в полтора акра) — он мог пахать по прямой, одной насадкой стричь траву, другой — косить сено, мог перетаскивать тяжести по пересеченной местности (осенью Бобби даже перевозила с его помощью поваленные деревья и лишь однажды застрияла), а зимой расчищал подъездную дорожку от снега за полчаса. Мотор у него был крепкий...

В том-то и дело, что был.

Нет, он остался на месте, но... весь, как елка, обвязанный самыми замысловатыми приборами и приспособлениями. Гарденер вспомнил о tandemе проигрывателя и «Серебряного колокольчика» — уж не сюда ли тот предназначался? «Может, это вообще разновидность радара?» — подумал он и нехорошо хохотнул, точно пролаял.

Сбоку к одной из головок мотора была надежно прикреплена майонезная банка, наполненная совершенно прозрачной жидкостью — явно не бензином. На капоте красовался воздуходоборник, подходящий скорее для «шевроле-нова» или «суперспорт».

На месте скромного карбюратора стоял четырехцилиндровый; чтобы его впихнуть, Бобби даже пришлось прорезать дыру в капоте.

И снова эти провода, змеящиеся повсюду, ползущие вправо и влево, вверх и вниз и кругом, соединяющиеся между собой как попало... по мнению Гарденера, конечно. Он мельком посмотрел на остатки приборной панели, отвел рассеянный взгляд — и резко вернулся обратно. Глаза Джима округлились. У трактора была толстая рукоятка и схема переключения передач на металлической пластинке, привинченной к щитку над датчиком масла. За долгие годы Гарденер неоднократно видел эту пластинку: все-таки он частенько водил «Томкэт». Раньше здесь было написано:

3

N 4

2 R

Теперь же добавилась очень простая, но от этого не менее пугающая надпись:

3

N 4 ВВЕРХ

2 R

«Ты ведь не веришь, Гард?»

«Я не знаю».

«Да ладно тебе, не гони: летающий трактор?»

«У нее в нагревателе — миниатюрное солнце».

«Чушь. Думаю, это обыкновенная лампочка, только яркая, ватт эдак на двести».

«Это не лампочка!»

«Хорошо, спокойнее, тихо. Просто занятный бы получился рекламный слоган для фильма про похищение инопланетянами: «Вы поверите даже в летающий трактор!»»

«Да заткнись ты».

«Или так: «Спасибо, что выбрали для полета «Джон Дир»! Потянет?»

Он снова стоял на кухне Бобби и жадно смотрел на шкафчик с бутылками. Потом отвел взгляд — это было не легче, чем сдвинуть с места штангу, — и пошел в гостиную. Андерсон переменила позу и дышала уже немного быстрее. Первые признаки близкого пробуждения. Гарденер еще раз покосился на часы: почти десять. Может, почитать что-нибудь, чтобы отвлечься? Джим направился к книжному шкафу, но по дороге случайно взглянул на письмен-

ный стол, и тут его ожидало самое сильное потрясение. Такое, что он не сразу заметил еще одну перемену: на стене рядом со старой раздолбанной пишущей машинкой висел рулон компьютерной перфорированной бумаги для принтеров — словно гигантская катушка с бумажными кухонными полотенцами.

9

БИЗОННЫЙ СОЛДАТЫ

Роман

Роберта Андерсон

Гарденер отложил первый лист текстом вниз и вдруг прочитал на следующем свое имя — вернее, прозвище, известное только сму и Бобби.

Посвящается Гарду, который всегда оказывается рядом, когда он нужен.

По спине пробежал холодок. Джим отложил второй лист к первому.

В те дни, незадолго до того как по Канзасу побежали кровавые реки, на равнинах было еще довольно бизонов — так много, что бедняков, равно индейцев и белых, вместо гробов зашивали в свежие шкуры.

«Отведай хоть раз бизоньего мяса — и ты никогда больше не захочешь говядины». Похоже, старики и впрямь свято верили в эту поговорку. Охотники равнин, «бизоны солдаты», буквально переселялись в мир круто спинных косматых духов. Все в них напоминало о бизонах, даже запах. Да, запах — многие натирали добрым салом лицо и шею, чтобы солнце прерий дочерна не спалило кожу. Кочевники носили связки больших зубов в виде ожерелий, а иногда и серег, и кроме того, щеголяли толстыми кожаными нащанниками. Не один из них хранил в кармане засушенный пенис бизона — на счастье или чтобы сохранить мужскую потенцию.

Подобно призракам, охотники неотступно следовали за стадом, которое медленно двигалось по короткой жесткой траве подобно тучам в небе, отбрасывающим на прерию мимолетные тени. Тучи

остались, а вот великих стад уже нет... Как нет больше и «бизоньих солдат» — безумных питомцев пустыни, не знавшей оград в ту пору; мужчин в самодельных кожаных мокасинах и с гремящими ожерельями на загорелых шеях; странников, торжественно шествовавших из ниоткуда в никуда; нездешних, не ведающих о Времени духов. Они были здесь прежде, чем по стране потекли кровавые реки.

Поздно вечером двадцать четвертого августа 1848 года Роберт Хоузл, еще не знавший тогда, что ему суждено умереть лет пятнадцать спустя в Геттисберге, разбил лагерь у ручья на окраине Небраски, в жутковатом месте, известном как Земли Хилл-Сэнд. Ручей был маленький, но от его воды так сладко пахло...

Гарденер совсем зачитался и дошел до сороковой страницы, когда Бобби Андерсон сонным голосом позвала его:

— Гард? Ты еще здесь, Гард?

— Да, Бобби, я здесь.

Джим поднялся. Что же дальше? Кажется, он действительно сходит с ума. Ну а как же иначе? Может, и не было никакого солнышка в нагревателе; или новых устройств на «Томкэте», которые якобы помогают ему левитировать... Но, честное слово, легче поверить в них, нежели в то, что Бобби сумела выдать четырехсотстраничный роман про бизоньих солдат за три с небольшим недели (а именно столько Гард сюда не наведывался), да еще и — по любопытному совпадению — лучшее произведение в своей жизни. Господи, так не бывает. Куда проще думать, что Гарденер просто свихнулся, а всю эту чепуху — забыть.

Если б только он мог.

Глава 9

РАССКАЗ БОББИ АНДЕРСОН

1

Бобби медленно, морщась, как старая женщина, поднималась с кушетки.

— Знаешь... — начал Гарденер.

— Ох, как все болит! — простонала она. — И мне надо срочно сменить... Неважно. Сколько я проспала?

Джим сверился с наручным циферблатом.

— Часов четырнадцать, может чуть больше. Бобби, твоя новая книга...

— Сейчас. Подожди, я скоро вернусь. Не забудь, что хотел сказать.

Она медленно побрела к ванной комнате, на ходу расстегивая рубашку, в которой спала. Между тем Гарденер успел разглядеть — даже *слишком* хорошо разглядеть, — как же сильно исхудала Бобби. Это уже не просто потеря веса: от Бобби буквально остались кожа да кости.

Она вдруг замерла, точно почувствовала на себе *его* пристальный взгляд, и, не оборачиваясь, легко обронила:

— Видишь ли, я все могу объяснить.

— Серьезно? — приподнял бровь Гарденер.

2

Андерсон долго не появлялась из ванной комнаты — гораздо дольше, нежели требуется, чтобы сходить в туалет и сменить тампон, а Гарденер не сомневался, что она нуждалась именно в этом. У нее на лице так и было написано: «Опять эти муки!» Джим прислушался, но не услышал, чтобы из душа лилась вода. Ему вдруг стало не по себе. После пробуждения Бобби выглядела вполне вменяемой, однако так ли это на самом деле? В голову полезли непрошеные картинки: Бобби, изворачиваясь, будто змея, выбирается через маленькое окошко и с диким хохотом, в одних голубых джинсах, бежит прямо в лес.

Левая сторона головы начала слегка пульсировать. Прижал ладонь к старому шраму на лбу, Гард подождал еще пару минут, поднялся и направился к ванной. Он почти бессознательно старался не издавать при этом ни звука. А вдруг Бобби не удирает от лишних расспросов через окошко, а прескокойно вскрывает вены одним из его же бритвенных лезвий, чтобы уж наверняка никогда ничего ему не объяснить?

И все-таки лучше сначала послушать. Будет за дверью нормальный утренний шум — Джим пойдет на кухню и сварит кофе. Может, даже приготовит омлет. А если не будет?..

Напрасно он волновался. Эта дверь не запиралась и всегда была чуть приоткрыта. Если бы Бобби захотела, чтобы все две-

ри плотно захлопывались, ей пришлось бы, помимо прочего, выравнивать всю северную часть дома. Хотя... возможно, и этот пункт был в ее ближайших планах.

Итак, через щель он увидел Бобби, застывшую перед тем же самым зеркалом, у которого недавно стоял Гарденер, — только с тюбиком зубной пасты в руке... Причем с неоткрытым. Андерсон напряженно, будто загипнотизированная, всматривалась в отражение. Губы у нее были растянуты, зубы — обнажены.

Уловив движение в зеркале, она обернулась. Бобби даже не попыталась прикрыть обвисшие груди.

— Гард, как тебе мои зубы?

Джим посмотрел и не заметил ничего необычного. Вот только ему показалось, что их даже слишком много. И снова вспомнилось то ужасное фото несчастной Карен Карпентер.

— Нормально. — Он старательно отводил взгляд от ее торчащих ребер и выпирающих над поясом джинсов тазовых костей. Штаны спадали, хотя она очень туго затянула ремень, и тот уже чем-то напоминал бельевую веревку, какими подвязываются бродяги. — По-моему, да. — Гард неловко улыбнулся и пропищал: — «Мам, смотри: ни одной новой дырочки!»

Андерсон попыталась ответить ему улыбкой со все еще отведенными от десен губами; получилось немного нелепо. Она дотронулась до коренного зуба, нажала на него указательным пальцем.

— Ахи, ахаеха, ага я аехаю?

— Что?

— Смотри: шатается, когда я так делаю?

— Нет. Незаметно. А что?

— Это просто какой-то сон. Даже... — Она опустила взгляд. — Выйди немедленно, Гард. Я не при параде.

«О, можешь не беспокоиться, Бобби: я не собака, чтобы бросаться на кости... В буквальном смысле».

— Прости, — сказал он. — Дверь была открыта. Я думал, ты уже выходишь.

Джим поднялся снаружи на дверь и закрыл поплотнее.

Тут из ванной отчетливо донеслось:

— Я догадываюсь, о чем ты думаешь.

Гард ничего не сказал, но остался на месте. У него было странное чувство, как будто бы эта женщина знала — нет, даже видела, что он не ушел.

— Думаешь, я потеряла рассудок.

— Нет. Нет, Бобби. Просто...

— Я настолько же в своем уме, как и ты, — раздалось из-за двери. — У меня затекло все тело, я еле хожу; правая коленка невесть почему забинтована; я голодна как волк и сильно исхудала, знаю... Однако с моей головой все в порядке, Гард. Думаю, ты сегодня не раз усомнишься, все ли в порядке с твоей, но и это будет неправильно. Скажу заранее: мы с тобой оба в здравом уме.

— Бобби, что здесь творится? — В его голосе прозвучала растерянность, чуть ли не слезы.

— Мне надо отлепить этот дурацкий бинт и посмотреть, — отвстала Андерсон через дверь. — Кажется, я знатно натрудила вчера колено... В лесу, наверное. Потом я приму горячий душ и пересоеденусь в чистое, а ты пока мог бы приготовить нам завтрак. За едой и поговорим.

— Обещаешь?

— Да.

— Хорошо, Бобби.

— Как здорово, что ты здесь, Гард, — сказала она. — Пару раз у меня было скверное предчувствие. Как будто бы у тебя проблемы.

Пространство у Джима перед глазами вдруг стало двоиться, троиться и расплываться в разные стороны мелкими призмами. Он провел по лицу ладонью.

— Терпенье и труд все перетрут — даже колено, — пробормотал Гард. — Я пойду сделаю завтрак.

— Спасибо.

И он действительно двинулся в нужную сторону; только очень медленно, потому что перед глазами, как их ни потирай, продолжало все расплываться.

3

У входа в кухню он вдруг остановился, пораженный новой мыслью, и чуть ли не на ощупь вернулся в ванной. Теперь из-за двери, по крайней мере, слышался шум воды.

— Бобби, а где же Питер?
 — Что? — прокричала она.
 — Я говорю, где Питер?
 — Умер, — ответила она, силясь перекричать грохот. — Я много плакала, Гард. Но ты же знаешь, он был...
 — Старенький, — пробормотал Джим. Потом опомнился и повысил голос: — Это из-за возраста, да?
 — Да, — донеслось сквозь барабанную дробь в душевой.
 Гарденер постоял и опять направился в кухню. Почему-то ему не верилось в эту историю.

4

Джим приготовил омлет из восьми яиц и пожарил бекон на гриле, попутно заметив, что помимо кухонной печи появилась микроволновка, а над рабочей поверхностью и там, где Бобби обычно ела с книжкой в свободной руке, — тресковые светильники. Потом он заварил крепкий кофе без молока и уже накрывал на стол, когда вошла Бобби с тюраном из полотенца на мокрых волосах. На ней были чистые джинсы и футболка с изображением кровососущей мошки и подписью «ОФИЦИАЛЬНЫЙ СИМВОЛ ШТАТА МЭН».

Андерсон пристально посмотрела на стол.
 — А где мои тосты?
 — Перебьешься, — добродушно проворчал Гарденер. — Можно подумать, я для того проехал двести миль автостопом, чтобы на кухне прислуживать. Сама приготовь.

Бобби округлила глаза.
 — Как это — автостопом? Вчера? В этот ливень?
 — Угу.
 — Господи, что случилось? Мюриел говорила: ты на чтениях и освободишься не раньше тридцатого.

— Ты звонила Мюриел? — Невесть почему он растрогался. — А когда?

Андерсон отмахнулась, словно это было совсем неважно (нет, правда: какая разница), и повторила вопрос:
 — У тебя что-то стряслось?

К досаде Джима, он вдруг ощутил желание обо всем рассказать. Но разве Бобби — всего лишь его личная Стена плача?

Нет, пожалуй, не стоит этого делать. Разве что позже... Возможно...

— Потом. Я хочу знать, что здесь, у тебя, происходит.

— Сначала позавтракаем, — возразила Андерсон. — Это приказ.

5

Гард отдал подруге львиную долю яичницы и бекона, и она, не теряя времени даром, накинулась на угощение с таким видом, словно сто лет не ела. Наблюдая за ней, Джим вспомнил отрывок из биографии Томаса Эдисона, прочитанной в юности — лет в десять, в одиннадцать. Время от времени ученый впадал в такой раж, когда одна блестящая мысль опережала другую, открытия шли на ум одно за другим, и в это время он забывал о ссмье, о необходимости мыться, спать и питаться. Не приноси ему жена еду на подносе, Эдисон буквально загнусся бы от истощения где-то между изобретением лампочки и фотографа. В книге был даже снимок, на котором ученый яростно ерошил руками волосы, словно пытался выщипать из головы мозг, не дававший ему ни минуты покоя. Вид у бедняги был более чем нездоровый.

Однако (тут Гарденер рассеянно прикоснулся к левой половине лба) Эдисон был подвержен мигреням. Его мучили головные боли и приступы беспричинной тоски.

Бобби же, судя по всему, тосковать и не собиралась. Она умывала яичницу, семь или восемь ломтей бекона с тостами, щедро сдобренными маслом, осушила залпом два больших бокала с апельсиновым соком и под конец еще разразилась звучной отрыжкой.

— Фу, как неприлично.

— В Португалии, чтоб ты знал, громкая отрыжка считается лучшим комплиментом повару.

— Да? А что они делают, если классно потрахаются? Пердят?

Андерсон запрокинула голову и расхохоталась, даже полотенце с волос уронила. Гарду внезапно захотелось прямо сейчас затащить в постель этот мешок с костями. Он скромно улыбнулся:

— Ладно, принято. Как-нибудь в воскресенье приготовлю тебе шикарные яйца «Бенедикт». А теперь — выкладывай.

Андерсон вытащила откуда-то из-за его спины полпачки «Кэмела» и, прикурив, протянула сигареты Гарду.

— Нет уж, спасибо, — отказался Джим. — С этой вредной привычкой я худо-бедно пока справляюсь.

Однако еще до конца рассказа он выкурил четыре сигареты.

6

— У тебя ведь было время здесь осмотреться, — начала Андерсон. — Я смутно помню, что предлагала тебе это сделать; уверена, так ты и поступил. У меня был ну очень похожий вид, когда я наткнулась в лесах на ту штуку...

— Какую штуку?

— Если скажу, ты сочтешь меня сумасшедшей. Лучше сам потом посмотри, а сейчас давай просто поговорим. Что ты успел здесь заметить? Какие перемены?

Гарденер перечислил: улучшения в погребе, кучу незаконченных проектов, странное крошечное солнце в котле нагревателя, новый мотор «Томкэта», обвешанный непонятными приспособлениями... Подумав, он решил не упоминать ту чудную надпись на панели управления трактора. Бобби все равно догадается, что он ее видел.

— И в разгар всей этой работы, — прибавил Джим, — ты ухитрилась найти время для новой книги. Причем довольно длинной. Я прочел тридцать-сорок страниц, дожидаясь твоего пробуждения, и, на мой взгляд, она по-настоящему хороша. Пожалуй, даже лучше всего, что ты раньше писала... Хотя у тебя всегда были достойные романы.

Андерсон покивала с польщенным видом.

— Спасибо, мне тоже так показалось. — Она ткнула пальцем в последний ломоть бекона. — Будешь?

— Нет.

— Уверен?

— Да.

Бекон тут же исчез у нее во рту.

— Сколько же ты над ней работала?

— Я точно сейчас не могу сказать. Дня три, наверное. Но не больше недели. Причем в основном я писала во сне. — Гард улыбнулся. — А ведь это не шутка, — заметила Бобби. Гард

перестал улыбаться. — С чувством времени у меня сейчас нелады, — призналась Андерсон. — Знаю только, что двадцать седьмого (последний день, когда его течение еще имело для меня смысл) я ничего не писала. Ты появился вчера, четвертого, и роман был уже готов. Получается... неделя работы, самое большее. Но мне лично кажется, что ушло дня три.

Андерсон преспокойно выдержала изумленный взгляд Гарда и принялась вытираять салфеткой пальцы.

— Бобби, это невозможно, — выговорил он наконец.

— Значит, ты не обратил внимания на мою пишущую машинку?

Джим, конечно, успел бросить взгляд на старенький черный «Ундервуд», когда присаживался читать, но тогда его вниманием целиком завладела рукопись. Машинку он видел бесчисленное количество раз, а вот роман был новым.

— Если бы ты присмотрелся, то наверняка заметил бы рулон компьютерной бумаги на стене и еще один из моих приборов. Сверхмощные батарейки в картонке из-под яиц и все в таком роде. А? Нет?

Она подтолкнула к Гарденеру одну пачку сигарет, и тот машинально взял сигарету.

— Не представляю себе, как работают эти штуки. Ни одна из них, даже главная, что снабжает тут все электричеством. — Бобби улыбнулась, увидев, как вытянулось лицо Джима. — Да, Гард, я отключилась от центральной электрической сиськи штата Мэн. «Временно отказалась от их услуг», — по выражению этих молодчиков; они словно заранее были уверены, что я скоро прибегу проситься обратно. И случилось это... погоди, как бы не сорвать... четыре дня назад. Точно помню.

— Бобби...

— Одна такая штуковина греет воду в котле, другая — там, за машинкой, но над ними всеми есть главный прибор, старейшина, если можно так выразиться. В него загружено два или три десятка D-батареек... — Андерсон хихикнула, словно вспомнила что-то приятное. — Теперь Полли Эндрюс наверняка считает меня тронутой: я скупила у них в супермаркете весь запас батареек, а потом еще в Огасту поехала за остальными. Дай сообразить: это было не в тот же день, когда я засыпала пол в подвале? — Она задумчиво наморщила лоб, а потом просияла. — Ага, точно. Историческая Гонка за Батарейками

1988 года! Я скупала их сотнями, обчистила склады семи магазинов, а по дороге домой тормознула в Альбионе и затарилась грунтом, чтобы освежить подвал. Да-да, я почти уверена, это произошло в один и тот же день.

Она снова беспокойно нахмурилась, и на мгновение перед Джимом предстала другая Бобби — замотанная, испуганная. Разумеется: разве могла она так быстро оправиться? Накануне Андерсон выглядела измученной до предела. Одна ночь сна, пусть даже самого глубокого, — неужели этого достаточно? Да и разговоры ведет бредовые, непонятные: то роман написала во сне, то весь дом у нее работает на батарейках, то в Огасту она каталась по странным делам... Да, но каждому слову есть вещественное подтверждение. Джим видел все собственными глазами.

— ...Он самый, — проговорила Бобби со смехом.

— Что, прости?

— Я говорю, с этим самым, с прибором, который гоняет по дому ток, пришлось до седьмого пота работать, а у меня ведь еще раскопки...

— Раскопки? Ты про ту штуку в лесу, которую хочешь мне показать?

— Да. Уже скоро. Дай еще пару минут.

У нее на лице вновь появилось выражение удовольствия, и Гарденер вдруг подумал: вот, оказывается, как выглядит со стороны человек, который не просто хочет, а *рвется* поведать о чем-то; человек, которого *распирает*. Начиная от зануды, приглашенного выступить перед студентами с рассказом об антарктической экспедиции 1937 года и потускневшими слайдами в качестве иллюстраций, до моряка Измаила, выжившего после гибели злосчастного «Пекода», чья история заканчивается фразой, грубо замаскированной под нейтральное сообщение, но на деле — отчаянным криком: «И спасся только я один, чтобы возвестить тебе»*. Безумие и отчаяние... Не они ли слышались Гарду за жизнерадостным и бессвязным щебетом Бобби о Десяти Сумасшедших Днях в Хейвене? Похоже на то... Да, так и есть. Кто лучше писателя умеет читать между строк? С чем бы тут ни столкнулась Бобби, пока Джим раз-

* Перевод с английского И. Бернштейн. Измаил — герой романа Г. Мелвилла «Моби Дик», моряк с китобойного судна «Пекод».

влекал поэзией тучных матрон и наводил зевоту на их мужей, это почти свело ее с ума.

Андерсон зажгла еще одну сигарету. Рука у нее дрожала, это было заметно по дернувшемуся пламени. На подобные тонкости обращаешь внимание, только когда ты внутренне готов их увидеть.

— К тому времени у меня закончились картонки для яиц, да и батареек потребовалось столько, что одного-двух контейнеров все равно не хватило бы, и в ход пошли ящики дядюшки Фрэнка из-под сигар; на чердаке нашлась целая дюжина. Знаешь, такие старые, деревянные — думаю, даже Мэйбл Нойз из «Джанктория» выложила бы за них несколько баксов, а мы с тобой в курсе, какая она скупердяйка. Я напихала туда туалетной бумаги, попробовала устроить гнезда для батареек. Понимаешь? Гнезда!

Андерсон принялась быстро тыкать вниз указательным пальцем, глядя на Гарденера блестящими глазами и как бы спрашивая, доходит ли до него. Поэт кивнул. Его опять начало охватывать ощущение нереальности, словно разум готовился ускользнуть сквозь череп и взлететь к потолку. «Выпивка помогла бы делу», — подумал он. В голове запульсировало сильнее и чаще.

— Но батарейки вываливались. — Андерсон затушила свою сигарету и тут же зажгла новую. — Эти совсем тогда разозлились, просто ужас. Ну и я тоже... И тут меня осенило...

— Кто «эти»?

— Я наведалась к Чипу Маккосланду. Ну, это еще в конце Дагаут-роуд, ты знаешь, да?

Джим покачал головой. Ему еще не приходилось ездить по Дагаут-роуд.

— В общем, он живет с этой женщиной — думаю, они даже официально женаты, — и десятью ребятишками. Боже, вспомнить жутко, что за неряха! Такая грязная шея, Гард... Не отчишишь без помощи отбойного молотка... Кажется, он был женат до нее... Неважно! Понимаешь... Я давно ни с кем не общалась... То есть эти же не умеют разговаривать между собой, как люди... Поэтому я сейчас путаю важные события, о которых следует рассказать, и не очень важные...

Речь Андерсон все ускорялась, пока слова не начали набегать друг на друга. «Очень скоро она примется визжать или

плакать», — с тревогой подумал Джим, не зная, какой из этих двух вариантов пугает его сильнее. Ему снова представился Измаил, бредущий по улицам Бедфорда, штат Массачусетс. От моряка разит китовым жиром, но еще сильнее — безумием. Наконец он хватает за плечи зазевавшегося прохожего и кричит: «Послушай! Черт, я единственный выжил, чтобы все рассказать, так что лучше слушай, чтоб тебя! Попробуй отвлечься, и вот этот самый гарпун воткнется тебе прямо в... Я должен рассказать о треклятом белом ките, и ТЫ БУДЕШЬ СЛУШАТЬ!»

Гарденер потянулся через стол и похлопал Бобби по руке.

— Можешь не торопиться. Рассказывай как знаешь. Я здесь, и я тебя внимательно слушаю. Времени у нас предостаточно, сама говоришь: выходной. Так что сбавь обороты, ладно? А если я вдруг засну — знай, что слишком сильно отклонилась от темы. Уговор?

Андерсон улыбнулась и успокоилась на глазах. Джиму хотелось спросить, что же происходит в лесу. А главное, кто такие «эти». Но, может, и вправду не стоило торопиться. «К тому, кто умеет ждать, все плохое приходит само», — внутренне усмехнулся он. Бобби помедлила, собираясь с мыслями.

— У Чипа Маккосланда три или даже четыре курятника, вот к чему я вела. Всего за несколько баксов он надавал мне кучу картонок... и даже большие листы на сто двадцать ячеек каждая. — Бобби беспечно расхочоталась, а потом прибавила слова, от которых по коже Гарденера побежали мурашки. — Я ими пока не пользовалась, но когда руки дойдут — полагаю, у нас будет вдоволь электричества, чтобы отключить от центральной силовой титты весь Хейвен. Пожалуй, хватит и Альбиону, да еще и на львиную долю Трои останется. — Между тем Бобби продолжала: — В общем, когда у меня завелся ток... Боже, опять я путано все рассказываю... и тот приборчик уже был подцеплен к машинке... Тут я отправилась спать — ну, или задремала, по крайней мере... А затем появился ты. Вот.

Джим только молча кивал. Мимоходом брошенная подругой фраза о возможности сделать из картонок и батареек прибор, якобы способный снабжать током три городка, могла оказаться и бредом, и правдой. Все это с трудом укладывалось у него в голове.

— А прибор за пишущей машинкой работает так... — Нахмурившись, Андерсон чуть склонила голову набок, будто прислушивалась к некому беззвучному голосу. — Проще, наверное, показать. Иди в ту комнату и заправь новый рулон бумаги, хорошо?

— Как скажешь. — Он направился было к дверям, но на полпути обернулся. — А ты?

Бобби с улыбкой ответила:

— Я останусь здесь.

И тут до Гарда дошло. Он не просто понял — он *принял* понятое на том уровне сознания, где обитает лишь чистая логика. В конце концов, разве не учит бессмертный Холмс: «Отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни оказался»*? А ведь новый роман — не выдумка; он в самом деле лежит на столе, возле устройства, которое Бобби несколько раз назвала своим «прозо-аккордеоном».

«Вот только машинки не могут печатать книги сами по себе, старина. Знаешь, что сказал бы Холмс в этом случае? Если возле машинки лежит роман, которого ты никогда раньше не видел, это еще не значит, что рукопись — новая. Холмс допустил бы, что Бобби давно написала книгу, а во время твоей отлучки, слетев с катушек, достала ее из загашника и положила на стол. Возможно, она сама верит в собственные слова, но они не становятся от этого правдой...»

Гарденер прошел в угол гостиной, который служил Бобби кабинетом, устроенным настолько удобно, что хозяйка дома могла, не вставая со стула, брать книги с полок шкафа.

«Роман из ящика стола? Что-то не похоже».

С этим даже бессмертный Холмс не поспорил бы. Действительно, не «Бизоньим солдатам» пылиться в ящике. Правда, Холмс возразил бы, что написать роман за три дня, вдобавок не прикасаясь к пишущей машинке, а развивая бурную деятельность в лесу и в подвале, урывками отсыпаясь, — еще более, мать его, невозможно.

Но нет, ни в каком столе роман не валялся. Гарденер был в этом убежден: он хорошо знал Бобби. Андерсон так же способна прятать от всех свой прекрасный роман, как Джим —

* Цитата из книги Артура Конан Дойла «Знак четырех».

сохранять холодный рассудок во время разговоров о ядерной энергии.

Так что катись-ка ты, Шерлок, на распрекрасном лондонском кэбе, и доктора Ватсона с собой забери. Желание выпить вернулось с новой пугающей силой...

— Гард, ты на месте? — окликнула Андерсон.

На этот раз он вполне осознанно увидел небрежно подвешенный бумажный рулон. А за машинкой — один из «приборчиков» Бобби. Совсем небольшой, сделанный из половины картонки для яиц, причем две последние ячейки пустовали. В остальных четырех торчало по батарейке плюсами вверх, каждую из которых накрывал колпачок из жести, отрезанной от консервной банки. Четыре выходящих оттуда провода — красный, синий, желтый, зеленый — опять-таки тянулись к печатной плате (очевидно, детали от радиоприемника), которая была вертикально закреплена между двумя брусками, приклеенными к столу. Бруски, похожие на желобок для мела под школьной доской, показались Гарду настолько знакомыми, что он не сразу сообразил, где мог их видеть. А потом до него дошло. Это на них выкладывают из квадратиков с буквами слова, играя в «Скрэбл».

От платы к пишущей машинке тянулся толстый провод, как от электротрансформатора.

— Бумагу-то вставь! — напомнила Андерсон и рассмеялась. — Я всё время забывала об этом. Глупо, да? Тут *они* — не помощники. Я чуть с ума не сошла, пока придумала выход. Сижу как-то на толчке, прикидываю, как бы разжиться словодробителем*, потом тянусь к рулончику туалетной бумаги... эврика! Ну я и тормоз! Заправь рулон, Гард!

«Нет, все. Отсюда пора бежать. Поймать попутку до Хэмпдена, а там до беспамятства нализаться в «Пурпурной корове». Мне даже не хочется знать, кто такие «эти»...»

Но Джим уже заправлял под валик перфорированный край, а потом привычно повернул ручку сбоку старого «Ундервуда», чтобы зафиксировать лист. Сердце билось все чаще и все сильнее.

— Готово! — крикнул он. — Теперь надо что-нибудь... э-э-э... включить?

Никаких выключателей Джим не видел — и в любом случае не собирался к ним прикасаться.

* Сверхбыстро действующий вычислитель, способный к переработке больших объемов цифровых данных.

— Не надо! — ответила Бобби.

Что-то щелкнуло, а потом загудело, как электрический поезд-игрушка. Из-под машинки начал пробиваться зеленый свет.

Гарденер невольно шагнул назад. Ноги не слушались, будто чужие. Странные расходящиеся лучи стали пробиваться и между клавишами. Стеклянные панели, вделанные в бока «Ундервуда», светились теперь, точно стенки аквариума.

Внезапно клавиши начали нажиматься сами собой, скача вверх и вниз, будто под пальцами пианиста. Каретка стремительно поехала вперед, и на листе отпечатались первые слова:

«Отец твой спит на дне морском, он тиною затянут...»

Дзинь! Клац!

Каретка вернулась на место.

«Нет, я этого не видел. Не верю своим глазам».

«И станет плоть его песком, кораллом кости станут...»*

Мертвенно-зеленоватый свет продолжал сочиться сквозь клавиатуру и омывать слова. Это радио?

Дзинь! Клац!

«Выпьем сухого «Рейнгольда»...»

Строчка буквально вылилась на бумагу в мгновение ока.

Движения клавиш были неуловимо быстры.

«Чем больше пьешь — тем пуще охота...»**

Господи, неужели это все правда? Или же розыгрыш?

Перед лицом нового чуда разум поэта дрогнул и жалобно позвал на помошь Шерлока Холмса. Розыгрыш, ну конечно, розыгрыш. Просто Бобби сошла с ума... очень творчески.

Дзинь! Клац!

Каретка вернулась к началу.

«Это не розыгрыш, Гард».

Каретка снова поехала, и тарахтящие клавиши отпечатали перед округлившимися, стекленеющими глазами Джима:

«Твоя первая догадка была верна, я делаю это из кухни. Слышал о светочувствительных фотоэлементах? Ну вот, а прибор за пишущей машинкой — мыслечувствителен, он четко улавливает все мои мысли на расстоянии до пяти миль. Стоит

* Цитата из «Бури» Шекспира.

** Обе строки — начало известной американцам определенного возраста рекламной песенки диетического пива «Рейнгольд».

отойти дальше — начинается путаница. Если отъехать на десять, то вообще все глухнет».

Дзин! Клац!

Большой серебристый рычаг слева от каретки сработал дважды, передвинув бумагу с тремя безупречно отпечатанными сообщениями вверх на несколько строчек. И безумие продолжалось.

«Так что сам видишь: мне было необязательно торчать за пишущей машинкой во время работы. «Мам, посмотри, я без рук умею!» Два-три дня мой бедный старенький «Ундервуд» пахал как лошадь, а я свободно могла работать в лесу или у себя в подвале. Но чаще всего, говорю тебе, вообще отсыпалась. Забавно... Расскажи мне кто-нибудь о подобном устройстве — в жизни не поверила бы, что оно сработает и для такой, как я. Диктовальщица из меня никакая. Даже письма пишу от руки: мне важно видеть, как выглядят слова на бумаге. Некоторые писатели, например, ухитряются надиктовывать целые книги на пленку, а мне бы такое и в голову не пришло. Но здесь совсем иной принцип, Гард. Прибор словно подключается напрямую к моему подсознанию; как будто не пишешь, а грешишь... Только сны всегда бессвязны и сюрреальны, а тут результат совершенно другой. Перед тобой уже не пишущая машинка. Это машинка грез. Разумных грез. Есть какая-то космическая ирония в том, что прибор доверили именно мне, для «Бизоных солдат». Ты прав, это лучший мой роман, и все же... обычный вестерн. С тем же успехом можно изобрести вечный двигатель только для того, чтобы сын не просил поменять батарейки в игрушечной машинке! Ты представляешь, какие могли бы быть результаты, попади это устройство в руки Фицджеральда? Или Хемингуэя? Фолкнера? Сэлинджера?»

После каждого вопросительного знака машинка на миг замирала, потом взрывалась очередной фамилией. А после Сэлинджера остановилась. Джим отстраненно, почти не понимая, прочел все написанное. Затем вернулся к началу абзаца. Стоило ему подумать, что все это розыгрыш, как машинка выдала: «Это не розыгрыш, Гард»...

Внезапно поэт подумал: «Ты читаешь мои мысли, Бобби?»
Дзин! Клац!

Каретка резко вернулась на место, так что Джим подскочил и едва не вскрикнул.

«Да. Но совсем чуть-чуть».

«Что мы делали Четвертого июля в тот год, когда я прекратил учительствовать?»

«Поехали в Дерри. Ты говорил, что знаешь там парня, который торгует клевыми «Вишневыми бомбочками»*. Он продал нам несколько штук, но они оказались полной мурой. А ты уже был навеселе и решил вернуться, чтобы открутить ему голову. Я отговаривала — не вышло. Мы поехали обратно, и что же? Провалиться на месте: дом этого мошенника полыхал! Он ухитрился бросить окурок в подвале, набитом петардами и фейерверками. Когда ты увидел огонь и услышал все эти взрывы, то упал от хохота на дорогу».

Никогда еще ощущение нереальности не охватывало Джима с такой силой, как сейчас. Он сопротивлялся до последнего, а чтобы отвлечься, снова перечитал напечатанное. Была там еще одна странность... А, вот, нашел: «Есть какая-то космическая ирония в том, что прибор *доверил* именно мне...»

И еще раньше Бобби сказала: «Эти совсем тогда разозлились, просто ужас...»

Щеки Гарда пылали как в лихорадке, а вот лоб почему-то заледенел, даже пульсация над левым глазом напоминала тупые, размеренные удары чем-то холодным.

Не отводя взгляда от пишущей машинки, источающей прозрачный зеленоватый свет, Джим мысленно спросил:

«Бобби, кто такие «эти»?»

Дзинь! Клац!

Клавиши застремотали, буквы сложились в слова, а из слов получилась детская песенка:

«Если б только вы знали, как громко в ночи

В мою дверь томминокер стучит и стучит».

Джим Гарденер заорал.

Наконец руки перестали трястись, и Гард смог поднести ко рту чашку горячего кофе, не боясь увенчать этот праздник безумия еще и ожогами третьей степени.

* Разновидность фейерверка.

Андерсон с тревогой следила за ним через стол. В потайном углу кладовой, подальше от обычных «алкогольных запасов» у нее хранилась бутылка очень хорошего бренди, который Бобби уже предложила добавить в кофе, но Гард отказался — не то чтобы с сожалением, а практически с болью. Бренди мог бы сейчас помочь притупить головную боль или даже совсем заглушить ее, но главное — вернуть ясность мыслей. И отогнать это мерзкое ощущение: «Я только что заглянул за край мира».

Единственная загвоздка: Джим «дошел до ручки», правильно? Правильно. А это значит: глотка хорошего бренди, да еще растворенного в кофе, ему явно не хватит. Слишком уж много всего произошло с тех пор, как он заглянул в котел нагревателя, а потом направился в кухню выпить виски.

Тогда это было вполне безопасно; теперь же в воздухе витала тревога, как перед торнадо.

Так что нет — никакой больше выпивки, даже с кофе, пока Гард не разберется, что здесь творится, и в том числе — с Бобби. Это важнее всего.

— Прости за последнее, — извинилась Андерсон. — Кажется, я не смогла бы ее остановить. Говорю тебе: это машинка грез, она работает с подсознанием. Гард, я в самом деле немногое понимаю в твоих мыслях. С другими людьми это проще, иногда даже легче, чем палец в свежее тесто воткнуть. Можно проникнуть в самую глубину, до ид* — так, кажется, говорят психологи? Правда, там, внизу, жутко и полно самых чудовищных... идей, что ли? Я бы сказала: «образов». Они простые, словно детские каракули, но живые. Как те глубоководные рыбы, которые, если поднять их повыше со дна океана, лопнут от внутреннего давления. — Бобби вдруг передернулась. — Но живые, — с нажимом повторила она.

Воцарилось молчание. Было слышно, как за окном распеваются птицы.

— С тобой все иначе: я только скользжу по поверхности, к тому же сильно искореженной. Будь ты как все, я бы уже поняла, что с тобой происходит и отчего у тебя настолько помятый вид...

— Вот спасибо, подруга. Я-то думал, зачем ты меня позвала: готовить завтраки, что ли? Ах нет: чтобы льстить, оказывается!

* Оно, иногда ид, в психоанализе является одной из структур, описанной Фрейдом. Представляет собой бессознательную часть психики, совокупность инстинктивных влечений.

Гард ухмыльнулся, но как-то неловко, и закурил еще одну сигарету.

— В общем, — продолжала Бобби, будто не услышав его, — я могу только строить догадки на основе того, что знаю о твоем прошлом, но подробности — за тобой. Так что шпионить я бы при всем желании не сумела. Не уверена, что поняла бы ход твоих мыслей, даже если бы ты вытолкнул их к самым дверям и расстелил у порога коврик с надписью: «Входите, вам здесь рады». Но когда ты спросил, кто такие «эти», рифмовка про томминокеров выплыла, точно большой пузырь, на поверхность, и все получилось само по себе.

— Ну хорошо, — сказал Гард, хотя хорошего в сложившейся ситуации видел мало. Практически ничего хорошего. — С томминокерами все ясно. Но кто они? Эльфы? Лепреконы? Грем...

— Я ис зря предложила тебе осмотреться, чтобы ты оценил масштабы, — перебила Андерсон. — И понял, насколько серьезными могут быть последствия.

— Это-то я как раз осознал. — Уголки губ Гарденера тронула улыбка. — Еще парочка «последствий» подобного рода — и готовь для меня смирительную рубашку.

— Твои томминокеры явились из космоса, — сообщила Андерсон. — Думаю, ты и сам давно это понял.

Честно говоря, подобная мысль не раз и не два приходила Джиму на ум, но сейчас у него во рту пересохло, а руки, сжимающие кофейную чашку, похолодели.

— Они здесь? — услышал он собственный голос как бы со стороны.

Внезапно Гарденер понял, что до смерти боится обернуться — обернуться и увидеть, как из кладовки неуклюже выполняет горбатая трехглазая тварь с рогами, место которой — разве в каком-нибудь кино, в эпосе «Звездные войны», к примеру.

— Я думаю, они — настоящие, физические *они* — давно уже умерли, — тихо сказала Бобби. — Возможно, еще до появления на земле человека. С другой стороны... Карузо тоже умер, но до сих пор поет нам с чертовой уймы пластинок, верно?

— Бобби, — вмешался Джим, — расскажи мне, что тут произошло. Я хочу, чтобы ты начала с самого начала, а закончила бы словами: «Тут вовремя появился ты и как раз успел подхватить меня, упавшую в обморок». Думаешь, у тебя получится?

— Не во всех подробностях, — усмехнулась она, — но постараться можно.

Андерсон говорила долго и закончила рассказывать где-то после полудня. Гард сидел за столом, курил и только раз, извинившись, отлучился в ванную комнату, чтобы принять три таблетки аспирина.

Бобби начала с того, как она споткнулась, поведала о возвращении в лес и раскопках своей совершенно уникальной находки, потом о третьем походе туда же... Но умолчала о сурке, над которым не вились мухи, об исчезнувшей катаракте Питера и походе к ветеринару Эйзериджу. Эти темы она обошла очень грамотно, упомянув только, что после первого рабочего дня, вернувшись домой, обнаружила своего пса мертвым на парадном крыльце.

— Он как будто уснул. — В голосе Бобби вдруг прозвучала незнакомая слышавая нотка, и Гард посмотрел на нее в упор... но тут же потупился и уставился на свои руки. Андерсон тихо плакала.

Спустя какое-то время он спросил:

— А что потом?

— Тут вовремя появился ты и как раз успел подхватить меня, упавшую в обморок, — улыбнулась Бобби.

— Прости, не понял?

— Питер умер двадцать восьмого июня, — пояснила Андерсон. Она очень редко упражнялась во лжи, но надеялась, что на этот раз у нее получится гладко и естественно. — Вот последний день, который я помню отчетливо и более-менее связно. Вплоть до твоего появления.

Тут Бобби подарила Гарду широкую искреннюю улыбку, хотя и эти слова были ложью: на самом деле ясные, упорядоченные воспоминания обрывались раньше — двадцать седьмого. Андерсон стоит, сжимая ручку лопаты, над гигантским зарытым в земле кораблем, шепчет: «Все будет хорошо», начинает копать... Дальше — как в тумане.

Она еще многое упустила — даже, пожалуй, слишком многое, — но, во-первых, сама не все внятно помнила, а во-вторых, остальное приходилось на ходу редактировать... и весьма остроумительно. Например, не могла же Бобби рассказать правду о Питере. Только не теперь. Они сказали, этого нельзя делать, однако Бобби и не нуждалась в подобном напоминании. А еще

они велели следить за Гарденером в оба. Недолго, конечно, ведь вскоре он станет

(одним из нас)

членом команды. О да. Это было бы замечательно. Андерсон никого в мире так не любила, как Джима Гарденера.

«Бобби, кто такие «эти»?»

Томминокеры. Слово, всплывшее из темных глубин его разума подобно сребристому пузырю, вполне годилось для имени, правда ведь? Ну да. Ничуть не хуже других.

— И что теперь? — спросил Джим, зажигая последнюю сигарету. Вид у него был одновременно ошеломленный и настороженный. — Не уверен, что я смогу это быстро переварить... Или даже проглотить для начала. — Он глуповато хохотнул. — Кажется, в мою глотку все сразу не пролезает: узковата она у меня!

— Понимаю, — ответила Андерсон. — Думаю, я мало запомнила за последние дни как раз потому, что все это слишком... странно. Словно мой разум прицепили к ракетным саням.

Ох, как ей не нравилось обманывать Гарда. От этого становилось не по себе. Но вскоре с ложью будет покончено. Джим непременно... он...

Сам во всем убедится.

Когда увидит корабль. Почувствует его.

— Да и какая разница, во что я верю или не верю? Думаю, жизнь заставит меня поверить еще во многое.

— «Отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным...»

— О, ты и это прочла?

— В общем и целом. Я бы даже не узнала цитату, но ты ее раньше произносила.

Гарденер кивнул:

— По-моему, она идеально подходит к нашей ситуации. Или я верю собственным ощущениям, или верю в то, что я псих. Бог знает, впрочем, сколько людей готовы под присягой поклясться в последнем.

— Но ты не сошел с ума, Гард, — вполголоса возразила Бобби, коснувшись его ладони. В ответ Гард крепко сжал ее руку.

— Знаешь... если человек стреляет в свою жену... многие сочтут это убедительным доказательством душевного нездоровья. Понимаешь?

— Гард, с тех пор прошло восемь лет.

— Верно. А если вспомнить мужчину, которого я пихнул в грудь локтем, — это-то было восемь дней назад. И еще парень. Я тебе не рассказывал, как гонял его по коридору и столовой, лупя зонтом? Мое поведение за последние пару лет отличается все большим стремлением к саморазрушению...

— Дамы и господа, вас приветствует национальное шоу «Час жалости к себе»! — весело прощебетала Бобби.

— Вчера утром я собирался покончить с собой, — тихо сообщил Джим. — Если бы не то ощущение, и довольно сильное, надо сказать, что ты попала в беду, — я бы уже стал кормом для рыб.

Андерсон внимательно посмотрела на него. Ее ладонь все крепче сжималась, так что в конце концов Джиму даже стало больно.

— Ты это серьезно, правда? Господи!

— Конечно. Сама посуди, до чего дошло, если самоубийство показалось мне тогда наиболее разумным выходом.

— Брось.

— Я не шучу. А потом пришла эта мысль. Ну, что ты в беде. Я решил сперва позвонить, но не застал тебя дома.

— Я, наверное, была в лесу, — произнесла Андерсон. — И тогда ты бросился на помощь? — Она поднесла его ладонь к губам и нежно поцеловала. — По крайней мере, одна очевидная польза от всей этой суматохи: ты все еще жив, балбес.

— Как всегда, меня впечатляет щедрость твоих комплиментов, Бобби.

— Только попробуй когда-нибудь это сделать, и я поставлю тебе надгробие, а на нем велю выбрать большими буквами: «БАЛБЕС». Причем такими глубокими, чтобы за целый век не стерлись.

— Спасибо, конечно. Впрочем, ты пока можешь не беспокоиться на этот счет: Потому что оно меня не покинуло.

— Что?

— Ощущение, будто ты до сих пор в беде. — Она попыталась отвести взгляд и отнять руку. — Проклятье! Бобби, посмотри на меня!

Наконец она повиновалась, хотя и с большой неохотой, чуть выпятив нижнюю губу. За этой знакомой гримаской упрямства Гарду почудилась маленькая доля неуверенности. Почудилась ли? В этом он сомневался.

— С виду все так великолепно: дом работает на батарейках, книжки пишутся сами... еще неизвестно какие чудеса... Так почему же я чувствую, что тебе плохо?

— Не знаю, — приглушенно ответила она и пошла мыть посуду.

9

— Ну конечно: во-первых, я перетрудилась до полусмерти, — произнесла она, стоя к Гарду спиной (Джим заподозрил, что ей сейчас улобнес разговаривать именно в этой позе). Тарелки так и громыхали в горячей пене. — И потом: ты полагаешь, я зевнула и эдак небрежно произнесла: «Космические пришельцы? Ха! Дешевое электричество, телепатия? Подумашь, какая новость!» Мой почтальон обманывает жену, теперь мне об этом известно. Хотела ли я это знать? Черт, я же не шпионка какая-нибудь. Он вытолкнул эту мысль чуть не на поверхность. Не прочесть ее — то же самое, что не заметить неоновой вывески высотой в сотню футов. Боже, ну и трясло меня.

— Ясно, — промолвил Гард и подумал: «Она не расскажет мне правду. По крайней мере, не полную. Сомневаюсь, что ей самой все известно». — Остается вопрос: «Что нам делать?»

— Не знаю. — Она обернулась и увидела, как Джим приподнял брови. — Ты ведь не ожидал получить ответ в виде маленького аккуратного эссе на пятьсот с небольшим слов? Его не будет. У меня есть кое-какие соображения. И наверняка не самые лучшие. Думаю, первым делом надо тебя отвести на место, и там

(тебя убедят)

ты сам все увидаишь. Потом и будем решать.

Гарденер долго смотрел на нее. На этот раз Бобби не опустила перед ним открытого, честного взгляда. И все же что-то было не так, что-то явно не клеилось. Например, та слашавость в голосе при рассказе о смерти Питера. Слезы могли быть и настоящими, а вот тон...

— Ладно. Пойдем и посмотрим на твой зарытый корабль.

— Сначала — обед, — невозмутимо произнесла Андерсон.

— Ты снова проголодалась?

— Естественно. А ты?

— Господи, нет, конечно!

— Тогда я поем за двоих, — заявила Бобби.
И слово свое сдержала.

Глава 10

ГАРДЕНЕР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

1

— Боже милостивый. — Джим опустился на свежий пень. Даже не опустился, а рухнул. Словно его ударили в живот. Нет, все было куда непривычнее и страшнее. Словно к его рту поднесли промышленный пылесос и разом выкачали весь воздух из легких. — Боже милостивый, — повторил он беспомощным, ослабевшим голосом. На другое он, кажется, был неспособен.

— Это что-то, правда?

Они были на середине склона, вблизи от места, где Бобби попался дохлый сурок. На некогда лесистом холме теперь зияла просека, посередине которой был установлен странно знакомый предмет, казавшийся мелким на фоне внушительной ямы и торчавшей оттуда штуковины.

Траншея достигла уже двух сотен футов в длину и двадцати — в ширину. В центре разрез расширялся до сорока футов, напоминая силуэт женских бедер. Над разрезом высилась горделиво изогнутая серая кромка гигантской стальной тарелки.

— Боже милостивый, — снова выдохнул Гард. — Нет, ты только взгляни!

— Я видела. — На губах Бобби играла слабая рассеянная улыбка. — Больше недели уже смотрю. Это самое прекрасное зрелище в моей жизни. И оно избавит нас от уймы проблем, Гард. «И вот явился к ней принц на коне...»

Джим резко пришел в себя и уставился на подругу, чьи мысли явно перенеслись во тьму, откуда прилетела или упала эта невероятная штуковина. Гарденер похолодел. Вид у Бобби был не просто задумчивый. Ее глаза напоминали пустые окна.

— Ты о чем?

— Мммм? — Андерсон встрепенулась, точно после глубокого сна.

— При чем тут принц на коне?

— А, это я о тебе, Гард. И обо мне. Но, наверное... наверное, в основном о тебе. Спускайся, и сам посмотришь.

Бобби проворно и ловко (видимо, сказывалась долгая практика) двинулась вниз и прошла уже футов двадцать, когда поняла, что идет одна. Она обернулась. Джим поднялся с пенька, но пока не тронулся с места.

— Оно не укусит, — подначила Андерсон.

— Да? А *что* оно со мной сделает?

— Да ничего. Тут, внутри, все умерли, Гард! Твои томминокеры были вполне реальными, но не вечными, а корабль пролежал под землей как минимум пятьдесят миллионов лет. Об него сломался ледник! Со всех сторон охватил, но не сдвинул, а это были многие тонны льда! И он сломался. Загляни в траншею — увидишь. Там будто след от застывшей волны. Доктор Борис из университета свихнулся бы от такого зрелища... Но все они давно умерли, Гард.

— Ты была внутри? — спросил он, не двинувшись с места.

— Нет еще. Дверца люка (я чувствую, она должна где-то быть) пока под землей, однако это ничего не меняет. Я точно знаю: они мертвы, Гард. Мертвы.

— Хорошо, тут все умерли; в корабль ты еще не заглядывала; но при этом изобретаешь, словно обкуренный Эдисон, и читаешь чужие мысли. Повторяю вопрос: что сделает эта штука *со мной*?

Тут Бобби выдала самую крупную ложь — спокойно, абсолютно не сожалея об этом:

— Против твоей воли — ничего.

И зашагала вниз, уже больше не оборачиваясь.

Гард помедлил, терзаясь жестокой мигренью и нерешительностью, но все же двинулся следом.

Предмет на краю котлована оказался старым грузовичком Бобби — правда, когда-то это был полноразмерный «форд-универсал». Семнадцать лет назад Андерсон приехала на нем из Нью-Йорка в Мэн, и уже тогда автомобиль был не сильно новым. По дорогам он бегал вплоть до 1984-го, пока даже Элт

Баркер, хозяин единственного на весь Хейвен гаража и заправки, не отказался прилепить на его лобовое стекло талончик о техосмотре. Тогда за один уик-энд сумасшедшей работы (они оба надрались в стельку и только чудом, по мнению Гарденера, ухитрились не сжечь друг друга старой паяльной лампой дядюшки Гаррика) Джим и Бобби срезали часть крыши, превратив универсал в полуразвалину-полугрузовик.

— Ты только взг...взгляни, Гард-эн-Гард! — торжественно провозгласила Бобби, уставившись на руину-автомобиль. — Мы прст... построили чертова бор-мбардировщик! — после чего наклонилась, и ее начало тошнить.

Джим подхватил ее и отнес к дому, стараясь не споткнуться о Питера, крутившегося под ногами. Уже в пути Бобби отключилась. Гард осторожно уложил ее на верхней площадке крыльца и только потом отрубился сам.

Со временем грузовик окончательно сдох, и Андерсон установила его на толстых брусьях в конце сада. Такую развалину никто не купит даже на слом, заявила она. Гарденер подозревал, что Бобби попросту сентиментальничает. И вот теперь грузовик буквально был воскрешен из мертвых — хотя и очень смутно напоминал себя прежнего, за исключением синей краски на бортах. Дверца водителя и львиная доля передней части куда-то исчезли, место последней заняло дикое нахромождение копательных и землеуборочных приспособлений. Воспаленному воображению Джима он показался игрушкой душевнобольного ребенка. Решетку радиатора заменило торчащее острье гигантской отвертки. А двигатель будто вырвали с мясом из старого гусеничного трактора. «Бобби, где ты его вообще раздобыла? И как ухитрилась доставить сюда? Боже мой!»

Все это было примечательно само по себе, но не настолько, чтобы задержать внимание Гарда более чем на пару секунд. Он прошел по взрытой земле и встал рядом с Бобби. Та, сунув руки в карманы, не отрываясь смотрела вниз.

— Что ты об этом думаешь, Гард?

Он не знал, что думать, и к тому же все равно утратил дар речи.

Траншея уходила вниз на невероятную глубину — на тридцать, а то и сорок футов. Если бы в этот момент лучи солнца упали под другим углом, Джим мог бы вообще не увидеть dna.

Между краем и поверхностью корабля темнел зазор примерно в три фута. Сам корпус был абсолютно гладким — ни цифр, ни символов или картинок, ни иероглифов. Предмет скрывался под землей.

Гарденер покачал головой, открыл было рот и, подумав, снова захлопнул его.

Та часть, о которую некогда споткнулась Андерсон и которую попыталась расшатать рукой, приняв за жестянку, брошенную лесорубом, теперь находилась прямо перед носом Джима. Он мог бы протянуть руку через канаву и прикоснуться — точно так же, как поступила Бобби две недели назад... С той разницей, что Бобби для этого пришлось опуститься на колени, а Гард сейчас стоял в полный рост. Он краем глаза отметил, как переменился знакомый склон: кругом сырья почва и грязное месиво, деревья срублены и убраны в сторону, оставшиеся пни выдраны из земли, точно гнилые зубы; но это было лишь мимолетное наблюдение. Джим пригляделся бы внимательнее, рассказал бы Бобби, что половину холма ей пришлось попросту срезать... чтобы не мешала работе.

«Тарелка! — мысленно простонал Гарденер. И тут же подумал: — Я все-таки прыгнул тогда с волнореза. Это все предсмертные галлюцинации. Вот-вот я очнусь и пойму, что силюсь дышать соленой водой. Это может случиться в любую секунду. Хоть прямо сейчас».

Но нет, ничего подобного. Перед ним — не галлюцинация, а реальность. И это — летающая тарелка, что, разумеется, хуже всего. Не корабль, не инопланетное судно. Не транспорт внеземных цивилизаций... Тарелка! Военно-воздушные силы, здравомыслящие ученые, ведущие психологи — все дружно отрицают их существование. Ни один уважающий себя автор не введет в свой научно-фантастический роман героев, летающих столь старомодным способом, а если рискнет — ни один уважающий себя редактор не прикоснется к рукописи даже десятифутовым багром. Тарелки изжили себя как жанр еще во времена Эдгара Р. Берроуза и Отиса Эделберта Клайна. Более допотопной темы и не придумаешь. Их существование допускали разве что психи, какие-нибудь сектанты и, конечно, представители желтой прессы, еженедельно пестрящей заголовками вроде: «ШЕСТИЛЕТКА БЕРЕМЕННА ОТ ПРИШЕЛЬЦА С ТАРЕЛКИ. БЕЗУТЕШНАЯ МАТЬ ДАЕТ

ИНТЕРВЬЮ». Казалось, по какой-то необъяснимой причине все эти истории случались либо в Бразилии, либо в Нью-Хэмпшире. Однако вот она, перед глазами — лежала здесь все это время, столетия проносились над ней как минуты. Внезапно на ум пришла строчка из «Книги Бытия», и по спине пробежал холодок, точно от сильного сквозняка: «В то время были на земле исполины...»

Гард посмотрел на Бобби умоляющим взглядом и прошептал:

— Она настоящая?

— Настоящая. Ты потрогай.

Андерсон бесцеремонно стукнула кулаком по корпусу, и тот глухо загудел, словно был изготовлен из красного дерева. Гарденер потянулся... но тут же отдернул руку.

По лицу Бобби пробежала тень досады.

— Гард, я уже говорила: она не кусается.

— И не сделает со мной ничего против моей воли.

— Ну конечно же.

Джим задумался, насколько это было возможно в его смятном состоянии: когда-то ему то же самое говорили про алкоголь. И Гард мог припомнить массу знакомых — в основном товарищей по колледжу в семидесятые годы, — которые утверждали примерно то же самое про наркотики разного сорта, а кончили большей частью в клиниках или на анонимных собраниях, куда их завели серьезнейшие жизненные проблемы.

«Скажи мне, Бобби, это был твой личный выбор — работать до полного изнеможения? Ты хотела так исхудать, чтоб остались кожа да кости? Ты управляешь собой или доверила руль кому-то чужому? Вот что мне очень хотелось бы знать. Почему ты мне лжешь насчет Питера? И почему я не слышу в лесу птичьего пения?»

— Давай же, — терпеливо проговорила Андерсон. — Нас ждет долгий разговор и несколько серьезных решений; не хочу, чтобы потом ты бросил дело на полпути, внушив себе, будто все это — пьяная галлюцинация.

— А вот это грубо.

— Как и многое из того, что людям по-настоящему нужно сказать друг другу. Ты ведь уже напивался до белой горячки, мы оба в курсе, верно?

«Да, но прежняя Бобби никогда бы не заговорила об этом. По крайней мере, не в таком тоне».

— Потрогай — поверишь. Это все, о чем я прошу.

— Похоже, для тебя это действительно важно? — Андерсон беспокойно переминалась с ноги на ногу. — Ну, хорошо, — согласился Гарденер. — Хорошо, Бобби.

И, потянувшись, ухватился за край корабля — точно так же, как Андерсон в тот, самый первый день. На лице Бобби отразилось явное, слишком явное предвкушение. Такое бывает у человека, ожидающего взрыва петарды.

Дальше все происходило почти одновременно.

Вначале по ладони пробежала вибрация — Джим словно коснулся столба с высоковольтными проводами. Все тело резко передернулось. Миг — и это ощущение бесследно исчезло. Тут в голове снова грянула музыка, столь оглушительная, что даже последняя вспышка в сравнении с ней показалась шепотом в сравнении с воглем; Гарденер словно попал внутрь усилителя, транслирующего звук не наружу, а в себя.

Днем я не живу, пойми меня буквально,
С девяти утра я тупо жду пяти,
Чтобы снова стать веселым и нормальным
И домой, к милашке, наконец, пой...*

Он раскрыл рот в беззвучном крике, но музыка резко оборвалась. Гарденер узнал песню — хит тех времен, когда он был младшим школьником. Позже он напоет отрывок, сверяясь с часами. Если стремительная вибрация длилась одну-две секунды, то взрыв оглушительной музыки — около двадцати; затем пошла кровь из носа. К слову: грохот терзал не уши, как вы могли бы подумать, а саму голову. Музыка проникала в мозг не через барабанные перепонки, но через треклятую стальную пластину.

Андерсон пошатнулась и всплеснула руками, словно запоздало желая упредить Джима об опасности. Предвкушение сменилось изумлением, испугом, потрясением, болью.

И в конце концов у Гарда прошла мигрень. То есть не просто прошла, а исчезла — окончательно и бесповоротно.

Зато из носа уже не текло, но было, как из фонтана.

* Нил Даймонд. Благодарю господа за вечер.

3

— На, возьми. Боже! Гард, ты как?

— До свадьбы заживет, — ответил тот приглушенно, через ее носовой платок, скомканный и сильно прижатый к носу. Во рту стоял привкус липкой крови. — Бывало и хуже.

«Бывало, да... Но недолго».

Джим сидел, запрокинув голову, шагах в десяти от просеки, на поваленном дереве. Бобби смотрела на него с тревогой.

— Господи! Гард, я не знала, что так получится. Ты же мне веришь?

Тот кивнул. Он, конечно, не представлял себе, чего именно она ожидала... Но явно не этого.

— Ты слышала музыку?

— Не то чтобы напрямую... Скорее как эхо из твоей головы. Моя — чуть не лопнула.

— Правда?

— Ага. — Бобби невесело рассмеялась. — Обычно, попадая в толпу, я отключаю лишние голоса...

— А это возможно?

Гард убрал платок — тот вымок насеквоздь, хоть отжимай. Но все-таки кровотечение мало-помалу слабело... и слава богу. Бросив платок на землю, Джим принялся отрывать полу рубашки.

— Могу. Только... не совсем, — продолжала Бобби. — Чужие мысли не отключаются до конца, но я заставляю их звучать слабым шепотом, где-то на заднем плане.

— Это невероятно.

— А как же иначе? — Андерсон помрачнела. — Не выучишь я этому трюку — торчала бы безвылазно дома. Помню, в Огасте, в субботу, решила приоткрыть свое сознание на улице, посмотреть, что из этого выйдет.

— Ну и как, посмотрела?

— Да. В голове словно смерч пронесся. Самое жуткое — эта дверь потом очень тяжело закрывается.

— А она... ну, этот барьер... как ты вообще его ставишь?

Роберта покачала головой:

— Трудно объяснить. Это как шевелить ушами — умеешь, и все тут. Или не умеешь.

Она прочистила горло и уставилась на свои ботинки, грязные и потрепанные, словно в них недели две пахали, почти не

снимая. Бобби слабо улыбнулась одновременно застенчиво и забавно — и вдруг стала собой прежней. Той, что не отвернулась от Гарда, когда от него отказались все. Впервые Джим увидел ее именно такой, когда она была студенткой первого курса. Сам он был новоиспеченным преподавателем и безуспешно бился над диссертацией, которую, как уже тогда подозревал, никогда не закончит. Раздраженным с похмелья голосом он осведомился, что такое дательный падеж; никто из желтогорых первокурсников не ответил, и Гард уже приготовился устроить им хороший разнос, как вдруг Роберта Андерсон (третье место в пятом ряду) подняла руку и выпалила ответ. Робкий, но абсолютно верный. Гарденер не удивился, узнав, что в средней школе она одна из всей группы взялась изучать латынь. Сейчас на ее лице появилась та же улыбка, и Гарда захлестнула щемящая нежность. Черт, нелегко ей пришлось в последнее время... Но это все еще она, та самая Бобби, можно даже не сомневаться.

— Я почти всегда отгораживаюсь барьером, — произнесла она. — Иначе получается, будто подсматриваешь в чужие окна. Помнишь, я говорила, что у почтальона кто-то появился на стороне? — Гарденер кивнул. — Мне вовсе не хочется этого знать. Или что какой-нибудь прохожий на улице страдает от клептомании, а другой потихоньку от всех выпивает... Как твой нос?

— Уже не течет. — Джим бросил окровавленный обрывок рубашки к носовому платку. — Значит, ты постоянно держишь блок?

— Да. Держу, и причин для этого более чем достаточно — моральных, этических, не говоря уже о том, что меня страшно напрягает постоянный шум в голове. С тобой можно не закрываться: к тебе в мысли не влезть при всем желании. Я пыталась несколько раз и пойму, если ты сейчас разозлишься, но тут уже мной двигало чистое любопытство, потому что других таких... э-э-э... непробиваемых... просто нет.

— Что, совсем никого?

— Совсем. Должна быть причина. Что-то вроде редкой группы крови. Может, в этом все дело?

— Извини, у меня первая.

Бобби хохотнула и поднялась.

— Идем обратно? Готов?

«Виновата пластина в моей голове, — чуть не сорвалось у него с языка. Но потом, сам не ведая почему, Джим решил смолчать. — Это она не дает подслушивать мои мысли. Не знаю почему, но так оно и есть».

— Да, все хорошо, — сказал он. — Мне бы сейчас...
(набраться)

... выпить чашку кофе для полного счастья.

— Идем. Я тебе налью.

4

Бобби воспринимала Гарда с искренней теплотой и нежностью, которые испытывала к нему в худшие годы; в то же время она (строго говоря, уже не совсем *она*) холодно, очень внимательно наблюдала за ним со стороны. Оценивала. Задавалась вопросами. Действительно ли она

(они)
хочет, чтобы Гарденер вообще тут остался? Она

(они)
раньше думала, что с его приездом решится множество проблем: Гард присоединится к раскопкам, и Бобби уже не придется работать в одиночку... по крайней мере, на первой стадии... В одном он прав: попытки обойтись без чужой помощи едва не свели Роберту в могилу. Однако и ожидаемой перемены в нем почему-то не произошло. Только это дурацкое кровотечение из носа.

Если так дальше пойдет, Гарденер ни за что больше не прикоснется к этой штуковине. И тем более не решится взойти на борт.

А может, это неизбежно? В конце концов, Питер тоже не прикасался, даже близко не подходил, но его катаракта... и возраст, неожиданно повернувший вспять...

Но здесь-то другое дело. Гард — человек, а не старый пес. Посмотри правде в глаза, Бобби: он совершенно не изменился.

Сразу — да.

А не виновата ли тут стальная пластина в черепе?

Возможно... Хотя с какой стати подобная мелочь должна на что-то влиять?

Бобби не знала ответа на этот вопрос, но почти не сомневалась в своей догадке.

Она была уверена, что не склонила хотя бы в одном: прилетевшие на тарелке действительно умерли... а вот само судно — нет. Космический корабль излучал сквозь металлическую (кожу)

обшивку невероятную, в своем роде живую энергию. И зона его воздействия наверняка расширялась с каждым дюймом освобожденной из-под земли поверхности. Эта энергия вступила с Гардом в контакт, а потом... что же случилось потом?

Неизвестно как преобразовалась во что-то другое и покинула его, напоследок взорвавшись короткой, невероятно мощной вспышкой — обрывком радиопередачи.

Так что же делать?

Бобби не знала, однако не волновалась об этом.

Ей просто скажут.

Когда придет время.

А пока с Гарда лучше глаз не спускать. Если бы только прощать его мысли! Проклятье, насколько все стало бы проще!

Внутренний голос холодно проронил: «А ты напои его. И все сразу прочитаешь. Как в книге».

5

Обратный путь они проделали на «Томкэте», который вовсе и не летал, а привычно ехал себе по дороге; вот только теперь вместо обычного грохота и выстрелов мотора его движение сопровождала полная, пугающая своей стерильностью тишина.

Когда лес уже был позади, Бобби обогнула сад и оставила трактор на том же месте, где он стоял утром.

Гарденер покосился на небо, которое вновь начинали затягивать тучи.

— Может, лучше загнать под крышу?

— Ничего страшного, — лаконично бросила Бобби, нашупывая ключи в кармане, и зашагала к дому.

Джим машинально посмотрел на сарай и пошел вслед за ней, но потом обернулся. На двери висел тяжелый крепкий замок. Вот новость! Бобби, что ты там прячешь? Машину времени, работающую на пальчиковых батарейках? Или что еще туда загнала наша новая и улучшенная версия Роберты Андерсон?

6

Едва зайдя в дом, Бобби тщательно осмотрела холодильник и вытащила оттуда пару жестянок пива.

— Ты серьезно говорил насчет кофе или имел в виду вот это?

— Как насчет кока-колы? — поинтересовался Гарденер. — Летающие тарелки прекрасно идут под колу. Это мой новый девиз, — закончил он с нервным смехом.

— А, конечно. — Бобби убрала банки в холодильник, достала колу и вдруг замерла. — Я ведь это сделала, да?

— Ммм?

— Я отвела тебя в лес и показала его... Корабль. Правильно?

«Господи, — пронеслось в голове у Джима. — Боже мой!»

Застывшая с банками в руках подруга теперь напоминала старуху с болезнью Альцгеймера.

— Да, — отозвался Гарденер, холода. — Показала.

— Это хорошо, — облегченно вздохнула она. — Я так и думала.

— Бобби? Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответила она и добавила самым беспечным тоном: — Просто я мало что помню с тех пор, как мы покинули дом, и до этой минуты. Но ведь это неважно, правда? Вот твоя кола, Гард. Давай с тобой выпьем за внеземную жизнь, что скажешь?

7

И они выпили за иные миры, а потом Андерсон спросила, что им делать с космическим кораблем, на который она наткнулась в лесу за собственным домом.

— *Нам?* По-моему, это *ты* собираешься что-то делать.

— Я уже делаю, Гард, — мягко возразила она.

— Это да, — ответил он с легким раздражением, — но речь-то о том, чем это все должно закончиться. Я, конечно, буду счастлив помочь советом — мы, поэты, пьяницы и забулдыги, вообще изумительные советчики, — но в конце концов решать тебе. Это твоя тарелка. Раз найдена на твоей земле — значит, ты хозяйка.

Андерсон разинула рот в изумлении.

— Думаешь, эта штука может кому-то принадлежать? Ты серьезно? С какой стати? Только потому, что дядя Фрэнк завещал мне клочок земли? Господи, Гард, когда предки человеческой расы, мать ее, еще сидели на корточках по пещерам, почесываясь и ковыряясь в носу, ей уже было пятьдесят миллионов лет!

— Думаю, ты совершенно права, — сухо проронил Гарденер, — но закон есть закон. Вот только не говори мне, что у тебя нет никаких собственнических чувств.

Андерсон задумалась с расстроенным видом.

— Собственнических? Нет, я бы так не сказала. Это скорее чувство ответственности.

— Ну, неважно. Но раз уж ты спросила мое мнение, вот оно. Звони на военно-воздушную базу в Лаймстоуне. Скажи тому, кто первым снимет трубку, что ты обнаружила на своем участке неопознанный объект, похожий на какую-то сверхсовременную летающую машину. Сразу они не поверят, но ты умеешь быть убедительной. И тогда...

Бобби Андерсон расхохоталась. Смеялась она долго и громко, причем совершенно искренне, без какой-либо злой подоплеки, однако Гарду все равно стало сильно не по себе. Вскоре по щекам подруги уже катились слезы. Мужчина напрягся.

— Прости, — сказала она, увидев выражение его лица. — Я просто не могу поверить... Такой совет — и именно от тебя? Это... все равно что... — Она опять подавилась смехом. — Я потрясена. Представь себе баптистского проповедника, который заявит с кафедры: дескать, выпивка — лучшее средство от похоти!

— Не понимаю, о чем ты.

— Прекрасно понимаешь. Словно не тебя задержали в Си-брюке с заряженным «кольтом» в рюкзаке; не ты считаешь, что наше правительство успокоится только тогда, когда мы все будем светиться в темноте, как часы с радием. И после этого — советовать мне вызвать сюда военно-воздушные силы, чтобы они навсегда забрали межзвездный корабль?

— Но земля же твоя...

— Чушь! Мой участок точно так же может быть отчужден принудительным образом в пользу правительства, как и любой другой. Главные магистрали только за счет этого и строятся.

— Ядерные реакторы — тоже.

Бобби успокоилась и посмотрела на Гарденера в наступившей тишине.

— Сам посуди, — мягко проговорила она. — Да через три дня после моего звонка у меня навсегда отберут и корабль, и землю. Через шесть — обнесут участок колючей проволокой и расставят на каждом шагу часовых. Шесть недель — и население Хейвена поредеет процентов на восемьдесят: кого подкупом выселят, кого вышлют насильно, остальные... просто сгинут без вести. Мы оба знаем, Гард: властям это под силу. И рука у них поднимется. Фактически ты призываешь меня подойти к телефону и вызвать полицию Далласа.

— Бобби...

— Да. Мы сейчас толкуем именно об этом. Я откопала корабль пришельцев, а ты предлагаешь отдать его полицейским. По-твоему, они явятся и начнут любезничать: «Пожалуйста, мисс Андерсон, не будете ли вы так любезны отправиться с нами в Вашингтон? А то комитет начальников штабов просто жаждет услышать ваше мнение по этому поводу, и не столько потому, что вы — владелица — хм, ладно, *бывшая* владелица — участка, где был обнаружен корабль; просто комитет начальников штабов привык первым делом интересоваться взглядами писательниц вестернов, решая такие вопросы. Кстати, президент США просил заскочить к нему в Белый дом — хочет лично узнать вашу точку зрения, а заодно поделиться своими восторгами насчет вашей книжки «Пуля на Рождество».

Андерсон запрокинула голову и вновь рассмеялась — теперь уже истерическим, нехорошим, леденящим кровь смехом. Но Гарденер, погруженный в собственные раздумья, не обратил на это внимания. В самом деле, он же не думает, что власти будут церемониться с Бобби? Зная, какая потенциально опасная сила здесь скрыта? Да никогда в жизни. Землю они отберут, а их обоих — заставят молчать... Или скорее запрут в каком-нибудь чудном местечке, помеси шикарного лечебного санатория и российского ГУЛАГа. Все включено, все задаром, вот только на волю выйти уже не надейся. А если и этого властям покажется недостаточно... Что ж, цветы для могилок дешевы. Зато новые хозяева корабля наконец будут спать по ночам спокойно.

В конце концов, это вам не исторический артефакт вроде редкой этрусской вазы или, скажем, пули Минье, найденной

на поле сражения, состоявшегося во времена Гражданской войны, понимаете? Женщина, откопавшая эту штуку, снабдила весь дом электричеством от простых батареек... мало того, Гард уже готов был повсирить, что и полеты усовершенствованного «Томкэта» — вопрос очень скорого времени.

«Кстати, что же все-таки является источником тока? Микроципы? Полупроводники? Нет. Бобби — вот главный секретный ингредиент. Новейшая и улучшенная версия Роберты Андерсон. Бобби. Ну, или всякий, кто подойдет достаточно близко. Как по-твоему, оставят источник подобной силы в руках обыкновенного штатского? Нет, серьезно?»

— Чем бы ни оказалась эта чертова штуковина, — пробормотал он себе под нос, — мозги она прочищает, как не знаю что. Тебя превратили в гения.

— Нет, в одаренную сумасшедшую, — тихо произнесла Андерсон.

— Прости?

— В одаренную сумасшедшую. В Пайнленде есть казенный приют для умственно отсталых, и там таких как минимум шестеро. Я видела их, когда участвовала в программе «Учись и работай». Один парень мог перемножить в уме шестизначные числа и выдать правильный ответ через пять секунд... а заодно обмочиться. Или двенадцатилетний гидроцефал с головой размером с ярмарочную тыкву-призера. Он безупречно печатал со скоростью сто шестьдесят слов в минуту. Говорить не умел, читать не умел, даже думать — и то не умел, но печатал как ураган.

Бобби вытащила очередную сигарету из пачки. Лицо у нее словно еще больше осунулось, а глаза так и сверлили Гарденера.

— Вот во что я превратилась. Одаренная идиотка. Если я это знаю, они тем более догадаются. Улучшенная пишущая машинка и нагреватель — оно, конечно, само по себе замечательно, но я почти не помню, как это делала. Когда работаю, задача кажется ясной как белый день, а позже... — Она умоляюще посмотрела на собеседника. — Ты понимаешь? — Гард кивнул. — Все исходит от корабля, точно волны от радиобашни. Но принимать сигналы и транслировать их в мир, как это делает приемник, — не то же самое, что обладать даром речи. Правительство будет только радо схватить меня, запереть где-нибудь и разрезать на маленькие кусочки в поисках физических

изменений... Ну, после того как несчастный случай даст им возможность сделать аутопсию.

— Ты уверена, что не прочла сейчас мои мысли, Бобби?

— Конечно. Просто... Они решат, что в таком серьезном деле можно и пожертвовать жизнями нескольких граждан, согласен? — Гарденер молча кивнула. — Если я приму твой совет — все так и случится, — продолжала Бобби. — Сначала звоним в полицию. Потом попадаем в застенок. В конце концов нас убивают.

Джим с тревогой смотрел на подругу.

— Ладно. Сдаюсь. Но какой у нас выбор? Делать-то что-то надо. Господи, эта штука тоже тебя убивает.

— Что?

— Усохнуть на тридцать фунтов — неплохое начало, а?

— Трид... — Андерсон испуганно встрепенулась. — Нет, Гард, не может быть. От силы пятнадцать, но ведь я и так собиралась избавиться от «ушек» на бедрах, поэтому...

— Иди-ка взвесься, — перебил ее Гарденер. — Хотя бы даже не разуваясь. Если стрелка чудом перевалит за отметку в девяносто пять фунтов, я лично съем твои весы. Еще немного — и ты всерьез заболеешь. В таком состоянии можно запросто заработать сердечную аритмию и за два дня отбросить коньки.

— Но я сама хотела чуть-чуть похудеть. И к тому же была слишком...

— Слишком занята, чтобы принимать пищу, ты это хотела сказать?

— Ну, не совсем такими слова...

— Вчера вечером, когда мы встретились, ты была похожа на жертву батаанского марша смерти. Разве что вспомнила, кто я такой, — и на том спасибо. Ты до сих пор тормозишь. Отвезла меня в лес, показала свою замечательную находку, а через пять минут уже спрашивала, были мы там или нет.

Бобби не отводила взгляда от стола, но на ее лице застыло недовольное и упрямое выражение.

Джим нежно приконсулся к ее руке.

— Я только хочу сказать, как бы ни была восхитительна эта штука в лесу, она изменяет твоё тело и разум, и далеко не в лучшую сторону.

Бобби резко отпрянула.

— То есть я сумасшедшая?

— Бога ради, нет, я не это имел в виду! Но можешь сойти с ума, если и дальше не будешь себя беречь. У тебя уже начались помутнения, ты же не станешь этого отрицать?

— Я будто на допросе.

— Не очень-то вежливая фраза для человека, пятнадцать минут назад спросившего мое мнение.

Они обменялись сердитыми взглядами через стол.

Андерсон заговорила первой:

— Слово «помутнение» здесь не подходит. Не пытайся сравнивать то, что творится с тобой после обильных возлияний, и то, что сейчас происходит со мной. Это слишком разные вещи.

— Я не собираюсь тут обсуждать вопросы семантики, Бобби, не уводи разговор в сторону. Твоя находка таит в себе опасность. Мне сейчас только это важно.

Андерсон подняла взгляд. Лицо ее было совершенно не-проницаемо.

— Ты так думаешь...

Слова прозвучали ни вопросительно, ни утвердительно... Вообще никак. Без малейшего выражения.

— Если бы ты была просто приемником для сигналов, — вздохнул Джим. — Но на деле тобой управляют.

— Управляют. — И снова этот отсутствующий взгляд.

Гарденер потер лоб.

— Да. Как злой дурак пришпоривает лошадь, пока та не свалится замертво. А потом еще долго хлещет ее кнутом за то, что посмела издохнуть. Таким седокам нельзя доверять лошадей, а этой силе из корабля... нельзя доверять Бобби Андерсон. Не появись я вовремя...

— Ну? Не появись ты вовремя — что бы со мной такого стряслось?

— Думаю, ты бы до сих пор копала без передышек на сон и еду... а к выходным была бы уже мертва.

— Это вряд ли, — сухо ответила Бобби. — Но допустим, чисто теоретически, что ты прав. Сейчас-то со мной все в порядке.

— Это ложь, ничего с тобой не в порядке.

На ее лице появилось знакомое выражение молодой ослицы: дескать, Гард несет полную чепуху, которую можно и мимо ушей пропустить.

— Послушай, — взмолился он. — По крайней мере, в одном я с тобой согласен: это самое потрясающее, самое важное, самое фантастическое событие в истории человечества. Когда оно получит огласку, наша серьезная пресса наконец-то сравняется заголовками с желтой. Люди, чтоб их, сменят свои религии, понимаешь ты это?

— Да. Я...

— Тут тебе даже не бочка с порохом — целая атомная бомба! Это ты понимаешь?

— Да, — повторила Андерсон.

— Тогда чтоб я больше не видел на твоем лице этой обиженной мины. Хочешь поговорить — давай говорить, мать твою.

Бобби вздохнула:

— Угу. Хорошо. Извини.

— Согласен, насчет BBC я погорячился...

Они еще некоторое время беседовали, смеялись вместе, и это было уже хорошо.

В конце концов Гарденер, все еще улыбаясь, произнес:

— Но кое-что все-таки не помешает сделать.

Бобби приподняла бровь.

— Не понимаю?

— Ну как же, Бобби? Господи! Я каждый раз проваливал химию, да и на физике смотрел в книгу, а видел... Поэтому не знаю точного термина, но эту штуку надо как-то... обезвредить, что ли?

— Тут нужен специалист.

— Вот! — ухватился за нужное слово Гарденер. — Обратимся к специалистам!

— Гард, они все работают на правительство и полицию.

Джим раздраженно всплеснул руками.

— Ты приехал, и я уверена, что теперь все будет в порядке.

— Или наоборот. Скорее у меня тоже начнутся провалы в памяти.

Андерсон призадумалась.

— По-моему, игра стоит свеч.

— То есть ты уже все решила, да?

— Для себя — да. Я собираюсь, никому ничего не рассказывая, закончить раскопки. Вряд ли придется высвобождать весь корпус: полагаю, достаточно углубиться еще на сорок или пятьдесят футов, и я смогу (хотя лучше бы мы смогли) добраться до крышки люка. И если проникнем на борт...

Ее глаза теперь ярко блестели. Гарденер ощущал в груди ответный восторг. Все сомнения в мире не подавили бы этого радостного волнения.

— И если проникнем на борт?.. — повторил Джим.

— ...То разберемся, как управлять этой штукой. Я намерена поднять ее в воздух.

— Думаешь, у тебя получится?

— Я знаю, получится.

— Ну а потом?

— Потом? Трудно сказать. Будет то, что будет. — Бобби пожала плечами. Эта ложь удалась ей особенно хорошо... Но не укрылась от Гарденера.

— Тогда почему ты сказала, что мне тоже нужно принять решение?

— Ну да. Что касается внешнего мира, лично я предпочту и дальше молчать. Если у тебя другие планы — как я помешаю? Не стрелять же в тебя из дядиного дробовика? Да я бы и не смогла. Не то что герои моих романов. Это жизнь, а в ней, к сожалению, не существует простых ответов. Думаю, что в реальности я просто буду стоять и смотреть, как ты уходишь... Но знай, Гард, кому бы ты ни позвонил — профессорам университета в Ороно, биологам из лабораторий Дженнингса*, физикам в МИТ**, — на самом деле ты вызовешь полицию Далласа. Вскоре здесь будут машины, нагруженные колючей проволокой, и люди с пушками. — Она попыталась улыбнуться. — По крайней мере, в их «санаторий» мне не придется ехать одной.

— Почему?

— Потому что ты тоже завяз. Когда меня запихнут в вертолет, ты уже будешь там, на соседнем сиденье.

Гард широко улыбнулся, но только одними губами.

— Добро пожаловать в обезьянник, дружище. Надеюсь, ты рад, что попал сюда?

— Я просто счастлив, — ответил он, и неожиданно оба расхохотались.

* Лаборатории для проведения аналитических тестов в области химических и макробиологических исследований, расположенные в штате Виргиния.

** Массачусетский институт технологий.

...А когда отсмеялись, атмосфера на кухне заметно разрядилась.

— Как ты думаешь, — спросила Бобби, — что бы сделала полиция Далласа с кораблем, если бы добралась до него?

— Слышала когда-нибудь об Ангаре восемнадцать? — ответил вопросом на вопрос Гарденер.

— Нет.

— По слухам, он был частью военно-воздушной базы в Дейтоне. Или в Дирборне. Или еще где-то в США. Теперь там хранят тела пяти маленьких человечков с лицами как у рыб, а на шее у каждого — жабры. Короче, тела пришельцев. Может, это просто очередная байка, вроде истории про крысиную голову в гамбургере или про аллигаторов, плавающих в канализации под Нью-Йорком. Я вот впервые задумался, байка ли это... Но по-любому концовка была бы такой же.

— А хочешь, Гард, я тоже тебе расскажу одну современную сказочку?

— Валяй.

— Ты когда-нибудь слышал об изобретателе таблетки, которую можно использовать вместо бензина?

Солнце заходило, окрашивая небо ярко-алыми, желтыми и пурпурными всполохами. Гарденер сидел на большом пне в саду и смотрел на закат. Они с Бобби проговорили весь день — то рассуждая, как разумные люди, то пускаясь в горячие споры. Наконец Андерсон прервала эту милую болтовню, заявив, что снова зверски проголодалась. Она сварила себе огромную кастрюлю спагетти и нажарила толстых свиных отбивных. Гарденер поплелся за Бобби в кухню, собираясь продолжить дискуссию: мысли так и перекатывались у него в голове, как бильярдные шары по столу; однако Андерсон не позволила. Вместо этого она поднесла Джиму выпить. Тот долго молчал и раздумывал, но согласился. Виски пошло хорошо, внутри разлилась приятная истома; на миг Гарду показалось, что в нем и не было нужды — особой нужды. Впрочем, теперь, разомлев

от еды и выпивки и любуясь закатом, он подумал, что Бобби права. Конструктивный диалог все равно подошел к концу. Настало время принять решение.

Но какой же огромный ужин она в себя затолкала!

— Бобби, тебя стошнит, — предупредил Джим на полном серьезе, однако не удержался и хохотнул.

— Не-а, — довольно сказала она. — Мне хорошо, как никогда в жизни. — И после громкой отрыжки прибавила: — В Португалии это — комплимент повару.

— А после бурной страсти они... — Гард задрал ногу и пустил газы.

Андерсон засмеялась смехом.

Потом они перекусили посуду («А для этого ты ничего еще не изобрела?» — «Изобрету, дай срок!») и отправились в тесную обшарпанную гостиную, где мало что изменилось со временем дяди Фрэнка, смотреть вечерние новости. Ничего хорошего там не показывали. На Среднем Востоке опять было неспокойно, израильские BBC наносили с воздуха удары по наземным силам сирийцев в Ливане (случайным взрывом задело школу; Гарденер поморщился при виде кричащих обгоревших детей), русские сражались с повстанцами в горах Афганистана, в Южной Америке грянул переворот...

А в Вашингтоне Комиссия по ядерной регламентации опубликовала список девяти десятков ядерных объектов, расположенных в тридцати семи разных штатах; оказалось, буквально везде имели место нарушения техники безопасности, «от умеренных до серьезных включительно».

«Отменная формулировка, — подумал Гарденер, чувствуя, как внутри просыпается до боли знакомая бессильная ярость, выжигающая сердце, словно кислота. — Ну да, если потеряем Топику — это умеренная проблема. А вот если Нью-Йорк — тогда серьезная».

Тут он поймал на себе немного сочувственный взгляд подруги.

— Все еще бередит душу, да? — спросила она.

— Да.

Как только закончились новости, Андерсон заявила, что собирается спать.

— В полвосьмого?

— Я еще толком не отдохнула.

Вид у нее действительно был уставший.

— Ладно. Меня самого скоро в сон потянет. Я тоже устал. Эти несколько суток были полным безумием. Хотя не уверен, что я засну: мысли в голове так и кружатся.

— Может, дать тебе валиум?

Гарденер улыбнулся:

— Запас еще цел, я заметил. Спасибо, как-нибудь обойдусь. Это тебе надо было его принимать последние две недели.

Власти штата Мэн согласились забыть об отозванном Норой иске при условии, что ее бывший муж запишется на лечение. Консультации продолжались шесть месяцев, а валиум ему выписали, можно сказать, пожизненно. Вообще-то Гарденер вот уже года три не принимал успокоительного, но время от времени, особенно перед поездками куда-либо, обновлял рецепт. Иначе по тревожному сигналу какого-нибудь компьютера психолог мог за казенный счет невзначай наведаться в гости, чтобы проверить, остается ли голова Джима в пригодном для общества состоянии.

Когда Бобби отправилась спать, Гард выключил телевизор и занял ее кресло-качалку с «Бизоньими солдатами» в руках. Немного погодя дом огласился звучным храпом. Джим даже заподозрил, что подруга нарочно устроила этот шум, чтобы он тут не заснул ненароком. Впрочем, нет: Бобби всегда была мастером храть (обычное дело, если у вас искривлена носовая перегородка), а Гарденера это раздражало... Только не теперь, когда он узнал, что бывают вещи намного хуже. К примеру, мертвая тишина и полная неподвижность всю ночь напролет. Это гораздо страшнее.

Гард заглянул к ней в комнату. На сей раз Бобби Андерсон спала в куда более привычной позе: от пижамы — одни штаны, маленькие груди оголены, одеяло скомкано между ногами, одна ладонь под щекой, вторая — на лице, разве что большой палец не во рту. Сразу видно: все в порядке.

И Джим вышел на свежий воздух обмозговать свое решение.

В этом саду все росло будто на дрожжах. Вплоть до самой Аркадии-Бич Гард не видел колосьев выше, чем здесь; помидоры претендовали на звание рекордсменов, а гигантские подсолнухи, кивающие от каждого дуновения ветерка, напоминали зловещих трифидов.

Когда Бобби спросила, слышал ли он о парне, придумавшем таблетку — заменитель бензина, Гарденер с улыбкой кивнул. Очередная сказка двадцатого века, ничего особенного. Андерсон уточнила, а верит ли он в эту байку. Все еще улыбаясь, Джим уверенно сказал — нет. Бобби напомнила про Ангар-18.

— Только не говори, будто ты сама в это веришь. Или верила? Бросаешь пилюлю в бензобак — и катайся с утра до ночи?

— Нет, — тихо ответила она. — Существование подобной таблетки противоречило бы всему, что я до сих пор читала. — Бобби сильно подалась вперед. — Но я скажу тебе, Гард, во что я верю: если однажды ее все-таки изобретут, мы не увидим это чудо на рынке, в массовом доступе. Какой-нибудь крупный картель, а то и само правительство, ее непременно выкупит... или украдет для себя.

— Ну да, — кивнул Гарденер.

Он и сам не раз думал об извращенной иронии, присущей всякому статус-кво: открыть границы США значило бы оставить без работы уйму таможенников, решить проблему наркотиков — разорить Управление по борьбе с ними. С тем же успехом можно палить из винтовки в лунного человечка.

Джим расхохотался.

Бобби удивленно посмотрела на него, но тоже слегка улыбнулась:

— Что? Скажи!

— Я просто подумал: изобретателя, придумавшего такую таблетку, полиция Далласа первым делом расстреляла бы, а труп запихнула в Ангар восемнадцать, к тем зеленым парням.

— И всю семью в придачу, — поддакнула Бобби.

Гард оборвал смех. Теперь его шутка уже не казалась такой замечательной.

— Теперь посмотри на все, что я здесь натворила, — продолжила Андерсон. — А ведь мастер из меня никакой, учений — тем паче. Сила, вселившаяся в меня, с грехом пополам собирала эти поделки. Их можно принять за плод трудов неумелого ребенка, вдохновившегося картинкой в журнале для юных скаутов...

— Но все работает, — возразил Джим.

С этим Бобби не стала спорить. Конечно, работает. Она даже смутно представляла себе как — по принципу «слияния коллап-

сирующих молекул». Все абсолютно чисто и безопасно, в отличие от той же атомной энергии. Питание телепатической машинки, к примеру, осуществлялось как раз за счет слияния коллапсирующих молекул, но базовый принцип действия основывался на чем-то другом, чего Бобби не понимала. Внутри находился силовой модуль, когда-то бывший обычновенным радар-детектором, а потом... что с ним стало «потом», она уже не могла сказать.

— Позови сюда ученую шайку из Управления национальной безопасности или ЦРУ, и они часов через шесть приберут все к рукам, — рассуждала Андерсон. — Сначала будут расхаживать здесь с оплеванным видом и спрашивать друг у друга, как они ухитрились все эти годы не замечать столь очевидную концепцию. А что случится дальше — догадываешься?

Гарденер погрузился в раздумья, опустив голову и одной рукой подпирая лоб, а другой сжимая предложенную подругой банку с пивом. Внезапно он опять оказался на той кошмарной вечеринке, перед Тэдом Ядерной Шишкой, защищающим «Ирокез», где прямо в эту минуту загружали урановые стержни, со словами: «Дайте им то, чего они требуют», — и завтра поднимется крик: «Почему не работают наши фены?», «Почему отключился блендер? Как же я приготовлю мой макробиотический завтрак?..».

Гард увидел со стороны, что подводит Тэда Ядерную Шишку к буфету, — увидел так, как если бы все случилось на самом деле... Нет, как если бы это происходило *прямо сейчас*.

На столе между чипсами и миской нарубленных сырых овощей стоял один из «приборчиков» Бобби. Батарейки соединялись с монтажной платой, а та, в свою очередь, с банальным настенным переключателем, какие продаются в любом бытовом магазине по доллару с чем-то штук. Гард увидел, как щелкает кнопкой; неожиданно все на столе: чипсы, сырые овощи, вращающийся поднос с отделениями для пяти разных соусов, остатки холодных нарезок, обглоданный скелет курицы, напитки, пепельницы — все это взмыло в воздух на шесть дюймов и так зависло, отбросив декоративные тени на белоснежный лен скатерти. В глазах Ядерной Шишки мелькнула еле заметная досада, а потом он смахнул прибор со стола. Провода порвались. Батарейки раскатились по полу в разные стороны. Все с грохотом рухнуло обратно на стол: стаканы расплескали напитки, пепельницы перевернулись, рассыпав окурки. Тэд сорвал с себя

пиджак и прикрыл им остатки прибора подобно тому, как неудачливый водитель прикрыл бы сбитое им на дороге животное, после чего повернулся к слушателям и продолжал свою гладкую речь: «Эти люди почему-то уверены, будто смогут всю жизнь прожить на готовеньком. Они надеются, что всегда найдется какой-нибудь запасной вариант. Но они ошибаются. Другого пути не существует. Все просто: или АЭС, или человечество вернется в пещеры». Гарденер услышал, как вспыхнувшим от ярости (и для разнообразия абсолютно трезвым) голосом: «А как насчет штуки, которую ты только что сломал? Как насчет нее?» Тэд наклонился и ловким движением мага, взмахнувшего плащом на глазах изумленной публики, подхватил свой пиджак. На полу было пусто, если не считать раскрошенных чипсов. Прибор бесследно исчез. «Ты про какую штуку?» — Ядерная Шишка посмотрел Гарденеру в глаза с выражением сочувствия и допускаемого приличиями презрения. А затем повернулся к слушателям. — Кто-нибудь что-нибудь видел? — «Нет, — дружно протянули они, словно дети на утреннике — Арберг, Патрисия Маккардл и прочие; даже юный бармен и Рон Каммингс присоединились к общему хору. — Нет, мы ничего не видим и ничего не видели, Тэд, ничегошеньки, вы совершенно правы, Тэд: или АЭС, или пещерная жизнь». Ядерная Шишка улыбнулся. «Он еще вам расскажет допотопную байку про пилольку, которую можно бросить в бензобак и спокойно кататься с утра до ночи!» — расхохотался он, и прочие тут же присоединились. И смеялись они — над Гардом.

Джим поднял голову и в отчаянии посмотрел на Бобби.

— Думаешь, они все это... засекретят?

— А как по-твоему? — Не дождавшись ответа, она мягко окликнула: — Гард?

— Да, — произнес он после долгого молчания, поборов подступившие слезы. — Конечно же. Чего еще от них ждать?

И вот он сидит на пне посреди заднего двора Бобби, даже не подозревая, что ему в затылок направлен заряженный дробовик.

Мысли Джима занимал привидевшийся сценарий той вечеринки — пугающий и очевидный до такой степени, что даже

не сразу пришел ему на ум. На карту поставлено нечто большее, нежели благополучие Бобби или всего Хейвена. Независимо от того, как зарытый корабль действует на Андерсон, а то и на всех в округе, решать его судьбу следует с точки зрения благополучия человечества в целом. Гарденер был участником дюжины комитетов, боровшихся за самые разные цели — от реальных до совершенно безумных. Он участвовал в маршах протеста; тратил больше, чем мог себе позволить, на газетные объявления во время двух неудачных кампаний за закрытие атомной станции «Мэн янки»; еще студентом выступал против введения американских войск во Вьетнам; являлся членом «Гринпис»... Джим обнаружил с полдюжины бесполезных способов улучшить этот мир — и в каждом случае его усилия, пусть даже порожденные личной волей, имели смысл только в сочетании с усилиями многих людей, а в этот раз...

«Теперь все решать тебе, старина. Тебе одному». Он вздохнул — почти даже всхлипнул. «Сыграй нам фанк перемен, белый парень...»* Ага, только спроси себя для начала: кому это нужно? Голодным, бездомным и неимущим, правильно? Африканцам, чьи дети пухнут с голода и смотрят на мир пустыми глазами мертвцев. Чернокожим в ЮАР: Организации освобождения Палестины. А вот, например, Тэд Ядерная Шишака — нуждается ли он хоть в каких-нибудь переменах? Даже не зайдется! Ни он, ни советское Политбюро, ни кнессет**, ни президент США, ни «Семь сестер»***, ни корпорация «Ксерокс», ни Барри Манилуо**** не скажут тебе спасибо.

Только не эти большие парни, хозяева подлинной власти, хранители золотого статус-кво. Их девиз: «Не суй мне свой фанк под нос»*****.

* Переиначенная строка из песни «Сыграй нам фанк, белый парень», прославившей американскую фанк-рок-группу семидесятых годов «Wild Cherry».

** Законодательный орган власти Израиля, его парламент.

*** Прозвище семи крупнейших нефтяных компаний мира: «Эксон», «Ройал Датч-Шелл», «Тексако», «Шеврон», «Мобил», «Галф ойл» и «Бритиш петролеум». Ныне практически все эти компании слились, образовав несколько конгломератов.

**** Американский эстрадный певец, выпустивший за свою карьеру более 75 млн дисков по всему миру.

***** Название песни американской фанк- и ритм-н-блюз группы «The Brothers Johnson».

Было время, когда он не раздумывал бы над решением ни минуты. Но это время давно ушло. Тогда Бобби не понадобилось бы столько доводов; Гарденер сам хлестал бы коня, пока сердце не лопнет... да что там — впрягся бы вместе с ним. В кои-то веки обнаружился источник чистой энергии, чуть ли не дармовой — учитывая, как просто она добывается и в каких невероятных количествах. Через каких-нибудь полгода все атомные станции в США можно будет заморозить. Через год — вообще все реакторы в мире. Дешевая энергия. Дешевый транспорт. Возможность путешествий на другие планеты, а то и к иным звездным системам: почему нет, ведь прилетел же сюда откуда-то этот чертов корабль. Не какой-нибудь там самолетик «Леденец»*, а... Маэстро, барабанную дробь, пожалуйста... **ОТВЕТ НА ВСЕ ВОПРОСЫ.**

«А как по-твоему, на борту есть оружие?»

Джим собирался уточнить у Бобби, но почему-то в последний момент передумал. Оружие? Все может быть. Если подруге хватило сил для того, чтобы сконструировать телепатическую пишущую машинку, что ей стоит создать космическую пушку, как у Флэша Гордона**, только настоящую? Или дезинтегратор? Притягивающий луч? Что угодно, способное не просто делать «Брррумммм!» и «Вака-вака-вака!», но и превращать человека в кучку дымящегося пепла. Почему бы нет? Или так: разве трудно будет гипотетическим «специалистам» переделать какой-нибудь водонагреватель, а может, мотор «Томкэта», чтобы тот причинял людям ощутимый вред? Не вопрос. В конце концов, когда о тостерах, фенах и плинтусных радиаторах еще никто не слышал, в штате Нью-Йорк уже пользовались электричеством, поджаривая убийц в тюрьме Синг-Синг.

Больше всего Гарденера пугало то, что ему отчасти нравилась идея с оружием. Частично, как он подозревал, из шкурного интереса. Если выйдет приказ набросить на «это безобразие» пиджак, их с Бобби непременно тоже накроет. Но ведь остаются еще и другие возможности. Безумие, но почему бы не помечтать о том, как они двое пнут каждую задницу, которая этого

* Название популярной песни, которую исполняет юная Ширли Темпл в фильме «Сияющие глазки» (1934).

** Вымышленный персонаж, герой комиксов, телесериалов, мультфильмов, фильмов.

заслужила? Переправят в Фантомную Зону* красавчиков вроде Аятоллы... Джим чуть не захихикал от удовольствия. К чему ждать, пока израильтяне с арабами наконец разберутся между собой? Или террористы всех сортов... Чao, ребята! Когда-нибудь мы за вами вернемся, ждите!

«Восхитительно, Гард! Отличная идея! Это надо пустить по всем каналам ТВ! Вы затмите «Полицию Майами»! Кому нужны бесстрашные борцы с наркодилерами, когда есть Гард и Бобби, облетающие дозором планету на космической тарелке! Срочно, кто-нибудь, подайте мне телефон! Пора звонить на Си-би-эс!»

«Не смешно», — подумал Джим.

«А кто тут смеется? Разве речь идет не об этом? Если вы с Бобби собирались поиграть в Одинокого Рейнджера и Тонто**, что здесь особенного? Кстати, долго ли ждать, пока тебя окончательно захватит эта затея? Сколько потребуется бомб, пронесенных в чемоданчике на борт самолета? Сколько женщин, расстрелянных в туалете посольства? Сколько мертвых детей? Долго ли ты сможешь оставаться простым наблюдателем?»

Возрадуйся, старина. А ну-ка, земляне, все вместе, хором, вслед за Гардом и Бобби, под гитару: «О друг мой, ответ не так и далек: нам ве-е-е-тер его принесе-е-е-е-ет...»***

«Хватит, противно слушать».

«А тебя скоро будет *страшно* слушать. Помнишь свой ужас, когда патрульные обнаружили тот «кольт» в рюкзаке? А ты ведь даже забыл, как засунул его туда. И вот — все сначала. Только на этот раз калибр будет чуть покрупнее. Господи, неужели ты снова?..»

Будь Гарденер помоложе, такие вопросы ему даже не пришли бы в голову. В крайнем случае он легко сумел бы от них отмахнуться. Бобби сумела же. Недаром это она заговорила о «принце».

«При чем тут принц на коне?»

«А, это я о нас, Гард. Но, наверное... наверное, в основном о тебе».

«Когда мне было двадцать пять, Бобби, я весь горел, готовый бороться за правое дело. К тридцати жар немного угас.

* Термин из комикса про Супермена.

** Герой телесериала пятидесятых о блестителе закона Джоне Рейде, который с помощью индейца Тонто превратился в легендарного мстителя в маске, стоящего на защите справедливости.

*** Струочка из песни Боба Дилана «Blowin' in the Wind».

А теперь, кажется, кислорода внутри уже сильно недостает. Потому что заставить меня гореть способно только спиртное. Мне страшно забираться в седло, Бобби. Опыт научил меня одному: лошадь может понести».

Он поерзал на пне, и дуло дробовика переместилось следом. Андерсон сидела в кухне на стуле, опершись на подоконник и чутко поворачивая ствол в ответ на каждое движение Гарденера.

Его мысли долетали путаными обрывками. Бобби это по-настоящему злило, бесило. Впрочем, она понимала: решение скоро будет принято... И уж это Андерсон сразу поймет.

Будет оно неправильным — значит, Бобби выстрелит Гарду в затылок, а тело зароет в мягкой земле на задворках сада. Не хочется, но придется.

Андерсон хладнокровно ждала рокового момента, настроившись на сле уловимую волну мыслей Гарденера, с трудом поддерживая ненадежную связь.

Ждать оставалось недолго.

«Знаешь, чего ты на самом деле боишься? Решить хоть что-то с позиции силы — впервые за всю свою бессмысленную, никчемную жизнь».

Он резко выпрямился с испуганным лицом. «Не может быть, это же неправда?»

«Еще какая правда, Гард. Ты даже болеешь всегда за ту бейсбольную команду, которая стопроцентно обречена плестьись в хвосте. Просто чтобы потом не пришлось расстраиваться, если вдруг любимцы продуют ежегодный чемпионат США. Та же история с кандидатами, которых ты поддерживаешь. Ведь если политика никогда не выберут, он не даст тебе шанса убедиться, что новая метла мало чем отличалась от старой. Так, согласись?»

«Я не боюсь... Не этого».

«Черта с два. Принц на коне? Ты? Не смеши, приятель. Да ты заработаешь инфаркт, забравшись в седло трехколесного велосипеда. Вся твоя личная жизнь состояла из вечных попыток уничтожить любой источник подпитки. Взять хотя бы брак. Нора оказалась крепким орешком, и в конце концов ты избавился от нее метким выстрелом в щеку. Потом уволился с преподавательской работы — прощай еще одна энергетическая база. Годами заливал алкоголем небесную искру таланта

в себе. Надо сказать, ты мастер сматывать удочки при первой возможности. И вот теперь — это. Лучше беги отсюда, Гард».

«Но это нечестно! Бога ради!»

«Ой ли? Посмотри уже правде в глаза и сделай выводы».

Да, пора, наверное. В любом случае Джим почувствовал, что решение уже принято. Он останется с Бобби, хотя бы на время, и поддержит ее.

Андерсон радостно уверяет, что все тип-топ; правда, эти слова плохо вяжутся с ее изможденным видом и худобой. Возможно, корабль сотворит с Гардом то же самое. Сегодня с ним ничего такого не произошло, но ведь это всего лишь день. Не все сразу. Ведь корабль — а главное, сила, которую он истощает, — способен сделать и много добра. Это самое важное... А томминокеры пусть себе идут лесом.

Гарденер встал и направился к дому. Солнце закатилось, и сад окутал пепельный сумрак. У Джима ныла затекшая спина. Он потянулся, приподнявшись на цыпочки, и поморщился, когда что-то внутри громко хрюстнуло. Потом обернулся к молчаливому силуэту трактора, темнеющему возле сарая с новым замком на двери. Вот бы подойти, попробовать заглянуть в одно из чумазых окон... Нет, пожалуй, не стоит. Чего доброго, за грязным стеклом вдруг появится бледная рожа и широко ухмыльнется, обнажив смертоносные зубы людоеда — острые, как наточенные ножи. «Привет, Гард! Хочешь познакомиться с настоящими томминокерами? Нас тут целая уйма!»

Джим передернулся. Он почти услышал, как тонкие пальцы злобно царапают деревянную раму. Кажется, он здорово перетомился за эти два дня. И воображение не на шутку разыгралось; теперь оно всю ночь будет чудить. Так что неизвестно, на что ему лучше надеяться: поскорее уснуть или вообще не спать.

12

Стоило вернуться в дом, и все его беспокойство словно рукой сняло. Даже выпивка уже не казалась такой привлекательной. Стягивая с себя рубашку, Гарденер заглянул в комнату Бобби. Она лежала все в той же позе — откинув руку, со скомканным одеялом между костлявых ног, и хрюпала вовсю.

Даже не переменила позу. Это надо же было так утомиться.

Джим долго стоял под душем, включив настолько горячую воду, какую только стерпел (с новым нагревателем Бобби это значило повернуть ручку крана градусов на пять от уровня ледяного холода). Когда кожа покраснела, он вылез из ванны. Вся комната была насыщена паром, похожим на лондонский туман времен Шерлока Холмса. Гарденер вытерся полотенцем, почистил зубы пальцем (в голове пронеслось: «Пора обзаводиться здесь собственными гигиеническими принадлежностями») и отправился спать.

Отключаясь, он вспомнил последние слова Бобби. По ее мнению, корабль понемногу начал влиять на местных жителей. Когда Гард попросил уточнить, Андерсон отделалась смутной формулировкой и переменила тему. А что, вполне возможно: Джим уже не удивлялся самым безумным предположениям. Хотя поместье Фрэнка Гаррика и выглядело сельским захолустьем, с географической точки зрения оно располагалось в центре городка.

— Послушать тебя, так можно подумать, что закопанная тарелка излучает какой-нибудь ядовитый газ, — пошутил он, силясь скрыть тревогу. — Космический гербицид. «Они явились к нам с планеты Эйджент Оранж*»!

— Ядовитый газ? — повторила она, углубившись в собственные мысли. На ее худом лице появилось холодное, отстраненное выражение. — Нет, не то. Если тебе нужно слово, можно сказать «испарения». В общем, дело не ограничивается вибрацией, которую чувствуешь при непосредственном прикосновении.

Гарденер промолчал, не желая перебивать.

— «Испарения», кстати, тоже не то, но сойдет. Управление по охране окружающей среды может хоть все тут обнюхать — и не обнаружить никаких загрязнений. Если корабль и оставил в воздухе реальный, физический след, то его уже не уловить приборами.

— Думаешь, такое возможно? — тихо спросил Джим.

— Да. Не могу тебе точно сказать, как это происходит: я знаю не все. Не представляю, что там внутри. Но думаю, очень тонкий слой обшивки — *согсем* тонкий, в одну или две

* Название смеси дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения. Применялся как химическое оружие американской армией во вьетнамской войне.

молекулы толщиной, — по мере появления из-под земли может вступать в реакцию с кислородом и, соответственно, испаряться в воздух. То есть первая и главная доза пришлась на мою долю, а прочее развеяло ветром, подобно радиоактивным осадкам. Больше всего досталось жителям Хейвена... но даже «больше всего» в данном случае значит «ничтожно мало». — Тут Бобби наклонилась в кресле-качалке и потянула правую руку вниз. При виде знакомого жеста у Джима защемило сердце. Лицо его подруги сморщилось от скорби; рука, так и не найдя холки пса, вернулась обратно на колени. — Но дело, по-моему, даже не в этом. У Питера Страуба был роман «Парящий дракон» — ты не читал? — Гарденер покачал головой. — Его идеи близки к твоей теории Эйджент Оранж и космических гербицидов. — Джим улыбнулся.

— В этой истории во время эксперимента один химикат испаряется в атмосферу и выпадает с дождем на загородную часть Коннектикута. Вещество ядовитое — что-то вроде газа, лишающего рассудка. Люди без причины бросаются друг на друга с кулаками, один герой перекрашивает свой дом — включая оконные стекла — в ярко-розовый цвет, женщина занимается бегом, пока не падает с обширным инфарктом, и так далее. Был еще и другой роман, «Волна мозга», и написал его... — Бобби задумчиво нахмурила лоб. Ее рука снова скользнула с подлокотника вниз, а потом вернулась на место. — Мой тезка, Андерсон. Пол Андерсон. В этой книге Земля пролетает сквозь хвост кометы, и после осадков животные вдруг умнеют. Все начинается с истории кролика, буквально додумавшегося, как выпутаться из силков.

— Умнеют, — эхом повторил Гарденер.

— То есть если до прохождения сквозь комету твой ай-кью был сто двадцать, то после уже составит сто восемьдесят. Понятно?

— Ты имеешь в виду всесторонний ум?

— Да.

— Еще недавно ты использовала совсем другой термин: «одаренные сумасшедшие». Это же что-то совершенно противоположное, правда? Нестыковка получается.

Андерсон лишь отмахнулась:

— Неважно.

И вот теперь, засыпая, Гарденер сильно в этом засомневался.

13

Ночью сму привиделся сон. Довольно простой. Гард стоял в темноте у сарая меж домом и садом. Слева темнел «Томкэт». Джим думал о том же, о чем и днем: а не подойти ли, не заглянуть ли в окошко? Интересно, что же он там увидит? Ну разумеется, томминокеров. Но страха не было. Вместо него пришли радость, восторг, облегчение. Потому что он понял: томминокеры — не чудовища, не людоеды; они вроде эльфов из сказки про добродетельного сапожника. Вот Гарденер заглянет в окно, словно восхищенный ребенок с иллюстрации в книжке «Ночь накануне Рождества» (да и кем был тот добрый веселый Санта за окном детской, как не старым большим томминокером в красной шубе?), — и непременно увидит их, сидящих за длинным столом, со смехом и болтовней собирающих генераторы мощности, парящие скейтборды, телевизоры, что показывают вместо привычных фильмов те, что рождаются прямо в разуме зрителя.

Он подошел — подплыл — к сараю, и вдруг тот осветился изнутри, словно фонарь из тыквы на Хэллоуин, но не теплым желтым сиянием, а мертвенно-зеленоватым, как усовершенствованная пищущая машинка Бобби. Оно лилось через щели между досками, пробивалось в отверстия от сучков, рисуя злые кошачьи глаза на земле, било в окна. Вот теперь Джиму стало страшно, потому что такие лучи не могли быть созданием добрых космических человечков; если бы рак имел свой оттенок, то именно такой, что сочился из каждой дыры и щелки сарая, принадлежащего Бобби.

Однако во сне мы нередко делаем что-то, противное нашей воле, и Джим придвигнулся ближе. Да, придвигнулся ближе, хотя не желал смотреть — не более, чем ребенок мечтает выглянуть из окошка детской на Рождество и увидеть Санту, съехавшего по заснеженной крыше с отрубленными, истекающими еще теплой кровью головами в руках.

«Пожалуйста, нет. Пожалуйста, нет...»

Но он придвигнулся ближе, вступил в этот свет, — и в голову хлынул поток рок-музыки, от которой парализовало все тело и чуть не взорвался мозг. Это была песня «Джордж Торогуд и крушители»*; Джим точно знал: когда Джордж вдарит на ги-

* Джордж Торогуд — американский гитарист, автор песен и исполнитель в стиле блюз-рок. «Джордж Торогуд и крушители» — название песни из одноименного музыкального альбома, выпущенного в 1977 году.

таре знаменитое слайд-соло, череп на миг завибрирует в такт убийственной музыке, а потом просто лопнет, как те бокалы в доме, о котором он рассказывал Бобби.

Но это не имело значения. Важен был только страх — страх перед томминокерами в сарае. Гарденер ощущал их присутствие, чуть ли не запах, насыщенный электричеством; так пахнет озон или свежая кровь.

А еще это мерзкое жидкое хлюпанье... Оно пробивалось даже сквозь музыку и напоминало шум допотопной стиральной машинки, вот только... хлюпала явно не вода, и звук был скверным, скверным, скверным...

Привстав на цыпочки, Джим заглянул в окно, и лицо у него позеленело, точно у мертвеца, извлеченного из зыбучих песков. Тут как раз Джордж Торогуд врезал блюз на гитаре слайдом, и Гарденер завопил от боли. Голова его, разумеется, взорвалась. Очнувшись, Джим увидел, что сидит на старенькой двухспальной кровати в комнате для гостей. По груди его лился пот, а руки тряслись.

Джим снова улегся, думая: «Боже! Чтобы избавиться от кошмаров, надо будет завтра обязательно заглянуть в сарай. И успокоиться». После такого решения он ожидал новых страшных снов, но их не было. По крайней мере, в ту ночь. А назавтра Гард присоединился к раскопкам.

Книга вторая ИСТОРИИ ХЕЙВЕНА

Взорвался террорист! И президент подбит!
Охрана в хлам была! Разведка — не мычит!
Мы все на веселе, мы все давно под мухой,
Мы все на кураже! Не будет нам везухи!
Мы все на веселе, мы все давно под мухой,
Бухаем, не сходя с рабочих мест!

The Rainmakers. Drinkin' on the Job

А потом он бежал, всю дорогу крича:
«Что-то пало с небес!»

*Creedence Clearwater Revival.
It Came Out of the Sky*

Глава 1 ГОРОД

1

Прежде чем стать Хейвеном, город сменил еще четыре названия.

В 1816 году он начал свое существование как муниципальная единица под названием Монтвильская Плантация. В те времена городок с потрохами принадлежал человеку по имени Хью Крейн, выкупившему его в 1813-м у штата Массачусетс, провинцией которого являлся в ту пору Мэн. Во время Войны за независимость Хью служил в чине лейтенанта.

Монтвильская Плантация — это, конечно, шутка. Папаша Крейна в жизни не бывал восточнее Дувра и остался преданным тори даже после распада Империи. Он закончил свои дни как пэр королевства, двенадцатый граф Монтвиль, а его первенец Хью должен был стать тринадцатым. Однако отец, разгневавшись, лишил старшего сына прав на наследство. Нимало не смущенный этим фактом, Крейн преспокойно величал себя первым графом Центрального Мэна, а иногда и герцогом Сoverшеннейшей Пустоты.

Участок земли, прозванный Монтвильской Плантацией, состоял примерно из двадцати двух тысяч акров. Когда по ходатайству Крейна Монтвильская Плантация вошла в Конфедерацию, она стала сто девяносто третьим по счету городком провинции Мэн, штат Массачусетс. Земля привлекла своего владельца наличием отменного строительного леса и близостью к Дерри, откуда древесину можно было сплавлять по реке к морю.

Хотите знать, насколько дешевым был этот надел, однажды назвавшийся Хейвеном?

Хью Крейн купил его за сто восемьдесят фунтов.

Правда, и фунт в те дни был намного дороже.

2

Когда в 1826 году Хью Крейн покинул этот мир, Монтвильская Плантация насчитывала сто три жителя. На шесть или семь месяцев в году население удваивалось за счет лесорубов, но их можно было не учитывать: все заработанные гроши они отвозили в Дерри, и туда же обычно перебирались, состарившись, — а в те времена «состариться» лесоруб мог и в двадцать пять.

Тем не менее в том же 1826-м поселение, которому суждено было в будущем превратиться в Хейвен, начало разрастаться вдоль разбитой дороги, ведущей на север, к Дерри и Бангору. В конце концов все, кроме самых памятливых старожилов, стали называть ее просто девятым шоссе. Это был единственный путь для лесорубов в Дерри, куда они отправлялись на исходе месяца — тратить получку на выпивку и на баб. Серьезные траты они, конечно, приберегали для «большого города», но кое-кто был готов раскошелиться и по дороге, в таверне «У Кудера», чтобы прочистить горло кружкой-другой пива. Оставляли они по чуть-чуть, но достаточно, и заведение быстро стало доходным дельцем.

Лавка промтоваров через дорогу (владел и управлял которой племянник Хирама Кудера) оказалась не столь успешной затеей, но тоже приносila кое-какую прибыль. В 1828 году рядом с лавкой открылась парикмахерская и по совместительству небольшая лечебница (владел и управлял которой кузен Хирама Кудера). В те дни, посетив это оживленное, растущее заведение,

вы бы не удивились при виде откинувшегося в каком-нибудь из трех кресел лесоруба, коему одновременно подстригали волосы, зашивали порез на руке, а над зажмуренными глазами пристраивали большущих пиявок из банки, стоявшей на полке возле сигарной коробки. По мере насыщения извивающиеся серые твари краснели, одновременно борясь с инфекцией, что могла попасть в порез, и с недугом, который в те дни называли просто: «болит голова». В 1830 году на южной окраине поселения открылась гостиница с продуктовым складом (владел и управлял которой брат Хирама Кудера, Джордж).

В 1831 году Монтвильская Плантация превратилась в Кудерсвиль.

Никто этому особо не удивился.

А в 1864 году название сменили на Монтгомери — в честь местного парснью Эллиса Монтгомери, павшего при Геттисберге, где, как утверждают некоторые, двадцатый пехотный полк Мэна одними лишь собственными силами решил судьбу Америки. Идея всем понравилась. Особенно если учесть, что единственный оставшийся в поселении Кудер, сумасшедший старик Альбион, обанкротился и наложил на себя руки за два года до этого.

Сразу после Гражданской войны штат охватила мания, необъяснимая, как и большинство подобных ей. Нет, не мода на кринолины и бачки, а мода давать городкам звучные имена из классики. В результате мы получили Спарту, Мэн, Карфаген, Афины и, разумеется, Трою — здесь же, по соседству. В 1878 году местные жители проголосовали за новое название, и Монтгомери стал Илионом. По этому поводу мать Эллиса Монтгомери в слезах произнесла публичную тираду — правда, скорее дребезжащую, чем призывающую; да и то сказать, женщина была уже в преклонных летах — точнее говоря, ей стукнуло семьдесят пять.

Согласно преданию, горожане слушали со всем терпением, чувствуя себя немного виноватыми, и даже могли бы переменить решение (в конце концов, как кое-кто заметил, нельзя было не признать правоту миссис Монтгомери, когда она сказала, что четырнадцать лет — это маловато для «вечной памяти», обещанной ее покойному сыну во время церемонии переименования, состоявшейся четвертого июля 1864 года), если бы именно в этот душеподъемный момент у старушки

не отказал мочевой пузырь. Когда ее выводили под руки из зала собрания, мать героя продолжала разглагольствовать о неблагодарных филистимлянах, которым, дескать, еще придется раскаться.

Таким образом, Монтгомери превратился в Илион. И оставался им двадцать два года.

3

А потом в город, невесть почему проскочив мимо Дерри и предпочтя раскинуть свой шатер под сенью Илиона, явился красноречивый проповедник «Пробуждения». Сам он величал себя Колсоном, однако Миртл Дюплесси, самозваный местный историк, в конце концов заподозрила, что его настоящее имя — Кудер, и что он приходился внебрачным сыном Альбиону Кудеру.

В любом случае он быстро прибрал к рукам христиан: уже ко времени, когда пшеничные поля побелели и были готовы к жатве, его личная более живая версия веры завладела умами большинства — к немалому огорчению мистера Хартли, священника методистов Илиона и Трои, и мистера Кроузлла, заботившегося о духовном благополучии баптистов Илиона, Трои, Этны и Юнити. Впрочем, их уверования были подобны гласу вопиющего в пустыне. Конгрегация проповедника Колсона продолжала расти, пока не распалась прекрасным летом 1900 года. Назвать урожай того года «обильным» значит ничего не сказать; тощая новоанглийская почва, обычно скучая, как Скрудж, произвела столько благодати, что казалось, ей не будет конца. Баптист мистер Кроузлл погрузился в тоску, сделался молчалив и три года спустя повесился в погребе своего дома в Трое.

Мистера Хартли, главу методистов, куда больше тревожила евангельская лихорадка, охватившая Илион, словно эпидемия. Дело в том, что методисты вообще обычно сдержанны в проявлении своих чувств; они слушают не проповеди, а «послания», молятся в благопристойной тишине и произносят «аминь» всей конгрегацией только в конце господней молитвы да нескольких гимнов, исполняемых не хором. И вот эти солидные люди предались «говорению на иных языках» и «падениям

в духе святом». Осталось только, как выражался мистер Хартли, брать в руки скорпионов и змей. Собрания в шатре у дороги на Дерри по вторникам, средам и воскресеньям проходили все более шумно и оживленно, с настоящими взрывами эмоций. «Произойди подобное в палатке балагана, люди назвали бы это «истерикой», — сказал он однажды вечером Фреду Перри, церковному дьякону и единственному близкому другу, за стаканчиком хереса у себя в доме. — Но все происходит в шатре «Пробуждения», и люди говорят о пятидесятническом огне».

Подозрения преподобного мистера Хартли со временем более чем подтвердились — однако не раньше, чем Колсон удрал, собрав недурную жатву, только не из тыкв и картошки, а из наличных и женской плоти. А еще прежде он оставил городу неизглажимую память о себе, в последний раз переменив его название.

Тем душным августовским вечером проповедь началась с темы жатвы как великой божьей награды и плавно перешла к делам самого поселения. К этому времени Колсон снял свой сюртук. Влажные от пота волосы падали ему на глаза. Сестры в молитвенном уголке начали по одной валиться на пол.

— Ваш город благословлен, — провозгласил Колсон, сжимая кафедру своими огромными руками. — Для меня это гавань. Да! Я нашел здесь пристанище, напоминающее мне о моем небесном доме, о чудесной земле, которую знали Адам и Ева, пока не вкусили плодов от дерева, что должны были обходить стороной. Благословен! — проревел проповедник.

Даже годы спустя кое-кто из членов его конгрегации будет по-прежнему отзываться с восторгом о том, как этот человек, пусть и распоследний подлец, умел взвывать к Иисусу.

— Аминь! — отозвалась хором община.

Вечер выдался душный, хотя и не настолько, чтобы так много девичьих щек зарделось румянцем, вполне привычным для них со дня появления Колсона в Илионе.

— На этом городе починает слава божья!

— Аллилуйя! — отозвалась воодушевленная конгрегация.

Груди вздымались. Глаза горели. Языки все чаще облизывали пересохшие губы.

— Этому городу принадлежит обетование! — Колсон энергично расхаживал взад-вперед, время от времени отбрасывая со лба черные локонь резким движением и как бы невзнача-

чай открывая для обзора свою напряженную шею. — Городу принадлежит обетование, и оно заключается в полноте жатвы, и оно непременно сбудется!

— Хвала Иисусу!

Колсон вернулся за кафедру, впился в нее руками и обвел собрание мрачным взглядом.

— Так для чего благословенному городу, божьей гавани, называться в честь каких-то развалин, мне лично непонятно. Могу одно сказать: дьявол серьезно поработал с последними здешними поколениями, это точно.

Уже на следующий день по городу поползли разговоры о том, чтобы переименовать его в Хейвен. Преподобный мистер Кроуэлл вяло возражал; преподобный мистер Хартли — решительнее. Члены городского правления сохраняли нейтралитет, заметив только, что затея обойдется Илиону в двадцать долларов на внесение изменений в документы, да еще в двадцатку — на новые дорожные указатели, не говоря уже о конвертах и казенных печатях.

Задолго до мартовского городского собрания, на котором обсуждался и был поставлен на голосование пункт четырнадцатый: «Выяснить, одобряют ли местные жители замену названия города номер сто девяносто три штата Мэн с Илиона на Хейвен», Колсон свернул шатер и растворился во мраке. Произошло упомянутое событие в ночь на седьмое сентября, после собрания, которое проповедник за много недель до этого окрестил «Жатвой Великого Пробуждения тысяча девятисотого года». В течение месяца он ясно давал понять, что это будет самое важное собрание года, а то и вообще самое важное, если Колсон решит навсегда пустить корни в городе, к чему все настоятельнее призывает его господь... О, как забились сердца многих леди при этих словах! А Колсон завел речь о «пожертвованиях любви» любящему богу, ниспославшему жителям Илиона изумительный урожай и погоду.

Между тем Колсон собирал свою личную жатву. Для начала он вдохновил прихожан совершить самое крупное «пожертвование любви» в их жизни, а закончил тем, что после собрания «вспахал и засеял» не двоих и даже не четверых, но шестерых юных дев на поле за шатром.

— Мы, мужчины, любим чесать языками, но я лично думаю, многие хвастуны на самом деле держат свое хозяйство

в штанах, при себе, — рассуждал как-то вечером старый Дюк Барфилд, заглянув в парикмахерскую. Если бы в городе проводили конкурс на звание Мистер Вонючка, он бы шутя получил первый приз. Дюк благоухал, точно маринованное яйцо, пропалявшееся мясоц в сточной канаве. Его слушали, но с расстояния и желательно с подветренной стороны. — Рассказывали мне про мужиков с двустволками в штанах, и верю, что такие бывают; где-то даже заливали про три ствола, но чтобы сразу шесть, как у этого затейника Колсона, — это единственный на моей памяти случай.

Трое из местных жительниц, подаривших проповеднику-сластолюбцу свою благосклонность, до его вторжения были девственницами. «Пожертвования любви» в тот летний вечер 1900 года оказались невероятно щедрыми, хотя сплетники в парикмахерской и расходились в цифрах. Все соглашались, что и до «Жатвы Великого Пробуждения» (во время которого проповедь затянулась до десяти, пение гимнов — до полуночи, а ночная работа в поле — до двух и позже) наличные так и текли рекой в карман мошенника. Кое-кто вспомнил потом: дескать, жизнь в городе обошлась Колсону чрезвычайно дешево. Проклятье, да ведь женщины чуть не дрались между собой за честь угостить его пищей из своих рук, а новый хозяин гостиницы пустил мошенника в свой клоповник бессрочно, в долг. Ну и, конечно, ночные увеселения развратнику тоже ни цента не стоили.

Наутро восьмого сентября и шатер, и проповедник бесследно пропали. Колсон успел собрать недурную жатву... но и посеять успел не меньше. В период между первым января и городским собранием в конце марта 1901 года в округе появилось на свет девять внебрачных детей — три девочки, шестеро мальчиков. Все эти «плоды любви» были схожи между собой голубым цветом глаз и пышными черными волосенками.

Сплетники из парикмахерской (а в мире не существует людей, способных более ловко обвенчать похорон с логикой, нежели эти бездельники, что пускают газы сквозь ивовые прутья кресел, сворачивая себе самокрутки или отправляя комки пережеванного табака в плевательницы) также обратили внимание на то, как много юных прелестниц в этом году отправились «навестить родню» — кто в Нью-Хэмпшир, а кто

и в сам Массачусетс. Да и немало замужних дам разродились между январем и мартом. Что же касается их — кто ж теперь скажет наверняка? Зато сплетники точно знали, что произошло двадцать девятого марта после того, как Фейт Кларендон произвела на свет розовощекого бутузка весом аж в восемь фунтов. Промозглый северный ветер грохотал черепицей на крыше дома, бросая пригоршнями последний весенний снег. Кора Симард, повитуха, клевала носом у печки, дожидаясь своего мужа Ирвина: тот как раз пробирался сквозь бурю, чтобы забрать супругу домой. На глазах у жены Пол Кларендон приблизился к колыбельке, расположенной в самом теплом углу кухни, и простоял над ней целый час. По страшной ошибке Кора приняла его застывшую позу за проявление изумленной нежности. Понемногу ее сморила дрема; а когда женщина вновь открыла глаза, в руке у Пола уже сверкала опасная бритва. Он поднял новорожденного за густые иссиня-черные волосы — Кора даже вскрикнуть не успела — и глубоко полоснул по детской шее. Потом вышел из комнаты, не говоря ни слова, и через миг из спальни послышались булькающие звуки. Когда перепуганный до полусмерти Ирвин Симард нашел в себе силы войти в спальню Кларендонов, супруги лежали на постели, держась за руки. Кол перерезал горло жене, пристроился рядом и, сцепившись с ней пальцами, рассек свое собственное. Это произошло через два дня после переименования.

4

Преподобный мистер Хартли категорически возражал против названия, предложенного человеком, который оказался в итоге вором, развратником, лжепророком и вообще змеей, пригретой городом на гостеприимной груди. Он так и заявил с кафедры и, заметив одобрительные кивки прихожан, испытал несвойственное ему мрачное злорадство. Двадцать седьмого марта 1901 года мистер Хартли появился на городском собрании в полной уверенности, что статью номер четырнадцать самым решительным образом все отвергнут. Его даже не смущила краткость обсуждения между прочтением текста статьи и лаконичным вопросом главы депутатов Лютера Рувала:

— Что скажете, горожане?

Будь у мистера Хартли хотя бы малейшее подозрение, что все вот так обернется, — он произнес бы страстную, даже гневную речь — возможно, в первый и последний раз в своей жизни. Но у него действительно не было ни малейшего подозрения.

— Кто согласен, пусть скажет: «За», — предложил Лютер Руваль.

И от единодушного, чуть ли не исступленного «За!» содрогнулись стропила крыши. Хартли точно в живот ударили. Он стал потрясенно озираться вокруг, понимая, что навсегда упустил нужный момент. Это мощное «За!» настолько застало его врасплох, что преподобный даже не успел разглядеть, кто из его общины восстал против собственного пастыря, поддержав неугодное тому решение.

— Подождите, — возразил он придушенным голосом, которого никто не слышал.

— Кто против?

Несколько разрозненных голосов. Хартли хотел было яростно выкрикнуть, но едва сумел выдавить из себя что-то нечленораздельное.

— Принято, — заключил Лютер Руваль. — Переходим к статье пятнадцатой.

Преподобному вдруг стало жарко, невероятно жарко. Опаясь в любую минуту лишиться сознания, он начал пробираться к выходу сквозь толпу мужчин в красно-черных клетчатых рубашках и замусоленных фланелевых брюках, сквозь тучи едкого дыма от маисовых трубок и дешевых сигар. Теперь мистер Хартли боялся, что перед обмороком его еще и стошнит. Неделю спустя он будет по-прежнему не в состоянии оценить глубину пережитого потрясения, настолько велик оказался ужас. Даже через год он все еще будет не в состоянии понять, что он тогда чувствовал.

Остановившись на верхней ступеньке лестницы, он мертввой хваткой вцепился в перила и принял жадно глотать холодный воздух. Перед глазами его раскинулись поля, покрытые тающим мартовским снегом. Кое-где тот изрядно потемнел и размок, обнажив участки бурой земли, напоминающие (как подумал Хартли, опять же с несвойственной ему циничностью) пятна дерма на подоле ночной рубахи. И тут впервые в жизни

преподобный горько позавидовал Бредли Колсону — или Кудеру, если историки города были правы. Тот удрал отсюда, из Илиона... о, пардон, из Хейвена... и Дональду Хартли безумно хотелось поступить точно так же. Ну почему они это сделали? Ведь все уже знали, что это за человек, точно знали! Тогда зачем же...

Ему на спину легла чья-то сильная теплая ладонь. Обернувшись, Хартли увидел своего доброго друга Фреда Перри. На его простом, немного вытянутом лице отражались испуг и беспокойство, так что преподобный сам не заметил, как растянул губы в вежливой улыбке.

— Что с тобой, Дон? — спросил Фред.

— Все нормально. Голова что-то закружилась. Это все из-за голосования. Не ожидал я такого исхода.

— Я тоже, — ответил Перри.

— И главное, мои прихожане в этом участвовали, — промолвил Хартли. — А как же? Уж больно стройный был хор голосов — значит, мои не молчали. Согласен?

— Нуу...

Преподобный кисло улыбнулся.

— Похоже, я не так хорошо разбираюсь в человеческой природе, как до сих пор полагал.

— Идем обратно, Дон. Сейчас решают, мостить ли Риджроуд.

— Я еще немного здесь постою, — отозвался Хартли, — и поразмышляю о природе человека.

Он помолчал, а потом, когда Фред уже повернулся к дверям, спросил у него почти с мольбой:

— Фред, но ты-то понял? Понял, почему они это сделали? Между нами почти десять лет разницы. Ты-то можешь мне объяснить?

Перри, тоже крикнувший «За!» в рупор из сложенных ладоней, покачал головой и ответил: «Нет». Он хорошо относился к мистеру Хартли, уважал его. И все-таки, несмотря на это (а может быть — только может быть — благодаря этому) испытал какое-то низкое, злобное удовольствие, голосуя за имя, которое предложил Бредли Колсон — лжепророк, мошенник, ворюга, грязный развратник. Нет, Фред Перри тоже совершенно не разбирался в человеческой природе.

Глава 2

БЕККА ПОЛСОН

1

Ребекка Баучер Полсон была замужем за Джо Полсоном, одним из двоих почтальонов Хейвена и одним из троих работников местной почтовой службы. Джо обманывал свою жену, о чем уже знала Бобби Андерсон. Теперь это стало известно и Бекке. Ей обо всем рассказал Иисус. В течение последних трех дней он поведал ей кучу интересного, хоть и ужасного, и невероятно горького. От этих сведений Бекку тошнило и выворачивало, ей не спалось по ночам, она опасалась сойти с ума... И в то же самое время пребывала в каком-то восторге. Может, стоило заткнуть уши, перевернуть Иисуса вниз лицом или крикнуть, чтобы он замолчал? Да ни за что на свете! Эти знания были подобно темному непреодолимому влечению. И потом... Он же как-никак ее спаситель.

Иисус у Полсонов находился на телевизоре «Сони». Вот уже шесть лет. А до того — поверх двух «Зенитов». То есть, как подсчитала Бекки, не трогался с места примерно шестнадцать лет. Реалистичное трехмерное изображение им подарила на свадьбу Коринна, старшая сестра Ребекки, живущая теперь в Портсмуте. Когда Джо как бы невзначай заметил, что у сестрицы-то, наверное, тугу с деньгами, Бекка посоветовала ему помолчать. Не то чтобы она сильно удивилась тогда: где уж этому Джо понимать, что истинно прекрасное деньгами не измеряется.

Иисус был изображен в простом белом одеянии, с пастушеским посохом в руках. А волосы он зачесал ну почти как Элвис после армии. Да, точно: как Элвис с обложки альбома «Солдатский блюз». Карие глаза и кроткий взгляд. А позади него паслись идеально расставленные вплоть до самого горизонта овечки — белоснежные, как из телерекламы нового мыла. Кому как не сестрам, выросшим на ферме в Нью-Глостере, было знать, что нормальные овцы никогда не напоминают пушистые облачка в ясный день, спустившиеся на землю. Впрочем, рассудила Бекка, если уж Иисус умел превращать обыкновенную

воду в вино и воскрешать мертвцев, то, наверное, ему ничего не стоило при желании заставить исчезнуть какашки, присохшие к шерсти какого-нибудь ягненка.

Пару раз Джо пытался убрать картинку с телевизора; теперь-то жена поняла почему. О да-а-а! Мать его! Разумеется, ему было что скрывать.

— Мне просто кажется неправильным, что Иисус стоит на телевизоре, когда мы смотрим «Частного детектива Магнума» или «Полицию Майами», — сказал он тогда. — Давай представим его на твой письменный стол, Бекка? Или... О, знаю! Пусть стоит у тебя на столе всю неделю, а по воскресеньям, когда ты смотришь Джимми Свагерта или Джека Ван Импе, может возвращаться на телевизор. Спорим, Джимми Свагерт ему по вкусу гораздо больше, чем полицейские из Майами?

Она отказалась.

В другой раз он заявил:

— Когда настает моя очередь приглашать всех на вечер покера, приятелям это не нравится. Им просто неловко становится блефовать под пристальным взглядом твоего Иисуса.

— А может, им неудобно оттого, что азартные игры — по-теха дьявола? — возразила Бекка.

Тут Джо, лучше всех приятелей игравший в покер, не удержался от замечания:

— Дьявольская потеха? Да на нее был куплен твой любимый фен и твое любимое колечко с гранатом! Давай тогда продадим их, а деньги переведем Армии спасения! Где-то у меня валялась их квитанция...

И Бекка позволила переворачивать трехмерную картинку по четвергам, раз в месяц, когда эти раздувшиеся от пива похабники являлись к ней в дом, чтобы резаться в карты... Но и только.

Теперь-то она понимала истинную причину, почему мужу так не терпелось избавиться от картинки. Джо все это время подозревал, что она — волшебная. Или нет, лучше сказать: «священная». Волшебство — для язычников, каннибалов, охотников за скальпами, католиков и прочего люда, но сводится-то все примерно к одному, так ведь? В любом случае Джо явно чувствовал, что в этой картинке присутствует нечто особенное и что именно благодаря ей однажды будет открыт его грех.

Конечно, Бекка и раньше подозревала неладное. Джо больше не приставал к ней по ночам, что было огромнейшим

облегчением (секс оказался, как и предупреждала мать, отвратительным, грубым, порой болезненным занятием, и всегда унизительным), а кроме того, его воротник начал время от времени пахнуть духами, а это уже отнюдь не радовало. Она бы, наверное, проигнорировала взаимосвязь между этими фактами (а ведь аромат появился как раз тогда, когда муж перестал ее лапать), но этого мы уже не узнаем, поскольку седьмого июля картинка на телевизоре «Сони» заговорила. Бекка могла бы даже упустить из виду третий момент: как раз перед тем, как приставания прекратились, а воротник начал благоухать, старый Чарли Эстабрук уволился с почты, а его место заняла приехавшая из Огасты дамочка по имени Нэнси Восс. Судя по всему, этой Воссихе (в послеслнее время Бекка мысленно звала ее просто Шалавой) было лет на пять больше, нежели чете Полсонов — то есть, пятьдесят, но смотрелась она ухоженно и привлекательно. Сама же Бекка признавала, что за время брака поднабрала лишний вес, фунтов этак семьдесят семь, в основном после того, как Байрон, их единственный птенчик, покинул родное гнездо.

Она бы все это пропустила мимо ушей, на все бы закрыла глаза, может, даже испытала бы облегчение и смирилась с ситуацией; в конце концов, если Шалаве по душе эти скотские забавы, это хрюканье и извивание, эта финальная струйка липкой гадости, пахнущей как треска, а по виду напоминающей дешевое средство для мытья посуды, — это только доказывает, что она и сама недалеко ушла от животных. В общем, Бекка могла притвориться, что ничего не заметила, если бы вдруг не заговорила картинка с Иисусом.

В первый раз такое случилось в четверг, после трех. Бекка зашла из кухни в гостиную, чтобы «чуть-чуть подкрепиться» половиной кофейного кекса и целой пивной кружкой вишневого сиропа и посмотреть «Главный госпиталь». Конечно, она больше не надеялась на возвращение Люка и Лауры, но не могла просто так потерять надежду.

Ребекка уже наклонялась включить телевизор, когда картинка сказала:

— Бекка, твой Джо засаживает этой Шалаве по самое не хочу почти в каждый обеденный перерыв, а иногда еще и после смены. Однажды он так распалился, что пристроился к ней, когда Воссиха должна была помогать ему сортировать посылки. И знаешь, она даже не сказала: «Давай сначала хотя бы пер-

вый класс отсортируем». Но это еще не все... — Иисус прошел полкартины в разевающихся у лодыжек одеждах и присел на камень, выступающий из земли. Затем зажал посох между коленей и мрачно посмотрел на нее. — В Хейвене многое чего происходит. Ты и половине бы не поверила.

Бекка с воплем рухнула на колени.

— Господь мой! — вскричала она.

Одно из колен приземлилось прямо на кофейный пирог (размером и толщиной напоминающий семейную Библию), и малиновая начинка брызнула в морду Оззи, коту, который как раз вылез из-под плиты полюбопытствовать, что здесь такое творится.

— Господь мой! Господь мой! — не унималась хозяйка.

Оззи с шипением убежал на кухню, забрался опять под плиту и целый день не показывался, слизывая красную жижу с усов.

— Впрочем, никто из Полсонов никогда не стоил доброго слова, — продолжал Иисус. Одна из овец приблизилась, и он не глядя огrel ее своим посохом. Этот нетерпеливый жест заставил Бекку даже в остоубенелом состоянии вспомнить о покойном отце. Овечка побрела прочь, немного переливаясь волнами из-за 3D-эффекта, а потом и вовсе исчезла за краем картинки, слегка искривившись в последний момент... Хотя нет, это была всего лишь оптическая иллюзия, точно. — Да уж! — провозгласил Иисус. — Двоюродный дедушка Джо, как тебе известно, был убийцей. Пролил кровь жены и ребенка, потом свою. Знаешь ли, что Мы сказали, когда он заявился на небо? «Мест нет!» — вот что Мы сказали. — Тут он наклонился вперед, опервшись на посох. — «Ступай-ка ты вниз, к своему дружку с копытами. Будет тебе обитель, как пить дать. Только не удивляйся, если новый домовладелец потребует адски высокую ренту и станет без передышки топить во всех комнатах». Так Мы ему и сказали.

Невероятно: при этих словах Иисус подмигнул. И тут Бекка с визгом выбежала из дома.

Задыхаясь, она остановилась на заднем дворе. Бесцветные белые волосы свесились ей на лицо. Сердце колотилось ужасающее быстро. К счастью, никто не слышал ее отчаянных воплей: слава богу, они с Джо проживали на Ниста-роуд. Ближайшие

соседи — семья Бродских — ютились в неопрятном фургоне в полукилометре от них. Это хорошо. Услышав подобные крики, кто угодно решил бы, что в доме Полсонов завелась сумасшедшая.

«А что, разве не так? Только безумцы слышат, как разговаривают картинки. Папуля поставил бы тебе сейчас три больших синяка — один за ложь, второй — за то, что поверила, третий — за то, что устроила шум. Нет, Бекка, картинки не разговаривают».

«А ничего и не было, — проговорил вдруг еще один голос. — Тебе это показалось. Бекка. Не представляю себе, как такое возможно... И откуда ты знаешь подобные вещи... Но только случилось именно это. Ты просто сама с собой говорила, используя нарисованного Иисуса, как Эдгар Берген общался со своей куклой Чарли Маккарти на «Шоу Эда Салливана»*».

Но почему-то вторая мысль испугала сильнее и показалась еще более безумной, чем допущение, что картинка заговорила сама по себе, и Бекка решительно отвергла ее.

В конце концов, чудеса случаются каждый день. Вспомнить хотя бы того мексиканца, обнаружившего изображение Девы Марии в запеченной на завтрак энчиладе**, или как там ее... А исцеления в Лурде? Не говоря уже о детишках, которые плачут камнями: еще недавно о них кричали все крупные заголовки в желтой прессе. Все это самые настоящие чудеса (хотя, конечно, дети, плачущие камнями, — это жутковатое зрелище), возвышенные, прямо как проповедь Пэта Робертсона***.

«Говорящее изображение — это же бред».

«Но именно это с тобой и произошло. К тому же звучащие голоса в голове для тебя — не новость, ведь правда? К примеру, ты уже слышала Джо. Вот где собака зарыта. Это был вовсе не Иисус, а Джо».

— Нет, — всхлипнула Бекка. — Не слышала я никаких голосов.

* Эдгар Джон Берген (1903—1978) — американский актер и радиоведущий, получивший наибольшую популярность как чревовещатель, выступал с куклой по имени Чарли Маккарти.

** Кукурузная лепешка с острой начинкой и приправой чили — национальное мексиканское блюдо.

*** Пэт Робертсон (наст. имя Мэрион Гордон Робертсон; род. 1930) — американский религиозный и политический деятель, известный телевизионный проповедник, основатель «Телекомпании Си-би-эн», ведущий религиозной телепрограммы «Клуб 700».

Она стояла у бельевой веревки, устремив невидящий взгляд к лесу по ту сторону Ниста-роуд. Тот был окутан легкой знойной дымкой. Менее чем в полумиле, там, куда полетела ворона, Бобби Андерсон и Джим Гарденер терпеливо вели раскопки гигантского корабля.

«Ты свихнулась, — послышался безжалостный голос отца. — Свихнулась от этой жары. Поди-ка сюда, Бекка Баучер, я засажу тебе три синяка за эту полоумную болтовню!»

— Нет у меня в голове никаких голосов! — простонала Бекка. — Картинка сама по себе говорила, клянусь, я же не чревовещательница!

Лучше пусть будет так. Если это картинка — значит, случилось чудо, а все чудеса — от господа. От них, конечно, тоже можно свихнуться (боже милосердный, она так и чувствовала себя, словно вот-вот лишится рассудка), но это еще не значит, что человек с самого начала был безумным. А вот слышать голоса в голове или верить, будто читаешь чужие мысли...

Опустив взгляд, Бекка вдруг увидела, как у нее из колена хлещет кровь, и с воплем вбежала обратно в дом. Надо срочно вызвать врача, или «Скорую помощь», да хоть кого-нибудь, все равно кого. И вот она снова в гостиной, подносит к уху телефонную трубку... Но тут Иисус произнес:

— Это просто малиновая начинка из пирога, Бекка. Может, остынешь немного, пока тебя не хватил удар?

Она посмотрела на «Сони», и трубка с треском упала на стол. Иисус, как и прежде, сидел на камне. Кажется, только ноги скрестили под одеждой. Просто удивительно, как он сейчас напоминал ей отца... Только не грозного, готового взорваться в любую минуту. Взгляд у него был хоть и сердитый, но терпеливый.

— Потрогай и сама убедись, что я прав.

Она осторожно коснулась колена, заранее морщась от боли. И, как оказалось, напрасно. Потом она заметила косточки в красной жиже и совершенно расслабилась. Даже слизнула малиновую начинку с пальцев.

— А теперь, — продолжал Иисус, — выбрось из головы эти мысли о голосах или сумасшествии. Это просто я, и я говорю с кем мне будет угодно, так, как это мне угодно.

— Ведь ты — спаситель, — прошептала Бекка.

— Правильно. — Иисус опустил взгляд. Под ним, на экране, две анимированные салатницы приплясывали в ожидании обещанного им соуса «Хидден вэлли ранч». — И пожалуйста, выключи эту гадость, если тебя, конечно, не затруднит. Как можно говорить под этот шум? К тому же реклама щекочет мне пятки.

Бекка приблизилась к телевизору и отключила его.

— Господь мой, — шептала она.

3

Утром следующего воскресенья Джо Полсон крепко спал в гамаке на заднем дворе, а на его обширном животе покоился Оззи. Бекка полсматривала за мужем в окно гостиной, придерживая штору. Тот преспокойно дрых в гамаке. Наверняка ему снилась эта Шалава: как он разложит ее на куче из каталогов и рекламных проспектов «Вулко»*, а потом — как любят выражаться Джо и его свиньи-дружки по покеру — пришпорит эту кобылку.

Она придерживала штору левой рукой, потому что в правой сжимала горсть квадратных девятивольтовых батареек. Потом отнесла их на кухню, где собирала что-то на рабочем столе. Бекка пыталась сказать Иисусу, что не умеет ничего собирать. Что у нее руки кривые и не оттуда растут. Папаша всегда это утверждал. Она хотела еще прибавить, что иногда отец удивлялся, как его дочь ухитряется подтереться в уборной без самоучителя, но потом решила: это не те слова, которые будет приятно услышать спасителю. В ответ Иисус посоветовал не глупить, а четко следовать указаниям. Мол, подобная мелочь даже ей под силу. И, к неописуемому восторгу Бекки, оказался совершенно прав. Все получалось не просто легко, но и весело! Гораздо веселее, чем, например, готовить; впрочем, к этому занятию она тоже никогда не питала особенной склонности. Ее пироги опадали, а тесто для хлеба не поднималось... Так вот, небольшой прибор Бекки начала собирать еще вчера, взяв за основу тостер, моторчик от старого блендера марки «Гамильтон бич» и забавную панель с разными электронными

* Сеть американских магазинов со сниженными ценами.

штучками, которую оторвала от ненужного радиоприемника, валявшегося в сарае. Она надеялась управляться задолго до двух часов дня, когда Джо проснется и придет смотреть матч «Ред сокс». Она взяла маленький пропановый паяльник и ловко зажгла его при помощи спички. Еще неделю назад Бекка рассмеялась бы в лицо любому, кто сказал бы, что ей придется иметь дело с пропановой горелкой. А все оказалось просто. Иисус объяснил, как и где подсоединять провода к плате от старого радио.

Впрочем, это далеко не все, что он рассказал ей за эти три дня. От его рассказов Бекка лишилась сна, стала бояться ходить в деревню по пятницам за покупками (а вдруг все прочтут постыдное знание у нее на лице? «Я всегда пойму сразу, если ты что-нибудь натворишь», — говорил отец. — Не с твоим лицом хранить секреты...») и даже — впервые в жизни — утратила аппетит. Джо, с головой погруженный в свою работу, матчи «Ред сокс» и мечты о Шалаве, едва замечал эти перемены... Лишь однажды вечером, когда они вместе смотрели «Блюз Хилл-стрит», обратил внимание, что жена начала грызть ногти. Странно: раньше такого с ней не случалось ни разу; на самом деле это *она* изводила мужа по поводу вредной привычки. Джо Полсон размышил об этом ровно двенадцать секунд; потом он опять уткнулся в экран и предался грезам о вздывающейся белой груди Нэнси Восс.

И вот какие истории, среди прочих, поведанных Иисусом с картинки, заставили Бекку плохо спать по ночам и начать грызть ногти в сорок пять лет.

В 1973 году Мосс Харлинген, один из приятелей Джо по игре в покер, убил своего отца. Это произошло в Гринвилле, во время охоты на оленя, и было всеми расценено как трагическая случайность, но Авель Харлинген погиб вовсе не случайно. Мосс просто залег с винтовкой за поваленным деревом и терпеливо ждал, пока отец перейдет через ручей ярдах в пятидесяти вниз по склону. Целиться в него было проще, чем в глиняную уточку в тире. Сам Мосс убедил себя, что делает это из-за денег. Его предприятие, занимавшееся строительством Большого канала, задолжало двум разным банкам по векселям. Срок истекал через шесть недель, и ни одна из сторон, зная о другой, не желала давать отсрочку. Мосс отправился к Авелю, но тот отказался помочь, хотя вполне мог бы. Поэтому сын пристрелил отца

и унаследовал кучу денег — сразу после того, как получил от юристов заключение о смерти в результате несчастного случая. Векселя были в срок погашены, и Мосс уверил себя (впрочем, в глубине его темной души оставались сомнения), что пошел на убийство исключительно ради корысти. В то время как настоящий мотив был совсем другим. В далеком прошлом, когда ему самому едва исполнилось десять, а братику Эмори — семь, их мать уехала далеко на юг, на Род-Айленд, на целую зиму. Там у нее внезапно скончался брат, и его вдове требовалась поддержка. В отсутствие матери в доме Харлингенов произошло несколько актов инцеста, но с ее возвращением все прекратилось и никогда уже не повторялось. Мосс даже не вспоминал об этом. Он забыл, как лежал в темноте без сна, в смертельном ужасе ожидая, когда в дверном проеме возникнет отцовский силуэт. Разве помнил он, как зажимал себе рот рукой, как слезы стыда и злости бежали по ледяному лицу из горячих глаз, пока Авель Харлинген с хрюканьем и придыханиями совал свой намазанный салом член в задний проход сына? Все это произвело на Мосса столь слабое впечатление, что он и не вспоминал, как прокусывал свою руку до крови, лишь бы не вскрикнуть. И уж точно вылетели у него из головы тоненькие, словно у задыхающейся птички, мольбы Эмори с соседней кроватки: «Папа, не надо, пожалуйста, пап, только не меня, не сегодня, папа...» Разумеется, дети легко обо всем забывают. Но, видимо, какая-то часть произошедшего все-таки задержалась в памяти, потому что, когда Мосс Харлинген нажал на курок и выстрелил в сукана педераста, когда эхо прокатилось вдаль по холмам, потом вернулось обратно и наконец растворилось в нерушимой лесной тишине местных дебрей, он шепнул: «Не сегодня, Эм. Не тебя».

Эллис Кимвалл, учительница начальной школы, была лесбиянкой. Картинка поведала об этом в пятницу, после того как эта крупная леди, очень эффектная и солидная в своем брючном костюме зеленого цвета, заглянула к ним в дом с братом пожертвования для Американского общества борьбы с раковыми заболеваниями.

Дарла Гейнс, миловидная семнадцатилетняя девчушка, разносившая по воскресеньям газеты, прятала у себя под матрацем пол-унции марихуаны. Об этом Бекка узнала в субботу, как только Дарла ушла, забрав плату за пять недель (три доллара

плюс пятьдесят центов чаевых, которых теперь было жаль). Еще Иисус рассказал, что она курит травку вместе со своим парнем перед каждым сношением — правда, сношения они почему-то называли «горизонтальным биболом». И так — почти каждые выходные, с половины третьего и примерно до трех. Родители Дарлы работали в Дерри и домой возвращались не ранее четырех.

Хэнк Бак, еще один закадычный приятель Джо, служил в большом супермаркете в Бангоре и настолько люто возненавидел своего шефа, что как-то раз, покупая для него ленч в «Макдоналдсе», подсыпал в шоколадный коктейль пол-упаковки слабительного. После этого босс не просто сходил побольшому; он устроил настоящее представление, когда отложил в штаны целую атомную — или «сраную», если хотите, — бомбу, аккурат когда делал мясную нарезку в деликатесном отделении супермаркета в Штате Полутного Ветра*. Хэнк умудрился схранить каменное выражение лица до окончания смены, но зато когда сел в машину, чтобы ехать домой, — чуть сам не обгадил штаны от хохота. По дороге он дважды выруливал на обочину, чтобы насмеяться вдоволь.

— Он заливался и заливался, — закончил историю Иисус. — Что ты на это скажешь?

Бекка сказала бы, что считает подобную шутку подлой и низкой. А ведь это было только началом. Пожалуй, о каждом, с кем она общалась, Иисус знал что-нибудь непривлекательное.

Она не могла дальше жить с подобными откровениями.

Но и без них не могла.

Ясно было одно: надо что-то делать.

— Ты уже делаешь, — произнес Иисус с картинки, стоявшей на телевизоре «Сони».

Разумеется, это он говорил. Идея о том, будто голос идет изнутри ее собственной головы, или будто Бекка умеет... как бы это сказать... умеет читать чужие мысли... была всего лишь мимолетной зловредной иллюзией. Да, наверняка. Потому что альтернатива слишком пугала.

Проделки сатаны. Колдовство.

* Распространенное в Новой Англии неофициальное название штата Мэн, исторически связано с тем, что суда, плывшие из Бостона в порты Мэна, отправлялись на северо-восток с попутным ветром.

— Вообще-то, — напомнил о своем существовании Иисус сухим, деловым тоном, прямо как у ее отца, — ты уже почти справилась. А теперь припаяй красный провод слева, вон к той длинной штуковине... нет, не здесь... ага, правильно. Хорошая девочка! И меньше припоя, помни! Это как с «Брилькремом», Бекка: «Чуток — и все прекрасно!»

Странно было слышать, как Иисус цитирует рекламный ролик «Брилькрема»...

4

Проснувшись без четверти два, Джо стряхнул с себя Оззи, почистил от шерсти футбольку, прошел в глубь сада и там с комфортом отлил на заросли ядовитого плюща. Затем направился в дом. «Янки» против «Ред сокс» — то, что нужно. Джо полез в холодильник, мимоходом взглянув на обрезки проводов на столе для готовки и мысленно удивившись, что эта бестолочь Бекка могла с ними делать. Но тут же отмахнулся от этой мысли. Куда интереснее было думать о Нэнси Восс. Вот бы кончить ей между грудями. Может быть, в понедельник попробовать?

Временами они с ней цапались, ух и цапались! Прямо как две бродячих собаки в душный августовский день. А вообще, в последнее время все вокруг, казалось, ходили на взводе. Зато когда дело касалось секса... Провалиться на месте! Джо не чувствовал себя таким озабоченным с восемнадцати лет, да и Нэнси тоже. Оба никак не могли насытиться. Он даже по ночам спускал пару раз, как в шестнадцать.

Итак, Джо взял квартиру «Будвайзера» и пошел в гостиную. Бостонцев сегодня почти наверняка ожидала победа. Он поставил на них восемь к пяти. В последнее время Джо страшно везло со ставками. В Огасте он знал одного букмекера и заработал на этом только за три недели чуть ли не пятьсот баксов... О чем Бекка и не догадывалась ни сном ни духом. Джо их припрятал. Забавно: он заранее точно представлял себе, кто и почему победит, однако, приезжая в Огасту, забывал «почему», помнил только «кто». Но ведь это важнее, правда? Кстати, в прошлый раз знакомый недовольно ворчал, отдавая трехкратный выигрыш с двадцатки. «Метеоры» против «Пиратов», Гуден на насыпи — казалось, верная победа за «Метеорами», однако

Джо поставил пять к двум на «Пиратов» — и не прогадал. Неизвестно, сколько еще парень будет принимать его ставки, но если откажет — в заласе всегда остается Портленд. Там точно есть две или три contadorы. Правда, достаточно было отъехать от Хейвена, и Джо начинала мучить мигрень (возможно, настало время обзавестись очками), однако *такая* игра определенно стоила свеч. Набрав достаточно денег, они просто уедут вдвоем. А Бекка пусть остается с Иисусом. В конце концов, за Него ей надо было выходить замуж.

Ледышка чертова. А Нэнси... О, это горячая штучка! А какая умница! Буквально сегодня она затащила его на склад, чтобы показать кое-что.

— Смотри, смотри, до чего я додумалась! Это надо запатентовать, Джо! Верно! Я так и сделаю!

— Ну и что там? — обронил Джо.

По правде сказать, он немного злился. Честно говоря, его сейчас куда больше интересовала грудь Нэнси, чем все ее мысли, вместе взятые. При этом, сердился он или нет, ружье в штанах всегда было готово к бою. Ну точно как в юности. Однако то, что подружка ему показала, заставило Джо позабыть о своем ружье аж на целых четыре минуты, если не больше.

Нэнси Восс каким-то мудреным образом соединила игрушечный поезд-трансформер с большой горстью батареек и семью просеивателями для муки. Просеиватели лежали на боку с выбитыми сетками. Как только Нэнси включила трансформер, связки тонких, точно нити, проводов, подключенных к блендеру, принялись выхватывать письма первого класса из стопки, бросая наугад (как могло показаться) в жерла просеивателей.

— Что тут творится? — удивился Джо.

— Идет сортировка почты. — Она стала тыкать пальцем в одно решето за другим. — Здесь — для деревни... Это — бесплатная сельская доставка, Дерри-роуд, ну, ты знаешь... Это — Ридж-роуд... Ниста-роуд... Это для...

Сначала Джо не поверил. Он подумал, что это дурацкая шутка. Интересно, как Нэнси понравится подзатыльник? «За что?» — заскулит она. И Джо ей ответит, подражая Сильвестру Сталлоне в картине «Кобра»: «Есть люди, которые понимают шутки, но я к ним не отношусь». Вот только прибор-то работал по-настоящему. Прибор как прибор, все на месте... правда, звук проводов, скребущих по полу, вызывал неприятное чувство.

Резкий, скользящий, будто бы от гигантских паучьих ног. Да, но работает. Черт его знает, каким образом, однако работает — это точно. На глазах у Джо провода подхватили письмо для Роско Тибальта и забросили в нужное жерло — для Хаммер-Кат-роуд, хотя на конверте стоял неправильный адрес.

Хотелось прямо спросить, как действует эта штука, но не показывать же себя полным придурком. Поэтому Джо поинтересовался только, откуда Нэнси взяла провода.

— Разобрала телефоны из магазинчика в Бангор-Молл, — пояснила она. — Я попала на распродажу! Тут и другие детали из телефонов задействованы. Пришлось, правда, все поменять, но это оказалось проще простого. Знаешь, меня как бы... осенило. Ну, ты понимаешь, да?

— Ага, — кивнул Джо, вспомнив, как вытянулось лицо букмекера, когда он явился забрать свои шестьдесят баксов после победы «Пиратов» над Гуденом и его «Метеорами». — Неплохая работа. Для женщины.

Ее лицо на миг помрачнело, и он подумал: «Хочешь что-то сказать? Может быть, рвешься в бой? Давай же. Вперед, я не против. Как первого, так и второго».

Но тут Нэнси снова повеселела и улыбнулась:

— Теперь у нас будет еще больше времени, чтобы заниматься этим. — Ее пальцы скользнули по твердому рубчику у него на брюках. — Ты ведь хочешь этого, правда, Джо?

Еще бы он не хотел. Они повалились на пол, и Джо в мгновение ока позабыл свою недавнюю злость и странное, невесть откуда свалившееся везение во всех денежных пари: начиная от бейсбольных матчей до конных скачек и турниров по гольфу. А когда он скользнул в нее и услышал стон наслаждения, то сумел позабыть даже зловещий шелест проводов, сортирующих почту первого класса.

5

Бекка сидела в кресле-качалке и притворялась, будто читает последний выпуск «Сионской горницы»*. Буквально за десять минут до того, как Джо вошел в гостиную, она присоединила устройство, которое ей было велено собрать, к задней стенке

* Руководство для ежедневного молитвенного чтения.

«Сони». Бекка тщательно следовала инструкциям и соблюдала особую осторожность, копаясь во внутренностях телевизора. «Осторожнее, не поджарься», — предупредил Иисус.

Теперь телевизор был выключен, и Джо раздраженно буркнул:

— Могла бы прогреть его к моему приходу.

— Думаю, ты и сам еще не разучился включать свой треклятый ящик, — ответила Бекка, и это были ее последние слова, обращенные к мужу.

Тот приподнял брови. Что-то, мать его, странное творилось с этой, мать ее, Беккой. Может, пора ей как следует шею намылить? Ладно, пусть немного побесится. Недолго ему терпеть возле себя эту старую жирную клячу, скоро одна останется.

— Я-то, пожалуй, не разучился, — произнес Джо, и это были его последние слова, обращенные к жене.

Он нажал на кнопку, включавшую «Сони», и получил удар в две с лишним тысячи вольт переменного тока, который усилился, переключился на смертельный постоянный и вновь усилился. Глаза Джо выпучились, раздулись и лопнули, точно виноградины в микроволновке. Перед этим он собирался поставить пиво на телевизор рядом с Иисусом; теперь пальцы судорожно сжались и раздавили бутылку. Осколки коричневого стекла вонзились в ладонь и в пальцы. Пиво вспенилось, побежало на пластмассовую крышку «Сони», уже начавшую пузириться, и в комнате резко запахло дрожжами.

— ЭЭЭЭЭООООООРРРРУУУКАААААААА! — завопил Джо Полсон.

Лицо его начало обугливаться. Из ушей и над волосами завился голубоватый дымок. Палец намертво прирос к проклятой кнопке.

На экране возникла картинка: Двайт Гуден совершил мощную подачу на две пробежки; камера проследила за тем, как он мчится, обогащая Полсона на сорок долларов. Изображение моргнуло, и вот уже Джо с Нэнси Восс сношатся на полу почты, среди разбросанных каталогов, новостных листков для прихожан и рекламок разных страховых компаний, сулящих покой и защиту даже тем, кому за шестьдесят пять лет: дескать, «в вашу дверь никогда не позвонит агент по продажам, никто не подвергнет вас принудительному медицинскому освидетельствованию, ваши близкие будут в полной безопасности всего лишь за несколько пенни в день».

— Нет! — воскликнула Бекка, и картинка снова переменилась.

Мосс Харлингсен лежал за поваленной сосной, смотрел на отца сквозь прицел «винчестера» и бормотал: «Не сегодня, Эм. Не тебя».

Изображение дернулось — и вот мужчина и женщина копают в лесу, она — за рулем диковинного ковшового погрузчика, напоминающего машину Руба Голдберга*, а он обвязывает цепью кряжистый пень. За их спинами из земли торчит какой-то предмет гигантских размеров — серебристый, но не блестящий. Ни одной искорки, даже под прямыми солнечными лучами.

Между тем одежда Джо Полсона ярко вспыхнула.

Комната наполнил запах электричества и вскипевшего пива. Трехмерная картинка с Иисусом задрожала, покрылась рябью и взорвалась.

Тут Бекка закричала, поняв, что все это время, хочется ей этого или нет, виновата была она, она, она, и она только что прикончила своего мужа.

Ребекка бросилась к нему, поймала дергающуюся, лихорадочно сжимающуюся руку... и сама получила электрический удар.

«Иисус! О, Иисус! Спаси его, спаси меня, спаси нас обоих», — успела подумать она, изгибаясь под переменным током на цыпочках, словно самая ловкая в мире балерина, вставшая на пунты. А в голове прохрипел сердитый отцовский голос: «Ох и обдурил же я тебя, Бекка! Славно обдурил! Будешь знать, как обманывать! Раз и навсегда отучишься!»

Ослепительный голубой всполох — и задняя крышка «Сони», которую Ребекка прикурила на место после того, как встроила внутрь прибор, вдруг отлетела к стене.

Бекка повалилась на ковер, увлекая за собой Джо, уже мертвого.

К тому времени, как от дымящихся обоев за телевизором занялись прозрачные занавески, Бекка Полсон тоже была мертва.

* Рубен Люциус Голдберг (1883–1970) — американский карикатурист, скульптор, писатель, инженер и изобретатель. Голдберг более всего известен серией карикатур, в которых фигурирует так называемая машина Руба Голдберга — чрезвычайно сложное, громоздкое и запутанное устройство, выполняющее очень простые функции (например, огромная машина, занимающая целую комнату, цель которой — передвижение ложки с пиццей от тарелки до рта человека).

Глава 3

ХИЛЛИ БРАУН

1

День, когда Хиллман Браун исполнил свой самый впечатляющий — нет, *единственный* впечатляющий фокус за всю карьеру мага-любителя, пришелся на воскресенье семнадцатого июля. Оставалась ровно неделя до того, как городская ратуша взлетела на воздух.

То, что раньше Хиллману не удавались по-настоящему эффективные трюки, неудивительно. Как-никак ему было всего десять лет.

В качестве имени мать дала сыну свою девичью фамилию (ее предки жили в Хейвене еще в ту пору, когда он был Монтгомери), которую почему-то захотела сохранить таким образом, хотя ничуть не жалела о том, что сделалась Мэри Браун: замуж-то по любви выходила! Брайан не возражал. Уже через неделю пребывания в доме новорожденный стал для всех просто «Хилли».

Мальчик рос нервным. Эв, отец Мэри, говорил, что парень — просто чемпион по нервничанию и всю жизнь проведет, вздрагивая. Не сказать чтобы Брайану и Мэри понравилась эта новость; впрочем, уже через год она перестала быть новостью и превратилась в обычный факт. Некоторые дети успокаиваются, раскачиваясь в люльке или посасывая большой палец. Хилли сосал сразу оба (в то же самое время раскачиваясь без передышки и почти всегда заливаясь сердитым плачем) — так сильно, что к восьми месяцам заработал болезненные волдыри на обеих подушечках.

— Теперь-то он остановится, — уверенно заявил доктор Лестер, осмотрев эти жуткие язвочки... от которых Мэри плакала больше, чем если бы они были ее собственными.

Но Хилли не остановился. Нужда в утешении явно пересиливала любую боль в пальцах. В конце концов на месте волдырей образовались жесткие мозоли.

— Этот всю жизнь будет дергаться, — пророчествовал девочка всякий раз, когда его спрашивали (и даже если не спрашивали; к шестидесяти трем Эв Хиллман сделался болтлив до

неприличия). — Чемпион по нервничанью, ага! Ух и задаст он жару мамке с папкой, наш Хилли.

И тот задавал.

Вдоль подъездной дорожки Браунов, по настоюнию Мэри, Брайан врыл пеньки, на которых она разместила двенадцать горшков с разными видами цветущих растений. Так вот, однажды, в возрасте трех лет, Хилли выбрался из колыбельки во время «тихого часа» («Почему я должен спать днем?») — спросил он, и утомленная мать ответила: «Потому что мне нужен отдых»), протиснулся через приоткрытое окошко и посыпал все горшки на землю. Увидев, что натворил ее сын, Мэри безутешно разрыдалась — так же, как когда-то над волдырями на его пальчиках. Хилли тоже разразился слезами (не вынимая обоних больших пальцев изо рта). Он ведь опрокинул горшки не со зла, просто из любопытства: а что из этого выйдет?

«Да, сынок, с тобой не соскучишься», — только и сказал тогда отец. Он еще много раз повторял эту фразу вплоть до воскресенья семнадцатого июля 1988 года.

Когда Хилли было пять, он забрался в санки, скатился вниз по наклонной подъездной дорожке, покрытой декабрьским льдом и выхodящей, естественно, на проезжую часть. Мальчику даже в голову не пришло (как он объяснял потом помертвевшей от испуга матери), что кто-нибудь может появиться в это время на Дерри-роуд. Хилли просто заметил сверкающий лед и подумал: вот было бы здорово скатиться по подъездной дорожке! Интересно, быстро ли помчит его снегокат? Мэри через окошко увидела сына, увидела тяжелую автоцистерну — и закричала так громко, что следующие два дня могла разговаривать только шепотом. Вечером, вся дрожа в объятиях мужа, она расскажет, как у нее перед глазами отчетливо встала могильная плита с надписью: «Хиллман Ричард Браун, 1978—1983. Ты покинул нас слишком рано».

— Хиииллиииииии!

Реактивный самолет при взлете не мог бы наделать больше шума. Мальчик резко обернулся и грохнулся с санок перед самой обочиной. Дорожка была заасфальтирована, ледок оказался предательски тонким, а Хилли никогда не отличался везением, которое добрый боженька часто ниспосыпает щустрым детям, — он не умел аккуратно падать. Мальчик сломал себе левую руку и так сильно ударился лбом, что потерял сознание.

Между тем снегокат стрелой вылетел на дорогу. Водитель автоцистерны «Уэббер фьюэл» среагировал мгновенно, не успев даже осознать, что санки пусты. От резкого поворота руля бензовоз красиво, с грацией слоних-балерин из диснеевского мультфильма «Фантазия», вписался в сугроб на обочине, прорезал его и угодил в канаву, опасно завалившись на бок. Не прошло и пяти минут, как водитель с грехом пополам выбрался через пассажирскую дверь и бросился к Мэри Браун, оставив опрокинутую цистерну лежать подобно поваленному древним охотником мастодонту и орошать заиндевелую траву драгоценным топливом изо всех трех люков. Мэри бежала вдоль трассы с потерявшим сознание малышом на руках и кричала. От горя у нее в голове помутилось. Мать была точно уверена, что Хилли попал под колеса, хотя только что у нее на глазах он вывалился из санок, еще не достигнув проезжей части.

— Умер? — воскликнул водитель с округлившимися от ужаса глазами. Лицо у него побелело, волосы чуть не стояли дыбом, а по брюкам возле промежности расползлось темное пятно. — Матерь Божья! Леди, он умер?

— Наверное, — прорыдала мать. — Конечно же, ну конечно, он умер.

— Кто? — полюбопытствовал мальчик, открыв глаза.

— Слава богу! О, Хилли! — Мэри стиснула сына в объятиях, и тот отозвался истошным воплем.

Оказалось, мать сжала надтреснутые обломки левого предплечья.

Следующие три дня Хилли провел в больнице в Дерри.

— Надеюсь, после этого он хотя бы немного притормозит, — рассудил Брайан за ужином, поедая жареную фасоль с хот-догами.

По случаю, тем вечером Эв Хиллман ужинал у них в доме. С тех пор как он потерял жену, это происходило все чаще — примерно пять раз на неделе.

— Спорим, что нет? — усмехнулся он с набитым ртом, громко пережевывая кукурузный хлеб.

Брайан поднял на тестя мученический взгляд, однако не проронил ни слова.

Как обычно, Эв был совершенно прав — именно это в нем так часто бесило зятя. Уже на второй вечер в больнице, когда

все дети в педиатрическом отделении смотрели десятый сон, Хилли вздумалось отправиться на разведку. Как ему удалось пробраться мимо дежурной сестры незамеченным, остается загадкой; пробрался — и все. Пропажу обнаружили в три часа ночи. Предварительные поиски по всему отделению ничего не дали. Усиленные, по всему этажу, — тоже. Пришлось вызывать охрану. Больницу обыскали сверху донизу (администрация сначала сердилась, потом растревожилась не на шутку) — безрезультатно. Родителям мальчика позвонили, и они в ужасе немедля примчались в больницу. Мэри заливалась рыданиями, но из-за распухшей горлани могла говорить только сиплым шепотом.

— Похоже, он вышел на улицу, — сообщил глава административной службы.

— Да как пятилетний ребенок мог просто взять и уйти на улицу? — взорвался Брайан. — Что у вас тут за порядки?

— Ну... понимаете... здесь у нас не тюрьма, мистер Браун. Тут вмешалась Мэри.

— Вы должны найти его! — просипела она. — На улице всего двадцать два градуса*. Хилли был в одной пижаме. Он может... может...

— О, миссис Браун, я думаю, ваши страхи преждевременны, — широко улыбаясь, перебил ее глава административной службы.

Ничего такого он на самом деле не думал. Узнав, что мальчика не видели со времени одиннадцатичасового обхода, он первым делом выяснил температуру на улице и тут же позвонил доктору Эльфману — специалисту по обморожениям, которые не так уж и редки в Мэне в зимнее время, и получил неутешительный прогноз:

— Если парень на улице — он уже мертв.

Больницу еще раз тщательно обыскали, теперь с участием полицейских и пожарных из Дерри, и снова безрезультатно. Мэри Браун дали успокоительного и уложили ее в постель. Единственная хорошая новость заключалась в том, что и замерзшее тело мальчика в больничной пижаме не удалось обнаружить. Правда, главному администратору уже приходило на ум, что неподалеку протекает река Пенобскот. Зимой ее покрывал

* $-5,5^{\circ}\text{C}$ по Цельсию.

коварный лед. Беглец мог пойти на тот берег и провалиться. И почему только Брауны не отвезли свое отродье в Восточный медицинский центр?

В два часа пополудни Брайан сидел у постели жены, ожидая ее пробуждения и размыщляя о том, как сообщить о смерти их единственного ребенка, если дойдет до этого. Примерно в то же самое время служащий заглянул в подвал проверить бойлеры прачечной и выпучил глаза от изумления: маленький мальчик в одних пижамных штанишках, с гипсовой повязкой на руке, бесцеремонно разгуливал босиком между двумя гигантскими печками.

— Эй! — крикнул мужчина. — Эй, парень!

— Привет, — откликнулся Хилли, притопав на зов. Ступни его были черны от грязи, на штанишках темнели пятна машинного масла. — Ух, как здесь здорово! Только я, кажется, заблудился.

Хилли немедленно был доставлен к больничному начальству. Главный администратор усадил его в просторное кресло с подлокотниками (предусмотрительно подложив под грязную попу двойной слой газет) и послал секретаршу за пепси-колой и упаковкой арахисовых конфет для маленького гаденыша. В других обстоятельствах он бы лично метнулся за угощением, чтобы впечатлить беглеца отеческой заботливостью. Под «другими обстоятельствами» главный администратор подразумевал, как он мрачно признался сам себе, какого-нибудь другого ребенка. Но этого оставить в одиночестве хоть на минуту он бы ни за что не рискнул.

Как только секретарша доставила сласти, начальник снова ее отослал... на сей раз уже за мистером Брауном. Брайан был довольно крепким, однако при виде сына в крутящемся директорском кресле, болтающего грязными ножками в четырех дюймах от ковра, хрустящего свежими газетами под пятой точкой и заедающего пепси-колу конфетками, он не сумел сдержаться и разрыдался от облегчения и благодарности. Разумеется, мальчик, в жизни не причинивший никому вреда нарочно, тоже ударился в рев.

— Боже! Хилли, где же ты был?

Тот рассказал свою историю как сумел, предоставив отцу и главному администратору отделить правду от выдумки. Хилли заблудился, забрел в подвал (за «гномиком», по его собствен-

ным словам) и забрался под одну из огромных печей поспать. Мальчика так разморило там от жары, что он избавился от пижамной курточки, аккуратно сняв ее, чтобы не потревожить свежий гипс на руке.

— Щеночки мне тоже понравились, — заявил беглец. — Пап, может, заведем щеночка?

Человек, обнаруживший мальчика, нашел потом и его пижаму. Она лежала под печью номер два. Вытаскивая курточку, мужчина увидел и пресловутых «щеночков», хотя они бросились врассыпную от луча фонарика. Пораскинув мозгами, он решил не упоминать об этом при мистере и тем более миссис Браун: их сердца разорвались бы от еще одного потрясения. Вот служитель, по доброте душевной, и не стал рассказывать, что их сын провел ночь в компании подвальных крыс, причем некоторые из них размерами действительно смахивали на «щеночков», как он успел заметить при свете фонарика.

2

Поинтересуйся кто-нибудь его впечатлениями от этого эпизода — и множества других похожих, — мальчик пожал бы плечами: «Я вечно вlipал в истории». Имея в виду, разумеется, свою предрасположенность к несчастным случаям. Просто его еще не научили этой заумной формулировке. Когда Хилли было девять (а Дэвиду два), он принес из школы записку от миссис Андерхилл, учительницы третьего класса, с просьбой к родителям явиться для краткой личной беседы. Брауны отправились в школу не без внутреннего трепета. За неделю до этого третьеклассники Хейвена сдавали тест на определение уровня интеллекта. Брайан втайне от жены был убежден: учительница заявит, что его сын не справился с тестом, и предложит перевести его в класс отстающих. Мэри, тоже втайне, подозревала, что Хилли — дислексик. Никто из них в ту ночь так и не сомкнул глаз.

Однако миссис Андерхилл сообщила, что мальчик выдал потрясающие результаты — иными словами, он гений.

— Если хотите точно узнать, насколько высок его интеллект, вам придется везти сына в Бангор, пусть сдаст тест Векслера, — продолжала учительница. — Проверка Томпала для

него — это как если бы мы пытались измерить ум человека, дав ему тест для коз.

Мэри с Брайаном посовещались... и решили не заморачивать себе голову. Им и не нужно знать, насколько умен их сын. Главное, что он не отсталый. Той ночью Мэри поделилась с мужем своими соображениями. Это, сказала она, объясняет многое: непоседливость Хилли, его неспособность спать более шести часов подряд и склонность менять свои страстные увлечения со скоростью урагана. Однажды, когда мальчику не исполнилось и девяти, мать вернулась домой с маленьким Дэвидом на руках и обнаружила в кухне, которую пятнадцать минут назад оставила в идеальном порядке, полный кавардак. Раковина была забита мисками, липкими от мокрой муки. По столу растекалась пачка подтаявшего сливочного масла. В духовке что-то пеклось. Посадив Дэвида в детский манеж, Мэри рванула на себя дверцу, ожидая, что оттуда повалят клубы дыма и запах гари. Однако внутри она обнаружила противень с рулетами из мучной смеси «Бисквик» — кривобокими, но довольно вкусными. Их съели на ужин... Но прежде мать отшлепала сына и отослала в детскую, хотя тот в голос ревел, что «так больше не будет». Потом опустилась за кухонный стол и сама расплакалась, а после начала хохотать. Все это время Дэвид — беззаботный, спокойный малыш, отличающийся от брата, как солнечный остров Тайти от Мыса Штормов, — стоял в манеже, держась за ограждение, и потешно смотрел на нее, хлопая глазенками.

Хилли — тут надо отдать ему должное — искренне обожал братишку. Хотя родители поначалу не позволяли ему брать малыша на руки и вообще старались не оставлять мальчиков наедине больше, чем, скажем, на тридцать секунд, со временем они успокоились.

— Черт, да парней можно вместе в разведку послать, оба вернутся целыми-невредимыми, — утверждал Эв Хиллман. — Любит старший-то мелкого. Это хорошо.

Так оно и было. Большинство проделок Хилли, если не все, родились из желания порадовать родителей или стремления к самосовершенствованию. Ему просто не везло, вот и все. И только для Дэвида, боготворившего землю, по которой ходил его старший брат, Хилли всегда был прав...

Вплоть до семнадцатого июля, когда тот устроил свой главный фокус.

3

Мистер Робертсон Дэвис* (да продлится жизнь его еще на тысячу лет) в своей «Дептфордской трилогии» предположил, будто отношение человека к волшебству и волшебникам в большой мере определяется его же отношением к действительности, которое, в свою очередь, служит показателем отношения ко всему миру чудес, что окружает нас, — малых детей, заблудившихся в темном лесу (сюда же, надо полагать, относится и сам мистер Дэвис), где одни деревья кусаются, а другие могут поведать великие тайны, — очевидно, дело в свойствах коры.

Хилли Браун очень даже понимал, что живет в мире, полном чудес. Таким было его отношение, и оно никогда не менялось, несмотря на все истории, куда мальчик регулярно «влипал». Реальность казалась ему таинственной и прекрасной, будто стеклянные шарики, которыми родители каждый год украшали рождественскую елку (Хилли тоже хотел их развешивать, но вскоре убедился — за компанию с мамой и папой, — что доверить ей хрупкую игрушку значило подписать этой самой игрушке смертный приговор), роскошной и завораживающей, словно кубик Рубика, полученный им в подарок к девятому дню рождения (недели две головоломка и впрямь завораживала; потом мальчик научился собирать ее, позевывая). В итоге, как и следовало ожидать, он всем сердцем влюбился в магию. Она была создана для Хилли Брауна. Беда заключалась в том, что Хилли Браун, подобно Данстану Рамзи из «Дептфордской трилогии» Дэвиса, не был создан для магии.

По случаю десятого дня рождения сына Брайану пришлось наведаться в «Дерри молл», чтобы выбрать для Хилли еще один подарок.

— Папа забыл купить ему что-нибудь, — сообщила Мэри, позвонив мужу во время рабочего перерыва. — Он просил тебя заглянуть на обратной дороге в «Молл» и взять для Хилли какую-нибудь игрушку; а когда придет чек, папа с тобой расплатится.

— Конечно, — обронил Брайан и подумал: «Скорее свиньи начнут летать на метле».

* Робертсон Дэвис (1913—1995) — один из самых знаменитых канадских писателей XX века, драматург, критик, журналист.

— Спасибо, милый, — промолвила жена с благодарностью.

Она прекрасно понимала, какой занозой сделался ее отец — обедавший с ними теперь уже даже не пять, а шесть-семь раз в неделю, — для мужа, но тот никогда не жаловался, чем за-служил горячую преданность Мэри.

— Ну а как по-твоему, что бы могло порадовать Хилли?

— Папа сказал, он целиком полагается на твой вкус.

«Обычное дело», — мысленно хмыкнул Брайан.

Спустя несколько часов он стоял посреди одного из двух игрушечных магазинов «Молла», разглядывая настольные игры, мальчишеских кукол (стыдливо называемых «экшен-фигурками»), модели... При виде большого «Набора юного химика» мистер Браун представил себе, как Хилли смешивает разные вещества в пробирках, и содрогнулся. Все это казалось неподходящим. К десяти годам его старший сын перерос совсем уж детские игрушки, но еще не дорос до коробчатых змеев или моделей самолетов с газовыми двигателями. Все казалось неподходящим, а время между тем поджимало. Было уже четверть пятого, а начало праздника назначили на пять. Брайан едва успевал вернуться домой.

И тут он почти наугад схватил «Набор юного мага». «Тридцать новых фокусов!» — гласила надпись на коробке. Недурно. «Долгие часы развлечений для начинающего фокусника!» Тоже неплохо. «Возраст — от восьми до двенадцати лет». Замечательно. «Все оборудование прошло испытания на безопасность», — и это последнее было, пожалуй, лучше всего. Мистер Браун купил набор и контрабандой пронес его в дом под пиджаком в то время, пока Эв Хиллман нестройно распевал вместе с Хилли, его тремя приятелями и Дэвидом песню «Милая Бетси из Пайка»*.

— Ты как раз успел к пирогу, — шепнула Мэри, целуя мужа.

— Заверни это, ладно? — Он сунул ей в руки коробку. Миссис Браун бросила на нее взгляд и кивнула. — Как проходит праздник?

— Хорошо. Правда, собираясь пришпилить хвостик нарисованному ослу, Хилли запнулся о ножку стола и воткнул булавку в руку Стенли Джернигану, вот пока что и все.

* Старинная американская баллада о временах золотой лихорадки, повествующая о злоключениях первопроходца Ика и его возлюбленной Мэри, отправляющихся из Пайка (предположительно штат Миссouri) в Калифорнию.

Брайан просиял. И вправду, как замечательно. В прошлом году Эдди Голден во время игры в прятки, пытаясь прописнуться в любимый «домик» Хилли, распорол ногу о ржавую колючую проволоку, которую хозяин «домика» даже не замечал до этого дня. Мальчика отвезли к доктору, тот наложил ему три шва и сделал прививку от столбняка. Организм на нее как-то плохо отреагировал, и бедолага провалился в больнице еще пару суток.

Мэри с улыбкой еще раз поцеловала мужа.

— Спасибо тебе от папы. И от меня.

Хилли с удовольствием распаковывал все подарки, но когда настал черед набора фокусника, мальчик чуть с ума не сошел от радости. Он тут же бросился к деду (который успел к тому времени умыть половину шоколадного торта «Пища дьявола», однако явно не собирался останавливаться на этом) и пылко обнял его.

— Спасибо, дедуля! Спасибо! Это моя мечта! Откуда ты узнал?

Эв Хиллман тепло улыбнулся внуку.

— Я просто не забыл, как сам был мальчишкой.

— Это просто супер, дедуля! Ух ты! Смотри, Стенли! Тридцать четыре фокуса! Барни, смотри...

Стремительно повернувшись к товарищу, он угодил краем коробки в чашку с кофе. Напиток выплеснулся и обжег руку Барни Эплгейта. Малыш завопил.

— Ой, прости, Барни, — бросил Хилли, пританцовывая от возбуждения. Глаза у него сверкали так ярко, что ими можно было поджечь костер. — Нет, ну ты глянь! Обалдеть, да? Улет!

Увидев, как три-четыре подарка, на которые родителям пришлось копить, а потом заказывать их заблаговременно по каталогу «Шварц», были мгновенно низведены до роли статистов-копьеносцев из эпической постановки о жизни в джунглях, Брайан и Мэри обменялись выразительными взглядами.

«Ох... прости, дорогой».

«Что ж теперь... таков уж наш сынок».

И оба, не удержавшись, прыснули.

Все взгляды на миг обратились к ним (Мэри часто потом вспоминала круглые, благоговейные глазки Дэвида) и вернулись к Хилли, открывавшему коробку.

— А вот интересно, осталось у нас еще мороженое с орешками и кленовым сиропом? — спросил Эв Хиллман.

И внук, уверенный в том, что ему достался лучший дедушка на всем белом свете, побежал на кухню.

Все в той же «Дептфордской трилогии» Робертсон Дэвис выказывает предположение, что избитая истина, относящаяся к писательству, живописи, верховой езде и вранью, касается и магии: кому-то дано, а кому-то нет.

Старший сын Браунов принадлежал к последней категории.

В «Пятом персонаже», первом из трех дептфордских романов, очарованный магией рассказчик (примерно одних с Хилли лет) с грехом пополам исполняет фокусы перед благодарной, доверчивой публикой, состоящей из одного-единственного мальчика младше его (погодка Дэвида), и вдруг, по иронии судьбы, обнаруживает у младшего подлинный талант к магии, которого сам начисто лишен. Малыш посрамляет рассказчика с первой же попытки спрятать в ладони шиллинг.

На этом, собственно, сходство между историями заканчивается: Дэвид Браун был ничуть не талантливее старшего брата. Но зато обожал его и мог часами сидеть, не сводя с Хилли терпеливого, внимательного, любящего взгляда, даже если тот не пытался заставить валетов «бежать из горящего дома», а домашнего кота по кличке Виктор — выскочить из цилиндра (потом кот нагадил туда, и шляпу пришлось выбросить), а вздумал прочесть ему лекцию о термодинамических свойствах пара или родословие Христа согласно Евангелию от Матфея.

Нельзя сказать, чтобы Хилли оказался совсем уж бездарным иллюзионистом; это было бы неправдой. Вообще-то его **ПЕРВОЕ МАГИЧЕСКОЕ ГАЛА-ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**, состоявшееся на заднем дворе в тот самый день, когда Джим Гарденер покинул Трою, чтобы присоединиться к «Новоанглийскому поэтическому каравану», произвело довольно сильное впечатление. Дюжина ребятишек — в основном друзья Хилли, а за компанию с ними, для массовки, несколько детсадовских приятелей Дэвида — плюс четверо или пятеро взрослых пришли посмотреть на фокусы. Львиная доля из дюжины трюков действительно удалась, но не благодаря способностям юного артиста, а исключительно из-за отчаянного упорства, проявленного им во время бесчисленных репетиций. При отсутствии божьей искры весь ум и вся решительность во вселенной не способны породить и каплю искусства — зато иногда могут создавать великолепные подделки под него.

Кроме того, надо отметить: создатели набора, купленного Брайаном практически наугад, специально изыскали трюки, главное в которых — не ловкость или талант (они были уверены, что большинство начинающих фокусников бездарны и неуклюжи), а хитроумные приспособления. К примеру, надо сильно постараться, чтобы провалить трюк с умножением монет. То же касалось и волшебной гильотины в миниатюре с отчетливой надписью «Сделано в Тайване», отштампованной на пластмассовой подставке, и настоящим бритвенным лезвием. Когда один из нервничающих зрителей (или уже искушенный Дэвид) вкладывал палец в отверстие над дыркой, в которую была вставлена сигарета, Хилли резко опускал лезвие, и оно рассекало сигарету пополам... но палец чудесным образом оставался цел.

Однако не все фокусы выглядели эффектно только за счет механических приспособлений. Хилли часами упражнялся двумя руками тасовать колоду, чтобы нужная карта «перелетала» с места на место, и добился кое-какого успеха. Он и не подозревал о том, что отрабатывает умение, полезное скорее для шулера вроде «Подмышки» Барфилда, нежели для настоящего мага. Стоит собрать более двух десятков зрителей, как уютная атмосфера гостиной теряется и даже самые зрелищные трюки с мелкими предметами перестают производить впечатление. Впрочем, публика Хилли была не столь многочисленна; и дети, и взрослые пришли в восторг, когда юный маг невозмутимо сорвал с вершины колоды карту, только что засунутую кем-то в самую середину. Или когда Розали Скехан обнаружила у себя в застегнутой сумочке выбранную наугад карту, которую лично спрятала в лежащей на столе стопке. И разумеется, когда «валеты сбежали из горящего дома» (пожалуй, лучший в истории карточный фокус).

Случилась и пара осечек, куда же без них. Хилли без «косяков», как заявил той же ночью Брайан в постели, — все равно что «Макдоналдс» без гамбургеров. Когда мальчик попытался вылить кувшин воды в носовой платок, взятый взаймы у почтальона Джо Полсона, которому через месяц предстояло поджариться, — вымок не только платок, но и передняя часть штанов юного мага. Потом Виктор наотрез отказался выпрыгивать из цилиндра. Но хуже всего получился фокус, над которым Хилли работал до седьмого пота: «Исчезновение монет».

Он ловко спрятал эти шоколадные кругляши «Манчи мани» в золотых обертках, но потом, при неуклюжем повороте, они взяли и высыпались из рукава, вызвав всеобщее ликовение и бешеные аплодисменты друзей.

В конце представления зрители устроили искреннюю овацию. Все наперебой уверяли, что Хилли — настоящий волшебник «для своих десяти лет». И только три человека не согласились с этой оценкой: Мэри Браун, Брайан Браун, ну и, конечно, сам «юный маг».

— Он так и не нашел *свое*, правда? — спросила Мэри той ночью в постели.

Оба понимали, о чем речь: о божьих планах на Хилли. Ведь зачем-то господь поместил этот яркий прожектор в голову мальчугана.

— Нет, — ответил Брайан после долгого задумчивого молчания. — Вряд ли. Но как он старался! Вкалывал как ломовая лошадь, правда?

— Да уж, — согласилась Мэри. — Приятно было смотреть. Значит, может сосредоточиться и не метаться туда-сюда, если сильно захочет. Только это как-то грустно. Он труился, словно студент перед выпускными экзаменами.

— Понимаю.

Мэри вздохнула:

— Ну что ж, представление позади. Думаю, теперь он переключится на что-нибудь еще. И рано или поздно отыщет *свое*.

5

Поначалу казалось, что мать не ошиблась с прогнозом: на смену интересу к магии пришел интерес к муравьиным фермам, лунным камням и чревовещанию. «Набор юного мага» перекочевал из-под кровати, где хранился на случай, если Хилли пробудится среди ночи с какой-нибудь новой идеей, на захламленный письменный стол. Знакомая увертюра к уже знакомой пьесе, подумала Мэри. Кончится тем, что коробка осядет в глубинах пыльного чердака.

Однако разум Хилли вовсе не думал переключаться — не так просто он был устроен. Две недели после гала-представления мальчик провел в самом черном унынии. Родители не почувст-

вовали этого и ни о чем не догадывались. Дэвид догадывался, но что он мог поделать в свои четыре года? Только надеяться, что в один прекрасный день брат воспрянет духом.

Все это время Хилли пытался освоиться с непривычной мыслью: впервые в жизни он потерпел неудачу в деле, в котором по-настоящему хотел преуспеть. Аплодисменты и поздравления — это приятно, само собой (мальчик не стал опускаться до того, чтобы принять искренние похвалы за проявление обычновенной вежливости)... но он был возмущен до глубины души. В иных обстоятельствах это качество могло бы сделать из Хилли великого артиста: искренней похвалы ему было недостаточно. «Что она собой представляет? — рассуждал он. — Так растины и неудачники восхваляют людей, достигших хотя бы низшего уровня мастерства».

В общем, этого ему было мало.

Разумеется, Хилли не мог рассуждать об этом взрослыми словами... но думал он именно так. Узнай мать его мысли — ух и злилась бы! Ведь гордыня, как она научилась из Библии, всегда предшествует падению. Можно не сомневаться: мать рассердилась бы даже сильнее, чем в тот день, когда мальчик чуть не выскочил на проезжую часть на санках перед бензовозом. Или когда он собрался искупать кота в бачке унитаза. «Чего же ты хочешь? — воскликнула бы она, картино всплеснув руками. — *Нечестных похвал?*»

Зоркий Эв или еще более прозорливый Дэвид могли бы ей объяснить.

Хилли желал, чтобы глаза у зрителей выпучились и полезли на лоб; чтобы девочки завизжали, а мальчики завопили. Хотел услышать дружный смех, когда Виктор выскочил бы из цилиндра с бантиком на хвосте и шоколадной монеткой в зубах. Юный фокусник отдал бы все искренние похвалы и аплодисменты за один-единственный вскрик из зала. За то, чтобы кто-то расхохотался до упаду. Или даже грохнулся в обморок, как (если верить брошюре) случилось на выступлении Гарри Гудини, когда он чудесным образом выбрался из большого молочного бидона. Дело в том, что все эти поздравления и хлопки означают одно: ты молодец. Тогда как вскрики, смех, обмороки скажут, что ты достиг величия.

Между тем Хилли подозревал — даже нет, точно знал: величия ему не достичь, хоть из кожи вон лезь. Тяжким ударом стал

для мальчика даже не сам провал, а именно горькое осознание, что ничего нельзя изменить. В каком-то смысле это было хуже, чем похоронить веру в Санта-Клауса.

И вот, пока родители считали спад интереса к магии обычным капризом переменчивого весеннего ветра, гуляющего в головах всех обычных детей, на самом деле он стал результатом первого в жизни совершенно взрослого решения: если величие недостижимо, лучше отложить это занятие. Мальчик просто не мог оставить набор под рукой, чтобы время от времени развлекаться от скуки. Слишком глубока была нанесенная рана. Когда чувствуешь: что-то не так с уравнением, лучше стереть его с доски и взяться за новое.

Если бы только взрослые умели столь же решительно отказываться от своих страстей, наш мир, несомненно, стал бы во много крат лучше. Робертсон Дэвис в «Дептфордской трилогии» не говорит нам этого прямо... но намекает изо всех сил.

6

Четвертого июля Дэвид зашел в комнату брата и снова увидел набор для фокусов. Несколько приспособлений были разложены у мальчика перед носом... а с ними — еще кое-что. Батарейки. Похоже, из большого папиного приемника.

— Хилли, а что ты делаешь? — дружелюбно спросил малыш.

Старший брат помрачнел как туча, вскочил на ноги и вытолкал младшего за дверь; тот даже на ковер приземлился. Все это было так непривычно, что Дэвид от изумления не заплакал.

— Уди отсюда! — выкрикнул Хилли. — Не смей подсматривать новые фокусы! Принцы Медичи казнили всякого, кто шпионил за их любимыми магами!

После столь громкого заявления он захлопнул дверь перед носом у младшего брата. Дэвид заревел, требуя, чтобы его впустили, но это не помогло. Непривычное холодное упорство со стороны импульсивного, но в общем-то мягкоклердечного брата поразило мальчика в самое сердце; он спустился к себе, включил телевизор и, наплакавшись, уснул под «Улицу Сезам».

Интерес Хилли к магии разгорелся с новой силой примерно в то же самое время, когда с Беккой Полсон заговорила картина с телевизора.

Мальчика захватали одна идея: раз уж он только и способен, что показывать механические фокусы вроде «Умножающихся монет», значит, нужно изобрести свои собственные. Такие, каких никто и в глаза не видел! Гораздо лучше заводных игрушек Торстона* или подвесных зеркал Блэкстоуна!** Если заставить публику ахать, визжать и хохотать до упаду может не только ловкость рук, но и хитроумная техника, быть посему.

Вскоре он ощутил в себе способности к изобретательству. А короткое время спустя уже был полон идей.

Мысли о создании чего-то этакого и раньше мелькали у него в голове, но все это были смутные грезы, имевшие слабое отношение к настоящей науке, вроде ракеты из картонных коробок, лучевого ружья, подозрительно похожего на палку с куском пенопласта на «дуле», и так далее. Время от времени его посещали более-менее любопытные идеи, однако мальчик от них отказывался, не представляя себе, как воплотить их в жизнь: способности Хилли ограничивались умением забить гвоздь, не погнув, да еще распилить доску — и только.

И вдруг его посетили ясные, словно божий день, замыслы.

«Я стану великим фокусником», — думал юный чародей, привязывая, прикручивая и пристегивая детали друг к другу. Когда восьмого июля мама упомянула, что собирается ехать в Огасту за покупками (голос ее звучал отстраненно; Мэри все чаще страдала мигренью, и весть о погибших во время пожара Полсонах, Джо и Бекке, ничуть не улучшила ее состояния), Хилли попросил ее заглянуть в отдел радиотоваров в молле «Капитолий» и купить ему пару мелочей, вручил восемь долларов, которые не успел потратить с прошедшего дня рождения (недостающие деньги мамочке предлагалось «вроде как дать взаймы») и следующий список:

* Говард Торстон (1869–1936) — американский фокусник, впервые показавший фокус с распиливанием женщины.

** Гарри Блэкстоун — старший (наст. имя Гарри Боутон; 1885–1965) — известный фокусник-иллюзионист прошлого века.

Десять (10) пружинных контакт-деталей по 70 центов (№133456 7)

Три (3) Т-контакта (пружинного типа) по 1 доллару (№1334709)

Одна (1) вилка-барьер для коаксиального кабеля за 2 доллара 40 центов (№19776-С).

Если бы не головная боль и нарастающая апатия, Мэри задумалась бы: а зачем ее сыну все это? Она бы наверняка задалась вопросом, откуда у мальчика столь точные сведения, вплоть до инвентарных номеров, если он не звонил в Огасту? И даже заподозрила бы, что Хилли все же «нашел свое».

А ведь в каком-то ужасном смысле, так и произошло.

Но она просто согласилась «вроде как дать взаймы» четыре доллара и купить все необходимое. Правда, на обратном пути из Огасты в голову матери стали закрадываться вопросы. За границей Хейвена ей полегчало, мигрень совершенно прошла. Даже взятый в поездку Дэвид, оставивший свою обычную беззаботную разговорчивость, молчаливый и замкнутый с тех самых пор, как братец выставил его за дверь, явно приободрился. Он снова болтал мамочку до посинения; от него-то она и узнала, что Хилли через девять дней хочет устроить ВТОРОЕ ЧУДЕСНОЕ ГАЛА-ПРЕДСТАВЛЕНИЕ на заднем дворе.

— Он готовит кучу совсем новых фокусов, — сообщил Дэвид и вновь помрачнел.

— Правда?

— Угу.

— Хороших, как думаешь?

— Не знаю. — Вспомнив, как брат вытолкал его из комнаты, мальчик чуть было не расплакался, но мать ничего не заметила.

Всего десять минут назад они въехали из Альбиона в Хейвен, а головная боль уже возвращалась... и вместе с ней — странное, знакомое чувство, что ее мыслями управляет кто-то другой. Во-первых, их стало слишком много. Во-вторых, львиную долю из них Мэри просто не понимала. Что-то они такое напоминали... Она напрягла извилины и наконец сообразила. В средней школе Мэри участвовала в театральном кружке (вот откуда, по-жалуй, у Хилли взялась эта тяга к выступлениям), и сегодняшние мысли походили на шепот зрителей из-за еще не открытого занавеса. Ничего не ясно, только знаешь: они где-то там.

— По-моему, это будет не очень круто, — после долгого молчания выдавил из себя Дэвид, уставившись в окно.

Внезапно в его глазах появилось загнанное, тоскливо выражение заключенного в камеру-одиночку. Он увидел Джастина Харда, ползущего на пыхтящем тракторе по своему полю. Между тем на дворе стояла вторая половина июля. На какое-то мгновение четырехлетнему Дэвиду Брауну открылись мысли сорокадвухлетнего Джастина Харда. Малыш отчетливо понял, почему тот губит собственные посевы, вдавливая гусеницами в землю и недозрелую кукурузу, и рваные бобовые стебли, и растрескавшиеся дыни. Джастин Хард был уверен, что на улице май. Май 1951 года, если быть точнее. Он просто сошел с ума.

— Мне кажется, ничего хорошего из этого не получится, — сказал Дэвид.

8

ПЕРВОЕ ЧУДЕСНОЕ ГАЛА-ПРЕДСТАВЛЕНИЕ Хилли собрало примерно два десятка зрителей. На второе пришли всего семеро: мать, отец, дедушка, младший брат, Барни Эплгейт (тоже десятилетний, как и сам чародей), миссис Криншоу из деревни (заскочившая в надежде продать Мэри что-нибудь из косметики «Эйвон») плюс сам волшебник. Но если бы разница заключалась лишь в количестве зрителей!

В прошлый раз публика вела себя оживленно, даже чуть нахально (взять хотя бы те насмешливые аплодисменты, когда «исчезающие монеты» просыпались у мага из рукава). Теперь все сидели с вялыми, безразличными лицами, словно манекены на раскладных стульях, расставленных загодя фокусником и его «ассистентом» — бледным, безмолвным Дэвидом. На первом выступлении папа смеялся, громко хлопал и вообще шумно вел себя, в этот раз оборвал вступительную речь сына о «Восточных мистериях», заявив, что ему, дескать, некогда слушать о каких-то загадках; он только что постриг траву на лужайке, прополол огород и теперь, если Хилли не против, хотел бы скорее принять душ и выпить пива. Да и погода переменилась. Во время ПЕРВОГО ЧУДЕСНОГО ГАЛА-ПРЕДСТАВЛЕНИЯ было тепло и солнечно — самый роскошный денек, какие толь-

ко случаются поздней весной на севере Новой Англии. Тогда как теперь, в июле, в воздухе стояла угрюмая духота, и солнце, окутанное знойной дымкой, палило с раскаленных небес цвета хромированного металла. Миссис Криншоу обмахивалась одним из своих каталогов, ожидая, когда все закончится. В такую жару можно было запросто упасть в обморок. А этот мальчишка, взгромоздившийся на сцену из пахнущих апельсинами ящиков, в черном костюме, с нарисованными ваксой усами... избалованный выпендрежник... Зрительнице так и хотелось его прибить.

На этот раз фокусы получались куда интереснее, они были поразительны, однако Хилли, к своему изумлению и ярости, обнаружил, что публика умирает от скуки. В довершение всего, отец так и ерзal на стуле, норовя скорее удрать домой, а ведь именно его мальчик в первую очередь мечтал впечатлить. «Чего им всем не хватает? — сердито спрашивал себя юный маг, обливаясь потом в воскресном костюмчике из черной шерсти не меньше, чем та же миссис Криншоу. — Выступаю я великолепно, получше, чем сам Гудини, а они не визжат, не хохочут, не ахают. Почему? Что не так-то?!»

Посередине помоста из ящиков находилось небольшое возвышение — еще один ящик, только накрытый тканью. Там было спрятано изобретение Хилли, приборчик, сделанный из батареек, которые Дэвид видел тогда в его комнате, и внутренностей калькулятора «Техас Инструментс», украденного (без малейшего зазрения совести) из ящика маминого стола, с самого дна. Покрывало было присобрано по краям и таило от глаз еще одну важную деталь, которую Хилли тоже, вопреки своему воспитанию, стащил у матери — ножную педаль от швейной машинки Зингера, присоединенную к прибору с помощью тех самых пружинных разъемов, что Мэри купила в Огасте. Изобретение юного мага заставляло вещи исчезать и вновь появляться. Хилли находил этот процесс зрелищным, ошеломляющим. А между тем реакция зрителей обескураживала.

— Итак, для начала я заставлю исчезнуть вот этот томат! — провозгласил артист и, запустив руку в ящик с принадлежностями для фокусов, поднял ее над головой. — Попрошу кого-нибудь из вас убедиться, что это самый настоящий томат, а не какая-нибудь подделка. Может быть, вы, сэр? Благодарю!

Он указал на отца, но тот устало махнул рукой:

— Это самый настоящий томат, Хилли. Я и так вижу.

— Отлично! Теперь смотрите во все глаза: Восточная мистерия... в действии!

Хилли нагнулся, положил томат посередине белого покрытого на ящике и набросил на него мамину шелковую косынку синего цвета. Потом взмахнул волшебной палочкой над окружным бугром, воскликнул: «Абракадабра!» — и незаметно нажал на потайную педаль от швейной машинки. Что-то глухо зажужжало, и бугор под косынкой разгладился, ткань совершенно опала. Мальчик сдернул ее, продемонстрировал опустевший помост, а затем терпеливо замер в ожидании аплодисментов и восторженных воплей. Ему похлопали.

Очень вежливо, но не более того.

Потом до него донеслась чья-то мысль — скорее всего, принадлежавшая миссис Криншоу: «Потайной люк. Ничего особенного. Не могу поверить, что я тут поджариваюсь на солнце, глядя, как это испорченное родителями отродье пихает томаты сквозь люк, и все только для того, чтобы всучить его матери флакончик духов. Кошмар!»

Мальчик начал по-настоящему злиться.

— А теперь еще одна Восточная мистерия! Возвращение пропавшего помидора! — Он сверкнул глазами в сторону миссис Криншоу. — Специально для тех, кому лезут в голову глупые мысли о разных там потайных люках! Надеюсь, эти люди все же не настолько глупы и в состоянии понять одно: протолкнуть томат в потайную дырку — проще простого, а вот чтобы извлечь его обратно, придется здорово попотеть, не правда ли?

Миссис Криншоу ответила любезной улыбкой и продолжала вдавливать ножки стула в дерн, грузно свесив свою заднюю часть по обе стороны сиденья. Мысли женщины вдруг затихли, словно испорченный радиосигнал.

Хилли вернул косынку обратно. Взмахнул рукой. Нажал на педаль. Синяя ткань моментально вздулась, и он торжествующе сдернул ее. Томат был на месте.

— Та-даа! — воскликнул мальчик.

Ну, теперь-то он дождется аплодисментов и выкриков!

Все те же жидкые хлопки.

Барни Эплгейт зевнул.

Хилли охотно пристрелил бы его на месте.

Он собирался показывать фокусы по возрастанию сложности, от «Исчезновения томата» до «Большого финала»; это был

замечательный план — если бы все сработало, как задумано. Однако до сих пор все шло наперекосяк. Обуреваемый возбуждением первооткрывателя, создавшего машину для настоящего исчезновения и появления предметов (Хилли намеревался продать ее Пентагону после того, как покрасуется на обложке журнала «Ньюсик» в качестве непревзойденного мага всех времен), мальчик не учел двух тонкостей. Во-первых, только младенцы и дураки, наблюдая за фокусом, верят в реальность происходящего. А во-вторых, если снова и снова проделывать тот же трюк, пусть даже по нарастающей, с каждым разом все больше теряется эффект новизны.

От «Исчезновения томата» и «Возвращения исчезнувшего томата» он сердито перешел к «Исчезновению радиоприемника» (отцовского; кстати, заметно полегчавшего без D-батареек, уже перекочевавших в прибор под помостом) и «Возвращению его же».

Скупые аплодисменты.

«Исчезновение раскладного стула» и «Возвращение самидогадайтесь-чего».

Зрители совершенно обмякли, словно их мозги давно иссущили солнце... Или *то непонятное*, что витало в воздухе Хейвена. Может, окислившиеся молекулы и впрямь испарялись с корпуса корабля в атмосферу? Сегодня она была какой-то особенно тяжелой, и ни единого дуновения ветерка.

«Надо что-то делать», — в панике думал Хилли.

И тогда, под влиянием минуты, он решил пропустить «Исчезновение книжного шкафчика», «Исчезновение велотрена-жера» (маминого) и даже «Исчезновение мотоцикла» (отцовского; тем более в его сегодняшнем настроении папа вряд ли согласится вкатить его на помост), а вместо этого перейти сразу к «Большому финалу».

К «Исчезновению младшего братца».

— А теперь...

— Хилли, — начал отец, — прости, но мне...

— Для моего последнего фокуса, — быстро проговорил Хилли, так что Брайану пришлось опуститься обратно на стул, — нужен доброволец из зала. Дэвид, иди сюда.

Тот двинулся вперед со смешанным выражением страха и смирения на лице. Хотя его ни о чем таком не предупреждали, малыш точно знал, какой именно фокус его старший брат приберег напоследок.

— Я не хочу, — сказал он.

— Придется, — процидил маг.

— Хилли, мне страшно, — взмолился Дэвид, и его глаза заблестели от слез. — А если я не вернусь?

— Вернешься, — шепнул ему старший брат. — Все возвращается, ты же видел.

— Но это все было неживое, — возразил Дэвид.

Слезы выкатились из глаз и побежали по щекам. Глядя на младшего, которого он так сильно любил (пожалуй, это единственное, в чем Хилли по-настоящему преуспел; даже магия у него получалась хуже), юный фокусник вдруг действительно засомневался. Он будто бы пробудился от ночного кошмара, чтобы через миг снова вернуться к нему же. «Ты ведь не сделаешь этого, правда? Не вытолкнешь Дэвида на оживленную трассу в надежде, что все машины разом успеют затормозить? Ты ведь даже не знаешь, куда отправляются все эти вещи, когда исчезают!»

А потом он бросил взгляд на скучающую, рассеянную публику, среди которой выделялся только Барни Эплгейт (он бережно отковыривал застывшую корку от старой болячки на локте), — и слезы перепуганного малыша были мгновенно забыты. Осталась одна лишь досада.

— Лезь на помост, Дэвид! — приказал Хилли.

Тот болезненно сморщился... но зашагал к ящику. Дэвиду и раньше не приходило в голову ослушаться брата, которого он обожал все полторы тысячи с чем-то дней своей жизни; не пришло и теперь. Правда, пухлые ножки едва не подкосились, когда он вступил на застеленный белым покровом ящик, пахнувший апельсинами, под которым прятался хитроумный прибор.

Дэвид посмотрел на зрителей, маленький мальчик в голубеньких шортах и выгоревшей футболке с надписью «МЕНЯ НАЗЫВАЮТ ДОКТОР ЛЮБОВЬ»*, и по его лицу побежали потоки слез.

— Черт, улыбайся! — прошипел Хилли, ставя ногу на постайную педаль.

Зарыдав еще сильнее, малыш ухитрился изобразить жуткое подобие улыбки. Мэри Браун даже не заметила, что ее сын плачет от страха. Миссис Криншо тайком пересела на другой стул

* Страна из песни хард-рок группы «Kiss».

(свой она успела наполовину вдавить в землю) и приготовилась убираться восьсяи. Какая ей разница, купит эта набитая дура «эйвоновский» набор или нет. Выносить дальше пытку солнцем и скучай она не могла.

— А ТЕПЕРЬ, — выкрикнул Хилли, пытаясь расшевелить впавших в спячку зрителей, — величайшая из Восточных мистерий! Посвященных в тайну — единицы; практикующих — и того меньше! «Исчезновение человека»! Смотрите и не моргайте!

С этими словами он набросил на дрожащего Дэвида покрывало. Когда оно, раздувшись, как парус, обвисло и спрятало малыша с ногами, тот громко всхлипнул. Чародея вдруг пердернуло — то ли от страха, то ли это его здравомыслие таким образом тщетно пытались отвоевать позиции.

— Хилли, пожалуйста... ну пожалуйста, мне же страшно! — донесся до мальчика приглушенный шепот.

Фокусник замер. А потом в его голове пронеслось: «Отбросим сомнения, только вперед! Разве трюк томминокеров нас подведет?»

Еще немного — и Хилли Браун уже буквально лишится рассудка.

— Абракадабра! — воскликнул он и, выполнив пассы волшебной палочкой над трясущимся мальчиком в покрывале, нажал на педаль.

Послышалось долгое жужжание.

Ткань лениво опала и сдулась; так бывает, когда встрихнешь покрывало над постелью и ждешь, пока оно не уляжется.

Тут Хилли сдернул его рывком и тоненько вскрикнул:

— Та-даа!

Он чуть не обезумел от ужаса и ликования, на миг идеально уравновесивших друг друга, как дети одного веса на разных концах качелей.

Дэвида на помосте не было.

На минуту зрители стряхнули оцепенение. Барни Эплгейт позабыл о своей болячке. Брайан Браун выпрямился на стуле с разинутым ртом. Мэри и миссис Криншо бросили перешептываться, и только Эв Хиллман тут же нахмурился с озабочен-

ным видом... Впрочем, было бы чему удивляться: в последнее время дед часто расхаживал с обеспокоенным выражением на лице.

«Ооо!» — мысленно выдохнул Хилли, чувствуя, как успех бальзамом изливается на душу.

Но интерес публики, как и его торжество, оказался недолговечным. Трюки с участием людей всегда привлекали больше внимания, нежели с реквизитом или животными (вытащить кролика из цилиндра — это здорово, но ни один уважающий себя маг не решил на этом основании, будто зрителям интереснее наблюдать, как пополам распиливают лошадь, а не красотку с роскошной фигурой, затянутую в пару блестящих тряпочек), однако, в конце концов, это был тот же самый фокус. Аплодисменты звучали громче прежнего (Барни Эплгейт даже от души завопил: «Ваааааууу, Хилли!»), но быстро утихли. Мама кудесника вновь принялась перешептываться с миссис Криншоу. Отец поднялся с места.

— Мне в душ пора, — пробормотал он. — Чудесное представление, чтоб я провалился.

— Но...

Со стороны подъездной дорожки донесся гудок.

— Мама пришла. — Барни так проворно вскочил, что едва не сбил с ног миссис Криншоу. — Пока! Классный фокус!

— Но...

Теперь уже Хилли чувствовал, как слезы обжигают ему глаза.

Между тем Барни встал на колени и помахал, словно его могли видеть из-под платформы:

— До скорого, Дэйви! Отлично сработал!

— Черт, да его же там нет! — воскликнул юный маг.

Но приятель уже резво скакал прочь. Мама вместе с миссис Криншоу шагали к заднему крыльцу, разглядывая косметический каталог. Все произошло так быстро.

— Хилли, не чертыхайся! — бросила Мэри Браун, не оборачиваясь. — И напомни братику вымыть руки, когда вернетесь домой. Там, внизу, грязновато.

Остался только Эв Хиллман. Он продолжал смотреть на внука с тревогой.

— А ты почему не ушел? — спросил мальчик со злостью и горечью, но каким-то странным голосом.

— Хилли, если твоего брата там нет, — спросил дедушка непривычно серьезным голосом, — то где же он?

«Не знаю», — подумал мальчик, и его внутренние качели начали крениться. Злость пошла вниз, а страх — все выше, выше и выше. Со страхом пришло и чувство вины. Перед глазами встало испуганное, зареванное лицо Дэвида. Потом (спасибо развитому воображению) собственное — сердитое, почти злое и уж точно грозное. «Черт, улыбайся!» И Дэвид выдавил из себя улыбку сквозь слезы.

— Да нет, конечно, он там. — Хилли принял громко всхлипывать, уселся на сцену и, обняв колени, уткнулся в них пылающим лицом. — Он там, ага, все раскусили мои фокусы, никому они не понравились, терпеть не могу эту магию, зачем только ты подарил дурацкий набор...

— Хилли... — Эв Хиллман шагнул к мальчику с озабоченным и расстроенным видом. Что-то здесь было не так... здесь и по всему Хейвену. Он сердцем чуял. — Что случилось?

— Уходи! — продолжал плакать внук. — Ненавижу тебя! НЕНАВИЖУ!

Дедушек проще всего на свете обидеть, пристыдить или привести в замешательство. Эв Хиллман испытывал все три эмоции одновременно. Больно было слышать такое от внука, хотя и ясно: мальчик бросил это в сердцах. Стыдно — потому что его подарок заставил Хилли плакать... Строго говоря, набор-то нашел в магазине зять, но Эв не отрекся от него, когда мальчик обрадовался, и не видел причин отрекаться теперь, когда тот безутешно рыдал, спрятав лицо между грязных коленей. А замешательство он испытывал потому, что вокруг творилось нечто странное... Что именно? Он не знал. Знал только, что дряхлеет — о, совсем понемногу, но с каждым годом все быстрее — и едва начал смиряться с этой мыслью. Впрочем, этим летом все вокруг казались ему стариками. В чем это проявлялось? Характерное выражение глаз, рассеянность в разговорах, провалы в памяти? Да все вместе, наверное. Даже больше. Но что-то конкретное Эв не смог бы назвать. И вот это самое замешательство, так непохожее на отупение, охватившее прочих зрителей ВТОРОГО ЧУДЕСНОГО ГАЛА-ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, вынудило дедушку, единственного в Хейвене человека, оставшегося в истинно здравом уме (еще на рассудок Джима Гарденера кораблю

практически не удалось повлиять, но к семнадцатому числу тот уже пил не просыпая), совершил поступок, в котором позже он горько раскаялся. Вместо того чтобы с хрустом согнуть колени, заглянуть под самодельную сцену и лично убедиться, что Дэвид прячется там, Эв Хиллман отступил. Предпочел спастись бегством от мысли, будто его подарок мог причинить внуку столько горя, и от всего остального. Бросил Хилли одного, полагая, что мальчик «сам придет, когда образумится».

10

Провожая взглядом дедулю, сильно шаркающего ногами, юный фокусник ощущал на плечах удвоенное бремя вины и скорби... а потом и утроенное. Он едва дождался, пока тот уйдет, вскочил на ноги, вернулся к помосту и снова нажал по-тайную педаль от швейной машинки.

Хумммммммммм.

Мальчик ждал, что покрывало взметнется кверху и примет знакомые очертания. Хилли сдернул бы его и сказал: «Вот видишь, малыш? НИЧЕГО ТАКОГО, ведь правда?» Наверное, даже врезал бы ему хорошенъко, чтоб не ныл так в следующий раз. А может, просто...

Но ничего не произошло.

Внутри начал подниматься страх. Начал? Или все время был там? Скорее второе. Только теперь он... вспучивался — да, вот подходящее слово. Будто бы кто-то просунул мальчику в горло воздушный шар и надувал его. Это новое ощущение заставило Хилли забыть о своем несчастье, не говоря уже о вине. Юный маг попытался сглотнуть, но не смог протолкнуть в горло сквозь воображаемый шарик ни капли слюны.

— Дэвид? — прошептал он и снова нажал на педаль.

Хуммммммммм.

Мальчик решил, что не станет бить младшего брата. Он крепко обнимет Дэвида. Пусть только тот вернется. Хилли упадет на колени, прижмет его к себе и пообещает отдать все свои фигурки из серии «Джи-Ай Джо» (кроме Змееглазого и Хрустального Шара) на целую неделю.

Но ничего не изменилось.

Покрывало, которое он набросил на Дэвида, так и лежало скомканным поверх другого, замаскировавшего ящик вместе с изобретением. Оно и не собиралось принимать очертания мальчика. Хилли стоял на заднем дворе под лучами жаркого солнца, чувствуя, как сердце колотится все быстрее, а шарик в горле все надувается. «Когда он лопнет, — подумал мальчик, — я, наверное, закричу».

«Да хватит же! Дэвид вернется! Куда он денется? Томат же вернулся, и радио, и раскладной стул. И все вещи, с которыми я экспериментировал у себя в комнате, возвращались. А он... Он...»

— Мальчики, домой! — позвала Мэри Браун.

— Сейчас, мам! — неестественно бодрым голосом отозвался Хилли и помахал в ответ. — Еще немножко!

А сам подумал: «Господи, пожалуйста, лишь бы он вернулся. Боже, прости меня. Я все сделаю... Пусть насовсем забирает мои фигурки, ни одной не пожалею, честное слово, отдам даже танчики, даже форт «Ужас!» Боженька, дорогой, ПОЖАЛУЙСТА, ПУСТЬ НА ЭТОТ РАЗ ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ И ДЭВИД ВЕРНЕТСЯ!»

Он снова нажал на педаль.

Хумммммммммм.

Хилли затуманенными от слез глазами уставился на смятое покрывало. На миг ему показалось... Но нет, это просто ветерок налетел и взметнул край ткани.

Страх уже запустил в разум мальчика свои зубы — острые и сверкающие, точно бритвенные лезвия. Еще немного — и он завопит, так что мать выскочит из кухни, а отец, мокрый, в полотенце на бедрах — из ванной; причем оба с одной и той же мыслью: «Что Хилли натворил на этот раз?» В панике есть своя положительная сторона: с ее наступлением можно уже *не думать*. К несчастью, до этого еще не дошло, и ясный рассудок юного мага стремительно выдал две мысли, одну за другой.

Первая: «Я никогда еще не «исчезал» живые предметы. Даже томат был сорванный, а папа говорит: что сорвано, то убито».

И вторая: «Может ли Дэвид дышать там, куда он попал? А вдруг: НЕ МОЖЕТ?»

Прежде Хилли не задавался вопросом, что происходит с вещами, которые он «исчезает». И вот теперь...

В последний миг до того, как ослепнуть под черным покровом — или траурной мантией — паники, мальчик увидел перед глазами отчетливую картинку. Дэвид лежал посреди какого-то дикого, пугающего пейзажа, на поверхности чужого мертвого мира. Иссохшая мерзлая почва серого цвета была изрезана трещинами, похожими на пасти окаменевших рептилий. Они разбегались зигзагами во все стороны до самого горизонта. Небо над головой было чернее бархата, на котором ювелиры любят выставлять золото, — и миллиарды звезд сияли на нем пронзительным светом, неведомым для землян, потому что пространство, куда Хилли уставился округлившимися от ужаса глазами воображения, оказалось почти — практически — безвоздушным.

А посреди этой инопланетной пустыни лежал его пухлый четырехлетний братик в шортах и майке с надписью «МЕНЯ НАЗЫВАЮТ ДОКТОР ЛЮБОВЬ». Дэвид судорожно хватался за горло, пытаясь втянуть в себя антивоздух мира, отделенного от родного дома, возможно, целым триллионом световых лет. Малыш побагровел и кашлял. Мороз рисовал убийственные отпечатки на его губах и ногтях. Он...

Но тут наконец Хилли накрыла настоящая паника.

Сорвав покрывало, еще недавно наброшенное на Дэвида, он перевернул ногой ящик-помост, под которым спрятал прибор, и принялся, будто заведенный, раз за разом нажимать на педаль от швейной машинки. Прибежав на его оглушительный визг, Мэри Браун еле сумела разобрать среди шума членораздельные слова.

— Все фигурки «Джи-Ай Джо»! — голосил мальчик. — Все «Джи-Ай Джо»! Все «Джи-Ай Джо»! Совсем, навсегда! Все фигурки!

А потом нечто более жуткое:

— Вернись же, Дэвид! Вернись, Дэвид! Вернись!

— Боже, о чём он? — воскликнула мать.

Брайан поймал сына за плечи и развернул к себе.

— Где Дэвид? Куда он дёлся?

Но Хилли уже лишился сознания. Он так и не пришел в себя. Вскоре более сотни мужчин и женщин, в том числе Бобби с Гардом, прочесывали лес за дорогой в поисках Дэвида.

Будь Хилли в состоянии говорить, он бы сказал, что не стоит искать так близко от дома... Чересчур близко.

Глава 4

БЕНТ И ДЖИНГЛС

1

Вечером двадцать четвертого июля, через неделю после исчезновения Дэвида Брауна, Бентон Родес выехал на полицейском автомобиле из Хейвена. На часах было около восьми. Питер Гэббонс, известный в кругу товарищей как Джинглс, занимал переднее пассажирское кресло. Землю окутывали пепельные сумерки — «пепельные» в переносном смысле, конечно; в отличие от пепла, въевшегося в ладони копов, — тот был настоящим. Родес не переставал думать об оторванной руке и о том, что мгновенно узнал ее. Господи!

«Хватит уже! Забудь об этом!» — приказал он собственному рассудку.

«Хорошо», — согласился тот и продолжал свое дело.

— Проверь еще раз связь, — произнес Бентон. — Готов поспорить, все дело в микроволновой тарелке, которую поставили в Трое. Это она дает помехи.

— Ладно. — Джинглс полез за рацией. — Объект Шестнадцать вызывает Базу. Таг, ты на месте? Прием. — Он отпустил кнопку, и оба прислушались.

Динамик разразился непривычным треском, в котором тонули далекие призрачные голоса.

— Еще раз, что ли? — спросил Джинглс.

— Не надо. Все равно скоро будет нормальный прием.

Бент вел машину с включенным проблесковым маячком на скорости семьдесят миль в час по трассе номер 3 в сторону Дерри. Где же подкрепление? В Хейвен-Виллидж проблем со связью не было; голоса даже немного пугали своей чистотой. Впрочем, если бы только это нагоняло жуть сегодня вечером.

«Да уж, — согласился мозг. — Кстати, ты в ту же секунду узнал кольцо, правда? Кольцо полисмена, хоть и на женской руке, ага? А ты заметил, как свисают оборванные сухожилия? Словно в лавке мясника, верно? Ягнячья ножка или что-нибудь в этом роде. Надо же было так оторвать, прямо целую руку! Это просто...»

«Я сказал, хватит! Господибожемой... УМОЛКНИ!»

«Да ладно, не кипятись. Забудь на секунду, что ты не хочешь об этом думать... Или запеченный рулет, к примеру? А крови, крови-то сколько было!»

«Прекрати, пожалуйста, перестань», — мысленно застонал Бентон.

«Ну да, я все понимаю, я непременно сойду с ума, если продолжу об этом думать, но, думаю, я все равно буду думать только об этом, потому что, похоже, не сумею остановиться. Рука, ладонь... Это было ужасно, хуже, чем после любой дорожной аварии. А что насчет остальных частей? Голов? Глаз? Ног? Так точно, сэр, знатный бабах получился от взрыва обычной печки!»

— Где же подкрепление? — беспокойно проговорил Джинглс.

— Не знаю.

«Но когда ты увидишь этих парней, то сумеешь их озадачить, верно? Скажешь: “У меня для вас загадка, ребята. Спорим, нипочем не ответите? После взрыва всю площадь усеяло искалеченными телами, а жертва — только одна. Как так могло получиться? И почему после взрыва печки снесло шпиль городской ратуши, но других разрушений не было? И раз уж на то пошло, как этот Беррингер, наш городской управляющий, не смог идентифицировать тело, когда даже мне известно, кто это был? Сдаешься, ребята?”»

Бент прикрыл руку тканью. С остальными частями тела уже ничего поделать было нельзя, но это его почему-то не волновало. А вот руку покойной Рут он прикрыл. Прямо на тротуаре городской площади Хейвен-Виллидж. Пока Эллисон, глава добровольной пожарной команды, ухмылялся с видом тупицы, приехавшего на ужин с бобами, а не на место взрыва, убившего славную женщину. С ума сойти. Большего безумия и представить нельзя.

Питер Гэббонс получил свое прозвище из-за скрипучего голоса, как у Энди Девайна, который сыграл Джинглса в старом ковбойском телесериале. Не успел новобранец приехать в Хейвен из Джорджии, как диспетчер Таг Эллендер окрестил его «Джинглсом», и прозвище прилипло. И вот теперь вдруг Питер проговорил высоким, срывающимся, столь несвойственным ему голосом:

— Съезжай на обочину, Бент. Мне плохо.

Родес резко вывернул руль; тормоза заскрипели, и полицейский автомобиль чуть не полетел в кювет.

«По крайней мере, Джинглс первым это сказал; хоть какое-то утешение».

Выскочив из машины, Питер рванул направо, а Бент — налево. При дрожащем голубоватом свете мигалки оба избавились от содержимого своих желудков. Родес, пошатываясь, вернулся к автомобилю и вытер ладонью рот. Судя по звукам, доносившимся из густых сорняков при дороге, напарника все еще рвало. Бент запрокинул голову к небу, смутно радуясь хоть какому-то ветерку.

— Полегчало, — наконец произнес Джинглс. — Спасибо тебе.

Бентон повернулся к напарнику, чьи глаза сейчас напоминали черные дыры, просверленные в лице. У него был такой взгляд, будто он пытался переварить полученную информацию и совершенно не мог сделать здравые выводы.

— Что же там все-таки произошло? — проговорил Бент.

— Ты что, слепой? У ратуши оторвало шпиль, он взлетел ракетой.

— Ну и как могло взрывом печки снести шпиль?

— Не знаю. Наплюй.

Бент попытался наплевать. У него ничего не вышло.

— Ты сам-то веришь? На дворе июль, а печка взлетает на воздух, да еще и вместе со шпилем?

— Нет. Дело явно пахнет жареным.

— Да уж, до самого неба. — Родес помолчал. — Джинглс, а ты ничего не почувствовал? Ничего такого... ну, странного?

— Может быть, — осторожно ответил тот. — Может, и почувствовал.

— Что?

— Не знаю. — Голос напарника снова пошел вверх, срываясь, как у ребенка, готового разреветься. В вышине равнодушно светили звезды. Благоухающие летние сумерки наполняли мирный стрекот сверчков. — Я только рад, что оттуда выбрался...

И тут Джинглс, почти уверенный, что завтра его пошлют обратно — расчищать и расследовать место преступления, все-таки разрыдался.

2

Некоторое время спустя они тронулись с места. Последние отблески дневного света покинули небо. Бентон был этому рад. Не хотелось ему смотреть на Джинглса... Или чтобы тот на него смотрел.

«К слову, Бент, — продолжал издаваться разум, — здоровоты тогда напугался, скажи? Жуткое, мать его, зрелище. Всюду оторванные головы, ножки — большинство из них в крошечных туфельках... А сами тела! А глаз! Голубой такой, помнишь? Конечно, помнишь! Ты еще пнул его ботинком в канаву, когда наклонялся за рукой Рут Маккосланд. Кругом одни оторванные конечности, головы, туловища, но при этом один-единственный погибший. Эта загадка точно победила бы на какой-нибудь викторине.

Разорванные тела — это страшно. Растиранные летучие мыши — целая пропасть летучих мышей — тоже малоприятное зрелище. Однако ничто не могло сравниться с рукой бедной Рут, не снимавшей кольцо покойного мужа со среднего пальца: ведь рука была *настоящая*.

При виде множества голов, ног и тел Бентон онемел от потрясения и в первую секунду подумал о школьной экскурсии, нагрянувшей в злополучную ратушу, хотя летние каникулы уже начались. Только потом его ослепленный ужасом разум сообразил: даже у детсадовцев не бывает настолько маленьких ручек и ножек, а тем более таких, чтобы их можно было отделить от туловища без кровотечения.

Обернувшись, Родес увидел напарника с маленькой дымящейся головой в одной руке и почти расплавившейся ножкой — в другой.

— Куклы, — произнес Джинглс. — Это куклы, чтоб их. Откуда они все взялись, Бент?

Тот собирался ответить: «Не знаю» (хотя уже тогда его осенила какая-то смутная догадка), но тут заметил, что посетители «Хейвен-ленч» продолжали есть. В магазине «У Кудера» по-прежнему торговали. Сердца коснулась ледяная рука ужаса. Многие из этих людей знали убитую всю свою жизнь, уважали, любили, — и вот теперь занимаются своими делами...

Как ни в чем не бывало...

В эту минуту Бент Родес впервые пожелал — причем от всего сердца — оказаться как можно дальше от Хейвена.

Сейчас, слушая бессмысленный треск рации, Бент наконец припомнил:

— Она собирала кукол. Миссис Маккосланд...

«Рут, — подумал он. — Жаль, мы не были знакомы настолько, чтобы я мог называть ее просто по имени, как Монстр, например. Ее все любят... любили, насколько я знаю. Разве не жутко, что горожане продолжили заниматься своими делами?..»

— Кажется, я тоже об этом слышал, — отозвался Джинглс. — Хобби такое, да? То ли в «Хейвен-ленч» рассказали, то ли «У Кудера», кто-то из старожилов, за выпивкой...

«Скорее второе, можно не сомневаться», — подумал Родес, но промолчал, только кивнул.

— Ну так вот. О куклах. Раз говорили мы с Монстром о миссис Маккосланд, ага, и...

— С Монстром? — перебил Джинглс. — Дуган знал миссис Маккосланд?

— Думаю, даже близко. Ведь они с ее покойным мужем были напарниками. В общем, он сказал, у нее было не то сто, не то двести кукол. Вроде хобби такое, их даже в Огасте однажды выставляли. По его рассказам, она этой выставкой гордилась больше, чем всем, что сделала для нашего города. А совершила она немало, надо заметить.

«Как бы я хотел называть ее Рут», — снова подумал Бент.

— А помимо кукол, ее жизнь заполняла одна лишь работа... — Подумав, Бент продолжал: — По тому, как Монстр отзывался о миссис Маккосланд, мне показалось, что он к ней... неровно дышит. — Он понимал, насколько по-старомодному прозвучали его слова, но только так он и мог описать отношение Дугана к миссис Маккосланд. — Скорее всего, тебе не придется сообщать ему эту новость, но если вдруг — прими дружеский совет: не остри.

— Хорошо, учту. Беседа с Монстром Дуганом — самое то, что мне нужно в конце рабочего дня.

Бент невесело ухмыльнулся.

— Надо же, собирала кукол... — Джинглс кивнул собственным мыслям. — Я-то понял, что это игрушки... — Поймав настороженный взгляд напарника, он криво улыбнулся. — Ну ладно, не сразу, сначала соображал секунду-другую... Но потом заметил, как они на солнце блестят и что крови нет, тогда и смекнул. Просто не знал, почему их так много.

— Ты и теперь не знаешь. Ни этого, ни многоного другого. Почему они все были там? И чтоб мне провалиться, она-то там что забыла?

Джинглс выглядел несчастным.

— Думаешь, у кого-нибудь поднялась бы рука, Бент? Такая милая леди... Черт!

— А я уверен, что ее убили. — Голос Бента напоминал сейчас треск сухих веток. — По-твоему, это похоже на несчастный случай?

— Нет. Только не взрыв печи. Да еще этот дым, из-за которого мы не попали в подвал... Разве это был запах бензина?

Родес покачал головой. Станный запах был ему незнаком. По крайней мере, в одном гнида Беррингер оказался прав: дым действительно мог представлять опасность для жизни, и полицейским не следовало спускаться в подвал, пока эта дрянь не рассеется в воздухе. Впрочем, теперь Бент задумался: а не нарочно ли их туда не пустили? Может, наряд мог увидеть нечто такое... к примеру, совершенно неповрежденную печку?

— Когда отчитаемся обо всей этой жути, — проговорил Джинглс, — местным ищакам придется много чего объяснить. Эллисону, Беррингеру и прочим. В том числе тому же Дугану.

Бент задумчиво кивнул.

— Вся эта хрень — сплошное безумие. Даже от места происшествия можно с ума сойти. Хочу сказать, у меня голова кругом пошла. А у тебя?

— Может, из-за дыма... — с сомнением начал Джинглс.

— Да при чем здесь дым? Меня на улице повело.

— Эти куклы, Бент. Что они там делали?

— Понятия не имею.

— Вот и я тоже. Но это ведь ни в какие ворота не лезет. Ну допустим, кто-то ненавидел ее так сильно, что решился убить. Да не одну, а вместе со всеми куклами... Что думаешь?

— Это было бы странно, — ответил Бентон.

— Но так могло быть, — не унимался Джинглс, как будто его слова что-то подтверждали.

До его собеседника начало доходить: напарник пытается отыскать логику в безумии. И он посоветовал Джинглсу еще раз попробовать включить рацию.

На этот раз связь оказалась немного лучше, но по-прежнему было ничего не разобрать. Бент не мог припомнить случая, чтобы помехи от микроволновой тарелки в Трое распространялись так далеко.

3

По рассказам очевидцев, взрыв произошел в три ноль пять пополудни, плюс-минус полминуты. Часы на ратуше пробили три, как обычно. А пять минут спустя: БА-БАХ! И вот теперь, затемно возвращаясь в Дерри, Бентон Родес не мог отделаться от настойчиво возникающей в голове картины, от которой мураски бегали по всему телу. Стрелки часов на ратуше показывают четыре минуты четвертого. Знойный безветренный день в разгар июля. Горожане обедают в «Хейвен-ленче», толпятся «У Кудера», в «Джанкатории»; детишки катаются на качелях или вяло болтаются на турниках на спортивной площадке у школы. Тучные дамы играют парами в теннис на корте; взгляд перебегает с одной стороны сетки на другую и обратно. Вот мячик медленно катится в дальний угол, а игроки ложатся на землю, прикрывая руками уши... и выжидает. Чего же? Взрыва.

Все в городе повалились наземь и ждут, когда БА-БАХ просверлит душный день подобно удару кувалды по наковальне...

Внезапно Бентона передернуло...

Молоденькие продавщицы «У Кудера». Покупатели между торговыми рядами. Посетители «Хейвен-ленча» — кто за столиком, кто у стойки. В три ноль четыре пополудни они легли на землю, вся их чертова шайка. А в три ноль шесть встали и преспокойно вернулись к своим делам. Все, кроме нескольких Специально Назначенных Зевак. И Эллисона с Беррингером, тут же принявшихся заливать о случайному взрыве печи, которого не было; или будто им неизвестно, кто жертва, хотя черт их дери, если это так.

«Думаешь, горожане знали обо всем заранее? Ты же в это не веришь?»

Но в глубине души он верил. Ведь если они не знали — как получилось, что пострадала одна только Рут и ее коллекция кукол? И потом, на Майн-стрит со скоростью сто десять миль

в час осыпался ливень стеклянных осколков, а никому даже руку не порезало...

— Ну, теперь-то связь должна наладиться, — спохватился Бент. — Тарелка уже далеко. Попробуй еще раз.

Джинглс взял микрофон.

— Я до сих пор не понимаю, где носит наше подкрепление.

— Может, еще где-нибудь неладно. Ты же знаешь: проблемы обычно сиплются сразу скопом.

— Ага. Словно кукольные ручки с ножками.

Джинглс занялся микрофоном, а Бент в это время выругался за очередной поворот. Мигалка и фары высветили пикап, брошенный диагонально поперек трассы.

— Госпо!..

Рефлексы сработали мгновенно; водитель ударили по тормозам. Шины «Файерстоун» противно завизжали, дымясь от натуги. На миг Бенту показалось, что ничего не выйдет. Потом нос автомобиля замер буквально в трех ярдах от пикапа.

— Подай туалетную бумагу, пожалуйста, — проговорил Джинглс глухим, дрожащим голосом.

Полисмены вылезли, на ходу автоматически отстегивая свои пистолеты. В летнем воздухе резко пахло жженой резиной.

— Что за черт? — воскликнул Джинглс.

И Бент подумал: «Он тоже почувствовал. Здесь творится что-то *не то*. Кошмар, случившийся днем в захолустье, продолжается. Парень понял все не хуже меня».

Налетел ветерок, натянутый брезент сухо зашуршал (похожий звук издают гремучие змеи), и из крытого кузова показалось такое, что у Бента разом похолодели яйца. Что-то вроде дула гранатомета. Он уже собирался пригнуться, когда, к своему замешательству, разглядел «базуку» как следует. Это была всего лишь рифленая трубка на деревянной опоре. Ничего страшного. И все-таки полицейский перепугался. Точнее сказать, он был в ужасе.

— Бент, а я видел эту машину в Хейвене. На парковке у закусочной.

— Кто здесь? — выкрикнул Родес.

Никакого ответа.

Он посмотрел на Джинглса. Бледный напарник с округлившимися, потемневшими глазами тоже оглянулся.

Внезапно в голове пронеслось: «Помехи от микроволновой тарелки? А точно ли в них было дело?»

— Эй, если здесь кто-то есть, лучше отзовитесь! — окликнул Бент. — Вы...

Из кузова донеслось визгливое, придурковатое хихиканье, потом все затихло.

— Боже, как мне это не нравится! — простонал Джинглс Гэббонс.

Бентон выдвинулся вперед, поднимая пушку, и в этот миг все вокруг озарилось зеленоватым свечением.

Глава 5

РУТ МАККОСЛАНД

1

Рут Арлин Мерилл Маккосланд исполнилось пятьдесят, но выглядела она лет на десять, а то и на пятнадцать моложе. Все в Хейвене соглашались: в городе не бывало еще лучшего констебля, хоть женского, хоть мужского пола. Одни видели причину в том, что ее муж тоже служил в полиции. Вторые в том, что Рут — это просто Рут. И те, и другие не сомневались: Хейвену с ней действительно повезло. Строгая, но справедливая, она сохраняла трезвую голову в самых безвыходных ситуациях. Вот так толковали о ней горожане, прибавляя еще немало других лестных слов. В маленьком городишке Мэна, от начала управлявшемся только мужчинами, подобные разговоры чего-то да стоили. И при этом — не лгали; миссис Маккосланд была выдающейся женщиной.

Она родилась и выросла в Хейвене, доводилась внучатой племянницей преподобному Дональду Хартли, тому самому, кого так неприятно поразило решение переименовать город. В 1966 она подала заявку в университет штата Мэн — третья девушка за всю историю вуза, ставшая полноправной студенткой в нежном возрасте семнадцати лет. Она записалась в программу подготовки к юридическому факультету.

На следующий год она влюбилась в Ральфа Маккосланда, учившегося на тех же курсах. Он был высок — шесть футов пять дюймов, — правда, на три дюйма отставал от своего приятеля Энтони Дугана (известного в кругу друзей как Батч, а среди

двух-трех самых близких — как Монстр), зато на целый фут возвышался над своей Рут. Еще он был на удивление — до странности — изящен для такого великана. И добродушен. Ральф собирался стать патрульным. Когда Рут поинтересовалась — зачем, он сказал, что хочет пойти по стопам отца. Для службы в полиции, пояснил он, степень не обязательна. Достаточно среднего школьного образования, острого зрения, развитых рефлексов и незапятнанного досье. Но Ральф Маккослэнд собирался почтить память отца чем-то большим, чем просто повторить его карьеру. «Если мужчина выбрал себе дело по душе и при этом не стремится преуспеть, значит, это или лодырь, или псих», — сказал он своей девушке вечером в «Медвежьей берлоге» за баночкой колы. Вот только, стесняясь амбиций, он умолчал о мечте стать «лучшим копом штата Мэн». Впрочем, Рут и сама обо всем догадалась.

А на следующий год она приняла его предложение, при условии, что до свадьбы получит диплом. Нет-нет, она вовсе не собиралась работать адвокатом, но хотела вникнуть в дела будущего мужа, чтобы помогать ему. Ральф согласился. Любой мужчина в здравом рассудке, столкнувшись с ясноглазой интеллигентной красоткой вроде Рут Меррил, на его месте поступил бы так же. В 1959-м, когда Ральф взял ее в жены, она была уже дипломированным адвокатом.

В супружескую постель она легла девственницей. Рут немного нервничала по этому поводу, хотя в глубине души (на такой глубине, где не работал даже ее железный контроль) осмеливалась задаться смутным вопросом, огромен ли ее жених и в местах, недоступных взгляду; иногда ей так и казалось, когда они танцевали вдвоем или ласкали друг друга. Но он был нежен, и краткое неудобство быстро сменилось удовольствием. «Сделай мне ребеночка», — шепнула Рут, когда Ральф начал двигаться не только над ней, но и внутри ее.

— С удовольствием, леди, — отвечал он, слегка запыхавшись.

Но Рут так и не забеременела.

Единственная дочь Джона и Холли Меррилов, в 1962 году она унаследовала после смерти отца приличную сумму денег и прелестный старинный дом в Хейвен-Виллидж. Тогда они с Ральфом продали тесное типовое жилище послевоенной постройки в Дерри и в 1963-м вернулись в Хейвен. Хотя эти двое

блаженствовали рядом друг с другом, оба чувствовали: в их викторианском особняке слишком много пустующих комнат. Рут порой думала, что, наверное, полное счастье возможно только на фоне мелких бытовых неурядиц: грохота опрокинутой вазы или аквариума, оглушительного смеха именно тогда, когда вы собирались сладко поспать после обеда, илиочных кошмаров ребенка, обвязавшегося конфетами на Хэллоуин. В минуты тоски (она очень старалась, чтобы они наступали как можно реже) Рут иногда думала о магометанских ковриках, чьи производители намеренно допускают ошибки в работе, дабы восславить совершенство Творца, создавшего их самих. Ей казалось, что в коврике столь насыщенной и честно прожитой жизни появление ребенка с полной гарантией обеспечило бы подобные «узелки почтения».

Но в остальном они были счастливы. Вместе разбирали самые сложные дела Ральфа; его выступления в суде отличались сдержанностью, вежливостью тона и сокрушительным напором. Будь вы нетрезвым водителем, поджигателем или парнем, разбившим бутылку о голову собеседника во время пьяного спора в закусочной, — если вас арестовал Ральф Маккосланд, ваши шансы ускользнуть от правосудия столь же малы, как у человека, попавшего в эпицентр ядерного взрыва, отдалиться парой легких ожогов.

В те годы, пока Ральф медленно, но упорно поднимался по бюрократической лестнице штата Мэн, Рут начала собственную карьеру на ниве служения городу, которое, разумеется, не рассматривала в качестве «карьеры», и уж тем более в контексте «политики». «Служение» вместо «политики», понимаете? Между этими понятиями существует маленькая, но принципиальная разница. Рут не была настолько спокойна и довольна своей работой, как это казалось людям, для которых она трудилась. Только ребенок мог бы принести ей полноценное счастье. Удивительно? Почему же? В конце концов, при всей интеллигентности, Рут была дочерью своего времени. Они с Ральфом прошли дорогое обследование в Бостоне. Врач заверил, что оба супруга фертильны, и посоветовал им расслабиться. В каком-то смысле эта новость стала жестоким ударом. Окажись один из супругов неспособным к деторождению, они немедленно усыновили бы малыша. Теперь же решили еще подождать и последовать совету врача... По крайней мере, попробовать.

Увы (хотя никто этого не знал, даже не предчувствовал), к тому времени, когда пара вернулась к разговорам об усыновлении, дни Ральфа были уже сочтены.

Впрочем, в последние годы брака Рут нашла объект для своих забот. Она «усыновила» весь Хейвен.

Взять, к примеру, библиотеку. Пасторат методистов с не-запамятных времен был забит литературой. Правда, издания «Клуба любителей детективов» и антологии «Ридерз дайджест», стоило их открыть, испускали явственный запах плесени, а некоторые другие книжки раздулись, будто телефонные справочники, после того как в 1947 году в доме прорвало трубы, но большая часть коллекции сохранилась на удивление неплохо.

Рут терпеливо их рассортировала, оставила хорошие экземпляры, прочие отправила в переработку, а самые безнадежные выбросила. В декабре 1968-го «Библиотека Хейвенского прихода» была официально открыта в подновленном и свежепокрашенном пасторате. Рут Маккосланд сделалась библиотекаршей-волонтером и продержалась на этом посту вплоть до 1973 года. В день, когда она удалилась в отставку, преемники повесили ее фото над камином в читальном зале. Рут сперва возражала, потом сдалась, осознав, что может ранить их чувства, но не събьет с намеченного пути. Горожане считали себя просто обязанными уважить благодетельницу.

Начиная Рут в полном одиночестве, сидя на стылом полу пастората, кутаясь в клетчатую охотничью куртку Ральфа, выдыхая белый пар и тщательно перебирая коробки с книгами, пока не одеревенеют пальцы. А уже в 1972 году ее детище удостоилось звания «Лучшей библиотеки года среди маленьких городов штата Мэн».

При других обстоятельствах Рут, возможно, порадовалась бы, но именно в 1972-м ее мало что радовало: в тот год она потеряла мужа. На исходе весны у него начались ужасные мигрени. В июне случилось обширное кровоизлияние в области правого глаза. Рентген выявил опухоль головного мозга. Ральф умер в октябре, за пару суток до своего тридцать седьмого дня рождения.

В траурном зале вдова надолго застыла, не сводя взгляда с открытого гроба. Всю предыдущую неделю она рыдала не переставая и подозревала, что в последующие месяцы прольет еще море, если не океан слез. Но плакать на людях — ни за что.

Она предпочла бы явиться на похороны голой. Наблюдающим (а их было ни много ни мало — почти весь город) Рут казалась такой же безукоризненно сдержанной, как и всегда.

— Прощай, дорогой, — вымолвила она наконец и поцеловала его в уголок рта.

Затем сняла с его правой руки, со среднего пальца, кольцо полицейского и взяла себе. На следующий день Рут отвезла кольцо в Бангор, к ювелиру, чтобы подогнать по размеру. И с тех пор уже никогда не снимала. После того как ужасным взрывом ей оторвало руку, Бент и Джинглс без усилий опознали то самое кольцо.

2

Библиотека была не единственным благодеянием Рут. Каждую осень она собирала пожертвования в пользу Американского общества по борьбе с раковыми заболеваниями, и все семь лет подряд отделение штата Мэн получало самую крупную сумму среди всех маленьких городов. Секрет успеха очень прост: Рут ухитрялась побывать везде. Она мило, без страха обращалась к сельским жителям с нависшими бровями и ввалившимися глазами, напоминающим тех жутких рычащих дворняг, которых они держали у себя на задних дворах, забитых разлагающимися трупами старых автомобилей и сельхозтехники. В большинстве случаев миссис Маккосланд удавалось получить деньги. Причем кое-кто из местных явно жертвовал от удивления, что к нему вообще, впервые за долгое время, заглянул живой человек.

Всего лишь однажды на Рут напала собака. Впрочем, воспоминаний хватило надолго. Псина была не такая уж и большая, зато зубастая.

«МОРАН», — гласила надпись на боковушке почтового ящика. Хозяев дома не оказалось, но когда миссис Маккосланд поднялась на крыльцо, из-за угла высунулась оскаленная собачья морда. Псина рванулась вперед и укусила руку незваной гостьи, уже протянутую к некрашеной двери. После чего попятилась и от возбуждения обмочила порог. Рут начала спускаться, на ходу доставая из сумочки чистый платок и обвязывая кровоточащую рану. Собака мистера Морана бросилась

следом и снова вцепилась, на этот раз в ногу. Затем, получив ощутимый пинок, отскочила в сторону, но догнала хромающую Рут и в третий раз укусила. Теперь уже очень серьезно. Вырвав зубами кусок мяса из левой икры (в тот день Рут надела юбку; она никогда больше не повторяла этой ошибки, собирая пожертвования), тварь удалилась на середину двора, заросшего сорной травой, и присела с рычанием, пуская кровавые слюни с высунутого языка. Вместо того чтобы поскорее забраться на водительское сиденье, миссис Маккосланд открыла багажник «дартса». Двигалась она безо всякой спешки, не желая провоцировать дворнягу на новое нападение, к чему та была явно готова. Рут вытащила свой «Ремингтон» калибра 30-06, с которым не расставалась с шестнадцати лет, и пристрелила уже шагавшую к ней собаку. Затем положила труп на газеты, расстеленные в кузове, и отвезла его к мистеру Даггету, тому самому ветеринару, что много лет заботился о любимце Бобби Питере, пока не продал врачебную практику и не укатил во Флориду.

— Если сучка еще и бешенством болела, меня ждут серьезные проблемы, — сказала Рут доктору, растерянно переводящему взгляд с собачьего черепа с простреленным затылком и дырой меж остекленевших глаз на миссис Маккосланд, покусанную до крови, однако по-прежнему любезную. — Я знаю, что маловато мозга оставила вам для исследований, но этого никак нельзя было избежать. Может, посмотрите, мистер Даггет?

Встревоженный как никогда, тот сказал, что ей нужно в больницу — промыть укушенные места и защитить рану на икре. Рут возразила: дескать, промывать он и сам отлично умеет. Ну а за «штопкой» она обратится в кабинет неотложной помощи в Дерри, как только сделает пару звонков. И велела ветеринару заняться собакой, а сама попросила разрешения воспользоваться телефоном в его личном кабинете, чтобы «не распугивать клиентуру». И не без основания: при виде вошедшей Рут послышался оглушительный женский визг. Еще бы, ведь ее разорванная левая нога кровоточила, а на обагренных руках лежал завернутый в одеяло труп собаки. Даггет не возражал, чтобы миссис Маккосланд воспользовалась его телефоном. Так она и сделала (не забыв оформить оба звонка на собственный счет, так как смутно подозревала, что мистер Моран и не подумает оплачивать разговор).

Ральф находился в доме Монстра Дугана, изучал фотографии с места преступления, готовясь к очередному делу об убийстве. Взявшая трубку жена хозяина, как и подошедший к телефону мистер Маккосланд, не заметила ничего необычного в голосе Рут. Позже он скажет любимой, что из нее мог бы получиться великий преступник. Пока же она сообщила ему, что задерживается в связи со сбором пожертвований и что, если муж вернется домой раньше ее, пусть разогреет мясной рулет и какую-нибудь овощную смесь, на свой вкус; в морозилке их шесть или семь пакетов. А если ему захочется сладкого, продолжала Рут, в хлебнице есть кофейный пирог. Между тем мистер Дагgett пришел в кабинет и уже обрабатывал ее раны медицинским спиртом, так что миссис Маккосланд побледнела как полотно. Ральф поинтересовался, с чем связана эта задержка. Рут обещала рассказать обо всем после, когда вернется домой. Он ответил, что ждет с нетерпением, и прибавил, что любит ее. Рут проговорила:

— Я чувствую то же самое.

Потом, когда ветеринар обработал укус под коленом (с руки он успел разобраться во время беседы с Ральфом) и перешел к глубокой ране на икре (рваная плоть буквально горела от спирта), пациентка позвонила мистеру Морану. Она сообщила, что-то собака трижды в нее вцепилась; это было немного слишком, и животное пришлоось пристрелить. Да, и пусть он заглянет в почтовый ящик: там оставлен чек Американского общества по борьбе с раковыми заболеваниями, где мистеру Морану будут весьма признательны за любую пожертвованную сумму. Повисла короткая пауза. А потом мистер Моран заговорил. Вскоре он принялся кричать. И в конце концов перешел на визг. От ярости хозяин покойной собаки вдруг приобрел ту народную плавность речи, что приближалась не просто к поэзии, берите выше — к стилю Гомера. До скончания дней ему так и не удалось добиться похожего результата; хотя мистер Моран неоднократно пытался повторить свой успех, а провалившись, в который раз вспоминал ту беседу с грустью и ностальгией, едва ли не с нежностью. Нельзя отрицать, Рут вдохновила его на непревзойденный подвиг. Мистер Моран пообещал отсудить у нее каждый доллар, полученный в городе, да и в селе в придачу. Заявил, что прибегнет к защите закона и что играет в покер с лучшим адвокатом округа. Предположил, что патрон,

которым миссис Маккосланд убила его старую верную собаку, окажется самым дорогим в ее жизни. И что когда он разберется с мерзавкой, она навеки проклянет свою мать и злосчастную минуту, когда та по дурости раздвинула ноги перед отцом. Что по его, мистера Морана, твердому убеждению, основанному на их краткой беседе, все более-менее качественное семя, извергнутое из явно низкопробного орудия ее папаши, вытекло на сальные окорока мамаши, назвать которые «ляжками» ни у кого язык бы не повернулся. Потом сообщил, что Всемогущая и Надменная Рут, хоть и возомнила себя Королевой Говенных Холмов, на самом деле лишь мелкая какашка, плавающая в Большом Унитазе Сульбы. Прибавил, что крепко сжимает в руке рычаг смычного бачка и намерен с большим удовольствием дернуть за этот рычаг. Мистер Моран наговорил еще много чего. Нет, он не говорил, а вещал. Даже мистеру Колсону (или все-таки Кудеру?), когда тот был в ударе, не удалось бы достичь подобных высот красноречия. Рут терпеливо подождала, когда собеседник хоть ненадолго умолкнет, и тогда уже голосом, не позволяющим заподозрить, что ее левую ногу словно засунули в раскаленную печь, объяснила ему: дескать, хотя в законе и нет однозначных указаний на этот счет, чаще всего приговоры выносятся в пользу посетителя, хоть и незваного, нежели в пользу владельца напавшей собаки. Вопрос в том, принял ли последний все разумные меры к тому, чтобы обеспечить...

— Что ты несешь вообще? — заорал мистер Моран.

— Я пытаюсь растолковать вам одно: правосудие не очень-то благосклонно посмотрит на человека, чей пес бродил не-привязанным вокруг дома и беспрепятственно покусал женщину, пришедшую собирать пожертвования в пользу столь уважаемого благотворительного общества, как Американское общество борьбы с раковыми заболеваниями. Иными словами, хочу донести следующую мысль: судьи заставят вас заплатить за то, что вы вели себя как последний кретин.

Гробовая тишина на другом конце провода. Муза покинула мистера Морана навсегда.

Рут тоже помолчала, превозмогая нахлынувшую волну дурноты, когда Дагgett кончил обрабатывать рваную рану спиртом и наложил поверх нее легкую стерильную повязку.

— Если вы все же решитесь прибегнуть к покровительству закона, как думаете, сумеет ли мой адвокат найти свидетеля,

что ваша собака уже кого-нибудь покусала? — На том конце промолчали.

— А то и двоих свидетелей?

Еще более глубокая тишина.

— Или троих?

— Да пошла ты, сучка высоколобая, — неожиданно выдал Моран.

— Что ж, — подытожила Рут, — хотя нашу беседу приятной назвать нельзя, но послушать, как вы излагаете свою точку зрения, было весьма поучительно. Порой начинаешь верить, что ты заглянула в самую глубину колодца человеческого невежества; полезно время от времени вспоминать, что это явно бездонный источник. А теперь, боюсь, я вынуждена повесить трубку. Мне нужно было зайти еще в шесть домов за пожертвованиями, но, похоже, с этим придется повременить. Сегодня меня будут зашивать в больнице Дерри.

— Надеюсь, вас там зарежут к чертовой матери, — выскользнула Моран.

— Понимаю ваши чувства. И все-таки постараитесь помочь Обществу, чем сумеете. Вам будут призательны за любой взнос. Только объединив усилия, человечество сможет победить рак уже при жизни этого поколения. Даже вздорные, вонючие, дебильные выкидыши вроде вас вполне способны принять в этом участие.

Мистер Моран так и не обратился в суд. Неделю спустя Рут получила от него конверт на имя Общества по борьбе с раковыми заболеваниями, высланный — умышленно, как она подозревала, — без марки, наложенным платежом. Внутри лежала банкнота с большим коричневым пятном посередине. «Я ЕЮ ПОДТЕРСЯ, СУЧКА!» — торжествующе гласила записка. Буквы были огромные, с наклоном в разные стороны, как у первоклассника с нарушением мелкой моторики. Рут взяла банкноту за уголок и сунула в машинку вместе с утренней порцией грязного белья. А когда достала (причем в идеально чистом виде; похоже, помимо многих вещей, мистер Моран не имел понятия и о том, что дермо отстиривается), то еще и прогладила. Теперь бумажка даже хрустела, точно вчера была выпущена из банка. Убрав ее в парусиновую банковскую сумку для пожертвований, Рут аккуратно вывела в записной книжке: «Б. Моран. Взнос: один доллар».

3

Городская библиотека Хейвена. Общество по борьбе с раковыми заболеваниями. Конференция малых городов Новой Англии. Рут трудилась на благо Хейвена во всех этих организациях. А еще была активной прихожанкой методистской церкви. Редкий совместный ужин общиной обходился без ее фирменной запеканки, а благотворительная распродажа выпечки — без пирога или хлебцев с изюмом. Кроме того, Рут была задействована в школьном совете и в комитете по школьным учебникам.

Люди только диву давались, как она все успевает. В ответ на прямые вопросы миссис Маккослэнд с улыбкой отвечала, что всегда верила в поговорку: «Наши руки — не для скуки». Вы могли бы подумать, что при такой насыщенной деятельности в ее жизни не оставалось места для увлечений... Но их было даже два. Рут обожала читать (особенно вестерны Бобби Андерсон; она собрала их все, причем с личным автографом автора на каждом романе) и коллекционировала кукол.

Психиатр усмотрел бы во втором увлечении отголоски нереализованной мечты о детях. Рут, никогда не понимавшая, для чего существуют психиатры, не стала бы возражать... до определенной степени. Сказала бы только: «Какая разница, если мне от этого легче? А я считаю, что счастье, в отличие от тоски, обид или ненависти, как можно дольше не стоит анализировать».

Переселившись в Хейвен, они с Ральфом поначалу делили один рабочий кабинет, хотя размеры дома позволяли не мелочиться: супругам просто нравилось проводить вместе вечера. Когда-то это были две комнаты, но муж снес разделявшую их стену. Получилось помещение, превосходившее размерами даже гостиную внизу. Ральф разместил там свои коллекции монет и спичечных этикеток, книжный стеллаж от пола до потолка (никакой художественной литературы, в основном военная история) и старинное бюро с убирающейся крышкой, которое Рут сама отполировала.

А потом соорудил для нее так называемую школу.

Года за два до появления первых мигреней он заметил, что жене явно не хватает места для кукол (они даже сидели рядом на ее рабочем столе и время от времени, когда Рут печатала, сваливались на пол). Они занимали скамейку в углу, бесцеремонно

свешивали ножки с каждого подоконника, но посетителям все равно приходилось, опускаясь на стул, брать троих или четырех на колени. А посетители шли один за другим: Рут, кроме прочего, была еще нотариусом, и к ней постоянно наведывались желающие заверить купчую или долговое обязательство.

Словом, к Рождеству Ральф смастерили дюжину игрушечных скамеек со спинками. Жена пришла в восторг: они напомнили ей о собственной школе в Кросмэн-Корнер, состоявшей из одного класса. Красиво расставив скамесочки, Рут рассадила кукол, и с того дня за этой частью кабинета утвердилось название «школа».

На следующее Рождество (его последнее, хотя в ту пору он чувствовал себя превосходно, ведь смертоносная опухоль еще не выросла и была размером с микроскопическую точку) Ральф подарил ей четыре новые скамейки, трех кукол и миниатюрную школьную доску, которая совершенно дополнила иллюзию милой и уютной классной комнаты.

На доске мелом было написано: «Дорогая учительница, я преданно вас люблю. ТАЙНЫЙ ПОКЛОННИК».

Взрослых «школа» миссис Маккосланд неизменно очаровывала. Большинство ребятишек — тоже. Рут очень радовалась, наблюдая, как мальчики и девочки возятся с ее куклами, хотя многие экземпляры стоили больших денег, а другие были ужасно хрупкими. Кое-кто из родителей приходил в ужас, осознав, что их дитя баюкает куклу, сделанную в докоммунистическом Китае или принадлежавшую дочери самого Джона Маршалла, председателя Верховного суда США. Рут была доброй женщиной; если она замечала, что матери или отцу очередной шалунья или шалун и вправду страшно неловко за них, то доставала специально припасенных для подобного случая Барби и Кена. Ребенок переключался на них, хотя и без интереса, словно понимал: все лучшее от него почему-то прячут. Если же родители, судя по голосу, возмущались только для проформы, решив, что это невежливо, когда ребенок берет игрушки у взрослой леди, — Рут ясно давала понять, что ни капельки не возражает.

— А ты не боишься? — спросила ее однажды Мэйбл Нойс. — Ведь эти детки могут и не такое сломать.

«Джанкаторий» Мэйбл изобиловал табличками типа: «ЛЮБУЙТЕСЬ И ТРОГАЙТЕ, СКОЛЬКО ХОТИТЕ, НО ЕСЛИ СЛОМАЕТЕ — СРАЗУ ПЛАТИТЕ». Нойс точно знала, что

кукла малышки Джона Маршалла, например, стоит не менее шестисот долларов (она показала снимок специалисту из Бостона, и тот назвал сумму в четыреста баксов, а справедливая цена должна быть в полтора раза выше). А ведь кроме нее, в коллекции была любимица Анны Рузвельт. И настоящая кукла вуду с Гаити. И бог весть что еще. Все они сидели щека к щеке и ножка к ножке с простыми винтажными игрушками вроде Тряпичной Энни и Тряпичного Энди*.

— Нисколько, — ответила Рут. Она и Мэйбл иногда взаимно поражались взглядам друг друга. — Если господу угодно, чтобы одна из этих малюток сломалась, он это сделает сам или же пошлет ребенка. Впрочем, пока что все мои куклы целы. Подумаешь, пару голов свернули нечаянно, да Джо Пелл подкрутил говорящее устройство мисс Бисли**, и теперь она может сказать только: «Хочешь принять душ?» — вот и весь ущерб, который я до сих пор понесла.

— Ну извини, я считаю, что это огромный риск, ведь речь идет о таких хрупких и уникальных вещицах. — Тут Мэйбл презрительно фыркнула. — Кажется, за свою жизнь я усвоила только одну непреложную истину: дети все ломают.

— Что ж, значит, мне просто повезло. Но они действительно осторожны, поверь. Может, потому, что так любят моих малюток... — Миссис Маккосланд помолчала, едва заметно нахмурившись. — По крайней мере, многие из них, — задумчиво прибавила она.

Именно так: не *всем* детям нравилось играть в «школьном классе» Рут; честно сказать, некоторые из них даже *боялись*, к изумлению и огорчению добной хозяйки. Взять, к примеру, Эдну Турлоу. Та разразилась истощными воплями, когда мать схватила ее за руку и повела к игрушкам, рассевшимся на скамеечках перед доской. Самой миссис Турлоу куклы казались

* Тряпичная Энни и Тряпичный Энди — вымышленные персонажи книг «Истории Тряпичной Энни» и «Истории Тряпичного Энди», созданных писателем и иллюстратором Джонни Груэллом (1880—1938).

** Кукла, принадлежавшая юной героине американского ситкома «Семейное дело» (1966—1971), девочке по имени Баффи. Шестилетняя девочка рассказывала всем, что эта кукла с ней разговаривает. Мисс Бисли, самая знаменитая кукла на телевидении, изображалась в виде бабушки с большими голубыми глазами, в квадратных очках и с довольной улыбкой на лице.

просто милашками, изящными, словно кошечки, сладкими, как взбитые сливки... будь в провинциальном языке другой синоним для слова «обворожительный», она и его употребила бы, без сомнения. Вот почему мать никак не могла взять в толк, с чего бы вдруг дочери их бояться. Да нет же, Эдвина «просто стесняется»! Рут безошибочно уловила испуганный блеск в детских глазах, но не сумела убедить «тупоголовую мамашу» (как уже окрестила ее про себя) не подтаскивать девочку к куклам насилино.

Норма Турлоу недалеко успела продвинуться. Маленькая Эдвина вдруг так завопила, что Ральф прибежал к ним из подвала, где плел камышовое кресло. Чтобы вывести девочку из истерики, понадобилось битых двадцать минут; разумеется, для начала ее提升了 со второго этажа вниз, подальше от кукол. Норма была вне себя от смущения и бросала на дочку мрачные взгляды, от которых та вновь заходилась неудержимым плачем.

Тем вечером Рут поднялась наверх и долго с печалью смотрела на свой «класс», полный молчаливых учениц (а среди них были и почти старушки вроде мисс Бисли и Бабушки Красной Шапочки, легко превращавшейся, стоило ее вывернуть, в Страшного Серого Волка), пытаясь понять, что именно так напугало Эдвину. Разумеется, сама девочка ничего не смогла объяснить; в ответ на ласковые расспросы она лишь вновь принималась вопить от ужаса.

— Ну и расстроили вы малышку, — произнесла она наконец вполголоса, обращаясь к куклам. — Как же так, а?

Те промолчали, не сводя с нее стеклянных, пуговичных и вышитых глаз.

— Хилли Браун тоже держался от них подальше, когда его мать заходила к нам, чтобы заверить купчую, — послышалось вдруг за спиной.

Рут подскочила и обернулась, потом улыбнулась мужу.

— Да, и он тоже.

Были и другие. Не много, но достаточно, чтобы вызвать тревогу.

— А ну-ка! — проговорил Ральф, обнимая жену за талию. — Выкладывайте, ребятки, кто скорчил рожу и нагнал страху на бедную крошку?

Куклы ответили безмолвными взглядами.

На миг... всего лишь на миг... в животе Рут змеей развернулся ужас; он пополз вверх, перебирая позвонки, словно клавиши живого ксилофона... а потом исчез.

— Не волнуйся об этом, Рути, — шепнул Ральф, наклоняясь ближе.

Как всегда, от его запаха у жены слегка засосало под ложечкой. И тут он крепко поцеловал ее. Причем не один только его поцелуй был крепким в эту минуту.

— Пожалуйста, — чуть задыхаясь, отстранилась Рут. — Не при детях.

Ральф со смехом заключил ее в объятия.

— А если перед собранием сочинений Генри Стила Коммаджера*?

— Великолепно, — выдохнула она, оставшись наполовину... нет, на три четверти... ой, уже на четыре пятых... без платья.

Любовь вышла бурной, к необычайному удовольствию обеих сторон. Всех-всех их сторон. И кратковременный холодок, пробежавший тогда по спине, был надежно забыт.

Но Рут еще вспомнит о нем девятнадцатого июля того же года. Седьмого числа Бекка Полсон услышала голос картинки с Иисусом. А девятнадцатого Рут услышала голоса своих кукол.

4

Для горожан стало приятным сюрпризом, когда спустя два года после смерти Ральфа Маккосланда, случившейся в 1972-м, его вдова выдвинула свою кандидатуру на пост городского констебля. Ее противником выступил молодой человек по фамилии Мамфри. Все решили, что парень просто глупец, но это была не его вина: Мамфри только недавно приехал в город и не знал здешних порядков. Завсегдатаи «Хейвен-ленча» сходились в одном: новичок скорее заслуживал жалости, чем порицания. Он выступил от демократической партии, а свою предвыборную кампанию построил главным образом на следующем тезисе: работа выбранного народом констебля заключается в том, чтобы арестовывать и сажать в тюрьму пьяниц, лихачей, хулиганов,

* Генри Стил Коммаджер (1902–1998) — известный американский историк, публицист, специалист по истории США, написавший сорок книг, семьсот эссе и критических статей.

а время от времени — по-настоящему опасных преступников. Не собираются же горожане доверить подобное дело женщине, пусть даже с дипломом юриста?

Они собирались. И охотно доверили.

Миссис Маккосланд получила четыреста семь голосов, ее соперник — девять. В числе этих девяты, надо думать, были голоса жены Мамфри, брата, сына двадцати трех лет и его собственный. Оставалось пять. Никто так и не признался. Похоже, мистер Моран нашел себе на четыре товарища больше, чем Рут могла предполагать. Недели через три после выборов чета Мамфри покинула город. Их сын, довольно приятный парнишка по имени Джон, решил остаться. И хотя он вел себятише воды, ниже травы, даже четырнадцать лет спустя его называли «новеньkim», говоря что-нибудь вроде: «Этот новенький, Мамфри, сегодня постричся зашел. Помните, как его папаша выступил против нашей Рут и остался с носом?» С тех пор у миссис Маккосланд соперников не было.

Горожане справедливо приняли ее выдвижение как публичное заявление о том, что траур окончен. Злополучный Мамфри не учел один (среди многих других) момент: столь единодушное голосование было способом жителей Хейвена дружно воскликнуть: «Рути, ура! С возвращением!»

Смерть Ральфа, внезапная и шокирующая, едва не уничтожила (черт, почти уничтожила) открытую, щедрую часть ее души — ту, что смягчала и дополняла другую, доминирующую половину, как чувствовала сама миссис Маккосланд. Доминирующая половина отличалась умом, проницательностью, логикой, а иногда — хотя Рут ни за что не призналась бы в этом, но в глубине души соглашалась — и суровостью.

Потом до вдовы дошло: позволить угаснуть своей открытой и щедрой половине — значит, в некотором роде вторично убить любимого. И тогда она вернулась к Хейвену. Вернулась на службу.

В маленьком городке даже одна личность такого масштаба способна решительно изменить ход событий. А в том, что любители всяких словечек зовут «качеством жизни», такая личность может сделаться чем-то вроде сердца города. Вот чем собиралась стать Рут для Хейвена, когда лишилась мужа.

Спустя два года (о которых она потом вспоминала как о долгом, унылом пребывании в преисподней) миссис Мак-

косланда вновь обнаружила в себе ту забытую драгоценную личность. Так иногда мы находим в темном углу чердака что-нибудь необыкновенное: очки для маскарада или кресло-качалку из гнутого дерева, еще вполне пригодную для использования; выносим на свет, проверяем на прочность, стираем слой пыли, наводим лоск и возвращаем к жизни.

Пост констебля стал только первым шагом. Рут не могла бы даже сказать, почему посчитала такой шаг верным; просто это ей показалось идеальным способом почтить память Ральфа и к тому же вновь стать собой. Она ожидала, что работа вскоре наскучит и будет в тягость... но ведь то же самое относилось к сбору пожертвований для Общества по борьбе с раковыми заболеваниями и Комитету по школьным учебникам. «Скучный и неинтересный» труд не значит «неблагодарный» — многие упускают из виду или намеренно игнорируют эту простую истину. И потом, говорила себе миссис Маккосланда, если надоест, всегда можно отказаться от перевыборов. Можно уступить место Мамфри или еще кому-нибудь. Она хотела служить, а не превращаться в мученицу.

Однако Рут обнаружила, что работа ей нравится. Кроме прочего, она давала возможность положить конец мерзостям, которые старый Джон Харли терпел... и которым позволял разрастаться.

Взять хотя бы Дэла Куллума. Куллумы обитали в городе с незапамятных времен, и Дэлберт — механик с густыми бровями, работавший на заправке у Элта Баркера, — наверное, не первый в своей семье, кто вступал в сексуальные отношения с дочерьми. Линия его рода была чрезвычайно закручена и много раз перекрещена; по сведениям Рут, в Пайнленде обитали два умственно отсталых Куллума (местные сплетники утверждали, что один из них родился с перепонками на руках и ногах).

Инцест — одна из тех освященных временем сельских традиций, которые редко воспевают в стихах романтические поэты. «Все свыклись», — пожалуй, именно этот аспект и стал причиной того, что Джон Харли ни разу всерьез не пытался ввязаться в борьбу. Однако Рут не желала слышать ни о каких «традициях» в столь извращенном контексте. Она поехала прямо к дому Куллумов. Было много шума. До Альбиона Турлоу ясно донеслись крики, хотя он жил за четверть мили оттуда и был тугошт на левое ухо. За криками последовал звук рабо-

тающей цепной пилы, потом выстрел и визг. Пила замолчала, и Альбион — в этот миг он стоял посреди дороги и, прикрываясь ладонью от солнца, всматривался в далекий знакомый дом — рассыпал отчаянный многоголосый девичий плач (наказанием Дэлберта, в буквальном смысле его проклятием, были шесть дочерей, а он, в свою очередь, стал проклятием для них).

Позже, за ужином в «Хейвен-ленче», рассказывая эту историю зачарованным слушателям, старик упомянул, что хотел вернуться в дом и вызвать по телефону констебля... а потом смекнул: констебль-то, должно быть, там и стреляла.

И Альбион продолжал стоять у почтового ящика в ожидании дальнейших событий. Пять минут спустя мимо него проехала Рут Маккосланд, она возвращалась в город. А еще через пять минут пронесся в своем пикапе Дэл Куллум. Его невзрачная женушка сидела рядом, на переднем пассажирском сиденье. В прицепе лежал матрац и картонные коробки, заполненные рубашками и посудой. С той поры ни Дэл, ни Мэгги в Хейвене не показывались. Трое оставшихся после них совершеннолетних дочерей переехали жить и работать в Бангор, а младших распределили по приемным семьям.

Город по большей части был рад избавиться от Куллумов. Они отправляли южный конец Ридж-роуд, словно колония ядовитых поганок, заведшихся в темном погребе. Местные жители долго ломали голову над тем, как же Рут удалось этого добиться, но та никогда не рассказывала.

Впрочем, Куллумы стали не единственными, кого миссис Маккосланд — седеющая, подтянутая леди ростом пять футов пять дюймов и весом двадцать пять фунтов — выдворила из города либо упекла за решетку на долгие годы.

Как-то в миle к востоку от фермы старины Фрэнка Гаррика решили обосноваться хиппи, любители марихуаны. Но вскоре, уже через месяц, эти никчемные человеческие отребья убрались вон, подгоняемые изящным дамским ботинком пятого размера. Племянница Фрэнка, автор тех замечательных вестернов, тоже наверняка баловалась травкой время от времени (горожане были свято убеждены: все писатели курят легкую наркоту, серьезно закладывают за воротник, а по вечерам предаются сексу в каких-нибудь странных позициях), но хотя бы не думала ею приторговывать, а хиппи в миle от ее дома именно этим и собирались заняться.

Потом еще Йоргенсоны на Миллер-Бог-роуд. Билли Йоргенсон умер от инсульта, а через три года Айва вновь вышла замуж и получила фамилию Хейни. Некоторое время спустя с ее семилетним сыном и пятилетней дочкой начали регулярно происходить несчастные случаи. Сперва мальчик упал, вылезая из ванны, а девочка обожглась о плиту. Потом он сломал себе руку, поскользнувшись на вымытом полу в кухне, а она наступила на грабли, зарытые в сене, и получила серьезный удар по лицу. Наконец, сын споткнулся на лестнице, спускаясь в подвал за дровами, и заработал трещину в черепе. Какое-то время казалось, что мальчик не вытянет. Вот уж действительно, не повезло. Рут решила, что с этого дома хватит несчастных случаев, и отправилась в путь на своем повидавшем виды «додж-дарте».

Элмер Хейни сидел на пороге, тянул кварту светлого «Миллера», ковырял в носу и почтывал журнал «Солдат удачи». Миссис Маккосланд заметила вслух, что он ухитрился накликать на дом Айвы беду, в особенности на маленьких Бетти и Ричарда. Согласно наблюдениям, продолжала она, некоторые отчимы способны накликать беду на чужих детей. И добавила, что, по ее мнению, несчастные случаи прекратятся, как только Элмер покинет город. Причем как можно скорее. Еще до конца недели.

— Ой, напугала! — безмятежно ответил тот. — Я теперь здесь живу. Так что убирайся, пока не схлопотала по голове граблями, сучка, и больше не суй свой нос в наши дела.

— Подумайте хорошенько, — с улыбкой сказала Рут.

В это время Джо Польсон подъехал к почтовому ящику и выбирал из сумки газеты, так что слышал каждое слово: Элмер говорил на повышенных тонах, а у Джо со слухом все было в порядке. Судя по его рассказу в тот вечер за столиком в «Хейвен-ленче», Джо возился с почтой в течение всего разговора и закончил свою работу в аккурат когда тот утих.

— Откуда же ты узнал, что она улыбнулась? — осведомился Элт Баркер.

— По голосу понял, — ответил Джо.

В тот же день, чуть позже, Рут наведалась в полицейские казармы в Дерри, чтобы навестить Монстра Дугана. Это был самый крупный коп во всей Новой Англии: шесть футов восемь дюймов роста и восемьдесят фунтов живого веса. Ради вдовы Ральфа он пошел бы на что угодно — может быть, даже убил бы.

Два дня спустя они вместе съездили в дом Хейни. У Монстра выдался выходной, поэтому он явился в штатском. Айва Хейни была на работе. Бетти — в школе. Ричард, само собой, лежал в больнице. Зато Элмер, по-прежнему, как и следовало ожидать, безработный, сидел на пороге с квартой светлого «Миллера» в одной руке и последним выпуском «Хот Ток» в другой. Рут и Дуган пробыли у него что-то около часа. За это время на Элмера прямо-таки обрушилась череда неудач. Люди, видевшие тем вечером, как он удирает из города, рассказывали, что вид у него был неважный: Хейни словно бы пропустили через картофелечистку. Единственным человеком, которому хватило духа спросить о случившемся, оказался старик Джон Харли.

— Хорошо, расскажу, — улыбнулась Рут. — В жизни не видела ничего чуднее. Пока мы убеждали мистера Хейни, что без него детям будет куда лучше, он вдруг решил принять душ. В разгар беседы, вы только подумайте! А потом, представляете, поскользнулся в ванне. Потом обжегся о плиту, а пяты, грохнулся на помытое линолеуме! Тут его потянуло на свежий воздух, и он наступил на те же самые грабли, что и малышка Бетти два месяца назад, помните? Тогда-то Элмера осенила идея собрать вещички — и в путь. Думаю, он правильно сделал. Может, где-нибудь еще ему повезет больше?

5

Миссис Маккосланд стала сердцем города. Именно поэтому она раньше других почуяла неладное.

Все началось с мигреней иочных кошмаров.

Головная боль появилась с приходом июля. Поначалу едва заметная, временами она вдруг разрасталась до неугомонной барабанной дроби у самого лба. Четвертого июля Рут сделалось так плохо, что она позвонила Кристине Маккин, с которой собиралась вместе поехать на фейерверки в Бангор, и с извинениями отказалась от поездки.

В тот вечер она легла еще засветло, но промучилась до темноты, когда наконец-то с грехом пополам заснула. Похоже, все дело в жаре и влажности, думала Рут. Наверное, в эту ночь, да и не только в эту, многим жителям Новой Англии не спа-

лось точно так же. Она не могла припомнить столь же душного и безветренного лета.

Рут снились фейерверки.

Только не красные, белые и переливчатые оранжевые вспышки, а мутные, отвратительного зеленого цвета. И вместо того чтобы рассыпаться яркими звездами, они собирались в виде морских звезд, сплапались друг с другом и образовывали гигантские язвы.

Оглядевшись, Рут увидела людей, с которыми провела всю жизнь, — семьи Харли, Криншоу, Браунов, Дюплисси, Андерсонов, Кларксонов. Они смотрели в небо, а их лица заливало гнилостное зеленоватое свечение. Горожане стояли у почты, аптеки, «Джанкатория», «Хейвен-ленча» и Северного национального банка, у школы и у заправки... Отражая глазами зеленый свет, глупо раззявив рты...

Из которых выпадали зубы.

Вот Джастин Хёрд, повернувшись к ней, растянул губы в ухмылке и показал розовые десны. В безумном сне они блестели слюной, точно вымазанные соплями.

— Ховофо-то как! — прошамкал Джастин, и Рут подумала: «Срочно бежать отсюда! Им нужно бежать, и немедленно! Если нет — они все умрут, как Ральф!»

Джастин двинулся к ней. С нарастающим страхом миссис Маккосланд увидела, как его физиономия сморщилась и превратилась в вышитое на плотно набитой ткани лицо ее игрушечного пугала по имени Люмпкен. В ужасе Рут начала озираться: все вокруг были куклами. Мэйбл Нойс уставилась на констебля все теми же алчными, расчетливыми глазами, но ее надутые губы напоминали перевернутый лук Купидона, как у фарфоровой винтажной красотки.

— Томминокевы, — прошамкала Мэйбл. Когда ее звенящий голос вдруг повторило эхо, Рут ахнула и наконец проснулась, уставившись широко раскрытыми глазами в кромешную тьму.

Мигрень исчезла — по крайней мере, на время. Сна не осталось ни в одном глазу; на смену ему пришла совершенно четкая мысль: «Рут, тебе нужно бежать отсюда немедленно! Даже сумку не собирай — набрось на плечи что-нибудь потеплее, садить за руль — и УЕЗЖАЙ!»

Но она не могла так поступить.

И поэтому продолжала лежать в темноте. А потом, спустя долгое время, опять заснула.

После того как разнеслась весть о пожаре в доме Полсонов, Добровольная пожарная дружина Хейвена приехала на выручку... на удивление поздно. Рут битых десять минут дожидалась первой машины. А когда наконец показался Дик Эллисон, она готова была открутить ему голову. И открутила бы, не будь она совершенно уверена, что обоих Полсонов уже прибрала курносая... Разумеется, Эллисон знал об их смерти не хуже ее. Потому, наверное, и не спешил. Вот только Рут от этого было ничуть не легче. Даже наоборот.

Например, это знание. Откуда оно взялось?

Миссис Маккосланд понятия не имела.

У нее не укладывалось в голове, как такое вообще возможно. В день, когда заполыхал дом Полсонов, Рут поняла, что уже неделю знала то, что ей знать не положено. Но все произошло так естественно! Не с колокольным звоном или, скажем, под бой барабанов. Знание просто стало частью ее натуры (как и у всех горожан), словно сердцебиение. Оно не требовало особых усилий и размышлений, как не требует их глухое, беспрестанное биение пульса в ушах.

Но Рут не могла об этом не думать, верно? Потому что Хейвен менялся... и вовсе не в лучшую сторону.

За несколько дней до исчезновения Дэвида Брауна Рут, к собственному испугу и разочарованию, поняла, что стала изгояем. Никто не плевал в нее, когда утром она шла по улице на работу, в ратушу... никто не бросался камнями... даже в мыслях людей миссис Маккосланд по-прежнему чувствовала доброту... но знала, что все обращаются ей вслед. И продолжала шагать с гордо поднятой головой, с безмятежным выражением на лице, словно не ее голова гудела и раскалывалась от боли хуже сгнившего зуба; словно не она провела эту ночь (если бы только вы знали, как громко в ночи...) без сна, ворочаясь в постели, погружаясь в ужасные, не остающиеся в памяти сны и ценой огромных усилий находя из них выход.

Горожане следили за ней... Следили и ждали...

Вот только чего?
Впрочем, Рут знала и это.
Ждали, когда она «обратится».

8

Неделя между пожаром у Полсонов и ВТОРЫМ ЧУДЕСНЫМ ГАЛА-ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ Хилли принесла Рут множество огорчений.

К примеру, почта. Да, это первое.

Миссис Маккосланд по-прежнему получала счета, рекламные проспекты и каталоги, но не письма. Вообще никакой личной корреспонденции. После трех дней такого затишья она решила сама прогуляться до почты. Нэнси Восс бездумно торчала за стойкой, уставившись в одну точку. К тому времени как Рут закончила говорить, она, казалось, физически ощущала на себе тяжесть ее взгляда. На физиономии Восс словно лежали два запылившихся черных камешка.

В наступившем молчании стало слышно, как в офисе что-то гудело и по-паучьи скреблось по полу. Миссис Маккосланд не представляла, что там...

(разве только механизм, сортирующий почту)
...может быть, но звук ей не нравился. А еще больше — не нравилось находиться вблизи этой женщины, которая спала с Джоном Полсоном и ненавидела Бекку, и...

На улице стояла жара. Здесь, внутри, было намного хуже. Рут вся покрылась потом.

— Заполни форму для жалоб, — медленно и монотонно проговорила Нэнси. После чего подала через стойку белую карточку. — Держи, Рут.

И растянула губы в безрадостной ухмылке.
У нее во рту недоставало половины зубов.

В тишине разносилось только: *скрин-скрин, скрип-скрин, скринскрин, скрип-скрин...*

Рут начала заполнять форму, чувствуя, как под мышками ее платья расползаются темные пятна пота. На улице солнце жгло беспощадными лучами парковку. Девяносто в тени, не меньше. И ни малейшего движения в воздухе. Асфальт на парковке наверняка расплавился, хоть черпай горстями и ешь...

«Изложите суть вашей проблемы», — гласила надпись на карточке.

«Я схожу с ума, — подумала Рут. — Вот и вся суть. И еще: впервые за три года у меня менструация».

А потом аккуратным почерком принялась писать, что уже неделю не получает заказную корреспонденцию и просит разобраться...

Скрип-скрип, скрипти-скрип.

— Что за шум? — спросила она, не отрываясь от карточки. Ей было страшно поднять взгляд.

— Механизм, сортирующий почту, — пробубнила Нэнси. — Мое изобретение. — И, помолчав, добавила: — Но тебе же это известно, Рут?

— Известно? Мне? С какой стати? Впервые слышу.

Миссис Маккосланд стоило чудовищных усилий придать своему голосу обычную любезность. Авторучка дрогнула и запачкала карточку. Но это не имело значения, ведь Восс попросту выбрасывала ее личную почту. Теперь Рут и это знала. Но она и сама была крепким орешком. Сохраняя спокойное и уверенное выражение лица, миссис Маккосланд твердо посмотрела Нэнси в глаза, хотя страшилась ответного взгляда, его тяжести.

«Ну давай, выкладывай начистоту. Меня не пугают такие, как Ты. Говори... но не жди, что я стану метаться, пища, как раздавленная мышь. Иначе я сильно тебя удивлю» — вот что читалось в ее глазах.

Взгляд Нэнси дрогнул, поник, а потом она отвернулась.

— Позови меня, когда все заполнишь. Я занята по горло, некогда тут прохладжаться и попусту болтать. С тех пор как не стало Джо, на почте работы невпроворот. Может, поэтому ваши письма и...

(СКРОЙСЯ ИЗ ГОРОДА, СУЧКА, БЕГИ, ПОКА МЫ ТЕБЯ ОТПУСКАЕМ)

...не доходят вовремя, миссус Маккосланд.

— Вы так полагаете? — Сохранять легкую приятную интонацию стоило уже сверхчеловеческих усилий.

Последней мыслью Восс едва не отправила Рут в нокаут, чуть не ослепила, как молнией. Опустив взгляд, посетительница увидела на бумаге большую черную

(опухоль)

расползающуюся кляксу, скомкала карточку и отбросила.

Нэнси так и не ответила на вопрос. Сделала вид, будто нечаянно пропустила его мимо ушей. «Врешь, все ты прекрасно слышала», — подумала миссис Маккосланд.

Скрип-скрип-скрррап.

За спиной отворилась дверь. Повернувшись, Рут увидела вошедшую Бобби Андерсон.

— Здравствуй, Бобби, — сказала она.

— Здравствуй, Рут.

(Кончай, ведь она права, беги отсюда, пока еще можешь, пока тебе разрешают, пожалуйста, Рут, ни я, ни мы — большинство из нас — не желаем тебе никакого зла...)

— Работаешь над новым романом, Бобби? — Миссис Маккосланд едва сдерживала предательскую дрожь в голосе.

Знать, о чём другие думают, было само по себе ужасно: это наводило на мысли о галлюцинациях и сумасшествии. Но слышать подобное от Бобби Андерсон...

(пока тебе разрешают)

...Бобби Андерсон — добрейшей души...

«Я ничего такого не слышала. — Рут ухватилась за эту идею с жадностью измученного утопающего. — Мне померещилось.»

Бобби открыла свой ящик, достала толстую пачку писем, бросила взгляд на констебля и улыбнулась. У неё во рту не хватало нижнего коренного зуба слева и верхнего клыка справа.

— Лучше беги отсюда, Рут, — ласково произнесла она. — Сядь в машину и уезжай. Что скажешь?

Та вдруг успокоилась — несмотря на страх, несмотря на пульсирующую боль в голове.

— Ни за что, — сказала она. — Это мой город. И если ты в курсе, что здесь творится, то передай остальным, кто в курсе, чтобы перестали давить на меня. У меня есть друзья за пределами Хейвена, они всерьез прислушиваются к моим словам, насколько бы дико те ни звучали. Если не ради меня самой, то хотя бы ради покойного мужа. А тебе должно быть стыдно. Это ведь и твой город тоже. *Был*, по крайней мере.

На мгновение Бобби вроде бы оробела и стушевалась. Потом блеснула лучезарной улыбкой — детской, с парой дырок вместо зубов, — и вот тут миссис Маккосланд перепугалась по-настоящему. Так ухмыльнулась бы рыба, но не живой человек. У этой женщины были глаза Бобби, мысли Бобби... Но улыбка — уже совсем не ее.

— Как скажешь, Рут, — проговорила Андерсон. — Ты же знаешь, все в Хейвене любят тебя. Думаю, через недельку-другую... максимум через три... ты устанешь бороться. Я просто предложила выход из положения. Но если решишь остаться — отлично. Еще немного, и с тобой... все будет в порядке.

9

На обратном пути Рут зашла в аптеку за упаковкой «Тампакс». Но их в продаже не оказалось. Ни «Тампакс», ни «Модесс», ни «Стейфри», никаких других тампонов или прокладок — хоть в мини-, хоть в макси-версии. Написанная от руки записка гласила: «НОВЫЙ ЗАВОЗ ОЖИДАЕТСЯ ЗАВТРА. ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ПРИЧИНЕННЫЕ НЕУДОБСТВА».

10

Пятнадцатого июля, в пятницу, начал барахлить рабочий телефон.

Утром в трубке появилось раздражающее гудение, так что обеим сторонам пришлось кричать. К полудню прибавился треск. К двум часам ситуация настолько ухудшилась, что аппарат стал совсем бесполезен.

Придя домой, Рут не услышала в трубке ни треска, ни шума. Только мертвое, ничем не нарушаемое молчание. Она заглянула к соседке, чтобы вызвать телефонного мастера. Венди Фанин занималась на кухне выпечкой, месила тесто. Рядом работал миксер.

Рут мало удивилась тому, что вместо розетки прибор был подключен к электронной игре без крышки и ярко светился.

— Конечно, или позвони, — проговорила Венди, не отрываясь от теста. — Ты же знаешь...

(спасайся, Рут, уезжай из Хейвена)
...где у нас телефон?

— Ну да, — ответила миссис Маккосланд и пошла было в глубь коридора, но задержалась. — Я сегодня заходила в аптеку, хотела купить прокладки, но их почему-то все расхватили.

— Знаю. — Венди улыбнулась. Еще неделю назад у нее был полный рот здоровых зубов, теперь же недоставало трех. — Я взяла предпоследнюю упаковку. Но это скоро пройдет. Мы «обратимся» еще немножко, и все закончится.

— Правда? — спросила Рут.

— О да. — Венди снова вернулась к тесту.

Ее телефон работал безуказиленно. Миссис Маккосланд даже не удивилась. Девушка со станции «Контел» в Новой Англии обещала срочно выслать мастера. Рут поблагодарила ее, а перед уходом поблагодарила и Венди Фанин.

— Не стойт. — улыбнулась соседка. — Для тебя, Рут, все, что угодно. Ты же знаешь, в Хейвене тебя любят.

Миссис Маккосланд дрожала, несмотря на жару.

Ремонтная бригада приехала, что-то сделала с кабелем на боковой стороне дома, проверила связь (все работало идеально) и укатила прочь. А через час телефон опять замолчал.

Идя вечером по улице, Рут слышала в голове легкий шелест мыслей, словно шепот сухой листвы, поднятой в воздух дуновением октябряского ветра.

(наша Рут мы любим тебя весь Хейвен любит)

(но если решила уехать то уезжай или же меняйся)

(если ты собралась остаться никто тебе зла не желает Рут уезжай или оставайся)

(да уезжай или оставайся только не трогай нас)

(да оставь нас в покое Рут не вмешивайся позволь нам позволь)

(«обратиться» да позволь «обратиться» и не мешай)

Миссис Маккосланд шагала медленно, голова у нее раскальвала от голосов.

По пути она бросила взгляд на «Хейвен-ленч». Бич Джернigan, повар, помахал ей рукой. Рут ответила на приветствие. У Бича зашевелились губы, по которым легко можно было прочесть: «Вон она идет». Несколько человек у стойки разом обернулись и тоже помахали. Все они улыбались. На месте желтых зубов у них зияли черные дыры. Констебль миновала заведение «У Кудера». Потом Объединенную методистскую церковь. Теперь перед ней была ратуша с циферблатом на четырехугольной часовой башне. Стрелки показывали семь пятнадцать летнего вечера. По всему городу в это время мужчины открывали бутылки с холодным пивом и включали прогромче

радио — Джо Кастильоне* разогревал публику перед выступлением «Ред сокс». А вот мимо не спеша, рука об руку, прошли Бобби Тремейн и Стефани Колсон. Они направлялись куда-то в сторону городской окраины. Эти двое прогуливались вместе уже четвертый год; даже странно, что Стефани за это время не забеременела.

Постепенно сгущались июльские сумерки. Стоял обычный вечер, и все выглядело нормальным...

Но в том-то и дело, что только *выглядело*.

Вот из библиотеки вышли Хилли Браун и Барни Эплгейт. Вслед за ними, как хвост за бумажным змеем, плелся младший братишка Хилли, Дэвид. Миссис Маккосланд спросила, какие книжки мальчики взяли в библиотеке, и те принялись охотно показывать. Но в глазах маленького Дэвида Рут прочитала сочувствие... и панику. Она уловила страх мальчика, но ничего не сделала. Два дня спустя, когда Дэвид бесследно исчезнет, Рут будет нещадно корить себя. Другой на ее месте оправдался бы, сказав: «Слушайте, у меня своих забот было предостаточно, где уж тут волноваться за посторонних мальчишек». Но Рут не из тех людей. Пустые напыщенные отговорки — не для нее. Ведь она уловила глухой ужас ребенка. Хуже того — покорность. Уверенность, что ход событий уже не остановить, что положение будет лишь ухудшаться, так уж суждено, ничего не поделаешь.

И словно в подтверждение ее правоты — опля! — Дэвид исчез. И Рут, подобно его деду, приняла на свои плечи груз тяжкой вины.

Достигнув ратуши, она повернулась и направилась домой, сохраняя на лице приветливое выражение, хотя готова была утратить силу духа. Чужие мысли крутились... и шелестели... и танцевали.

(мы тебя любим Рут)

(мы подождем Рут)

(шишишишиши ложись спать)

(да тебе пора в постель смотреть сны)

(о разных способах)

(«обратиться» о способах «обратиться» о способах)

Она зашла в дом, заперла входную дверь, поднялась наверх и уткнулась лицом в подушку.

* Джозеф Джон Кастильоне (р. 1947) — американский радиокомментатор матчей бейсбольной команды «Бостон ред сокс».

Видеть сны о способах... «обратиться»?

«Если едешь — уезжай, если остаешься — меняйся...»

Боже, как же Рут хотелось узнать, о чем речь! Ведь что бы это ни значило, независимо от ее желания, с ней уже что-то происходило. При всем своем сопротивлении миссис Макколанд уже «обращалась».

(да Рут да)

(спи... грезь... думай. «обращайся»)

(да Рут да)

Под шелест чужих, пугающих мыслей она погрузилась в сон, будто в черный водоворот. Вскоре констебль уже крепко спала поперек широкой кровати, даже не раздевшись.

Когда она пробудилась, тело немного ныло, зато в голове посвежело и прояснилось. Мигрень растаяла, словно туман. Месячные, так неуместно и даже постыдно вернувшиеся, когда Рут их уже не ждала, тоже прекратились. Впервые за две недели она ощущала себя собой. Оставалось принять продолжительный и прохладный душ, а потом обдумать ситуацию. Если понадобится помочь извне — почему бы нет. Если придется несколько дней, а то и неделю провести с людьми, уверенными, будто Рут слетела с катушек, — значит, так тому и быть. Всю свою жизнь она зарабатывала репутацию здравомыслящей дамы, достойной доверия. Пора посмотреть, чего стоили все эти труды: удастся ли убедить кого-то принять всерьез ее речи, пусть даже звучащие точно безумный бред?

Рут начала снимать одежду, измятую за ночь, — но, едва дотронувшись до первой пуговицы, вдруг замерла. Язык нащупал пустоту между нижних зубов. В этом месте ощущалась тупая, неясная боль. Взгляд опустился на покрывало. Там, где ночью поколась голова, теперь лежал выпавший зуб. Внезапно все перестало казаться таким уж простым — абсолютно все.

Тут Рут поняла, что мигрень вернулась.

11

Это лето еще не успело вовсю разгуляться — в августе Хейвен ждала неделя, когда температура будет ежедневно превышать отметку в сто градусов*, — но и теперь, в июле, жара и ду-

* 38°C по Цельсию.

хота, установившиеся с двенадцатого по девятнадцатое число, измучили всех и каждого в городе, хоть убейте.

Улицы мерцали от зноя. Пыльные листья безжизненно висели на ветвях деревьев. Звуки далеко разносились в неподвижном воздухе; в самые жаркие из этих проклятых дней шум старого грузовичка Бобби Андерсон, переделанного в землеройную машину, ясно долетал до Хейвен-Виллидж. Люди догадывались, что там, на ферме старины Фрэнка Гаррика, происходит что-то важное для всего города, но все молчали. Судьбу ее ближайшего соседа Джастина Хёрда, утратившего рассудок *на этой самой почве*, тоже предпочитали не обсуждать. Джастин, как и все «обращенные», строил разные механизмы, однако из-за его безумия они несли в себе потенциальную опасность. К примеру, машина, вызывающая гармонические колебания земной коры, способные привести к землетрясению, от которого штат раскололся бы надвое и одна половина сползла бы прямо в Атлантический океан.

Эту машину Джастин построил, чтобы выгонять проклятых кроликов и сурков из нор. Они, видите ли, грызли его дурацкий салат-латук. «Я все-таки выведу этих мелких тварей», — думал фермер.

Однажды, пока Джастин боронил пшеницу на западном поле (в тот день он осилил двенадцать акров, весь обливаясь потом и растянув губы в застывшей маниакальной гримасе из-за переживаний о несчастных трех грядках салата-латука), к нему на участок явился Бич Джерниган и разобрал машину, сделанную, как оказалось, из деталей стереоустановки. Когда хозяин вернется и обнаружит свое изобретение в покалеченном виде, возможно, ему стукнет в голову свалить вину на треклятых сурков и кроликов. Если он решит восстановить прибор, Бич или кто-то еще придут и снова сломают эту штуковину. Ну а если повезет, сумасшедший изобретатель построит что-нибудь не такое опасное.

Каждый день солнце всходило на небо цвета бледного фарфора и потом застыпало под крышой мира. У самой стены «Хейвен-ленча», в скучной тени от навеса рядом лежали собаки и тяжко дышали. У них даже не оставалось сил чесаться. Улицы были по большей части безлюдны. Время от времени кто-нибудь проезжал через Хейвен по направлению к Бангору

или Дерри. Впрочем, не так уж и часто: по магистрали получалось гораздо быстрее.

Проезжающие неизменно отмечали внезапно и странно улучшающийся в этих краях радиоприем. Так, один водитель грузовика, свернувший от скуки с шоссе номер 9 на межштатную магистраль 95, настроился на рок-станцию, которая, как оказалось, вешала в Чикаго. А пожилая пара по дороге в Бар-Харбор поймала волну классической музыки из Флориды. Сразу же за границей Хейвена эта сверхъестественно чистая связь обрывалась.

Кое-кто из просзывающих испытал на себе куда менее приятные « побочные эффекты » в виде головной боли и тошноты, а то и очень сильной рвоты, что было слишком легко списать на протухшую от жары еду в придорожных забегаловках.

Маленький мальчик из Квебека, направлявшийся вместе с родителями в Олд-Орчард-Бич, успел за десять минут от одной границы Хейвена до другой потерять четыре молочных зуба. Его мать потом по-французски божилась, что никогда в своей жизни не видела ничего подобного. Причем, по ее словам, у сына шатался только один. Той же ночью в мотеле зубная фея забрала добычу, оставив мальчику под подушкой четыре доллара.

Один математик из Массачусетского технологического института, направлявшийся на двухдневную конференцию по квазиологическим числам, внезапно почувствовал, что приблизился к радикально новому способу понимания математики и математической философии. С холодной испариной на посеревшем лице он изумительно четко представил себе, как с помощью этой концепции доказать, что каждое число более двух является суммой двух простых чисел, как это можно использовать при делении угла на три равные части, и как...

Тут он затормозил, с трудом выбрался из машины и вытошил завтрак в канаву. Вместе с одним из клыков, потерю которого от возбуждения не заметил. Ученый застыл над лужей собственной рвоты; у него подкашивались колени, а руки тянулись к воображаемому кусочку мела, чтобы покрыть доску синусами и косинусами. В перегретом мозгу вспыхнула мечта о Нобелевской премии. Мужчина бросился обратно за руль и разогнал свой ржавый «субару» до восьмидесяти миль в час, спеша попасть в Ороно. Однако уже на границе Хэмпдена отчетливо

видение потускнело, а к концу путешествия и вовсе померкло, оставив после себя едва уловимые искорки. Математик решил, что с ним приключился временный тепловой удар. Вот разве только рвота была реальной; он еще чувствовал неприятный запах, исходящий от одежды. Весь первый день конференции ученый был бледен и молчалив, почти не подавал реплик, в душе оплакивая свое великое, но эфемерное открытие.

Тем же утром Мэйбл Нойс отошла в небытие в подвале своего «Джанкатория». Сказать, что она «нечаянно убила себя» или «погибла в результате злополучного стечения обстоятельств», было бы не совсем правильно. Оба этих речевых оборота не подходят для описания случившегося. В конце концов, Мэйбл не получила пулю в голову, начиная ружье, и не сунула палец в розетку; она разложила себя на молекулы и прекратила существовать. Мгновенно и безболезненно. Краткая синяя вспышка — и женщины нет. Осталась только дымящаяся бретелька от лифчика да серебристый приборчик, похожий на машинку для полировки серебряных украшений. Собственно, это она и была. Мэйбл просто захотелось облегчить себе грязный и утомительный труд. Она даже удивилась, почему давным-давно не изобрела подобный прибор. И с какой стати, позвольте спросить, ими не торгуют в магазинах? Неужели трудно собрать такую чепуху? Эти косоглазые из Корси могли бы их тоннами продавать. Всякую ерунду продают же! Спасибо и на этом, а то другие косоглазые, из Японии, что-то совсем обнаглели, выпуская разную мелочь. Тут Мэйбл представилась куча других полезных в работе приборов, которые можно собрать из деталей старой, ненужной техники. Замечательных приборов. Нарочно перелистив торговые каталоги, она изумилась, не отыскав там ни одной из своих придумок. «Боже! — подумала Мэйбл. — Да я же озолочусь!» Тут она поперечно соединила провода в полированной машинке — и распалась на кварки, отправившись в сумеречную зону менее чем за ноль целых шесть тысячных наносекунды.

Сказать по правде, в Хейвене по ней не очень скучали.

Городок безвольно лежал на дне огромной чаши со спрятанным, недвижным воздухом. Только из леса за фермой Гаррика доносился шум работающей техники: это Бобби и Гарденер продолжали копать.

Вся осталенная часть Хейвена словно пребывала в спячке.

Впрочем, Рут не дремала.

Она размышляла о звуках, долетавших из имения Бобби Андерсон (хотя бы один местный житель впервые не назвал его про себя «фермой старого Гаррика»), и о самой писательнице.

В последнее время в городе словно появился один на всех источник знания — так сказать, общий колодец мыслей. Еще месяц назад Рут отмахнулась бы от подобной идеи, как от полного бреда. Но теперь не могла отрицать. Знание, как и шелест чужих голосов в голове, просто-напросто было там.

Среди прочего горожане подозревали, что все началось из-за Бобби. Пусть ненамеренно, но это она запустила необратимый процесс. И вот они с другом (Рут никак не могла докопаться, что же это за друг, но несколько раз вечерами видела, как он сидит на пороге рядом с Бобби) работают по двенадцать, а то и по четырнадцать часов в сутки, еще больше ухудшая положение. Таинственный сообщник каким-то образом держался вне общей сети.

Да, но как они могут еще больше ухудшить положение?

Миссис Маккосланд не знала. Она даже не имела понятия, чем они там занимаются. Это было скрыто — причем не только от Рут, но и от остальных горожан. В свое время все станет известно. Они просто «обратятся» и сразу поймут. Ведь прекратились же месячные сразу у всех представительниц женского пола в возрасте от восьми до шестидесяти лет.

Тайна была как-то связана с раскопками — вот и все, что могла сказать Рут. Однажды после обеда она прикорнула и увидела во сне, как Бобби с другом из Трои выкапывают огромный серебристый цилиндр диаметром приблизительно в двести футов. В центре которого, подобно соску на груди, торчал еще один, стальной, меньших размеров, — примерно десять футов в диаметре и пять в высоту, а на нем была гравировка: символ «±». Проснувшись, Рут поняла, что увидела гигантскую батарейку, спрятанную в толще земли и гранита за домом Бобби... и превосходящую масштабами коровник Фрэнка Спруса.

Ну конечно, что бы эти двое там, в лесу, ни нашли, оно не могло оказаться простой батарейкой. Вот только... Рут почему-то была уверена, что не ошиблась. Бобби наткнулась на колossalный источник энергии, который поработил ее. А за-

одно гальванизировал и пленил весь Хейвен. Причем эта сила с каждым днем возрастала.

Сознание прошептало: «Оставь все как есть. Отойди в сторону, пусть дела идут своим чередом. Эти люди тебя любили, Рут, правда-правда. Ты слышишь их голоса, точно шелест сухой листвы, взметаемой октябрьским ветром — уже не легоньким дуновением, а циклоном. Ты слышишь их мысли — спутанные, искаженные, но все же не лгущие. И когда эти голоса твердят, что любили тебя, что по-прежнему любят, им можно верить. Однако если ты помешаешь происходящему, Рут, они с тобой наверняка расправятся. Но приятель Бобби — он почему-то защищен. Не слышит никаких голосов. Не «обращается». Ну разве что в пьяницу. Так говорят мысли Бобби: «Гард обращается в пьяницу». А вот остальные... если ты сунешь нос в их дела... они убьют тебя, Рут. Ласково. С любовью. Так что держись подальше. Пусть будет что будет».

Но если она послушается, ее город разрушат. Он не просто *изменится*, как с очередным переименованием, не *пострадает*, как из-за сладкоречивого проповедника, а именно *разрушится*. И Рут уничтожат вместе с ним, потому что неизвестная сила уже начала подтасчивать основы ее существа. Она это ясно чувствовала.

Ну ладно... А что же делать?

Пока — ничего. Может, все само по себе наладится. А тем временем нельзя ли как-нибудь защитить свои мысли от прослушивания? Рут принялась экспериментировать со скороговорками. От топота копыт пыль по полю летит... Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали... Кукушка кукушонку купила капюшон... Немного попрактиковавшись, она наловчилась постоянно прокручивать их у себя в голове. А потом отправилась в город купить рубленого мяса и два початка свежей кукурузы к ужину. И между делом мило потолковала с Мадж Тиллетс за прилавком и с Дэйвом Рутледжем, что сидел на своем привычном месте перед магазином и не спеша плел кресло морщинистыми, узловатыми от артрита руками. Правда, в этот раз старина Дэйв вовсе не походил на развалину. Даже наоборот.

Оба собеседника смотрели на нее настороженно, озадаченно, с недоумением.

«Они меня слышат... Но уже не так хорошо. Я научилась создавать помехи! Надо же!»

Рут не знала, успешно ли у нее получается, и не могла все-рьез полагаться на эту свою способность. Но ведь сработало же! Хотя если несколько человек объединят усилия, вряд ли она сумеет от них защититься. А такое вполне возможно. И все-таки для начала неплохо. Первая стрела в пустом колчане.

Тем вечером, в субботу, Рут решила, что подождет часов шестьдесят, до полудня вторника. И если положение ухудшится — поедет в полицейские казармы в Дерри. Отыщет старых друзей покойного мужа, прежде всего Монстра Дугана, и расскажет им, что творится в сорока милях далее по шоссе номер 9. Пожалуй, не самый блестящий план, но лучшего ей в голову не пришло. И Рут Маккосланд уснула. Ей снились огромные батарейки в земле.

Глава 6

ИСТОРИЯ РУТ МАККОСЛАНД, ОКОНЧАНИЕ

1

Исчезновение Дэвида Брауна заставило Рут отказаться от первоначального плана. Теперь она поняла, что не сможет покинуть город. Дэвид пропал, это знали все... Но каким-то образом он продолжал оставаться в Хейвене, и насчет этого тоже все были в курсе.

С исчезновением мальчика в городе началась, если можно так выразиться, «пляска притворства», но которую можно было наблюдать во всей красе во время усердных поисков.

Рут смотрела местные новости, когда вдруг зазвонил не работавший ранее телефон. Миссис Браун визжала нечто беспорядочное.

— Спокойнее, Мэри. — Рут порадовалась, что успела сегодня поужинать раньше обычного. В ближайшее время будет явно не до еды.

Первое, что ей удалось более или менее разобрать, — это то, что маленький Дэвид попал в какую-то переделку, начавшуюся с магического шоу на заднем дворе, и что Хилли впал в истерику.

— Передай трубку Брайану, — попросила она.

— Зайди к нам, ладно? — рыдала Мэри. — Пожалуйста, Рут, пока не стемнело. Мы еще можем его найти, я это сердцем чувствую!

— Конечно, приду. А теперь передай трубку Брайану.

Тот тоже был не в себе, но хотя бы смог описать случившееся. Его речи звучали дико — впрочем, как все в этом городе в последнее время, верно? После представления с фокусами зрители разошлись, оставив мальчиков прибрать за собой. И Дэвид исчез. Хилли отключился, а теперь совершенно ничего не помнит, начиная с сегодняшнего обеда. Только твердит, что если увидит братика — должен отдать ему все фигурки «Джи-Ай Джо». А почему — и сам не знает.

— Приходи как можно скорее, — повторял Брайан.

Выходя из дома, Рут на мгновение задержалась у своего «Дарта» и окинула главную улицу Хейвен-Виллидж взглядом, полным нескрываемой ярости. «Что же вы натворили? — пронеслось у нее в голове. — Что же вы, дьявол вас всех дерите, натворили?»

2

Оставалось каких-нибудь два часа до сумерек. Нельзя было терять ни минуты. Рут собрала на заднем дворе Брайана, Эва Хиллмана, Джона Голдена, жившего через дорогу, и Генри Эплгейта, отца маленького Барни. Мэри тоже хотела участвовать в поисках, но констебль убедила ее оставаться с Хилли. В ее теперешнем состоянии несчастная мать стала бы только обузой. Дэвида, конечно, уже пытались искать, но бесполково, практически «через задницу». В конце концов родители пришли к выводу, что мальчик, наверное, ушел через дорогу в лес, и отказались от дальнейших поисков, хотя продолжали бесцельно слоняться вокруг. Рут мало что поняла из их слов. Она больше прочла по их то рассеянным, то перепуганным лицам. А еще больше дали ей их мысли.

Причем последние четко делились на два вида: на человеческие и чужеродные. «Обращение» рано или поздно доводит до сумасшествия. Перерастает в шизофрению. Одержаный разум пытается восставать против коллективного чужеродного, а тот

подминает его под себя вместе с остальными... и поглощает. Настало время принять неизбежное. А значит, настало время для «пляски притворства».

Все могло бы начаться с Мэйбл Нойс, но ради нее мало кто пустился бы в пляс: Мэйбл здесь недостаточно любили. Хиллманы и Брауны — другое дело. Их род уходил корнями в самую раннюю историю Хейвена; эти семьи не только любили, но и всерьез уважали.

И к тому же Дэвид — ребенок, малыш...

Человеческий коллективный разум — «разум Рут», если можно так выразиться, — думал так: мальчик, наверное, заблудился в высокой траве на поле Браунов и уснул. Это звучало гораздо правдоподобнее, нежели версия Мэри о том, что он якобы забрел в лес. Не мог же Дэвид перейти автомагистраль — он был слишком послушным. Так утверждали родители. Что еще важнее, посторонние с ними соглашались. Мэри и Брайан не уставали учить малыша, чтобы он никогда не переходил шоссе в одиночку, без взрослых. Значит, лес — это маловероятно.

— Нужно разделить луг и поле на маленькие участки и прочесать их, — сказала миссис Макколанд. — Но не простоходить, а смотреть в оба.

— А вдруг мы его не отыщем? — В глазах Брайана читалась испуганная мольба. — Что, если он не найдется, Рут?

Ей даже не пришлось отвечать; достаточно было подумать. В таком случае она вскоре сделает несколько нужных звонков. В Хейвен прибудет крупная поисковая бригада. Люди с фонарями и охотничими рожками отправятся прямо в лес. Если же и они до утра ничего не добьются, Рут наберет номер Орвэла Дэвидсона в Юнити и попросит его прислать своих ищек. Большинство из них были знакомы с процедурой — как в теории, так и на практике. Во время охотничьего сезона по лесам то и дело шатались горе-туристы с крупнокалиберным оружием и в оранжевых фланелевых шмотках, заказанных по каталогу «Л. Л. Бин». Обычно таких бедолаг отыскивали живыми и невредимыми, если не считать легкого переохлаждения и сильной досады.

Но случалось, их находили мертвыми.

А то и вовсе не находили.

Дэвида Брауна им уже не отыскать; горожане поняли это задолго до начала операции. Стоило Рут приехать, как они

слили свой разум в одно целое (это получилось невольно, инстинктивно: так человек, например, моргает на ярком свете) и дружно позвали Дэвида. Хор мысленных голосов оказался настолько мощным, что, находясь мальчик хоть за семьдесят миль, он зажал бы ручками уши и закричал от боли. Будь он даже в пять раз дальше — все равно услышал бы и отозвался.

Нет, Дэвид вовсе не заблудился. Он просто был... где-то еще.

Но это знал разум томминоккеров. А поскольку жители Хейвенса продолжали хотя бы перед собой прикидываться людьми, они начали «свистопляску притворства».

«Обращение» требует много лжи.

Главной ложью было внушить себе: «Мы такие же, как и прежде, мы не изменились».

И все это понимали. Все, даже Рут Маккосланд.

3

К половине девятого, когда сгустившиеся вечерние сумерки мало чем отличались от ночи, поисковая команда выросла от пяти до двенадцати человек. Печальная весть разлетелась быстро — пожалуй, даже неестественно быстро. Прочесав каждый задний двор и поле на стороне Браунов (они начали прямо от сцены, где проходило выступление Хилли; Рут лично полезла вниз с мощным фонариком, решив, что Дэвид вполне мог уснуть и там, но обнаружила только примятую траву и необычный запах электричества, от которого едва не чихнула), горожане стали расширять район поисков.

— Думаешь, он в лесу, Рут? — спросил Кейси Тремейн.

— Наверное, — устало ответила она.

Голова снова раскалывалась. Дэвид был...

(где-то еще)

...в лесу не более чем Президент США. И все-таки...

Между тем где-то в сознании скороговорки продолжали крутиться, точно неугомонные белки в колесах.

Сумерки сгустились, но не окончательно; констебль вдруг заметила, как Брайан Браун закрыл ладонью лицо и отвернулся

от остальных. Повисла неловкая тишина, которую нарушила Рут:

— Нам нужна подмога.

— Хочешь вызвать полицию штата? — подал голос Кейси.

Все уставились на миссис Маккосланд недвижными мрачными взглядами.

(нет Рут не надо)

(здесь чужаков мы сами управимся)

(мы обо всем позаботимся а чужаки не нужны пока)

(пока мы сбрасываем старую кожу и обрастаём новой пока)

(мы не «обратились»)

(если мальчик здесь он обязательно позовет нас и мы услышим)

(позовет нас мысленно)

(никаких чужаков Рут тсссс тсссс ради твоей безопасности Рут мы)

(так любим тебя но чужих нам не надо)

Голоса просверлили мозг, устремившись в недвижный и влажный мрак. Миссис Маккосланд видела вокруг себя лишь темные силуэты и белые пятна лиц; на миг их можно было даже принять за человеческие. «У скольких из вас еще целы зубы?» — истерично подумала Рут.

Открывая рот, она была уверена, что закричит, но голос прозвучал (по крайней мере, ей так показалось) естественно и спокойно. А в голове продолжали крутиться

(От топота копыт пыль чего-то там... Кукушка кукушонку...) скороговорки.

Все быстрее и быстрее.

— Думаю, в этом нет пока необходимости. Кейси, что скажешь?

Тот уставился на нее с легким недоумением.

— По-моему, это тебе решать, Рут.

— Ладно, — сказала она. — Генри... Джон... и все вы. Обзвоните знакомых. Прежде чем мы продолжим, я хочу, чтобы здесь набралось полсотни людей, отлично знающих этот лес. Пусть приходят к Браунам, только обязательно приносят с собой фонари. Иначе я никого и близко к лесу не подпущу. У нас уже пропал ребенок; не хватало еще потерять кого-то из взрослых.

Голос Рут набирал уверенность и силу. Страх перестал душить ее. Все почтительно смотрели в рот благодетельнице.

— Я позвоню Эдли Маккину и Дику Эллисону. Брайан, вернись домой и скажи Мэри, пусть сварит побольше кофе. Похоже, ночь будет длинной.

Когда они расходились, мужчины, которым предстояло сделать звонки, направились к Генри Эплгейту, хотя до дома Браунов было рукой подать. В сложившихся обстоятельствах никому не хотелось оказаться рядом с Брайаном, когда тот будет сообщать жене, что их мальчик все-таки заблудился

(где-то не здесь)
в большом лесу.

Миссис Маккосланд валилась с ног от усталости. Она даже жалела, что не может поверить в собственное безумие. Так было бы легче.

— Рут?

Она подняла взгляд и увидела Эва Хиллмана с жидкой седой шевелюрой на обтянутом кожей черепе. Старик выглядел озабоченным и испуганным.

— Хилли опять отключился. Глаза открыты, но... — Он беспомощно развел руками.

— Сочувствую, — проговорила констебль.
— Я отвезу его в Дерри. Брайан с Мэри, конечно, хотят остаться...

— Может, сначала к доктору Уорвику?
— Мне кажется, лучше в Дерри, вот и все. — Эв не мигая смотрел на нее.

Его старицкие слезливые глаза с покрасневшими веками потеряли свой синий оттенок почти до полной бесцветности. Поблекли — да, однако не поглупели. Внезапно Рут вскинула голову от изумления. Она поняла, что почти не может читать его мысли! Старик сохранил свободу! Что бы ни творилось вокруг, он знает об этом — хотя бы отчасти, — но остается невовлеченным.

Сначала она ощущала восторг, а потом — приступ горькой зависти.

— Я думаю, за пределами города ему будет лучше. А ты, Рут?

— Д-да, — медленно проговорила она, думая о голосах у себя в голове. В последний раз пришла мысль: «Дэвид где-то не здесь», но миссис Маккосланд отмела ее навсегда. Бред.

Ну конечно, он здесь. Ведь они же люди? Люди. Естественно. Только... — Да, я тоже думаю, что ему полегчает.

— Ты могла бы поехать с нами, Рут.

Она долго смотрела на старика.

— Эв, Хилли сделал что-то не то? Я читаю в твоей голове его имя. Кроме имени — ничего. Но оно мерцает огромными неоновыми буквами.

Эв ответил взглядом, в котором не было ни капли удивления: дескать, как же так, всегда рассудительная миссис Маккосланд хочет сказать, будто прочла его мысли?

— Может быть. Судя по его поведению, похоже на то. Его полуобморок... Если мальчик не притворяется... Мне кажется, он сделал что-то, в чем сильно раскаивается. В таком случае он не виноват. Рут. В Хейвене происходит странное... Вот настоящая причина.

Неподалеку хлопнула дверь с натянутой сеткой от мошки. Миссис Маккосланд бросила взгляд на дом Эплгейтов: мужчины возвращались.

Дед быстро обернулся через плечо и снова уставился на нее.

— Едем с нами, Рут.

— Бросить свой город? Эв, я не могу.

— Ладно. Если Хилли что-нибудь вспомнит...

— Свяжись со мной, — закончила она.

— Надеюсь, получится, — пробормотал старик. — Они могут помешать, Рут.

— Да, — отозвалась она. — Я уже знаю.

— Идут, — сообщил Эплгейт и смерил Хиллмана холодным оценивающим взглядом. — Парни что надо.

— Отлично, — сказала Рут.

Эв впился в Эплгейта ответным немигающим взглядом, а потом молча ушел. Где-то через час с лишним, организуя участников в поисках и готовя их к первой экспедиции, Рут увидела, как старенький «валиант» Эва выехал от Браунов и повернулся на Бангор. Маленькая темная фигурка Хилли недвижно застыла на пассажирском сиденье, напоминая манекен из витрины.

«Удачи вам обоим», — подумала миссис Маккосланд. Ей захотелось — и захотелось до боли! — тоже скорее выпутаться из сетей этого лихорадочного кошмара.

Когда машина старика скрылась за первым холмом, Рут огляделась вокруг. Двадцать пять мужчин и с полдюжины

женщин выстроились по обе стороны дороги. Они стояли не шевелясь и просто смотрели
(любили)

внимательно на нее.

И снова ей показалось, что их силуэты меняются, расплываются, утрачивают человеческие черты; горожане все-таки «обращались», о да, обращались в нечто такое, о чем Рут даже не отваживалась подумать... и она вместе с ними.

— Хватит ворон считать! — прикрикнула она немного резче обычного. — Идем искать Дэвида Брауна!

4

В ту ночь его не нашли. И в понедельник, наполненный пульсирующей, раскаленной добела тишиной, — тоже. Бобби Андерсон с другом принимали участие в поисках; шум землеройной техники за фермой старого Гаррика на время умолк. Друг — его звали Гарденер — выглядел очень бледным, больным, как с похмелья. Впервые увидев его, Рут усомнилась: продержится ли до вечера? Если только начнет выпадать из реальности (и подвергнет опасности всю операцию, став слабым звеном поисковой цепочки), надо будет немедленно отослать его обратно... Однако Гарденер продержался.

К тому времени Рут сама пережила период упадка сил, работая под двойным напряжением: ей приходилось одновременно искать пропавшего Дэвида и сопротивляться медленным изменениям в собственном мозгу.

В ночь на понедельник, перед самым закатом, ей удалось урвать два часа тревожного сна, а потом — бесконечные чашки кофе и сигарета за сигаретой. Констеблю даже в голову не приходило вызвать подмогу. Стоит только попробовать — и приезжие быстро (наверное, за считанные часы) поймут, что Хейвен сменил название на Ужасвиль. Очень скоро стиль местной жизни привлечет их пристальное внимание, и тогда — прощай, Дэвид.

Жара держалась долго после заката. Ни ветерка, ни дождя, хотя откуда-то доносились раскаты грома. Поляхали зарницы. В зарослях, среди буреломов и в густо переплетенных кустарниках гудела и нудно журжал разная мошкара. Под ногами трещали ветки. Мужчины чертихались, наступая в лужи или

пробираясь через валежник. Темноту прорезали крест-накрест лучи фонарей. В действиях команды ощущалась тревога, но ни малейшей сплоченности. К полуночи вообще осталось лишь несколько фонарей. Общение при помощи мыслей не принесло жителям Хейвена ни умиротворения, ни гармонии; на самом деле все получилось с точностью до наоборот.

Рут продолжала подбадривать всех, как могла. А потом ночью, ближе к утру вторника, мир просто уплыл у нее из-под ног. Стремительно, словно большая рыба, которая кажется неповоротливой, пока резко не дернет мощным хвостом и не выскользнет прямо из рук. Фонарик выпал из пальцев и укатился. Казалось, все это происходит в кино. Горячий пот на щеках и на лбу превратился в холодную испарину. Безжалостная мигрень, все сильнее терзавшая миссис Маккосланд последние сутки, вдруг безболезненно взорвалась и пропала. Точно в центре мозга кто-то дернул за нитку хлопушки. Пестрые ленточки гофрированной бумаги разлетелись по изогнутым серым коридорам мозжечка. Колени подкосились. Рут рухнула на глухой кустарник. В косом свете упавшего фонаря она успела заметить длинные, грозного вида шипы, но сами ветви показались ей мягкими, словно лебяжья подушка.

Рут попыталась позвать на помощь и не смогла.

Ее услышали и так.

Послышались приближающиеся шаги. Лучи фонарей прочертили тьму крест-накрест. Кто-то

(Джуд Таркингтон)

налетел на кого-то еще

(на Хэнка Бака)

и между ними вспыхнула злобная перебранка.

(а ну не путайся под ногами чучело)

(сейчас как заеду в лоб фонарем Бак лучше не зли меня честное слово)

Потом мысли вновь сфокусировались на ней, проникнутые такой неподдельной и искренней

(мы все тебя любим Рут)

нежностью, но, увы: это была очень цепкая, алчная нежность, она пугала до смерти. Руки схватили миссис Маккосланд, перевернули, а потом

(мы все тебя любим и мы поможем тебе «обратиться»)
осторожно подняли.

(Я тоже люблю вас... А теперь, пожалуйста, сосредоточьтесь на мальчике. На Дэвиде Брауне и только на нем. Не надо драться и спорить.)

(мы все тебя любим Рут...)

Кое-кто из них плакал. Другие (она не хотела этого замечать, но увидела) по-звериному скалили верхние зубы, точно собаки, готовые ринуться в бой.

5

Эд Маккин доставил ее домой, а Хейзел Маккриди уложила в постель. Рут погрузилась в пучину странных, обрывочных снов. Проснувшись утром во вторник, она могла вспомнить лишь образ Дэвида Брауна, пытающегося сделать последние вдохи на почти безвоздушной планете. Он распластался на черной земле, иссохшей и растрескавшейся, под черным небом, заполненным ярко пылающими звездами. Изо рта и ноздрей у него начала сочиться кровь, потом лопнули глаза, и Рут села на кровати, задыхаясь от ужаса.

Она позвонила в ратушу. Трубку взяла Хейзел. Почти все дееспособные мужчины и женщины отправились в лес, сообщила она. Но если мальчика не найдут до завтра... Хейзел не закончила.

В десять утра миссис Маккосланд вновь присоединилась к поискам, продвинувшимся уже на десять миль в глубь леса.

Ньют Беррингер, только взглянув на нее, сказал:

— Тебе

(здесь нечего делать)

и ты это знаешь, — закончил он вслух.

— Мне есть что здесь делать, — непривычно сухо отрезала Рут. — И не мешай мне, пожалуйста.

Она провела на ногах весь долгий и душный день, перекриваясь с другими, пока совсем не осипла. А с наступлением сумерек разрешила Бичу Джернигану отвезти себя в город. В кузове его грузовичка лежало нечто большое, закрытое брезентом. Рут не имела понятия, что это может быть, и не желала этого знать. Ей отчаянно хотелось остаться в лесу, но миссис Маккосланд боялась, что силы вновь покинут ее и тогда ей уже не позволят вернуться. Еле заставив себя подкрепиться, она отключилась часов на шесть.

Потом сделала сандвич с ветчиной, налила себе вместо желанного кофе стакан молока и зашла в свою «школу». Села за стол, поставила рядом свой скромный завтрак, стала смотреть на кукол. Те в ответ разглядывали ее стеклянными глазками.

«Не смеяться, не шутить, — всплыло в памяти. — Квакер за тобой следит. Кто покажет язычок или зубы, тот...»

Мысль куда-то уступчилась. Немного погодя Рут поморгала, вздрогнула и очнулась. Потом, посмотрев на часы, округлила глаза. Она принесла сюда завтрак в половине девятого. Вот он, все еще цел, а между тем уже четверть двенадцатого.

И некоторые из кукол — не на своем месте.

Немецкий мальчик в альпийском костюмчике присоседился к леди Эффанби, хотя раньше его место было между японкой в кимоно и смуглой индианкой в сари. Рут вскочила на ноги. Сердце колотилось так, что едва не выскакивало из груди. Качина хопи* сидела на коленях у джутовой гитянской куклы вуду с белыми крестиками вместо глаз. А русский лешний вообще лежал, уставившись в потолок, со свернутой, как у висельника, шеей.

«Кто же здесь был? Кто трогал моих кукол?»

Она отчаянно озиралась, на какое-то мгновение в испуге поверив, что вот-вот увидит Элмера Хейни, великого избивателя младенцев, в темноте у бывшего кабинета Ральфа, и тот промолвит с тупой ухмылкой: «А я ведь предупреждал тебя, сучка, не лезь не в свои дела!»

Ничего. Никого.

«Но кто-то же был здесь? Кто передвинул...»

«Мы сами передвинулись, милая».

Лукавый, хихикающий голосок.

Миссис Маккосланд прикрыла рот ладонью. Ее глаза расширились. И тут она заметила на доске растянутые вкривь и вкось буквы. Их писали с такой силой, что мелок неоднократно ломался; обломки неопрятно лежали в специальной канавке внизу.

«ДЭВИД БРАУН НА АЛЬТАИР-4».

— Что? Что? Что это?..

* Куклы-качина, которых изготавливают индейцы-пueblo. Ранее играли церемониальную роль, а в настоящее время являются одним из предметов сувенирной торговли.

— Это значит, он ушел слишком далеко, — проговорила качина, и вдруг из пор в ее деревянном тельце пробился зеленый свет.

Рут, онемев от ужаса, наблюдала, как лицо из древесины тополя треснуло в зловещей ухмылке. Изнутри выпал дохлый сверчок и сухо стукнулся об пол.

— Далеко, далеко, далеко ушел...

— Нет, я не верю! — воскликнула миссис Маккосланд.

— Весь город, Рут... заблудился... далеко... далеко... слишком далеко...

— Нет!

— Заблудился, потерялся...

Кукла Людвига Грейнера из папье-маше вдруг выстрелила жидким зеленым светом из глаз.

— И ты заблудилась, — сказала она. — Ты такая же сумасшедшая, как и все. Дэвид Браун лишь дал тебе повод, чтобы оставаться...

— Нет.

Теперь уже шевелились все куклы, поочередно вспыхивая зеленым, пока наконец свечение не затопило «школу» целиком. Оно то разгоралось, то гасло, и Рут померещилось, будто она попала внутрь изумрудного сердца какого-то призрака. От страха ей стало дурно.

А куклы не сводили с мамочки безжизненных взглядов, и та наконец поняла, что так испугало маленькую Эдину Турлоу. Теперь уже голоса игрушек зашелестели осенней листвой на ветру, лукаво шушукаясь между собой, нашептывая хозяйке... но это были и голоса горожан, как она поняла.

Возможно, остатки разума Хейвена... а заодно и ее рассудка тоже.

— Надо что-то делать, Рут, — произнесла кукла из неглазурованного фарфора; при этом из ротика, изливающего зеленое пламя, прозвучал голос Бича Джернигана.

— Сообщить кому-нибудь, — поддакнула гуттаперчевая француженка голосом Хейзел Маккриди.

— Но тебя уже не выпустят, Рут, — сказала любимица дочери Никсона голосом Джона Эндерса из средней школы, сложив тряпичные пальчики на обеих руках в виде знака победы. — Раньше — могли бы, а сейчас это будет неправильно.

— Они тебя любят, Рут, но если ты попытаешься ускользнуть теперь, тебя просто убьют. Тебе же это известно, правда? —

проговорил пупсик 1910 года выпуска с резиновой головой в виде капельки голосом Джастина Хёрда.

— Нужно послать сигнал.

— Да-да, Рут, сигнал, ты ведь все понимаешь...

— Используй нас, мы тебе покажем как, мы знаем...

Она отшатнулась и зажала руками уши, словно могла заглушить их таким нехитрым способом. Губы Рут искривились в ужасе. Страшнее всего то, что она приняла эти коварные слова с их искаженной полуправдой за голос здравого смысла, тогда как прямо сейчас, в этой комнате, было сосредоточено все безумие Хейвена.

— Сигнал, используй нас, мы покажем как, мы знаем, и Ты хочешь знать, ратуша, Рут, часы на башне...

Шелестящие голоса монотонно принялись распевать:

— Ратуша, Рут, да-да! Туда! Ратуша! Ратуша! Да!

— Прекратите! — закричала она. — Остановитесь, прошу вас, не надо!

И тут, впервые с тех пор, как Рут в одиннадцать лет победила в забеге для девочек на одну милю во время летнего церковного пикника, она потеряла сознание.

6

Ближе к ночи она кое-как пришла в себя и шаткой походкой побрела вниз. Ни разу не оглянувшись. Ей было страшно смотреть назад. Рут смутно осознавала, что голова у нее раскалывается, как после очень редко случавшихся перепоев. И еще — что старый викторианский дом раскачивается и трещит, словно старая шхуна в бурю.

Пока миссис Маккослэнд лежала без чувств на полу своей «школы», на центральную и восточную части Мэна обрушились чудовищные грозы. Холодный среднезападный фронт наконец добрался до Новой Англии и вытеснил массу горячего влажного воздуха, застоявшегося здесь в последние полторы недели. Местами перемена погоды сопровождалась ужасными грозами. Хейвену еще повезло в этом смысле, хотя перебои с электричеством все равно начались.

Впрочем, это как раз волновало горожан меньше всего; у них были собственные источники питания. Главное, что погода все

же переменилась. Не одна Рут в этот день проснулась с «похмельной» мигренью. Все местные жители, от мала до велика, ощутили что-то похожее, когда сильный ветер унес на восток зараженный воздух и растрепал его в безобидные клочья над океаном.

7

В среду миссис Маккосланд проспала до часа дня. Голова все еще побаливала, но две таблетки анацина легко решили эту проблему. К пяти Рут чувствовала себя гораздо лучше, чем когда-либо в последнее время. Тело затекло от долгого лежания на полу, да и мышцы ныли, но это казалось мелочью по сравнению с тем, что мучило ее с начала июля, и нисколько не приглушило общего радостного состояния. Даже тревога за Дэвида Брауна не могла его до конца испортить.

На Мэйн-стрит у прохожих были странные, ошеломленные лица; все словно пытались очнуться от заклятия, наложенного злыми волшебниками.

Рут прошла к себе в офис, в ратушу, по пути наслаждаясь ощущением ветра, который развевал ее волосы у висков, и видом причудливых облаков, плывущих по небу яркого, освежающе синего цвета. Почти осеннему небу.

На просторном поле за школой детишки пускали коробчатого змея; при виде их миссис Маккосланд даже рассмеялась в голос.

Правда, потом стало не до веселья, когда пришлось говорить с маленькой группой, которую она же срочно и созвала, состоявшей из троих членов городского управления, мэра и, разумеется, супружеской четы Браунов. Рут начала с извинений за то, что до сих пор не подключила к поискам полицию штата и губернатора, даже не заявила об исчезновении мальчика. Она, мол, была уверена, что Дэвида быстро найдут и своими силами — если не к вечеру, то уж точно на следующий день. Это, конечно, не оправдание; а всего лишь объяснение проступка. Миссис Маккосланд считает это своим самым крупным промахом за долгие годы службы, и если Дэвид Браун пострадал... она никогда себя не простит.

Брайан только кивал с оглушенным, рассеянным, нездоровым видом. Однако Мэри потянулась через стол и взяла констебля за руку.

— Не надо казнить себя, — мягко произнесла она. — Были особые обстоятельства. Мы все понимаем.

Остальные согласно закивали.

«Я больше не слышу их мыслей», — вдруг осенило Рут.

И разум тут же подначил: «А раньше могла? Ты уверена? Вдруг это были просто галлюцинации, вызванные тревогой за Дэвида Брауна?»

«Да, раньше — могла».

Версия с галлюцинациями все облегчила бы, но зачем себя обманывать? Кстати, в ту же минуту Рут поняла кое-что еще: она до сих пор слышит голоса. Правда, теперь они словно слабый гул в морской раковине, который детишки принимают за грохот прибоя. Разобрать ничего невозможно, однако сами-то мысли никуда не исчезли. А ее, интересно, слышат?

«ЗДЕСЬ ЕСТЬ КТО-НИБУДЬ?» — прокричала миссис Маккосланд как можно громче.

Мэри Браун вскинула руку, словно у нее внезапно закололо в правом виске. Ньют Беррингер помрачнел как туча. Хейзел Маккриди оторвалась от блокнота и подняла взгляд, точно Рут говорила вслух.

«О да, они еще как меня слышат».

— В любом случае прошлого уже не вернуть, — произнесла она. — Настало время — причем давно настало — связаться с полицией штата и сообщить о Дэвиде. Вы позовите мне это сделать?

При нормальных обстоятельствах ей бы и в голову не пришло спрашивать разрешения на подобный шаг. В конце концов, горожане платят налоги из своих жалких зарплат за то, чтобы она отвечала на вопросы, а не задавала их.

Но Хейвен сильно переменился. Несмотря на ветер и порцию свежего воздуха, все теперь иначе.

Горожане уставились на нее удивленными, даже пораженными взглядами.

В голове снова всплыли знакомые голоса:

(нет Рут не надо... никаких чужаков... мы тут сами управимся... мы обо всем позаботимся а чужаки не нужны пока... мы не «обратились»... тсссс ради твоей безопасности Рут тсссс)

Снаружи ветер с особенной силой ударили в окна офиса, так что задребезжали стекла. Эдди Маккин (и все остальные за ним) оглянулся на звук... А потом улыбнулся странной, даже озадаченной полуулыбкой.

— Ну конечно же, Рут. Если, по-твоему, пришла пора связаться с властями, действуй. Мы целиком на тебя полагаемся, правда ведь?

Горожане поддакнули.

Погода переменилась, ветер дул вовсю, и к полудню среди полиция штата приняла на себя хлопоты по розыску Дэвида Брауна. Вечером его фото показывали в выпуске новостей с указанием горячего номера, по которому мог позвонить любой, кто видел мальчика в последнее время.

8

К пятнице Рут поняла, что среда и четверг были просто обманчивым затишьем, а дела идут точно так же, как и шли. Она все ближе подходила к безумию нечеловеческой природы.

И в глубине души признавала это, даже скрьбела... но не могла больше сопротивляться. Оставалось надеяться, что среди вздора, который болтали куклы, была хоть крупица истины.

Наблюдая за собой словно со стороны, Рут увидела, как берет из ящика самый острый кухонный нож, которым отделяла кости от рыбы, и поднимается с ним к себе в кабинет.

«Школу» заливало гнилостное зеленое свечение. Свет томминокеров. Так их в последнее время все называли. А что, неплохое имечко, верно? Ну да. Не хуже любого другого. «Томминокеры».

— Послать сигнал. Это все, что ты можешь сделать теперь. От тебя думают избавиться. Ты по-прежнему их любимица, Рут, но только эта любовь — убийственна. Хотя в ней можно усмотреть некую долю извращенного уважения. Они до сих пор БОЯТСЯ ТЕБЯ. Даже сейчас, потеряв рассудок, почти как и все в этом городе, ты наводишь страх. Может, кто-нибудь и услышит сигнал... услышит... увидит... поймет.

9

В этот раз на доске была нарисована башня с часами — неумело, словно выведенная рукой первоклашки.

Рут не могла работать над куклами в «классной комнате». Только не при этом жутком пульсирующем свечении. Она брала

их по одной и относила в кабинет мужа, где, словно заправский хирург, вскрывала ножом животы — и мадам француженке, и клоуну девятнадцатого столетия, и пупсику Кьюги, и прочим — по очереди. Затем вкладывала внутрь маленькое устройство, собранное из батареек С, проводов, монтажной платы электронного калькулятора и картонных цилиндров от туалетной бумаги. И стремительно зашивала разрезы грубой черной ниткой. Вскоре на рабочем столе Ральфа лежал уже целый ряд голых кукол, похожих теперь на умерщвленных — возможно, отправленных — кем-то детей, которых после убийства ограбили и раздели.

Посередине каждого золотанного разреза торчал картонный цилиндр, точно труба какого-то странного телескопа. Цилинды должны были послужить каналами силы, когда все начнется. Рут с трудом представляла себе, откуда знает об этом или даже как она додумалась сделать эти приборы... понимание словно явилось из воздуха. Того самого воздуха, в котором бесследно исчез

(он на Алтаире-4)

Дэвид Браун.

Из каждого пухлого беззащитного тельца, которое она пронзала ножом, вырывались лучи зеленого света.

«Я...

(посылаешь сигнал)

...убиваю единственных деток, какие у меня только были в жизни».

«Сигнал. Думай о сигнале, а не о детях».

Взяв несколько удлинительных шнурков, она связала кукол между собой в цепочку. Затем, тщательно зачистив последние четыре дюйма проводки, сунула блестящую медь внутрь петарды, отобранной у четырнадцатилетнего отприска Бича Джернигана (пацана звали Горбуном за то, что у него правое плечо было чуть выше левого) за неделю до того, как город охватило безумие. На миг усомнившись, Рут обернулась и обвела взглядом опустевшую «школу». Через дверной проем падало достаточно света; она увидела на доске корявый рисунок башни с часами, который сама же и сделала во время одной из отключек. Периоды помутнения случались все чаще — и, похоже, длились все дольше. Стрелки нарисованных часов показывали ровно три.

Миссис Маккосланд отложила работу в сторону и пошла прилечь. Вскоре ей удалось забыться сном — правда, весьма

беспокойным. Рут ворочалась, металась и громко стонала. Даже теперь ее голову продолжали наполнять планы чьей-то мести, тревога из-за подгоревшего пирога, из-за нерегулярного цикла, эротические фантазии, идеи странных приборов или машин, грезы о власти. А где-то на заднем плане беспрестанно скулили тоненькие неведомые голоса — мутный поток мыслей, текущий вроде бы из голов горожан, рядом с которыми она прожила бок о бок всю жизнь, но при этом явно нечеловеческого происхождения. Та часть сознания Рут, что все еще упрямо силилась сохранить здравый рассудок, даже во сне знала правду: она начинает слышать чужаков. Томминокеры набирают силу.

10

К полудню четверга миссис Маккосланд окончательно убедилась, что перемена погоды ничего не решила.

Полиция штата, конечно, явилась, однако мальчика так и не объявили в масштабный розыск. Рапорт Рут — как обычно, составленный самым тщательным образом — ясно давал понять, что Дэвид Браун, четырех лет от роду, вряд ли мог самостоятельно покинуть район поисков; оставался вариант с похищением, который еще только подлежал рассмотрению. К рапорту были приложены топографические карты. Выполненные аккуратным разборчивым почерком миссис Маккосланд пометки не оставляли сомнений: поисками она руководила не менее скрупулезно.

— Рути, я всегда знал, как ты старательна и дотошна в работе, — сказал ей вечером Монстр Дуган с таким хмурым видом, что каждая морщина на его лбу казалась трещиной от землетрясения, — но даже я не подозревал, что ты способна выкинуть фортель в духе Джона Уэйна.

— Батч, прости...

— Да ладно, чего уж там... — Он пожал плечами. — После драки кулаками не машут, ага?

— Точно, — отозвалась она с печальной улыбкой: это было любимое выражение Ральфа.

Батч задал уйму вопросов, кроме самого главного, на которой ей нужно было ответить: «Что происходит с Хейвеном, Рут?». Сильный ветер успел развеять тяжкую атмосферу; посторонние так и не почувствовали неладное.

Но ветер не решил всех проблем. Заклятие не исчезло. Казалось, оно просто притихло, затаилось до времени... И это время, похоже, уже наступило. «Любопытно, — прикинула миссис Маккосланд, — что обнаружила бы команда медиков, провели они в городе массовое обследование? Нехватку железа у женщин? Ускоренное облысение у мужчин? Улучшение остроты зрения (особенно периферийного) в сочетании с выпадением зубов в потрясающих воображение масштабах? Несколько пугающий уровень интеллекта у горожан, которые — ха-ха! — словно читают их мысли?»

Рут и сама потеряла два зуба в ночь на среду. Один обнаружился поутру на подушке, мерзкое подношение престарелой зубной феи. Другой так и не нашелся. Вероятно, был проглашен во сне. Впрочем, какая разница?

Навязчивая мысль о том, чтобы взорвать городскую ратушу, подобно ментальному ядовитому плющу, беспрерывно отравляла ей разум. Куклы все время нашептывали свое. В пятницу Рут предприняла последнюю попытку спастись.

В конце концов она все-таки решилась покинуть город, потому что уже не считала его *своим*. Да и до сих пор, как подозревала миссис Маккосланд, ее держала здесь воля томминокеров. Подобно Дэвиду Брауну, Рут провалилась в западню и теперь была перепугана, словно кролик в силах.

Она даже не сомневалась, что не сумеет завести «додж». *Они* наверняка обо всем позаботились. Однако мотор завелся.

Дальше миссис Маккосланд была уверена, что ее не выпустят за пределы Хейвен-Виллидж, заставят остановиться, скалясь, точно религиозные фанатики, и заполняя голову нескончаемым шелестом: «Мы все тебя любим, Рут...» Но ничего подобного не случилось.

Она миновала Мэйн-стрит и поехала дальше, резко выпрямив спину, вцепившись в руль побелевшими пальцами, с мрачной улыбкой на лице и скороговорками

(«От топота копыт корабли лавировали кукушка кукушонку...»)

в голове. Взгляд неизбежно возвращался к часам на ратуше

(«Сигнал, Рут, пошлем его»)

(«Да, взрыв — то, что надо»)

(«Бум, бабах — и на Альтаир-4, Рут»)

вопреки ее отчаянному сопротивлению.

Идея поднять на воздух городскую ратушу, дабы привлечь внимание к происходящему здесь, была совершенно безумной. Все равно что поджечь свой собственный дом, чтобы поджарить на завтрак цыпленка.

Когда кирпичная башня скрылась из виду, Рут полегчало.

Оказавшись на Дерри-роуд, она с трудом подавила желание разогнать «дарт» во всю мочь (а сил у него, несмотря на годы, оставалось достаточно). Беглянка чувствовала себя так, будто вырвалась из львиного логова, а то и откуда-нибудь похуже, скорее благодаря счастливой случайности, а не благородству. Когда же и шелестящие голоса в голове затихли, миссис Маккосланд начала бояться, что за ней непременно вышлют запоздалую погоню.

Она вновь и вновь косилась в зеркало заднего вида: где же преследователи, желающие вернуть беглянку обратно?

Ведь они слишком сильно любили ее, чтобы отпустить.

Но дорога была безлюдна. Ни Дика Эллисона, кричащего из окна пожарной машины, ни Дика Беррингера в огромном бирюзовом «олдсмобиле-88», ни Бобби Тремейна на желтом «дodge-челленджере». Неподалеку от рубежа с Альбионом Рут подняла скорость до пятидесяти миль в час. По мере приближения границы (о которой она, сама не зная почему, начинала думать, как о точке невозврата) нарастало ощущение, что последние две недели были каким-то запутанным черным кошмаром.

«Я не смогу вернуться назад. Не смогу.»

Нога на педали акселератора заметно потяжелела.

Наконец она услышала предупреждение — возможно, из глубин подсознания, где хранила информацию, которую получала теперь от чужих голосов, и не только днем, но и прямо во сне.

Когда перед глазами возник указатель с надписью:

«А

Л.

Ь

Б

И

О

Н», — нога покинула педаль газа и нащупала тормоз.

А потом аккуратно вдавила в пол. Машина съехала на обочину. Позади столбом стояла пыль, белая и сухая, словно ко-

стяная мука. Ветер улегся. Воздух Хейвена снова был мертвенно тих. Поднятая пыль теперь провисит над дорогой долгое время, подумалось Рут.

Она сидела, крепко вцепившись в руль и сама себе удивляясь.

Удивляясь ли? Нет, почти зная. Начиная
(«обращаться»)

понимать. Или догадываться.

«Барьер? Ты правда так думаешь? Что они установили барьер? Превратили весь Хейвен в какую-то... муравьиную ферму, накрыли его прозрачным куполом? Рут, это же просто нелепо!»

Да, нелепо; об этом твердили не только логика и жизненный опыт, но и все органы чувств. Пока Рут неподвижно сидела в машине, слушая радио (мелодичный джаз с какой-то маломощной студенческой станции в Бергенфилде, штат Нью-Джерси), мимо с грохотом проехал грузовик с курами, по-видимому, направлявшийся в Дерри. Несколько мгновений спустя уже в другую сторону промчался «шевроле-вега» с Нэнси Восс за рулем. Наклейка на заднем бампере гласила: «Почтовые работники все делают быстро».

Нэнси даже не взглянула на миссис Маккосланд, спеша своей дорогой — в ее случае, очевидно, в Огасту.

«Видишь? И ничто ее не остановило», — пронеслось в голове у Рут.

«Конечно, — шепнуло в ответ подсознание. — Ее — нет. Только тебя. Как и приятеля Бобби Андерсон, и еще одного или двух человек. Ну, попробуй! Разгонись до пятидесяти миль в час — и вперед, раз не веришь! Мы все тебя любим, нам будет жаль, когда это произойдет... но мы не станем вмешиваться — не сможем».

Тогда она вылезла из-за руля и пошла пешком. Раскаленное июльское солнце припекало голову, сзади тянулась длинная тень. Из усадьбы Бобби долетал приглушенный, но постоянный рокот работающих машин. Опять они там копают. Передохнули во время поисков Дэвида Брауна — и вновь за свое. Рут ощущала, что эти двое приблизились... ну, к чему-то. Ее охватило смутное чувство спешки и паники.

Беглянка подошла уже к самой границе... миновала ее... продолжала идти... в душе начала разгораться надежда. Миссис Маккосланд покинула Хейвен. Она в Альбионе! Еще миг —

и Рут закричит, бросится к ближайшему дому, к ближайшему телефонному автомату. Она...

Вдруг замедлила шаг.

На лице появилось недоуменное выражение... сменившееся пугающей, внезапно снизошедшей уверенностью.

Ей сделалось труднее идти. Воздух точно сгустился и стал упругим. Он натягивал кожу на лбу и щеках, давил на грудь.

Рут наклонила голову и продолжала шагать с перекошенным от усилия ртом и взбухшими на шее венами. Казалось, будто она движется навстречу урагану, хотя на деревьях по обе стороны от дороги даже листья не шевелились. Ей пришло в голову то же самое сравнение, что и Гарденеру, когда тот сунул руку в переобустроенный нагреватель Бобби; разница заключалась только в масштабах. Поперек дороги точно был натянут нейлоновый чулок исполнинских размеров. «Слыхала я про чулки-невидимки, — истерично хохотнула про себя Рут, — но это уже перебор».

Тут грудь сдавило до боли. А ноги вдруг забуксовали в грязи. Сердце сжалась паника. Рут достигла той точки, когда ее силы не хватало, чтобы преодолеть упругий напор невидимого барьера. Теперь ее уже толкало назад.

Она хотела развернуться и отойти сама, прежде чем преграда спружинит, но потеряла равновесие и на беспомощно скользящих ногах, с округлившимися от страха глазами, была грубо отброшена обратно, откуда пришла. Казалось, Рут налетела на гигантский резиновый мяч.

На миг ее ноги вовсе зависли в воздухе без опоры. Потом колени врезались в землю, так что даже платье порвалось. Миссис Маккосланд поднялась и попытилась к автомобилю, тихо плача от боли.

Она сидела за рулем почти двадцать минут, ожидая, пока утихнет дрожь в коленях. Тем временем по Дерри-роуд то и дело сновали туда-сюда легковые и грузовые машины. Вот мимо проехал на велосипеде Эшли Руваль с удочкой и, заметив Рут, помахал ей рукой.

— Драште, мишшуш Маккошланд! — крикнул он и радостно улыбнулся.

Она не удивилась его шепелявости. Чему было удивляться, если парень потерял зубы. Даже не некоторые из них — все до единого.

Тем не менее по спине побежали мурашки, когда на прощание Эшли прибавил:

— Мы ваш так любим, мишшуш Маккошланд...

Прошло много времени, прежде чем Рут завела мотор «дартса», развернулась и сквозь знайную тишину поехала в Хейвен-Виллидж. Подъезжая к своему дому на Мэйн-стрит, она почувствовала, что прохожие так и сверлят ее глазами, полными знания, но не мудрого, а скорее лукавого.

Стоило бросить мимолетный взгляд в зеркало заднего вида, как там возникла башня с часами, стоящая на другом конце улицы.

Стрелки приближались к трем часам пополудни. Миссис Маккошланд затормозила, небрежно перекатила машину через бордюр и заглушила двигатель. Она не потрудилась даже вытащить ключ зажигания. Просто осталась сидеть за рулем, при мигающем красном свете дурацкой лампочки на приборной панели, не отрываясь от зеркала заднего вида и отпустив свои мысли витать неизвестно где. Когда Рут очнулась, на башне прошло ровно шесть. Она потеряла три с лишним часа... и еще один зуб. Только в отличие от времени, которое исчезло безвозвратно, резец некуда не дился — он прескокойно лежал на коленях.

12

Целую ночь напролет Рут внимала своим куклам. Не все в их речах казалось ей ложью... и это было самое страшное. Омытая тревожным зеленым излучением, миссис Маккошланд тихо слушала и принимала на веру безумные рассказы.

Да, хозяйка и в самом деле сходит с ума, в первую очередь поведали куклы. Рентгенограмма ее головы, как и любого местного жителя, если на то пошло, заставит невропатолога немедленно спросить, как у нее обстоят дела с медицинской страховкой. Мозг Рут изменяется. Он... «обращается».

Не только мозг, но и зубы... пардон, уже *бывшие* зубы. А что касается глаз... В последнее время у них появился новый оттенок, так ведь? Да-да. Насыщенный карий цвет поблек до орехового... Кстати, разве Рут, наведавшись на днях в «Хейвен-ленч», не заметила, что ярко-синие глаза Бича Джернигана тоже сменили оттенок на светло-ореховый?

«Цвет глаз... и зубы... Господи, что же с нами творится?» Куклы ответили остекленевшими взглядами и улыбками. «Не волнуйся, Рут, это всего лишь нашествие пришельцев из космоса, любимая тема многих дешевых кинокартин. Ты ведь и сама обо всем догадалась? Вторжение томминокеров. Хочешь увидеть инопланетян, о которых столько толкуют в научно-фантастических рассказах и фильмах категории «Б», — загляни в глаза Бича Джернигана. Или Венди. Или свои».

— По-вашему выходит, будто меня едят заживо, — прошептала она в летнем сумраке, когда ночь пятницы уже уступала место субботнему утру.

«А как же, Рут! Ты думала, «обращение» — это что-то другое?» — рассмеялись куклы.

Тут сознание смилиостивилось над ней и отключилось.

13

Когда утром она пробудилась, на школьной доске были неумело нарисованы башенные часы, а на рабочем столе Ральфа лежали две с лишним дюжины калькуляторов, вытряхнутых из сумки, куда Рут обычно собирала пожертвования для Общества по борьбе с раковыми заболеваниями. На некоторых были яркие наклейки с надписями: «БЕРРИНГЕР. ХЕЙЗЕЛ МАККРИДИ. НЕ ВЫНОСИТЬ ИЗ ОФИСА УПРАВЛЕНИЯ. НАЛОГОВЫЙ ОТДЕЛ». Значит, она вовсе не спала, а просто была в помутненном состоянии. А тем временем, очевидно, выкрала калькуляторы изо всех местных офисов.

Зачем?

«Не задумывайся, Рут, — шептали куклы. С каждым днем, с каждым часом, нет, с каждой секундой она все отчетливее понимала маленькую Эдвину Турлоу, перепугавшуюся до полусмерти. — Твое дело послать сигнал... и умереть».

«Да, но эта мысль вообще моя? Или навязана ими?»

«Неважно, Рут. Все произойдет в любом случае, так что постарайся сделать дело как можно скорее и лучше. Не размышляй. Пусть все идет своим чередом... В глубине души ты ведь хочешь этого, правда?»

Вообще-то да. Почти всей душой. Даже не ради того, чтобы послать сигнал миру, и тому подобной чепухи: разумные

доводы составляли лишь тонкий слой глазури поверх пирога, густо начиненного дьявольской антилогикой.

Рут непременно хотела стать частью взрыва, когда все взлетит на воздух...

Когда картонные трубы направят сияющие потоки энергии к верхушке ратуши и башня взлетит к небесам ракетой; когда ударная волна прокатится по улице этого проклятого городка, неся разрушение... Разрушение — вот чего Рут по-настоящему жаждала. С тех самых пор, как начала «обращаться».

14

Вечером Дуган ей позвонил, чтобы кое-что уточнить по делу Дэвида Брауна. События развивались довольно странно. Хилли, брат пропавшего мальчика, попал в больницу в состоянии, близком к кататонии; да и с дедом дела обстояли не лучше. Он принял всем рассказывать, что ребенок не заблудился, а взаправду исчез. Причем во время детского фокуса, который каким-то чудом воплотился в реальность. Вдобавок, продолжал Батч, дед охотно сообщал всем желающим, что половина населения Хейвена готова свихнуться, а остальные, дескать, уже безумны.

— Старикан потащился в Бангор и встретился с парнем из «Новостей» по фамилии Брайт. Там ждали сенсации, а получили бред сумасшедшего. Этот дедуля — прямо настоящий квазар...

— Лучше скажи ему, чтобы держался подальше, — вставила Рут. — Если вернется, живым его не отпустят.

— Что? — прокричал Монстр. Голос его внезапно стал еле слышен. — Рут, у меня тут связь ни к черту!

— Я говорю, что завтра, возможно, будут новости. Еще надеюсь. — Она сильно потерла виски, глядя на кукол, лежащих рядом на столе покойного мужа и соединенных между собой проводами, точно части самодельной бомбы какого-нибудь террориста. — Жди завтра сигнала.

— Что? — Голос Монстра почти заглушила очередная волна помех.

— Прощай, Батч. Ты — парень что надо. Держи ушки на макушке. Думаю, даже в Дерри услышат... Точно в три.

— Ты совсем пропала, Рут... перезвоню... скоро...

Она повесила трубку, посмотрела на своих кукол, прислушалась к нарастающему шелесту их голосов и подготовилась ждать нужного часа.

15

Воскресенье выдалось что надо: идеальный летний денек в штате Мэн — ясный, солнечный, теплый. Без четверти час миссис Маккосланд в прелестном голубеньком платье в последний раз вышла из своего дома. Заперла парадную дверь. Потом, встав на цыпочки, повесила ключ на маленький крючок над косяком. Ральф постоянно твердил ей, что всякий уважающий себя взломщик первым делом полезет искать ключ именно там, однако Рут не отказывалась от этой привычки. Дом так ни разу и не ограбили. Миссис Маккосланд считала, что в основе всего лежит человеческое доверие... И Хейвен ее никогда не подводил.

Она сложила кукол в пыльный рюкзак Ральфа и потащила вниз по ступенькам. Проходивший мимо Бобби Тремейн даже присвистнул.

— Вам помочь, миссис Маккосланд?

— Нет, Бобби, спасибо.

— Ладно, — улыбнулся он. Во рту еще оставались зубы — так, несколько штук, словно последние штакетины в заборе, ограждающем дом с привидениями. — Мы все вас любим.

— Ага, — обронила она, запихивая рюкзак на пассажирское сиденье. — Знаю-знаю, поговорь.

(о чём ты думаешь Рут куда ты собралась)

(от топота копыт пыль по полю летит)

(скажи нам Рут скажи что тебе приказали куклы)

(корабли лавировали лавировали да не вылавировали)

(перестань Рут скажи это то чего мы хотим или ты отлыниваешь)

(видишь греку руку в реку)

(это то чего мы хотим, да? никаких изменений, да?)

Она задержала пристальный взгляд на Бобби и улыбнулась. Его собственная улыбка тут же немножко померкла.

(любите меня, значит? о да... но вы все еще боитесь меня и правильно делаете...)

— Иди, Бобби, — мягко сказала миссис Маккосланд.

И он пошел, бросая через плечо обеспокоенные, полные недоверия взгляды.

А Рут поехала к ратуше. В здании царила воскресная пыльная тишина. Каждый шаг отдавался четким эхом. Не в силах нести рюкзак, она потащила его за собой по натертому полу. Тот шуршал, как змея. Потом Рут одолела три лестничных пролета вверх, отлыкавшая после каждого и вцепившись руками в шнур, стягивающий отверстие рюкзака. В голове начинала стучать невыносимая боль. Миссис Маккосланд закусила губу; два сгнивших зуба легко поехали набок, и она их выплюнула. Во рту пересохло, словно его набили соломой. В косых лучах света, падающих с высоты четвертого этажа, плясала пыль.

Рут поволокла рюкзак дальше, через короткий, взрывоопасно нагретый коридор. И перед ней возникли две двери, справа и слева. За ними хранились городские архивы. Если ратуша была мозгом Хейвена, то здесь, на душном безмолвном чердаке, находилась его бумажная память обо всех временах, когда он звался то Илионом, то Монтгомери, то Кудерсвилем, то Монтвильской плантацией.

Вокруг шелестели и перешептывались голоса.

На мгновение задержавшись у последнего окна, Рут окинула взглядом короткий участок Мэйн-стрит. Перед магазином «У Кудера» припарковалось примерно полтора десятка машин. По воскресеньям, с девяти до шести, дела здесь шли особенно бойко. Прохожие заглядывали в «Хейвен-ленч» на чашечку кофе. По дороге туда-сюда проезжали автомобили.

Какое обычное, мирное зрелище... До боли обычное!

У Рут даже голова закружила от нахлынувших вдруг сомнений... Но тут Музи Ричардсон подняла взгляд и приветливо помахала, словно могла видеть ее за пыльным окошком четвертого этажа. И не только Музи. Теперь уже многие стояли, задрав головы.

Рут попятались, отвернулась, взяла в дальнем углу туличка длинный шест с крюком и, подцепив кольцо посередине потолка, опустила складную лестницу. Потом отставила палку в сторону, запрокинула голову и устремила взгляд в глубину башни. Там поскрипывал и жужжал часовой механизм, шелестели крыльями спящие летучие мыши. Их тут была тьма. Хейвену не мешало бы вывести этих тварей много лет назад, но дезинфекция

казалась слишком вонючей процедурой... и дорогой к тому же. По мнению членов городского правления, если часы на ратуше однажды пробьют двенадцать в три пополудни, а потом и вовсе умолкнут, — главное, чтобы к этому времени ответственность за них нес кто-нибудь другой. Когда механизм вновь сломается, все равно придется избавиться от летучих мышей, прежде чем браться за починку. Впрочем, ждать оставалось не так уж долго.

Рут обмотала шнур трижды вокруг руки и принялась подниматься по лестнице, таща рюкзак между ног. Тот подпрыгивал на каждой ступеньке, словно внутри находилось живое тело. Шнур еще сильнее прежнего впился в запястье. Вскоре кисть онемела и побагровела. Долгие судорожные вздохи вызывали боль где-то глубоко в груди.

Наконец Рут окутали тени. Она ступила с лестницы на настоящий чердак ратуши и обеими руками втащила рюкзак. Из ушей и десен сочилась кровь, рот наполнил ее кисловатый медный привкус, но миссис Маккосланд почти ничего не чувствовала.

Ее окружал запах затхлого склепа, сухой пыли от старых кирпичей, нагретых в сумраке летним зноем. По левую руку темнел огромный круг — оборот циферблата, обращенного к Мэйнстрит. В более зажиточном городе, без сомнения, башенные часы выходили бы на все четыре стороны света; Хейвен обошелся одной. Циферблат был двенадцати футов в диаметре. За ним, еще более неразличимые, медленно вращались колеса и шестерни. Рут увидела место на колоколе, куда предстояло ударить молоту. Там зияла глубокая старинная выбоина. Часы были очень громко.

Работая быстро, порывисто (она словно сама превратилась в заводной механизм, которому предстояло сломаться; да и летучих мышей на ее чердаке хватало, не так ли?), Рут размотала шнур, от которого на руке остался глубокий спиралевидный след, и открыла рюкзак. А потом как можно скорее принялась вынимать своих кукол, одну за одной, и раскладывать их по кругу — ножка к ножке, ручка к ручке. В темноте все выглядело так, будто игрушки задумали устроить спиритический сеанс.

М-16 она прикрепила посередине вмятины на колоколе. Как только настанет час и молот ударит...

Бум!

«А я пока посижу, — подумала Рут. — Буду сидеть здесь и ждать удара».

Внезапно на нее накатила волна отупляющей усталости, и она отключилась.

16

Очнулась миссис Маккосланд не сразу. Сначала она решила, что уснула дома, в своей кровати, лицом в подушку, и смотрит ночной кошмар. Вот только подушка никогда не кололась, а одеяло не умело дышать и само собой колыхаться.

Подняв руки, Рут нашупала горячее костлявое тельце, обтянутое кожей, почти бесплотное. Летучая мышь пристроилась у нее над правой грудью, в ямочке над ключицей. Миссис Маккосланд с ужасом поняла, что сама позвала ее... позвала их всех. Она ощущала грубый разум зубастой твари, ее глухие, жуткие, инстинктивные мысли о крови, насекомых иочных полетах вслепую.

— Господи, только не это! — воскликнула Рут. Морщинистые чужеродные мысли ползали в ее разуме, сводя с ума, так что не было сил терпеть. — О нет, ну пожалуйста! Господи, нет...

Руки невольно сжались, и хрупкие косточки захрустели под пальцами. Тварь запищала и больно впилась ей в щеку острыми, словно иглы, зубами.

Тут они все запищали разом; летучих мышей оказались даже не десятки — возможно, сотни. На другом плече, на обуви, в волосах. Под подолом платья тоже кто-то возился и корчился.

— О нет! — снова прокричала она в пыльном сумраке башни. Мыши носились вокруг и пищали. Шум бесчисленных перепончатых крыльев напоминал раскаты дальнего грома, нарастающий шелест чужих голосов. — О нет! О нет! О нет!

Одна из мышей запуталась у нее в волосах и оглушительно запищала.

Другая врезалась на лету в лицо, обдав его дыханием — зловонным, точно запах в сарае с передохшими курами. Все вокруг закружились и закачалось. Рут кое-как умудрилась подняться на ноги. Замахала руками над головой. Летучие мыши были повсюду, окружали ее сплошной черной массой; теперь шум их трепещущих крыльшечек слился с голосами..

(мы все тебя любим Рут)
голосами

(мы тебя ненавидим Рут не лезь не вмешивайся даже не думай)
голосами обитателей Хейвена.

Она успела забыть, где находится. Забыла о люке, зияющем почти под ногами. А споткнувшись, услышала первый

удар часов — непривычно приглушенный из-за того, что молот бахнул по детонатору, и...

И ничего не произошло.

Рут обернулась (мыши так и вились вокруг нее) и сквозь кровавую пелену, застилающую глаза, увидела, как молот упал во второй раз. И в третий. И мир не поколебался.

«Провал, — подумала миссис Маккосланд. — Это провал».

И рухнула в открытый люк.

Летучие мыши оторвались от тела, платье взметнулось кверху, с ноги слетела легкая туфля. Наткнувшись на лестницу, Рут кувыркнулась и рухнула на левый бок, с хрустом переломав себе ребра. Она попыталась перевернуться обратно; невесть как, но это ей удалось. Большая часть мышиной стаи нашла дорогу сквозь люк в гостеприимную тьму башни, только шесть-семь штук продолжали недоуменно кружиться под потолком.

От их нездешних, насекомообразных голосов, напоминающих гудение улья, веяло жаром и безумием. Казалось, их-то она и слышала все это время, начиная примерно с четвертого июля. Город не просто терял рассудок. Это было бы плохо, но то, что происходило на самом деле, оказалось гораздо хуже... Господи, намного, намного хуже!

А главное — все зря. Детонатор, отнятый у Горбуня Джернигана, просто-напросто неисправен. Рут потеряла сознание на четыре минуты, потом очнулась. Летучая мышь пристроилась у нее на переносице, слизывая кровавые слезы со щек.

— Ах ты ж, МАТЬ ТВОЮ! — закричала Рут и, передернувшись от внезапного отвращения, разодрала ее пополам.

Послышался треск разрываемой толстой бумаги. Звериные внутренности потекли на обращенное кверху, перепачканное пылью и паутиной лицо. Миссис Маккосланд уже не могла разжать губы, чтобы взмолиться вслух: «Боже, позволь мне сейчас умереть, пожалуйста, не дай мне стать такой же, как все они, не дай «обратиться»...», потому что иначе кишкы умирающей твари просочились бы прямо в рот. И вдруг детонатор сработал с невыразительным мокрым хлопком. Зеленоватый свет вырвался из квадратного люка... и залил собой весь мир. На мгновение Рут ясно увидела скелеты летучих мышей, точно на рентгеновском снимке.

А потом зеленое резко сменилось черным.

На часах было пять минут четвертого.

Кирпичные осколки раскидало во все стороны. Бентон Родес позже увидит лишь малую часть, потому что львиную долю мусора горожане убрали немедленно. Кирпичи пробивали стены домов, окна подвалов, заборы, обрушивались с неба, как бомбы. Длинная стрелка часов — ажурная, из кованого железа, — просвистела по воздуху смертоносным бumerангом и вонзилась намертво в один из вековых дубов у библиотеки.

На землю ливнем осыпались щепки и штукатурка.

И вдруг — тишина.

Чуть погодя люди по всему Хейвену начали осторожно вставать, оглядываться вокруг, подметать осколки или разбираться с другим ущербом. По городу прокатилась волна разрушения, однако никто не пострадал. Так получилось, что кирпичную ракету, взмывшую в воздух, словно в кошмаре маньяка, увидел всего лишь один человек.

Это был Джим Гарденер. Бобби как раз пошла отдохнуть по его настоянию. Ни одному из них не хотелось работать на самом солнцепеке. Особенно ей. Состояние Бобби немного улучшилось с тех пор, как приехал Гард, но она все еще перенапрягалась, к тому же эти внезапные обильные месячные...

«Интересно, как долго осталось ждать, — мрачно размышлял он, — когда вместо пары таблеток железа ей понадобится переливание крови?» Впрочем, он знал, что до такого вряд ли дойдет. У его бывшей были серьезные проблемы по этой части — возможно, из-за того, что мать принимала гормональные препараты. В результате Гард волей-неволей прошел ускоренный курс изучения функций, незнакомой его собственному телу, и знал, что представления дилетантов о месячных как о кровотечении из вагины не соответствуют действительности. Большая часть вытекающего материала — вообще не кровь, а ненужные ткани организма. Сам же процесс представляет собой генеральную уборку женского тела, способного зачинать и вынашивать детей, но в настоящее время занимающегося чем-то другим.

В общем, Гарденер сомневался, что Бобби истечет кровью до смерти... если только у нее не случится разрыв матки, но это маловероятно.

Чушь собачья. Откуда ему знать, что в ее положении вероятно, а что — нет?

Ну да. Справедливо. К тому же он понимал: женщины не созданы для того, чтобы менструировать день за днем, неделю за неделей без передышки. Кроме того, кровь и отторгнутая ткань суть одно — материал, из которого строится тело Бобби.

Ее внутренний термостат словно кто-то врубил на полную мощность, и теперь она попросту сжигает сама себя. Пару раз за эту неделю она чуть не упала в обморок на жаре. Поиски малыша Брауна, как бы странно это ни прозвучало, стали для Бобби Андерсон своего рода передышкой.

Гарденер и не надеялся уговорить ее подремать. Но вдруг, примерно без четверти три, она сама заявила, что «малость вымоталась» и не прочь отдохнуть. Бобби спросила, не хочет ли Гард прилечь вместе с ней.

— Ага, — ответил он, — только посижу здесь еще пару минут, почитаю... (...и прикончу выпивку, раз уж я здесь).

— Ладно, только не засиживайся, — предупредила Бобби. — Тебе сейчас тоже не повредит сиеста.

Однако он засиделся, потягивая спиртное, до той минуты, когда по полям и холмам прокатился гул.

— Какого?..

Шум нарастал... и вдруг Гарденер увидел. Все было словно в ночном кошмаре. Или как при белой горячке — ну да, точно. Это вам не телепатическая пишущая машинка или космический нагреватель для воды. Над Хейвеном взмыла, чтоб ей провалиться, ракета из кирпича. Да уж, друзья и соседи, полюбуйтесь на полного психа.

И только за миг до взрыва, залившего небосвод зеленым огнем, Гард понял: это не галлюцинация.

Вот она, сила Бобби Андерсон; сила, которую они собирались использовать для борьбы с АЭС, с гонкой вооружений и кровавыми реками мирового безумия; вот она, поднимается в небо пламенным столбом. Кто-то из городских сумасшедших протянул бикфордов шнур к ратуше, чиркнул спичкой — и только что запустил огромную башню с часами под облака, словно чертову римскую свечку.

— Чтобы я сдох, — прошептал Гарденер тонким, испуганным голосом.

«Вот оно, Гард, твое хваленое будущее! Этого ты хотел? По женщине, которая спит сейчас в доме, плачет психушка, тебе ведь это известно. Все признаки более чем налицо. И ты готов отдать ей в руки подобную мощь? Серьезно?»

«Она не сумасшедшая, — возразил перепуганный Гарденер. — Ничего подобного. Думаете, это жуткое зрелище что-то меняет? Наоборот. Если не я и Бобби, то кто? Полиция Далласа, вот кто. Все как-нибудь обойдется, я буду за ней приглядывать, держать руку на пульсе...»

«О, я смотрю, в этом ты преуспел, жалкий пьянчуга. У тебя превосходно получается...»

Тут невероятная хрень в небесах взорвалась, разлив повсюду зеленый огонь. Гарденер встал, прикрывая ладонью глаза.

Прибежала Андерсон.

— Господи, что тут случилось? — спросила она... хотя знала ответ.

Прекрасно знала. Гарденер понял это с внезапной холодной уверенностью.

За последние две недели Гард в совершенстве освоил искусство выстраивать у себя в мыслях защитный барьер. Тот состоял из повторения старых адресов, стихотворных строчек, обрывков песенок и прочей чепухи... однако служил хорошо. Создать помехи оказалось не так уж и сложно; они мало чем отличались от обычного потока мыслей, проносящихся почти в любой голове большую часть времени. (Конечно, Джим изменил бы свое мнение, узнай он, как мучилась Рут Маккосланд, пытаясь скрыть от посторонних, о чем она думает; он даже не представляя, сколько сил сэкономил благодаря стальной пластине в черепе). Пару раз Гарденер ловил на себе странные, недоумевающие взгляды Бобби; и хотя в такие моменты она быстро отводила глаза, он понимал: подруга пытается читать его мысли... очень старается... но пока без успеха.

Вот этот барьер Гард использовал сейчас, чтобы скрыть ложь — первую с той минуты, как пятого июля, почти три недели назад, заявился к Бобби.

— Точно не скажу, — пожал плечами он. — Я задремал сидя. И тут что-то жахнуло, потом полыхнуло. Вроде зеленым светом. Вот и все.

Бобби впилась в него глазами и, помолчав, кивнула:

— Хорошо, давай съездим туда и выясним.

У Гарда немножко отлегло от сердца. Он соврал безотчетно: так ему показалось безопаснее, невесть почему... и она поверила. Теперь главное — не рисковать доверием.

— Может, съездишь одна? В смысле, если тебе нужна компания, то, конечно...

— Да нет, все нормально, — отозвалась она почти с радостью и ушла.

Гард вышел к дороге проводить ее грузовичок, а возвращаясь на веранду, пинком опрокинул стакан. С этим бесконтрольным пьянством явно пора завязывать: здесь творится что-то действительно странное. Будет на что посмотреть, и лучше трезвыми, а не залитыми алкоголем глазами.

Джим и раньше давал себе такие зароки. Иногда это даже срабатывало — на время. Но только не теперь.

К вёчеру, когда Бобби вернулась, Гарденер был пьян и дрых на веранде. И тем не менее сигнал Рут Маккосланд был принят. Пусть адресат по-прежнему хранил прданность замыслам Бобби и нарочно мутгил свой рассудок вином, чтобы заглушить сомнения. Но все же он принял сигнал и хотя бы отчасти понял. Пожалуй, сегодняшняя ложь — самое яркое тому доказательство. Впрочем, Рут бы, наверное, больше порадовалась другому своему достижению. С голосами в голове или нет, но она умерла в здравом уме.

Глава 7

БИЧ ДЖЕРНИГАН И ДИК ЭЛЛИСОН

1

Бич Джерниган радовался «обращению», как никто другой в Хейвене. Явясь перед ним томминокеры Гарда с ядерным оружием под мышкой и предложи разместить по бомбе в семи крупнейших городах мира, он бы, не задумываясь, кинулся обзванивать агентства по продаже авиабилетов. Даже на фоне жителей городка, проникнутого духом безбожного фанатизма, Бич выделялся чрезмерным рвением. Если бы он только узнал о растущих сомнениях Гарденера, то убрал бы его с дороги. Причем навсегда и сразу же. Или быстрее.

На это у Джернигана были свои веские причины. В мае, где-то после дня рождения Хилли Брауна, Бич обзавелся беспрестанным отрывистым сухим кашлем. Что самое страш-

ное — без насморка и повышения температуры. Потом стало еще хуже, когда в мокроте начали появляться капельки крови. Когда содержишь закусочную, кашель тебе вообще ни к чему. Посетителям это не по нраву. На нервы действует. Рано или поздно кто-нибудь сообщит в отдел здравоохранения, и заведение прикроют на несколько дней до выяснения результатов медобследования. «Хейвен-ленч» и так-то еле держался на плаву (Бич по двенадцать часов в сутки подавал блюда быстрого приготовления и с трудом наскребал шестьдесят пять долларов в неделю; не будь он единоличным хозяином — давно прогорел бы), так что терять летние дни Джернигану совсем не хотелось. А лето было уже не за горами. И он обратился к доктору Уорвику. Старина Уорвик направил Бича в Дерри-Хоум на рентгенографию грудной клетки. Получив снимок, доктор изучал его добрых двадцать секунд, потом вызвал пациента и напрямик заявил:

— Бич, у меня плохие новости. Лучше сядь.

Тот сел. А мог бы и просто свалиться на пол, не окажись рядом стула. Ноги вдруг подкосились. В мае жители Хейвена еще не пользовались телепатией, но Бичу хватило и средних человеческих способностей, чтобы все понять, прежде чем врач произнес хоть слово. У него даже не туберкулез. Рак легких. С большой буквы «Р».

Но то в мае. Теперь же, в июле, Бич был здоров как бык. Доктор Уорвик обещал ему госпитализацию не позже пятнадцатого числа, однако все сроки вышли, а несостоявшийся большой ел за семерых, плялся на женщин, ревел на подчиненных медведем и вообще чувствовал себя так, словно был готов обогнать самого Бобби Тремейна. На повторный рентген он решил не ходить. Зачем? Джерниган и так знал, что темное пятнышко в левом легком бесследно исчезло. Да и в конце концов, если возникнет нужда, он возьмет отгул и сам соберет рентгеновский аппарат. Что там собирать-то?

Однако теперь, после взрыва, нужно было мастерить совсем другие приборы... и срочно.

Горожане провели всеобщее собрание. Не так, как раньше — в ратуше; теперь этого не требовалось. Бич продолжал поджаривать гамбургеры в «Хейвен-ленче», Нэнси Восс — сортировать марки на почте, Бобби Тремейн торчал под своим «Челленджером», прилаживая акваланг с обратной тягой, бла-

годаря которому сможет покрывать семьдесят миль на одном галлоне топлива. Не бензиновая таблетка Бобби Андерсон, но все же. Ньют Беррингер, чертовски ясно понимавший, что времени почти не осталось, во всю мочь гнал к магазинчику Эпилгейта. Неважно, кто где находился и чем занимался в это время, — все они были вместе, в сети безмолвных голосов — тех, что до смерти перепугали Рут.

Не прошло и сорока пяти минут после взрыва, как у Генри Эпилгейта собирались человек семьдесят. С тех пор как за-правка «Шелл» осталась практически без оборудования для ремонта и тюнинга, заведение Генри считалось самой крупной и солидно оснащенной мастерской в городе. Примерно два часа спустя Кристина Линдли, в свои семнадцать успевшая победить на четырнадцатом ежегодном конкурсе фотографов штата Мэн, вернулась из города перепуганная, запыхавшаяся (и возбужденная, если на то пошло) после поездки с Бобом Тремейном на скорости больше ста десяти миль. Когда Бобби как следует разгонял свой «додж», тот обращался в размытую желтую полосу над дорогой.

Девушка получила задание напечатать два снимка ратуши. Весьма деликатное дело: ведь здание превратилось в кучу кирпичных обломков и штукатурки с покореженным часовым механизмом посередине, а значит, новую фотографию предстояло скопировать с уже имеющейся. Кристина в спешке перелистала альбом с вырезанными из прессы видами города (Ньют мысленно подсказал ей искать не где-нибудь, а в личном офисе Рут Маккосланд). Два снимка хорошего качества пришлось сразу отвергнуть: они были черно-белыми. А замысел заключался в том, чтобы построить иллюзию — ратушу, которую все бы видели... но сквозь которую смог бы пролететь самолет.

Словом, жители Хейвена намеревались спроектировать прямо в небо гигантский слайд.

Превосходный фокус.

Хилли Браун бы обзавидовался.

Уже начиная терять надежду, Кристина вдруг обнаружила великолепное, отчетливое фото ратуши, да еще и сделанное под нужным углом, так что видны были сразу две стороны. Отлично, это придаст изображению глубину. Внизу аккурат-

ным почерком Рут было написано, что снимок взят из «Янки мэгэзин», пятый номер за восемьдесят седьмой год.

«Нам пора, Крис», — напомнил Бобби, даже не потрудившись разжать губы и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, словно малыш, которому приспичило в туалет.

«Да, конечно. Сейчас...»

Она осеклась.

«Ох ты... Ой, мамочки!»

Бобби Тремейн поспешил подойти. «Да что такое?!»

Кристина молча указала на фотографию.

— ВОТ ЧЕРТ! — вслух вырвалось у мужчины.

Девушка только кивнула.

2

К семи часам вечера горожане, действуя быстро и молча (разве что кто-нибудь раздраженно рявкал на замещавшегося товарища), соорудили что-то вроде огромного проектора для слайдов, взгромоздив его на промышленный пылесос.

Прибор запустили для проверки, и в небе над участком Генри возникло гигантское застывшее лицо. Собравшиеся не говоря ни слова, но с одобрением смотрели на покойную бабушку Эплгейта. Машинка исправно работала. Оставалось дождаться девушку с фотографией ратуши — точнее, с фотографиями, поскольку речь шла о стереоскопической модели, — и можно было...

Тут до них долетел ее голос — слабый, но подкрепленный силой мысли Тремейна.

Скверные новости.

«В чем дело? — обратился Кайл Арчинбург к Ньюту. — Я не все разобрал.»

«Оглох, что ли? — рявкнул Энди Бейкер. — Боже, когда эта старая сука подорвала нашу ратушу, грохот слышали за три округа. Миль за двести...»

Он сжал кулаки.

«Уймитесь, вы оба, — отрезала Хейзел Маккриди. И повернулась к Кайлу: — Девочка отлично сделала свое дело... — Она специально почти кричала в надежде не просто растолковать Кайлу Арчинбургу возникшую проблему, но и дотянуться до

Кристины Линдли, подбодрить ее. В голосе (мыслях) девушки звучало смятение на грани истерики; только этого сейчас не хватало, когда на счету каждая драгоценная минута. — Не ее вина, что на снимке видны часы».

«Не понимаю», — приподнял брови Кайл.

«Кристина откопала цветное фото с таким ракурсом, что лучше и пожелать нельзя, — продолжала Хейзел. — Очень четкий вид от церкви и кладбища, только возле дороги немного размыто. Придется пару дней не пускать чужаков на другую сторону, пока Крис не дорисует остальное, но ведь они заинтересуются неисправной печью... и участью Рут... Хотя, думаю, с этим мы тоже разберемся. Может, закрыть некоторые трассы?» С этими словами она посмотрела на Ньюта.

«Отрежем, — бросил тот. — Как нечего делать».

«А в чем загвоздка-то?» — нахмурился Кайл.

«Ну и дебил!» — возмутился Энди Бейкер.

Кайл свирепо двинулся на механика, но теперь уже Ньют обронил: «Да уймитесь, вы оба! — И пояснил: — Загвоздка в том, что Рут взорвала башню в три ноль пять пополудни. А на единственном отчетливом снимке, который нашла Кристина, можно разглядеть циферблат. И стрелки показывают без четверти десять».

«Ох! — Кайл покрылся блестящей испариной. И, достав носовой платок, утер лицо. — Вот влипли. Что теперь делать?»

«Импровизировать», — невозмутимо ответила Хейзел.

«Старая сука! — рявкнул Бейкер. — Жаль, что сдохла уже, а то бы я своими руками ее сейчас...»

«Энди, ты же знаешь, Рут любил весь город».

«Ага. Надеюсь, черти ее ворочают длинными вилами», — проворчал тот и выключил прибор.

Бабушка Генри исчезла. Хейзел с облегчением выдохнула: ее немного пугало это каменное лицо в идеальном объемном изображении, зависшее над лугом, сквозь которое время от времени проходили пасущиеся коровы (их, кстати, давно пора было загонять обратно в хлев), исчезая из виду за старомодной брошью на высоком воротничке.

«Все будет отлично», — внезапно произнесла в тишине Бобби Андерсон. Услышав ее, все — и даже Кристина Линдли — сразу же успокоились.

3

— Отвези меня домой, — сказала девушка Бобби Тремейну. — Быстрее. Я знаю, что делать.

— Ты уже дома. — Тот взял ее за руку и потянул к выходу.

— Подожди.

— Ну?

— Ты ничего не забыл? Надо взять... фотографию... — с трудом закончила она.

— А, чтоб меня! — Бобби хлопнул себя по лбу.

4

Тем временем Дик Эллисон, шеф добровольной пожарной команды, сидел у себя в кабинете, обливаясь ручьями пота, несмотря на включенный кондиционер, и отвечал на звонки. Первый был от констебля Трои, второй — от начальника объединенной полиции, третий — из полиции штата, четвертый — от главы воздушного патруля.

Наверное, Эллисон потел бы в любом случае, но кондиционер не помогал еще и потому, что дверь кабинета сорвалась с петель при взрыве. Стены остались практически без штукатурки, арматура торчала из них наружу подобно ребрам полуслгнившего зверя. А Дик сидел на руинах и отвечал звонившим, что, мол, конечно, шарахнуло сильно, и вроде бы даже имеется одна жертва, однако все не так страшно, как им могло показаться. И вот, пока он навешивал эту лапшу на уши парню из «Бангтор дейли ньюс» по имени Джон Леандро, на голову ему упала пробковая панель с потолка. Эллисон зарычал по-волчьи и отшвырнул ее прочь. Взял трубку, неискренне хохотнул: о нет, дескать, это всего лишь доска для объявлений. Представляете, мол, опять свалилась. Она же на присосках держалась, да-да, ну а что вы хотите, скучой платит дважды, это все с детства знают, и вот пожалуйста... Дик нес эту чепуху еще минут пять, после чего заскучавший Леандро наконец-то повесил трубку. Когда Эллисон опускал свою, в коридоре за дверью большая часть потолка с шумом обрушилась.

— ДА ЧТО Ж ЭТО, МАТЬ ВАШУ ВО ВСЕ ДЫРЫ, ТАКОЕ?! — Дик со всей мочи грохнул по столу левым кулаком.

Он сломал себе сразу четыре пальца, но даже и не заметил этого в пылу гнева. Зайди сейчас кто-нибудь в кабинет, Эллисон вскрыл бы посетителю глотку зубами, чтобы набрать полный рот теплой крови и выплюнуть умирающему в лицо. Он визжал, сквернословил и даже топал ногой об пол подобно капризному малышу, которого не берут на прогулку.

Да, у него был глупый ребяческий вид.

Но в то же самое время — опасный до крайности.

«В мою дверь томминокер стучит и стучит...»

5

В промежутке между звонками Дик наведался в офис Хейзел, достал из ящика упаковку «Мидола»* и принял шесть шипучих таблеток. Затем туто забинтовал распухшую кисть и тут же забыл о ней. Оставайся он до сих пор человеком, это было бы невозможно; о сломанных пальцах так быстро не забывают. Но Эллисон уже «обратился». И в качестве одного из побочных эффектов получил способность отключаться от боли волевым усилием.

Как раз то, что нужно.

В перерывах между разговорами — а то и во время них — Дик общался с горожанами, которые не покладая рук трудались у Эплигейта. Эллисон сообщил им, что к половине пятого, самое позднее к пяти должен нагрянуть небольшой наряд полиции штата. Нельзя ли, мол, к тому времени включить проектор? Узнав о возникшей проблеме, Дик снова разбушевался — теперь уже не столько от ярости, сколько от страха. Тогда Хейзел объяснила ему задумку Линдли, и Эллисона отпустило... самую малость. Кристина в домашней фотолаборатории осторожно отпечатает негатив снимка из «Янки», слегка его увеличит, но вовсе не для проектора (наоборот, излишнее увеличение сделает картинку ратуши зернистой, некачественной), а для удобства собственной работы. Затем перевернет негатив, заретуширует стрелки на циферблате, а Бобби Тремейн нанесет их снова при помощи рентгеновского «ножа», так чтобы на часах

* Комбинированный препарат, состоящий из ацетилсалициловой и аскорбиновой кислоты.

было, скажем, три ноль пять. У него твердая рука и небольшой талант, продолжала мысленно рассказывать Хейзел. Причем первое в данную минуту даже важнее второго.

«Я думал, что негативы с готовых снимков выходят не очень четкими, — озадачился Эллисон. — Особенно в цвете».

«Она внесла кое-какие изменения в свое оборудование...» Хейзел даже не нужно было прибавлять, что семнадцатилетняя Линдли на сегодняшний день владела чуть ли не лучшей фотолабораторией в мире.

«Итак, когда?»

«Скорее всего, к полуночи», — отозвалась Хейзел.

«Мать моя женщина!» — мысленно вскрикнул Эллисон, так что горожане, собравшиеся у Эплгейта, поморщились.

«Нам понадобятся D-батарейки, штук тридцать, — невозмутимо вмешалась Бобби Андерсон. — Будь пайнейкой, Дик, позаботься об этом. Мы все понимаем твою тревогу из-за полиции. Обдури их как-нибудь, ладно?»

Тот помолчал.

«Хорошо. Это будут Бак и Рой, оба молокососы».

«Вот именно. Задержи их. Больше всего меня волнуют рации, а не сами копы — сколько там для начала пришлют? Один-два наряда? Но если они увидят... если доложат начальству...»

Послышался гул одобрения, похожий на шум океана в большой ракушке.

«Ты найдешь способ заглушить передатчики?» — осведомилась Бобби.

Тут в беседу радостно вклинился Энди Бейкер: «Стойте, у меня идея получше. Пусть Бак Питерс сейчас же тащит свою жирную задницу на заправку...»

«Точно! — взвизгнула от восхищения Бобби. — Здорово! Великолепно! А на выезде их кто-нибудь... Может, Бич...»

Тот был польщен оказанной честью.

Бент Роджерс и Джинглс Гэббонс из полиции штата Мэн прибыли в Хейвен к пяти пятнадцати. Они ожидали найти скучную дымящуюся стену, поврежденную взрывом печи, выдавшую виды пожарную машину рядом и два-три десятка

ротозеев, бестолково толпящихся на обочине. Но вместо этого обнаружили, что городскую башню разорвало, как римскую свечку во время салюта. По улицам были разбросаны осколки кирпичей, повсюду зияли провалы выбитых окон, валялись останки растерзанных кукол... А многочисленные горожане, чтоб их, спешили по своим делам как ни в чем не бывало.

Эллисон встретил полисменов с необыкновенной сердечностью, словно они явились на ужин для республиканцев, а не на место катастрофы впечатляющего масштаба.

— Господи, это что же здесь такое произошло? — выдохнул Бент.

— Понимаете, все на самом деле чуть хуже, чем я докладывал, — произнес Дик, отвернувшись к усеянной кирпичами улице, а потом одарил обоих улыбкой нашкодившего мальчишки. — Мне показалось, никто все равно не поверит, пока не увидит своими глазами...

— Черт, я *вайжу* — и то не верю, — пробормотал Джинглс.

И они повернулись к Дику спиной. Что взять с этого провинциального трепача, запутавшегося в собственной лжи, а то и просто тронувшегося умом с перепуга? Эллисону только это и было надо. Забыв о нем, полисмены округлившимися глазами обозревали последствия катастрофы. Постепенно радушная улыбка исчезла с лица Дика, сменившись холодным и злым выражением.

Тут Родес разглядел среди крохотных игрушечных ручек и ножек настоящую человеческую руку. Побледнев еще сильнее, он повернулся к Эллисону.

— Где миссис Маккосланд? — Его голос невольно сорвался на последнем слоге.

— Ну, понимаете, это еще одна наша проблема, — затянул свое Дик. — Видите ли...

Эллисон продержал их в городе сколько смог, не навлекая на себя подозрений. Полисмены уехали без четверти восемь, когда на город уже надвигались сумерки. И то потому, что, промедлив еще немного, они бы начали удивляться, почему так и не явилось вызванное по радио подкрепление. Оба переговорили с базой в Дерри — и оба ходили потом с озадаченным,

отстраненным видом. На том конце отвечали верно, разве что с голосом было что-то не так. Но кого могут волновать подобные мелочи, тем более в таких обстоятельствах? Полицейским и так хватало забот. Во-первых, масштабы произошедшей трагедии. Во-вторых, личное знакомство с жертвой. Мысли о том, как бы ухитриться заложить фундамент потенциально крупного дела, чтобы в будущем избежать процедурных рогаток, которые помешают расследованию, — это в-третьих.

Кроме того, на них уже начинало сказываться пребывание в Хейвене. Полисмены чувствовали себя так, словно целый день настилали виниловые полы в помещении без вентиляции... или незаметно для себя напились. Нет, они не начали слышать голоса — до этого не дойдет, их уберут намного раньше, — но ощущали себя как-то странно, заторможенно, будто с огромным трудом преодолевали барьер, хотя всего лишь занимались своей повседневной работой.

Все это Дик Эллисон выудил из их голов, попивая кофе в «Хейвен-ленче» через дорогу. Ну да, парни были слишком загружены хлопотами и сбиты с толку, вот и не обратили внимания, что голос

(Тага Эллендера)

диспетчера звучал не совсем обычно. Причем по довольно простой причине: полицейские говорили не с Тагом Эллендером. Им отвечал Бак Питерс; сигналы поступали не в Дерри, а в гараж на заправке Элта Баркера, и приходили оттуда же. Бак Питерс потел, согнувшись в три погибели над микрофоном: Рядом сидел Энди Бейкер. Бак посыпал сообщения и указания по приемнику Энди, который тот смастерил для себя от скуки (и по которому можно было связаться даже с Ураном, найдясь там представители разумной жизни, желающие послать землянам пламенный привет). Горожане изо всех сил сосредоточились на мыслях Бента Родеса и Джинглса Гэббонса. Попутно Баку передавали все, что было известно о Таге Эллендере, с которым якобы говорили теперь чужаки. Бак Питерс обладал некоторым талантом к перевоплощению (на местных конкурсах самодеятельности он всегда становился любимцем публики, подражая голосам популярных актеров вроде Джеймса Кэгни* и Джона

* Джеймс Фрэнсис Кэгни мл. (1899–1986) — один из наиболее востребованных актеров классического Голливуда, удостоенный в 1943 году «Оскара» за лучшую мужскую роль.

Уэйна и непременно пародируя очередного президента). До Рича Литтла* ему, конечно, было далековато. Однако если уж Бак изображал кого-нибудь, слушатели без труда понимали, кого он имеет в виду. В большинстве случаев.

Но главное, слушачи подсказывали Баку, как ему реагировать на каждую фразу; ведь говорящий обычно заранее рассчитывает получить определенный ответ на свой вопрос или утверждение. Если Бент и Джинглс купились на этот обман (а так оно в общем-то и произошло), то не столько благодаря талантам Питерса, сколько из-за собственных ожиданий, которые полностью оправдались. Кроме того, Энди ухитрялся включать помехи — не такие сильные, какие они будут слышать на обратной дороге в Дерри, но в самый раз, чтобы исказить передачу, как только в голове одного из полисменов проскакивала глупость вроде: «Господи, что у Тага с голосом? Простыл, наверное?»

В четверть восьмого, когда Бич принес Дику новую чашку кофе, тот спросил:

— Все готово?
 — А как же!
 — Ты уверен, что машина сработает?
 — Она прекрасно работает... Хочешь взглянуть? — Бич развел хвостом не виляя.
 — Нет. Некогда. Что там с оленем? Достали?
 — Ага. Билл Элдерли пристрелил, а Дэйв Рутледж освежевал тушу.
 — Отлично. Тогда за дело.
 — Хорошо, Дик.

Бич снял фартук, повесил его на гвоздь за стойкой. Перевернул табличку над входом надписью «ЗАКРЫТО» к прохожим (из-за выбитого стекла та раскачивалась и крутилась даже на легком ветру). Затем, помедлив, взглянул на Дика сощуренными от плохо скрываемой злости глазами.

— Ей не велели выкидывать этот фокус.
 Дик только плечами пожал; какая разница, сделанного все равно не веротиши.

* Ричард Карузерс «Рич» Литтл (р. 1938) — канадско-американский пародист и актер озвучивания, по прозвищу «Человек с тысячью голосов».

— Ее уже нет. Это главное. Детишки там разберутся с картинкой... А таких, как Рут, в городе больше и не осталось.

— Еще тот парень на ферме старого Гаррика.

— Он вечно в стельку. И ведь копает же. Иди, Бич. Они скоро уедут, а все должно случиться как можно дальше отсюда.

— Ладно, Дик. Ты уж поаккуратнее тут.

Тот ухмыльнулся:

— Нам всем теперь надо быть аккуратнее. Дело-то щекотливое.

Провожая глазами пикап (Бич осторожно, медленно объезжал кучи мусора и осколков), Эллисон заметил тень под навесом кузова и в глубине — что-то плотно завернутое в непрозрачную пленку. Это был самый крупный олень, какого Билл Элдерли сумел раздобыть за столь короткое время. Охота на них в июле категорически нарушала законы штата.

Когда пикап скрылся из виду, вильнув задней дверью с налейкой: «ЗАНИМАЙТЕСЬ ЛЮБОВЬЮ, А НЕ ВОЙНОЙ. ГОТОВЬТЕСЬ К ТОМУ И К ДРУГОМУ. НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРЕЛКОВАЯ АССОЦИАЦИЯ»*, Дик вернулся к стойке допить кофе — как всегда в этом заведении, хороший и крепкий. Вот чего ему сейчас не хватало. Эллисон не просто устал; он был вымотан. Хотя еще не стемнело, а Дик относился к людям, которые засыпают не раньше, чем услышат последнюю ноту национального гимна перед отключением любимого телеканала, сейчас ему хотелось лишь одного — оказаться в своей постели. День выдался напряженный, даже пугающий, — и он не закончится, пока Бич не доложит, что справился с поручением. Да и потом, убрать двоих копов — еще не значит избавиться от беспорядка, который устроила Рут. Можно скрыть очень многое, но не тот простой непреложный факт, что два полицмэна погибли на обратном пути из Хейвена, где перед этим убило еще одного полицмэна, пусть даже рядового констебля, зато, как назло, вдову Ральфа Маккосланда.

Короче говоря, настояще веселье еще даже не начиналось.

* Общественная организация владельцев оружия и лиц, выступающих в защиту права на обладание оружием, гарантированного Второй поправкой. Пропагандирует использование оружия для спорта, самозащиты и охраны природы. Регистрирует все национальные спортивные рекорды по стрельбе.

— Ага, если это можно назвать весельем, — кисло буркнул Дик, обращаясь в пустоту. — Я уж точно не назову, пес меня дерни.

Кофе довел до изжоги, но Эллисон продолжал его пить.

Снаружи взревел мотор. Дик резко развернулся на стуле и увидел, как уезжают копы. Мигалка на крыше патрульной машины отбрасывала на городские руины синие всполохи впремешку с черными тенями.

8

Кристина Линдли и Бобби Тремейн стояли бок о бок в проявочной и не дыша ожидали, когда же на чистом листе пропустит изображение — и пропустит ли вообще.

Мало-помалу реактивы начали действовать.

На снимке появилась башня городской ратуши. Сочные, живые цвета. Стрелки на циферблате показывали пять минут четвертого. Бобби медленно и тихо выдохнул.

— Превосходно.

— Это не все, — сказала Кристина. — Осталось еще...

— Что? Что не так? — повернулся он к ней в тревоге.

— Да нет, все в порядке. Но мы кое-чего не сделали.

Она не была уродлива, хотя и считала себя такой из-за очков и мышьякового цвета волос. Хотя Кристине стукнуло семнадцать, ей еще даже свиданий не назначали. Но теперь это было совершенно неважно. Девушка расстегнула юбку и сняла ее вместе с хлопчатобумажными трусиками, купленными в Дерри со скидкой. Переступила через них, бережно вынула фотографию из ванночки с проявителем и повесила сушиться (для этого ей пришлось встать на цыпочки, сжав гладкие ягодицы). Затем повернулась к Бобби, раздвинула ноги.

— Мне надо.

Он взял ее стоя. У стенки. Когда прорвалась девственная плева, Кристина впилась Бобби зубами в плечо, так что и у него пошла кровь. Они закончили вместе, рыча и терзая друг друга ногтями, и это было ужасно приятно.

«Как в старые добрые времена, — промелькнуло в голове Бобби уже на обратном пути к Эплгейту. — К чему это я? — спохватился он. — А впрочем, какая разница?»

Бич разогнал свой пикап «шевроле» до максимально возможных шестидесяти пяти — тот аж скрипел на ходу. Допотопный бомбовоз — единственное, что никак не удавалось усовершенствовать, несмотря на фантастические новые познания. Однако Джерниган верил, что нужная идея придет к нему в нужный момент, а пока что «Старушка Бетси» в очередной раз исправно сослужит службу. Неподалеку от Трои, не услышав полицейской сирены и не увидев сзади мигалок, Бич снизил скорость до пятидесяти пяти (кстати, вовремя: мотору грозил перегрев), а при въезде в Ньюпорт — до сорока пяти миль в час. К тому времени темнота быстро сгущалась. Пересекая границу Дерри, он ужс всерьез волновался: вдруг этих чертовых копов понесло на другую дорогу? Хотя вряд ли: этот путь — самый короткий. Господи, но куда же они тогда подевались? Тут Бич уловил неразборчивый шелест их мыслей.

Он вырулил к обочине и какое-то время тихо сидел, вскинув голову, полуприкрыв глаза, вслушиваясь, проверяя: нет ли ошибки? Его морщинистый впалый рот, лишенный зубов, придавал Бичу вид очень дряхлого старика. Мысли были о

(родинках)

Рут. Да, точно. Расслышав яснее,

(родинки проглядывали даже сквозь кровь)

Бич удовлетворенно кивнул. Это полисмены, можно не сомневаться. Мчались они довольно быстро. Время еще оставалось, но поспешишь не мешало бы.

Джерниган проехал еще с четверть мили. За очередным поворотом перед ним открылся последний отрезок трассы номер 3, ведущей в Дерри. Тут он развернул пикап боком и перегородил дорогу. Снял брезент с оружия в кузове, нервно распутывая веревочные узлы. Голоса в голове становились все громче и все отчетливее.

Когда вспышки мигалок осветили кроны деревьев по эту сторону поворота, Бич пригнулся голову, потянулся к шести патрувозикам-трансформерам, которые прикрутил к доске (а ту, в свою очередь, к кузову, чтобы не соскочила), и включил их один за другим. Игрушечные двигатели завелись, зажужкали... а потом этот звук, как и все другие, потонул в визге тормозов и покрышек. Теперь пикап залил ослепительно белый свет,

прорезаемый синими вспышками. Бич вжался в дно и закрыл руками голову, думая, что провалил задание, остановился слишком близко от поворота; теперь они обязательно врежутся и, может, получат ранения, а уж он-то точно погибнет. Копы найдут остатки оружия, скажут: «Хм, интересно, что это тут у нас?» И... и...

Ты облажался, Бич, они спасли твою шкуру, а ты облажался... О, черт... Черт...

Потом визг покрышек затих. Воздух наполнил удущливый запах жженой резины, но грохота столкновения, к которому приготовился Джерниган, не последовало. Мигалки продолжали работать. Из полицейских раций доносились помехи.

Бич смутно рассыпал, как хриплый голос проговорил:

— Что за черт?

Джерниган на дрожащих руках, по-девчачьи отжался от пола и с большой осторожностью выглянул наружу. Патрульный автомобиль стоял в конце длинного двойного следа от шин. Черные полосы на асфальте были заметны даже при звездном свете. Машина замерла под непривычным углом менее чем в девяти футах от пикапа. Если бы полицейские гнали на пять миль быстрее...

Да, но ведь обошлось.

Звуки. Двойной стук захлопнувшихся дверей: копы вышли из автомобиля. Слабое, однообразное гудение трансформеров, наполняющих энергией смертоносное изобретение, которое, в сущности, мало чем отличалось от приборчиков, ставших начинкой любимых кукол Рут. И мерное, назойливое жужжание. Мухи. Учуяли свежую кровь, а пробраться сквозь целлофан к оленевой туще не могут.

«Ничего, скоро попиете, — ухмыльнулся Бич. — Жаль только, что этих парней вам попробовать не доведется».

— Бент, а я видел эту машину в Хейвене, — произнес хриплый голос. — На парковке у закусочной.

Бич медленно повернул отрезок водосточной трубы на опоре. Сквозь него было видно обоих. Впрочем, даже если один отклонится от линии прицела, ничего страшного; его все равно заденет.

«Отойдите же от машины, ребята, — мысленно взмолился Бич, поднимая кнопку дверного звонка и опуская на нее большой палец. Его губы растянулись в беззубой ухмылке. — Автомобиль задевать не велено, ясно вам? Отойдите!»

— Кто здесь? — выкрикнул второй полицейский.

«Томминокер в дверь стучится, придурки вы длинноносые!» — подумал Бич и вдруг захихикал. А остановиться не смог. Его так и разбирало.

— Эй, если здесь кто-то есть, лучше отзовитесь!

Он захихикал громче, просто не удержался. Пожалуй, оно и к лучшему: копы переглянулись и двинулись к пикапу, вытаскивая на ходу пистолеты. Чем ближе к цели, тем дальше от патрульной машины.

Бич выждал еще немного, опасаясь, как бы вспышка не задела автомобиль (его велели сохранить целым и невредимым, не оставив даже царапины на хромированном бампере), и в нужный момент нажал на кнопку дверного звонка. «Здравствуйте! Не хотите ли посмотреть новый каталог «Эйвон»?» — подумал он и на этот раз уже не хихикал, а в голос заржал. Толстый столп зеленого пламени прорезал ночную тьму и поглотил полицейских. Бич заметил в огне какие-то желтые искры: это один из копов неистово разряжал пистолет. От трансформеров густо потянуло паленой пластмассой. Один из них взорвался с гулким хлопком и взвился крутящимся фейерверком искр. Некоторые попали мужчине на руку, больно зашипали кожу, и он их стряхнул. Зеленый луч из трубы наконец погас. Полисмены исчезли... Почти исчезли.

Бич проворно выпрыгнул из кузова. Здесь, конечно, не главная магистраль, и вряд ли кого-нибудь понесет в такой час в Дерри за покупками, но рано или поздно кто-нибудь непременно проедет мимо. Надо срочно...

На обочине дымился одиноко стоящий ботинок. Джернigan поднял его и едва не выронил от удивления: тяжелый, зараза! А заглянув внутрь, сразу понял, в чем дело. Внутри по-прежнему оставалась ступня в носке.

Бич отнес ее к своему пикапу и бросил в кабину. Вернется в город — избавится и от этой улики. Даже закапывать не придется; в Хейвене знают более эффективные способы. «Услышала бы итальянская мафия, чем мы, провинциальные янки, тут обладаем...» — подумал Джернigan и снова затрясся от беззвучного смеха.

Он вытащил костьльки из петель задней двери кузова, и когда та с ржавым скрипом откинулась вниз, попытался взять запеленутую оленью тушу. «Интересно, кому первому пришла в голову эта мысль? — пронеслось у него в голове. — Может, старине Дэйву? А, неважно. В Хейвене больше нет личных мыслей, все — общие».

Сверток оказался тяжелым, почти неподъемным. Бич ухватился за задние ноги и выволок тушу из кузова. Мертвая голова глухо стукнулась об асфальт. Джерниган огляделся — не загоряются ли впереди или сзади фары, — ничего не увидел и быстро, как только мог, потащил оленя через дорогу. Там опустил его, перевернул, освободил от целлофана и вновь поднял на руки освежеванную, выпотрошенную тушу. Жилы на шее вздулись, словно корабельные тросы. Он ухмылялся так, что можно было бы увидеть до единого зубы, будь они еще там. Оленья голова с наполовину отросшими рогами свесилась у Бича с правой руки. Мутные глаза уставились в ночную тьму.

Пошатываясь, Бич спустился на три неровных шага по пологому склону и сбросил тушу в канаву. Послышался глухой удар. Бич поднял целлофан, отнес его к пикапу и, свернув, сунул на пассажирское сиденье. Лучше бы в кузов, конечно: кабина теперь пропитается вонью, — но с другой стороны, оттуда его может сдуть на дорогу, а там кто-нибудь подберет... Бич поспешил обойти машину. На ходу он, слегка поморщившись, стянул с себя вымокшую в оленьей крови рубашку. Дома надо будет первым делом переодеться в чистое.

Бич забрался в кабину, завел мотор «Старушки Бетси», дал задний ход и развернулся в сторону Хейвена, затем на минуту остановился, чтобы изучить обстановку: все ли правильно? Кажется, да. Вот пустой патрульный автомобиль, брошенный посреди дороги, вот явные следы резкого торможения. Мотор заглушен, мигалка крутится. Рядом в канаве — освежеванная туша упитанного оленя. Такое не останется незамеченным долго, особенно в июле.

Разве хоть что-нибудь в этой истории указывает на Хейвен?

Бич так не думал. Здесь все говорило о двух полицейских, которые возвращались к себе в казармы после осмотра места происшествия, повлекшего одну-единственную человеческую жертву, и совершенно случайно наткнулись на браконьеров, сдирающих шкуру с незаконной добычи. Что было дальше с этими копами? Хороший вопрос. И ответ на него с каждым днем будет все очевиднее, все страшнее. В отчетах будут фигурировать некие браконьеры, со страху пристрелившие двух копов и закопавшие их в лесу. При чем здесь Хейвен? Бич надеялся, что никому не придет в голову искать взаимосвязь между двумя вполне будничными историями.

Тут он заметил в зеркале заднего вида свет приближающихся фар. Бич медленно объехал полицейскую машину, которая шесть раз окатила его голубым огнем, точно пульс отсчитывала, и наконец оставил ее позади. Бич покосился направо, на казенный черный ботинок, из которого торчал форменный синий носок, и усмехнулся. «Спорим, утром ты надевал его, мистер Всемогущий Охранник Порядка, и думать не думал, где он закончит сегодняшний вечер».

Тут опять хохотнул и резко включил вторую скорость. Джерниган ехал домой. Будь он проклят, если хоть когда-нибудь в жизни чувствовал себя лучше.

Глава 8

ЭВ ХИЛЛМАН

1

«Бангор дейли ньюс», 25 июля 1988 года. Первая полоса.

В ДЕРРИ ИСЧЕЗЛИ БЕЗ ВЕСТИ ДВОЕ ПАТРУЛЬНЫХ
В штате объявлен розыск

Автор: Дэвид Брайт

Вчера вечером, примерно в половине десятого, в Дерри был обнаружен пустой полицейский автомобиль. В центральном и восточном районах Мэна ведутся розыски. Это уже второй за лето случай. Сначала пропал четырехлетний Дэвид Браун из Хейвена. Мальчика до сих пор не нашли. Любопытно, что полицейские Бент Родес и Питер Гэббонс в день своего исчезновения возвращались из того же самого города, где проводили предварительное расследование обстоятельств несчастного случая, повлекшего за собой одну человеческую жертву (читайте подробнее на этой же полосе).

В ходе осмотра места происшествия, охарактеризованного одним из наших источников в полиции как «наихудшая для нас новость на сегодняшний день», неподалеку обнаружена выпотрошенная и освежеванная туша подстреленного оленя, что наводит на мысли о...

2

— Нет, вы видели? — обратился Бич к Дику Эллисону и Ньюту Беррингеру, когда они утром за кофе в «Хейвен-ленче» просматривали свежую газету. — Мы-то надеялись, что Хейвен даже не упомянут... Тыфу, черт!

— Успокойся, — ответил Ньют, и Эллисон согласно кивнул. — Четырехлетний пацан мог заблудиться в лесу, его могли увезти какие-нибудь извращенцы. Никому не придет в голову связывать между собой исчезновение ребенка и двух крепких полицейских парней. Правильно я говорю, Дик?

— Ясен день.

3

А вот и неправильно.

4

«Бангор дейли ньюс», тот же выпуск, нижняя половина первой страницы:

В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕЛЕПОГО НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ
ПОГИБЛА КОНСТЕБЛЬ ХЕЙВЕНА, ВСЕОБЩАЯ ЛЮБИМИЦА

Автор: Джон Леандро

Вчера вечером Рут Маккосланд, третья за всю историю штата женщина-констебль, погибла в своем родном городе Хейвене. Ей было пятьдесят лет. По словам Ричарда Эллисона, шефа местной добровольной пожарной команды, миссис Маккосланд скончалась по причине воспламенения бензиновых паров, скопившихся в подвале ратуши в результате утечки из-за неисправности клапана. Эллисон сообщил нам, что в подвале, где хранятся городские архивы, было тусклое освещение. «Миссис Маккосланд могла зажечь спичку, — предполагает Эллисон. — По крайней мере, такова на сегодняшний день рабочая версия...»

На наш вопрос он ответил, что никаких признаков поджога не обнаружено; впрочем, из-за исчезновения полицейских, прислан-

ных для расследования происшествия (см. статью выше), трудно сказать что-либо определенное. «Поскольку никто из полицейских не смог предоставить подробного протокола, я ожидаю, что в скором времени в Хейвен прибудет пожарный инспектор штата. В данный момент я больше беспокоюсь о том, чтобы пропавшие полицейские были найдены живыми и здоровыми».

Ньютон Берингер, городской управляющий Хейвена, сказал, что все глубоко скорбят о смерти миссис Маккосланд. «Это была великая женщина, — заявил он, — и мы все ее очень любили». Жители Хейвена говорят то же самое, многие не могут удержаться от слез, вспоминая миссис Маккосланд.

Ее государственная служба в Хейвене началась в...

5

Разумеется, связь обнаружил дедушка Хилли. Эв Хиллман, изгнанный из родного города, некогда вернувшийся со Второй мировой с двумя стальными пластинками в голове, которые напоминали о том, как во время битвы при Балте рядом с ним взорвалась фашистская ручная граната.

Утром понедельника, последовавшего за воскресным взрывом в Хейвене, застало его там же, где и все предыдущие утра — в триста семьдесят первой палате в больнице Дерри, возле кровати Хилли. Эв снял меблированную комнату на Лоуэр Мэйн-стрит, чтобы было где проводить ночи — в основном бессонные, — после того как сиделки его наконец выставляли за дверь.

Иногда в темноте ему мерещилось, будто в трубах канализации кто-то хихикает, и тогда он думал: «Ты сходишь с ума, старый хрыч». Но это было не так. Порой Эв и сам мечтал свихнуться.

Он пытался говорить с персоналом о том, что, по его мнению — нет, убеждению, — случилось с Дэвидом на самом деле. Старика жалели. Сперва он не замечал этой самой жалости; правда выяснилась, только когда Эв совершил ошибку, встретившись с репортером. Тогда-то у него и открылись глаза. Старик думал, им восхищаются из-за преданности внуку и сочувствуют из-за того, что мальчик, кажется, угасает... Но кроме того, деда считали чокнутым. Маленькие дети не исчезают в ре-

зультате фокусов, показанных на заднем дворе. Чтобы знать подобные вещи, не нужно даже заканчивать курсы сиделок.

Некоторое время пробыл одиночкой в Дерри, наполовину свихнувшись от переживаний за Хилли и Дэвида, от презрения к самому себе за «постыдную трусость», от страха за Рут Макколанд и прочих жителей Хейвена, Эв наведался в маленький бар неподалеку от съемной квартиры. Здесь, беседуя с барменом, он услышал о парне по имени Джон Смит, который преподавал некоторое время в соседнем городке Кливз-Миллз. Смит пролежал годы в коме, потом очнулся и стал ясновидящим. Несколько лет тому назад бедолага тронулся умом и пытался убить некоего Стилсона, кандидата в президенты США от Нью-Хэмпшира.

— Не верится мне во все эти истории с ясновидением, — вы сказался бармен, подливая Эву пивка. — Дурят нас, как хотят, лично я так считаю. Но если вы знаете занятную байку... — По намекам Эва, он мог бы порассказать такое, что «Ужас Амитивилля» покажется доброй сказочкой на ночь. — ...с ней надо к Брайту из «Бангор дейли ньюс». Он писал про Смита. Этот парень иногда к нам заглядывает на кружечку пива, и вот он, доложу я вам, на самом деле верит, будто Джонни мог что-то такое видеть.

Эв к тому времени залпом осушил три кружки — в самый раз, чтобы поверить в существование простых решений. Он встал, направился к платному телефону, оставил на стойке мелочь, и набрал номер «Бангор дейли ньюс». Дэвид Брайт оказался на месте, так что разговор состоялся. Эв не стал выкладывать все сразу, только дал понять: дескать, есть одно запутанное дело, он и сам еще не до конца разобрался, но люди должны обо всем узнать, и немедленно.

Судя по голосу, Брайт заинтересовался. Даже вроде бы проникся сочувствием. Спросил, когда Эв может приехать в Бангор (Брайт и не закинулся о том, чтобы лично наведаться в Дерри для интервью, что уже само по себе должно было подсказать старику: мол, не стоит переоценивать доверие и сочувствие собеседника). Тот спросил, а нельзя ли сегодня же вечером.

— Ну... я здесь пробуду еще часа два. Вы успеете до полуночи, мистер Хиллман?

— Уж будьте уверены, — резко ответил дед и повесил трубку.

На улицу он вышел пружинистой походкой, с горящим взором, по виду — лет на двадцать моложе, чем та развалина, что, шаркая, заходила внутрь.

Но до Бангора было двадцать пять миль, и пиво успело выветриться. К зданию «Бангор дейли ньюс» Эв приблизился уже совершенно трезвым. Мало того, в голове гудело, и мысли путались. Он и сам понимал, что рассказывает ужасно, то и дело возвращаясь к подробностям «Магического представления», к тому, как выглядел Хилли, к своей уверенности, что Дэвид Браун взаправду исчез. А потом Эв умолк... Точнее сказать, илистый колодец его красноречия окончательно пересох.

Брайт постукивал карандашом по столу, не глядя на собеседника.

— То есть, мистер Хиллман, вы за все это время ни разу не заглянули под платформу?

— Нет... Нет, но...

Вот теперь репортер посмотрел на него. Очень добрым взглядом. Но в нем было нечто, от чего у Эва тут же открылись глаза: этот человек считает его безумным, как Мартовский Заяц.

— Все это весьма любопытно, мистер Хиллман...

— Забудьте. — Эв поднялся со стула. Тот отлетел к стене и чуть было не опрокинулся. Старик лишь краем уха слышал, как стрекочут клавиши текстовых процессоров, звонят телефоны, смутно видел, как туда-сюда снуют люди с бумагами. Однако яснее всего он чувствовал, что на дворе уже полночь, что он устал и вот-вот сблюет от страха и что репортер принял его за сумасшедшего. — Не обращайте внимания. Время позднее; вас, должно быть, родные дома заждались.

— Мистер Хиллман, посмотрите на это с моей точки зрения, и вы поймете...

— Я уже смотрю, — оборвал его Эв. — В первый раз, наверное. Мне пора, мистер Брайт. Мне предстоит долгая дорога, а в больнице приемные часы начинаются с девяти. Сожалею, что отнял ваше время.

И стремительно вышел на улицу. Вот ведь не зря говорят: «Старого дурака ничем не исправишь», — со злостью напоминал он себе. Сегодняшний случай показал совершенно ясно, кто самый круглый старый дурень на свете. Чтоб Эв еще хоть раз попытался поведать людям о том, что творится в Хейвене! Будь он проклят, если позволит еще хоть кому-нибудь смотреть на себя подобным взглядом.

Да никогда в жизни!

Его решимости хватило ровно на пятьдесят шесть часов. А потом на глаза попались кричащие заголовки свежих газет. Просмотрев их, старик немедленно захотел увидеться с человеком, который будет расследовать дело об исчезновении полицейских. Ко всему прочему, Дуган — так его называли в газете — знал Рут Маккосланд, причем настолько хорошо, что в разгар расследования собирался выкроить время, чтобы лично выступить на ее похоронах. Похоже на *чертовски* близкое знакомство, прикинул Эв.

Вот только место прежнего огня и задора заняли горечь, страх, безнадежность. Да еще эти статьи с первой полосы отняли последнее мужество. «Хейвен превратился в змеиное гнездо, и вот змеи начали жалить. Нужно убедить хоть кого-нибудь, но как? Возможно ли донести до людей, что в городишке завелась телепатия и невесть что еще? Особенно если я сам уже с трудом понимаю, как пришел к подобному выводу. Если я сам толком ничего не видел. Как? И ведь главное: все, шут возьми, происходит у них под носом, а никто ничего не видит! Целый город под боком слетел с катушек — и хоть бы кто заподозрил...»

Старик вернулся к некрологам. Рут спокойно смотрела на него с одной из странных газетных картинок, состоящих сплошь из густо натыканных точек. Такие ясные, искренние, красивые глаза.

В Хейвене наверняка найдется как минимум пять, а то и не меньше дюжины мужчин, которые были в нее влюблены, а она об этом даже не догадывалась. Старику вспомнился вечер, когда он увозил Хилли, пока горожане сбивались в команду для поиска Дэвида.

«Ты могла бы поехать с нами, Рути». — «Эв, я не могу... Свяжись со мной».

Он один раз попытался, надеясь вызвать Рут в Дерри, где она окажется вне опасности... и сумеет как-то повлиять на ход событий. Запутавшийся, несчастный, уже тоскующий по дому старик был даже не уверен, что для него важнее — первое или второе. Он трижды звонил напрямую в Хейвен, в последний раз после встречи с Брайтом, и не мог дозвониться. Связался с оператором поддержки: ему сообщили о каких-то «проблемах на линии». Не будет ли он любезен повторить попытку немного

позже? Эв положил трубку в полной темноте и снова услышал смех из канализации.

Не прошло и трех дней, как Рут сама с ним связалась. Через страницу некрологов.

Дед перевел глаза на Хилли. Мальчик спал. Врачи отказывались называть это комой: по их словам, мозг выдавал какие-то не те волны, соответствующие состоянию глубокого сна. Эва не интересовали их термины. Он чувствовал: Хилли ускользает в иную реальность. А уж куда он уйдет — в аутизм (дед понятия не имел, что означает это слово, но оно пару раз проскочило в разговорах врачей, когда те приглушиенно перешептывались между собой, думая, будто бы он ничего не слышит) или в кому, — велика ли разница? Названия не важны. Сознание мальчика угасает — вот к чему все идет, и вот что по-настоящему страшно.

В тревогах о Дэвиде Брайан и Мэри даже не заметили странного состояния своего старшего сына. Эв смутно подозревал, что вне Хейвена мальчику должно полегчать. По дороге в Дерри внук походил на человека, перенесшего глубокое потрясение.

Они выбралис за черту города, но это не помогло. Хилли все меньше понимал, что происходит вокруг, и все бессвязнее разговаривал. В первые сутки в больнице он проспал одиннадцать часов. Проснувшись, он мог отвечать на простые вопросы, однако более сложные приводили его в смятение. Мальчик жаловался на головные боли. Магического представления вообще не помнил; думал, что день рождения был неделю назад. А ночью, в глубоком сне, отчетливо произнес: «Все фигуры Джи-Ай Джо». У Эва по спине поползли мурашки. Мальчик повторял эту фразу как заведенный, когда все выбежали из дома и обнаружили, что Дэвид исчез, а у Хилли припадок.

На другой день маленький пациент проспал уже четырнадцать часов, да и потом находился в явном помутнении рассудка. Когда прикрепленная к пациенту детский психолог спросила, как его второе имя, Хилли сказал: «Джонатан». Так ответил бы Дэвид.

Теперь мальчик спал уже круглые сутки. Иногда приоткрывал глаза, даже вроде бы смотрел на деда или сиделку, но когда к нему обращались, лишь кротко улыбался, как мог улыбаться только он, Хилли Браун, и отключался вновь.

Ускользал из этого мира.

Он был похож на заколдованного принца в сказочном замке. Иллюзии нарушали только подвешенная над головой капельница да время от времени громкие объявления, доносившиеся из больничного коридора.

Вначале врачи обнаружили огромный участок возбуждения в мозгу; темная, неясная тень в области коры мозга наводила на мысли о том, что странная заторможенность мальчика может быть вызвана опухолью. Но когда Хилли направили на повторный рентген (первым снимкам никто не поверил, как объяснил Эву рентгенотехник, потому что опухоль мозга у десятилетнего ребенка, да еще и без всяких предварительных симптомов, — это полный бред), тень бесследно исчезла. Невропатолог вызвал к себе рентгенотехника и, судя по обиженному голосу последнего, долетавшему из кабинета, задал ему настоящую трепку. Врач назначил третий рентген, но подозревал, что и тот ничего не покажет. Первые снимки, по его словам, получились дефектными.

— Я так и думал, что это брак, — сказал он Эву.

— Почему?

Невропатолог, крепкий мужчина с ярко-рыжей бородкой, усмехнулся.

— Уж очень огромной была эта тень. Скажу без обиняков: опухоль такой величины должна была давным-давно свалить ребенка на больничную койку... или вообще убить.

— Ясно. То есть вы до сих пор не в курсе, что с ним.

— Мы прорабатываем две-три версии... — Его широкая улыбка заметно поблекла, глаза забегали, а на следующее утро в палату снова наведалась детский психолог — полная женщина с иссиня-черными волосами.

Первым делом она осведомилась, где родители мальчика.

— Разыскивают пропавшего младшего сына. — Эв надеялся отбить у нее охоту к дальнейшим расспросам, но ошибся.

— Позвоните им и скажите, мне тут нужна помощь в поисках старшего.

Родители появились, однако толку от них было очень мало. Оба сильно переменились и сделались на себя не похожи. Врач тоже это почувствовала и после первых же заданных вопросов начала невольно от них отстраняться. Эв кожей ощутил ее отвращение и испуг. Он и сам с трудом удерживался, чтобы не вскочить и не выбежать из кабинета. Ловить на себе их при-

стальные нечеловеческие взгляды было все равно что попасть под вражеский прицел.

Женщина в клетчатой блузке и полинялых джинсах когда-то приходилась старику родной дочерью, она даже выглядела похоже, но превратилась в кого-то другого. Она уже была как будто мертва.

Больше психолог речь о родителях не заводила.

С тех пор она заходила еще два раза. Сначала — в субботу, после взрыва Хейвенской ратуши.

— Чем его дома кормили? — резко спросила эта полная женщина.

Эв сидел у окна, разомлев на солнышке, и почти клевал носом. Вопрос застал его врасплох.

— Что?

— Чем его дома кормили?

— Ну... обычной едой, как всех.

— Сомневаюсь.

— Зря, — ответил старик. — Я-то знаю, я сам у них часто ужинал. А почему вы спросили?

— Потому что у Хилли выпало десять зубов, — отрезала она.

Эв крепко сжал кулак, забыв об артрите, и, несмотря на глухую боль, сильно стукнул себя по колену.

«Что ты теперь будешь делать, старик? Дэвид пропал, и было бы легче сейчас убедить себя, что его уже нет в живых, правда?» В самом деле. Так было бы проще. Печальнее, но проще. Вот только дед никак не мог поверить в смерть внука. В глубине души он не сомневался: тот еще жив. Или выдавал желаемое за действительное? Нет-нет, с Эвом частенько такое случалось раньше, и он в состоянии отличить одно от другого. В голове мощно вибрировало чувство: Дэвид жив. Он потерялся, ему грозит гибель, да, скорее всего... Но мальчика еще можно спасти. Если только... «Если только ты сумеешь додуматься до чего-нибудь дельного. И если твое решение окажется правильным. Слишком мало шансов для старого пердуня, который все чаще ходит с пятном у ширинки, потому что не успевает добежать до сортира. Слишком, слишком мало шансов».

Поздно вечером в понедельник Эв пробудился от дремы, дрожа, в палате Хилли. Сиделки уже привыкли к нему и смотрели сквозь пальцы, если старик задерживался дольше положенного. Эву приснился кошмарный сон. Он оказался в каком-то темном и каменистом месте. Островерхий горный хребет словно вгрызаясь в черное небо, усеянное холодными звездами. Пронизывающий ветер завывал и скулил в тесных скалистых ущельях. Под ногами расстилалась большая равнина, залитая звездным светом. Сухая, холодная и безжизненная. Зигзаги огромных трещин делали ее похожей на бескрайнюю площадь, вымощенную каким-то безумцем. Откуда-то доносился тонкий голосок Дэвида: «Дедуля, помоги, дышать больно! Дедуля, помоги, дышать больно! Помоги! Я боюсь! Это был плохой фокус, Хилли меня заставил, а теперь я не могу вернуться домой!»

Старик резко выпрямился и посмотрел на старшего внука, весь обливаясь потом. Соленые ручейки стекали по лицу, как потоки слез.

Эв поднялся, приблизился к спящему мальчику и наклонился.

— Хилли, — произнес он уже далеко не в первый раз, — где твой брат? Где Дэвид?

Внезапно глаза внука открылись, и Эверетт похолодел от этого мутного, невидящего взгляда слепой сивиллы.

— На Альтаир-четыре, — бесстрастно, с безупречной отчетливостью проговорил Хилли. — Дэвид на Альтаир-четыре, и томминокер стучится к нему в квартиру.

Через мгновение веки сомкнулись, и мальчик опять крепко спал. Эв надолго замер возле кровати с посеревшим лицом.

А потом его начала бить дрожь.

Родной город изгнал его прочь.

Если Рут Маккосланд можно назвать душой и совестью Хейвена, то Эв в свои семьдесят три (сохранив куда больше разума, чем ему в последнее время казалось) служил ему памятью. За долгую жизнь мистер Хиллман успел очень многое повидать и еще больше услышать; а слушателем он всегда был превосходным.

В тот вечер, возвращаясь из больницы, он заглянул в книжную лавку, чтобы купить атлас Мэна — сборник больших карт, показывающих штат аккуратными кусочками по шестьсот квадратных миль. Пролистав атлас до двадцать третьего разворота, Эв нашел Хейвен. Кроме того, он зачем-то купил в лавке циркуль и теперь, не отдавая себе отчета, что делает, заключил город в круг. Игла, разумеется, воткнулась не в Хейвен-Виллидж, ведь тот находился на отшибе.

Дэвид на Альтайр-4.

Дэвид на Альтайр-4, и томминокер стучится к нему в квартиру.

Эв хмуро смотрел на карту с начерченным кругом, размышляя над словами Хилли и над тем, имелся ли в них хоть какой-нибудь смысл.

«А карандаш-то надо было красный братъ, старина. Хейвен пора обводить этим цветом... Причем на всех картах».

Он наклонился, сощурившись. Если вдали дед по-прежнему все видел отменно и мог бы отличить горошину от кукурузного зернышка с расстояния в сорок ярдов, то ближнее зрение стремительно ухудшалось в последнее время. Очки он, как назло, забыл в доме дочери и зятя, а если сейчас вернуться туда — пожалуй, у Эва появятся более серьезные заботы, нежели чтение мелкого шрифта. Так что лучше уж — безопаснее — обойтись без очков.

Чуть ли не ткнувшись носом в страницу, он присмотрелся, куда же вошла иголка. Это был участок Дерри-роуд, чуть севернее Престонского ручья и чуть восточнее места, которое Эв и его друзья в детстве называли Большшим индейским лесом. Правда, карта обозначала его как Горелый лес. Старик и это название слышал пару раз в жизни.

Тут он сложил циркуль так, чтобы уменьшить радиус окружности раза в четыре, и начертил еще один круг. Дом Брайана и Мэри снова оказался внутри. Западнее лежал короткий отрезок Ниста-роуд, ведущий от Дерри-роуд к тупику с каменоломней на краю все того же леса — назови его хоть Большим индейским, хоть Горелым, неважно.

Ниста-роуд... Ниста-роуд... Что-то связано с этим местом, но что? Эва тогда и на свете-то не было, а эту историю будут вспоминать еще долгие годы спустя...

Старик закрыл глаза, и казалось, будто он уснул сидя, — костлявый, сильно облысевший дед в отгуженной рубашке и брюках со стрелками цвета хаки.

Вдруг Эва осенило. Ну конечно, как он сразу не вспомнил! Кларендоны! Да-да; они самые. Супруги жили на развилке старой Дерри-роуд и Ниста-роуд. Пол и Фейт Кларендоны. Фейт восторгалась красавчиком-проповедником, а потом, через девять месяцев после того, как он удрал из города, родила красавчика-сына с черными волосиками и ясными синими глазками. Пол долго-долго смотрел на младенца, лежащего в колыбели, а потом взял отточенную бритву...

Кое-кто обвинял во всем проповедника — Колсона, как он сам себя называл.

Другие осуждали Пола Кларендана; тот, мол, вечно был не в себе, за такого и выходить не стоило.

Само собой, находились люди, валившись на Фейт. Эв своими ушами слышал, как один старишак в парикмахерской (годы спустя после случившегося, но в городишках вроде Хейвена у жителей память долгая) именовал ее «шлюхой сисястой, родившейся на гробе мужчинам».

Но кое-кто — вполголоса, разумеется, — обвинял сам лес.

Глаза Хиллмана широко раскрылись.

Да! Да, точно! Его мать однажды назвала таких «суеверными невеждами»; отец только медленно покачал головой, пыхнул своей трубкой и сказал что-то вроде: «В старых историях всегда отыщется зернышко правды, так что лучше не рисковать». Вот почему, по его словам, он всегда крестился, увидев, как черный кот перешел дорогу. Мать фыркнула (Эву тогда было девять лет, он запомнил все очень отчетливо). «Наверное, поэтому и твоя мама, — мягко обратился отец к сыну, — бросает щепотку соли через плечо, если нечаянно опрокинет солонку». Та снова презрительно фыркнула и ушла в дом, оставив мужа курить на крыльце. Мальчик продолжал сидеть рядом с ним и мотать на ус старые бредни. Он всегда был хорошим слушателем... за исключением той единственной роковой минуты, когда в этом возникла настоящая необходимость... той единственной безвозвратно ушедшей минуты, когда детский плач заставил деда в замешательстве отступить.

Но теперь Эв слушал, внимая памяти... памяти Хейвена.

Лес называли Большим индейским, потому что здесь умер Главный Атлантик. Это бледнолицые так презрительно перевели имя Уалиуайвока, которое на языке племени микмак значило «У Высоких Вод». Исторически племя занимало территорию современного округа Пенобскот, потом расселилось в Олдтауне, Скоухегане и в Больших лесах, бравших начало в Лудлоу, где остались огромные захоронения индейцев (в 1880-х годах их по-головно косила эпидемия гриппа), после чего они перебрались южнее по настоюнию Уалиуайвоки, который и был вождем до полного упадка своего рода. В 1885 году он умер, а на смертном одре объявил, что леса здесь «прокляты». Память об этом дошла до двадцатого века благодаря двум бледнолицым, которые присутствовали при его кончине, — антропологам из Бостонского колледжа и Смитсоновского института, явившимся в те края в поисках произведений искусства северо-восточных индейских племен, что стремительно вымирали и вскоре должны были вовсе исчезнуть. Правда, так и осталось непонятным, сам ли Главный Атлантик наложил упомянутое проклятие или просто сообщил о своем наблюдении.

В любом случае единственным памятником ему осталось название Большого индейского леса — ведь даже могилу никто бы уже не смог указать. Насколько знал Эв, это наименование до сих пор бытовало в Хейвене и близлежащих городах, однако он вполне понимал картографов, не пожелавших вносить в атлас слово «Индейский». В последнее время американцы стали чувствительны к подобным постыдным напоминаниям.

«В старых историях всегда отыщется зернышко правды», — говорил папа.

Эв, тоже крестившийся каждый раз, когда черная кошка переходила дорогу (или только собиралась это сделать — так, на всякий случай), полагал, что в этом отец был прав. Зернышко истины можно найти почти всегда. Проклятый там или нет, но Большой индейский лес приносил неудачу.

Что Уалиуайвоке, что Кландеронам. Вспомнил Хиллман и тех охотников, что пытали здесь счастья. Только за эти годы было два... нет, три... погодите-ка...

Глаза старика округлились. Он тихо присвистнул, мысленно перебирая записи в папке «НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ НА ОХО-

ТЕ, ХЕЙВЕН». Только навскидку вспомнилась дюжина происшествий, имевших место в Большом индейском лесу и связанных в основном с огнестрельным оружием. Дюжина человек, которых находили в крови, плююющихся проклятиями, без сознания, а то и попросту мертвыми. Кто-то подстрелил сам себя, используя ружье в качестве опоры, чтобы перелезть через поваленный ствол, или уронив его, или еще из-за какой-нибудь досадной оплошности. Один случай посчитали самоубийством. Вспомнились Эву и два непреднамеренных убийства в разгар ноябрьского сезона; одно — во время карточной ссоры, другое — в пылу спора, чья именно пуля уложила оленя рекордных размеров.

А кроме того, охотники часто терялись. Господи, да постоянно! Кажется, каждый год высыпали поисковую группу за каким-нибудь перепуганным бедолагой из Массачусетса, Нью-Джерси, Нью-Йорка, а то и по две, по три. Находили не всех.

Пропадали чаще настоящие горожане, с самого начала не имеющие понятия, как вести себя на природе. Большинство, но не все. Бывалые охотники утверждали, будто в Индейском лесу компасы плохо служили хозяевам, если служили вообще. Отец Эва подозревал, что где-нибудь в тех краях есть гигантские залежи магнитной породы, сбивающей с толку приборы. В отличие от «городских», которые привыкли надеяться исключительно на компас и книжные знания (едва лишь прежде безотказная стрелка начинала путать север или запад с востоком или крутиться, как бутылочка в известной игре, — и простаки оказывались в положении человека, застрявшего с расстройством желудка в сортире, где только что кончилась туалетная бумага), опытные охотники, обложив компас бранью, убирали его с глаз подальше и пытались искать дорогу другими способами, которых знали не меньше полудюжины. Если уж ничего не помогало, всегда можно было найти ручей, который обязательно выводил к людям, или шагать только прямо, чтобы рано или поздно выбраться на дорогу или к линии электропередачи.

Однако Хиллман лично помнил нескольких парней, что всегда жили и охотились в Мэне, — и за которыми все же приходилось посыпать поисковые группы; но выбирались они из леса по чистой случайности. Один из них — Делберт Маккриди, которого Эв знал с детских лет. Вооруженный дробовиком двадцатого калибра, Дел ушел в Большой индейский лес во вторник десятого ноября 1947 года. Когда на третью сутки он не вернулся,

миссис Маккриди позвонила Альфу Тремейну, который в то время занимал пост констебля. Поисковая группа из двадцати человек отправилась в лес, где Ниста-роуд заканчивалась у Алмазной каменоломни. К концу недели группа выросла до двухсот человек. Дела — отца той самой Хейзел Маккриди — уже совсем собрались записать в пропавшие без вести, когда он вышел из леса, следуя за течением Престонского ручья, — бледный, плохо соображающий и похудевший на двадцать фунтов.

Эв навестил его в больнице.

— Как так могло случиться, дружище? Ночь была ясная. Звезды светили. Ты же умеешь ориентироваться по звездам, правда ведь?

— Ну, — ответил тот с весьма смущенным видом. — Всегда, по крайней мере, умел.

— А мож! Ты сам научил меня в детстве определять север по расположению мха на деревьях, помнишь?

— Ну, — повторил тот.

Эв помолчал и, не дождавшись ответа, снова спросил:

— Так в чем же дело?

Долгое время Дел не отвечал. Потом еле слышно выговорил:

— Меня словно закрутило.

Эв с большим трудом выдержал паузу.

— Сначала все было нормально, — наконец выдавил из себя Дел. — Почти все утром я охотился, но свежих следов не нашел. Потом сел пообедать и выпить пивка. Задремал. Сны еще были какие-то странные... Не помню о чём, но очень чудные. И вот, на тебе! Просыпаюсь, а у меня...

Маккриди поднял верхнюю губу, чтобы показать дыру.

— Что, зуб выпал?

— Ну... Просыпаюсь, а он лежит на штанах. Наверное, вывалился, пока я дремал; только раньше-то у меня никогда проблем с ними не было; разве что с зубом мудрости, который никак не хотел вылезать... Черт, я чуть концы тогда не отдал. И тут начало смеркаться...

— Смеркаться?

— Да, глупо звучит, без тебя знаю! — огрызнулся Дел голосом сильно сконфуженного человека. — Я продрых до самого вечера, а когда встал... Эв... — Он жалобно посмотрел на товарища, но ровно через секунду сдался и пристыженно отвел глаза. — У меня словно кто-то мозги украл. Может, зубная фея?

Маккриди хохотнул, но без особенного веселья в голосе.

— Сначала я долго шел за Полярной звездой, как мне казалось. Потом смотрю: уже девять часов, а Хаммер-Кат-роуд все нет и нет. Тут я словно протер глаза и вижу: никакая это не Полярная звезда, а одна из планет — Сатурн или Марс, по-моему. Тогда меня снова в сон потянуло... Остальное помню смутно, обрывками, вплоть до того, как вышел из леса неделю спустя по берегу Престонского ручья.

— То есть... — Эв запнулся. Все это было так не похоже на Дела, уравновешенного, словно плотницкий уровень. — Получается, ты запаниковал?

Дел заставил себя еще раз посмотреть на товарища. Но теперь уже, кроме смущения, в его глазах читалась насмешка.

— Нельзя же паниковать целую неделю, понимаешь? — сухо обронил он. — Это сильно выматывает.

— Значит, ты просто...

— Я просто, — поддакнул Дел. — А что «просто», сам не знаю. Помню только, как отоспал себе ноги и задницу, все онемело... И во сне вроде слышал гудение. Будто возле высоковольтной линии в тихую погоду — ну, ты понимаешь. И только-то. Все мое знание природы будто испарилось. Я шатался по лесу, словно какой-нибудь новичок, способный заблудиться в трех соснах. Хорошо хоть, что мне хватило ума двинуться вдоль Престонского ручья. Очнулся я уже здесь. Думаю, весь Хейвен теперь надо мной потешается, но я рад, что уцелел. Спасибо господу и за это.

— Над тобой никто не потешается, — ответил Эв и, конечно, соврал. Горожане только этим и занимались.

Дел добрых пять лет пытался противостоять насмешникам, потом убедился, что острословы из парикмахерской не оставят его в покое, и переехал в Ист-Эддингтон, открыв там не то гараж, не то небольшую ремонтную мастерскую. Хиллман по-прежнему наведывался к нему время от времени, но сам он отнюдь не рвался в Хейвен. Эв догадывался почему.

Старик сложил ножки циркуля вместе и начертил в центре города самую маленькую окружность, какую только мог. Внутри оказался один-единственный дом. Ну, конечно, и как ему раньше не приходило в голову!

Это была ферма старого Гаррика, расположенная возле Дерри-роуд, а за ней раскинулся Большой индейский лес.

Вот уж это место следовало пометить на карте красным!

Теперь здесь жила племянница Фрэнка, Бобби Андерсон. Земледелием, правда, не занималась, все больше писала книги. Эву редко доводилось перекинуться с ней двумя словами, но у горожан она была на хорошем счету. По слухам, Бобби всегда аккуратно платила и не распускала сплетен. А кроме того, сочиняла добротные вестерны в старом духе. Не то что чудик из Бангора, чьи книжки так и кишат вымышенной нечистью и режут взгляд грязной бранью. Нет, это были хорошие вестерны.

Особенно для девушки.

Так утверждали.

Увидев однажды — будешь видеть всегда.

Хиллман захлопнул атлас и отправился в постель.

Но заснуть не смог.

Чем они там занимаются прямо сейчас? Создают новые приборы? Заставляют людей исчезать? Или что?

Каждый раз, когда ему почти удавалось забыться, перед глазами возникала картина: все жители Хейвен-Виллидж стоят посреди Майн-стрит. Их мутные, как у наркоманов, глаза обращены к юго-западу, к источнику звуков. Так мусульмане поклоняются Мекке.

Мощные машины... Землеройная техника...

Когда фрагменты складываются между собой, вы охватываете картину целиком, даже не имея перед собой образца на крышке коробки. Ворочаясь в тесной постели неподалеку от больницы, где в коме лежал маленький Хилли, старик понял, что видит ее довольно отчетливо. Пусть не всю, но большую часть. И понял: ему никто никогда не поверит. По крайней мере, без доказательств. А он ни почем не вернется к этим чудовищам: во второй раз они его точно не выпустят.

Что же там?.. Что там, в Большом индейском лесу? В земле на ферме старого Гаррика, которую тот завещал племяннице, которая пишет вестерны? Что морочит компасы и человеческие мозги, стоит подойти слишком близко? Насколько Эв понимал, по всей земле должны быть подобные... залежи. Иначе почему существуют места, где люди вечно чувствуют себя так мерзко? Да, это что-то скверное... Связанное с призраками. А то и с древними проклятиями.

Старик беспокойно ворочался, подолгу смотрел в потолок.

Значит, в земле что-то есть. Бобби Андерсон обнаружила это и начала раскапывать вместе с парнем, который живет теперь у нее на ферме. А зовут его... как же?!

Сколько ни бился, Эв не припомнил имени. Только поджатые губы Джернигана, когда в «Хейвен-ленче» завели разговор об этом субъекте. Завсегдатаи кафе наблюдали, как приятель Бобби вышел из продуктовой лавки с покупками. Бич сказал, что у того есть свой дом в Трое — шаткая тесная лачуга с дровяной печкой и целлофаном вместо оконных стекол.

— Зато образованный, — заметил кто-то.

Джерниган ответил в том духе, что, мол, образование еще никому не мешало стать неудачником.

И все согласно помолчали. Хилдман отчетливо это помнил.

Нэнси Восс осуждающим тоном сообщила: приятель Бобби выстрелил в собственную жену, но его отпустили, потому что он, дескать, преподаватель в колледже.

— В этой стране главное — иметь корочку на латыни, и тогда тебе что угодно с рук сойдет, — заявила она.

Все смотрели, как этот парень забрался в грузовичок Бобби Андерсон и поехал на ферму старого Гаррика.

— А я слышал, у него ученая степень по выпивке, — подал голос Дэйв Рутгедж со своего особого места в самом конце стойки. — В Трое говорят, он вообще не просыхает, как рыбапила!

Сплетники разразились грубым хохотом. Похоже, приятель Бобби сильно их раздражал. Всех до единого. Но почему? Из-за того рокового выстрела? Из-за пьянства? Потому что сожительствовал с женщиной, на которой он не был женат? Вот уж нет, ничего подобного.

В тот день в «Ленче» были мужчины, колотившие жен не просто до синяков, а до полусмерти. Среди них считалось в порядке вещей вбивать разум в головы своих «старушенций», чтобы «не сильно умничали». Присутствовали и те, что жили на пиве с одиннадцати утра до шести вечера, а потом еще до полуночи — на дешевом виски; а если бы не достали виски — лакали бы средство от комаров, процидив его через носовой платок. И наконец, те, что меняли партнерш быстрее, чем кролики, прыгая, так сказать, из норы в нору... Как же все-таки его звали?

Эв начал забываться сном. Но тут же снова увидел своих земляков, застывших на тротуарах, на лужайке перед публичной библиотекой, в маленьком парке, устремивших пустые глаза в сторону, откуда доносился шум... И снова резко проснулся.

«Что же ты раскопала. Рут? За что тебя так?»

Старик повернулся на левый бок.

«Дэвид жив... но чтобы его вернуть, мне придется начать с Хейвена».

Нет, все же на правом боку удобнее.

«Меня прикончат, если я там появлюсь. Было время, когда меня уважали, почти как Рут... Или мне просто хотелось так думать? Но теперь-то меня ненавидят. Трудно было не прочитать это в их глазах в ночь, когда начали поиски Дэвида. Само собой, я увез Хилли прочь, так как он срочно нуждался в докторе... Но провалиться на месте, если его болезнь не стала удобным предлогом для бегства. Возможно, нас отпустили лишь потому, что их отвлекло исчезновение Дэвида. Или же всем не терпелось избавиться от меня. В любом случае, мне повезло. Во второй раз фокус, конечно же, не пройдет. Ну и как же мне там появиться? Я не могу».

Старик ворочался и метался в постели. Его раздирали противоречивые чувства. Нужно вернуться в Хейвен, чтобы попробовать спасти Дэвида, пока тот еще жив. Но с другой стороны, стоит Эву сунуться туда — его прикончат и закопают на чьем-нибудь заднем дворе.

Уже перед самой полуночью дед впал в беспокойное забытье, а потом будто провалился в яму крепкого, без сновидений, сна, какой бывает при полном изнеможении.

12

Во вторник он пробудился гораздо позже обычного — в четверть одиннадцатого. Впервые за долгое время Эв чувствовал себя посвежевшим и бодрым. А главное, в голове вдруг родился план, дающий надежду пробраться в Хейвен и все-таки выйти оттуда живым. Только надежду, не более того, но ради Хилли и Дэвида рискнуть стоило.

Можно попытаться въехать в город и выехать из него в день похорон Рут Маккосланд.

13

За всю свою долгую жизнь Хиллман не встречал мужчины крупнее, чем Батч «Монстр» Дуган. Даже отец Джастина Хёрда, Генри (а он был ростом шесть футов шесть дюймов, весил триста восемьдесят фунтов и боком протискивался во многие двери, куда не вмещались его широкие плечи), — и тот чуточку не дотягивал до его габаритов. Вот если бы поднабрал двадцать-тридцать фунтов — тогда еще может быть...

Уже во время приветственного рукопожатия Эв убедился, что стал предметом хэйвенских сплетен. Прочитал это на лице Дугана.

— Присядьте, мистер Хиллман. — Полицейский опустился в просторное крүтящееся кресло, которое чуть не треснуло под его весом. — Чем могу быть полезен?

«Он ждет, что я начну бредить, — бесстрастно подумал старик, припомнив, как сам ожидал того же от Фрэнка Гаррика, когда тот приставал к прохожим на улице. — Что ж, постараюсь не разочаровать парня. И все-таки будь осторожен, Эв, а вдруг получится? Ты ведь точно знаешь, чего хочешь, правда?»

— Думаю, вы действительно можете быть мне полезны, — проговорил старик, радуясь тому, что сегодня хотя бы трезв; беседовать с тем репортером после нескольких кружек пива было серьезной ошибкой. — В газетах пишут, что завтра вы будете на похоронах Рут Маккосланд.

Дуган кивнул:

— Рут была моим близким другом.

— А с вами поедет кто-то еще из Дерри? Говорят, ее муж служил в полиции, да и сама она была как-то причастна... Само собой, пост городского констебля — невеликое дело, но вы же поняли, что я имею в виду... Скажите, туда поедет еще кто-нибудь?

Дуган нахмурился, а хмуриться было чем — с таким-то широким лбом.

— Мистер Хиллман, к чему вы клоните? Не совсем понимаю.

«А я сегодня ужасно занят, если вы вдруг не в курсе, — было написано на его лице. — Два копа исчезли, все указывает на то, что они наткнулись на браконьеров и склоняли по пуле в лоб; мало этих забот, моя давняя подруга Рут Маккосланд скончалась, и у меня нет ни времени, ни терпения слушать всякие бредни».

— Поймете. У нее ведь были друзья, которые тоже поедут в Хейвен?

— Да. Человек шесть или больше. Я отправляюсь чуть раньше остальных, нужно потолковать кое с кем о последнем деле...

Эв кивнул:

— Я в курсе насчет последнего дела. А вы, наверное, в курсе насчет меня. Или вам так кажется.

— Мистер Хиллман...

— Я сболтнул лишнего, не тому человеку и в неподходящее время, — невозмутимо продолжал старик. — Нужно было вести себя умнее, но горе часто лишает нас разума. Мой младший внук пропал без вести, а старший лежит в коме.

— Да, я слышал.

— Я тогда чуть умом не тронулся, плохо соображал, что делаю. Ну и разболтал кое-что сиделкам, а потом сунулся в Бангор к тому журналисту. Брайту. Подозреваю, вам передали большую часть того, что я ему наговорил.

— Да, кажется, вы полагаете, будто в деле об исчезновении Дэвида Брауна сыграл роль некий заговор...

Эв чуть не расхохотался. Какое странное, но уместное слово! Ему бы и в голову не пришло. О да, тут не просто заговор... Дьявольский заговор!

— Так точно, сэр. Именно так я и полагаю. А еще думаю, что эти три случая — исчезновение моего внука, тех полицейских и гибель Рут Макссоланд, которая, кстати, и мне приходилась подругой, — связаны между собой теснее, чем вам сейчас кажется.

Это немного встряхнуло Дугана, и его холодный, пренебрежительный взгляд потепел. Казалось, он только что по-настоящему увидел перед собой человека, Эверетта Хиллмана, а не просто седого хрыча, явившегося поутру отнимать его драгоценное время.

— Может, вы лучше намекнете мне, о чем речь? — спросил полисмен, доставая блокнот.

— Нет. Уберите это.

Дуган молча посмотрел на собеседника. Блокнот убирать не стал, но карандаш положил.

— Брайт записал меня в сумасшедшие, хотя не слышал и половины всего... — Старик вздохнул. — Так что вам я пока ничего не скажу. Только одно: я уверен, что Дэвид жив. Вряд ли

мой внук еще в Хейвене; а вот *мне* туда нужно вернуться, чтобы выяснить, где он. Но есть причины — веские, разумеется, — считать, что меня там не ждут с распростертыми объятиями. И что если я туда сунусь еще раз, то пропаду, как Дэвид, или погибну, как Рут, в результате несчастного случая.

Батч Дуган переменился в лице.

— Полагаю, — начал он, — я должен попросить у вас объяснений, мистер Хиллман.

— Не стану я объяснять, не могу. Я кое-что знаю, о чём-то догадываюсь, но доказательств-то на руках — ни единого. Глупо звучит, правда? А вы посмотрите в мои глаза и поймите хотя бы одно: я говорю вам то, во что верю сам.

Полицейский вздохнул.

— Мистер Хиллман, поработай вы на моем месте, знали бы, какие искренние лица у большинства лжецов.

Эв хотел что-то сказать, но Дуган покачал головой:

— Ладно, не обращайте внимания. Ерунда. Я с воскресенья не спал и шести часов и чувствую, что становлюсь староват для таких нагрузок. Видите ли, я в вашу искренность верю. Но вы же только сыплюте зловещими намеками, ходите вокруг да около. Иногда люди так ведут себя из страха, но чаще — потому что им нечего больше сказать. Как бы там ни было, я не жених, чтобы вас уговоривать, а вы — не невеста на выданье. Я на ваши вопросы ответил. Может, изложите свое дело?

— Хорошо. Я здесь по двум причинам. Во-первых, хотел удостовериться, что в Хейвене завтра будет много копов. Когда рядом полиция, меньше шансов, что случится нечто плохое, вы не находите? — Дуган ответил молчанием и бесстрастным взглядом. — А во-вторых, сообщить, что и я завтра буду в Хейвене. Только не на похоронах. У меня припасена ракетница, так что если во время церемонии вы или кто-то из ваших людей заметите в небе большую вспышку, знайте, что я нарывался на... такое безумие, что никто никогда не поверит.

— Вы же сами сказали, что возвращение в Хейвен может... э-э-э, причинить вред вашему здоровью? — Лицо собеседника оставалось непроницаемым, но это неважно; Эв понял, что Дуган вернулся к первоначальной версии: перед ним сидит полный псих.

— Я сказал: «скорее всего». Но при определенных условиях, может быть, и обойдется. В Хейвене все любили Рут; не мне

вам об этом рассказывать, полагаю. Почти весь город явится на церемонию. Не уверен, что перед смертью ее любили так же сильно, как прежде, но факт остается фактом: являются многие.

— Почему вы так думаете? — вмешался Дуган. — Или об этом тоже нельзя говорить?

— Нет, отчего же. Если на кладбище никто не придет, это будет выглядеть подозрительно.

— Для кого?

— Для вас. Для других полицейских, которые знали ее и ее покойного мужа. Для политиков из Комитета демократической партии Пенобскота. Да я даже не удивлюсь, если конгрессмен Бреннан пришлет кого-нибудь из Огасты: Рут вкалывала на него как проклятая, когда он пробивался в Вашингтон. Ее знали не только в Хейвене, от этого им никуда не деться. Словом, горожане оказались в положении семьи, которая и не хотела бы закатывать всеверинку, но приходится. Надеюсь, они будут настолько заняты тем, чтобы пустить гостям пыль в глаза, притворившись нормальными, что даже и не заметят моего пребывания в Хейвене.

Батч скрестил руки на груди. Эв попал в точку; если понапацу полисмен еще испытывал сомнения, а вдруг Дэвид Брайт, этот необычайно точный знаток человеческих душ, на сей раз ошибся и Хиллман на самом деле здоров, — теперь ему было не по себе: стариk оказался не просто чокнутым, а *совсем* чокнутым. А между тем... трудно не поверить этому невозмутимому, рассудительному голосу и твердому взгляду.

— Послушать вас, так можно подумать, будто все жители Хейвена что-то замышляют, — произнес полицейский. — А по-моему, это невозможно. Так и знайте.

— Вот-вот, и любой нормальный человек скажет то же самое. Поэтому им так долго все сходит с рук. Знаете, пятьдесят лет назад казалось, что невозможно создание атомной бомбы; тогда посмеялись бы над рассказом о телевидении, я уж молчу о видеомагнитофонах. Люди не меняются, мистер Дуган. Большинство из них видят не дальше своего носа. Попробуйте рассказать им, что мир продолжается и за горизонтом, — вас и слушать не станут.

Тут Эв поднялся и протянул руку через стол с таким видом, словно даже не сомневался, что Батч ее пожмет. Полицейский от изумления так и сделал.

— Честно сказать, я сразу понял, что вы счтете меня полумным. — Старик виновато улыбнулся. — Да еще столько всего наговорил и, боюсь, усилил первое впечатление. Но зато я узнал что хотел. Да, и сделайте одолжение старику: поглядывайте завтра на небо. Если увидите фиолетовую вспышку...

— Леса этим летом сухие. — Еще не успев отзнучать, слова Дугана показались ему же самому пустыми, поверхностными, беспомощными. Он понял, что снова неудержимо склоняется к тому, чтобы *проверить*. Откашлявшись, Батч с нажимом продолжил: — У вас действительно есть ракетница? Они часто бывают причиной страшных пожаров. Если у вас нет разрешения — а я, черт возьми, уверен, что у вас его нет, — вы можете угодить за решетку.

Невеселая усмешка Хиллмана стала чуть шире.

— Если вы увидите фиолетовую ракету, — ответил он, — тюрьма в Бангоре — последнее, что меня тогда испугает. Удачного дня вам, мистер Дуган.

Уходя, Эв аккуратно закрыл за собой дверь. Батч стоял и смотрел ему вслед, взвинченный, запутавшийся, как никогда в жизни. «Скатертью дорожка», — подумал он и начал расхаживать по кабинету.

Дугана кое-что беспокоило. Исчезновение двух полицейских (причем обоих он знал как надежных парней) на время вытеснило эту мысль из головы, но визит Хиллмана заставил вспомнить о ней.

Последний разговор с бедной Рут... Батч и до этого за нее беспокоился; такого дилетантского подхода к делу, как во время поисков Дэвида Брауна, констебль никогда себе не позволяла. Это было совсем на нее не похоже. Единственный случай непрофессионализма со стороны городской любимицы, насколько помнил Дуган.

В тот вечер накануне ее смерти он позвонил узнать, как продвигается расследование, обменяться новой информацией... хотя какая, к чертам, информация? Так, почесать языком. Иногда и в ходе обычного обсуждения рождаются дельные мысли, словно сказочное золото из соломы. В беседе всплыло имя деда пропавшего мальчика. Батч к тому времени успел пообщаться с Дэвидом Брайтом из «Новостей» (то есть выпил с ним пива) и поведал Рут о безумной идее старика: дескать, целый город свихнулся каким-то невероятным образом.

Вопреки ожиданиям та почему-то не рассмеялась, даже не хихикнула над хрычом, растерявшим остатки разума. Дуган плохо помнил, что же она такое сказала, ведь как раз тогда связь резко начала ухудшаться. Впрочем, это-то было в порядке вещей: в городишках вроде Хейвена линии до сих пор крепились в основном на столбах, и время от времени связь летела ко всем чертям. Достаточно было порыва сильного ветра — и вы с вашим собеседником превращались в детишек с пустыми жестянками из-под томатного супа в руках, связанными вощеной нитью.

По крайней мере, одну фразу Батч припомнил в точности: «Лучше скажи ему, чтобы держался подальше». А потом, перед тем как связь вообще пропала, Рут, кажется, прибавила еще что-то — только представьте себе — про нейлоновые чулки. Впрочем, он мог не расслышать, но тон различил безошибочно. В ее голосе было столько печали, столько усталости, словно невозможность найти пропавшего мальчика разбила сердце всеобщей любимицы. А спустя мгновение связь окончательно прервалась. Он даже не позабылся перезвонить, потому что уже сообщил Рут все, что знал по делу... Честно сказать, это были жалкие крохи.

А на другой день ее не стало.

«Лучше скажи ему, чтобы держался подальше». По крайней мере, в этих словах он не сомневался.

«Есть причины... считать, что меня там не ждут с распостертыми объятиями».

«Скажи, чтобы держался подальше».

«Пропаду, как Дэвид».

«Держался подальше».

«Или погибну, как Рут, в результате несчастного случая».

«Подальше».

Дуган догнал старика на парковке.

Хиллман ездил на стареньком фиолетовом «валианте» с изъеденными ржавчиной боковыми крыльями. Уже открывая дверцу с водительской стороны, старик поднял взгляд и увидел нависшего над ним Дугана.

— Я завтра еду с вами.

Глаза Эва широко распахнулись.

— Вы даже не знаете, куда я собрался!

— Пусть. Зато будете на глазах, и вам не придется сжигать пол-леса восточного Мэна, чтобы передать мне послание, вообразив себя агентом ноль-ноль-семь.

Эв задумчиво посмотрел на него и покачал головой.

— Я, конечно, предпочел бы компанию. Тем более парня размером с Гориллу Монсун* и с пушкой в кармане. Но в Хейвене дураков не водится, мистер Дуган. Их и раньше-то не было, а теперь, как я понимаю, интеллект местных жителей и вовсе резко вырос. Вас будут ждать на похоронах. Не появитесь — тут же возбудите подозрения.

— Господи! Хотел бы я знать, как у вас получается нести этот бред с таким, черт, *нормальным видом*?

— Думаю, все вы знаете, — ответил Хиллман. — И то, что в Хейвене творятся странности. И то, — прибавил он с пугающей прозорливостью, — что с вашей близкой знакомой Рут в последнее время было не все в порядке.

Мужчины замерли, уставившись друг на друга, посередине мощеной парковки в казармах Дерри. Солнце было лучами с небес, и они отбрасывали четкие черные тени, какие бывают ровно в два часа дня.

— Сегодня вечером пущу слух, будто заболел, — наконец проговорил Дуган. — Подцепил кишечный грипп. У нас в казармах сейчас эпидемия. Что скажете?

Эв кивнул и даже слегка испугался: так резко у него вдруг отлегло от сердца. Оказывается, идея тайком вернуться в Хейвен страшила его гораздо сильнее, чем старик был готов признаться даже самому себе. По лицу здоровенного копа читалось, что Хиллман убедил его примерно наполовину. Может, это не так уж и много, но по сравнению с началом их разговора — огромный прогресс. Кстати, вряд ли Эв справился бы в одиночку; ему явно помогла Рут Маккосланд.

— Хорошо, — ответил старик, — только послушайте, мистер Дуган, послушайте очень внимательно, ведь завтра от этого будут зависеть наши жизни. Не вздумайте проболтаться кому-нибудь

* Роберт Джеймс «Джин» Марелла (1937–1999), более известный под ринговым псевдонимом Горилла Монсун — американский рестлер и спортивный комментатор ростом 198 см и весом 181 кг.

из тех, кто поедет на похороны, что вы просто пошутили насчет болезни. Лучше сообщите им, будто вам совсем плохо. Мол, вы и хотели бы завтра поехать, но сомневаетесь, получится ли.

Полицейский нахмурился.

— А почему, собственно... — И тут у него отвисла челюсть. Старик ответил все тем же бесстрастным взглядом. — Боже мой, вы же не хотите сказать, будто жители Хейвена стали вдруг телепатами? И что они сумеют вытянуть мысли прямо из голов моих людей?

— Я вам ничего не сказал, мистер Дуган, — отрезал Эв. — Это вы мне сказали.

— Мистер Хиллман, у вас все-таки разыгралось вооб...

— Увидев вас, я даже не думал, что вы напроситесь ехать со мной. Даже не заводил речь об этом. Максимум, надеялся, что будете посматривать на небо и заметите вспышку ракеты, если я попаду в беду; что из страха перед вами эти змеи на время притихнут в своем гадюшнике... Но раз уж сказали «А», говорите и «Б»: доверьтесь мне в этом тоже, пожалуйста. Ради Рут, если уж на то пошло! Да, и еще одно. Хочу заранее предупредить: как бы там ни обернулось дело, завтра с вами будут случаться престранные вещи.

— Я уже сегодня это почувствовал.

— Ясно, — протянул Эв и помолчал, давая полицейскому время собраться с мыслями.

— Вы хотя бы наметили, куда ехать? — наконец произнес Дуган. — Или намерены просто мотаться по городу, пока не надоест?

— Наметил, — спокойно проговорил старик.

«О да, сэр, так точно, сэр. Сразу за фермой старого Гаррика, на окраине Большого индейского леса, где от компаса меньше проку, чем от консервной банки. Думаю, дорогу к нужному месту (какой бы сюрприз там ни поджидал) мы не пропустим: Бобби Андерсон и ее дружок натащили в лес столько техники, что по ее следам можно будет свободно проехать, словно по автостраде. Да уж, не промахнемся».

— Ладно. Где вы остановились в Дерри? Оставьте адрес, я заберу вас завтра в девять на личной машине. Приедем как раз к началу церемонии.

— Машина — моя забота, — мягко сказал старик. — Этую все знают; я возьму напрокат другую. И заезжать нужно в восемь: придется немного поколесить.

— Да я и так могу доставить нас в Хейвен, обехав поселение. Об этом не беспокойтесь.

— Я и не беспокоюсь. Но нам нужно обогнуть весь город и попасть туда со стороны Альбиона. И кажется, есть такая дорога...

— Провалиться мне! Почему обязательно с той стороны?

— Потому что все в это время будут как раз на противоположном конце, а мне только того и надо — въехать в город, но оказаться подальше от них.

— Похоже, вы здорово напуганы.

Эв кивнул.

— А машину-то зачем напрокат?

Эв потешно закатил глаза.

— Сколько вопросов, шеф!

Батч Дуган ухмыльнулся:

— Служба такая. Почему обязательно из проката? В Хейвене и так никто не узнает мой личный автомобиль... — Он помолчал, раздумывая. — По крайней мере, теперь, когда Рут умерла.

— Считайте меня полным психом, — позволил Эв, и его лицо смердилось в неожиданно кроткой улыбке. — Могут у сумасшедшего быть свои пунктики? Имею право!

— Хорошо, сдаюсь. Восемь так восемь. Ваша дорога, ваша машина, ваши пунктики. Наверное, я тоже тронулся. Определенно.

— Завтра в это же время вы гораздо лучше поймете, что значит «tronуться», — ответил Эв и полез на водительское сиденье ветхого «валианта», не дожидаясь, пока полицейский снова разразится вопросами.

Тот хмуро стоял, чувствуя себя словно приезжий в Нью-Йорке, который только что купил пресловутый Бруклинский мост и начал подозревать, что вещицы такого рода, как правило, не продаются. Облапошить можно лишь того, кто сам готов обмануться. Вот первый урок, усвоенный им за добрых три года борьбы с жулем и мошенниками в Огасте. Конечно, старик был пугающе убедителен, но Батч сознавал, что поддался не убеждениям; он просто прыгнул в пустоту, наугад. Потому что слишком сильно любил Рут Маккосланд и через год-другой собрался бы с духом, чтобы предложить ей руку и сердце. А когда горячо любимый человек умирает, оставив черную дыру в вашем сердце, единственный способ залатать

ее — это не смириться с тем фактом, что он (она) покинул сей мир по нелепой случайности. Лучше поверить, будто есть виноватые, до которых вы можете дотянуться. Так немного легче. Даже последняя деревенщина это знает.

Дуган вздохнул и, внезапно почувствовав себя на много лет старше, поплелся обратно в казармы.

А Хиллман вернулся в больницу и просидел остаток дня у постели внука. И тем временем сочинил две записки. Одну оставил на ночном столике Хилли, придавив цветочным горшочком, чтобы ее не сдуло игривым ветерком, иногда залетающим в распахнутое окно. Вторая получилась длиннее. Дописав, он сложил ее и сунул в карман, а затем покинул больницу.

В промышленном парке Дерри ему встретилось небольшое здание с вывеской «Медицинское оборудование Мэна» над входом. Чуть ниже было написано: «Специализируемся на дыхательном оборудовании и дыхательной терапии с 1946 года». Эв объяснил клерку, чего хочет. Тот предложил клиенту наведаться в Бангор и потолковать с местными любителями дайвинга. Хиллман ответил, что меньше всего нуждается в акваланге; ему скорее требуется переносной прибор для дыхания на суше. Они еще какое-то время поговорили, а потом Эв подписал договор аренды на тридцать шесть часов и уехал, забрав с собой весьма специфический агрегат. Клерк из «Медицинского оборудования Мэна» долго стоял в дверях и провожал его взглядом, почесывая в затылке.

15

Между тем сиделка прочла записку, оставленную для спящего мальчика.

Хилли,

какое-то время мы не увидимся. Хочу сказать: надеюсь, что тебе скоро станет лучше, и если я смогу тебе в этом помочь, то буду самым счастливым дедушкой в мире. Думаю, Дэвид еще жив. И по-моему, ты совершенно не виноват в том, что он исчез.

Люблю тебя, Хилли. Надеюсь, мы скоро встретимся.

Дедушка

Но он больше не увидел внука.

Глава 9

ПОХОРОНЫ

1

С девяти утра чужаки, знавшие Рут Маккосланд или когда-либо работавшие с ней, начали стягиваться в Хейвен-Виллидж. Вскоре практически все парковки вдоль Мэйн-стрит были заняты.

В «Хейвен-ленче» дым стоял коромыслом. Бич едва успевал подавать омлеты, бекон, сосиски и жареную картошку, наливать один кофе за другим. Конгрессмен Бреннан так и не прибыл, но прислал своего помощника. «Мог бы и сам появиться, Джо, — думал Джернigan с кислой улыбкой. — Сразу столько новых идей получил бы насчет работы в правительстве...»

День выдался ясный и свежий, больше напоминающий конец сентября, нежели июля. В ярко-синем небе — ни облака, температура — шестьдесят восемь градусов*, западный ветер — миль двадцать в час. В очередной раз Хейвен принимал чужаков, и снова им повезло с прекрасной погодой. Впрочем, вскоре удача уже не будет иметь никакого значения. Так думали, перемигиваясь между собой, горожане. Вскоре они приручат судьбу.

Отличный денек, сказали бы вы. Один из лучших для лета в Новой Англии; мечта туриста. День, когда аппетит разыгрывается не на шутку. Приезжие заказывали обильные завтраки, как и положено проголодавшимся людям, но Бич заметил, что чуть ли не половина еды оставалась нетронутой. Новенькие быстро теряли вкус к пище; глаза у них стекленели, вид становился несколько подавленный.

«Ленч» был переполнен, но разговоры как-то не клеились.

«Кажется, воздух нашего городка вам не на пользу, ребята», — подумал Бич. И вообразил, как заходит в кладовую, где под горой простыней спрятано устройство, убравшее двух назойливых копов, — гигантская смертоносная базука. Как выносит ее оттуда и отмывает свое заведение от всех этих чужаков одним очистительным выхлопом зеленого пламени. Но нет, не

* 20 °С по Цельсию.

теперь. Еще не время. Скоро все переменится. В следующем месяце. Ну а пока...

Опустив взгляд в тарелку, с которой он соскребал обедки в ведро, Бич заметил выпавший зуб в остатках омлета. «Томминокеры уже близко, дружок, — промелькнуло у него в голове. — Вот только когда они наконец появятся, то вряд ли озабочатся тем, чтобы постучаться, а просто снесут ваши чертовы двери напрочь».

Его ухмылка стала шире. Зуб чужака полетел в ведро вместе с остальными отбросами.

2

Дуган мог хранить молчание, когда хотел, и сегодня утром был как раз такой случай. Старика это, очевидно, устраивало. Дуган подъехал к нему ровно в восемь и увидел на обочине, возле ветхого «валианта», джип «чероки». На заднем сиденье лежал большой джутовый мешок, затянутый сверху бечевкой.

— Машина из Бангора?

— Дерри, «Американ моторс», — кратко ответил Эв.

— Дорого заплатили, наверное?

— Не особенно.

На том разговор и окончился. Час и сорок минут спустя они были на границе между Альбионом и Хейвеном.

«Придется немного поколесить», — пообещал старик, и если это не было классическим преуменьшением — значит, Батч вообще не имел понятия, что такое преуменьшение. Он почти двадцать лет ездил в эту часть штата и полагал, будто знает ее как свои пять пальцев. И только теперь понял, что ошибался.

Вот Хиллман по-настоящему разбирался в местных дорогах; по сравнению с ним Дуган был профаном. С главной автомагистрали они свернули на шоссе номер 69, с него — на двухполосную асфальтовую, а потом на гравийную дорогу в западной Трое, оттуда — на укатанную в земле колею, в грязь, зарастающую травой, и наконец — на заброшенную, судя по ее виду, с 1950 года трассу для вывоза древесины.

— Вы хоть представляете себе, куда мы едем? — проорал Батч, когда «чероки» прогромыхал по разбитой дороге для вы-

воза леса и с ревом вылетел с нее, всеми четырьмя колесами разбрасывая грязь и щепки.

Эв только кивнул, прижимаясь к большому рулю, точно старая лысеющая обезьяна. Одна лесная наезженная тропа выводила к другой, под шинами хрустели опавшие листья, и на конец джип вылетел на знакомое Дугану грязное Альбионаское шоссе номер 5. Старик сделал именно то, что пообещал и что Дуган считал невозможным: обогнул весь Хейвен, ни разу не заехав на его территорию.

Теперь, за сотню футов до городской границы, Эв остановил машину и опустил стекло со своей стороны. Снаружи не донеслось ни звука; лишь мерно тикал мотор. Птицы не пели. Батч нашел это подозрительным.

- А что там, в мешке? — поинтересовался он.
- Самые разные вещи. Не будем пока об этом.
- Чего мы ждем?
- Колокольного звона, — ответил Эв.

3

Однако без четверти десять совершенно не тот перезвон, которого ждал и под переливы которого вырос Хиллман, заставил и тех, кто искренне скорбел по покойной, и тех, кто настроился источать потоки крокодиловых слез, потянувшись к методистской церкви, где всем предстояло разыграть первый акт торжества (акт второй: Церемония у могилы; акт третий: Банquet в городской библиотеке).

Преподобный Гурингер, этот застенчивый человек, неспособный даже шикнуть на гуся, несколько недель назад в разговорах с горожанами сетовал: он, дескать, до смерти устал бить в колокола.

— Тогда, может, что-нибудь поменяешь, Гуи? — спросила Памела Сарджент.

Преподобный Лестер Гурингер, которого в жизни не называли «Гуи», в его теперешнем состоянии пропустил фамильярность мимо ушей.

— Может, и поменяю, — ответил он, мрачно взглянув на Памелу сквозь толстые очки: — Почему бы и нет?

— Есть какие-то мысли?

— Допустим, — лукаво прищурился Гурингер. — Время покажет, верно?

— Это уж как всегда, Гуи, — ответила Сарджент. — Как всегда.

И действительно, преподобный Гурингер придумал нечто весьма занятное относительно этих колоколов и даже сам удивился, почему настолько простое и изящное решение не пришло ему в голову раньше. Приятнее всего то, что вопрос не придется утрясать ни с дьяконами, ни с Дамским благотворительным обществом (организацией, которая отчего-то привлекала лишь два типа женщин — неряшлиных толстух с пышными бочкообразными бюстами либо плоскогрудых бабенок с костлявыми задницами вроде Памелы Сарджент, с ее мундштуком из поддельной слоновой кости и хриплым кашлем заядлой курильщицы), ни с некоторыми зажиточными прихожанами... Всякий раз, когда жизнь заставляла к ним обращаться, Лестер потом неделю маялся жестокой изжогой. Не нравилось ему попрощайничать. Зато на этот раз преподобный Гурингер мог управиться собственными силами — и управился. И пошли они все, если шуток не понимают.

«Попробуй только раз назвать меня «Гуи», Пэм, — прошептал он в церковном подвале, меняя провода у плавкого предохранителя, так чтобы тот мог выдержать необходимое высокое напряжение. — Я возьму в туалете вантуз и откачу мозги из твоей дурной черепушки... Если ты сама до сих пор не спустила их вместе с мочой!» Тут он хохотнул и с удвоенной силой взялся за дело. Преподобный Гурингер за всю свою жизнь не позволял себе слов и мыслей подобного рода. Неожиданный опыт принес ему восхитительное, щекочущее нервы ощущение свободы. Лестер почувствовал, что любому, кто скажет хоть слово против нововведения, готов предложить «трахнуть с лёта катящийся бублик»*.

Однако всем в городе перемена пришлась по вкусу, практически восхитила. Ну еще бы. И вот сегодня преподобный Гурингер, раздувшись от гордости, щелкнул новым переключателем в ризнице, и над Хейвеном поплыл перезвон, оглашая небеса знакомыми гимнами. Колокола теперь можно было программи-

* «Так что не трахнуть ли тебе с лёта катящийся бублик?» — цитата из романа Курта Воннегута «Балаган, или Конец одиночеству!».

ровать, так что Лестер заранее подобрал любимые произведения Рут, в том числе старенькие методистские и баптистские песни вроде «Что за друга мы имеем» и «Вот мир Отца Моего».

Преподобный Гурингер отошел, потирая руки, и стал наблюдать, как «под звон колоколов, под их зов, зов, зов»* люди тянутся к церкви — кто группами, кто по двое, по трое.

— Эх, чтоб мне! — воскликнул он от избытка чувств.

Лестеру никогда еще не было так хорошо. И он собирался отправить Рут в мир иной со всеми полагающимися почестями. Это будет не прощальная речь, а пирог с повидлом.

В конце концов, ее все так любили.

4

Звон колоколов.

Дэйв Рутгедж, старейший из горожан, приложил раскрытую ладонь к уху и беззубо улыбнулся. Он улыбнулся бы в любом случае, даже если бы от церкви донеслась ужасная какофония. Все равно, что слушать; главное — слышать.

К началу июля Дэйв был практически слеп. Кровь бегала по жилам все хуже, побледневшие ноги совсем лишились тепла. Как-никак, а Рутгеджу стукнуло девяносто. Старый пес. Однако за этот месяц и слух, и кровообращение заметно улучшились. Ему даже стали давать на десять лет меньше. Господи, да он и чувствовал себя лет на двадцать моложе. К тому же... Ах, разве колокольный звон — не самая сладкая музыка на земле? Дэйв поднялся на ноги и двинулся в сторону церкви.

5

Под звон колоколов, под их зов, зов...

В январе помощник конгрессмена Бреннана — тот, что приехал на погребение, — находился в округе Колумбия и познакомился там с юной красоткой по имени Аннабель. Этим летом она переехала в Мэн вместе с ним, а нынешним утром

* Строки из стихотворения Эдгара Аллана По «Звон» (перевод В. Брюсова).

решила сопроводить и в Хейвен. Поначалу она раскаялась в этом своем решении, особенно когда ее начало мутить в забегаловке посередине завтрака. И все из-за повара, страшно похожего на Чарльза Мэнсона*, только дряхлее и толще; когда на него не смотрели, тот улыбался такой подозрительной лукавой ухмылочкой, что вы невольно задумывались: нет ли в омлете щепотки-другой мышьяка? Но зато колокольный перезвон и знакомые гимны, которых она не слышала с самого детства, совершенно очаровали гостью.

— Боже мой, Марти! Откуда в этой глухомани — и вдруг такая роскошь?

— Ну, может, здесь помер богатый турист и составил завещание в пользу города, — лениво отмахнулся политик. Меньше всего его сейчас интересовала музыка. Сразу же на границе Хейвена у него началась мигрень, и боль с тех пор лишь усиливалась. Мало того, десна вдруг закровоточила. В их семье многие мучились пиореей; не хватало только пополнить ряды страдальцев. — Давай, идем уже в церковь.

«Покончим с этим скорее, отправимся в Бар-Харбор и наберемся до чертиков, — мысленно прибавил он. — Господи, ну и мерзкий же городишко!»

Они двинулись под руку: дама в черном (правда, она успела игриво шепнуть ему на ухо по пути, что внизу — белоснежное шелковое белье... или скорее *намек* на белье), а ее спутник — в строгом сером костюме. Рядом по той же дороге шагали местные жители, разодетые в самый торжественный траур. Помощник конгрессмена про себя удивился множеству зеленовато-синих полицейских мундиров.

— Марти, смотри! Часы!

Ее палец уткнулся в башню городской ратуши. На миг показалось, что солидное строение из красного кирпича почему-то заколыхалось в воздухе. Голова Марти разболелась еще сильнее. Может, глаза перенапряглись? Он проверялся три месяца назад и тогда же услышал, что с его зрением только реактивным истребителем управлять, но вдруг это просто ошибка? Да сейчас половина профессионалов Америки сидит на кокаине! Кажется, Марти читал об этом в журнале «Тайм»... И почему

* Чарльз Миллз Мэнсон (р. 1934) — американский маньяк-убийца, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств.

это мысли так странно блуждают? Наверное, дело в колоколах. Звуки множились в голове, отдаваясь эхом. Десять, сотня, тысяча, миллион колоколов — и все дружно играли «Встретимся ли мы с тобою, где святые».

— Ну что там с часами? — бросил он раздраженно.

— Да стрелки какие-то странные. Словно бы... нарисованные.

6

Под звон колоколов, под их зов, зов...

Эдди Стэмпнелл из казарм Дерри встретил знакомого из Ороно, Энди Райдаута. Оба знали покойницу и симпатизировали ей от души.

— Приятная музыка, да? — произнес Эдди не без сомнения в голосе.

— Наверное, — обронил Энди. — Я все думаю про Бента и Джинглса, которых порешила парочка местных конченых психов, а потом закопала где-нибудь на картофельном поле, так что по мне сейчас — хоть колокола, хоть треск помех из приемника. Похоже, Хейвен стал несчастливым местом. Ну-тром чую, пусть это и глупо звучит.

— Мой голове здесь точно не повезло, — посетовал Эдди. — Она просто зверски раскалывается.

— Покончим с этим и уберемся, — ответил Энди. — Да, Рут была хорошим человеком, но ее больше нет. И, честно сказать между нами, без нее я тут и четверть часа лишних не собираюсь задерживаться.

Они вместе вошли в методистскую церковь, не удостоив и взглядом Лестера Гурингера. Преподобный стоял у переключателя, управляющего колоколами, потирал сухие ладони и с улыбкой принимал восторги входящих.

7

Под рыданья, стоны, звон.

Выбравшись из грузовичка «шевроле», Бобби Андерсон грохнула дверью, оправила темно-синее платье, посмотрелась в боковое зеркало: в порядке ли макияж? А потом медленно

tronулась к церкви, ссугулившись и понурив голову. Как ей в последнее время недоставало отдыха! Гард помогал хоть чуть-чуть обуздять наваждение.

(не стоит обманываться: по-другому это не назовешь)
но и его силы таяли на глазах. Он даже не явился на похороны, потому что дрых на ферме после грандиозной попойки, уткнувшись исхудальным, болезненно-серым лицом в рукав и распространяя вокруг себя кислое амбрэ перегара.

Андерсон утомилась, что уж тут говорить; впрочем, сильнее усталости этим утром ее изводила смутная тоска. Душа скорбела по Рут, по Дэвиду Брауну, по всем жителям Хейвена... Но в первую очередь, как полозревала Бобби, она оплакивала саму себя. «Обращение» прололжалось — по крайней мере, для всех, кроме Гарда, — и это не могло не радовать, однако было ужасно жаль своей неповторимой личности, которая растворялась на глазах подобно утренней дымке. По иронии судьбы, Андерсон только что осознала: ее последняя книга — «Бизоны солдаты» — по большей части написана теми же томминокерами.

8

Звон, звон, звон...

Хейвен ответил колоколам. Это был первый акт спектакля под названием «Погребение Рут Макколанд, или Как же мы любили эту женщину!». Нэнси Восс закрыла почту, чтобы явиться вовремя. Властям бы не понравилось, но, как говорится: меньше знают — крепче спят. Вскоре правительству все станет известно. Вскоре оно получит увесистую посылку из Хейвена, экспресс-доставкой, прямо в руки. И не только американское, но и все правительства на этом вертящемся коме космической грязи.

На колокольный призыв отозвался Фрэнк Спрус, владелец крупнейшей в городе молочной фермы. И Джон Мамфри, чей отец когда-то пытался выступить против Рут на выборах. И Эшли Руваль, за два дня до смерти Рут проехавший мимо нее у границы Хейвена; мальчик явился вместе с родителями, весь в слезах. И доктор Уорвик, и Джуд Таркингтон. Эдли Маккин пришел под руку с Хейзел Маккриди. Ньют Беррингер с Диком Эллисоном шагали медленно, поддерживая идущего между

ними Джона Харли, предшественника Рут. Джон едва держался на ногах, чуть ли не просвечивал насквозь. Его жене Мэгги нездоровилось, и она предпочла остаться дома.

Все они шли на звон — Тремейны и Тарлоу, Эплгейты и Голдманы, Арчинбурги и Дюплисси. Такие славные на первый взгляд люди, представители здоровой породы Мэна, где смешалась французская, ирландская, шотландская, канадская и прочая кровь. Но теперь они были иными. К церкви стягивались не просто телесные оболочки; их разумы тоже сливались в один, который внимательно наблюдал за чужаками, отслеживал каждую ноту, что выбивалась бы из нужной мелодии... Горожане сходились теснее, прислушиваясь к колоколам, и те все громче звенели в крови, бегущей по нечеловечьим жилам.

9

Эв Хиллман вцепился пальцами в руль «чероки» и округлил глаза при первых далеких звуках необычной музыки.

— Что за дьявол?..

— Обычные колокола, — дернулся плечами Батч Дуган. — Красиво звонят. Наверное, погребение скоро начнется.

«Там будут хоронить Рут... А я тут торчу с полуумным дедом на другом конце Хейвена. Бога ради: зачем?» Ответа он сам не знал, но подозревал, что теперь уже поздно что-либо менять.

— Колокола методистской церкви раньше так никогда не трезвонили, — нахмурился Эв. — Кто-то их подменил.

— Ну и что с того?

— Ничего. А может, и все. Как знать. Нам пора.

Старик повернул ключ зажигания, и мотор «чероки» взревел.

— А я еще раз спрашиваю, — проговорил Дуган со сверхъестественным, как ему показалось, терпением: — Что мы ищем?

— Трудно сказать. — «Чероки» разогнался и пересек городскую черту. Альбион остался позади, впереди был Хейвен. Эва охватило неприятное предчувствие, что, вопреки всем мерам предосторожности, он уже никогда не выберется отсюда. — Когда найдем — узнаем.

Дуган не ответил; только снова мысленно удивился: как он мог во все это впутаться? Похоже, он сам свихнулся не меньше

сидящей рядом трухлявой развалины. А то и больше. Устраиваясь понадежнее в кресле, Батч поднял руку и потер место над бровями.

У него начиналась мигрень.

10

Лысая голова Гурингера, так похожая на спелую дыню, сияла всеми цветами радуги благодаря витражам, сквозь которые пробивались с улицы летние солнечные лучи. У многих из прихожан глаза покраснели или же были на мокром месте, когда после гимна, молитвы, второго гимна, чтения любимого библейского отрывка покойной (*«Заповеди блаженства»*) и третьего гимна преподобный завел прощальную речь. Аналой перед ним утопал в пышной пene ярких цветов. От их приторного запаха можно было задохнуться, хотя через верхнее окно, открытое нараспашку, свободно дул ветер.

— Мы собрались здесь, чтобы почтить память Рут Маккосланд и отметить ее кончину, — начал Гурингер.

Горожане сидели перед ним, положив руки на колени или теребя носовые платки; их глаза — большей частью влажные — взирали на проповедника с пристальной, трезвой внимательностью. Любой посторонний наблюдатель, окажись он здесь, заметил бы, что конгрегация четко делится на две части. Местные жители отличались здоровым видом, румянцем и безупречной чистотой кожи. Приезжие — болезненной бледностью и мутными взглядами.

Дважды во время прощальной речи кто-то из них срывался с места и выбегал на улицу, чтобы тихо избавиться от остатков завтрака. Прочих тошнота донимала меньше; просто что-то беспрерывно ворочалось и бурчало в кишечнике — неприятно, однако терпимо.

Несколько чужакам еще до исхода дня предстояло лишиться зубов.

У кого-то голова раскалывалась от боли, которая бесследно исчезнет за чертой города, что спишут на запоздалое действие аспирина.

И очень многих прямо во время речи Гурингера, на жесткой церковной скамейке, посетят потрясающие замыслы. Причем

иногда настолько масштабные, грандиозные и внезапные, что не одному бедолаге покажется, будто ему прострелили голову. И он будет еле сдерживаться, чтобы не выскочить на улицу с оглушительным воплем: «Эврика!»

Обитатели Хейвена наблюдали за всем этим и про себя посмеивались. Внезапно размякшее, точно подтаявший пудинг, лицо чужака приобретало изумленное выражение. Глаза широко раскрывались, челюсть отвисала... Ни дать ни взять, еще одного осенила Великая Идея.

Эдди Стэмпнеллу из казармы в Дерри, к примеру, пришло на ум, как можно создать национальную сеть мгновенной связи для всех полицейских страны, к которой никто из не в меру любознательных штатских не мог бы нелегально подключиться. Его захлестнули идеи о возможных последствиях подобного открытия — и одновременно его усовершенствования. Будь мысли водой, Эдди уже утонул бы. Его тряслось, точно в лихорадке. «Я стану знаменитостью!» Он забыл и о проповеднике, и о сидящем рядом Энди Райдауте, и о своей неприязни к мерзкому городишке, даже о Рут. Новая идея поглотила рассудок полностью. «Я стану знаменитостью! Я совершу переворот в работе полиции... По всей Америке! Нет, по всему миру! Ох, черт! Да что-о-об мне!..»

Жители Хейвена, доподлинно знаяшие, что к полудню замысел потеряет резкость, а к трем вообще бесследно растворится, — только молча усмехались, и слушали, и выжидали. Когда окончится этот фарс, они смогут вернуться к своим делам.

К «обращению».

11

Городское альбионское шоссе номер 5, превратившееся здесь, в Хейвене, в шестнадцатый пожарный объезд, представляло собой разбитую грязную колею. Дважды джипу встретились ответвления, уводившие прямо в чащу, и каждый раз Дуган внутренне напрягался, готовясь к еще более жуткой тряске. Но Хиллман пока не сворачивал. И, лишь достигнув шоссе номер 9, он вырулил влево, разогнал «чероки» до пятидесяти миль в час и углубился в Хейвен.

Дугану сделалось не по себе. Он и сам не знал почему. Старикан выжил из ума, это ясно. Якобы целый город вдруг стал

змеиным гнездом. Это же паранойя чистой воды! А все-таки внутри неуклонно, с каждым биением пульса нарастало нервное напряжение. Пусть пока едва заметное, точно занимающийся ползучий пожар.

— Что ты все время голову трешь? — обронил Хиллман.

— Мигрень.

— Если бы не ветер, было бы куда хуже.

Еще одно замечание, лишенное смысла. Какого черта Батч здесь забыл? И почему, интересно, у него вдруг разыгрались нервы?

— Мне как будто в кофе таблеток снотворных подсыпали.

— Бывает.

Дуган покосился на старика.

— Тебе-то хорошо. Мне кажется, ты вообще свеж как огурчик.

— Я боюсь, но меня не трясет. И голова, кстати, не раскальвается.

— А с чего бы ей? — огрызнулся Дуган, чувствуя себя участником Безумного чаепития в стиле «Алисы в Стране чудес». — Мигрень вообще-то не заразная штука.

— Ну, если шестеро красят пол в душной комнате, головы разболятся у всех. Согласен?

— Это, конечно, да. Но при чем здесь?..

— При том. Повезло нам с погодой. Похоже, от этой штуки-вины сильно разит, если даже ты почувствовал. По лицу видно, что почувствовал. — Хиллман сделал паузу и потом прибавил кое-что в духе Безумного чаепития: — Еще не посетили светлые мысли, а?

— Ты о чем?

Старик удовлетворенно кивнул:

— Ладно. Посетят — дай знать. У меня там, в сумке, припасено кое-что.

— Все это бред. — Голос Батча дрогнул. — Ну, то есть, чушь собачья. Хиллман, поворачивай обратно. Я не поеду.

И тут старик сосредоточился на единственной фразе, так отчетливо и сильно, как только мог. За последние три дня в Хейвене он успел понять, что Брайан, Мэри, Хилли и Дэвид запросто общаются между собой при помощи мыслей. Чувствовал, хотя и не мог их читать. По той же причине, как он потом смекнул, по которой никто из них тоже не мог подключить-

ся к его голове. Уж не связано ли это как-нибудь со стальной пластинкой в черепе, оставшейся на память о том фашистском подарочке? Эв снова увидел с неизбежной, пугающей ясностью, как серовато-черная ручная граната крутится на снегу. Тогда он еще подумал: «Все, я убит. Мне крышка». Дальше — провал. Очнулся уже во французском госпитале. Ох и трещала же голова... А потом была медсестричка, с которой они целовались и от которой пахло аниром; тщательно выговаривая каждый звук, будто обращаясь к маленькому ребенку, она все твердила: *«Je t'aime, mon amour. La guerre est finie. Je t'aime. Je t'aime les Etats Unis»**.

«*La guerre est finie*, — думал он сейчас. — *La guerre est finie*».

— Что такое? — резко спросил Дуган.

— А в чем?..

Эв выбросил «чероки» на обочину, подняв огромный хвост пыли. Городская черта была в полутора милях позади; до фермы старого Гаррика оставалось еще три-четыре мили.

— Быстро, не размышляя, скажи, о чем я только что думал!

— *Tout fini***, вот о чем. *La guerre est finie*, но все это бред, люди — не телепаты, они...

Дуган осекся. И, медленно повернувшись влево, так что хрустнули сухожилия, уставился на старика выпученными глазами.

— *La guerre est finie*, — прошептал он. — Вот о чем ты думал. И еще, от нее пахло корицей...

— Аниром. — Эв рассмеялся. Ему вспомнились белые бедра и тесное влагалище.

— И еще я видел гранату на снегу. Господи, что со мной?

Хиллман срочно вообразил красный трактор старомодного образца.

— А теперь?

— Трактор, — еле слышно прохрипел Дуган. — «Фармолл». Только колеса неправильные. Мой отец водил «Фармолл». Это шины для «Дикси Филд-Босса». Они просто не подой...

Внезапно Батч отвернулся, ухватившись за ручку двери, перегнулся пополам, и его вырвало на обочину.

* «Я люблю тебя, любовь моя. Война закончилась. Я люблю тебя. Я люблю Соединенные Штаты» (фр.).

** Все закончилось (фр.).

— Однажды Рут попросила меня прочесть «Заповеди блаженства», если вдруг придется выступать на ее похоронах, — вешал преподобный Гурингер приятным голосом, который оценил бы даже преподобный Дональд Харли, — и вот сегодня я исполнил ее желание. Однако...

(*la guerre ты подумал la guerre est*)

Гурингер замер, по его лицу пробежала тень. Человеку со стороны могло бы показаться, что проповедник из приличия сдержался, чтобы случайно не выпустить газы.

— Однако я полагаю, что Рут заслуживает и другого отрывка. Эти библейские строки...

(трактор «Фармолл» трактор)

Гурингер вновь запнулся и чуть сильнее нахмурился.

— Думаю, не каждая христианка осмелится попросить, чтобы именно они прозвучали на ее погребении: такую честь нужно заслужить. Послушайте, я прочту из «Книги притчей Соломоновых». Уверен: те из вас, кто близко знал Рут Макколанд, согласятся, что эти стихи — о ней.

(это шины «Дикси Филд-Босс»)

Дик Эллисон покосился налево и переглянулся с Ньютом через проход. На лице Беррингера читалась досада. У Джона Харли отвисла челюсть, а блекло-голубые глаза сердито забегали.

Гурингер сбился с текста, нашел то место, где остановился, и чуть не выронил Библию, разволнившись, точно какой-нибудь застенчивый семинарист. Однако никто даже не заметил; чужаков целиком занимали внезапные хвори либо грандиозные замыслы.

Жители Хейвена начали стягиваться ближе друг к другу, передавая сигнал тревоги по цепочке, пока их единый разум не зазвенел вторым набатом, только нестройным и злым.

(кто-то пробрался туда, где)

(чужакам делать нечего)

Бобби Тремейн скжала руку Стефани Колсон. Та ответила на пожатие и посмотрела на него широко раскрытыми карими глазами: ни дать ни взять олениха, засыпавшая щелчок ружейного затвора.

(на шоссе номер 9)

(слишком близко от корабля)

(один из них — коп)

(да, но не просто коп, а влюбленный в Рут)

Миссис Маккосланд узнала бы эти шелестящие голоса.

А теперь даже кое-кто из приезжих, еще не успевших толком проникнуться местной заразой, начал их чувствовать. Такие люди выглядели, будто их только что разбудили от дремы. Одной из них была подружка помощника конгрессмена. Казалось, ее унесло за мили отсюда. В Вашингтоне она занимала место скромной чиновницы, но только что изобрела систему регистрации документов, которая помогла бы взлететь по карьерной лестнице. И вдруг случайная мысль, взявшаяся невесть откуда, (их нужно срочно остановить!)

пронеслась в голове, так что приезжая даже растерянно огляделась: может, кто-нибудь в церкви выкрикнул эти слова?

Но вокруг было тихо. Только проповедник бубнил себе дальше: он снова нашел нужный текст. Девушка посмотрела на Марти. Тот сидел с остекленевшим взглядом, уставившись на витраж, точно под глубоким гипнозом. Подруга списала это на скучу и вернулась к своим размышлениям.

— «Кто найдет добродетельную жену? — сбивчиво читал Гурингер. — Цена ее выше жемчугов; уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка; она воздает ему добром, а не злом, во все дни жизни своей. Добывает шерсть и...»

Тут чуткий объединенный слух горожан пронзила еще одна вспышка чужеродных мыслей:

(извини, я просто не мог сдержаться)

(что?)

(Господи, это же Уилинг! Как...)

«Голосов явно два, но мы слышим только один», — пронеслось в коллективном разуме, и взгляды присутствующих стали обращаться к Бобби. В Хейвене лишь один человек умел скрывать свои мысли, и как раз его-то здесь не было. «Два голоса. Тот, кого мы не слышим, — не твой ли дружок-пропойца?»

Андерсон резко вскочила с места и начала пробираться вдоль ряда, в ужасе понимая, что на нее все смотрят. Да еще и Гурингер, этот осел, запнулся снова.

— Прошу прощения, — бормотала Бобби. — Извините... Прошу прощения.

Наконец она вышла на паперть, а оттуда на улицу. Прочие — в том числе Бобби Тремейн, Ньют, Дик и Брайан Браун — потянулись следом. Никто из чужаков и не заметил этого, погрузившись в странную летаргию.

13

— Извини, я просто не мог сдержаться. — Батч Дуган захлопнул дверцу, достал носовой платок из заднего кармана и принялся вытираять рот. — Теперь уже лучше.

Эв кивнул.

— Объяснять ничего не буду. Некогда. Хочу, чтобы ты еще кое-что послушал.

— Что?

Хиллман щелчком включил автомобильный радиоприемник и покрутил ручку настройки. Дуган разинул рот. Такого количества радиостанций ему не приходилось слышать даже ночами, когда сигналы перебивали друг друга, сливаясь в буйную неразборчивую многоголосицу. Неразборчивую? Только не сейчас; тут каждая станция звучала ясно, точно колокольный звон.

Эв остановился на той, что передавала музыку в стиле кантри. «Джадз» как раз допели, а потом прозвучали позывные радиостанции. Батч не поверил своим ушам, когда услышал бойкие девичьи голоса в сопровождении скрипок и банджо: «Дабл-ю-дабл-ю-уинн-ай-ай!»

— Господи, это же Уилинг*! — воскликнул Дуган. — Как...

Эв щелкнул выключателем радио.

— А теперь я хочу, чтобы ты выслушал мою голову.

Батч уставился на него в полном недоумении. Такого бреда не говорили даже Алисе в Стране чудес.

— Черт побери, о чём ты?

— Не спорь, а попробуй. — Хиллман отвернулся от полицейского, подставив ему свой затылок. — У меня там, внутри, две стальных пластины. Сувенир с войны. Та, что сзади, — немного крупнее. Видишь место, где волосы не растут?

— Да, но...

* Город в округах Маршалл и Огайо штата Западная Виргиния, США; окружной центр.

— Времени нет! Приложи ухо к шраму и слушай!

Дуган повиновался, — и почувствовал, что совершенно теряет связь с реальностью. Затылок этого старика играл музыку — приглушенную, чуть дребезжащую, но вполне различимую. Это был Фрэнк Синатра, «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Батч не удержался и хохотнул. Потом рассмеялся. И вскоре уже ревел в голос, держась за бока. Оказаться в глуши с полуумным дедом, чью голову можно использовать вместо музыкальной шкатулки! Это почище музея Рипли «Верьте или проверьте!».

Батч хохотал, задыхался, рыдал, подывал и...

Тут мозолистая ладонь старика ударила его по лицу.

Дугана отрезвила не столько боль, сколько потрясение от того, что его отшлепали, как мальчишку. Он заморгал, прижимая руку к щеке.

— Все началось недели за полторы до того, как я уехал из города, — мрачно промолвил Хиллман. — В голову стала врываться музыка. Приступы усиливались. Я должен был обратить внимание раньше, но не придал значения... А теперь еще хуже. Не только с этим — вообще хуже. Как видишь, никогда мне тут выслушивать бабские истерики. Обещаешь, что будешь в норме?

Дуган залился краской; она даже скрыла след оплеухи. «Бабские истерики»? Милое дело. А что? Сначала его стошнило, потом пробило на хохот, словно подростка. Старик не просто обошел Дугана по всем статьям, а пронесся пулей, как мимо стоячего.

— Обещаю, — выдавил из себя полицейский.

— Теперь-то ты веришь, что здесь происходят странности? Что Хейвен переменился?

— Ну да. Я... — Он слготнул ком в горле и повторил: — Да.

— Отлично. — Хиллман вдавил педаль газа и с ревом вывел «чероки» снова на трассу. — Эта... штука... словно подменила всех местных жителей, Дуган. Кроме меня одного. У меня только музыка в голове засиграла, но это мелочи. Мысли-то я не читаю. И никаких идей на ум не приходит.

— Что значит «идей»? Каких идей?

— Разных. — Стрелка спидометра добралась до отметки «шестьдесят» и плавно начала от нее отрываться. — Загвоздка в том, что у меня нет доказательств. Ни одного. Ты ведь тоже считал меня сумасшедшим, верно?

Дуган кивнул, изо всех сил вцепившись в приборную панель перед собой. Его снова мутило. Слишком яркое солнце

было в глаза сквозь лобовое стекло, стреляло бликами от хромированных деталей.

— Вот и репортер и сиделки решили так же. Но здесь, в лесу, что-то есть; я обязательно это найду, наделаю снимков, а потом, когда выберемся из этого логова, мы растрюбим обо всем и, быть может, придумаем способ вернуть моего внука Дэвида, а может, и нет, но нам нужно остановить этот ужас, пока время не истекло. Я сказал «нужно»? Не просто «нужно», а позарез.

Теперь уж стрелка спидометра приближалась к отметке «семьдесят».

— Далеко еще? — выдавил из себя Дуган сквозь стиснутые зубы.

Его снова тошнило, причем очень сильно. Хоть бы как-нибудь продержаться до места назначения.

— Старая ферма Гаррика, — бросил Эв. — Меньше мили осталось.

Батч мысленно возблагодарил господа.

14

— Это не Гард, — оправдывалась Бобби. — Гард отрубился прямо на крыльце.

— Откуда нам знать? — сощурился Эдли Маккин. — Ты же не можешь читать его мысли.

— Почему? Могу, — возразила Андерсон. — С каждым днем все лучше. Говорю вам, он теперь валяется пьяный. И видит лыжную прогулку во сне.

Горожане — дюжина человек — молча смотрели на нее, стоя у входа в «Хейвен-ленч», через дорогу от методистской церкви.

— А кто же тогда? — наконец подал голос Джо Сammerфилд.

— Не знаю, — пожала плечами Бобби, — только не Гард.

И слегка покачнулась. Сейчас ей никто не дал бы тридцати семи лет; самое меньшее — пятьдесят. Под изможденными глазами темнели коричневые круги. Мужчины делали вид, будто не замечают этого.

Со стороны церкви донеслись слова гимна: «Святый, святый, поклоняемся тебе».

— Я знаю, — внезапно сказал Дик Эллисон, и его взгляд помутился от нечеловеческой ненависти. — Больше некому! Кроме этого парня, в нашем городе лишь один носит в голове железо.

— Эв Хиллман! — воскликнул Ньют. — Чтоб мне лопнуть!

— Срочно выдвигаемся, — вмешался Джуд Таркингтон. — Эти сволочи подобрались слишком близко. Эдли, захвати там несколько ружей из арсенала.

— Ага.

— На здоровье, только не вздумайте ими воспользоваться. — Андерсон обвела взглядом мужчин. — Вы же не собираетесь стрелять ни в Хиллмана, если это действительно он, ни в полицейского — особенно в полицейского? Еще одного прокола мы себе не можем позволить: в Хейвене все должно быть шито-крыто. Пока не закончено

(«обращение»)

дело.

— Пойду возьму свою «трубочку», — бесстрастно произнес Бич.

Бобби схватила его за плечо.

— Нет, не пойдешь. «Шито-крыто» значит в том числе «копы больше не исчезают».

И вновь обвела команду взглядом. Потом посмотрела на Дика Эллисона; тот кивнул.

— Хиллмана придется убрать, — заявил он. — Другого выхода нет. Но это не страшно. Он же чокнутый. Мало ли что взбредет в голову старику маразматику: взял да сорвался куда-нибудь в Зайон, штат Юта, или в Гран-Форкс, Айдахо, дождаться там светопреставления. Коп, конечно, поднимет шум, но уже не здесь, а в Дерри. В нашем гнезде мы никому больше не позволим гадить. Неси ружья, Джуд. Бобби, подгони свой грузовик к черному ходу «Ленча». Ньют, Эдли, Джо, вы едете со мной. Джуд, ты с Бобби. Остальные — на «кадди» с Кайлом. Быстро по машинам!

И все сорвались с мест.

Ш-ш-шух!..

Все тот же сон, обросший новыми подробностями. Отнюдь не радужными. Вокруг — розовый снег, пропитанный кровью. Чья она? Из кого столько вылилось? Неужели из него? Надо же, сколько кровища в этом пьяничуге.

Впереди — скоростной спуск, спуск не для новичков. Ему бы покататься на мелких горках, да что там! Тут летища на всех парах. К тому же снег розовый отвлекает, а особенно мысль, что эта кровь — твоя.

Гард поднял взгляд, в голове резануло болью. Видит: по склону пробирается джип.

Анна-Мари во все горло орет: «Поворот! Гарденер, ПОВОРОТ!»

Зачем поворачивать, все равно это сон. Он уже успел привыкнуть к нему за последние недели. И к снам, и к непредсказуемым взрывам музыки в голове. Нет ни джипа, ни спуска: Просто машина подрывает к дому Бобби.

Снится? Или на самом деле?

Нет-нет, правильнее будет спросить: что здесь сон, а что — явь.

В глаза ударили слепящий свет фар. Гард прищурился и попробовал схватиться за

(лыжные палки? проснись, сейчас лето, и ты в Хейвене) перила. Все он помнил. Хоть и смутно, но помнил. С тех самых пор, как приехал к Бобби. Музыка — да, врубалась пару раз, но до отключек дело не доходило. Бобби ушла на похороны, потом вернется, и они снова будут копать. Ничего он не забыл и отлично помнит, как в воздух тяжелой птицей взвилась часовая башня. Вот оно, все здесь, разложено по полочкам. Все, кроме одного.

Он стоял на террасе, вцепившись в перила, и щурил мутные воспаленные глаза, пытаясь рассмотреть слепящий фарами джип. Должно быть, Гард сейчас здорово смахивал на вывалившегося из бара алкаша посреди ярко освещенной улицы. Спасибо хоть доля истины есть в рекламе: чувствуя себя паршивее некуда.

На пассажирском месте сидел человек — огромный, как чудовище. Здоровяк обернулся и посмотрел на Гарда сквозь черные очки. И хотя из-за стекол сложно было понять, встретились они взглядами или нет, чутье подсказывало, что встретились. Так или иначе, какая разница? Гард, ветеран полусотни пикетов, ищеек чуял издалека.

«Полиция Далласа» пожаловала, пронеслось в голове, и тут же нахлынула злость, к ней добавилась досада, неожиданно сменившись пусты и недолгим, но облегчением.

«Полицейский. Но что он делает в простом джипе? Лицо здоровущее — дом, а не человек. Сплю, наверное. Точно сплю».

Джип не остановился. Завернув за угол, машина скрылась из виду. Теперь о ее присутствии напоминал лишь рокот мотора.

Свернули на задний двор, направляются к лесу. Узнали! Как пить дать узнали! И ведь приберут к рукам.

Эта мысль желчью вскипела в груди, минутная легкость развеялась как дым. И вот уже перед глазами картина: Тэд Ядерная Шишка накидывает пиджак на покореженные остатки левитационного аппарата, невинно вопрошая: «Какая такая машина?»

Отчаяние сменилось лютой злобой.

«ЭЙ БОББИ А НУ БЫСТРО ЧЕШИ СЮДА!» — безмолвно заорал Гард, стараясь думать как можно громче и отчетливее.

Из носа хлынула кровь, он вяло отшатнулся, с гримасой отвращения отыскивая в карманах платок. «Да какая теперь разница? Пусть забирают. Что так, что сяк — один бес. Сам же прекрасно понимаешь. Ну получат они ее, что с того? Да из-за этой штуковины весь город ведет себя как куча полицейских, и Бобби тоже. Да еще ее компания... Водят их по ночам, когда думает, что я сплю. Придут — и сразу в сарай».

Они наведывались дважды, оба раза в три часа ночи. Бобби верила, что Гарденер спит беспробудным сном — устал на раскопках; основательно выпил, плюс регулярно употребляет снотворное. Валиума в пузырьке с каждым днем становилось все меньше, и она об этом знала. Да только Гард ничего не глотал, он просто спускал пилюли в унитаз.

К чему такие предосторожности? Гард и сам не понимал, как не понимал и того, зачем утаивает от Бобби, что увидел тем воскресным днем. По сути, и враньем-то это не назовешь. Напрямую она про пилюли не спрашивала. Просто, заметив, что их становится меньше, пришла к ошибочным выводам, которые Гард не счел нужным опровергать.

Не стал он и переубеждать ее в том, что спит без задних ног. На деле его терзала хроническая бессонница, и, сколько бы он ни выпил, надолго забыться не удавалось. Так и пребывал в затянутом и скомканном полузабытии, окутываемый изредка блеклой и зыбкой пеленой сна.

Когда в первый раз на стенах гостевой спальни заплясал свет фар, рассекая предутренний сумрак, Гард выглянул из окна

и увидел, как к дому подруливает большой «кадиллак». Посмотрев на циферблат, Гарденер подумал: мафия, определенно мафия. Кому еще может понадобиться заброшенная ферма посреди леса в три часа ночи?

На крыльце зажегся фонарь, и на номерном знаке Гард прочел надпись: «КАЙЛ-1». Тогда-то он и усомнился в своей версии — вряд ли мафиози питают слабость к запоминающимся номерам.

Из авто вышли четверо мужчин и женщина. К ним поспешила Бобби, одетая, но босая. Среди визитеров Гарденер узнал двоих: Дика Эллисона, возглавляющего добровольную пожарную бригаду Хейвенса, и Кайла Арчинбурга, местного риелтора, сидевшего за рулем толстозадого «кадиллака». Их спутнику звали Хейзел Маккриди. Лица остальных были смутно знакомы.

Почти сразу Бобби повела их на задний двор, к сараю с тяжелым навесным замком на двери.

Пожалуй, стоит туда наведаться, взглянуть, что да как, подумал Гарденер, и снова лег. Не хотелось ему подходить к сараю. Становилось страшно. От того, что могло обнаружиться внутри.

С этой мыслью он задремал.

Проснувшись, Гард не увидел ни «кадиллака», ни ночной компании. Бобби в то утро выглядела отдохнувшей и жизнерадостной — пожалуй, впервые она была такой с тех пор, как он вернулся. Практически стала собой прежней. Гард предпочел поверить, что все случившееся привиделось ему во сне, а то и померещилось спяну — если не в белой горячке, то в весьма схожем состоянии. Все бы ничего, да четыре дня спустя «КАЙЛ-1» подрулил к дому снова. Те же люди выбрались из авто, поздоровались с Бобби и опять пошли к сараю. Но то — дела минувшие.

Гард плюхнулся в кресло-качалку, стал искать ощущую припасенное с утра виски. Бутылка оказалась на месте. Гарденер медленно поднес ее к губам и отхлебнул из горла. Отгненная жидкость хлынула в живот, согревая внутренности. Где-то вдалеке, будто сквозь дрему, рокотал мотор удаляющегося джипа. Может, и привиделось. В последнее время реальность казалась зыбкой. Как там поется у Пола Саймона? «И Мичиган — как будто где-то в сказке». Так точно. И Мичиган, и какие-то непонятные корабли, зарытые в землю, и джипы, и полуночные «кадиллаки». Напейся, и все позабудется как сон.

Да только ко сну это не имело никакого отношения. Серьезные люди приехали на «кадиллаке» с номерным знаком «КАЙЛ-1». Это все равно что «полиция Далласа» или добрячок Тэд со своими обожаемыми реакторами. Чем ты их приманила, Бобби? Чем потчуюшь? И почему всем местным гениям они предпочли именно твое общество? Та, прежняя, Бобби ни за что не доверилась бы этой братии, зато «новая и улучшенная» Роберта подобным вниманием не брезгует. Как это объяснить? Да и есть ли оно, объяснение?

«Что так, что сяк — один бес! — помпезно воскликнул Гарденер, допил остатки виски и швырнул бутылку в кусты. — Один бес!» — провозгласил он вторично и вырубился.

16

— Он нас видел, — сказал Батч. Джип медленно ехал поперец огорода Андерсон, сшибая на ходу высоченную кукурузу и огромные подсолнухи, возвышавшиеся над крышей джипа.

— Плевать, — буркнул Эв, вцепившись в руль. Машина вырнула на открытое место с противоположной стороны поля. Рано вызревшие тыквы лопались под колесами, обнажая неприглядную розовую плоть. — Если они до сих пор не поняли, что мы уже на месте, то я здорово просчитался. Эй, гляди-ка! Я ж говорил.

К лесу тянулась глубокая изъезженная колея, Эв тут же вырулил туда.

— У него лицо было в крови, — сказал Дуган и сглотнул. В горле пересохло. Голова раскалывалась, и пломбы в зубах будто выбрировали. Опять подвело живот. — И на рубашке тоже. Похоже, в нос от кого-то схлопо... Ох, стой! Мне плохо.

Эв саданул по тормозам. Здоровяк открыл дверь и свесился вниз, не в силах сдержаться. Рвота желтой струйкой плюхнулась в грязь. Перед глазами все поплыло, и Дуган зажмурился.

В голове зашелестели голоса, великое множество.

(Гард звал на помощь, он их видел)

(сколько)

(двоев в «чероки» направились)

— Слушай, Хиллман, — произнес Батч не своим голосом. — Не хочу портить тебе праздник, но со мной что-то неладно. Причем всерьез.

— Я все предусмотрел. — Голос Хиллмана отозвался гулким эхом, как из тоннеля. Батч умудрился втиснуться обратно на сиденье, но закрыть за собой дверь сил уже не осталось. Он был слаб, как новорожденный котенок. — Ты просто не успел привыкнуть, тут иммунитет нужен, а мы ведь в самом пекле. Подожди. Я тут кое-что припас, должно сработать. Надеюсь, поможет.

Эв щелкнул тумблером задней двери, вылез из машины, открыл багажник и достал вешмешок. Принес его в салон и водрузил на сиденье. Между делом глянул на Дугана — вид у него был еще тот: желтая как воск физиономия, прикрытые веки отливают багрянцем. Дышал он через рот, поверхностно и быстро. В голове пронеслась мысль: как же странно, что оно может так влиять на людей, а ведь сам он, Эв, не чувствует практически ничего.

— Держись, малец, почти готово, — пробормотал он, перочинным ножиком распоров стягивающую брезент веревку.

— Ох, скрутило, — прохрипел Дуган, изрыгнув коричневатую жижу. Эв заметил, что изо рта вместе с рвотной массой вывалились три зуба.

Он вынул из вешмешка легкий кислородный баллон — тот самый, который продавец в «Медицинских товарах» обозвал «дыхалкой». Старик быстро сорвал с трубки кружок из золотистой фольги, обнажив нержавеющую «маму». Достал пластиковую чашу золотистого цвета — точь-в-точь кислородная маска, какими оборудованы реактивные самолеты. От чаши отходила белая пластиковая трубка со штекером-«папой» в тон.

«Если не сработает, вопреки заверениям того парня из магазина, здоровяк умрет у меня на руках», — подумал Эв.

Он вставил штырь в разъем и соединил «маму» с «папой», отчаянно надеясь, что в результате сего жесткого соития жизнь Дугана будет спасена. И вот уже кислород тихонько засвистел внутри золотой чаши. Хорошо. Пока все идет по плану.

Он перегнулся через сиденье и надел маску на лицо Дугана, закрепив ее эластичными ремешками. Теперь оставалось только ждать. В ближайшие тридцать-сорок секунд решится все: если Дуган не придет в себя, ему конец. Да, пусть Дэвид пропал, а Хилли валяется на больничной койке, все это не дает никакого права убивать Дугана, который даже не представляет себе, во что ввязался.

Прошло двадцать секунд. Тридцать.

Эв включил заднюю передачу, собираясь развернуться на самом краю огорода Андерсон. Как вдруг Дуган резко вздохнул, дернулся, его веки дрогнули. Распахнутые синие глаза удивленно таращились по сторонам над краем золотистой маски. Со щек потихоньку сползала бледность.

— Это еще что за... — буркнул Дуган, ощупывая маску.

— Не снимай, — сказал Эв, придерживая руку Батча своей широкой ладонью с узловатыми больными пальцами. — Здешний воздух для тебя — яд. Не терпится вдохнуть дозу?

Батч перестал трогать маску. Она завибрировала на лице, едва он открыл рот:

— Надолго здесь хватит воздуха?

— Минут на двадцать пять, не больше. Так мне сказали. Правда, можешь дышать по мере необходимости. Надевай ее, когда голова поплынет. Если ты уверен в своих силах, я хочу посмотреть, что там такое. Отсюда рукой подать. Мне обязательно надо понять, что тут творится.

Батч Дуган кивнул.

«Чероки» рванул с места. Лес сомкнулся позади, Дуган изумленно таращился из окна. Тишина. Птицы, звери — все будто скрылись, ничего живого вокруг. Нечистые здесь места.

В голове шепотком пронеслись мысли, словно кто-то переключал каналы на коротких волнах.

Дуган взглянул на спутника.

— Что здесь за чертовщина творится?

— Как раз это нам с тобой и предстоит узнать.

Не отводя взгляда от ухабистой колеи, Эв начал что-то искать в вещмешке. Дуган сморщился от пронзительного скрежета: джип прочертил днищем по пню, оказавшемуся немного выше остальных.

Старик извлек из мешка увесистый пистолет. Он казался жутко древним. Складывалось впечатление, что своему прежнему владельцу ствол успел послужить еще в Первую мировую.

— Ваш? — поинтересовался Дуган. Благодаря кислороду он на удивление быстро пришел в себя.

— Ага. Вас ведь, по идее, учат обращаться с подобными игрушками?

— Ага, — ответил коп, хотя пистолет Хиллмана казался ему настоящим антиквариатом.

— Может оказаться ненужным, — буркнул Эв, протягивая полицейскому ствол.

— Да ну...

— Тихо, он заряжен.

Неожиданно перед ними оказался обрыв. Сквозь деревья сверкнуло блестящее зеркало: лучи небесного светила отражались от поверхности гигантского металлического объекта.

Пронзенный ужасом Эв ударил по тормозам.

— Это еще что за чертовщина? — буркнул Дуган.

Старик открыл окно и вылез из машины. Земля под ногами мелко вибрировала, расползаясь в стороны неглубокими сухими трещинами. И тут вдруг грянула музыка, пронзив череп нестерпимой болью. Продолжалась эта пытка от силы секунд тридцать, но Эву они показались вечностью. Потом, будто по мановению руки, все смолкло.

Дуган стоял перед «чероки», дыхательная маска болтась на шее. В одной руке он держал за лямку резервуар с воздухом, в другой — «кольт» сорок пятого калибра, опасливо поглядывая на спутника.

— Все в порядке, — буркнул старик.

— Уверены? У вас кровь из носа хлещет. Вот как у того, с фермы.

Эв размазал пальцем кровь, взглянул на нее и небрежно отер о штаны, а после кивнул Дугану:

— Как только почувствуешь дурноту, надевай маску, понял?

— Да ладно, помню.

Старик подошел к джипу, сунул голову внутрь салона и начал выискивать в своем «мешочке радостей» очередной сюрприз. На этот раз он извлек дисковый «Кодак» и нечто, напоминающее одновременно пистолет и фен.

— Та самая ракетница? — пряча улыбку, поинтересовался Дуган.

— Она и есть. Давай-ка надевай маску, вояка. Совсем побледнел.

Дуган натянул маску, и спутники направились к блестящей громаде посреди леса. Они прошли шагов пятьдесят, как вдруг Эв замер как вкопанный. Назвать находку громадой было не совсем верно: из земли высился настоящий титан. Если полностью выкопать этот объект, он, пожалуй, закроет собой океанический лайнер.

— Дай руку, — бросил Эв.

Полицейский подчинился, не отказав себе в удовольствии полюбопытствовать, зачем именно.

— Потому что мне страшно до чертиков, — буркнул Эв, и Дуган крепко сжал его ладонь. И хотя узловатые пальцы старика пронзила невыносимая боль, он достойно принял руку друга. Не медя ни минуты, они снова тронулись в путь.

17

Бобби с Джуд наведались в скобяную лавку, захватили оружие и погрузили его в кузов пикапа. Пришлось сделать крюк и хотя времени они потеряли совсем чуть-чуть, гнали во всю мочь — слишком резвый старт взяли Дик с командой. Тень машины, укоротившаяся к полудню, неслась рядом с ними.

Бобби, сидевшая за рулем, вдруг напряглась.

— Ты слышала?

— Да, услышала что-то, — ответила Джуд. — Твой друг, что ли?

Бобби кивнула.

— Гард зовет на помощь. Он засек чужаков.

— Сколько их?

— Двое в джипе. Направились в сторону корабля.

Джуд от злости ударила кулаком по коленке.

— Гады какие! Ну га-ады!

— Ничего, от нас не уйдут.

Четверть часа спустя они приехали на ферму. Бобби подрулила к «шевроле» Эллисон и «кадиллаку» Арчинбурга и оставила машину чуть поодаль. Взглянула на собравшихся и подумала, как это похоже на их здешние встречи — встречи тех, кому предназначалось обрести

(первыми пройти «обращение»)

...наибольшую силу. Впрочем, среди прибывших не оказалось Хейзел; вместо нее явился Бич. Джо Зоммерфельд и Эдли Маккин еще ни разу не были в сарае.

— Несите оружие, — обратилась она к Джуд. — Джо, помоги. Запомните: стрелять только в крайнем случае, и не заденьте копа.

Она посмотрела на крыльцо и увидела Гарда, который ваялся на спине и мерно похрапывал, разинув рот. Взгляд ее

смягчился. Очень многие в Хейвене были бы рады от него избавиться. Скорее всего, их подзуживали Дик Эллисон и Ньют Берингер. Конечно, вслух никто ничего не говорил, но в здешних местах уже давно отпала необходимость говорить вслух. Бобби знала: если она пустит Гарду пулю в лоб, через час прибудет целая команда добровольных подручных, чтобы быстренько его закопать. Гарда недолюбливали. Железная пластинка в голове спасала его от «обращения», но главное, не позволяла читать его мысли. Он был ее тормозом и ее рычагом, что само по себе скверно попахивало. Проще говоря, она по-прежнему его любила, ведь пока еще в ней оставалось слишком много человеческого.

Ну а теперь любой будет вынужден согласиться, что, даже пьяный в стельку, в самый ответственный момент Гард кинул клич и предупредил остальных.

Вернулись Джуд и Джо Зоммерфельд, обвешанные винтовками. Они раздобыли шесть разномастных стволов. Пять из них получили те, кому Бобби полностью доверяла, а последнюю винтовку, двадцать второго калибра, она протянула Бичу, дабы не ныл, что его обошли при раздаче.

Пока общее внимание было приковано к оружию, Гарденер приоткрыл налитые кровью глаза и обвел собравшихся мутным взглядом. Никто не слышал его мыслей — к тому моменту он уже отлично научился их прятать.

— Пошли, — скомандовала Бобби. — Повторяю еще раз: полицейского брать живым.

Поисковая группа тронулась в путь.

18

Эв и Батч не рискнули подойти слишком близко к краю обрыва. Впереди зияла глубокая, изрезанная складками впадина, протянувшаяся ярдов на триста в длину и на добрых шестьдесят футов в поперечнике. Старенький грузовик Андерсон был припаркован чуть поодаль. Рядом с огромным, напоминающим коловоротрылом стоял бывший автопогрузчик, снабженный чудо-мотором. Под наскоро сколоченным навесом из ошкуренных бревен виднелась масса разных приспособлений. В одном углу находился подъемник с цепями,

в другом — рубильная машина с кучей прелых опилок под жерлом выхлопной трубы. В ряд были составлены канистры из-под бензина и большая черная бочка с надписью «ДИ-ЗЕЛЬ». Когда Эв впервые услышал доносящийся из леса шум, он решил, что бумажный завод Новой Англии начал заготовку древесины. Теперь же стало ясно, что вырубкой здесь и не пахло. Тут копали.

В лучах солнца блестало чудовищных размеров блюде.

Зрелище захватывало, невозможно было отвести взгляд. Гард с Бобби срезали порядочную часть косогора, и теперь из земли выпирало девяносто футов сияющего и гладкого серебристо-серого металла. Недвижной громадой они вздымались в золотисто-зеленое небо. Если бы спутники подошли к краю и заглянули внутрь котлована, то увидели бы, что тарелка уходит под землю еще футов на сорок или больше.

Впрочем, ни стащик, ни Монстр Дуган не решались подойти ближе.

— Боже святый, — произнес здоровяк. Его голос хрипло звучал из-за неплотно прилегающей золотистой маски. — Бог ты мой, это же космический корабль! Как думаешь, это наши или русские? Да он поболе самой «Куин Мэри» будет... Нет, не наши. И не русский. Он вообще... не отсюда.

Коп ошеломленно замолчал. Голова шла кругом.

Эв поднял фотоаппарат и торопливо отщелкал несколько кадров. Отошел шагов на двадцать влево и, остановившись возле авторубильщика, еще пять раз нажал на спуск.

— Сдвинься правее! — попросил он Дугана.

— Что?

— Вправо шагни. У меня еще три кадра — постой там для масштаба.

— Чего? Да ни за что на свете! — прокричал Дуган с истеричными нотками, которые не могла заглушить даже маска.

— Четыре шага, ну что тебе стоит?

Полицейский сделал четыре крохотных шагка вправо. Эв навел фотоаппарат, подаренный когда-то на «день отца» любящей дочерью и зятем, и отщелкал последние три кадра. Дюжий верзила Дуган на фоне корабля выглядел пигмеем.

— Готово, — сказал Эв, и коп поспешил убрался с края обрыва, боязливо озираясь на ходу на исполнуна, угрюмой скалой возвышавшегося над ними.

Сейчас Эва больше всего занимало качество фотографий — руки при съемке дрожали, да и сам корабль (а в том, что это был корабль, сомнений не оставалось), вполне вероятно, испускал опасное для пленки излучение, и снимки могли выйти нечеткими.

Но даже если фотографии получатся, кто им поверит? В наш-то век, когда мелюзга бегает в киношку на «Звездные войны».

— Давай выбираться, — буркнул Дуган.

Эв на миг задержал взгляд на корабле. А что, если Дэвид там, внутри, в полной темноте? Блуждает по бесконечным коридорам, протискиваясь сквозь проемы, не предназначенные для человеческого тела, и умирает с голоду. Нет. Если бы он был внутри, то умер бы давным-давно. Без еды и питья.

— Давай закругляться, — проговорил старик. Сунул фотокамеру в карман брюк, подошел к Дугану и достал ракетницу.

Взглянул на джип и осекся. Среди деревьев стояла компания с ружьями наперевес — по большей части мужчин, между которых затесалась и одна женщина. Когда-то Эв их прекрасно знал, но теперь это были совершенно другие люди.

19

Бобби направилась к непрошеным гостям. За ней последовали остальные.

— Здравствуй, Эв, — вежливо обратилась она к старику.

Дуган навел на нее револьвер. Как же ему не хватало привычного служебного «магнума».

— Стоять! — приказал он. Из-под маски донеслось лишь невнятное бормотание. Он стащил с лица респиратор. — Это касается всех! Оружие на землю! Вы арестованы!

— Батч, а ведь у нас численный перевес по оружию, — вежливо заметил Ньют Беррингер.

— Ты прав, черт возьми! — прорычал Бич. Дик Эллисон хмуро взглянул на него.

— Надень-ка лучше свою маску, Батч, — лениво усмехнулся Эдди Маккин. — А то как бы в обморок не грохнулся.

На здоровяка и впрямь накатывала дурнота, но еще хуже становилось от беспокойного шороха чужих мыслей в голове.

Батч натянул маску. Его тревожил один вопрос: сколько осталось воздуха в баллоне?

— Опусти оружие, — попросила Бобби. — А ты, Эв, оставь свою ракетницу. Мы не причиним вам зла.

— Где Дэвид? — рявкнул Эв. — Отвечай, стерва! Я пришел за мальчиком.

— Он на планете Альтаир-четыре. Пошел поиграть с роботом Робби и доктором Мебиусом, — хохотнул Кайл Арчинбург. — У них там пикничок среди системных блоков.

— Молчи, — приказала Бобби. Ее раздирали странные чувства: замешательство, стыд, неуверенность. Неужели по слышалось? Старик и впрямь назвал ее стервой? Ей захотелось вмешаться, объяснить ему, что он перепутал: стерва вовсе не она, а ее сестра.

Неожиданно она ощутила горе этого старика, горе Гарда и даже свое собственное горе. Она отвлеклась, и в этот миг минутного замешательства Эв Хиллман навел ракетницу и выстрелил. Если бы это сделал Дуган, они успели бы прочесть его мысли и он не смог бы ничего предпринять, но то был не Дуган.

Раздался глухой «тух!», что-то пронзительно засвистело. Бич Джерниган вспыхнул, как белый факел, и попятился назад, выронив из рук *верный «магнум»*. В лицо ему шибнуло искрами горящего фосфора, глазные яблоки подернулись пеленой, задрожали и лопнули. Со щек стекала плоть. Бедняга стоял, разевая рот, как выброшенная на берег рыба, и яростно царапал себе грудь — ему не посчастливилось глотнуть раскаленного воздуха, и легкие разрывались от жара. Секунда за секундой длилась адская мука.

Шеренга колыхнулась и потеряла стройность. Присутствующие отшатнулись. На их лицах был написан невыразимый ужас: каждый из них чувствовал, как умирает Бич Джерниган.

— Бегом! — крикнул спутнику Эв и помчался в сторону джипа. Джуд Тэркингтон, не владея собой, рванулся наперехват и тут же получил раскаленным дулом по физиономии, отдававшийся сломанным носом и обожженной щекой. Отскочив назад, он споткнулся и рухнул ничком на землю.

Бич, объятый пламенем, валялся в луже, схватившись за горло скрюченной обгоревшей рукой, и бился в конвульсиях. Наконец он затих.

Дуган бросился к старику. Тот успел вцепиться в водительскую дверь джипа и уже открывал ее.

Когда в голове стали стихать, а затем и совсем исчезли мысли Бича, Бобби обернулась и увидела, что старик с легавым вот-вот сляният.

— А ну за ними!

От ее крика с собравшихся спало оцепенение. Бобби рванула вперед, подбежала к Эву и со всей силы стукнула его прикладом дробовика. Удар пришелся в затылок. Старик рухнул вниз, приложился лицом об дверь джипа, из носа брызнула кровь, и он, оглушенный болью, упал на колени. Бобби занесла приклад для нового удара, но тут Дуган, оказавшийся по другую сторону джипа, выстрелил в нее из «кольта» сквозь пассажирское окно.

Бобби будто вонзили горячий молот в правое плечо. Рука дернулась, дробовик выпал. На миг раненое место онемело и тут же полыхнуло печным жаром, неумолимо выжигая все изнутри.

Бобби отбросило назад, левой рукой она схватилась за плечо, но там было сухо — по крайней мере пока. Пальцы нашупали лишь дыру в рубашке и в коже под ней. Взбухшие края отверстия горели и пульсировали. Спину заливало кровью, но от потрясения Бобби не чувствовала ни боли, ни страха. Пулевое отверстие, которое она трогала левой рукой, было небольшим, на выходе же зияла рана размером с детский кулечек.

Она увидела лицо Дика Эллисона, побледневшее от ужаса.

(Что творится-то что творится сейчас уйдет хватай его ищейка дрянь такая ИЩЕЙКА ДРЯНЬ)

— Не стрелять! — закричала Бобби. Боль пронзила все ее существо. Кровь мелкими брызгами хлынула изо рта — у нее разорвалось правое легкое.

Эллисон замялся, и едва Дуган успел снова прицелиться, Ньют и Джо Зоммерфельд бросились вперед. Дуган обернулся, и Ньют ударили его дробовиком по руке, в которой тот сжимал «кольт». Пуля ушла в землю.

— А ну без глупостей! — заорал Джон Эндерс, директор средней школы. — Живо пристрелим, нас много, а ты один!

Дуган огляделся: четверо держали его на прицеле. Эллисон свирепо таращил глаза — казалось, вот-вот слетит с катушек. Выстрелит от любого шороха — даже если белка пукнет.

«Тебя все равно убьют, так хотя бы умри, как подобает ковбою. Они же тут все сумасшедшие».

— Нет, — сказала Бобби. Она стояла у джипа, опираясь на капот. Из рта тонкой струйкой текла кровь. Рубашка на спине вымокла насеквоздь. — Мы не сумасшедшие. И мы тебя не убьем. Сам убедись.

Дуган сделал неловкую попытку коснуться мыслей Бобби Андерсон и понял, что она говорит искренне... впрочем, где-то явно скрывался подвох. И будь у него время поднатореть в жутковатых трюках с чтением мыслей, он, вполне вероятно, просек бы, что дело тут нечисто. Это как текст мелким шрифтом в контракте недобросовестного подрядчика. Он, конечно, все поймет, но гораздо позднее. По сути, он был окружен дилетантами и вполне мог бы отбиться, если бы не одно «но»...

Эдли Маккин неожиданно сорвал с него дыхательную маску, и голова закружилась.

— Это пойдет тебе на пользу, — усмехнулся Эдли. — Что, теперь не удерешь? Воздуха-то больше нет!

Превозмогая головокружение, Батч бросил взгляд на Андерсон. «Ну, эта, я думаю, умрет».

(думай что хочешь)

Эта мысль столь неожиданно пронеслась в его голове, что он отшатнулся и пристальнее посмотрел на Бобби.

— Что со стариком? — бросил он бессильно.

— Не твое д... — Бобби закашлялась, брызгая кровью. В носу также пузырилась кровь. Кайл и Ньют дернулись было к ней, но она дала знак оставаться на местах. — Не твое дело. Мы с тобой сядем в джип спереди. Ты поведешь. Сзади поедут трое с пушками. Так что, смотри, без глупостей.

— Ты не ответила, — настаивал Батч. — Что вы сделаете со стариком?

Превозмогая слабость, Бобби навела на него дробовик. Откинула со лба взмокшие волосы. Действовать приходилось левой рукой — правая висела плетью. Казалось, она хочет, чтобы Дуган отчетливо видел ее лицо, оценил серьезность ее намерений. Батч оценил. В ее глазах читалась смертная тоска.

— Мне не хочется тебя убивать, — выдавила из себя Бобби. — Сам понимаешь. Но скажешь еще хоть слово, и я прикажу этим людям казнить тебя на месте. Лежать тебе в братской могилке на пару с Бичем, а там уж будь что будет.

Эв Хиллман меж тем пытался подняться на ноги. Вид у него был ошарашенный — дед явно не понимал, где находится. Отер со лба кровь невзначай, словно пот.

На Батча накатила волна дурноты, и вместе с ней его пронзила удивительно спокойная мысль: все это — сон. Обычный сон.

Бобби невесело усмехнулась.

— Думай что хочешь, — повторила она. — Полезай в джип.

Батч сел в машину, подвинулся на водительское сиденье. Бобби пошла к пассажирской двери и по пути снова закашлялась, брызгая кровью. Колени подломились, кто-то бросился на помощь.

Думай — не думай, а она умрет.

Бобби повернула голову и взглянула на него. В голове отчетливо пронеслось:

(думай что хочешь)

На заднее сиденье «чероки» забрались Арчинбург, Зоммерфельд и Маккин.

— Поехали. — проронила Бобби. — Тихо.

Батч стал сдавать назад. Эверетта Хиллмана он увидит еще один раз, хотя об этой встрече уже не вспомнит. Большая часть его памяти будет стерта, словно мел со школьной доски. Старик стоял на фоне огромного блюда, залитого солнечным светом, под конвоем вооруженных мужчин. В пяти шагах слева на земле лежало нечто, похожее на обуглившееся бревно.

Ты держался молодцом, старик. Знатный вояка... И с головой у тебя уж точно порядок.

Хиллман поднял взгляд и пожал плечами, будто желая сказать: ну что ж, попытка не пытка.

И вновь накатила дурнота, перед глазами все поплыло.

— Кажется, я не смогу рулить, — промямлил Батч, не слыша собственного голоса. Его заглушал нарастающий гул в ушах. — Мне плохо... от этой штуковины.

— Эдди, у него воздух остался? — прошептала Бобби. На ее мертвенно-бледном лице алели кровавые губы.

— Пока что-то шипит, в маске-то.

— Надень.

Маску прижали к лицу Батча, и он стал понемногу приходить в себя.

— Дыши на здоровье, — прошептала Бобби и лишилась чувств.

20

— Пепел к пеплу, прах к праху. Мы предаем земле прах покойной сестры нашей Рут Маккосланд, а душу ее — Господу нашему всемогущему.

Процессия двинулась к небольшому ухоженному кладбищу на холме к западу от города. Скорбящие рассеялись вокруг свежевырытой могилы, над которой висел гроб Рут. До кладбища добрались отнюдь не все, кто был в церкви. Приезжие в большинстве своем предпочли убраться, воспользовавшись перерывом между действиями. Одних погнала в путь головная боль, других — тошнота. Иные помчались в дорогу, озаренные поразительными идеями.

В изголовье могилы в порывах теплого бриза тихо шелестели цветы. Преподобный Гурингер обратил лицо к небу и увидел, как с травянистого склона катится ярко-желтая роза. Позади белого забора, потрепанного непогодой, стояла часовня городской ратуши. Она слегка колебалась на фоне прозрачного неба, словно бы в дымке полуденного зноя. Иллюзия очень понравилась Гурингеру. Приезжие, сами того не подозревая, лицезрели уникальный образчик световой проекции.

Преподобный встретился мимолетным взглядом с Фрэнком Спрюсом и увидел облегчение в его глазах. Он полагал, что и его собственный взгляд выражает то же самое. Чужаки благополучно вернутся туда, откуда прибыли, и распространят весть о том, что смерть Рут потрясла здешнее общество до основания. Впрочем, мало кто из местных мысленно присутствовал на похоронах, поскольку все пристально следили за тем, что в эту минуту творилось возле корабля, — о чем, разумеется, никто из посторонних не догадывался. Гурингер знал, что в какой-то момент ситуация вышла из-под контроля, но теперь опасность локализована. Правда, если они не поторопятся и не доставят Бобби Андерсон в сарай, она умрет, что само по себе сулит массу неприятностей.

Но главное, все уже под контролем. «Обращение» продолжится, и это — единственное, что теперь имело значение.

Раскрытая Библия поколась в руке преподобного, шелестя страницами на ветру. Свободную руку он воздел к небу. Собравшиеся вокруг могилы склонили головы.

— Благослови тебя господь милосердный и прими в объятия. Да призрит на тебя лицем Своим и прольется на тебя свет и пребудешь ты в мире. Аминь.

Скорбящие подняли лица. Гурингер улыбнулся:

— Тех, кто хочет присоединиться к нам и помянуть Рут, в библиотеке ждут прохладительные напитки и закуски.

Занавес упал. Конец второго действия.

21

Стараясь не потревожить Бобби, Кайл сунул руку в карман ее брюк и нашупал там связку ключей. Один за другим перебрал все и нашел тот, что подходил к навесному замку сарая. Вставил его в скважину, но поворачивать не спешил.

Тем временем Эдли и Джо Зоммерфельд следили за Дуганом, который по-прежнему сидел за рулем джипа. Каждый вдох давался ему с трудом, кислород был на исходе. Стрелка датчика уже минут пять колебалась в красной зоне. Кайл присоединился к ним.

— Иди пьяницу проверь, — обратился Кайл к Джо Зоммерфельду. — Валеется никакой, да только особо не расслабляйся, за них нужен глаз да глаз.

Джо пересек двор, поднялся на крыльце и, морщась от запаха перегара, внимательно осмотрел Гарденера. Тот был действительно пьян в стельку, раздобыл где-то непочатую бутылку шотландского виски и налакался до беспамятства.

Пока ждали Джо, Кайл сказал:

— Скорее всего, Бобби умрет. И если это случится, то первым делом я избавлюсь от этого хмыря.

Вернулся Джо.

— Он пьян.

Кайл кивнул и стал открывать замок, Джо тем временем направился к Эдли, который дежурил возле полицейского. Кайл освободил дужку замка и чуть приоткрыл дверь. Из проема хлынул ослепительный зеленый свет, затмевая собой свет солнца. Из сарая доносился странный хлюпающий звук — то ли механический, то ли нет.

Кайл отшатнулся, и на его лице застыло смешанное выражение испуга, отвращения и благоговения. В нос ударили тя-

желый запах органики, вышибающий дух даже из взрослого мужика. Как и все прочие, Кайл уже понимал, что двойственная натура томминокеров срасталась в единое целое. Обманчивое танго завершалось.

Ритмичное хлюпанье, запах — и еще какой-то звук. Что-то, отдаленно похожее на взвизгивание тонущей собаки.

Кайл мало что помнил о походах в сарай, хотя успел побывать там дважды. Конечно, он осознавал, что это — особое место, где его «обращение» набирает новые обороты. И все же его человеческая сущность испытывала в этом месте почти суеверный страх.

Кайл подошел к Эдли и Джо и обратился к ним:

— Не будем ждать остальных. Если есть хоть какой-то шанс ее спасти, нужно сейчас же заносить внутрь.

Мимоходом он заметил, что полицейский стянул с себя маску. Она валялась на сиденье чуть поодаль. Ничего страшного. Эдли правильно тогда сказал: без воздуха не удерет.

— Держи копа на мушке, — буркнул Кайл. — А ты, Джо, помоги мне с Бобби.

— Мы что, в сарай ее понесем?

— Нет, потащим в зоопарк на львов любоваться, — осклабился Кайл. — В сарай, куда же еще!

— Нет-нет, только не в сарай! Я еще не готов, — залепетал Джо, со стыдливой улыбкой переводя взгляд на Кайла.

— Давай лучше я, — вступил Эдли. — Жалко будет, если Бобби загнется, пока мы тут спорим. Она молодчина.

— Ладно, — буркнул Кайл. — А ты побудь с копом. Если проворонишь — пристрелю.

— Все будет в порядке, — торопливо забормотал Джо с явным облегчением. — Я не подведу, глаз с него не спущу.

— Я тебя прикрою, — проронила Бобби, и все вздрогнули.

Кайл бросил на нее взгляд и посмотрел на Джо с нескрываемым презрением. Того передернуло, но он и думать не смел о сарае, где что-то светится и влажно чавкает.

— Ну все, пошли, Эдли, — бросил Кайл. — Быстрее начнем — быстрее закончим.

Эдли Маккин, лысеющий коренастый мужичонка под пятьдесят, колебался недолго.

— Слушай, Кайл, — сказал он, нервно облизнув губы. — А там очень страшно? В сарае?

— Да я толком-то и не помню. Одно знаю точно: когда я вышел, то чувствовал себя потрясающе — готов был горы свернуть.

— Ясно, — бесцветным голосом проронил Эдли.

— Ты станешь одним из нас, — донесся безжизненный голос Бобби.

На испуганном лице Эдли появилась решимость.

— Ладно, — бросил он.

— Давай поаккуратнее с ней, — руководил Кайл.

Они занесли Бобби в сарай. Провожая их взглядом, Джо Зоммерфельд на миг отвлекся от пленника —казалось, что они не зашли, а провалились в сияющий портал.

В былые времена Батчу Дугану хватило бы и этой краткой оплошности. В голове пронеслось, что он упускает отличный шанс, воспользоваться которым уже просто не осталось сил. Ноги не слушались, к горлу подступала тошнота, в висках стучал неуемный тяжелый молот.

«Не хочу туда идти».

Впрочем, если бы его решили затащить, он не смог бы им помешать. Сейчас здоровяк был беспомощен, как новорожденный котенок.

Батч провалился в небытие.

Через какое-то время послышались голоса, и Батч с трудом поднял чугунную голову — казалось, в ухо влили жидкий цемент. Из джунглей, в которые превратился сад Бобби Андерсон, вывалилась шумная ватага преследователей. Они волокли за собой старика, подталкивая его тычками. Пленник оступился и упал. Тогда один из сопровождавших, Таркингтон, начал его пинать, заставляя подняться, и Батч отчетливо уловил его мысли: Таркингтон был зол и мстил за жестокое убийство Бича Джернигана.

Хиллман едва волочил ноги. Открылась дверь сарая, и оттуда вышли Кайл Арчинбург и Эдли Маккин. На лице последнего играла беззубая улыбка. Сияющими глазами он пялился на окружающих. Былой испуг растворился без следа. Появилось в его внешности и кое-что еще...

И тут Батча осенило.

Мужчины пробыли в сарае каких-то пару минут, но за это время с головы Эдли Маккина исчезла добрая половина волос.

— Приду в любое время, без проблем, — говорил он спутнику.

Нечто неуловимое в его облике привлекло внимание Батча, но тут вновь накатила дурнота, и он уже не мог ни о чем думать.

Свет померк. Последнее, что отпечаталось в его сознании, — противное хлюпанье, доносящееся из сарая, и пятно зеленоватого света в глазах.

22

Действие третье

Поминки устроили в библиотеке, которую на общем собрании решили переименовать в Библиотеку имени Рут Маккосланд. На столе не было спиртного — Рут бы этого не одобрила. Пили кофе и чай со льдом, кока-колу, имбирный эль. На блюдцах лежали крохотные треугольные сандвичи с тунцом, сливочным сыром и оливками, а еще — с пастой из сыра с острым перцем. На столе была холодная нарезка и заливное со стружками моркови, что висели в застывшем бульоне точно насекомые в янтаре..

И хотя разговаривали много, в зале царила гробовая тишина. Если бы кому-то вздумалось установить здесь «жучки», слушатели были бы разочарованы. Люди расслабились. Спало напряжение, которое читалось на многих лицах во время проповеди, когда ситуация в лесу грозила выйти из-под контроля. Бобби благополучно доставили в сарай. Туда же отвели не в меру любопытного старика, а под конец — и ищейку-полицейского.

Как только эти люди попали в зону свечения цвета медной патины, групповой разум потерял их след.

Собравшиеся ели и пили, разговаривая друг с другом без помощи слов. Никого это не смущало. Последние чужаки разъехались после кладбищенской проповеди Гурингера. Хейвен был вновь предоставлен самому себе.

(а теперь как же)

(да нормально они все поймут)

(а ты уверен)

(конечно же; поймут по-своему)

Тишину нарушало лишь громкое тиканье часов, купленных на заработанные школьниками деньги во время прошлогоднего

сбора вторсыря, да приличествующий случаю звон фарфора. Издалека, сквозь приоткрытые окна, доносился слабый рокот аэроплана.

Ничто не заглушало его.

Птицы молчали.

Люди ели и пили, и когда в половине второго из сарай вывели Дугана, это ни для кого не стало неожиданностью. Собравшиеся поднялись со своих мест, и тут зазвучала живая речь. Остатки пищи перекочевали в пластиковые контейнеры, бутерброды рассовали по пакетам. Клавдия Руваль, мать Элли, накрыла фольгой кастрюльку с мясным варевом, которое привнесла с собой. Веселые и улыбающиеся хейвенцы высипали на улицу и разбрелись по домам.

Конец третьего действия.

23

Гарденер пришел в себя на закате. Голова раскалывалась. Не покидало чувство, что, пока он валялся в отключке, случилось нечто важное.

«Ну что, доволен? Напился до беспамятства».

Превозмогая дурноту, он спустился с крыльца и, покачиваясь, зашел за угол — туда, откуда не было видно дороги. Там его стошнило с кровью. Гард не слишком удивился. Такое случалось и прежде, правда, теперь раз за разом крови становилось все больше.

Ему снились странные сны, нереальные кошмары. Происходило ли то во сне или наяву, он не мог понять. Как будто пришли люди, потоптались, ушли. Целая компания. Им бы еще оркестр и танцующих девушки с помпонами. Группа поддержки «Даллас ковбойз».

(Гочно, «полиция Далласа». С утра заявились полиция, а ты так набрался, что толком и не разглядел их. Жалкий трус.)

Страшный сон. Просто привиделось.

Под ногами воняла блевотная лужа. Гард шагнул в сторону, мир закачался и помутнел, вновь обретая ясность с каждым новым ударом сердца. До него вдруг дошло, что он стоит на пороге смерти. Медленно гробит себя, так или иначе. Он оперся ладонью о стену дома и опустил голову на руку.

— 'Мистер Гарденер, вам нехорошо?

— Ой! — тот вздрогнул от неожиданности. Сердце дважды дернулось, замерло на целую вечность и лихорадочно забилось вновь. Голова налилась свинцом. Гард резко обернулся.

Рядом стоял Бобби Тремейн. Вид у него был несколько удивленный, и казалось, ситуация его немного даже забавляет. Во всяком случае, он не слишком-то горевал из-за того, что напугал Гарда столь внезапным появлением.

— У-у, мистер Гарденер, я не нарочно.

«Еще как нарочно, и я это прекрасно знаю»..

Тремейн заморгал, и Гарденер понял, что его мысли не укрылись от паренька, хотя сейчас ему было на это наплевать.

— Где Бобби? — спросил Гард.

— Я, э-э... — Бедолага замялся.

— Да знаю я все про тебя — кто да что. Скажи мне лучше, где Бобби.

— Ладно, я все расскажу, — засуетился Бобби Тремейн, устремив невинный взгляд на Гарда, что тот будто бы вернулся в былые учительские времена. Так очередной лентяй, убивший выходные на пьянку, девок и зимние горки, заливал, что написать реферат ему помешала скоропостижная смерть матушки, ни больше, ни меньше.

— Ну-ну, вещай, — буркнул Гард, облокотившись о стену дома, обшитую облицовочной доской. Рыжее предзакатное зарево освещало лицо подростка. Из-за его плеча виднелся сарай с заколоченными окнами и тяжелым навесным замком на дверях.

Вспомнилось, что этот сарай Гард тоже видел во сне.

«Во сне ли? Или тебе удобнее называть сном то невероятное, во что ты не желаешь верить?»

На какой-то миг паренек даже смутился — столько цинизма было во взгляде Гарденера.

— У мисс Андерсон случился солнечный удар. Ее нашли возле корабля и сразу отвезли в Дерри, в больницу. Вас было не добудиться.

Гарденер резко распрямился.

— Она пришла в себя?

— Не знаю. Пока оттуда не звонили. Ну, то есть до трех часов звонков не было, а дальше я помчался к вам.

Гарденер оторвался от стены и, склонив голову, пошел в дом. Он ожидал, что мальчишка соврет, и, может быть, тот действительно соврал о том, что произошло с Бобби, но какое-то зерно истины в его словах было: она больна, или ранена, или что-то в этом роде. Поэтому люди ходили туда-сюда, он видел их будто сквозь сон. Наверное, их позвала Бобби. Точно. Привела силой мысли, лучший номер недели. Только в Хейвене, леди и джентльмены.

— Куда-то собирались? — с неожиданной резкостью поинтересовался Тремейн.

— В Дерри.

Гарденер подошел к автомобильной дорожке, где был припаркован пикап Бобби. Тут же стоял большой желтый «додж-челленджер» Тремейна. Гарденер обернулся. Заходящее солнце бросало на лицо паренька причудливые багряные тени, и он был похож на индейца в боевой раскраске. Гарденер мысленно попрощался с надеждой уехать. Этот подросток со скоростной машиной и плечами атлета здесь не для того, чтобы передать вернувшемуся в мир живых пропойце печальное известие.

«То есть я должен поверить, будто Бобби, пока ее партнер и помощник, пьяный в стельку, валяется на крыльце, отправилась одна в лес и копала там как одержимая, пока не довела себя до солнечного удара? Да что вы? Неплохая попытка. Предполагалось, что она — на похоронах той женщины, Маккосланд. Она поехала в город, а я остался наедине с мыслями об увиденном в воскресенье. Как водится, приложился к бутылке, ибо это неизменно сопровождает мое мышление. Не исключено, конечно, что Бобби побывала на похоронах, вернулась сюда, сменила одежду и направилась работать, а потом ее хватил удар — да только неправда все это. У парня на лбу написано, что он врет. Как же чертовски здорово, что он не может читать мои мысли».

— Думаю, мисс Андерсон предпочла бы, чтобы вы остались здесь и продолжили раскопки, — нагло проговорил Бобби Тремейн.

— Ты так считаешь?

— Ну, мы все так считаем.

Парень смутился. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, — не ожидал, что питомец Бобби по-прежнему умеет кусаться.

И вдруг в голову Гарду пришла еще одна мысль. Тремейн отличался завидной внешностью, недаром по нему сохла дочь Колсона. Было в нем что-то от Алекса Гордона или Берни Райтсона. Плечи Геркулеса, мужественное привлекательное лицо с раздвоенным подбородком, мощная грудная клетка и узкая талия. Лишь впалый бесформенный рот портил впечатление. Гард понял, что у него выпадали зубы. У них у всех выпадали — кроме Гарда.

И зачем согляд сюда нагрянул?

Сторожить меня. Задержать здесь любой ценой.

— Хорошо, я понял, — пробормотал Гард.

Тремейн расслабился.

— Вот и ладно, — примирительно произнес он.

— Пошли, что ли, в дом. Кофе выпьем, а то башка треснет.

С утра двинемся по прохладе, — предложил Гард и взглянул на визитера в ожидании ответа. — Как я понял, ты ведь со мной пойдешь?

— Э-э... — Паренек замялся. — Да, сэр.

Гарденер кивнул. На миг в поле его зрения попал сарай, и в лучах заходящего солнца показалось, будто сквозь щели изнутри сочится изумрудный свет. Вновь ожили фрагменты недавнего сна: какие-то странные агрегаты неумолимо отбивали ритм в зеленом сиянии. Никогда прежде не доводилось ему видеть столь яркой иллюминации. Между прочим, молодчик опасливо отводил от сарая взгляд.

По слуху вспомнились строки забытой песни: «А за зеленой дверью все гудят, танцуют, веселятся. Так что там прячут? Я хотел бы оказаться...»

Да, сквозь сон до него доносился ритмичный звук. Сложно понять его природу, но назвать его приятным было трудно.

Желая прервать затянувшуюся паузу, Гарденер пошел к дому, и Тремейн покорно последовал за ним.

— Ну что ж, — заговорил Джим так, словно они и не прерывали разговора. — Помощь мне и вправду не помешает. Бобби сказала, что недельки через две мы, пожалуй, доберемся до люка, и можно будет проникнуть внутрь.

— Я знаю, — машинально ответил Тремейн.

— Правда, расчет был на две пары рук.

— Вас не оставят в одиночестве, — с улыбкой заверил парень. По спине Гарденера пробежал холодок.

— Даже так?

— А то! Конечно!

— До тех пор, пока не вернется Бобби.

— Так и есть, — согласился Тремейн.

Почему-то Гард не сомневался, что Бобби он больше не увидит.

— Пошли, — вздохнул он. — Кофе попьем. Может, и пожевать что-нибудь найдется.

— Заманчиво.

Сгущалась тьма, они направились в дом. Из сарайя по-прежнему доносились ритмичные звуки, словно внутри работала огромная маслобойка. Солнце село, и зеленые стежки в щелях с каждой минутой разгорались все ярче. В люминесцентную отметину на земле вдруг прыгнул кузнечик. Прыгнул — и упал замертво.

Глава 10

ХРОНИКА СОБЫТИЙ ГОРОД. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

28 июля, четверг.

Батч Дуган проснулся в три ноль пять утра у себя дома, в собственной постели. Откинул одеяло, поставил ноги на пол. Отечное со сна лицо, застывший взгляд. На стуле возле небольшого письменного стола была аккуратно сложена одежда, в которой он днем раньше ездил в Хейвен со стариком. Из нагрудного кармана рубашки торчала шариковая ручка. Она ему понадобится. Похоже, эта была единственная мысль, четко отпечатавшаяся в его мозгу.

Дуган встал, подошел к стулу и взял ручку, отшвырнув на пол рубашку. Сел и застыл на несколько секунд. Вглядываясь в темноту, он ждал следующей мысли.

Батчу довелось побывать в сарае Андерсон, и вышел он оттуда совсем другим человеком. От его былого «я» практически ничего не осталось. Он не помнил, что происходило

до или после сарая, и если кто-то попросил бы его назвать имя, данное ему при крещении, Батч затруднился бы ответить. Дуган не помнил, как они со стариком въехали в Хейвен на взятом в аренду джипе и как он скользнул за руль после того, как Эдли Маккин вышел из авто и пересел в «кадиллак» Кайла Арчинбурга, и уж совершенно стерлась из его памяти обратная дорога. Тем не менее он в Дерри, и все происходит с ним на самом деле.

Оставив «чероки» перед домом, где старик снимал квартиру, Дуган запер дверь и пересел в свой автомобиль. Отъехав два квартала, он вырулил на обочину и швырнул ключи от джипа в сточную канаву.

Оказавшись дома, он сразу лег в постель и проспал до тех пор, пока часы, «вживленные» в его мозг, не дали сигнал проснуться.

Вдруг будто сработал какой-то переключатель. Батч моргнул, потянулся к письменному столу и выдвинул ящик. Достав лист бумаги, он написал:

«Знакомым я сказал, что не поеду на похороны, потому что заболел. Я болен, это правда. Но желудок тут совсем ни при чем. Я так долго собирался сделать ей предложение и все время откладывал. Боялся получить отказ. И если бы не этот страх, она могла бы остаться в живых. Теперь, когда ее нет на свете, для меня умерла последняя надежда. Простите, что напачкал».

Он быстро пробежал взглядом записку и подписался внизу: Энтони Ф. Дуган.

Отложил ручку с бумагой и устремил взгляд в окно.

Наконец вновь щелкнул переключатель. Теперь уже в последний раз.

Батч поднялся и подошел к кладовке — там в дальнюю стенку был вмонтирован сейф. Дуган набрал комбинацию, открыл дверь и вынул «магнум». Накинул на плечо портупею, вернулся к столу и сел.

На миг задумался о чем-то, хмурия лоб, затем поднялся, выключил в кладовке свет, запер дверь и вновь подошел к столу. Сел, вынул из кобуры пистолет, прижал дуло к левой глазнице и спустил курок. С гулким ударом опрокинулся стул; с таким же звуком под ногами висельника распахивается люк.

2

29 июля, пятница.

Передовица «Бангор дейли»:

**СОТРУДНИК ПОЛИЦИИ ДЕРРИ
ПОКОНЧИЛ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ**

Автор: Джон Леандро

В четверг утром из собственного револьвера застрелился капрал полицейского управления Дерри Энтони Дуган по прозвищу Батч. Сослуживцы покойного, не успевшие оправиться после недавнего бесследного исчезновения двух патрульных, глубоко потрясены случившимся.

3

30 июля, суббота.

Гарденер сидел на пне посреди леса в рассстегнутой рубашке и жевал сандвич с тунцом, запивая его кофе со льдом и бренди. Напротив него, на другом пне, примостился Джон Эндерс, бывший директор школы. Эндерс от рождения не был приспособлен к тяжелому труду, и хотя дело еще только шло к полудню, он истекал потом и едва держался на ногах.

— Молодцом, — кивнул Гарденер. — У Тремейна весь чайник выкипит, пока кипятка дождешься.

— Спасибо, — вздохнул Эндерс с вымученной улыбкой.

За его спиной выглядывала из-под земли гигантская тарелка. Траншея росла. Приходилось закреплять земляные скалы стальной серебристой сеткой, чтобы избежать обрушения (Гард понятия не имел, как им это удалось, — но когда запасы в подвале подошли к концу, приехали какие-то женщины из города и привезли с собой целый фургон этой самой сетки, бережно свернутой, как свежевыглаженные шторы). Сетка сейчас необходима — склон-то срезают, а конца и края этой громадине не видно. Пожалуй, ее тень накроет собой весь дом Бобби.

Гард взглянул на Эндерса. Тот созерцал артефакт с блаженством на лице — так какой-нибудь провинциальный друид, впервые выбравшись из своей глухомани, мог бы созерцать Стоунхендж.

Гарденер поднялся, слегка покачиваясь, и проговорил:

— Ну что, перекур окончен. Пошли повзрываем.

Какое-то время назад они с Бобби уперлись в слой неподатливой породы; корабль крепко сидел в ней, как кусок арматуры в бетоне. Надо сказать, тарелка была целехонька, на жемчужно-сером корпусе — ни трещин, ни царапин, ни выщербин, но держало ее и впрямь цепко. И теперь придется взрывать, чтобы пробить этот затор. При других обстоятельствах сюда стоило бы позвать строителей, знатоков по динамитной части, с большим количеством взрывчатки.

О том, что в Хейвене есть взрывчатые вещества, в сравнении с которыми динамит — глубокая древность, Гард догадывался. В городе об этом не говорили, да и он не сказать чтобы очень уж интересовался. Люди давно перестали общаться вслух, и сведения подобного рода передавались исключительно среди посвященных. Чем бы там они ни располагали, факт остается фактом: кирпичная башня взвилась в небо, и к этому явно была причастна «новая и улучшенная» взрывчатка. Вспомнились те времена, когда Гард всерьез задавался вопросом, а не начнет ли артефакт, вырытый Бобби в лесу и так замечательно питающий мозг на предмет всевозможных изобретений, подсказывать людям, как создавать настоящее оружие. Да, те времена канули в Лету. Наивный Гард.

— Ты справишься один, Джонни? — спросил он Эндерса.

Школьный директор встал и поморщился, схватившись за поясницу. И хотя он устал сверх меры, на лице его на миг появилась улыбка. Мысль о корабле будто придала ему сил. В глазу лопнул сосуд, и показалась кровь — немного, одна капля. Так на них действует корабль, подумал Гард. Бобби Тремейн — тот продержался два дня, и у него в первый же день, еще на подходах к кораблю, выпали оставшиеся зубы.

Гард хотел сказать Эндерсу, что у него из глаза течет кровь, но потом решил, что лучше будет, если тот обнаружит это сам. Не загнется, пожалуй. Да если бы что и стряслось, теперь Гарду, похоже, было все равно. Именно это тревожило его всерьез.

А с чего волноваться? Или ты решил, будто эти пройдохи все еще люди? Пора бы уже повзрослеть, старичок.

Гарденер стал спускаться по склону, остановившись у пня, после которого каменистая почва сменилась щербатым, изрытым водами пластом. В руках Гард держал дешевенький транзисторный радиоприемник в прочном корпусе из желтого пластика, напоминающий щенка Снуппи. К радио была приделана плата от микрокалькулятора и множество батареек.

Напевая себе под нос, Гард неторопливо подбирался к краю траншеи. Вдруг музыка стихла, и он умолк, уставившись в огромный серый бок корабля. Сил ему это зрелище не прибавило, и хотя он, несомненно, ощущал благоговейный трепет перед инопланетной громадиной, в его душу закрадывался страх.

«Гы, конечно, на что-то надеешься, не отрицай. Будь честен хотя бы перед собой. Ведь где-то там есть ключ, вполне может быть...»

Ужас сгущался, затмевая собой все вокруг, и было ясно, что надежда в один прекрасный день окончательно померкнет.

Склоны расширились до того, что невозможно было дотянуться рукой до стенки корабля. Впрочем, не особенно-то и хотелось. Мало приятного, когда у тебя в башке во всю мощь врубают громкоговоритель. Это больно. Сейчас, если Гард прикасался к кораблю (а порой это было неизбежно), кровотечения случались реже — но ретранслятор в голове срабатывал как часы, стоило лишь задеть тресклятую штуковину. Бывало, хлынет из носа или уха, жуткое зрелище. Гарда интересовал вопрос, сколько ему отпущено времени, чисто теоретически. Как видно, отсчет пошел с того момента, как он очнулся на нью-хэмпширском волнорезе.

Все это время он жил взаймы. Кто он? Большой человек, у которого не осталось иллюзий, но он еще способен оценить всю иронию ситуации. Он надрывался, выкорчевывая из-под земли эту инопланетную железку. Каких только инструментов не держал в руках — весь ассортимент вселенского каталога Хьюго Гернсбека. Ни один из местных идолопоклонников не справился бы с этой работой, не загнав себя до смерти, с остервенением копая в подобии гипнотического транса. Но если они доберутся до люка, который, по мнению Бобби, непременно существует, — сумеет ли он войти внутрь? Ясное дело, он очень постарелся. Можете поставить на это свои часы на цепочке.

Он опустил ногу в веревочное стремя, затянул узел и сунул радиоприемник за пазуху.

— Трави помалу!

Эндерс стал крутить лебедку, и Гарденер начал свое нисхождение. За спиной пополз вверх серый бархатистый корпус корабля.

Если бы сейчас местным вздумалось от него избавиться, это было бы проще простого. Достаточно послать Эндерсу телепатический приказ: «Отпусти рукоятку, Джон, он нам больше не нужен». И полетит Гард на обвисшей веревке до самого дна. Сорок футов, и — хрись, бам! Нет больше Гарда.

Сейчас он находился в их милости, и до сей поры, судя по всему, они в нем нуждались. Пусть неохотно, но пока решено оставить его в живых. Взять того же паренька, Тремейна. Молод, силен как бык, а сгорел за два дня. Истлел, словно фитиль. Эндерс, может, и продержится до вечера, хотя тоже спорно. Гарденер готов поставить часы с цепочкой (шутишь, брат, какие еще часы?) на то, что завтра здесь будет уже другой соглядатай.

С Бобби все в порядке.

Черта с два! Если б не твой приезд, она загнала бы себя до смерти.

Конечно, она продержалась дольше, чем Эндерс или мальчишка Тремейн.

Логично было бы возразить, что Бобби со своей компашкой наведывалась в сарай, а Тремейн и Эндерс — нет. Ну, по крайней мере, ты их там не видел. Возможно, все дело в этом.

Так что же там внутри? Десять тысяч ангелов танцуют на булавочной головке? Или призрак Джеймса Дина? Туринская плащаница? Что?

Неизвестно.

Нога коснулась дна.

— Я на месте! — гаркнул он.

На краю котлована, на фоне крошечного клочка неба показалась маленькая голова Эндерса. На глубине корпус корабля от земляного склона отделял узкий зазор. С нахдачным шорохом проползла в сознании гадюка-клоустрофобия.

Двигаться приходилось осторожно, без спешки, чтобы не нарочком не задеть махину и не обрушить на себя шквал оглушительных звуков.

Внизу простирался пласт темной горной породы. Гард присел на корточки и провел по камню пальцами. Дно оказалось мокрым. Они здесь уже неделю, а влаги день ото дня становится все больше.

В то утро, с помощью нехитрого приспособления, бывшего некогда феном для волос, Гард пробурил небольшую квадратную скважину со стороной в четыре дюйма. Скважина углублялась в плотную подушку породы примерно на фут. Гард извлек из ящика с инструментами фонарик и посветил в дыру.

Внизу блеснула вода.

Поднялся с корточек и крикнул:

— Спусти сюда шланг!

— Э-э!.. А-а?.. Что-о-о? — донеслось сверху. Эндерс пребывал в явном замешательстве. Гарденер вздохнул: ему и самому было неясно, сколько еще он продержится в столь изматывающих условиях. Поразительно. У них тут целый набор фантастических прибамбасов, и никому из местных гениев до сих пор не пришло в голову протянуть сюда переговорное устройство. Вместо этого они изо дня в день дерут глотку.

Ответ, собственно, лежал на поверхности: им просто не пришло в голову. Зачем? Ведь сами они общаются посредством мыслей. Это ты здесь рабочая лошадка, а не они.

— Брандспойт! — заорал он. — Брандспойт, дурачина!

— Ах да, сейчас.

Пока спускался брандспойт, Гарденер думал о том, как же здорово было бы сейчас оказаться где-нибудь в другом месте или убедить себя, что все происходящее ему лишь снится.

Бесполезно. Сам корабль, конечно, штука дико экзотичная, но все остальное — слишком прозаично. Кислый запах пота, который распространял вокруг себя Эндерс, и его собственный пот, слегка отдающий перегаром. И боль от веревки, врезающейся в подъем стопы, когда Гард в очередной раз опускался на дно котлована, и мокрый на ощупь пласт под ногами.

Где же Бобби, Гард? Жива ли она?

Жива, но ей очень худо. Это чувство не покидало Гарда ни на минуту. Что-то с ней случилось в минувшую среду. Тот день стал переломным для всех, кто здесь живет. И хотя не получалось вспомнить ничего конкретного, Гард понимал, что не бредил и не впадал в беспамятство, хотя лучше бы с ним произошло нечто подобное. Они явно пытались что-то скрыть. Гард был уверен, что Бобби больна или ранена.

Но они об этом не говорят.

Бобби Тремейн: «Бобби? Да ну, мистер Гарденер, что с ней станется, на солнце перегрелась, всего и делов. Вернется, глазом моргнуть не успеете. Заодно и отдохнет в больнице!»

Складно придумано. Гладко стелет мальчишка, так и хочется ему поверить, а в глазах — чертовщина.

Гард представлял себе, что придет к «сарайщикам», как он успел их про себя окрестить, и скажет: «Выкладывайте все начистоту. Где Бобби?»

Ньют Беррингер: «Ишь ты, может, и нас в «полицию Далласа» запишешь?»

Ну тут, конечно, все примутся хохотать. Как же без этого. Полиция? Ха! И смех, и грех.

Может, поэтому так хочется орать, подумал Гард.

И вот он стоит в рукотворной земной впадине, в которой покоится немыслимых размеров летающий корабль инопланетян, и ждет, когда спустят брандспойт.

И вдруг в голове предсмертным визгом пронеслась последняя, заключительная фраза из «Скотного двора» Джорджа Оруэлла. Сам того не подозревая, он помнил этот фрагмент наизусть. «Подслеповатые глаза старой Кловер торопливо скользили по лицам. И когда оставшиеся снаружи звери переводили взгляд со свиньи на человека, с человека на свинью и снова на человека, начало происходить нечто странное и необъяснимое. Свиньи и люди вдруг перестали отличаться друг от друга».

А ну, Гард, завязывай!

Наконец показался брандспойт. Длинноящий, все семьдесят футов, наследство добровольной пожарной бригады. Когда-то он предназначался для распыления воды, теперь же благодаря грамотно подключенному вакуумному насосу работал на втягивание.

Эндерс травил рывками: опускаясь, конец брандспойта бился о корпус корабля. И каждый раз раздавался тупой всепроникающий звук, который здорово трепал нервы. В ожидании удара Гард внутренне сжимался.

Боже, ну-неужели обязательно так раскачивать?

«Плюх, плюх, плюх». Почему тарелка не бренчит, как все нормальные посудины? Звук — словно землю бросают на крышку гроба.

«Плюх, плюх, плюх».

Зря я не утопился, пока была такая возможность. Прыгнул бы с того треклятого волнореза в Аркадия-Бич, и дело с концом. В праздник четвертого июля. «Янки-Дудль к нам верхом приезжал на пони, шляпу круглую с пером звал он макарони».

Так давай, действуй. Валиума в аптечке хватает. Пришел домой, принял на грудь, и конец всей этой нервотрепке. Что, не можешь дальше терпеть и не знаешь, как все это закончить? Кишка тонка? Ну так убей себя. Местный люд наверняка закатит всеринку над твоим бренным телом. Думаешь, ты здесь кому-то нужен? Тебя терпят лишь потому, что Бобби не утратила свою человечность. Иначе тебя здесь давно бы уже не было. Если бы не она...

«Плюх, плюх, плюх».

А что она? Думаешь, она до сих пор на твоей стороне? Да. А если ее не станет, много ли будет времени в твоем распоряжении, прежде чем тебя вычеркнут из уравнения?

Немного, старина. Сущие пустяки. Минут пятнадцать.

«Плюх, плюх, п...»

Стиснув зубы, Гард подпрыгнул и ухватил латунный наконечник брандспойта, чтобы тот перестал колотиться о треклятый корпус. Подтянулся к себе и, опустившись на колени возле продолбленного в каменистом дне хода, взглянул наверх, отыскивая глазами крохотное лицо Эндерса.

— Запускай!

— Чего?..

Иисус бы прослезился, подумал Гарденер.

— Запускай свою дурру! — заорал он так, что голова чуть не раскололась надвое. Гард закрыл глаза.

— По-нял! — крикнул Эндерс и исчез из поля зрения..

Гарденер опустил конец шланга в прорубленное с утра отверстие. Вода медленно, задумчиво забулькала. Пальцы онемели. Сейчас днище котлована находилось на глубине сорока футов, хотя на начальном этапе раскопок срезали целый холм, и попади Гард сюда где-нибудь в первой половине июня, от земной поверхности его отделяло бы футов девяносто. Конечно, можно было сделать замеры, посмотреть, насколько корпус корабля теперь выступает из земли, произвести точные расчеты, но это было бессмысленно. Какая разница? Они фактически дошли до водоносного слоя — пропитанной влагой каменистой губки, и судя по всему, нижняя половина корабля или даже две его трети плавали в большом подземном озере.

Руки отнимались от холода.

— Ну давай, что ты там медлишь, — буркнул Гард.

И словно в ответ шланг начал вибрировать и извиваться. Шум мотора сюда не доносился, но и без него было понятно, что помпа заработала. Уровень воды в ямке начал снижаться, и вот уже показались красные, мокрые руки Гарда. Вода уходила.

Добрались до водоносного пласта. Теперь дело затормозится.

Ну, как минимум день уйдет на то, чтобы изобрести очередной усовершенствованный насос. Не обольщайся, Гард, это их задержит, но не остановит.

Но вот скважина опустела — в шланге зашуршало, как в порожнем сифоне, словно гигантская трубочка всасывала остатки кока-колы на дне гигантского стакана.

— Вырубай! — закричал Гард. Эндерс продолжал на него смотреть. Гарденер вздохнул и дернул за шланг. Тот растерялся, но вскоре понял. Показал рукой «о’кей!» и скрылся из виду. Прошла пара секунд, шланг перестал вибрировать и начал подниматься.

Гарденер придержал шатающийся наконечник, чтобы шланг не раскачивался и не брякал о корпус, затем отпустил его.

Вынул из-за пазухи приемник, взвел пусковой механизм, который должен был сработать с отсрочкой в десять минут. Сунул устройство в каменистый паз, замаскировал его парой булыжников. Основная ударная волна пойдет вверх, хотя это и не важно — мощности взрывчатки хватит на то, чтобы измельчить в крошку трехфутовый слой каменистой породы, который затем можно будет преспокойно погрузить на лебедку и вытащить на поверхность. Кораблю при этом ничего не сделается. Ему, как видно, все напочем.

Гарденер сунул ногу в стремя и крикнул:

— Тащи меня отсюда!

Никакой реакции.

— ДЖОННИ, ВЫТАСКИВАЙ МЕНЯ! — заорал Гард. Голова готова была треснуть от натуги, как ветхий шаговый шов.

Опять ничего.

Пока он держал шланг голыми руками в ледяной воде, температура тела упала градуса на два. Теперь же на лбу выступила липкая испарина. Гард посмотрел на часы. Прошло две минуты с того момента, как он включил радио. С циферблата Гарденер

быстро перевел взгляд на свежую кучу дробленого гранита, которым была завалена скважина. Еще можно раскидать камни и отключить механизм, времени хватит.

Однако каким-то чутием он понимал, что от переключателя уже ничего не зависит, реакция пошла.

Гард взглянул вверх, но Эндерса там не оказалось.

Вот так от тебя и избавятся, Гард.

В глаз стекла капля пота. Он отер ее тыльной стороной ладони.

— ЭНДЕРС! ДЖОННИ, ЭЙ!

Лезь по канату, Гард.

Сорок футов? И не мечтай. Может, когда-то, в колледже, забрался бы — да и то не факт.

Мельком взглянул на часы: уже три минуты.

Вот, значит, оно как. «Ба-бах!» И умывайте руки. Жертвоприношение великому кораблю. Мелочишко на алтарь томминокеров.

— Ну как там, пора?

Голова резко дернулась, аж шея хрустнула. Страх обернулся гневом.

— Таши, дурачина! Я завел его пять минут назад! Таши, пока я не взорвался!

У Эндерса отвисла челюсть. Он снова исчез, и Гарденеру не оставалось ничего другого, как ждать, нетерпеливо поглядывая на часы.

Тут петля на его ноге дернулась, мгновением позже он стал подниматься. Зажмурился, вцепился в веревку — только б теперь не свалиться. Нюхнул пороху, как говорится, зато понял, что умирать пока не готов.

Добравшись до края обрыва, он встал на землю, высвободил ногу из петли и зашагал в сторону Эндерса.

— Прости, я оплошал, — залепетал тот с виноватой улыбкой. — Мы вроде бы договорились, что ты крикнешь, прежде чем...

Удар пришелся ему в лицо. Мгновение спустя Эндерс лежал на земле с окровавленными губами, очки висели на одной дужке, а Гард даже не успел понять, что случилось. Зато теперь, без всякой телепатии, он чувствовал, что все мысли Хейвена сосредоточены на происходящем здесь и сейчас. Все ждали, что будет дальше.

— Из-за тебя я застрял там внизу со взведенной бомбой, — сказал Гард. — Если еще когда-нибудь хоть ты, хоть кто-то другой снова такое устроит, я вам покажу!.. Клянусь, лучше меня не вытаскивайте. Ты понял?!

Эндерса обуял праведный гнев. Свет померк в глазах. Пытаясь нацепить очки, он поднялся на ноги. Лысая голова была перепачкана грязью.

— Боюсь, вы не вполне отдаете себе отчет, с кем сейчас...

— Прекрасно отдаю, — огрызнулся Гарденер. — А теперь слушай меня. Все слушайте, понятно?! Проведите сюда переговорное устройство. Все это время я играл по вашим правилам. Я — единственный, кто способен здесь работать, не вскипятив себе мозги. Можно проявить хоть немного участия, а?! Слышиште?!

Эндерс безмолвствовал, устремив на него невидящий взгляд, и Гард понимал: тот слушает — слушает голоса, множество голосов. Теперь оставалось лишь ждать, какой они вынесут вердикт. Впрочем, от злости Гарду было уже все равно.

— Хорошо, — проговорил Эндерс, отирая тыльной стороной ладони кровоточащий рот. — В твоих требованиях есть смысл. Мы спустим сюда переговорное устройство и позаботимся о том, чтобы к тебе относились более... Как это ты сказал? — Презрительная улыбка тронула его губы; улыбка, чересчур хорошо знакомая Гарденеру. Так улыбаются «аргль-баргли» и «маккардлы» своего времени. С такими улыбочками поборники «мирного атома» взахлеб вешают о своих дражайших «детищах».

— Я сказал, «участие». Запомни. Вы же такие умные, ребята, так запоминайте. А хочешь, в словарик загляни, у меня как раз дома завалился. Принести, что ли, а, дурило?! — Он двинулся на Эндерса, и тот попятился, что не укрылось от взгляда Гарда. Какое же удовлетворение он испытал. Презрительная усмешка сошла с лица противника, сменившись нервной настороженностью. — Простого участия, Джонни, я большего не прошу. Запомни это, и все вы запомните. Если не ради меня, так ради Бобби.

Они стояли возле навеса для инструментов. Эндерс шуршился, исподлобья поглядывая на побагровевшее от злости лицо Гарда.

«А если Бобби умрет, вы со мной живехонько расправитесь — быстро и безболезненно, — думал Гарденер. — Я правиль но сориентировался на местности? Ага, молчишь, хрень лысый».

— Спасибо за откровенность. Я ее оценил, вернее, мы оценили, — проговорил Эндерс. Его губы, не находя опоры в беззубом рту, втягивались и вновь расслаблялись, подобно куриной гузке.

— Очень надеюсь.

— Думаю, нам тоже пора высказаться начистоту. — Он снял очки и принялся протирать их подолом потной рубахи. Было ясно, что так недотепа их еще больше замарает. В глазах директора блеснул недобрый огонек. — Не надо бы тебе распускать руки. Очень не советую — мы все тебе не советуем... э-э... впредь так поступать. Знаешь, в городе происходят... э-э... перемены...

— Да ну?

— Да. И из-за этого люди становятся, как бы это сказать... вспыльчивыми. Так что если ты будешь... э-э... вот так набрасываться с кулаками, это может стать... э-э... серьезной ошибкой.

— У тебя в ушах не шумит?

— Ты к чему это, я не понял... — настороженно начал Эндерс.

— Да я к тому, что сейчас громыхнет, если, конечно, наше радио — не фуфло.

Он направился к навесу — не сказать, что бегом, но, во всяком случае, не теряя времени на размышления. Эндерс бросил испуганный взгляд на корабль и поспешил следом, споткнулся о лопату и растянулся в грязи, потирая ушибленный подбородок и морщась. И тут раздался оглушительный грохот, земля заходила ходуном. Последовала череда глухих и вместе с тем пронзительных хлопков — это куски породы осыпались на корпус корабля. Некоторые взмыли в воздух и приземлились в яме, другие — на краю обрыва. Один осколок отскочил от тарелки и отлетел на приличное расстояние.

— Ах, ты еще издеваться вздумал, ничтожный тупица! — верещал Эндерс, лежа на земле и потирая ушибленный подбородок.

— Я же еще и тупица, — сказал Гард. — А кто меня только что в яме оставил?

Эндерс злобно сверкнул глазами.

Гарденер постоял немного, потом подошел к бедолаге и протянул ему руку.

— Ладно, Джонни. Что было — то было. Сталин и Рузвельт — и те объединились, чтобы победить Гитлера, так неужели нам слабо соблюдать перемирие хотя бы до тех пор, пока железку из земли не вытащим? Ну что, мир?

Эндерс не ответил, но помочь принял и поднялся. Молчаясь и временами бросая на Гарда недружелюбные взгляды, отряхнул одежду.

— Ну что, пойдем проверим, разродилась ли наша золотая жила, — предложил Гард. Ему было хорошо как никогда. Впервые за последние дни, месяцы и даже годы. Этот срыв — то, что он накричал на Эндерса, — принес ему небывалое облегчение.

— В каком смысле?

— А-а, пустое, — буркнул Гард и направился к котловану. Он заглянул вниз, высматривая воду и прислушиваясь к плеску. Похоже, на этот раз им улыбнулась удача.

Внезапно его осенило, что опасно вот так поворачиваться спиной к человеку, которому он только что заехал кулаком в челюсть. Тому ничего не стоит сейчас разбежаться и столкнуть его в яму, было бы желание. Воображаемая картина сопровождалась мысленным комментарием: «Распускать руки — серьезная ошибка».

Оглядываться Гард не стал: сейчас его переполняло необъяснимое и не совсем уместное ощущение покоя. Да, положение незавидное, и зеркала заднего обзора тут не спасут.

Наконец он обернулся. Эндерс стоял возле навеса и шуррился, как обиженный кот. Судя по всему, он находился в телепатической связи со своей муттирующей братией.

— Можно поинтересоваться? — сладким голосом окликнул его Гард. — Там внизу много обломков. Так что, вернемся к работе или продолжим обмен любезностями?

Эндерс зашел под навес, взял прибор для левитации, с помощью которого перемещали особо крупные глыбы, и направился к Гарду. Тот взвалил рюкзак на плечи и двинулся к стропам, бросив через плечо:

— Не забудь меня вытащить, когда крикну.

— Не забуду.

Гарду показалось, что в глазах Эндерса блеснул недобрый огонек — а может, это был лишь блик от очков. С удивлением Гарденер понял, что ему в общем-то все равно. Сунул ногу в канатную петлю и затянул ее, а Эндерс потопал к лебедке.

— Помни, Джонни. Участие.

Не проронив ни слова, Джон Эндерс стал опускать его на дно.

4

31 июля, воскресенье.

Последний акт исступленного безумия в Хейвене совершил Генри Бак, известный в узких кругах под именем Хэнк. Случилось это воскресным утром в четверть двенадцатого.

Как справедливо заметил Эндерс в разговоре с Гардом, в Хейвене народ вспыльчивый. Это подтвердила бы и Рут Маккосланд. Когда пропал Дэвид Браун и все хейвенцы бросились его искать, лишь благодаря Рут с ее нравственными установками, которые она ревностно блюла до последнего вздоха, дело обошлось парой тычков и оплеух.

Вообще-то вспыльчивость — это еще мягко сказано. Здешний народ сошел с ума.

Нервы были натянуты до предела, город напоминал пороховой погреб — только поднеси спичку, и все взлетит на воздух. Так бывает при утечке газа, когда для взрыва достаточно малейшей искры. Мальчишка-посыльный, так некстати нажавший кнопку дверного звонка, становится невольным участником трагедии.

Искра не проскочила, взрыва не последовало. Отчасти в том была заслуга Рут, отчасти — Бобби. Старожилы наведывались в сарай, полдюжины мужчин и одна женщина. Они-то и помогали всем остальным пройти начальную — и самую трудную фазу — «обращения». Так в шестидесятых хиппи-гуру проходили с новичками их первый трип на кислоте.

К счастью, «большого взрыва» в Хейвене не произошло, что не могло не сказаться на судьбе жителей Мэна, Новой Англии, Американского континента, а то и всей Земли. Я не стану утверждать, будто бы в целой вселенной не сырется мертвых

планет, бессмысленных гигантских головешек, погибших из-за того, что в какой-нибудь прачечной очередной проклятущей дыры кто-то забил своим бельем чужой барабан. И если наступит конец всему живому, никто вам не скажет, когда и как это произойдет. Одно ясно наверняка: каким-нибудь прекрасным июньским днем мир мог содрогнуться, когда в Хейвене, богом забытом городке штата Мэн, разразился скандал по поводу того, чья очередь платить по кругу за послеобеденный кофе.

Разумеется, мир может запросто погубить себя собственными силами, по совершенно незначительному с точки зрения световых лет поводу. И тем, для кого мы — лишь точка на оси Млечного Пути Малого Магелланова Облака, покажется совсем не важным, оставят ли русские за собой нефтяные месторождения в Иране и решит ли НАТО разместить американские боеголовки в Западной Германии. Как и то, чья очередь платить за пять кофе с плюшками. Ведь если мыслить в галактических масштабах, это одно и то же.

Как бы там ни было, а трудный период в жизни Хейвена закончился с наступлением июля. К тому времени практически все горожане лишились зубов, и начались другие, куда более загадочные мутации. У тех семерых, кто посещал сарай Бобби, притащаясь к великому Нечто, ждущему их в зеленом свечении, изменения стали проявляться десятью днями раньше, о чем они благополучно умалчивали.

Учитывая природу мутаций, это было мудрым решением.

Жестокую месть Хэнка Бака можно считать последним актом исступленного безумия, охватившего Хейвен. Об этом эпизоде стоит упомянуть отдельно.

По четвергам после работы друзья играли в покер. Кстати сказать, к тому же кругу принадлежал и Джо Полсон. (Хэнк Бак, Альберт Барфилд по прозвищу Питц, Джо Полсон, ныне покойный, — все собирались там.) Впрочем, к тридцати первому июля эта давняя традиция благополучно почила. И не столько из-за того, что эта стерва, Бека Полсон, слетела с катушек и поджарила жененька. Нет. Нашлась весьма прозаичная причина: невозможно блефовать, когда за столом одни телепаты.

Так или иначе, а у Хэнка имелся зуб на Питца Барфилда. И чем больше он об этом думал, тем хуже ему становилось. Подумать только! Все эти годы Питц сдавал со дна колоды! Об этом многие догадывались. Как-то раз (много воды с тех пор

утекло) они собирались в каморке у Кайла Арчинбурга поиграть в пул. Мосс Харлинген, который тоже присутствовал, шепнул ему на ушко: «Слает со дна, как пить дать. Смотри, шестерка под рукавом. — Бац! И шестерка скользнула в карман, словно на веревочке. — Гляди-ка, ловок, чертяка, за руку не поймаешь».

«Раз так, что ж ты не вышел из игры?..»

«Остальные чисты как стеклышко. Да если хочешь знать, я тут любого перениграю. Девять очков. Взятка. — Бац! — Ловок, чертяка, осторожничает — чуток подстраховывается, если масть дурная пошла. И ведь лишнего не мухлюет».

Хэнк тоже кое-что такое замечал. Конечно, в ту пору он думал, что у Мосса разыгралась фантазия. Мосс и сам был заядлым игроком, и те, чьих денег не удавалось взять, приходились ему не по нутру. Впрочем, чуть позже подобными подозрениями с Хэнком делились еще кой-какие люди, а многие отличные парни, с которыми он любил попивать пивко и перекидываться в картишки, попросту выходили из игры. Делали они это без лишних объяснений, по-тихому, никого не напрягая и не устраивая скандалов. Причины назывались разные: кто-то попал в лигу по боулингу и по понедельникам начал ездить в Бангор, а на два вечера в неделю жена не отпускала. У кого-то поменялся рабочий график, и играть до глубокой ночи уже не получалось. Другие в середине мая ссылались на то, что близится зима, а у них еще не отремонтирован снегоход. Так или иначе, никто даже не намекнул, что дело в Питце Барфилде с его мелкими происшествиями.

Так они постепенно отсеивались, и остался костяк из трех-четырех человек, которые продолжали собираться. И это было самое поганое, знать, что новички, в отличие от постоянных игроков, мгновенно просекают обман, чуют его с той же легкостью, что и запах бормотухи, неизменно исходивший от немытого тела Барфилда. Чужаки уходили, свои оставались, и все эти годы их держали за дураков.

И когда «обращение» пошло полным ходом, Хэнк понял очевидное. Мало того, что Питц сдавал со дна колоды, временами он втайне занимался краплением. Как стало ясно, искусство карточного шулерства Питц освоил вскоре после Второй мировой, коротая унылые часы на перевалочном пункте для солдат. В том удущливом июле Хэнк夜里 напролет ворочался в постели, тщетно пытаясь заснуть. Голова раскалывалась, в ней крутились беспокойные мысли. Вот поганец сидит в теплом

домике на ферме и, скинув ботинки и рубашку, наполняет дежурку терпким запахом пота. Упражняясь в тасовании карт, он скалится во весь свой мерзкий рот и представляет, как вернется домой и будет обирать всяких простофиль.

Две недели терзался Хэнк этими видениями. Как вдруг в одну прекрасную ночь на него снизошло откровение. Надо послать старину Питца в дежурку. Сказано — сделано. Где находится это место — было неясно. Может быть, до него пятьдесят световых лет, может, пятьсот, а может, и пять миллионов. Это такая фантомная зона. Главное, Хэнк понял, как туда добраться. Он сел, на его лице играла широкая улыбка. Голова больше не болела.

— Что за хрень эта дежурка? — пробормотал он, а потом решил, что на данный момент эта неясность — меньшая из его бед. Встал с постели и тут же приступил к работе. Часы показывали три утра.

С Питцем он поквитался через неделю после того, как его посетила эта замечательная идея. Барфилд сидел на стуле перед магазином Кудера и с интересом листал очередной номер «Гэллери». Хэнку подумалось, что шулерство, разглядывание голых женщин и распространение вони можно смело назвать любимыми занятиями Питца Барфилда.

Стояла жара. День выдался хмурым. На глазах у зевак Хэнк направился в сторону Альберта Питца Барфилда. Тот сидел, откинувшись на спинку стула, в тяжелых ботинках, обвив ногами переднюю перекладину, и разглядывал обаятельных скромниц. Стучавшая в головах зевак мысль Хэнка

(в дежурку в дежурку в дежурку в дежурку)
вкупе со здоровущим бумбоксом, который он нес за ручку, и заткнутым за пояс пистолетом, заставляла людей поспешно расступаться.

Питц был поглощен созерцанием журнального разворота, на котором красовалась девушка по имени Кэнди. В сопроводительной надписи упоминались ее хобби: яхты и мужчины с большими и нежными руками. Питц слишком поздно очутился, чтобы предпринять конструктивные шаги в свою защиту. Исходя из размера пистолета, который принес с собой Хэнк, в тот день за ужином люди посчитали (обмен мнениями происходил молча; обедающие открывали рот лишь затем, чтобы отправить в него очередную порцию пищи), что Питц все равно не успел бы спастись, даже если б озадачился этим с самого утра.

Стул Барфилда с грохотом опрокинулся.

— Да ты что, Хэнк? Ты что удумал-то?..

Хэнк извлек ствол, сувенир армейской молодости. Воинскую службу он проходил в Корее, а не на каких-то там пересыльных пунктах.

— Сиди и не дергайся, гадина лживая, — буркнул Хэнк. — По витрине размажу, ввек не отскребут.

— Да ты что, Хэнк?.. Хэнк...

Тот сунул руку за пазуху и извлек небольшие фирменные наушники «Борг». Воткнул в разъем магнитофона, включил его и швырнул наушники Питцу.

— Надевай. Посмотрим, как тебе такая раздача.

— Не надо, Хэнк, умоляю.

— Я с тобой торговаться не буду, Питц, — с предельной искренностью отрезал Хэнк. — Считаю до пяти. Если не найдешь наушники, я тебе пазухи вскрою.

— Боже, Хэнк, да ведь мы на мелочевку играли, символически! — заверещал Питц. Пот градом катился с бедолаги, распространяя вокруг на редкость тяжелый дух.

— Раз!.. Два!..

Питц дико озирался. Улица словно вымерла, вокруг — ни души. На площадь перед магазином опустилась тишина. Здесь было много машин, все стояли, припаркованные вразнобой, словно их хозяева отошли всего на минутку. Из наушников тихонько лилась музыка, «Los Lobos» мелодично вопрошали: «А выживет ли волк?»

— Ты что?! Из-за какой-то дурацкой игры на жалких три ставки! Да я вообще ничего не выиграл! — верещал Питц. — Господи, остановите его кто-нибудь! Он — сумасшедший!

— Три.

И тут Питц окончательно слетел с катушек и принялся орать:

— Дубина! Ты просто не умеешь проигрывать!

— Четыре, — проронил Хэнк и навел на противника свой армейский пистолет.

Рубашка Питца почернела от пота. Он вонял как куча навоза, нашпигованная напалмом. Вытаращил глаза и заорал, не в силах больше терпеть:

— Ну все, все, все!

Взял у Хэнка наушники и сказал:

— Все, надеваю. Надеваю, смотри.

Питц надел наушники и молча ждал. Хэнк, не выпуская из руки пистолет, склонился к бумбоксу. Этот прибор новейшей конструкции совмещал в себе функции кассетного магнитофона и радиоприемника. Кнопка «Пуск», расположенная позади держателя кассеты, была замотана клейкой лентой. На ней красовалась зловещая надпись: «Запуск».

Хэнк нажал эту кнопку.

Питц принялся орать. Крики постепенно стихали, таяли, будто кто-то убавлял громкость его голоса. Его тело стало зыбким, он выцветал, как фотография. На молочно-бледном лице беззвучно открывался рот.

Позади него открылся кусок иной реальности — небольшой, с нижнюю половину голландской двери, не шире. Было ощущение, что нынешний мир Хейвена вращается на неведомой оси, словно бугафорский шкаф, за которым спрятана потайная дверь. За этой дверью просматривался жутковатый пурпурно-черный ландшафт.

УХэнка волосы зашевелились. С треском захлопал воротник, словно кто-то лупил из автомата с глушителем. Весь мусор, что лежал на асфальте, — конфетные фантики, пачки от сигарет, пара пакетиков от чипсов «Шалтай-болтай», пронесся по тротуару и нырнул в дыру. Хлам затянуло в безвоздушное пространство чужого мира. Часть мусора пронеслась между ног Питца, другая часть будто прошла сквозь него.

Но тут и самого Барфилда подхватило и понесло в бездну, словно он стал легким, как мусор, валявшийся на мщеном тротуаре. Следом, шурша листами, порхнул журнал — ни дать ни взять летучая мышь, и Хэнк подумал: «Вот и славно. Чтивом ты обеспечен». Перевернулся и заскреб по асфальту стул, на котором совсем недавно восседал Питц. Полетел в дыру и застрял в разверстой пучине. А меж тем ветер крепчал, подобравшись к Хэнку. Тот склонился к магнитофону и хотел было нажать кнопку «Стоп», как вдруг до него донесся слабый крик, который исходил из того, другого места. Голос был тонкий и принадлежать Питцу явно не мог.

Крик вновь повторился:

— Хилли...

Хэнк недоуменно нахмурился. Кричал ребенок, и голос был смутно знаком, как будто...

— ...уже закончил? Я хочу домо-о-ой.

И тут что-то пронзительно звякнуло, и витрина Кудера, которую повредило взрывом в прошлое воскресенье, взвилась горстью стеклянных осколков. Хрустальный вихрь метнулся в дыру, чудом не задев самого виновника происшествия.

— ...умоляю, мне трудно дышать...

Банки фасоли, аккуратной пирамидкой сложенные на полках с надписью «специальное предложение», миновав Хэнка, устремились к пустому окну в иную реальность. По тротуару зашуршали двухкилограммовые пакеты с удобрением для газонов и пятикилограммовые — с углем.

Пора закрывать, подумал Хэнк, и тут, словно в подтверждение этой мысли, очередная банка фасоли хлопнула его по голове и, высоко подпрыгнув, влетела в разверстый пунцовочерный синяк.

— Хилли-и-и!..

Хэнк щелкнул по клавише «Стоп», и «дверной проем» исчез. С хрустом, ровно по диагонали рассекло застрявший в нем деревянный стул, и теперь одна его половина валялась на асфальте, а другая бесследно пропала.

Рэнди Крогер, немец, владевший разоренным магазином с конца пятидесятых, схватил Хэнка за шиворот и развернул к себе.

— Будешь платить за витрину, — пригрозил он.

— Конечно, Рэнди, как скажешь, — согласился Хэнк, в задумчивости потирая шишку, которая уже вздувалась на голове.

Затем Крогер показал на обломки стула, валявшиеся на асфальте.

— И за стул тоже, — провозгласил он и вернулся в магазин. Так закончился июль.

5

1 августа, понедельник.

Джон Леандро умолк и допил пиво.

— Как думаешь, что он ответит? — спросил он Дэвида Брайта.

Дэвид Брайт задумался. Они сидели в таверне «От щедрот», ярко разукрашенной бангорской пивнушке, обладавшей двумя примечательными особенностями: она располагалась через

дорогу от редакции ежедневной газеты «Бангорские новости», и по понедельникам в ней продавали «Хайнекен» за бакс с четвертью.

— Он скажет: езжай в Дерри и дописывай «Вести с полей», — ответил Брайт. — А потом, пожалуй, спросит, не подумывал ли ты обратиться за психиатрической помощью.

Леандро сник. Ему было всего двадцать четыре, и его последние два репортажа, посвященные исчезновению (читай, предположительному убийству) двоих патрульных и самоубийству третьего, разожгли в нем аппетит к «жареному». Ему было совершенно не в радость писать про благотворительный ужин общества американских ветеранов после того, как он плечом к плечу с другими храбрецами прочесывал ночной лес в поисках пропавших полицейских. Леандро подсел на серьезные репортажи. В глубине души Брайт жалел незадачливого простофилю. Казалось бы, в его двадцать четыре это как-то еще можно понять. Беда в том, что бедолага останется таким и в сорок четыре, и в шестьдесят четыре, и в восемьдесят четыре — если, конечно, доживет.

Престарелый болван — зрешище не для слабонервных. Брайт заказал еще пива.

— Да пошутил я, — буркнул он.

— Ты думаешь, он даст мне расследовать это дело?

— Нет.

— Так ты ведь сам сказал...

— Да я насчет психиатра пошутил, — терпеливо разъяснял Брайт. — Понял? Про психиатра.

Под кодовым словом «он» собеседники подразумевали Питера Рейно, редактора отдела городских новостей. Брайт давным-давно уяснил себе, что редактор городской газеты — это существо, по крайней мере, в одном схожее с господом богом: репортер предполагает, редактор располагает, и на его взгляд, Джонни Леандро предстояло убедиться в этом в весьма скромом времени.

— А ведь...

— Нечего там расследовать, — буркнул Брайт.

А дальше Леандро произнес слова, за которые кое-кто в Хейвене, а именно узкий круг посвященных, посещавших сарай Бобби Андерсон, мог бы существенно укоротить его жизнь.

— Мне надо разобраться, что же там происходит, в Хейвене, — проговорил он и тремя глотками допил свой темный «Хайнекен». — Все ниточки тянутся оттуда. Пропадает ребенок. Погибает женщина. Роудс и Гэббонс исчезли, возвращаясь из Хейвена. Дуган наложил на себя руки, и что? Он любил некую Маккосланд, которая опять же из этого городка.

— Да, умилительного дедульку не забудь, — подколол Брайт. — Носится и вешает, что исчезновение его внука — это следствие всеобщего заговора. Слава богу, еще не начал про Фу Манчу рассказывать и бордельное рабство.

— Так что ж там такое? — театрально вопрошал Леандро. — Что происходит в Хейвене?

— Злой гений дела вершит, не иначе, — буркнул Брайт. Подали пиво, но пить расхотелось. Хотелось одного: свалить отсюда поскорее. Зря он дедульку приплел: вспомнилось — и холодок по спине пробежал. Дед, конечно, с приветом, но в глазах у него...

— Что?

— Доктор Фу Манчу. Ну если еще и Нейланда Смита где-нибудь увидишь — считай, сенсация века у тебя в кармане.

Брайт подался вперед и хрипло добавил:

— Белое рабство. Смотри не забудь про свой источник, когда получишь приглашение в «Нью-Йорк таймс».

— Не вижу ничего смешного.

«И в восемьдесят четыре останется болваном, — подумал Брайт. — Только представьте».

— Да, кстати, — добавил Брайт. — Зеленые человечки. Тут полным ходом идет вторжение, только никто об этом не знает. И вдруг ты такой — опа! Героический репортер, боевой ястреб! Роберт Редфорд в роли Джона Леандро в захватывающей саге о...

Бармен склонился к ним и невзначай поинтересовался:

— Еще что-нибудь желаете?

Леандро встал с непреклонным лицом. Бросил на стойку бара три долларовые банкноты.

— Шуточки у тебя... Как мальчишка, чес-слово.

— Или как тебе такое, — мечтательно изрек Брайт. — Фу Манчу и космические зеленые человечки. Адская коалиция. И ты, один на всем белом свете, догадался. Клаату баада никту!

— Плевать я хотел на Рейно с его разрешениями, — отрезал Леандро. Брайт понял, что перегнул палку: болван разбушев

вался. — В следующую пятницу у меня законный отпуск, и начальство мне не указ. Поеду в Хейвен и сам во всем разберусь. В свободное от работы время.

— И то верно! — оживился Брайт. Он понимал, что пора бы ослабить напор — чего доброго, сорвётся малой, всыплет пару увесистых, но остановиться уже не мог, тот слишком часто подставлялся. — В том-то вся и прелест — пожать лавры, пока Редфорд не вмешался. Одинокий волчара! Герой! Клаату барада никту! Ты только часики не забудь прихватить, а то как же ты там без них?..

— Какие еще часики? — насупился Леандро. Ему порядком поднадоели издевки, но он упорно лез на рожон.

— Ну те самые, суперменские. Они посылают сигнал на особой частоте, его слышат только Супермены. Потянул за стерженек — и порядок, — разъяснил Брайт, для пущей наглядности демонстрируя собственные часы (и попутно обмочив штаны изрядной долей пива). — 3-3-3-3-3.

— Что считает Питер Рейно, мне глубоко безразлично, и шуточки свои оставь при себе, — сказал Леандро. — Вы еще, может быть, сильно удивитесь. — Направляясь к выходу, он бросил через плечо: — Да, кстати. Ты — циничный ублюдок, и в твоей крохотной башке — ноль воображения. Ответственно заявляю.

С этими словами Джон Леандро развернулся и был таков. Брайт отсалютовал бармену бокалом.

— Выпьем за здравие всех циничных ублюдков на свете, — проговорил он. — У нас хоть и нет воображения, зато отличный иммунитет против идиотов.

— Как скажете, — буркнул бармен. Он многое повидал на своем веку. Впрочем, ему не доводилось обслуживать бар в Хейвене.

2 августа, вторник.

Ближе к концу дня в рабочем кабинете Ньюта Беррингера собрались шестеро. Время близилось к пяти, но стрелки башенных часов застыли на отметке пять минут четвертого. Башня

была как настоящая, правда, сквозь нее легко пролетела бы птица — если бы в Хейвене еще остались пернатые. Компания состояла из завсегдатаев сарая Бобби, в чьи ряды совсем недавно влился новый член, Эдли Маккин. Среди присутствующих были Ньют, Дик Эллисон, Кайл, Хейзел и Фрэнк Спрюс.

Им надо было кое-что обсудить без посторонних ушей.

Фрэнк Спрюс спросил, как себя чувствует Бобби.

Жива, отвечал Ньют, конкретнее тебе никто не скажет. Возможно, она выйдет из сарая, но вероятнее всего — нет. В любом случае мы сразу узнаем.

И они тут же перешли к обсуждению недавней выходки Хэнка Бака, а также таинственных звуков, которые, как утверждал сам Хэнк, доносились из дыры в иную реальность. Не сказать, чтобы кто-то сильно переживал по поводу покойного Питца Барфилда. Скорее всего, старый пень получил по заслугам; и даже если возмездие было чересчур суровым, уже не важно. Что сделано, то сделано. Хэнку за его выходку ничего не было; за разбитую витрину и вылетевший в «трубу» товар он расплатился. Выписал Рэнди Крограмеру чек, тот позвонил в банк, убедился, что чек — не липа, на том и замяли.

Даже если б кто и захотел наказать Хэнка, сделать это было затруднительно. Единственная в городе тюремная камера находилась в подвале городской ратуши. Временами Рут затачивала туда перебравших воскресных гуляк. Выйти из нее не представляло труда, любой подросток запросто справился бы с этой нехитрой задачей, и Хэнк просидел бы там минут десять от силы. Можно было, конечно, отправить нашкодившего в окружную тюрьму, но тогда пришлось бы объяснять, что же в реальности произошло, и звучало бы это как минимум странно. В итоге оставалось лишь два более-менее приемлемых варианта: отпустить его с богом или благополучно телепортировать на Альтаир-4. К счастью, теперь у заседателей была отличная возможность заглянуть в мысли Хэнка и изучить его мотивацию. Обуревавшая его злость постепенно рассеивалась — как и у остальных жителей города. Вопиющих злодейств он не замышлял, а потому решено было оставить его в покое. Радио у него отобрали и, взяв с него слово, что нового он не смастерит, перешли к следующему вопросу, который интересовал присутствующих куда сильнее: какой такой голос слышал из дыры Хэнк?

Это Дэвид Браун, кто ж еще, заявил Фрэнк Спрюс. Кто-нибудь хочет возразить?

Нет желающих.

Дэвид Браун застрял на планете Альтаир-4.

Мало кто представлял себе, что же такое Альтаир-4 и где его искать. И по большому счету это никого не интересовало. Название, взятое из какого-то старого фильма, само по себе мало что значило, как и прозвище «томминокеры», позаимствованное из детского стишка. Важно было другое (хотя и это не сильно заботило обитателей Хейвена): Альтаир-4 — это подобие космического склада; место, где хранятся ненужные вещи. Как раз туда Хэнк и отправил вонючку Питца, перед этим совершенно бесполково распылив его на атомы.

Очевидно, с Дэвидом Брауном дело обстояло иначе.

Хейзел спросила, нельзя ли вернуть малыша.

Долгая задумчивая пауза.

(да пожалуй да)

Последняя реплика не принадлежала никому конкретно — они разом это подумали; групповое мышление, как в улье.

(а ради чего мучиться)

Собравшиеся бесстрастно переглядывались. Нет, они, конечно, могли испытывать эмоции, но не по такому ничтожному поводу.

Вернем его, равнодушно подумала Хейзел. Брайану и Мэри будет приятно. Да и Рут бы порадовалась. Ведь мы ее любили, не забывайте. Все это прозвучало так, словно бы женщина предлагала подруге угостить сынишку стаканчиком газированной воды за хорошее поведение.

Нет, проговорил Эдли, и все на него посмотрели. Выступать ему было неловко, и все же он продолжал. Нельзя этого делать. Едва только прознают о «чудесном возвращении» пропавшего мальчика, сюда слетятся репортеры со всего штата. Больше двух недель прошло, ему четыре года — он давно уже мертв, по их представлениям. И тут вдруг взялся из ниоткуда. Шумиха поднимется.

Все одобрительно закивали.

«И что он скажет? — вставил Ньют. — Если мальчика спросят, где он пропадал, что он скажет?»

«Можно стереть ему память, — предложила Хейзел. — Какие проблемы? Амнезия — обычное дело в таких обстоятельствах, репортеры поверят».

(да но проблема не в этом)

И вновь все заговорили разом. Замелькала череда слов и образов. Беда в том, что в Хейвене все зашло слишком далеко и пускать сюда посторонних попросту нельзя. Ну разве кто-нибудь промчится мимо на большой скорости. Впрочем, на таких рассчитаны ремонтные знаки: «Идут работы», «Объезд». Так что большинство не сунется. Главная и первейшая опасность — репортеры, уж этого никак нельзя допустить: башня не проявится на пленке, она — лишь иллюзия. Да, уж лучше пусть сидит себе Дэвид Браун на Альтаир-4. Ничего ему не сделается. Из того немного, что они знали об этом месте, было ясно: время там течет по-другому, и с тех пор как Земля отдалилась от Солнца, на Альтаир-4 прошло всего ничего. Так что Дэвид Браун туда только что прибыл. Конечно, не исключено, что малыш погибнет — нападут какие-нибудь диковинные микробы, с которыми не справится его иммунитет, или его пожрет откормленная складская крыса, или он попросту умрет от шока. Но, скорее всего, этого не случится. А если и случится, то какая, по сути, разница?

«А у меня чувство, что мальчионка нам еще пригодится», — проговорил Кайл.

(как)

Как отвлекающий маневр.

(в каком смысле)

Кайл не мог толком сформулировать, что имеет в виду. У него просто было чувство, что если к Хейвену вновь пытаются привлечь внимание какой-нибудь выходкой наподобие той, что выкинула Рут со своими взрывными куклами, сработавшими гораздо мощнее, чем она сама ожидала, тогда можно будет высадить Дэвида Брауна в каком-нибудь другом месте. И если все сделать грамотно, мы выиграем немного времени, которого нам не хватает. «Обращение» — процесс долгий.

Он не сумел толком это объяснить, но все и так его поняли и согласились. Подождем пока с Дэвидом Брауном, пусть, так сказать, посидит за кулисами.

(только Мэри не говорите, она еще не созрела — скрывайте от Мэри до поры)

Все шестеро переглянулись. Голос не принадлежал ни одному из них. Слабый, хотя и отчетливый, голос исходил от Бобби Андерсон.

«Бобби! — воскликнула Хейзел, приподнявшись со стула. — Как ты себя чувствуешь? Поправляешься?»

Нет ответа.

Бобби исчезла, как будто испарилась. Они переглядывались, осторожно пытаясь выведать друг у друга, случилось ли это в действительности или лишь показалось. Каждый понимал, что если бы он сейчас остался один, не имея возможности получить подтверждение, то счел бы этот голос не чем иным, как чрезвычайно мощной галлюцинацией.

«Ну и как же скрыть это все от Мэри? — с ноткой раздражения спросил Дик Эллисон. — Ведь мы не умеем прятать друг от друга мысли».

«Этому можно научиться, — ответил Ньюот. — Не идеально, конечно — так, тумана напустить. Потому что...»

(потому что мы были)

(были там)

(в сарае Бобби)

(надевали наушники в сарае Бобби)

(питались чтобы «становиться»)

(вкушайте эту трапезу делайте так в память обо мне)

По комнате пронесся легкий вздох.

«Расходимся, что ли?» — подумал Эдли Маккин.

— Да, — проговорил Қайл. — Пора по домам.

Это была первая фраза, сказанная вслух с начала собрания.

Она же ознаменовала его конец.

3 августа, среда.

Местный риелтор Энди Бозман, закрывший свое дело три недели назад, пришел к выводу, что чтение мыслей — способность, к которой очень быстро привыкаешь. Это стало ясно, когда он нес очередную вахту на ферме Бобби, помогая раскапывать корабль и присматривая за пьяницей.

О том, что проблемы возникнут, он знал заранее — об этом говорили Эндерс и мальчишка Тремейн. Частично дело осложнялось непосредственной близостью к кораблю. Рядом с этой инопланетной громадиной чувствуешь себя как в пу-

стыне, когда вокруг гуляют песчаные вихри: штормит, по телу проносятся энергетические потоки непонятной природы, и ты покрываешься мурашками. Бывает, накатит грандиозная идея и, неспешно заплыв в разум, мешает сосредоточиться, и все валится из рук. А бывает наоборот. Мысли начинают дробиться, как если бы кто-то направил ультразвуковую волну поперек пучка ультрафиолетовых лучей. Но самое невозможное — созерцать эту невероятную громаду, корабль, будто бы вышедший из глубин сна. Смотришь на него, и охватывает невыносимая радость, волнение и благоговение, пугающее и властное. Теперь Бозман понимал, что чувствовали древние евреи, несшие ветхозаветный ковчег через пустыню. Преподобный Гурингер рассказывал в одной из проповедей, как один любопытный решил заглянуть вицтру. Приоткрыл крышку, сунул туда голову и свалился замертво.

Потому что там, внутри, был бог.

И в корабле, наверное, тоже таится нечто подобное, думалось Энди. Сам-то бог, может, и свалил оттуда, но что-то там осталось, что-то божественное. Мысли постоянно упливали в этом направлении, и было чрезвычайно трудно сосредоточиться на текущей задаче.

Что всерьез раздражало — это непроглядный мрак, царящий в мыслях Гарденера. Любые попытки его прощупать натыкались на стену. Это все равно что с размаху ткнуться в запертую дверь в полной уверенности, что она открыта. И когда нужен какой-нибудь инструмент, приходится драть глотку, а он, будто нарочно, не слышит.

Реакция нулевая. Или, бывает, пытаешься прослушать, о чем он думает, — ну это как взять трубку селекторной связи, чтобы узнать, кто там сейчас разговаривает. А там — никого. Мертвая тишина.

На внутренней стене навеса для инструментов забренчал звонок интеркома. По земле от него змеился провод, исчезая в глубокой траншее, из которой торчал корабль.

Бузман щелкнул тумблером, включившись в режим разговора.

— На месте.

— Вытаскивай меня, время пошло, — устало проговорил Гарденер. Видать, худо ему сейчас было. Бузман знал, что с вечера Гарденер пил не переставая, — слышал, как ближе к полу-

ночи его рвало на крыльце, а поутру, заглянув в комнату, Энди заметил кровь на подушке.

— Мигом.

Местные уже были научены горьким опытом с Эндерсом и знали, что если Гард просит его поднять — шевелись, не зевай.

Энди поспешил к лебедке и принял ее вращать. Несладкое это было дело — вращать лебедку. Правда, Бозман утешал себя тем, что, когда ликвидируют нехватку аккумуляторов и отладят процесс, где-нибудь через недельку, все будет работать как часы. Сам он не был уверен, что доживет до этого времени. Корабль здорово тянул из человека силы. Близость Гарденера тоже изматывала — правда, несколько по-другому. Рядом с этим человеком возникало чувство, будто на тебя наведено ружье с чувствительным спусковым крючком: невозможно предсказать, что произойдет в следующий момент. И то, как он навалял бедняге Эндерсу, — лишнее тому подтверждение. Джон просто не смог угадать его намерения. Нет, временами мысли всплывали, точно большие болотные пузыри. Частично или полностью, они проявлялись, как газетные заголовки, но в основном было глухо. Может быть, мерзавец сам заслужил — мало кому понравится сидеть в яме с активированной взрывчаткой. Да только суть в другом: нападение оказалось полной неожиданностью для телепата Эндерса. И здесь таилась главная опасность. В любое время Гарденер может выкинуть такое, что им и не снилось, и никто не сумеет ему помешать, потому что до последнего момента никто ни о чем не заподозрит.

В минуту отчаяния Энди даже мечтал, чтобы Бобби наконец умерла. Тогда они спокойно избавятся от ее любимчика. Конечно, работа застопорится всерьез и надолго, но, если так подумать, может, оно того и стоит.

· Еще тот тип. Как выкинет номер — дар речи потеряешь.

Ну вот, к примеру, что было утром. Сделали перерыв на кофе. Бозман прескокойно сидел на пне, жевал крекеры с арахисовым маслом, пил из термоса охлажденный кофе. Раньше, бывало, он предпочитал горячий, даже в жару. Но теперь кипяток ему не осилить — рот без зубов, десны болят.

Гарденер сидел на засаленном куске брезента, сложив по-турецки ноги, и, надкусывая яблоко, цедил пиво. Бозман впервые видел, чтобы кто-то употреблял пиво и жевал яблоко

одновременно, тем более с утра, что не мешало пьянчуге благополучно совмещать два этих занятия. С того ракурса, откуда Энди на него глядел, отчетливо просматривался шрам где-то в дюйме над левой бровью. Видимо, как раз там и находилась злосчастная пластина.

Гарденер задумчиво повернулся и перехватил устремленный на него взгляд. Бозман вспыхнул, ему вдруг показалось, что тот сейчас примется орать на него и говорить чепуху, а может, чего доброго, рванет с места, чтобы отвесить ему пару тумаков. «Пусть только попробует, — закипал Бозман, сжимая кулачики, — уж я ему покажу, кто я на самом деле. Тоже мне, нашел слабака. Я ему не Эндерс».

Впрочем, Гарденер ничего подобного и не замышлял. Мерно и нерасторопно он принялся говорить, презрительно улыбаясь. И вскоре Бозман понял, что тот декламирует. И вот он сидит, скрестив ноги, на сальном куске брезента, сам не свой с похмелья, а на щеках его играет солнечная рябь, отраженная от лоснящегося бока корабля. Сидит и читает *наизусть, словно школьник*. Да, этот человек явно псих. Он ненормальный, и Бозман искренне желал ему смерти.

— «Том выпустил кисть из рук с виду не очень охотно, зато с ликованием в душе, — начал Гарденер, прикрыв глаза и повернувшись лицом к теплому утреннему солнцу. Он улыбался. — И пока бывший пароход «Большая Миссouri» труился в поте лица на солнцепеке, удалившись от дел художник, сидя в тени на бочонке, болтал ногами, жевал яблоко и обдумывал дальнейший план избиения младенцев»*.

— Что-что? — попробовал возмутиться Энди, но Гарденер, искривив губы в еще более циничной усмешке, его бесцеремонно перебил:

— «Мальчики ежеминутно пробегали по улице; они подходили, чтобы посмеяться над Томом, — и оставались белить забор. Когда Бен выдохся, Том продал следующую очередь Билли Фишеру за подержанного бумажного змея, а когда тот устал белить, Джонни Миллер купил очередь за дохлую крысу с веревочкой, чтобы удобней было вертеть...»**

Гарденер допил пиво, рыгнул и потянулся.

* Перевод Н.Л. Дарузес.

** Перевод Н.Л. Дарузес.

— Дохлую крысу на веревочке я от тебя не получил, конечно, но зато, Бози, ты приволок мне переговорное устройство. И ведь это только начало, правда?

— Я тебя не понимаю, — проговорил Энди. В свое время он два года отучился в колледже на управленца, но потом вынужденно оставил учебу и пошел работать — у отца было слабое сердце и скакало давление. Такие вот высоколобые проходимцы здорово раздражали Бозмана. Один умник написал, другой вызубрил. И сразу дермо у него стало слаше, чем у простых людей.

— Вторая глава «Тома Сойера», — пояснил Гард. — Когда-то Бобби жила в Ютике, и в седьмом классе у них устроили «ярмарку талантов». Ее выставили на конкурс чтецов. Сама-то она не хотела участвовать, даже боялась, но сестричка решила, что это испытание пойдет ей на пользу. А если уж сестрица Энн что решила — ее не переубедить. Тот еще подарочек. И в те времена она была не лучше. Давненько я ее не видел, что славно. Редко люди меняются, особенно такие.

— Слушай, я не Бози, и не зови меня так, — проговорил Энди, надеясь, что его голос звучит угрожающе.

— Как-то раз на первом курсе Бобби написала в конкурсном сочинении (я тогда был у них преподом), что едва со страху не умерла, читая при всех отрывок из «Тома Сойера». Я обалдел. — Гарденер встал и направился к Энди, который поглядывал на него с опаской. — На другой день я оставил ее после уроков и спросил, помнит ли она тот отрывок. Оказалось, помнит. Я ничуть не удивился. Некоторые вещи не забывают-ся, особенно если сестрица, этот ходячий бронетранспортер, вынуждает тебя положить голову на плаху и отдаваться на волю зрителя. В самый ответственный момент текст вылетит у тебя из головы, но потом ты будешь цитировать его даже на смертном одре.

— Слушай, у нас работы невпроворот, — встярал Энди.

— Она прочитала предложения четыре, и тут я к ней присоединился. У Бобби челюсть отвисла. Так мы и декламировали вместе, слово в слово, и улыбались до ушей. И это понятно. Мы оба росли застенчивыми детьми. Ее гнобила сестра, меня — мать. И обе упорно пытались нас переделать. Такие люди думают, что если человека подвергнуть самому страшному для него испытанию, то у него тут же все пройдет. Заставить, скажем, читать стихи на «ярмарке талантов». Мы даже умудрились

выбрать один и тот же отрывок, что, впрочем, неудивительно. С «Побелкой забора» сравнимся, пожалуй, лишь «Сердце-обличитель».

Гарденер набрал полную грудь воздуха и заголосил:

— «Негодяи! Перестаньте притворяться! Я сознаюсь!.. подымите доски!.. вот здесь — здесь! это бьется его гнусное сердце!»*

Энди пронзительно вскрикнул. Уронил термос и облил себя холодным кофе, перепачкав брюки.

— Ну вот, Бози, — небрежно заметил Гарденер. — Теперь не отстираешь.

В отличие от Бобби, я дочитал до конца и занял второе место. Но и только. Страх публичных выступлений меня не покинул, стало сице хуже. И каждый раз, когда выхожу на сцену и меня начинают пожирать глазами, в памяти всплывает тот эпизод и вспоминается Бобби. Порой этого бывает достаточно, чтобы взять себя в руки и выстоять до конца. Вот так мы и подружились.

— Я не понимаю, при чем тут все это! Какое оно имеет отношение к нашей работе?! — заорал Энди не своим голосом. Сердце бешено колотилось от страха. Когда Гарденер так резко вскрикнул, он окончательно убедился, что тот не в себе.

— Не понимаешь, к чему тут забор? — спросил Гарденер, рассмеявшись. — Ну тогда ты точно слепец, Бози.

Гард махнул рукой в сторону корабля. Тот торчал из земли под углом в сорок пять градусов.

— Мы, конечно, его не красим, а откапываем, но это ничего не меняет. Бобби Тремейн и Джон Эндерс выдохлись. Уверен, что и ты завтра не придешь, а если я ошибаюсь, то готов слопать твои сандалии. Дело в том, Бози, что я ничего за это не получаю. И смотри, передай тому, кого они там завтра пришлют, чтобы принес мне дохлую крысу и веревочку, понял? Ну или как минимум мраморный шар.

Гарденер замер на полпути к траншею и обернулся. Энди не мог читать мысли этого сутулого дылды с усталым измотанным лицом, и ему было худо как никогда.

— А еще лучше, — вкрадчиво продолжил Гард. Энди едва различал слова, так тихо он говорил, — приведите-ка вы завтра

* Перевод Д.Л. Михаловского.

Бобби. Посмотрим, вспомнит ли «новая и улучшенная» Роберта главу о том, как Том красил забор.

Закончив разговор, Гард подошел к стропам и дал Энди отмашку. Он вновь спускался в котлован.

«Вот так подстава», — сокрушался Энди. И это — лишь начало, самое интересное ждет его впереди, когда Гард, по своему обыкновению, добавит к утренней дозе еще пять или шесть бутылок и окончательно слетит с катушек.

Увидев поднимающегося Гарденера, Энди с трудом поборол в себе искушение отпустить рукоять лебедки и тем самым положить мучениям конец.

Он отдавал себе отчет в том, что не ему решать судьбу Гарденера. Пьянчуга — собственность Бобби Андерсон, и, пока она пребывает в сарае, ни жива, ни мертва, надо мириться с нынешним положением дел.

— Давай, Бози, в темпе, — буркнул Гарденер. — Знаешь, как эти камни далеко отлетают...

Гард направился к навесу для инструментов, Энди потрусили следом.

— Я же сказал, мне неприятно это прозвище, — буркнул он.

— Знаю, — сказал Гарденер и смерил его безучастным взглядом.

Они укрылись позади навеса, и минуты через три раздался оглушительный взрыв. Фонтан камней взметнулся в небо. Россьюпю они опадали вниз, бренча и клацая о корпус корабля.

— Я бы... — начал было Бозман.

Гарденер схватил его за руку. Глаза его горели, лицо было напряжено.

— Тихо! — зашипел он.

Энди высвободил руку и посетовал:

— Да что с тобой происходит?

— Слышишь?

— Ничего... — И тут до него донеслось. Какое-то шипение, точно на плите закипал огромный чайник. Звук исходил из траншеи.

— Это они! — прошептал Бозман, посмотрев на Гарда ошарашенным взглядом. Губы его тряслись, изо рта брызгала слюна. — Все это время... Они были живы, мы разбудили их. Они выходят!..

— Явление Христа народу, — без особого воодушевления проговорил Гарденер.

Звук нарастал, вновь раздался оглушительный грохот. Это был не взрыв, просто рухнуло что-то тяжелое. Мгновением позже упал и Энди. Силы его оставили, и он опустился на колени.

— Это они! Они, они... — лепетал он.

Гарденер подхватил его под мышки, морщась от терпкого запаха пота, и поставил на ноги.

— Вода это, — буркнул он, — а не томминокеры.

— А? Что? — Бозман глядел на него, словно не понимая, где находится.

— Вода! — крикнул Гард и встряхнул Бозмана за плечи. — Теперь у нас есть собственный бассейн, Бози, понял?

— Какого черта...

И тут вдруг прорвало. Шипение резко перешло в грохот, вода взвилась высоко в небо, разливаясь широким веером. Казалось, будто гигантский малыш зажал пальцем кран, и в воздух взметнулся фонтан брызг. Вода прорывалась сквозь множество трещин на дне котлована.

— Вода? — еле слышно вторил Энди. Прозаичность момента не укладывалась в его голове.

Гарденер не ответил. В воздухе плясали цветные радуги. Вода ручьями стекала по гладкому боку корабля, оставляя на нем искристые капли. Присмотревшись, Гард заметил, что бусинки влаги подпрыгивают на поверхности, словно на жаровне с кипящим маслом. Причем движения их были не случайны, капли подчинялись неким векторам силы, которые опоясывали корпус корабля подобно меридианам.

«Корабль пронизан силой. Благодаря каплям я вижу ее не-вооруженным глазом, — думалось Гарденеру. — Бог ты мой».

И вдруг раздался оглушительный треск. Земля ушла из-под ног. Непрочная порода, преграждавшая путь влаге, подалась под давлением воды и развалилась на куски, высвободив огромный поток. Сама природа закончила то, что началось со взрыва. Струи стали опадать, и вот уже последняя радуга поколебалась в воздухе и исчезла.

Корабль шевельнулся, высвобождаясь из каменных тисков, в которых так долго пробыл. Тронулся он самую малость — неуловимое, почти призрачное движение, словно

игра фантазии. Этого мига хватило, чтобы представить себе, каким грандиозным он будет выглядеть, поднимаясь в небо. Картина живо нарисовалась в воображении Гарда. По земле идет рябь, игра света и тени, и серебристо-серая машина величаво выбирается из каменистой ямы, оглашая окрестности неземным воем. Железный панцирь скребет по жесткому остову горной породы. Всё взгляды Хейвена в эту минуту устремлены в небо — туда, где горячая, лоснящаяся на солнце громадина, похожая на титаническую серебряную монету, медленно выравнивается относительно горизонта впервые за тысячи и тысячи лет и, свободная, беззвучно воспаряет в небо...

Как же сильно захотелось это увидеть, боже! И не важно, что там будет дальше, к доброму или к худому, — лишь бы пережить этот миг.

Гарденер встяжнул головой, словно желая сбросить оцепенение.

— Пошли посмотрим, что там, — обратился он к напарнику.

И не дожидалась ответа, устремился к траншеи и посмотрел вниз. Где-то там по-прежнему шумела вода, но разглядеть, что творится в яме, было почти невозможно. Гард прикрепил к стременам подъемника здоровенный прожектор, который служил хорошим подспорьем в ночное время, и опустил его вниз футов на десять. Этого оказалось достаточно. Еще десяток футов — и прожектор ушел бы под воду. Они и впрямь пробили свод подземного озера, и теперь траншея быстро заполнялась водой.

Секундой позже к нему подошел Энди. Лицо его было искалено страданием.

— Столько работы — и коту под хвост! — закричал он.

— Ты случайно трамплин для прыжков не захватил? По четвергам и пятницам вход бесплатный.

— Молчи, гадина! — заорал Бозман. — Молчи! Ненавижу!

Гарденер был на грани истерики. Он попятился, сел на пень и прыснул со смеху. Интересно, насколько герметична эта проклятущая машина и дорого ли дадут за ржавую летающую тарелку? Гард хотел и не мог остановиться. Даже когда Энди Бозман со всей дури влепил ему по лбу, одним ударом опрокинув на землю, это не помогло.

4 августа, четверг.

Когда стрелки на часах показали без четверти девять, Гарденер стал всерьез задумываться, придет ли кто-нибудь вообще. Как знать, может, они благополучно решили забить на это дело. Сидя на крыльце в кресле-качалке, он обдумывал свежую идею и заодно ощупывал здоровенную шишку сбоку головы, куда накануне ему заехал Энди Бозман.

Ночью опять нагрянули визитеры. Те же лица, тот же «кадиллак». Очередные посиделки в сарае Бобби. Опершись о подлокотник, Гард созерцал их сквозь окно своей комнаты и задавался вопросом, кто подает чипсы и соусы сей благородной публике. Сойдясь возле длинного капота «купе-девиль», они постояли там минутку, потолковали и безликими тенями направились к сараю. Открылась дверь, и из проема брызнул ярко-зеленый свет, напоминающий болезненную зелень люминесцентного циферблата. Он озарил сразу весь двор и даже гостевую комнату, где находился Гард. Заговорщики зашли внутрь, не догадавшись плотно прикрыть за собой дверь. Свет померк, сузившись до вертикальной полоски. Странное дело, эти люди, жители богом забытого городка в штате Мэн, стали самыми мозговитыми гомо сапиенс на планете, но и они не могли смекнуть, как запираться снаружи, находясь внутри, а повесить замок на внутренние скобы так и не удосужились.

«Быть может, они забывают обо всем на свете в таком волшебном месте?» — думал Гард, сидя на крыльце и обратив взор в сторону городка.

Гард приложил руку к глазам, заслоняясь от сияния. Судя по звуку, к дому приближался грузовик. Старый большой лесовоз показался смутно знакомым. В прицепе было закреплено нечто, накрытое брезентом, и полы чехла колыхались на ветру. Гарденер знал, что из его идеи что-то выгорит, и, конечно же, местные не думали сдаваться.

В сарай, где томминокеры сидят,
пробрались темной ночью чужаки.
Какого черта бродят и не спят — узнать мне было, братцы,
не с руки.

Да уж, вири не для университетского жюри — зато отражают истинное положение дел. Как говорится, «и вот к чему пришел Джим Гарденер в конце своего жизненного пути». Возможно, потомки назовут это «периодом томминокеров», или «сарайным этапом», или...

Во внутренний двор с пыхтением въехал грузовик. Мотор чихнул и смолк. Из кабины вывалился водила в футболке с обрезанными рукавами — тот самый, который ссадил Гарда на въезде в Хейвен четвертого июля. Гард его сразу признал. Кофе вспомнил. Спасибо, старина, сахарусыпанул от души. Этот человек был похож на второстепенного героя новеллы Джеймса Дикки о том, как городские пижоны решили спуститься по реке в каноэ. Парень вроде бы не местный. Из Альбиона — кажется, так он сказал.

А заразу-то разносит, как видно. Что ж, ничего удивительного. Это ведь радиоактивные осадки, а Альбон — как раз по ветру.

— Здорово, — поприветствовал водила и тут же подколол: — Не узнаешь, что ли?

— Узнал, — ответил Гард.

Всего месяц минул с той славной поры. Месяц, за который как будто прошло лет десять жизни. И все же память услужливо подсказала имя.

— Фриман Мосс. Здорово, коль не шугиши. Ты подвозил меня. Помню... А я как раз Бобби спешил проведать. Ну ты, пожалуй, и так знаешь.

Мосс обогнул грузовик, потянул за узлы, принял снимать веревку.

— Подсоби, что ль?

Гарденер направился было к лестнице, но замер на полдороги. На его лице блуждала улыбка.

Тремейн, Эндерс, потом Бозман со своими разнесчастными желтыми штанами.

— Сейчас, — заверил Гард. — Только отвешь мне на один вопрос.

— Валяй, — буркнул Мосс, продолжая стягивать тросы. Откинул брезент, и Гард увидел то, что ожидал. Под накидкой стояла непонятная конструкция: три автомобильных аккумулятора, прибитых гвоздями к доске, в окружении баков и шлангов. Насос. «Новый и улучшенный». — Чего ж не ответить.

Гарденер невесело осклабился:

— Ты привез мне крысу и веревочку, чтобы удобнее было ее крутить?

5 августа, пятница.

С тех пор, как в Бангоре закрыли базу ВВС, самолеты над Хейвеном не летали. Если бы кто-то обнаружил покоящийся в земных недрах инопланетный корабль раньше, это сулило бы куда большие неприятности. В ту пору истребители рассекали небо на сверхзвуковой. Бывало, по пять-шесть раз на дню. В домах сотрясались окна, порой вылетали стекла. Вообще-то пилотам не разрешалось трещать на своих машинах над континентальной частью страны — разве что в случае крайней необходимости. Но, будучи по сути своей прыщавыми сорванцами, которые еще недавно лихачили на сухопутных «мустангах» и «чарджерах», молодые пилоты забывались, вкусив силу своих крылатых коней. После закрытия базы ВВС изменили регулярные маршруты, сместив их севернее, на военную базу «Лоринг» близ Лаймстоуна.

Существующую базу после некоторых перетасовок переделали в коммерческий аэродром и назвали его Бангорским международным аэропортом. Полеты продолжались. Пилоты и штурманы регулярно докладывали о проблемах с радарами, которые то и дело выходили из строя в определенном квадрате. Подозрительная зона охватывала большую часть Хейвена, весь Альбион и район Китайских озер и была обозначена кодовым названием «Квадрат джи-3». К слову сказать, характер помех напоминал о Бермудском треугольнике, где на радарах отображались все те же «хлопья», «туман» и, образно говоря, «зефирки», вырубались компасы, дурковали электроприборы.

В 1973-м едва не столкнулись реактивный самолет компании «Дельта эрлайнс», державший курс на Бостон, и рейс «Транс уорлд эрлайнс», направлявшийся из Лондона в Чикаго. В салоне расплескались напитки, одна из стюардесс ошпарилась кофе. Никто, кроме членов экипажа, не знал, что они были на волосок от смерти. Второй пилот «Дельты» обмочил штаны и истерично ржал до самого Бостона. Два дня спустя он навсегда ушел из профессии.

В 1974-м отказал один из двигателей пролетавшего над Хейвеном чартерного самолета, который был набит предвкушающими наживу игроками. Борт направлялся из Бангора в Лас-

Вегас, а оттуда — в приморские провинции Канады. Пришлось разворачиваться и лететь обратно в Бангор. При пробном запуске на аэродроме выяснилось, что мотор исправен.

В 1975-м тоже случился инцидент, в котором чудом обошлось без потерь. К 1979-му коммерческие рейсы полностью вывели из опасной зоны. И если у вас по этому поводу возникнут вопросы, то авиадиспетчер пожмет плечами и сошлется на «дракона» — такое у них есть словечко. Да, наличествуют аномальные зоны, но объяснений этому не найдено. Проще поменять маршруты полетов и выкинуть из головы.

К 1982-му даже частные самолеты перестали летать в секторе «джи-3». Диспетчеры Огасты, Уотервилля и Бангора корректировали векторы полета в обход сомнительной зоны. Вот так и получилось, что ни одному пилоту до той поры не довелось наблюдать гигантский НЛО, поблескивающий в самом центре сектора «джи-3».

Так было вплоть до пятого августа, когда в полуденный час Питер Байли узрел его из кабины своего самолета.

Пилот-любитель Байли провел в воздухе в общей сложности двести часов. Счастливый обладатель напичканного электроникой «Цессна-Хоук», он с гордостью говорил, что за эту птичку ему пришлось выложить порядком «банановых стружек». Он сам придумал это словечко и считал его потешным. Означало оно деньги. «Хоук» спокойно ходил на скорости сто пятьдесят миль в час, сохраняя отличную маневренность, и легко брал высоту в семнадцать тысяч футов. Потеряться на нем было сложно. Еще бы, с такой-то системой навигации, за которую владелец отвалил кучу «банановых стружек». Да что там, добрый был самолет — разве что не летал сам по себе. Хотя это и ни к чему, ведь за штурвалом — отменный пилот.

Все хорошо, если б не одна загвоздка: уж больно велика была страховка. Грабеж среди бела дня! Скольких партнеров по гольфу Байли уморил своими излияниями по поводу страховых компаний с их кабалой.

При этом он ответственно заверял, что друзей у него порядком. И среди них многие летают. И у многих за плечами куда меньше часов, а выкладывают они этим варварам куда меньше «банановых стружек». «Да видал я пилотов, с которыми ни за что в жизни не полечу, даже если пришлось бы мчаться в Денвер спасать жену с кровоизлиянием в мозг, и пусть бы

это был последний самолет на Земле», — сетовал он. И дело здесь даже не в сумме. Больше всего его оскорбляло то, что он, Питер Байли, известный в определенных кругах нейрохирург с годовым заработком в триста с гаком тысяч «банановых стружек», вынужден платить за повышенный процент риска, иначе ему вообще не дадут летать. «Я что им, мальчишка? Или попадался пьяным за рулем? — ввещал он благодарным слушателям. Благодарные слушатели уже сто раз пожалели о том, что сплоховали, согласившись на девять лунок, когда была возможность отсидеться в баре и пропустить пару рюмочек «Кровавой Мэри». — И что это за дискриминация такая, черт бы ее побрал! На их счастье, я слишком занятой человек. Иначе как пить лать предъявил бы мошенникам коллективный иск. Они бы у меня раскошелились».

Среди его компаний по гольфу встречались и адвокаты, которые понимали: ничего старый черт не получит. Перечень рисков составляется на основе актуарных таблиц, и вся беда в том, что Питер Байли был не просто нейрохирургом — он был обладателем ученой степени, а обладатели ученых степеней, согласно статистике, это самая рисковая группа в любительской авиации.

Один из игроков, которому чудом посчастливилось избежать очередной партии, заметил вслед удаляющемуся — и все еще разгоряченному — Байли: «Ни за какие коврижки не поехал бы в Денвер с этим долдоном, даже если б у меня там жена умирала от кровоизлияния в мозг».

Как ни прискорбно, но Питер Байли был как раз из тех летунов, по чьей милости и создавались подобные таблицы. Никто не спорит, по всей Америке наберется немало докторов всевозможных наук, которые вместе с тем превосходно управляют летающими средствами. Байли к их числу не принадлежал. Он быстро и решительно действовал в операционной, склоняясь над развертым черепом пациента; с балетным изяществом манипулировал скальпелем и лазерным ножом, оперируя розово-серую мозговую ткань, но стоило этому человеку сесть за штурвал самолета, в нем просыпалось Лихо. Он нарушал все мыслимые правила безопасности, беспрестанно сбиваясь с назначенней высоты и заявленных маршрутов полета. Да, это был однозначно бравый летчик, но при всем желании, учитывая смехотворный опыт в двести часов, его нельзя было назвать

бывалым. И присужденный ему страховой статус пилота с повышенным процентом риска лишь подтверждал старую истину: опыта с лихачеством не по пути.

В тот день он летел один из нью-йоркского Титерборо, направляясь в Бангор, где намеревался взять напрокат машину и на ней добраться до стационара в Дерри. Дело в том, что его пригласили для консультации к мальчику по имени Хиллман Браун. Это был любопытный случай. Профессиональный интерес и высокий гонорар, а также слухи об одном весьма и весьма неплохом поле для гольфа в Оронто — все это побудило его согласиться.

В тот день выдалась отличная летная погода, и сидеть за штурвалом было одно удовольствие. Бортовой журнал доктор, по своему обыкновению, вел кое-как, один радиомаяк пропустил, следующий сбросил со счетов как нерабочий. Нечаянно задел локтем указатель частоты и всю дорогу отклонялся от предписанной высоты в одиннадцать тысяч футов, поднимаясь до пятнадцати, опускаясь до шести и чудом никого не убив. Впрочем, по глупости он даже не сумел оценить этого блага.

Кроме всего прочего, он здорово отклонился от заданного курса и так, по стечению обстоятельств, очутился в небе над Хейвеном. Неожиданно ему в глаза ударил яркий солнечный зайчик, словно бы пойманный на гигантскую железную крышку от банки с кулинарным жиром.

— Что за черт?..

Он глянул вниз — и обомлел: на поверхности светилось что-то манящее. Разумеется, можно было бы полететь дальше и благополучно пережить очередной день лихачества (ну или столкнуться с набитым под завязку авиалайнером), но времени имелось с избытком, и любопытство взяло верх. Док заложил вираж и полетел обратно.

— А ну-ка...

И вновь блеснула ослепительная вспышка, в глаза полыхнул голубоватый серпик луны. По кабине пробежала серебристая рябь.

— Гос-па-ди!

Внизу, под самым самолетом, посреди серовато-зеленых лесов, лежал огромный серебристый диск. Рассмотреть его толком не удалось — объект промелькнул под правым крылом и исчез из виду.

И вновь, уже второй раз за день, Байли заложил вираж на высоте шесть тысяч футов. От такого маневра заболела голова, но летчик-любитель списал это на перевозбуждение. Первое, что пришло на ум: водонапорная башня; однако не далековато ли тянуть водные коммуникации из дремучего леса?..

Он вновь пролетел над загадочным объектом. На этот раз уже на две тысячи футов ниже. В надежде рассмотреть находку док сильно сбросил скорость — не всякий опытный летчик решился бы на такое, но добрый верный «Хоук» и это выдержал.

«Артефакт!» — подумал док, и дух захватило от этой мысли. Огромный артефакт в форме блюдца, застрявший в земле... А может, какой-то правительственный объект? Нет, ну был бы это спецобъект, так его бы закрыли камуфляжной сеткой. К тому же земля вокруг разрыта. С воздуха хорошо просматривалась траншея.

Байли решил еще разок пролететь над объектом — эх, рискнем! — и заметил, что с приборами творится неладное. Сердце замерло. Стрелка компаса по-идиотски нарезала крути, топливо скакнуло в красную зону, а альтиметр вдруг замер на отметке в двадцать две тысячи футов, задумался и упал до нуля.

Мощный мотор в сто девяносто пять лошадиных сил дал пробуксовку. Самолет нырнул вниз, сердце ушло в пятки, застучало в висках. Байли сидел, выпучив глаза, а перед ним крутились стрелки, вспыхивали датчики, зеленый перемежался красным, точно сигналы пигмейского светофора. Верещала сирена потери высоты, словно пытаясь докричаться до ошарашенного пилота: «Просыпайся, дурень, ты вот-вот врежешься в большой неподвижный объект под названием матушка-земля!» Впрочем, срабатывать ей полагалось при приближении к поверхности меньше чем на пятьсот футов, а Байли видел собственными глазами, что «ястреб» по-прежнему парит на четырех тысячах — может, немного выше. Электронный термометр, измерявший внешнюю температуру, скакнул с сорока семи на пятьдесят восемь, потом замер на пяти. Чуть-чуть подумав, он показал три девятки и запульсировал красными цифрами, здорово нервируя опешившего пилота, а потом окончательно вырубился.

— Да что ж это творится-то?! — возопил Байли, в немом удивлении наблюдая, как изо рта вылетел передний зуб и, очертив дугу, отскочил от индикатора скорости, а потом благополучно плюхнулся на пол.

Натужно кашлянул двигатель.

— Вот черт, — прошептал хирург. От страха он готов был наложить в штаны. Из пустой дыры в десне сочилась кровь. Сиротливой струйкой она стекала по подбородку, маляя дорогую французскую рубашку.

Блестящая штуковина проскочила под крыльями и вновь скрылась из виду.

Двигок затарахтел и умолк. Самолет начал падать. Забыв обо всем, чему его учили, Байли со всей силы потянул штурвал на себя, но безмолвствующий самолет, разумеется, не подчинился. Голова отяжелела и трещала по швам. «Цессна» стремительно теряла высоту. Четыре тысячи футов, три с половиной, три. Негнущейся рукой Байли слепо пошарил вокруг и щелкнул тумблером с надписью «Аварийный запуск». Авиационное топливо высокой пробы глухо забулькало в карбюраторе. Пропеллер дернулся было, но вновь замер. До земли оставалось две с половиной тысячи футов. «Цессна» низко пролетела над старой дорогой в Дерри — с такой высоты была заметна даже доска с расписанием служб перед методистской церковью.

— Дрянь дело, — прошептал он, до конца вытянул дроссель и вновь щелкнул по кнопке запуска. Двигатель кашлянул, пару минут поработал и опять заартачился.

— Нет! — закричал Байли. В глазу что-то лопнуло, засочилась кровь, стекая на левую щеку. В панике бедняга этого даже не заметил. Он вновь хлопнул по кнопке дросселя. — Ну уж нет! Ты у меня заведешься, гадина такая!

Двигатель взревел, пропеллер исчез, превратившись в клин отраженного солнечного света. Байли резко потянул штурвал на себя. Не выдержав нагрузки, «ястреб» опять начал кашлять.

— Да что ж ты за дрянь! Паршивый самолет! — закричал он. Левый глаз переполнился кровью, и все вокруг окрасилось в необычные розовые тона. Впрочем, теперь у него не было ни времени, ни желания об этом задумываться. Сам идиотизм ситуации повергал его в такую ярость, что глаза запросто могло заволочь кровавой пеленой.

Разгневанный хирург ослабил хватку, и «ястреб» сам собой начал выравниваться, вновь спокойно принимаясь за работу. Внизу расстилался Хейвен, и Байли каким-то чутьем понимал, что на него смотрят люди. Они были так близко, что при желании могли бы разглядеть и записать его номер.

«Валяй, записывай! — злорадно подумал пилот. — Считай, с корпорацией «Цессна» покончено. Голь перекатная! Да они у меня без штанов останутся, все пайщики до единого! Отсужу у них все до последней банановой стружки!»

Под мерное рокотание двигателя «ястреб» набирал высоту, а у Байли сносило башню. Голова будто раздувалась, готовая оторваться. Вместе с тем нейрохирурга посетила изумительная по своей простоте идея, имеющая такие сногсшибательные перспективы, что все прочее казалось сущим пустяком. Ему внезапно стали понятны, ни больше ни меньше, физиологические предпосылки двухполушарности человеческого мозга. Открылась вся подноготная расовой памяти, да не в виде туманной юнговской концепции, а с точки зрения взаимодействия рекомбинантной ДНК и биологического импринтинга. И сразу стало ясно, почему усиление генеративной способности большой спайки многократно возрастает в периоды повышенной активности желез внутренней секреции — вопрос, живо интересующий исследователей головного мозга последние тридцать лет.

Питеру Байли вдруг стали подвластны путешествия во времени, в самом прямом смысле слова.

И в этот момент его мозг лопнул.

Будто лопнула лампочка. В голове полыхнул белый свет — яркий, как гигантский солнечный зайчик в лесу.

И если бы безжизненный пилот завалился вперед, надавив всем корпусом на штурвал, у жителей Хейвена прибавилось бы проблем. Однако произошло иначе. Тело запрокинулось назад, из ушей хлынула кровь. Пилот обвис в кресле, устремив в потолок невидящий взгляд, а лицо его навеки застыло в удивленном восторге.

При работающем автопилоте «Цессна», скорее всего, так и жарила бы дальше, пока не закончится горючее. Погодные условия были оптимальны, а подобные инциденты случались и раньше. Пять минут самолет летел ровнехонько на пяти с половиной тысячах футов. То и дело рассерженно верещала рация, призывая мертвого нейрохирурга держаться заданной высоты.

Над Дерри его подхватило легкое ветровое течение, затянуло в банку, и он начал описывать пологую дугу, двигаясь в сторону Ньюпорта. Когда хвост окончательно задрался вверх, «ястреб» закрутило по спирали. Мальчишка, рыбачивший на

автомобильном мосту трассы номер семь, поднял голову и узрел самолет, который мертвый жестянкой валился с неба, крутясь, точно железный бур. Зевака стоял с разинутым ртом, а беспомощная стальная птица рухнула на дальнем поле Эзера Докери, озарив окрестности ярким столбом пламени.

— Блаженны небеса! — возопил рыбачок, бросил удочку и побежал на автозаправку в Ньюпорт, чтобы вызвать пожарных. Вскоре наживленного на крючок червя схватил проплыавший мимо окунь. Схватил — и вместе с удилищем уволок на дно. Впрочем, во всеобщей суетолоке, пока тушили горящее поле и извлекали из-под обломков тело поджаренного летчика, о потере своей паренек едва ли вспомнил.

10

6 августа, суббота.

Ньют и Дик сидели в забегаловке «Хейвен-ленч». На столе лежала газета. В передовице освещался очередной ближневосточный конфликт, но они были обеспокоены отнюдь не этим. Предметом их жгучего интереса стала статья, размещенная под заголовком «Известный нейрохирург разбрзлся на собственном самолете». Ниже прилагалось фото искалеченного «ястреба». От некогда прекрасной «Цессны» остался лишь хвост.

Тарелки с нетронутым завтраком стояли чуть поодаль. После гибели Бича работать в кафе осталась его племянница, Молли Фендерсон. Девушкой она была славной, но ее фирменная глазунья внешне походила на жареный ослиный кал. Дик подозревал, что и на вкус это блюдо не лучше. Впрочем, ему пока не доводилось отведать ослиного кала — ни жареного, ни приготовленного каким-либо иным способом.

Запросто мог отведать, сказал Ньют.

Дик бросил на него недоуменный взгляд.

В хот-доги чего только не добавляют. Читал я об этом.

Дику стало дурно. Он попросил Ньюта заткнуться.

Ньют умолк, а потом заметил про себя, что человек двадцать-тридцать должны были видеть, как этот идиот пролетал над городом.

Все свои? Поинтересовался Дик.

Да.

Тогда это не страшно.

Не страшно, ответил Ньют, попивая кофе. Во всяком случае, до следующего раза можно не беспокоиться.

Дик покачал головой. Не будет следующего раза. В газетах пишут, что он отклонился от курса.

Да. Ты готов?

Конечно.

Они ушли, не заплатив. С некоторых пор деньги утратили свою значимость в жизни хейвенцев. В подвале Дика Эллисона имелось несколько картонных коробок с наличностью, небрежно сваленных в старый бак из-под угля — в основном двадцатки, десятки и долларовые банкноты. В Хейвене все друг друга знали, и когда кому-то требовались зелененькие, он просто заявлялся и брал столько, сколько ему нужно. Никому не приходило в голову запирать этот дом на ключ. Помимо прочих радостей жизни, наподобие телепатических пишущих машинок и водонагревателей, работающих на энергии распадающихся молекул, Хейвен обзавелся замечательной формой коллективизма.

Компаньоны задержались на тротуаре возле закусочной и принялись созерцать городскую ратушу. Кирпичная башня с часами подозрительно подрагивала. Она то стояла, надежная, как Тадж-Махал, хоть и не столь прекрасная, то в следующий миг исчезала, и лишь зазубренные руины беспомощно тянулись навстречу безоблачному синему небу. И тут же все вновь возвращалось на свои места. Длинная утренняя тень, отбрасываемая иллюзорной башней, колыхалась подобно оконной шторе от дуновения ветерка, и Ньюту уже начинало казаться, что тень возникает даже тогда, когда самой башни не видно.

Черт, сказал Дик. Если смотреть на эту штуковину долго, то можно окончательно сойти с ума.

Дик спросил, занимается ли кто-нибудь устраниением неполадок.

Пришлось послать в Дерри двоих ребят, ответил Дик. Поехали Томми Жаклин и Эстер Бруклин. Им предстоит наведаться в пять автосервисов и два магазина автозапчастей. Я дал им с собой семьсот баксов и попросил раздобыть как минимум двадцать автомобильных аккумуляторов. Только покупать придется через десятые руки. Кое-кто из соседей Хейвена уже заподозрил, что мы помешались на батареях.

Томми Жаклин и Эстер Бруклин, поразился Ньют. Бог ты мой, они же совсем дети! У Томми-то есть права?

Нет, неохотно ответил Дик. Но ему уже пятнадцать, и у него временное разрешение. Да и водит он очень аккуратно. К тому же парень рослый, выглядит старше своих лет. Все с ними будет в порядке.

Господи, это ж сумасшедший риск!

Не без того, но...

Так протекал их внутренний диалог. Общались они не столько словами, сколько на языке образов. И такое произошло все чаще и чаще с тех пор, как люди в Хейвене освоили этот необычный и новый для них язык мыслей. Несмотря на беспокойство, Ньют быстро смекнул, что именно вынудило Дика отправить в Дерри пару несовершеннолетних ребят. Батареи действительно были нужны, а взрослым становилось все труднее покидать Хейвен. И если какой-нибудь старикашка вроде Дэйва Рутледжа или Джона Харли попытается выехать за пределы города, то будет мертв раньше, чем сумеет добраться до границы с Дерри, а может, даже начнет разлагаться. Мужчины помоложе, к коим себя причисляли Ньют и Дик, располагали несколько большим запасом времени, но и они были обречены на мучительную смерть. Все дело в том, что после визитов в сарай с ними стали происходить необратимые физические изменения. Ни Ньют, ни Дик не удивлялись, что Хилли Браун валяется в коме, хотя паренька вывезли из города гораздо раньше, когда все только начиналось. Томми Жаклину исполнилось пятнадцать, Эстер Бруклин была на два года младше. Юность играла им на руку, давая маломальскую надежду, что удастся уехать и вернуться живыми без космических скафандров, которые защитили бы их от чужеродной и недружелюбной атмосферы. Скафандров в Хейвене не было — да и в любом случае использовать подобное обмундирование не представлялось возможным. Вообразите себе, человек в портативных луноступах заявляется в магазин запчастей. Такая картина вызовет как минимум пару недоуменных вопросов.

Эх, не нравится мне все это, с сомнением молвил Ньют.

Мне тоже, поверь. Я не успокоюсь, пока не вернутся наши ребята. Доктор Уорвик по моему распоряжению будет ждать их на въезде в Хейвен со стороны Трои. Как только появятся, он тут же окажет им первую помощь.

Если появятся.

Думаю, они вернутся, но будут сильно не в форме.

Ты знаешь, к чему готовиться?

Дик покачал головой. Он не имел ни малейшего представления — доктор Уорвик не решался делать прогнозов. Оставалось лишь строгим телепатическим голосом спросить Дика, что, на его взгляд, произойдет с лососем, если тот решит добираться до нерестилища не вплавь, а на велосипеде.

Ну и... — с сомнением молвил Ньют.

Ну и ничего, ответил Дик. Нельзя же оставлять эту штуковину колыхаться, добавил он, кинув взгляд на трепещущую часовню.

Да мы и так заперлись на все засовы, пропади она пропадом, эта башня, возмутился Ньют.

Может, и так, да только батареи нужны для очень многих дел. К тому же все равно надо соблюдать осторожность, не мне тебе объяснять.

Не учи бабулю сосать яйца, Дик.

(Пшиш)

Да пошел ты, собирался сказать Ньют, но задавил эту мысль на корню, попутно отметив про себя, что с каждым днем Дик Эллисон раздражает его все сильнее. Проблема в том, что Хейвен подсел на батареи, точь-в-точь как игрушечная машинка. Батареи требовались снова и снова и все большей емкости. Выписывать их наложенным платежом — слишком долго, к тому же такие партии — повод для ненужных подозрений, мало ли что.

Так или иначе, Ньют Беррингер не находил себе места. Они только что пережили крушение самолета, и если что-то случится с Томми и Эстер, сумеют ли они оправиться от очередного удара?

Неизвестно. Ньют ясно понимал лишь одно: не знать ему покоя до тех пор, пока ребята не возвратятся домой, в Хейвен.

7 августа, воскресенье.

Гарденер стоял возле корабля и смотрел на него, размышляя, выйдет ли что-нибудь путное из всей этой ситуации — и если нет, сумеет ли он из нее выбраться живым и невредимым.

Два дня назад он слышал, как в небе рокочет легкий самолет. Он задержался дома и вышел посмотреть, несколько запоздав, когда тот совершил уже третий вираж. Три раза пролететь над одним и тем же местом — это слишком много для простой случайности. Очевидно, пилот заметил с воздуха корабль и котлован. Почему-то Гарденер ощутил странное облегчение. Вчера он видел в газете статью, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы проследить связь. Несчастный доктор Байли отклонился от курса, и останки космической армады Беспощадного Минга перебили ему хребет.

Причастен ли Джим Гарденер к этому убийству? Не исключено. И, несмотря на прежний инцидент с подстреленной женой, Гарду эта мысль была не по душе.

Фриман Мосс, несгибаемый лесоруб из Альбиона, с утра не явился. Видимо, корабль доконал и его. Впервые с тех пор, как исчезла Бобби, Гарденер остался один. Казалось бы, отсутствие соглядатаев в каком-то смысле развязывает ему руки, да вот беда: он так и не нашел ответа на главные вопросы.

Конечно, в истории с погибшим нейрохирургом и разбившимся самолетом было мало приятного, но, на взгляд Гарда, куда большего внимания заслуживала статья над сгиблом — та самая, которую проигнорировали Ньют и Дик. Ситуация на Ближнем Востоке вновь обострилась, и если дело дойдет до стрельбы, не исключено, что на этот раз в небо полетят уже ядерные ракеты. В газете сообщалось, что Союз обеспокоенных ученых — тех самых «счастливчиков», отвечавших за настройку Часов судного дня, — вчера перевел стрелки, и теперь от Полуночи мир отделяло всего две минуты. Веселенькие времена. При помощи корабля можно было бы раз и навсегда положить конец этим распрям, да только возникал вопрос: захотят ли этого Фриман Мосс, Кайл Арчинбург, старина Бози и остальная компашка? Иногда до Гарда с пугающей ясностью доходило, что обезвреживать пороховую бочку, на которой сидит планета, «новый и улучшенный» Хейвен вовсе не намерен. И что дальше?

Тупик. Как раз в таких случаях отсутствие телепатических способностей здорово раздражало Гарда.

Нечаянно в поле зрения попал механизм, который использовался как насос. Он стоял в грязи на краю обрыва. Поначалу раскопки сводились к извлечению воды, пыли и грязи,

выкорчевыванию особо упрямых пней, и Гард готов был выть от отчаяния. Теперь настал черед жижки и слякоти. Вот уже пару дней он приполз домой под вечер, весь перепачканный глиной. Она цеплялась к волосам, застревала между пальцев и пряталась в самых потайных уголках тела. С грязью было неприятно иметь дело, но с глиной — хуже. Глина держалась крепко, упорно не желая отмываться.

Агрегат для откачки воды представлял собой неказистое сооружение, которое хоть и выглядело уродливо, но исправно работало. Весило оно под тонну, но при этом молчаливый трудяга Мосс доставил машину на место раскопок практически в одиночку. На это ушел без малого день, они угрожали около пятисот пальчиковых батареек, и все же Фриман провернул то, с чем обыкновенная строительная бригада возилась бы не меньше недели.

Каждый компонент будущего агрегата доставляли со двора Бобби на место сборки при помощи предмета, напоминавшего металлоискатель. Сначала Мосс снимал деталь с грузовика, потом переправлял по саду, а оттуда, по натоптанной дорожке, прямиком к котловану. Составные части помп тихо парили в теплом летнем воздухе, отбрасывая на землю трепещущие тени. В одной руке Мосс держал свой «металлоискатель», в другой — то, что сильно смахивало на радио. Сначала он поднимал из корпуса металлическую антенну, затем наводил железное блюдо на мотор или насос, и тот взмывал над землей. Когда лесоруб двигал руки влево, следом двигались громоздкие металлические корпуса. Бывалый пьяница Гард (а надо заметить, видения — обычное дело для пьющей братии) с удивлением созерцал это зрелище. Мосс казался ему дрессировщиком небывалых животных, который направляет механических слонов через леса и поля к месту, где будет разыгрываться небывалое цирковое представление.

Наблюдая в работе этот прибор, методично перетягивший кучу тяжеленного оборудования, Гард подумал, что с помощью одного такого экземпляра можно было бы на четверть сократить трудозатраты при строительстве объекта, сравнимого по размаху с Асуанской ГЭС.

Впрочем, здесь надо бы отметить как минимум одно важное сходство с иллюзорной башней, колыхавшейся на месте разрушенной ратуши: чудо это здорово тянуло соки.

— Вот, возьми, — сказал Мосс, протягивая Гарду тяжеленный рюкзак.

Гард с трудом взвалил его на плечи.

— Не бойся, со временем полегчает, — успокоил Мосс, устало улыбнувшись, воткнул штепсель в гнездо на боку пульта радиоуправления и засунул пуговку наушника в ухо.

— Что в рюкзаке? — спросил Гарденер.

— Батарейки. Пошли.

Фриман включил прибор, прислушался, кивнул и навел изогнутую антенну на первый движок. Тот поднялся в воздух и завис на месте. С пультом управления в одной руке и металлоискателем — в другой Мосс побрел к мотору, который с каждым шагом удалялся от него. Гард осторожно ступал сзади.

Мосс провел мотор между домом и сараем, направив его в обход мини-трактора, и дальше через сад Бобби. По саду была протоптана широкая тропа, с обеих сторон которой колосились растения, с каждым днем набирая соки. Некоторые подсолнухи доходили до двенадцати футов в высоту. Гарду вспомнилась книжка «День триффидов», прочитанная в детстве, а однажды ночью, примерно неделю назад, он вскочил в холодном поту. Ему снилось, что подсолнухи высвободили из-под земли свои корни и стали расхаживать по саду, испуская из сердцевин жутковатое зеленое свечение. Казалось, по окрестностям кто-то бродит, светя фонариком с цветными линзами. В саду лежали кабачки размером с глубоководную торпеду, висели помидоры с баскетбольные мячи. Высоченная кукуруза норовила сравняться с подсолнухами. Мимоходом Гард сорвал початок. Длиной он был фута в два. Один такой овощ, окажись он съедобным, мог бы запросто накормить двух голодных мужчин. Гарденер решил испробовать маслянистых сахарных зерен. Набил ими рот, но тут же выплюнул, грибничая и отираясь. Кукуруза имела чудовищный привкус сырой плоти. Надо же, полный сад огромных растений — и ни одного годного плода.

Мотор медленно парил вдоль дороги, раздвигая шуршащие кукурузные стебли. Листья защитной окраски, похожие на мечи, были перемазаны солидолом и машинным маслом. В дальней части сада мотор начал оседать. Мосс опустил антенну, и тот с тихим толчком сел на землю.

— Что стряслось? — спросил Гарденер.

Мосс хмыкнул и достал из кармана монетку. Вставил ее в паз на крыше дистанционного пульта, повернул и извлек из батарейного отсека шесть пальчиковых «дюраселок». Безразлично швырнув их на землю, он обратился к Гарду:

— Подай еще.

Гарденер снял с плеч рюкзак, расстегнул лямки и откинул клапан. Его взгляду предстало множество пальчиковых батареек. Казалось, здесь их — целый миллиард! Будто какой-то счастливчик сорвал джекпот в казино Атлантик-Сити, и машина расплатилась с ним не деньгами, а этим добром.

— Господи!

— Я тебе не господи, — буркнул Мосс. — Передай мне шесть штук, будь они неладны.

В кое-то веки Гарду расхотелось ерничать. Отсчитав шесть штук, он протянул их подельнику и молча наблюдал, как тот устанавливает их в батарейный отсек. Закончив, Мосс закрыл крышку, включил прибор, сунул в ухо пуговку наушника и сказал:

— Пошли.

Углубившись в лес ярдов на сорок, они произвели еще одну смену комплекта, через шестьдесят — следующую. Когда дорога шла под горку, плывущий мотор потреблял меньше энергии. В конечном итоге Мосс, ценой сорока двух батареек, водрузил здоровущий движок на край котлована.

Вперед — назад, вперед — назад. Так, один за другим, они переносили к траншеи части замысловатого насоса. Рюкзак Гарда постепенно становился легче.

На четвертом заходе Гард попросил у Мосса разрешение попробовать самому. Большой промышленный насос, некогда служивший для откачивания сточных вод, неловко притулился на земле ярдах в ста от траншеи. Мосс в очередной раз менял батарейки. Вдоль дороги валялись израсходованные «дюраселки», и отчего-то Гарду вспомнился трогательный паренек, которого он повстречал на пляже в Аркадия-Бич. Тот самый мальчишка с фейерверками, чья мать бросила пить... Он был неплохо наслышан о томминокерах.

— Валяй, попробуй. — Мосс передал ему прибор. — Вымотался я от этой работы. — Он перехватил взгляд Гарденера и добавил: — Считай, что сам тягаю. Для чего, думаешь, науши? Попробуй, только вряд ли у тебя что-нибудь получится, ты ж не такой, как мы.

— Спасибо, что напомнил. Я, похоже, из вас единственный обойдусь без вставных зубов, когда мы покончим с этим делом.

Мосс кисло на него глянул и промолчал.

Гард стер с «пуговки» густой слой серы и вставил ее в ухо. Зашумело, будто в морской раковине. Подражая Моссу, он навел антенну и осторожно качнул ею. Звук прибоя сменил свой тембр. Насос сдвинулся с места — и это не было игрой воображения. Как вдруг из носа хлынула кровь, а в голове зарокотал голос. «Я ЗАСТЕЛЮ КОВРОЛИНОМ ВАШУ КОМНАТУ ИЛИ ВЕСЬ ДОМ ЗА МЕНЬШИЕ ДЕНЬГИ! — орал в мегафон диктор, неведомым образом оказавшийся ровнехонько в центре гарденеровской головы. — ПРИБЫЛА НОВАЯ ПАРТИЯ ПОЛОВИКОВ! СПЕШИТЕ, ПОКА ВСЕ НЕ РАСКУПИЛИ!»

— Боже! Заткнись! — заорал Гард. Отшвырнул рацию, схватился за голову. Наушник выскочил, вопль оборвался. Из носа текла кровь, в ушах стоял звон.

Фриман Мосс дико таращился на Гарденера.

— Это что такое было?

— Это — «ДаблЮЗОН», бангурская волна, — бессильно промямлил Гарденер. — «Там, где только рок-н-ролл. Музыка на любой вкус». Ты не против, я присяду? По-моему, я обоссался.

— У тебя кровь пошла из носа.

— Тонкое наблюдение, Шерлок, — буркнул Гард.

— Давай лучше я сам с подъемником поработаю.

Гард с радостью уступил. Остаток дня они переправляли оборудование к краю траншеи, и под конец Мосс так устал, что до грузовика его пришлось буквально тащить на себе.

— Как будто топором весь день махал и две поленницы нарубил. Даром что мозги не вытекли, — выдохнул Мосс.

После такого Гарденер мысленно попрощался с Моссом, но на следующее утро тот явился вновь. В семь утра как штык. Изменив на этот раз своему грузовику, он сидел за рулем старенького «понтиака» с раздвоенной решеткой. Помощник вылез из машины, покачивая на ходу обдененным ведерком, которое через раз ударялось об ногу.

— Давай за дело.

Гарденер уважал Мосса больше, чем троих его предшественников, вместе взятых. Здоровяк ему по-своему нравился.

Когда они подошли к кораблю, с мокрыми от утренней росы штанинами, Мосс взглянул на Гарда и хмыкнул:

— А я все слышал. Ты тоже парень не промах.

На этом поток красноречия иссяк, и до самого вечера Фриман Мосс не проронил ни слова.

Они погрузили в траншею кучу шлангов, а остальные закрепили с обратной стороны. По ним предполагалось отводить воду по склону, который располагался к юго-востоку от усадьбы. Мосс обозвал эти шланги «сливными». Они были смотаны в брезентовые катушки и отличались приличным диаметром. Не иначе пожарное депо разворовывают, решил Гард.

— Ага, парочка оттуда. Ну и из других мест тоже, — ответил Мосс, и больше они к этой теме не возвращались.

Прежде чем запускать насос, он попросил Гарденера вбить в землю несколько полукруглых скоб, которые будут удерживать шланги у поверхности.

— А то начнут скакать и плеваться фонтанами воды. Знаешь, так и зашибить могут. Если брандспойт из рук вырвался — только держись. На раз плюнуть кости переломает, а у нас не столько народу, чтоб за кучей брызгалок следить.

— Да и добровольцы в очередь не встают.

Фриман Мосс молча за ним наблюдал, потом заметил по ходу:

— Хорошенько скобы вбивай, силу не жалей. То и дело будем вколачивать, когда пойдут раскачиваться один за другим.

— А нельзя разве как-то регулировать напор воды? — поинтересовался Гард. — Столько мороки с этими скобами.

Вытаращив глаза, Мосс просветил невежду:

— Оно-то можно, да только в нашей дырище до хрена воды. Не знаю, как тебе, а мне бы убраться отсюда до Судного дня.

Гарденер полуушутливо воздел к небу руки:

— Да я просто так спросил. Ну что, мир?

Фриман Мосс в ответ на это лишь хмыкнул в свойственной ему манере.

К девяти тридцати вода вовсю хлестала из шланга и стекала с холма, прочь от корабля. Прохладная и чистая вода. Сладкая, какой бывает она лишь в добром колодце.

К полудню их усилиями разлилась речушка футов шесть в ширину, бурная, хоть и мелкая. Струясь, она подхватывала на пути и уносила прочь сосновую хвою, ломти лесного перегноя и мелкий кустарник. По большому счету оставалось лишь следить за шлангами, чтобы ни один из них не высвободился

и не принял ся скакать и дергаться, разбрызгивая воду, подобно взбесившемуся пожарному гидранту. Мосс попеременно отключал насосы, и тогда напарники шли заколачивать расшатавшиеся скобы или переставляли их на новое место, если земля становилась слишком рыхлой. К трем часам дня река разлилась настолько, что подхватывала уже и крупные кустарники. Ближе к пяти раздался оглушительный треск падающего дерева.

Гарденер привстал и вытянул шею, но ничего не увидел — это случилось слишком далеко вниз по течению.

— Как будто сосна, — прикинул Мосс.

Гарденера молча на него воззрился.

— А может, ель, — поправился Мосс, и хотя на лице его не дрогнул ни один мускул, Гарденер был уверен, что он пошутил. Раз человек способен шутить, значит, еще не все потеряно.

— Как думаешь, вода дойдет до дороги? — спросил Гард.

— Кто знает. Сам-то как считаешь?

— Да ее ж тогда смоет.

— Ребята роют под асфальтом дренажную канаву. Притащили здоровенный бур. Наверное, придется пустить машины в объезд. Правда, в наши дни движение уже не то, что раньше.

— Я заметил, — проронил Гарденер.

— А по мне, так оно и к лучшему. Вся эта летняя публика — такая зараза. Смотри, Гарденер, я сейчас убавлю напор воды, но все равно шланги будут выдавать пятнадцать-семнадцать галлонов в минуту, ночь напролет. У нас четыре рабочих насоса. Получается три тысячи восемьсот галлонов в час, круглые сутки. И все на автомате. Ну давай, пошли. Юная дева прекрасна, но у меня от нее давление скачет. Хлебну у тебя пивка, если не возражаешь, да к мадаме потопаю.

В субботу Мосс притащился на дряхлом «понтиаке» и сразу врубил насос на полную мощность: по тридцать пять галлонов в минуту, восемь тысяч четыреста — в час.

Этим утром Фриман Мосс так и не пришел. Выдохся, как и остальные, оставил Гарда обдумывать варианты дальнейшего развития событий.

Вариант первый: продолжать работу как ни в чем не бывало.

Вариант второй: бежать отсюда что есть мочи. Он уже не сомневался, что, если Бобби умрет, с ним вскоре случится что-нибудь непоправимое. Возможно, в его распоряжении будет не больше получаса. Интересно, а если он решит сбежать, они

о чем-нибудь заподозрят? Вряд ли. Между ним и Хейвеном по-прежнему шла игра в старый добрый покер, и свои карты он открывать не спешил. И кстати, еще вопрос: далеко ли придется от них убегать, да чтобы еще не достали своими хитроумными примочками?

По логике вещей, не слишком далеко. Дерри, Бангор и даже Огаста — все это слишком близко, а вот Портленд — уже другое дело. Если, конечно, тут применим принцип никотиновой зависимости.

Когда паренек начинает курить, он с полбычка готов грохнуться в обморок и облеваться. Через шесть месяцев он уже спокойно выкуривает пять—десять сигарет в день. Три года практики, и у вас на руках — потенциальный кандидат на рак легких, выкуривающий две с половиной пачки в день.

А теперь — обратный процесс. Предложите подростку, который только что прикончил свой первый окурок и ходит весь зеленый, бросить курить — да он вам в ноги кинется с поцелуями. Подойдите к нему с тем же предложением, когда он подсел и норма для него — пять—шесть сигарет в день, — ему, скорее всего, будет безразлично, курить или нет, хотя он, возможно, и признает, что, когда устал или понервничает, ест много сладкого и ему жутко охота затянуться.

Да уж, подумал Гарденер, а теперь возьми «смолильщика» со стажем и скажи, чтобы прекратил вбивать гвозди в собственный гроб, — он схватится за сердце так, словно с ним случился инфаркт. На самом деле он нежно оберегает заветную пачку сигарет, которая покоятся в его нагрудном кармане. Гарденер, который и сам предпринимал успешные попытки расстаться с никотином или свести его потребление к разумному минимуму, давно понял, что курение — это физическая зависимость и в первые недели воздержания частыми гостями станут нервная дрожь, мышечные спазмы и головные боли. Врачи попробуют немного облегчить эти симптомы и назначат витамин В_{1,2}, хотя и они понимают, что никакими таблетками не избавишь человека от чувства утраты и подавленности, которые будут преследовать его еще полгода после того, как он затушил свою последнюю сигарету и ступит на одинокий путь борьбы с пагубным пристрастием.

Хейвен, со своими насосами, жарящими на полную катушку, — считай, та же прокуренная комната. Поначалу их

всех здесь мутило. Они чувствовали себя как стайка мальчишек, которые притаились за сараем и дымят своими первыми самокрутками из кукурузных листьев. Но теперь им приятна здешняя атмосфера. А почему бы нет? Они уже пристрастились и смолят по полной. Всему причиной — воздух. Одному богу известно, какие изменения сейчас происходят с их мозгами и телами. Полтора года курения — и в легких образуются клетки, похожие на зерна овса. Это хорошо видно на препарированных тканях. В городах, где находятся предприятия с высоким уровнем промышленных выбросов, у людей повышаются шансы заболеть раком мозга. То же самое, упаси господь, происходит возле ядерных реакторов. А что творится с этими людьми?

Сложно сказать. Он наблюдал лишь внешние проявления вроде выпадения зубов и повышенной вспыльчивости. По логике вещей, вряд ли они смогут долго его преследовать, если он все-таки решит бежать. Наверняка бросятся в погоню со всех ног, но интерес их иссякнет довольно быстро — как только заявит о себе абстинентный синдром.

Гард запустил на полную все четыре насоса, и речушка заструилась уверенным потоком. Потом он направился проверять скобы, которые крепко удерживали шланги на земле; именно этим ему и предстояло заниматься в течение дня.

Если он решится на побег, перед ним откроются лишь два пути: раструбить всему миру о том, что тут творится, или держать рот на замке. Подспудно он понимал, что скорее всего выберет второй вариант, а значит, главное, с чем ему придется иметь дело, — с собственным чувством справедливости. Списать со счетов месяц каторжного труда и распрошаться с мечтой о том, чтобы повернуть вспять убийственный курс мировой политики, а заодно и вычеркнуть из своей жизни старинную приятельницу и былую любовь Бобби Андерсон, без которой его плющит последние две недели.

И третий вариант: избавиться от тарелки. Взорвать ее. Уничтожить. Низвести в разряд сомнительных слухов. Пусть она станет чем-то вроде пришельцев из таинственного «Ангара-18».

Он прекрасно понимал, что уничтожить корабль — еще не самый плохой вариант. И его недавние мысли о Часах судного дня и о том, что от ядерной ночи мир отделяют всего две минуты; и ненависть к этим наглецам, которые кормятся на атомной энергетике, создают ее, одобряют, отказываются признавать

ее явную угрозу даже после того, что случилось в Чернобыле, — все отодвинулось на второй план. В земной атмосфере окислялось вещество, пропитывающее корпус корабля (отнюдь не случайно, Гард был уверен), и из-за этого в городе изобрели кучу невероятных приспособлений. Одному богу известно, сколько чудесных устройств таится внутри инопланетной тарелки. Есть и обратная сторона медали: нейрохирург, разбившийся в самолете, старик и здоровяк-полицейский; не исключено, что и женщина-констебль, миссис Маккосланд, а с ними и пропавшие полицейские, а может быть, и маленький Браун. Сколько жизней брошено на алтарь этой таинственной штуковинны, торчащей из земли подобно рулю гигантского кита? Несколько? Все? Ни одной?

Одно он знал наверняка: этим дело не кончится.

Сам корабль был, конечно же, апогеем созидающей мысли... но надо понимать, что он потерпел крушение и создали его неизвестные нам существа, прилетевшие из глубин бесконечности. Существа, чей разум, возможно, отличается от людского столь же разительно, как мышление паука и человека. В воскресном утреннем мареве блестел в земле невероятный, удивительный артефакт, обиталище демонов, которые по-прежнему бродят меж его стен и прячутся в потаснных нишах. Бывало, Гард смотрел на корабль, и горло его сдавливало от немого страха, как если бы кто-то глядел на него из недр земли.

Но как же от нее избавиться? Взорвать? Да не смог бы он, если бы и захотел. Заряды, что крошили в щебень горную породу и были многократно мощнее динамита, не оставили на корпусе ни царапины. Он что, должен сгонять быстремко на ближайшую базу ВВС и сташить оттуда атомную бомбу? А потом с легкостью Дирка Питта из романов Клайва Касслера вернуться обратно? И кто, интересно, посмеется последним, если он, титаническими усилиями раздобыв ядерную боеголовку, взорвет ее, чтобы одним щелчком высвободить корабль, целый и невредимый?

Таковы были его варианты. Третий можно и вовсе не принимать в расчет. Меж тем, пока Гарденер в сотый раз прокручивал в голове все эти мысли, он неторопливо приступил к утренней вахте. Включил на полную мощность насосы, проверил брандспойты. Потом вернулся к траншее, осмотрел всасывающие шланги, заметил уровень воды, который, к его немалой

радости, значительно упал. Вода плескалась глубоко на дне, и разглядеть ее можно было лишь с мощным фонарем. Похоже, к среде-четвергу получится возобновить раскопки, и уж тогда работа пойдет быстрее. Дно водоносного слоя было пористым, пронизанным крупными полостями. Уже не придется пробивать в земле ниши — внизу полно углублений, в которые легко поместится радио со взрывчаткой.

Работа заметно упростится. Образно говоря, мы завершили этап тягомотно-тягучего замеса и теперь имеем дело с вызревшей опарой, легко отстающей от рук.

Он постоял какое-то время на краю траншеи, направив мощный луч фонаря в непроглядную тьму обрыва. Выключил его, решив еще раз проверить скобы. Ну вот, пожалуйста, полдевятого утра, а нестерпимо тянет выпить горячительного.

Он обернулся и увидел Бобби.

У Гарденера отвисла челюсть. Немного оправившись от потрясения, он закрыл рот и устремился к Бобби в полной уверенности, что это — галлюцинация и силуэт вот-вот растворится в воздухе. Но Бобби никуда не делась, и Гард мимоходом отметил произошедшие в ней перемены. Она облысела. Блестящий белый лоб простирался теперь до макушки, образуя в центре головы самый большой в мире «вдовий пик». Голая кожа на ее черепе была не единственным бледным местом на теле: вся она походила на человека, долго боровшегося с тяжелым недугом. Согнутая в локте рука висела на перевязи, лицо покрывал толстый слой тонального крема. Обычно дамочки так густо мажутся, когда хотят скрыть какой-нибудь синяк. И все же вот она, Бобби... Это не сон.

Слезы подступили к глазам, ее силуэт двоился, троился. В этот миг, и никак не раньше, Гард окончательно осознал, как страшно и одиноко ему было все это время без нее.

— Бобби? — хрипло проронил он. — Это и впрямь ты?

Бобби улыбнулась своей фирменной теплой улыбкой, которую он так любил и которая так часто спасала его в самые трудные минуты. Да, это была Бобби, любимая, милая Бобби.

Он подошел к ней, обнял и уткнулся лицом ей в шею, совсем как в былые времена.

— Здравствуй, Гард, — сказала она и заплакала.

Он тоже плакал. Плакал и целовал, целовал и не мог остановиться.

Его ладони скользили по ее телу, а она придерживала его за шею свободной рукой.

— Нет, сказал он, продолжая ее целовать, тебе же нельзя.

— Тише, мне надо. Это мой последний шанс. Наш с тобой последний шанс.

И они снова поцеловались. И вот уже ее рубашка расстегнута, и то, что оказалось под ней, нельзя было назвать станом богини. Белое и болезненное тело с дряблыми мускулами и обвисшими пустыми грудями тем не менее оставалось любимым и родным. Гард осыпал ее поцелуями, и оба плакали.

Гард, мой милый, дорогой, единственный

Чш-ш-ш...

Умоляю, люблю тебя

Бобби, милая

Люблю

Поцелуй меня

Поцелуй

Да

Они опустились на колючую лесную подстилку и продолжали целовать друг друга, обливаясь слезами; и, войдя в нее, Гард понял одновременно две вещи: как сильно ему ее недоставало и как тихо в лесу без птиц. Вокруг все вымерло.

Поцелуй.

12

Своей давно не стиранной рубашкой Гард отер с кожи разводы коричневого грима. Неужели Бобби пришла сюда в таком виде, чтобы заняться с ним любовью? Об этом лучше не думать. По крайней мере сейчас.

На теле не было ни единого укуса. В прежние времена влюбленные стали бы легкой добычей комаров, всякой лесной мошки. Теперь же лес будто вымер, а ведь эта железная штука — не только тренажер для мозгов; она даст тысячу очков форы любому инсектициду из тех, что имеются в продаже.

Он отшвырнул рубашку и провел пальцем по лицу Бобби, подцепив комок тонального крема. Макияж ее был размазан: отчасти смыв потом, отчасти — слезами.

— Я сделал тебе больно, — проговорил он.

Ты сделал мне приятно, ответила она.

— Ну что же?

Ты меня слышал, Гард. Я знаю.

— Разозлилась, — проговорил он, машинально возводя ментальный барьер. Снова началась игра. Теперь между ними все кончено. Сердце пронзила нестерпимая грусть. — Ты поэтому мне не отвечаешь? — Он выдержал паузу и добавил: — Ясно. Я сам виноват. Сколько ты горя со мной хлебнула за все эти годы, не измерить.

— Я ответила, — проговорила она, и, к своему немалому стыду и радости, Гард почувствовал в ее голосе сомнение. — Мысленно.

— Я не услышал.

— А раньше слышал и даже отвечал. У нас же получалось, Гард.

Тогда мы были ближе — ну, к этому...

Он махнул рукой в сторону корабля.

Сустаной улыбкой она прижалась щекой к его плечу. Гrim почти стерся, и взгляду открылась ее настоящая кожа. Столь неестественную прозрачность не объяснить никакой из земных хворей.

— Ты не ответила. Я сделал тебе больно?

— Нет. Разве что самую малость. — Она улыбнулась своей прежней фирменной улыбкой, в которой сквозил живой задор, и по щеке ее стекла слеза. — Оно того стоило. Самое лучшее мы приберегли напоследок. Остатки сладки, Гард.

Он нежно ее поцеловал. Теперь и губы ее казались другими. Это были губы новой и улучшенной Роберты Андерсон.

— Остатки-середки. Зря мы это. Не стоило мне тебя трогать.

— Видок у меня еще тот, я знаю, — проронила она. — Усталость и вся эта штукатурка. Ты верно подметил: переутомилась я, слетели шестеренки.

Черта с два, подумал Гарденер, старательно прикрывая мысли белым шумом, чтобы Бобби их не услышала. У него это получалось почти рефлекторно, вошло в привычку.

— Знаешь, меня лечили, хм, радикальными способами. Масса побочных эффектов: с кожей проблемы, волосы выпали. Но ты не думай, все отрастет заново.

— Ну да, — пробормотал Гарденер, а сам подумал: «Эх, Бобби, ты всегда была никудышной врущей».

— Но я очень

рад, что ты пришла в себя. Может, тебе пару деньков передохнуть? Поваляться, побездельничать.

— Ну уж нет, — проронила Бобби. — Последний рывок, мы почти у цели. Мы же начали это, ты и я...

— Нет, — перебил Гарденер. — Это ты начала, когда споткнулась о чертову железяку в прямом смысле слова. Когда Питер был жив. Помнишь?

При упоминании о собаке в глазах Бобби промелькнула боль, но она тут же справилась с собой.

— Ты быстро примчался на подмогу. Можно сказать, жизнь мне спас. Без тебя я бы не справилась. Так что раз начали вместе — давай вместе и закончим. Там до люка футов двадцать — двадцать пять осталось, не больше.

Гарденер понимал, что она права, но признавать этого не хотел. Какая-то игла засела в сердце, и чувствовал он себя паршиво, как никогда.

— Ну как скажешь. Смотри, ловлю тебя на слове.

— Мы с тобой пуд соли съели, так что нам последняя ложка, а?

Он задумчиво посмотрел на Бобби, в который раз отметив про себя, как беззвучны стали леса без птичьих трелей.

Мертвая тишина. Так, скорее всего, и будет, если взорвется очередной реактор этих жадных прусаков. У людей-то мозгов хватит вовремя сняться с насиженных мест, если их, конечно, сочтут нужным предупредить. А вот кто прикажет сове с дятлом убраться из зоны поражения? И алой танагре не запретишь смотреть на ядерный гриб. Расплыватся глаза от радиации, и будут несчастные птахи порхать, натыкаясь на деревья, на здания и постройки. Одни с голоду умрут, другие шеи себе переломают. И что это вообще, Бобби? Корабль? Или оболочка реактора? А если она дала течь? И поэтому так тихо стало в лесу? И поэтому в пятницу свалилась с небес железная птичка нейрохирурга?

— Ну так что, Гард? Последний рывок?

Так что же делать? Почтить с миром? Бежать куда глаза глядят? Сдать тарелку американской «полиции Далласа»? Чтобы и они как следует с ней поигрались, потрепали нервишки советской «полиции Далласа»? Что? Есть свежие идеи?

И вдруг в голову действительно пришла свежая идея. Во всяком случае, перед ним забрезжил свет надежды.

Надежда — это лучше, чем ничего.

Он обнял Бобби.

— Так и быть. Последний рывок.

Бобби расплылась в улыбке, и тут в глазах ее мелькнуло удивление:

— И сколько она тебе отвалила?

— Кто это она?

— Зубная фея, — пояснила Бобби. — У тебя зуб выпал. Передний, сам погляди.

Гард поразился. С легким испугом поднес руку ко рту. Да, действительно, там, где еще вчера красовался острый резец, теперь было пусто.

Значит, началось. Целый месяц он работал в тени чудо-вищного корабля, надеясь, что на него это не подействует, и просчитался. Наивный глупец. Теперь и он встал на путь превращения в Гарда новой и улучшенной модификации.

На путь к «обращению».

— Смотри-ка ты, а я и не заметил, — с вымученной улыбкой сказал Гард.

— Ощущаешь в себе какие-то перемены?

— Нет, — искренне ответил он. — Во всяком случае, пока. Ну а ты как, готова к работе?

— Сделаю что смогу, — проронила Бобби. — С такой-то рукой...

— Будешь за шлангами следить. Если какой расшатается — зови меня. И еще, говори со мной о чем-нибудь. — Гард взглянул на нее, неловко ослабившись. — Знаешь, эти ребята не больно-то болтливы. Не-е, они правда старались, да только... сама понимаешь.

Гард пожал плечами.

Лицо ее озарилось ослепительной улыбкой, и взгляду Гарднера предстала та прежняя Бобби, которую он всегда любил. Вспомнилась тенистая гавань ее шеи, и в сердце острым буром шевельнулась тоска.

— Кажется, понимаю, — ответила она. — Ну тогда пеняй на себя: гляди, устанешь от моей говорильни. Мне тоже было одиноко.

Так они стояли и улыбались друг другу, совсем как в старые добрые времена, когда лес наполняло пение птиц.

Кончилась любовь, подумал Гард. Опять играем в покер. Все по-прежнему, если не считать Зубной феи, которая заяви-

лась прошлой ночью и как пить дать вернется снова. А потом здешний люд начнет читать мои мысли. Посмотрят, какой расклад у меня на руках, и пиши пропало. Забавно. Мы-то думали, что если мир и захватят пришельцы, то как минимум они будут живыми. И сам Герберт Уэллс не предвидел вторжения призраков.

— Я хочу заглянуть в котлован, — сказала Бобби, прервав ход его мыслей.

— Ну пошли. Посмотришь, как быстро уходит вода. Ты будешь в восторге.

Они вошли в тень корабля.

13

8 августа, понедельник.

На Хейвен вновь обрушилась жара.

Наступил понедельник. Утром, в четверть восьмого, термометр за кухонным окном Ньюта Беррингера показывал семьдесят девять градусов по Фаренгейту. Ньют Беррингер не мог его видеть, поскольку находился не на кухне. Он стоял перед зеркалом в ванной в пижамных штанах, неловко обмазываясь тональным кремом своей ныне покойной жены. Пот струился по лицу, и крем собирался в комочки. В былые времена Ньют считал косметику невинным женским капризом. Теперь же, попытавшись использовать ее по прямому назначению — не столько подчеркнуть хорошее, сколько скрыть плохое (а в его случае как минимум пугающее), — он обнаружил, что макияж — искусство сродни парикмахерскому. На поверхку все оказалось сложнее, чем можно было представить.

Скрыть он пытался один пренеприятный факт. За последнюю неделю кожа у него на щеках и на лбу стала очень бледной. Конечно, он отдавал себе отчет в том, что без визитов в сарай Бобби Андерсон тут не обошлось. Воспоминаний об этих визитах у него не оставалось. В сарае он испытывал страх, но куда сильнее страха было сопутствовавшее ему ликование, и все три раза, что он там бывал, он чувствовал себя десятифутовым великаном и готов был разом покрыть целый взвод

чемпионок по боям без правил прямо на ринге. Беррингер прекрасно понимал, что его неестественная бледность связана с этими посещениями, хотя поначалу и пытался списать жуткие перемены на слабый загар. До того скорбного зимнего дня, когда грузовик с хлебом занесло на обледеневшей дороге и он вырвал из жизни его законную супругу Элеонор, та, бывало подтрунивала над муженьком — мол, едва солнечный луч коснется его кожи в первых числах мая, он становится загорелым как индеец.

Так он и тешил себя иллюзиями до поры до времени. Однако в минувшую пятницу все стало совсем уж очевидным. На щеках сквозь кожу просвечивали вены, артерии и капилляры — точь-в-точь как у медицинской куклы, которую он подарил своему племяннику Майклу на позапрошлое Рождество. Куклу звали «Удивительный человек-невидимка». Эта ситуация чертовски действовала на нервы. Мало того, что он видел себя насквозь, когда он прижимал пальцы к щекам, под ними не прощупывались твердые кости. Скулы словно бы растворялись.

Нельзя же в таком виде показываться на улице, думал он.

В субботу, стоя перед зеркалом, Ньют внезапно понял, что серая тень, которая пропадает сквозь кожу щеки, не что иное, как его собственный язык. Не помня себя от ужаса, он помчался к Дику Эллисону.

Отворивший дверь Дик выглядел совершенно нормальным, и Ньют на миг ужаснулся, решив, что несчастье постигло лишь его одного. У него чуть колени не подломились от облегчения, когда в голове отчетливо прозвучала мысль Дика: «Ну ты даешь, старина, нельзя же в таком виде разгуливать, ты всех распугаешь. Заходи скорее, я сейчас Хейз позвоню».

(Конечно, в телефоне давно отпала надобность, но человеку трудно расстаться со старыми привычками.)

На кухне Дика, в свете яркой флуоресцентной лампы Ньют наконец понял, что Дик пользуется гримом. Тот признался, что грамотно накладывать крем его научила Хейзел. Да, это произошло со всеми, кто бывал в сарае Бобби, — со всеми за исключением Элли, который впервые попал в сарай всего две недели назад.

Что ж теперь с нами будет, Дик? — озабоченно спросил Ньют. Зеркало в прихожей Дика притягивало его как магнит.

Ньют подошел, уставился на свое отражение: сквозь мертвенно-бледные губы просвечивал язык, на лбу виднелась сетка мелких пульсирующих капилляров. Он нажал кончиками пальцев на костиный выступ чуть выше бровей, и на синюшной коже остались едва различимые отпечатки с петлями и завитками — так бывает, когда коснешься рукой затвердевающего воска. Его чуть не стошило.

Не знаю, ответил Дик. Он успел позвонить Хейзел и разговаривал с ней одновременно. Какая разница? Рано или поздно это случится со всеми, как и все остальное... Ну ты меня понял.

Однозначно, он прекрасно все понял. Первые перемены, думал Ньют, рассматривая свое отражение в то жаркое утро понедельника, были куда страшнее. Дело лишь в том, что о таком не принято говорить вслух.

Впрочем, и с этим он уже смирился, что лишний раз доказывало: человек привыкает ко всему. Дай только время.

Он стоял возле зеркала и вполуха слушал по радио дилджея, который рассказывал о том, что в их сторону движется горячий южный фронт, — значит, как минимум три дня, а может, с неделью будет душно и жарко. Температура подскочит до девяноста градусов по Фаренгейту. Поругавшись на погоду — в такие дни у него обострялся геморрой, все начинало гореть и чесаться, — Ньют продолжил накладывать пудру «Макс Фактор», которой некогда пользовалась Элеонор. Старательно замазывал прозрачные щеки, нос, шею и лоб. Он закончил проклинять погоду и, не прерывая монолога, переключился на косметику. Ньюту и в голову не приходило, что злополучная крем-пудра, которая упрямо скатывалась в комочки и никак не хотела ложиться ровным слоем, попала в ящичек трюмо задолго до смерти Элеонор в феврале восемьдесят четвертого.

Он тешил себя надеждой, что однажды научится накладывать на себя эту гадость, а там и вовсе отпадет необходимость в гриме. Человек привыкает ко всему. И словно бы в подтверждение этой мысли из штанины его пижамы высунулось щупальце. Белесое на кончике, оно постепенно розовело, окрашиваясь насыщенным багрянцем и утолщаясь к основанию. Ньют Беррингер рассеянно вернул щупальце на место и принялся размазывать по исчезающему лицу крем-пудру своей покойной жены.

9 августа, вторник.

Пожилой доктор Уорвик накрыл простыней тело Томми Жаклина. Простыня вздулась и осела, обозначив выдающийся профиль покойного. Внешностью мальчик пошел в отца, и, невзирая на крупный нос, он был хорош собой.

Да, еще предстоит сообщить отцу, с грустью подумала Бобби Андерсон, и, как всегда, ей отдуваться. По сути, такие вещи давно не должны были ее волновать, а она все переживает: из-за того, что мальчик умер, и из-за того, что придется убрать Гарда, когда они подберутся к люку корабля.

Оставалось уповать на то, что в нужный момент все пройдет.

Пара визитов в сарай — и как рукой снимет.

Она машинально отряхнула рубашку и чихнула.

Гостиная доктора Уорвика была наспех переделана в приемный покой, и если не считать этого звука да напряженного сопения Эстер Бруклин, лежавшей на другой кушетке, в помещении царила потрясенная тишина.

Кайл: Он что, правда умер?

Нет, отрезал доктор Уорвик — я так, для смеха его простыней накрыл. В конце-то концов! Я уже в четыре знал, что он умирает. Поэтому и собрал вас здесь.

— Вы же вроде бы теперь у нас отцы города. — Его взгляд выцепил среди присутствующих Хейзел и Бобби. — Извиняюсь. И матери тоже.

Бобби безрадостно усмехнулась. Скоро в Хейвене не будет разделения на мужчин и женщин. Ни отцов, ни матерей. Так сказать, очередная веха на Великом пути к «обращению».

Она перевела взгляд с Кайла на Дика, с Ньют на Хейзел и поняла, что остальные подавлены в не меньшей степени. Слава богу, в этом она не одинока. Томми и Эстер, конечно, вернулись, и даже с опережением графика. Как только Томми всерьез занедужил, а случилось это через три часа после того, как они выехали из зоны Хейвен-Троя, он давил на газ изо всех сил.

Паренек-то — настоящий герой, вздохнула Бобби. Жаль, единственной наградой для него станет клочок земли в родимой стороне.

Она перевела взгляд на Эстер. Лицо ее напоминало восковую маску. Девочка тяжело и хрипло дышала, не открывая глаз. Наверное, им стоило бы вернуться сразу, как только подступила головная боль и стали кровоточить десны, но такой вариант даже не обсуждался. И ладно бы дело ограничилось лишь деснами. У Эстер не прекращалась менструация с самого начала « обращения » (в отличие от зрелых женщин, девушки « текли » беспрерывно). В Трое подростки остановились у первого же магазина — понадобилось срочно прикупить прокладки размером побольше. Теперь из нее лило, как из рога изобилия. Они обзавелись тремя автомобильными аккумуляторами и не новым, но добротным аккумулятором для грузовика в магазине запчастей на границе городов Ньюпорт и Дерри. На тот момент четыре прокладки « макси » вымокли насовсем.

Потом начались головные боли, причем сильнее досталось Томми. В универсаме « Сирз » они приобрели полдюжины аккумуляторов « Оллстейт », а чуть позже — больше сотни мелких батареек всех модификаций в « Дерри-тру-вэлью », куда как раз поступила новая партия. На тот момент оба понимали, что надо возвращаться, и как можно скорее. У Томми начались галлюцинации. Просезжая по Вентворт-стрит, он вдруг увидел, как из водопроводного люка высунулась голова клоуна с блестящими серебряными долларами вместо глаз. Клоун скалился в улыбке, крепко сжимая в белом кулаке связку воздушных шаров.

Милях в восьми от Дерри, когда они мчались в сторону Хейвена по шоссе номер 9, у Тонни потекла кровь из прямой кишки.

Он выругал на обочину и, сгорая от стыда, попросил у Эстер чистую прокладку. Она спросила зачем, и он кое-как объяснил, не поднимая взгляда от смущения. Она выделила ему пачку прокладок, и тот скрылся в кустах. Возвращался он неверной пьяной походкой, вытянув перед руку, словно шел на ощупь.

— Садись за руль, ты поведешь, — буркнул он. — У меня что-то с глазами.

Когда они подъезжали к черте города, переднее сиденье было сплошь измазано кровью, а Томми лежал без сознания. У Эстер уже потемнело в глазах, она едва различала дорогу. И хотя она знала, что сейчас четыре часа и день в самом разгаре, доктор Уорвик вышел к ней словно из багрового грозового заката. Она понимала, что он открывает дверь, шупает ее руки

и пытается утешить. Все хорошо, милая. Вы добрались, вы теперь дома, отпусти руль. Покоясь в заботливых объятиях Хейзел Маккриди, она дала более-менее связный отчет о событиях дня и лишилась сознания задолго до того, как они оказались дома у доктора, хотя тот выжимал из старой колымаги неслыханные шестьдесят пять миль в час и встречный ветер трепал его седые волосы.

Эдли Маккин прошептал: А что с девочкой?

Кровяное давление снижается, проговорил Уорвик. Кровотечение остановлено. Она молодая и крепкая, кровь с молоком. Знавал я ее родителей, да и деда с бабкой. Эта выкарабкается. Он мрачно оглядел собравшихся. В свете ламп их перемазанные кремом лица казались жуткими физиономиями загорелых клоунов. Старик смерил их проницательным взглядом водянистых глаз.

Правда, не думаю, что к ней когда-нибудь вернется зрение.

Наступила гробовая тишина. Прервала ее Бобби:

Это неправда.

Док Уорвик повернул голову и взглянул на нее.

Она прозреет, продолжила Бобби. Когда завершится «обращение», мы все будем видеть единым глазом.

Уорвик встретился с ней взглядом, а потом опустил глаза. Да, пожалуй. Но все равно очень жаль девочку.

Бобби не стала спорить. Досталось бедняжке. С Томми судьба обошлась и того хуже. Что будет с их близкими — страшно подумать. Надо бы их проведать. Кто-нибудь составит мне компанию?

Она взглянула на всех поочередно, но каждый отводил глаза, старательно заглушая мысли непроницаемым гулом.

Я поняла, сказала Бобби. Наверное, справлюсь сама.

Неожиданно голос подал Эдли Маккин. Бобби, если хочешь, я пойду с тобой.

Бобби встретила предложение благодарной, хоть и немногого усталой улыбкой, и стиснула его плечо. Спасибо, Эд. Уже второй раз спасаешь мою шкуру.

Они вышли, остальные посмотрели им вслед. Когда во дворе заграхтел мотор, все дружно перевели взгляды туда, где на кушетке без сознания лежала Эстер Бруклин. Девочка была подключена к замысловатой системе жизнеобеспечения, среди частей которой угадывались два радиоприемника, диск проиг-

рывателя для пластинок, какое-то приспособление автоматической настройки на каналы из новенького телевизора «Сони», принадлежавшего доктору, — и много-много батареек...

15

10 августа, среда.

С тех пор как они с Бобби соединились на душистой лесной подстилке, Джиму Гарденеру более-менее удавалось держать в узде свою тягу к спиртному. Это стоило кое-каких усилий. И, несмотря на усталость и смятение, необходимость играть на два фронта и не отпускаяшее его чувство, что Хейвен катится к чертям, Гард понимал, что делает это в первую очередь ради собственного блага — слишком навязчивы стали головные боли, слишком часто кровь хлестала из носа. Он понимал, что отчасти в этом повинен корабль, ведь первые звоночки прозвучали сразу после того, как он, по настоянию Бобби, коснулся ее находки. Он поддался тогда ее уговорам и тронул выступающую из-под земли глыбу. Притом нельзя отрицать, что и выпивка делала свое черное дело. В беспамятство он больше не проваливался, а вот кровотечения продолжались. В иные дни — по три и четыре раза кряду. Гарденер всегда был склонен к повышенному давлению, и врачи не раз предупреждали, что если он и дальше будет предаваться возлияниям, то очень легко перейдет ту зыбкую черту, за которой его здоровье окажется под угрозой.

И пока Бобби не чихнула, он довольно неплохо справлялся с пагубной привычкой.

Гард услышал этот до боли знакомый звук, и его захлестнуло воспоминаниями, а вместе с ними в голове вспыхнула чудовищная мысль, взорвалась, как бомба.

Он направился в кухню и заглянул в корзину для грязного белья. Его интересовало платье, в котором Бобби была накануне, — та ни о чем не подозревала: она спала без задних ног и чихала во сне.

Накануне вечером Бобби куда-то собралась и ушла без объяснений. Она была встревожена и расстроена, как показалось Гарденеру. И хотя они оба весь день трудились не покладая рук,

ее ужин остался нетронутым. Стоял знойный душный вечер. На закате она приняла душ, переоделась в чистое и укатила прочь. Возвратилась в районе полуночи — и прямиком в сарай. Гарденер, выглянув из окна, увидел яркий свет, когда она заходила внутрь. Бобби пришла домой на заре, хотя и в этом Гард не был уверен.

Весь день она была угрюма, говорила только по необходимости, отвечала односложно. Неловкие попытки вывести ее из ступора не возымели успеха. Ужинать она не стала, предложение перекинуться на террасе в крибидж, как в старые добрые времена, безмолвно отвергла.

Ее печальные и влажные глаза выглядывали из-под корки нелепого грима. Едва это промелькнуло в мыслях Гарденера, Бобби вытащила из пачки «Клинекса» горсть салфеток и пару раз отрывисто чихнула.

— Простыла, наверное. Все, я спать. Прости, что не поддержала веселья, но я совсем без сил.

— Я понял, — ответил Гард.

Какое-то смутное беспокойство, неясное воспоминание, вгрызалось в душу и не отпускало. Он стоял с платьем в руках, легким ситцевым платьем без рукавов. В былые дни его постирали бы, вывесили во дворе сушиться, а после ужина — погладили и аккуратно убрали в шкаф задолго до отхода ко сну. Но то было раньше. Теперь наступили иные дни, и одежду стирали лишь в случае крайней нужды — ведь есть куда более важные занятия, правда?

И словно в подтверждение этой мысли Бобби дважды чихнула во сне.

— О нет, пожалуйста, только не это, — проронил Гард и бросил платье в корзину, не желая больше к нему прикасаться. Захлопнулась крышка, и он замер на месте, прислушиваясь, не проснется ли Бобби.

Она взяла машину и поехала исполнять какую-то неприятную для себя повинность — что-то, что ее тяготило, причем мероприятие достаточно формальное, раз ей пришлось так нарядиться. Вернулась поздно и направилась в сарай, даже одежду не сменила. Сразу туда, будто это было жизненно необходимо. Зачем?

Мнимальная простуда и то, что Гард обнаружил на платье, навели его на неприятные мысли.

Она ходила в сарай за утешением.

Бобби давно жила одна, и рядом было лишь одно существо, способное дать ей капельку тепла. И кто это? Неужели Гард? Да не смешите. Он сам появлялся лишь в тех случаях, когда на душе скребли кошки.

Напиться в стельку. Впервые за время пребывания здесь ему так страстно захотелось приложиться к рюмке.

И не думай. Он уже развернулся, собираясь покинуть опасную кухонную зону, где Бобби хранила свои алкогольные запасы, как вдруг что-то с клацаньем брякнулось на дощатый пол.

Гард наклонился, поднял предмет, рассмотрел его и задумчиво подбросил на ладони. Разумеется, это был зуб. Второй по счету резец. Сунул палец в рот, нашупал свежую дырку. На пальце остался кровяной мазок. Гард встал в дверях кухни и прислушался. Из спальни доносился раскатистый храп. Пожалуй, у нее начисто забиты пазухи.

Может, и впрямь поверить ей? Простыла так простила.

Вспомнилось, как Питер любил запрыгивать Бобби на колени, когда та садилась с книгой у окна в стареньком креслекачалке или устраивалась на крыльце, чтобы подышать свежим воздухом. Питер, по ее словам, был мастер сокрушительных прыжков, особенно перед дождем, а в полуденный зной, когда воздух недвижим, он с не меньшим успехом вызывал у нее приступы аллергии. «Умеет выбрать нужный момент, — как-то раз сказала она, ласково потрепав бигля за уши. — Ведь правда, Питер? Мастер, еще какой мастер. Нравится, когда я чихаю? Чтоб не одному тебе страдать, да?» Казалось, что Питер тоже над ней смеялся, только по-своему, по-собачьи.

...по-своему, по-собачьи...

Гарденер вспомнил, что как раз накануне ночью, когда вернулась Бобби, вдалеке грохотал гром.

Иногда Питер нуждался в поддержке.

Особенно в грозу. Его страшили громовые раскаты.

Господи, неужели она заперла Питера в сарае? И если так, зачем ей это понадобилось?

На том платье Гард обнаружил потеки липкой зеленой субстанции.

И волоски.

До боли знакомые коричнево-белые волоски. Да, Питер сидит в сарае и сидел там все это время. Получается, Бобби

слукавила, когда сказала, что пес мертв. Она могла наговорить ему сколько угодно вранья, но зачем ей понадобилось лгать об этом?

Зачем?

И это еще предстояло выяснить.

Передумав, Гард направился к буфету и заглянул под раковину. Извлек из закромов непочатую бутылку виски и раскупорил ее. Воздев к небесам заветную емкость, он изрек: «За здоровьице лучшего друга человека». Отхлебнул, энергично прополоскал горло и глотнул.

Лиха беда начало.

Эх, Бобби, что же ты с ним сделала? Питер-Питер.

Теперь уж он точно напьется. В стельку. И быстро.

Книга третья ТОММИНОКЕРЫ

Это ваш новый босс, только на старый лад. Смотри, не попадись.

The Who. Won't get fooled again

А там, за горюю, громы. Внемли, народ, жгите костры, вот она, явь! Мчись напролом через джунгли, беги без оглядки, беги. Мчись напролом через джунгли.

*Creedence Clearwater Revival.
Run Through the Jungle*

Я спала и видела сон. Все ясно, как на ладони: неприкрытая натура, существо без прикрас. Я была злобным карликом, не мужчиной и не женщиной. Савл был таким же, не мужчиной и не женщиной, братом он мне был и сестрой, и танцевали мы в каком-то открытом месте, среди огромных белых зданий, наполненных чудовищными и злыми черными механизмами, несущими разрушение. Мы были друзьями в этом сне, я и он, или я и она, и мы направляли свою вражду вовне, объединившись в злобном презрении. Во сне меня одолевала пронзительная тоска, мучительная жажда смерти. Влюбленные, мысливались в экстазе и целовались. И это было ужасно, я понимала это. Потому что сон этот был сродни тем снам, где поцелуй — квинт-эссенция любви и нежности, но сейчас это были касания двух существ, наполовину людей и наполовину нелюдей, которые наслаждались всеобщим концом.

Дорис Лессинг. Золотая тетрадь

Глава 1 СЕСТРИЧКА

1

— Надеюсь, вы приятно провели время на борту нашего авиалайнера, — напутствовала стюардесса немногочисленных пассажиров рейса 230 «Дельта эйрлайнс», осиливших путь до самого Бангора, конечной точки пути.

— И не надейся, — прервала ее сорокалетняя женщина, выглядевшая на все пятьдесят. Она не только выглядела на пятьдесят, но и мыслила соответственно. Это была старшая

сестра Бобби Андерсон, и звали ее Энн. Бобби помнила ее такой лет с тринадцати. Женщина застопорила процессию и смерила стюардессу недобрым взглядом, коему по силам было, пожалуй, остановить стрелки часов.

(Бобби рассказывала о ней, когда бывала пьяной, что случалось нечасто.)

— Мне жарко. У меня воняют подмышки, потому что мы вылетели с опозданием из Ла-Хрендии, да потом еще и из Логана. В самолете тряслось, и я ненавижу летать. В наш скотский салон послали какую-то стажерку, и она расплескала надо мной чай-то коктейль, и теперь я должна оттирать с руки липкие апельсиновые струпья. Трусы впились мне в задницу, и этот ваш городок — как прыщ на члене Новой Англии. Еще будут вопросы?

— Нет, — выдавила из себя стюардесса. Глаза ее остекленели, на нее вдруг навалилась неимоверная усталость, словно она только что выстояла три раунда против Бум-Бум-Манчини в тот день, когда Манчини был зол на весь мир. Подобное действие Энн Андерсон оказывала на людей нередко.

— Рада за тебя, детка, — бросила Энн и бодрым шагом направилась по раздвижному коридору в здание аэропорта, помахивая дорожной сумкой кричащего пурпурного оттенка. Перепуганная пигалица из «Дельты» даже не успела пожелать ей приятного пребывания в Бангоре и окрестностях. Собственно, она быстро поняла, что это было бы пустой тратой сил и времени — мегера в принципе не способна получать удовольствие. Эта дамочка прямо держала спину, хотя было в ее облике нечто болезненное, словно бы она шла, превозмогая боль, как русалочка, которую при каждом шаге пронзали тысячи кинжалов.

«Н-да, — подумала стюардесса, — если у этой цыпы и есть где-то возлюбленный, надеюсь, он осведомлен о пищевых привычках спаривающихся паучих».

В службе проката «Эйвис» Энн ответили, что свободных машин нет. И поскольку она заблаговременно не позабочилась о брони, ей, к сожалению, не повезло. Лето пришло в штат Мэн, и автомобили расхватывали как горячие пирожки.

Со стороны администратора это, конечно, было ошибкой. Можно сказать, грубой.

Энн мрачно улыбнулась и, мысленно засучив рукава, принялась за дело. Сестричка Энн упивалась такими ситуациями. Она ухаживала за больным отцом, пока тот не умер самой жалкой смертью. Случилось это первого августа, восемь дней назад. Когда старику стало плохо, дочь отказалась класть его в больницу, предпочитая самолично мыть его, лечить пролежни и менять подгузники. Вскакивать посреди ночи, чтобы дать ему лекарство. И, конечно же, не кто иной, как она, довела его до последнего решающего инсульта, постоянно изводя разговорами о продаже дома на Лейтон-стрит. (Сам он расставаться с домом не хотел, но Энн твердо вознамерилась склонить его к «верному» решению, и последний чудовищный удар, которому предшествовали три более легких с двухгодичными промежутками, случился с ним через три дня после того, как дом выставили на продажу.) Впрочем, она никогда не призналась бы, что в тот момент прекрасно отдавала себе в этом отчет, как не призналась бы в том, что хотя она с самого детства посещала церковь Святого Барта в Ютике и была усердной прихожанкой, божественное зачатие считала полной ахинеей. К восемнадцати годам Энн совершенно подчинила своей воле мать, а теперь расправилась с отцом и молча наблюдала, как его гроб закидывают землей. Куда уж соплячке из службы проката тягаться с сестрицей. Десять минут потребовалось ей, чтобы сломить сопротивление и отвергнуть кабриолет, который держали на случай, если какая-то знаменитость ненароком окажется в здешних краях. Энн продолжала напирать; страх жертвы распалил ее подобно тому, как запах крови распалил хищника. Двадцать минут спустя она гордо выехала из Международного аэропорта за рулем «катласс-суприм», забронированного для бизнесмена, который должен был сойти с трапа в шесть пятнадцать вечера. Впрочем, разбираясь с ним предстояло уже сменщице. Девушка-администратор настолько выдохлась, отражая убойные атаки Энн, что ей было все равно, пусть даже «катласс» предназначался бы Президенту Соединенных Штатов. На трясущихся ногах она зашла в кабинет, закрыла за собой дверь и заперлась на ключ, для верности подставив под ручку стул. Раскурила самокруточку с коноплей, которую припрятал для нее один из механиков, и разрыдалась.

Так Энн Андерсон нередко действовала на людей.

3

Время приближалось к трем. Разделавшись с девушкой из проката автомобилей, Энн отказалась от мысли тотчас же отправиться в Хейвен. Согласно карте, которую она захватила на столике в службе проката, до города оставалось меньше пятидесяти миль, однако перед столкновением с Робертом ей захотелось отдохнуть и набраться сил.

На перекрестке улиц Хаммонд и Юнион не работал светофор, обычная история для таких провинциальных дыр. Движение регулировал полицейский. Энн, не удосужившись выруть к обочине, остановилась посреди дороги и поинтересовалась, как проехать к лучшему в этом городе мотелю или отелю. Заметив такой маневр, коп собирался высказать свое «недовольство» — но вовремя перехватил ее недобрый взгляд. Внутри этой бестии пылало адское пламя, и он решил, что подкидывать в топку лишних пару поленец не имеет никакого смысла, проще дать ей, что она просит, и побыстрее от нее отвязаться. Особенno если учесть разыгравшуюся с утра язву и гнетущую жару, которые отнюдь не облегчали его и без того несладкую жизнь. Чем-то эта дамочка напомнила ему собаку из далекого детства. Псине нравилось выдирать куски из штанов мальчишek, топавших мимо нее в школу. Он рассказал этой занозе, как проехать в «Городские огни», что на трассе номер 7, и был счастлив, когда она показала ему зад и укатила прочь.

4

Отель «Городские огни» был набит под завязку.

Впрочем, для сестрицы Энн это не играло никакой роли.

Она выбила себе двухместный номер, довела до белого каления менеджера и заставила его дать ей другой, сославшись на то, что в этом грохочет кондиционер и телевизор плохо показывает. Лица у актеров такого болезненного цвета, словно они, все как один, обожрались какой-то дряни и вот-вот умрут.

Она распаковала вещи, методично довела себя до безрадостного оргазма при помощи вибратора гигантских размеров, который с честью выдержал бы сравнение с мутантской мор-

ковью, произрастающей в огороде Бобби. (Надо заметить, все оргазмы в ее жизни были методичными и безрадостными; она никогда не лежала в постели с мужчиной и не намеревалась делать этого и впредь.) Энн приняла душ, вздремнула, а затем отправилась обедать. Мрачно нахмурив брови, она изучила меню и, обнажив зубы в сухой улыбке, обратилась к официанту, который явился принять заказ:

— Принесите мне пучок овощей. Сырых и сочных овощей.

— Мадам желает сал...

— Мадам желает пучок сырых и сочных овощей. И мне плевать, как там оно у вас называется. Да хорошенько промойте сначала, чтобы там не осталось жучиного дерьма. А прямо сейчас принесите мне «Сомбреро».

— Да, мадам, — проронил официант, облизнув губы. На них уже стали обращать внимание. Кое-кто улыбнулся — впрочем, едва они перехватывали взгляд Энн, улыбка стиралась с их лиц. Официант зашагал на кухню, но она тут же окликнула его зычным, не терпящим возражений голосом:

— В настоящий «Сомбреро» кладут калуа и сливки. Сливки, понятно? И если, котик, принесешь мне «Сомбреро» на молоке, я тебе этим пойлом шею намылю.

У официанта задергался кадык, вверх и вниз — точь-в-точь обезьянка на палке. Он попытался изобразить аристократически-снисходительную улыбку, известное оружие официантов против клиентов-грубиянов. Надо отдать ему должное, стартовал он неплохо, но тут Энн скривила губы в ухмылке, от которой его начинание пошло прахом. Улыбка эта была убийственной, она не предвещала ничего хорошего.

— Я не шучу, котик, — проворковала Энн. Официант поверил.

К семи тридцати она уже была в номере. Разделась, напялила пижаму и села у окна. Несмотря на название, отель «Городские огни» находился на окраине Бангкока. С четвертого этажа, где она поселилась, открывался вид на небольшую освещенную парковку. Все остальное тонуло в непроницаемом мраке. Такой расклад устраивал ее как нельзя лучше.

В сумочке Энн носила капсулы с амфетамином. Вытряхнув из пузырька одну пилюлю, она вскрыла оболочку и высыпала содержимое на зеркальце компактной пудры. Аккуратно подстриженным ногтем выровняла белый порошок в полоску и втянула ноздрей сразу половину. Сердце зайцем запрыгало в чахлой груди. На блеклом лице вспыхнул румянец. Оставшуюся часть она приберегла на утро. Баловаться «желтенькими» она начала после первого инсульта отца и привыкла к ним настолько, что уже не могла заснуть без понюшки — что странно, ведь действие этого вещества было диаметрально противоположно успокоительному. С глубокого детства ей помнилось, как однажды мать, в очередной раз доведенная до исступления, крикнула ей: «Истеричка ненормальная, все у тебя не как у людей!»

И она нисколько не преувеличивала, Энн это знала. Правда, теперь старушка себе такого ни за что бы не позволила.

Энн посмотрела на телефон и тут же отвела взгляд. Один вид этого предмета напоминал о Бобби и о том, как по-хамски она отказалась приехать на похороны отца, совершенно типичным образом избежав прямого разговора. Жалкая слонтийка, она попросту отказалась реагировать на упорные попытки Энн с ней связаться. На следующий же день после того, как этот хрыч свалился с ударом, Энн звонила ей дважды — когда стало ясно, что старикашка склеит ласты. К телефону так никто и не подошел.

После смерти отца Энн позвонила снова. Второго августа ровно в час ноль четыре ночи. Какая-то пьянь ответила на звонок.

— Не могли бы вы пригласить к телефону Роберту Андерсон? — обратилась к собеседнику Энн. Она стояла в фойе госпиталя для ветеранов города Ютика возле платного телефона и была до предела напряжена. Матушка сидела рядом на пластмассовом стуле в окружении бесчисленных братьев и сестер с бесконечно скорбными ирландскими лицами; все они рыдали, рыдали и рыдали. — И побыстрее.

— Бобби? — переспросил хмельной голос на другом конце провода. — Вам какого босса позвать, старого или «нового и улучшенного»?

— Оставь эти шуточки при себе, Гарденер. У ее отца...

— Сейчас не получится с Бобби поговорить, — встриял пья-

ный Гарденер, а это был действительно он, уж теперь она узнала этот голос. Энн закрыла глаза. Она терпеть не могла, когда ее перебивают по телефону; это была одна из самых дурных телефонных манер. — Она ушла в сарай с полицией Далласа. Они там становятся все «новее и лучше».

— Передай, что звонила сес...

Щелк!

Бешенство обожгло горло, злоба затмила все вокруг. Энн стиснула в кулаке телефонную трубку и смотрела на нее так, как женщина может смотреть на ужалившую ее змею. Ногти побелели и обрели синюшный оттенок.

Энн не любила, когда ее перебивают, но самой дурной из телефонных манер, с ее точки зрения, было, когда бросают трубку посреди разговора.

6

Она тут же набрала снова, и на этот раз, выждав долгую паузу, телефон принял испускать в ухо тревожный назойливый звук. Бросив трубку, она повернулась к рыдающей матери и ирландской родне.

— Ты дозвонилась, сестричка? — спросила мать.

— Да.

— И что она сказала? — Матушка взглянула на Энн с надеждой на добрую весть. — Приедет домой на похороны?

— Я не добилась членораздельного ответа, — буркнула Энн.

И тут вся обида и злость на эту мерзкую поганку, которая посмела сбежать от суровой расправы, вырвались в один миг. Нет, она не истерila. Сестричка никогда не опустилась бы до истерик, равно как и не стала бы молчать: она не впадала в крайности. На лице ее появилась хищная усмешка. Родственники примолкли и с некоторым испугом взорвались на Энн. Две старушечки вцепились в свои четки.

— На самом деле она сказала, что очень рада. Давно пора старому козлу отбросить копыта. И засмеялась. А потом бросила трубку.

Все в ошеломлении смолкли, и тут раздался пронзительный крик Полы Андерсон — хлопнув себя ладонями по ушам, она заорала что было мочи.

Энн даже не сомневалась — во всяком случае, поначалу, — что Бобби будет присутствовать на похоронах. Раз она так решила, так тому и быть. Энн всегда добивалась желаемого. Она считала это приятным и правильным. И когда Роберта заявится, ей, само собой, припомнят слова, столь лихо приписанные ей сестричкой Энн. Мать, скорее всего, при встрече разомлеет от радости и не решится поднимать неприятную тему (а то и вовсе об этом позабудет). Конечно, может выступить кто-нибудь из ирландских дядьев. Бобби станет все отрицать, и старичок, вероятно, спустит дело на тормозах — ну если, конечно, его не охватит пьяная бравада, что вполне в духе родственников. Как бы там ни было, а помнить будут не отговорки Бобби, а утверждение Энн.

Ну и отлично. Даже прекрасно. Правда, этого мало. Загулялась Роберта на вольных хлебах, пора вернуть ее домой. И не на похороны, а навсегда. Она приедет, чтобы остаться.

Уж об этом сестричка позаботится.

Энн беспокойно ворочалась на гостиничной койке, не в силах уснуть. Раздражало все. И чужой неудобный матрац, и бормотание телевизора в соседнем номере, и чувство, что со всех сторон ты окружен людьми, словно пчелка в улье; разве что отсеки здесь квадратные, а не шестиугольные. Она коротала ночь в отеле «Городские огни». Завтра ей предстоял жаркий день. И все же главное, что сейчас терзало ее ум, — то, как беспардонно ее прервали: Ее снедала невыразимая злоба. Больше всего на свете она не любила, когда ее нагло игнорируют, и все остальное на этом фоне — житейские мелочи. Бобби же игнорировала ее нагло и беспардонно. По ее вине теперь приходится куда-то тащиться в самый зной; если верить синоптикам, такой жары Новая Англия не видывала с 1974 года.

Через час после той лживой фразы, брошенной в запале и предназначенной матери с кучей ирландских дядюшек и тетушек, она попыталась дозвониться снова. На этот раз из конторы гробовщика.

Ее мать к тому времени уже ушла домой, где ее, надо думать, дожидалась эта старая крыса, сестрица Бетти. Там они напьются своего паршивого клаерта, до глубокой ночи обливаясь соплями и оплакивая мертвца. В трубке заливалась сирена. Энн позвонила оператору, дабы заявить о неполадках на линии.

— Проверьте все, выясните, в чем дело, и лично проследите, чтобы все было исправлено, — скомандовала она. — Мне нужно как можно скорее связаться с сестрой — у нас умер родственник.

— Ясно, мэм. Не могли бы вы продиктовать мне номер, с которого вы звоните?

— Я звоню от гробовщика, — отрезала Энн. — Выберу коробочонку для старика и отправлюсь спать, а утром попробую снова. Так что позаботьтесь о том, чтобы в этот раз я сумела дозвониться. Ясно, милочка?

Она повесила трубку и обернулась к гробовщику.

— Сосновый гроб. Самый дешевый из того, что есть.

— Но, право же, мисс Андерсон, я уверен, вам захочется посмотреть и...

— Не буду я ничего смотреть! — рявкнула Энн. Тревожная пульсация в голове предвещала очередной приступ мигрени. — Я хочу купить самый дешевый сосновый гроб и убраться отсюда вовсюяси. Здесь пахнет смертью.

— Но как же... — обескураженно проговорил гробовщик. — Так вы даже не станете смотреть?

— Увижу старика в обновке, и достаточно с меня, — буркнула Энн, вынимая из сумочки чековую книжку. — Сколько?

9

На следующее утро телефон в доме Бобби работал исправно, но трубку не взяли. Так продолжалось весь день. Энн все больше распалилась. Ближе к четырем пополудни, когда в соседней комнате полным ходом шло отпевание, она позвонила в телефонную справочную штата Мэн и попросила продиктовать ей номер полицейского управления Хейвена.

— Э-э, видите ли, в Хейвене нет полицейского управления как такового, но в списках значится констебль. Это вам подойдет?..

— Диктуйте.

Номер продиктовали, и Энн тут же его набрала. Гудки продолжались целую вечность, в той же тональности, что и прежде, когда она звонила в дом, где последние тринадцать лет укрывалась ее бесхребетная сестра. Сходство между гудками на линии было столь велико, что закрадывалась мысль, будто звонок идет на тот же номер.

Какое-то время она даже забавлялась этой идеей, но потом отбросила ее как маловероятную. Ее неприятно удивило, что подобные мысли родились в ее голове, ибо паранойя была совсем не в ее духе. Все объясняется просто: это захолустье обслуживает одна и та же телефонная компания, которая использует одно и то же оборудование.

— Ты смогла с ней связаться? — испрекительно спросила Поля, встав в дверях.

— Нет. Бобби не берет трубку. Констебль тоже недоступен. Это не город, а Бермудский треугольник какой-то, — буркнула Энн, сердито сдув локон с потного лба.

— А может быть, поискать ее через каких-нибудь друзей?..

— Да где у нее друзья?! Один только пропойца, который дрыхнет у нее в койке.

— Ну зачем ты так, мы ведь этого точно не знаем.

— Да знаю я, мне одного раза хватило, и с голосом я не ошиблась, — раздраженно бросила Энн. — Знаешь, я долго прожила в этой семье и уже научилась узнавать пьяного по голосу.

Мать безмолвствовала, погруженная в то состояние, которое больше всего устраивало Энн: глаза на мокром месте, руки трясутся, скрюченные пальцы тормошат воротничок траурного платья.

— Нет, он точно там. И оба знают, что я пытаюсь им дозвониться. Спокойно сидят и дрючат мне мозги. Ну они у меня еще поплатятся.

— Сестричка, выбирай, пожалуйста, выра...

— Заткнись! — рявкнула Энн, и мать, разумеется, тут же заткнулась.

Энн опять взяла трубку. Набрала справочную и попросила дать ей номер мэра города Хейвен. Как оказалось, мэра в этом городе тоже нет. Его функции выполнял какой-то хрен, которого называли «городским управляющим».

В трубке послышалось царапанье крысиных коготков по стеклу — девушка из справочной искала информацию на компьютере. Матери давно след простыл, а из соседней комнаты

доносились нарочито надрывные всхлипывания и завывания, выражавшие великую ирландскую скорбь. Подобно ракете «Фау-2», ирландское отпевание работало на жидкое топливо, и в обоих случаях жидкость была одинаковой. Энн зажмурилась. В голове глухо стучали барабаны. Стиснув зубы, она ощутила во рту горький металлический привкус. Сестричка закрыла глаза и представила себе, как здорово было бы подправить лицо Бобби острыми коготками.

— Ты еще здесь, милочка, — поинтересовалась Энн, не размыкая век, — или внезапно захотелось «пи-пи»?

— Да, у меня тут...

— Диктуй.

Оператор переключила ее на «робота», и тот механическим голосом наликовал последовательность цифр. Энн набрала номер, в полной уверенности, что опять никуда не дозвонится, но, на удивление, к телефону сразу подошли.

— «Горуправ». Ньют Беррингер у аппарата.

— Что ж, рада слышать живой голос. Меня зовут Энн Андерсон. Я звоню из города Ютика штата Нью-Йорк. Пыталась связаться с вашим констеблем, но он, видимо, умотал на рыбалку.

— Констебль у нас женщина, мисс Андерсон, — невозмутимо парировал Беррингер. — В прошлом месяце она скопостижно скончалась. Пока на ее место никого не нашли и, видимо, не найдут до следующего городского собрания.

Это выбило Энн из колеи, но лишь на миг. Ее внимание привлекло нечто гораздо более занимательное.

— Мисс Андерсон? Беррингер, а как вы узнали, что я не замужем?

Он не смутился.

— Вы же сестра Бобби. И будь вы замужем, носили бы другую фамилию, ведь верно?

— Так, значит, вы знаете Бобби?

— Здесь все знают Бобби. Она — наша местная знаменитость. Мы ею страшно гордимся.

Холодным клинком эта фраза вонзилась в мозг Энн. «Местная знаменитость», вы подумайте.

— Молодчина, Шерлок, а я тут все телефоны оборвала, чтобы сообщить ей одну неприятную новость: вчера у нас умер отец, завтра его хоронят.

Она приготовилась услышать принятые в таких случаях слова соболезнования — в конце концов, этот безликий чиновник в какой-то мере не чужой для Бобби, — но их не последовало.

— На линии проблемы со связью, — бросил Беррингер.

Такая отчужденность, честно сказать, обескураживала. Впрочем, еще никому не удавалось выбить Энн из колеи. Да, разговор принимал незапланированный оборот, собеседник отвечал на вопросы странно, был сух и немногословен — для янки, во всяком случае. Она попыталась представить себе этого человека — и не смогла. Было в его голосе нечто странное, что не укладывалось в общую картину.

— А может, вы проследите, чтобы она перезвонила? Матушка волнуется, все глаза выплакала. Бедняжка и так чуть жива, а если еще и Роберта не поспеет к похоронам, боюсь, это ее окончательно подкосит.

— Помилуйте, мисс Андерсон. Что я могу сделать? Роберта — взрослый, самостоятельный человек. А информацию вашу я обязательно передам.

— Можно я вам телефончик оставлю? — сквозь зубы процедила Энн. — Мы, конечно, не переехали, но она звонит нечасто, наверняка уж и номер подзабыла. Диктую...

— Мне это без надобности, — отрезал Беррингер. — Если у нее нет номера — забыла или не записала, то в любом случае остается справочная, правда? Ведь вы именно так нас отыскали?..

Энн не любила телефоны за то, что они отчасти скрадывали ее неумолимую суть. Сейчас же она ненавидела их как никогда.

— Слушайте! — заорала она. — До вас, кажется, не доходит, с кем вы...

— Я все прекрасно понял, — ответил Беррингер. Не прошло и трех минут с начала разговора, а Энн перебивают уже вторично. — Мне перед обедом как раз нужно пройтись, вот и передам ей весточку. Спасибо за звонок, мисс Андерсон.

— Послушай...

Договорить она не успела, потому что дальше он совершил то, что она ненавидела больше всего на свете.

Повесив трубку, Энн представила, как здорово было бы, если бы этого задрота сожрали живьем дикие собаки динго.

В исступлении она скрежетала зубами.

В тот день Бобби не позвонила. Не позвонила она и вечером, когда поминки, подобно «Фау-2», уносились в алкосферу. И позднее ночью, когда пьяные бдения достигли своего апогея и «вышли на орбиту», телефон молчал. Не объявилась она и через два часа после полуночи, когда последние «плакальщики» спотыкаясь разбрелись по своим авто. По пути домой они будут угрожать безопасности всех, кто в этот злополучный час окажется с ними на одной дороге. В ту ночь сестричка не сомкнула глаз. Лежала в кровати и не могла расслабиться ни на минуту. Энн была на взводе, как бомба с часовым механизмом, готовая взорваться в любую минуту. Скрежеща зубами, впиваясь ногтями в ладони, она выдумывала план отмщения.

«Ну смотри у меня. Вернешься как миленькая. Уж ты у меня поглачешь...»

Бобби не перезвонила и на следующий день, и тогда, вопреки робким возражениям матери, Энн решилась на «неподобающий» шаг: отложить погребение.

— Я здесь буду решать, что пристойно, а что — нет. Его дочь обязана быть на похоронах, а эта поганка даже не потрудилась перезвонить. И оставь меня в покое!

Мать понуро уступила.

В ту ночь Энн вновь пыталась дозвониться сначала до Бобби, затем в кабинет градоначальника. По первому номеру по-прежнему пищала сирена, на втором включился автоответчик. Она терпеливо дождалась сигнала и надиктовала сообщение: «Мистер Беррингер, это сестра Бобби. От всей души желаю вам подцепить сифилис, который обнаружат не раньше, чем у вас отвалится нос и почернеют яйца в мошонке».

Затем она позвонила в справочную и попросила отыскать для нее три номера. Личный телефон Ньюта Беррингера, какую-нибудь Смит («Энни Смит, дорогуша, у них там все родственники») и какого-нибудь Брауна. В ответ на последний запрос ей продиктовали номер неких Брайанов, потому что других похожих фамилий не оказалось. По каждому из номеров на линии трещала сирена.

— Дрянь! — взвизгнула Энн, запустив телефоном в стену.

В спальню этажом выше в кровати поежилась мать, втайне желая, чтобы Бобби вообще не возвращалась. По крайней мере, пока Энн не в духе.

11

Погребение отложили еще на один день.

Родственники пытались возмутиться, но Энн дала им достойный отпор, уж будьте уверены. Похоронный распорядитель бросил на нее один взгляд и решил, что слова поперек не скажет, пусть ирландышка хоть согнется в своем сосновом ящике. Энн, весь день не слезавшая с телефона, могла бы поздравить его со столь мудрым решением. Бешенство сестрицы хлестало через край, побив все предыдущие рекорды. Казалось, из строя вышли все телефоны Хейвена, как назло.

Энн и сама уже понимала, что дальше откладывать похороны нельзя. В этой битве победа осталась за Бобби. Ну что ж, так тому и быть, война-то не окончена, а если маленькая дрянь так считает, то ее ждет масса разочарований, и все они будут чертовски болезненными.

Без колебаний Энн приобрела билеты на самолет. Один — из штата Нью-Йорк в Бангор, и два — обратно.

12

Энн могла бы улететь в Бангор на следующий же день (тем более что в билетах стояло означенное число), да их малахольная старуха умудрилась свалиться со ступеней и сломать бедро. Шон О'Кейси когда-то сказал: «Уж если ты живешь с ирландцем, не избежать тебе парада дураков». Золотые слова. Заслышив вопли матери, Энн прибежала с заднего двора. Еще секунду назад она прохлажддалась в шезлонге, пытаясь впитать в себя немного солнечного света и обдумывая стратегию, как удержать Бобби в Ютике, когда она сумеет ее сюда затащить. Увидев матушку на нижней площадке узкого лестничного пролета — ее тело было вывернуто под чудовищным углом, — Энн страстно возжелала оставить старую каргу валяться там до тех пор, пока из нее не выветрится пьяная анестезия. От новоявленной вдовы разило как из винодельни.

В этот миг отчаяния и злости Энн поняла, что теперь придется поменять все планы, у нее даже закралась мысль, что мать все это подстроила специально. Напилась для храбрости

и спрыгнула со ступенек. Зачем? А затем, чтобы сорвать операцию по поимке Бобби.

«Что ж, не выйдет, — решила Энн, направляясь к телефону. — Не получится. Уж если я что задумала, то непременно сделаю, так тому и быть. Я поеду в Хейвен, и меня там запомнят надолго. Приволоку мерзавку домой. Ох, они попляшут, и особенно — пропитой индюк, который посмел бросить трубку».

Она подошла к телефону и быстрыми сердитыми тычками набрала «Скорую» (после первого инсульта отца этот номер держали под рукой). Энн безмолвно скрежетала зубами.

13

Смыться из дома ей удалось не раньше девятого августа. Вкратце было так: Бобби, конечно, не перезвонила, и Энн оставила попытки с ней связаться. Ее больше не интересовали ни тупой сельский «горуправ», ни вечно пьяный приятель Бобби из Трои. Он, видимо, к ней заселился, дабы перепихиваться по полной программе. И ладненько. Пусть пока расслабятся, потеряют бдительность, оно и к лучшему.

Вот так она и оказалась в бангорском отеле «Городские огни». Лежит на казенной койке и скрежещет зубами, не в силах заснуть.

Скрежетать зубами она начала очень давно. Порой от этого скрежета просыпалась ее мать, а пару раз проснулся даже отец, который обычно дрых мертвецким сном. Когда Энн исполнилось три года, мать угораздило поделиться своей тревогой с семейным доктором из Нью-Йорка, уважаемым господином, обладателем степеней и дипломов. Врач не скрывал удивления. Выдергивая паузу, он ответствовал:

— Миссис Андерсон, я полагаю, у вас разыгралось воображение.

— Может, и разыгралось, — ответила Пола, — если считать, что воображение — заразно. Мой муж тоже слышал эти звуки.

Три пары глаз уставились на дитя. Крошка Энн сооружала башню из кубиков. Конструкция дрожала, рискуя рассыпаться в любую минуту. Девочка трудилась с неумолимой решимостью. На шестом кубике башня рухнула. И тут все услышали

звук трения кости о кость. Скрежеща молочными зубками, маленькая Энн начала строить заново.

— Она и во сне так делает? — поинтересовался врач.

Пола Андерсон кивнула.

— Как-нибудь само пройдет, — утешил врач. — Это не опасно.

Да только это не прошло и оказалось не столь уж безвредным. Девочка страдала бруксизмом, заболеванием, которое, наравне с сердечными приступами, инсультами и желудочными язвами, поражает чересчур напористых и целеустремленных людей. Первые молочные зубки, которые выпали у малышки Энн, оказались порядком сточены. Родители поговорили между собой и благополучно позабыли про это дело. Меж тем личностное становление Энн принимало все более дикие, в чем-то даже пугающие формы. К шести с половиной она заправляла в семье, причем исподволь — так, что ее и упрекнуть было не в чем. К тому времени жутковатый ночной скрип стал в доме привычным делом.

Когда девочке исполнилось девять, семейный дантист признал, что состояние ее отнюдь не нормализовалось и стремительно ухудшается, но лишь в пятнадцать лет, когда ребенка стали мучить боли, здоровьем Энн занялись всерьез. Она сточила зубы до нервных окончаний, и для того чтобы девочка не скрежетала по ночам, изготовили специальные приспособления, «ночные сторожа», которые она надевала каждый вечер перед сном. Сначала они были сделаны из резины, отлиты со слепка ее зубов, а потом — из акрила. В восемнадцать большую часть верхних и нижних зубов пришлось закрыть металлическими коронками. Андерсонам такая трата была не по карману, но Энн настояла на своем. Когда-то они сами запустили болезнь, и теперь прижимистому папаше придется раскошелиться. Она не позволит ему протянуть еще пару лет и, когда ей стукнет двадцать один, заявить: «Доченька, ты уже взрослая, и это твои проблемы. Хочешь коронки — плати за них сама».

Конечно, она предпочла бы золотые, но в ту пору семье это оказалось не по средствам.

Несколько лет бедолага ходила с железными зубами, улыбалась нечасто — люди пугались этой улыбки. Было что-то зловещее в металлическом блеске зубастого рта. В какой-то мере ей

это даже нравилось. Однажды в одном из новых фильмов про Джеймса Бонда она увидела злодея по имени Челюсти. Хочета до смерти, чуть не лопнула со смеху. Столь непривычная вспышка радости не могла не оказаться на самочувствии. Ей сделалось дурно, закружилась голова. Когда киношный здоровяк обнажил блестящие стальные резцы в акульем оскеле, она поняла, почему окружающие так долго шарахались от нее. Стало немного жаль, что в свое время она сделала фарфоровое напыление на коронки. Впрочем, был здесь один плюс: не стоит так уж явно показывать окружающим свою сущность. Уж лучше пусть не знают, что ради своей цели ты способен прогрызть дубовую дверь.

Но оставим в покое бруксизм. Несмотря на строгое соблюдение правил личной гигиены (бывало, она до крови натирала десны зубной нитью) и насыщенную фтором воду Ютики, она с детства страдала от кариеса. Не сказать, что это было следствием слабого здоровья — скорее скверного характера. Желание главенствовать всегда и во всем разрушает не только мягкие и нежные ткани человеческого тела, такие, как, скажем, желудок и жизненно важные органы, но и самые жесткие и прочные из них: зубы. У Энн постоянно пересыхал рот. Язык ее почти всегда был обложен налетом, а зубы напоминали маленькие сухие островки. Слюны оказывалось недостаточно, чтобы смыть остатки пищи, в зубах образовывались полости. И к той ночи в Бангоре, когда она забылась тяжелым сном, во рту ее было добрых двенадцать унций пломб из серебряной амальгамы; металлоискатели в аэропортах сплошь и рядом реагировали на это ее богатство.

В последние два года она начала терять зубы, хотя и предпринимала отчаянные попытки их спасти. Три нижних слева, два верхних справа. В обоих случаях Энн заказала самые дорогие из существующих зубных мостов, ради чего пришлось съездить в Нью-Йорк. Дентист произвел сложную операцию. Удалил гниющие останки, рассек десны до тусклого белого кости и имплантировал в челюсть крохотные титановые винтики. Затем десны зашили, и они замечательно срослись. Так везет не всем: бывает, что организм не принимает металлические вставки; у Энн Андерсон вообще не возникло проблем. Когда все зажило, из десны торчали два маленьких титановых штырька, на которые нацепили мост.

Конечно, в ее голове было не так много металла, как у Гарда (на него реагировали все металлоискатели без исключения), но все равно достаточно.

Теперь она преспокойно почивала, даже не ведая о том, что принадлежит к числу избранных — тех, у кого есть шанс войти в Хейвен и благополучно выйти из него.

14

На следующее утро, ровно в восемь, она выехала к своей цели на взятой напрокат машине. Один раз ошиблась поворотом, но к девятым тридцати была уже на границе между городами Троя и Хейвен.

С самого утра она пребывала в нервном возбуждении, как чистопородный скакун за минуту до старта. В какой-то момент, когда до Хейвена оставалось пятнадцать-двадцать миль, а вокруг расстилались пустынные пейзажи, окутанные солнцем дымкой летнего зноя, взвинченность куда-то испарилась. Снова заболела голова. Началось все с легкой пульсации в висках, которая стремительно нарастала, выливвшись под конец в знакомые ухающие удары, предвестники неумолимой мигрени.

Энн пересекла городскую черту Хейвена.

К тому времени она держалась исключительно на силе воли. Волнами накатывала головная боль. В какой-то момент показалось, будто бы изо рта брызнул поток музыкальной кафофонии, что она, впрочем, списала на игру воображения из-за приближающейся мигрени. Она видела людей на улицах, но не замечала, что все как один поворачиваются и смотрят ей вслед, а потом многозначительно переглядываются.

Где-то в лесу грохотала машина. Звук был далекий и неясный.

«Катласс» швыряло на безлюдной дороге. Шоссе перед глазами двоилось, троилось и неохотно обретало прежние очертания, а потом начинало двоиться снова, и так раз за разом.

Из уголка губ начала сочиться кровь, но и этого Энн не заметила.

Сейчас ей удавалось удерживать в сознании лишь одну мысль: надо ехать прямо, по шоссе номер 9, имя Бобби будет на почтовом ящике. Ехать прямо, шоссе номер 9, имя на почтовом ящике. Ехать прямо...

К счастью, дорога была пустынной. Хейвен дремал в лучах утреннего солнца. Почти весь иногородний транспорт теперь шел обездынными маршрутами. Автомобиль петлял, вздымая на обочине пыль то левыми колесами, то правыми. Сама того не замечая, Энн сбила знак поворота.

Юный Эшли Руваль, проезжая на велосипеде по северному пастбищу Джастина Хёрда, заметил ее издалека, притормозил на безопасном расстоянии от дороги и переждал, пока лихачка не скроется из виду.

(тетка какая-то тетка я не слышу ее только боль)

И сотня голосов отзывалась, успокаивая его.

(мы знаем Эшли все в порядке чш-ш-ш чш-ш-ш)

Эшли заулыбался, обнажив розовые и гладкие, как у младенца, десны.

15

Живот скрутило.

Энн чудом удалось вырулить на обочину и заглушить мотор. Она еле успела схватиться за ручку и отворить дверь — завтрак поднялся по пищеводу и хлынул наружу. Энн сидела перед открытой дверью и, положив локти на опущенное стекло, пыталась прийти в себя. Сознание едва теплилось, да и то благодаря решимости удержать его любой ценой. Она набралась сил, выпрямилась и захлопнула за собой дверь.

Преодолевая дурноту, она искала причины происходящего. Головные боли давно и прочно вошли в ее жизнь, но вот рвотой они обычно не сопровождались. Должно быть, виноват завтрак. В этой крысиной дыре, высокомерно именуемой «лучшим отелем Бангора», работают мошенники-повара. Они ее отравили. Как пить дать отравили.

Наверное, я умираю. О боже, да, сейчас загнусь. Но если я не умру, то вы проклянете тот час, когда ваши отцы встретили ваших матерей. Я вас по судам затаскаю, до самого Верховного суда дойду.

Наверное, эти мысли придали ей сил. Она села за руль и поехала дальше. Ползла медленно, выжимая тридцать пять миль в час, — по дороге она всматривалась в фамилии на почтовых ящиках, выискивая надпись «АНДЕРСОН». Вдруг

Энн посетила неприятная догадка: а что, если сестрица, эта ничтожная слоняйка, замазала свою фамилию краской? В таком состоянии Энн не смогла бы ездить по округе и у каждого дома интересоваться, где проживает Роберта. Да и если судить по мужлану, с которым она имела несчастье общаться по телефону, то от местных помохи будет — как от козла молока, и к тому же...

Стоп! Вот оно: «Р. АНДЕРСОН». Позади — знакомый по фотографиям домик. Ферма дядюшки Фрэнка, участок старого Гаррика. На дорожке перед домом — синий пикап. С местом все нормально, но что-то ненормальное творится с освещением. Она поняла это, подрулив к подъездной дорожке, и впервые в ее душу закралась чуждая ей эмоция. Страх. Он уничтожил радость победы, ликование хищника, который настиг жертву и прижал ее к земле. Свет.

Какой-то неправильный свет.

За осознанием этого факта последовал целый ряд неприятных открытий. Негнущаяся шея. Мокрые подмышки. Ее рука метнулась к промежности. Там было влажно, но уже подсыхало. К тому же в салоне висел смутный аммиачный запах. Похоже, он здесь уже давно, но лишь теперь она его уловила.

Я описалась. Описалась и так долго просидела в машине, что одежда почти успела просохнуть.

(и этот свет)

И что-то не то творилось с солнцем. Так бывает на закате.

О боже, так на часах девять тридцать — чего?..

Это свет предзакатных сумерек. Без вариантов. Да, ей впрямь стало гораздо лучше после того, как ее вырвало. И внезапно она поняла почему. Это было очевидно, лежало на поверхности. И пот под мышками, и остаточный запах подсохшей мочи. Она отлежалась в машине, вот почему ей стало лучше. Несколько часов пролетели как несколько минут. Целый день под палящим солнцем в железном гробу с опущенными стеклами. Все дело в том, что с пазухами ей повезло немногим больше, чем с зубами. Энн не выносила синтетический воздух и терпеть не могла кондиционер. Подумать только, окажись она в автомобиле с включенным кондиционером и наглухо закрытыми окнами, зажарилась бы, как индейка. Похоже, физический недостаток на этот раз спас ей жизнь. Вот о чем она думала, созерцая старую ферму усталыми воспаленными глазами.

И тут ей пришла в голову другая мысль. Целый день она просидела в летаргическом ступоре на обочине дороги, и ни одна живая душа не подошла поинтересоваться, в чем дело. Шоссе номер 9 — оживленная дорога, и сложно себе представить, чтобы с половины десятого утра по ней не проехало ни одного автомобиля. Даже в такой глухомани. И, кстати, в глухоманиях не принято проходить мимо человека, попавшего в беду. Это вам не Нью-Йорк, где все спокойно шагают мимо пьяницы на тротуаре.

Да что ж это за городишко такой?

Опять засосало под ложечкой.

В конце концов, в этом новом чувстве, посетившем ее, она признала страх. Признала, схватила его за горло и скрутила ему шею. Не исключено, что позже заявится его братец; но и его ждет та же участь — как, впрочем, и все их поганое отродье.

Энн Андерсон решительно вырнула во двор.

16

Энн всегда отличалась прекрасной памятью на лица. Джима Гарденера она видела дважды, но в этом человеке Великого Поэта признала с трудом, хотя и была уверена, что чувствует его дух за сорок ярдов с подветренной стороны. Он сидел на крыльце в драной футболке и светлых джинсах и держал в руке початую бутылку виски. На лице серебрилась четырехдневная щетина. Воспаленные красные глаза. Энн не знала, да и не хотела знать, что в подобном состоянии Гарденер пребывал вот уже двое суток. С тех пор как он обнаружил на платье Бобби волоски собачьей шерсти, все его благородные порывы исчезли без следа.

Потухшим взглядом пропойцы, которого уже ничем не удивишь, он следил, как к дому подрулила машина (едва не сбив столбик с почтовым ящиком). Из авто вылезла женщина. Ее немного повело в сторону, и она минутку постояла, держась рукой за открытую дверь.

«Гляди, какую птиашку занесло в наши края», — подумал Гарденер. Альфа-самка собственной персоной. «Это птица, это самолет, это супер-мэм». Вот она, злобная стерва, идущая по головам.

Энн захлопнула дверь и немного постояла, отбрасывая длинную тень. Она напомнила Гарду Рона Каммингса, когда

тот, в стельку пьяный, прикидывал, удержится ли на ногах, если оторвется от косяка.

Энн шла неуверенно, опираясь о машину Бобби. Потом протянула руку и схватилась за перила крыльца. В косых лучах вечернего солнца ее лицо показалось Гарду и старым, и не ведающим времени. И еще порочным. Желчное, мертвенно-желтое лицо, несущее на себе тяжкое бремя зла, которое пожирало ее изнутри и снаружи.

Он поднял бутылочку скотча, отхлебнул. Проглотил, давясь. Противно обожгло горло. Качнул бутылкой в направлении гостьи.

— Привет, сестричка. Добро пожаловать в Хейвен. А теперь, покончив с любезностями, советую тебе линять отсюда, пока не поздно.

17

Первые две ступеньки она прошла благополучно, потом споткнулась и упала на колено. Гарденер протянул руку — она даже не взглянула.

— Где Бобби?

— Выглядишь не ахти, — сказал Гард. — Хейвен в последнее время плохо действует на людей.

— Да в порядке я, — буркнула она, наконец одолев крыльцо. Нависла над Гардом, потихоньку закипая. — Где она?

Гарденер кивнул в сторону дома. Из открытых окон доносился шум льющейся воды.

— Принимает душ. Весь день в лесу работали. Жарища такая... У Бобби свои представления о дезинфекции, — он воздел к небу бутылку, — у меня свои.

— Разит от тебя, как от дохлого хряка, — не преминула заявить Энн и уверенной походкой направилась в дом.

— Нюх у меня не чета твоему, да только и ты, дорогуша, пахнешь весьма пикантно. Как это нынче называется? О-деписсон? Особый французский парфюм?

Задетая за живое, она развернулась, собираясь выдать нахалу по первое число. Энн не привыкла, чтобы с ней разговаривали в таком тоне, и никому этого не спускала. Во всяком случае, в Ютике. Великий Поэт явно заблуждается на ее счет. Видимо,

составил мнение по рассказам своей «донорской пробирки», местной знаменитости. Да и что с него взять, с пропойцы.

— Ну знаешь, — пробормотал Гарденер. Все это его забавляло, хотя под дымящимся взглядом этой фурии становилось не по себе. — Ты первая завела речь об ароматах.

— Захотела и завела, — процедила Энн.

— Давай попробуем сначала, — с хмельным благородством предложил Гард.

— Что тут пробовать? Ты — Великий Поэт. Пьянь, подстрелившая жену. О чем с тобой говорить? Я приехала за Бобби.

Удачный ход: зацепила-таки женой. Лицо его одеревенело, пальцы сжались на бутылочном горле. Он стоял потерянный, словно на время забыл, где находится. Энн одарила его слашевой улыбкой. О да, эта шпилька с французским парфюром достигла своей цели, и, как бы ей ни было плохо, по очкам она его обошла.

В доме выключили душ. У Гарда возникло чувство — а может быть, просто догадка, — что Бобби прислушивается к их разговору.

— А ты — большая любительница резать без анестезии, как я погляжу.

— Может, и так.

— Ну и что? Слушай, столько лет прошло. Зачем мы тебе?

— Не твое дело.

— Зато Бобби — мое дело.

Они уставились друг на друга. Она сверлила его взглядом, а он упорно не отводил глаз; и вдруг ей пришло в голову, что если сейчас пройти в дом без лишних разговоров, то он попытается ей помешать. Пользы от этой информации — ноль, так что почему бы попросту не ответить?

— Я приехала, чтобы забрать Бобби домой.

Молчание.

Не трещат сверчки.

— Слушай, сестричка, хочешь бесплатный совет?

— Да как-нибудь обойдусь. Конфетки у чужих не беру и не слушаю советы пьяниц.

— Ты лучше сделай, что я сказал, когда ты только из машины вылезла. Чеши отсюда. Садись и чеши подальше. Недоброде здесь место.

Было что-то в его глазах, таких отчаянно честных, что ей стало не по себе. Вернулись недавние страхи, смятение — чувст-

ва, которых она, по идеи, не могла испытывать. В конце концов, она целый день пролежала в машине на краю дороги, и никто не остановился. Что же здесь за народ?

И тут все ее существо восстало от возмущения и сокрушило те немногие барьера, что еще держались. Уж если она что решила — так тому и быть. Так было, есть и будет во веки веков. Аминь.

— Ну ладно, парниша, — сказала она. — Я твой совет выслушала; а теперь и ты не побрезгуй. Я сейчас зайду в эту халупу, и через две минуты только пух и перья полетят. Так что шел бы ты прогуляться, если не хочешь, чтобы тебя вонючим забрызгало. Посиди на камешке, полюбуйся закатом, подрочи, порифмуй, или чем вы там занимаетесь, великие поэты. В любом случае держись отсюда подальше. У нас с ней свои счеты, а сунешься — я тебе глотку перегрызу.

— Знаешь, в Хейвене глотку перегрызут скорее тебе.

— Поживем — увидим, — отрезала Энн и решительно направилась к двери.

— Энн, сестричка. Бобби уже не та, что раньше. Она...

— Гуляй, мальвака, — бросила Энн и зашла в дом.

18

Окно было открыто, и задернутые шторы то и дело колыхались под легким бризом, как безвольные паруса корабля. Энн втянула носом воздух и поморщилась. Фу. Пахнет как в зверинце. От Великого Поэта она еще могла этого ожидать, но Роберта была воспитана в лучших традициях. Дом превратился в настоящий свинарник.

— Привет, сестричка.

Энн обернулась на голос. Сначала померещилось. Показалось, что от Бобби осталась лишь тень. Сердце готово было выпрыгнуть из груди: что-то неестественное угадывалось в ее силуэте. Потом Энн заметила размытые очертания ее халата, услышала звук капающей воды и поняла, что Бобби только что вышла из душа. Она была почти голой. Хорошо. Однако Энн грызли какие-то смутные подозрения: с этой фигурой что-то неладно.

«Недоброде зде́сь место».

— Папаша умер, — молвила Энн, напрягая глаза, чтобы рассмотреть сестру получше. Но как она ни старалась, Бобби была лишь размытой тенью в дверях между гостиной и, надо полагать, ванной.

— Я знаю. Ньют Беррингер мне все передал.

Голос какой-то не такой, и еще что-то совсем незнакомое и чуднобе в ее фигуре. И тут до Энн дошло, это осознание неприятно ее поразило, и стало еще страшнее. В голосе Бобби не чувствовалось испуга. Впервые в жизни она не боялась сестрички.

— Не стали ждать, похоронили без тебя. Когда мать узнала, что ты не приедешь, она разом постарела на несколько лет.

Энн ждала, что сестра начнет защищаться, но та хранила безмолвие.

Черт побери, выйди же на свет, трусливая козявка!

«Энн... Бобби уже не та...»

— Четыре дня назад она упала с лестницы и сломала бедро.

— Да что ты? — безразлично сказала Бобби.

— Собирайся, ты едешь со мной, — скомандовала Энн, к неописуемому ужасу уловив в собственном голосе истеричные нотки.

— А ведь тебя сюда зубы провели, — проговорила Бобби с досадой. — Надо же! Как я сама не догадалась!

— Бобби, выйди, чтобы я тебя видела!

— Ты очень этого хочешь? — Она словно поддразнивала. — Ну-ну, посмотрим.

— Хватит морочить мне голову! — гаркнула Энн не своим голосом.

— Ах, вы только послушайте! — сказала Бобби. — Ты столько лет морочила голову окружающим, я и не думала, что когда-нибудь такое услышу. Что ж, раз ты настаиваешь — пожалуйста. Смотри, сама напросилась.

Энн не желала ничего видеть. Больше всего на свете ей хотелось бежать отсюда без оглядки. Из этого мрачного дома, из этого города, где тебя, полуобморочную, оставляют лежать на обочине дороги. Но было уже поздно. Смазанное движение руки, включился свет, и в тот же миг с тихим шорохом упал купальный халат.

С кожи Бобби смылся грим. Голова и шея были прозрачны и напоминали желе. Грудная клетка выгибалась дугой, а груди срослись в единый мясистый нарост, лишенный сосков.

В животе виднелись смутные очертания органов, которые уже не походили на человеческие. По сосудам бежала кровь, и она отчего-то казалась зеленой.

Сквозь лоб просматривался дрожащий мешочек мозга.

Бобби беззубо осклабилась.

— Добро пожаловать в Хейвен, сестричка, — сказала она.

Это было как во сне, и Энн затягивало в него, словно в лото. Она попятилась. Крик застриял в горле.

Меж ног Бобби, подобно водорослям на морском дне, колыхалось жуткое подобие щупальца. Они произрастали прямо из влагалища — ну или оттуда, где оно когда-то находилось. Энн не могла понять, пропало оно или нет, и в данном случае это не имело никакого значения. Вместо лобка зияла глубокая впадина. Казалось, щупальца сами тянутся к ней, ищут сестрицу, чтобы схватить.

Обнаженная Бобби двинулась ей навстречу. Энн сделала шаг назад, споткнулась о табуретку и опрокинулась вместе с ней.

— Не надо, Бобби, — шептала она, отползая прочь. — Нет, нет.

— Знаешь, а я рада, что ты приехала, — улыбнулась та. — Мы на тебя не рассчитывали, но, думаю, найдем тебе занятие по душе. Как говорится, вакансии открыты.

— Бобби, — испуганно проронила Энн и почувствовала, как щупальца легонько скользнули по телу. Она дернулась, попробовала отползти, но они прочно обвились вокруг ее запястий. Бобби качнула бедрами в непристойной пародии на коитус.

Глава 2

ГАРДЕНЕР ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПОГУЛЯТЬ

1

Гарденер решил воспользоваться советом Энн и отправился погулять. По правде говоря, он пошел прямо к кораблю, лишь по дороге осознав, что на самом деле впервые забрел в лес один и притом скоро начнет смеркаться. Его стали одолевать какие-то смутные страхи — так бывало в детстве, когда проходишь мимо заброшенного дома, где бродят привидения. Как знать,

может, и тут свои призраки? Призраки из давнего прошлого этих инопланетных существ. А может, сами они, томминокеры, лежат там, в корабле, в анабиозе, как кофе, высушенный в заморозке, и ждут, когда их разбудят? Да и что они вообще такое?

Он сел на землю, облокотившись о балку навеса для инструментов, и расслабился, созерцая корабль. Вскоре поднялась луна и залила своим призрачным светом лоснящуюся серебристую поверхность. Луна была полной, зрелище — жутким. И завораживающим красивым.

Да что ж тут такое творится?
Не знаю и знать не хочу.
Весь явно здесь что-то нечисто...
Не знаю и знать не хочу.
Эй, стой! Что за звуки? Не почудилось со скуки?..*

Он запрокинул бутылку и хлебнул из горла. Осушив до дна, отставил тару, перевернулся на живот и опустил больную, пульсирующую голову на руки. Так он и заснул, в лесу, возле элегантно выступающего из земли округлого бока инопланетного корабля.

Проспал он всю ночь.

А утром нашел на земле два выпавших зуба.

Такова цена за ночь, проведенную подле корабля, мрачно подумал Гарденер. Впрочем, были здесь и свои плюсы. С вечера он уговорил с пол-литра виски, а поутру — свежий как огурчик. Корабль, или атмосфера, которую он вокруг себя создает, в близком радиусе действия дает отменную защиту от похмелья.

Как-то жаль было оставлять эти зубы прямо так. Поддавшись необъяснимому импульсу, он закидал их землей. Попутно вновь подумал, что пора уже завязывать с интригами и двуличием. Это теперь — непозволительная роскошь для тебя, Гард. Решайся, да побыстрее. Очень скоро, буквально на днях, ты уже не сможешь ничего сделать. Будешь как миленький маршировать вместе с остальными заданным курсом.

Он взглянул напоследок на корабль, представил, как далеко вниз простираются эти гладкие стены без единой выщербины, уходя глубоко под землю. И подумал: а ведь скоро докопаем до люка, если он там, конечно, есть. И что потом?

Понуро склонив голову — что толку искать ответы? — он потопал домой.

* «Stop Children What's That Sound», песня группы «Buffalo Springfield».

«Катласс» исчез.

— Где ты всю ночь пропадал? — поинтересовалась Бобби.

— Заснул в лесу.

— Так много выпил? — спросила она с неожиданной мягкостью в голосе. Лицо ее было густо замазано кремом. Рубашки она носила в последнее время довольно просторные и даже мешковатые. Сегодня утром он понял почему. У нее уплотнилась грудь. Вернее, ее груди словно бы слились воедино. Гарденер отчего-то сразу подумал про парней, которые «качают железо».

— Да отхлебнул пару раз, и разморило. И знаешь, наутро никакого похмелья. И насекомые не беспокоили. — Он поднял руки, покрытые плотным темным загаром. При этом обнажились не тронутые солнцем места. Белые и какие-то уязвимые. — В другое лето искусали бы так, что я бы глаз не смог открыть. А сейчас их нет. Сгинула мошака. И птицы, и звери — все, никакой живности не осталось. Знаешь, этот репеллент не действует только на нас, дураков.

— Ты не передумал, случайно?

— Ты уже не первый раз меня об этом спрашиваешь, заметила?

Бобби промолчала.

— Слышала, вчера новости передавали? — Он знал, что Бобби давно уже не слушает радио. Она вообще ничего вокруг себя не замечает и думать ни о чем не может, кроме корабля. Так что он не удивился, когда она отрицательно покачала головой. — В Ливию стягивают войска. В Ливане опять бои. Дислоцируют американских военных. Русские твердят о стратегической оборонной инициативе. Мы сидим на пороховой бочке. Сорок пятого года так ничего и не изменилось. И тут — бац! — ты откапываешь в своем саду адскую машину и постоянно спрашиваешь, хочу ли я ею воспользоваться?

— Ну и как, не передумал?

— Нет, — буркнул Гарденер, не до конца понимая, лукавит он или нет. Правда, в этот момент он был очень рад, что Бобби не читает его мысли.

Или читает? Наверное, кое-что ей видно. Немногое, но уже больше, чем месяц назад. И с каждым днем ей это дается

все легче. Потому что ты «превращаешься», Гард, вот и все. Не передумал ли? Смешно до слез. Ты и решение-то принять не в состоянии!

Бобби проигнорировала его реплику. Она направилась к ручным инструментам, сваленным в кучу на крыльце. Участок кожи за правым ухом остался не замазанным — кстати, как раз про это место нередко забывают мужчины, когда бреются. Гард даже не удивился; в последнее время он престал удивляться, и это уже становилось болезненной тенденцией. Кожа Бобби просвечивала насквозь, превратившись в полупрозрачное желе. Бобби мснялась, и перемены эти стремительно набирали обороты. За эти два дня она стала заметно более коренастой и плотной.

Господи, с каким-то горестным отчаянием подумал Гард, вот что происходит с человеком, когда он превращается в томминонкера. Он начинает походить на облученного, как после аварии на атомной станции.

Бобби, склонившись над грудой инструментов, собирала их в охапку, как вдруг резко обернулась и настороженно взглянула на Гарденера.

— Что?

Я сказал, давай собирайся, ленивая задница, направил Гард отчетливую мысль, и напряженно-недоуменное выражение неохотно перешло в улыбку.

— Ну ладно, помоги.

Ну уж нет, жертвы смертоносного гамма-излучения не становятся прозрачными, как Клод Рейнс в фильме «Человек-невидимка». Их тела не сжимаются и не уплотняются. Ну да, у них выпадают зубы и волосы — иными словами, в обоих случаях физические трансформации налицо.

Вновь в голове всплыла старая мысль: «Это ваш новый босс, только на старый лад».

Бобби стояла, пристально глядя на него.

Совсем не остается места для маневров. Выкручивайся скорее.

— Что ты там говоришь?

— Я говорю: «Двинулись, босс».

Прошла секунда, две. Бобби кивнула и проговорила:

— Пора. Солнце уже высоко.

3

«Томкэт» парил над землей. Конечно, он не летел высоко в небе, как велосипед мальчугана из фильма «Инопланетянин». Достаточно того, что он ладненько дрейфовал дюймах в восемнадцати над землей. Большие колеса медленно вращались, загребая воздух, точно судоходные винты. На этот раз за рулем сидел Гард. Бобби разместилась позади, вцепившись в перекладину рамы.

— Сестричка, похоже, слиняла? — поинтересовался Гарденер. Говорили они тихо — благо мягкое мурлыканье двигателя позволяло не повышать голос.

— Так и есть, — ответствовала Бобби. — Умотала.

А врать, я смотрю, ты так и не научилась. И знаешь, я, кажется, слышал крик. Нет, на самом деле слышал. Как она орала — это что-то. Я как раз шел по дорожке, направляясь к лесу. Что надо сотворить, чтобы эта чистопородная штучка-дрючка испустила такой вой? Насколько это должно быть серьезно?

Ответ напрашивался сам собой. Очень серьезно.

— Она никогда не умела уходить с достоинством, — проговорила Бобби. — И другим не позволяла. Энн заявила сюда, чтобы увезти меня домой, понимаешь? Осторожно, там пень горчит.

Гард вжал рычаг до упора. «Томкэт» поднялся еще на три дюйма, чуть коснувшись верхушки здоровенного пня. Миновав опасное место, Гард опустил «Томкэт» на прежние восемнадцать дюймов над поверхностью.

— Долго запрягала, да быстро слезла, — сказала Бобби с насмешливым недоумением. — Знаешь, раньше ей, может, это и удалось бы, да только теперь у нас все иначе. Так что шансов у нее не было.

Холодок пробежал по спине. Такую фразу, знаете ли, можно понимать по-всякому.

— Я только удивляюсь, что ты так быстро ее уломала. Один вечер, и готово, — проговорил Гарденер. — А мне-то казалось, что Патрисия Маккардл еще та штучка, ан нет. На фоне сестрички она — сущий ангелок.

— Да знаешь, я просто смыла с себя грим. Ну и показала, что под ним. Она как увидела — сразу дала деру. Смешно даже.

Складненько. Настолько складно, что даже хочется поверить. Чертовски велик соблазн. Жаль, есть одно «но»: та дамоч-

ка, что сюда притащилась, не то что бежать — она шагу ступить не могла без посторонней помощи.

Конечно же, нет, подумал Гарденер, никуда она не уехала. Вопрос лишь в том, что ты с ней сделала. Убила или заперла, в своем треклятом сарае на пару с Питером?

— Бобби, а долго еще ты будешь меняться? — спросил Гарденер.

— Еще самую малость, — ответила Бобби, и Гард в очередной раз подумал, что вратить она так и не научилась. — Ну все, приехали. Останови возле навеса.

4

На следующий день освободились рано. Работать было невозможно, гнетущая жара, казалось, и не думала отпускать до глубокой ночи. Они вернулись домой, наложили себе еды и даже немного поели. Когда с грязной посудой было покончено, Гард выразил желание прогуляться.

— Даже так? — удивилась Бобби, взглянув на него с типичной для нее в последнее время настороженностью. — А мне казалось, ты сегодня и так наработался.

— Солнце зашло, — спокойно ответил Гард. — Ни жары, ни мошкеры. Ну и знаешь, — добавил он, устремив на Бобби честный взгляд, — я бы мог, конечно, пойти на крыльцо, прихватить с собой бутылочку, ну и надраться в стельку. А я не хочу. Погуляю, вымотаюсь перед сном и в кой-то веки лягу спать трезвым.

Да-да-да, все это, конечно, правда. Да только правда бывает многослойна. Это как китайская шкатулка. Ты ее открываешь, а внутри — другая такая же. Гарденер взглянул на Бобби, решив, что сейчас она начнет шарить, выискивать вторую шкатулку.

Но этого не случилось.

— Ну хорошо, — сказала она. — Знаешь, Гард, я не злюсь, когда ты напиваешься в стельку. Я ведь тебе подруга, а не жена.

Конечно, не злишься. Ты ведь сама все обставила так, чтобы облегчить мне эту задачу. Потому что пьяный я становлюсь безвредным.

Он шел прямо по шоссе номер 9. Миновал участок Джастина Хёрда, уперся в Ниста-роуд, свернул налево и зашагал

в бодром темпе, помахивая руками. За месяц тяжелого труда у него здорово укрепились мускулы, просто невероятно. И теперь он с легкостью проходил расстояния, которые раньше ему было бы сложно одолеть — еще недавно после двух миль ходьбы у него отнимались ноги и срывалялась дыхалка.

На улице было страшно. Надвигались сумерки, и вокруг царила гробовая тишина. Молчали собаки. Не верещали козодои, приветствуя наступающую темень. Дома зияли темными глазницами окон, а те немногие, где горел свет, обходились без привычного мерцания телевизоров.

Кому нужны бесконечные сериалы про Барни Миллера, когда вместо этого можно «обращаться»?

На землю опустился сумрак, наступила ночь. Гарденер увидел табличку с надписью «ДО КОНЦА ДОРОГИ 200 ЯРДОВ». В небе висела полная луна, заливая все вокруг ярким светом, и слова читались легко. У самого тупика дорогу перегораживала тяжеленная цепь, провисшая между двумя столбами. На ней болталась изрешеченная пулями ржавая табличка: «ПОСТО-РОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Переbrавшись через цепь, Гард пошел дальше и вскоре оказался в карьере, где когда-то добывали гравий. Склоны, поросшие сорной травой, белели в призрачном свете луны, словно чьи-то бренные кости. Стояла гробовая тишина, волосы шевелились на загривке.

Какого черта его сюда принесло? Видать, «обращение» мало-помалу берет свое, предположил Гард. Возможно, сам того не подозревая, он извлек из подсознания Бобби некую важную информацию. Скорее всего, так и есть, ведь что бы ни привело его сюда, это была не просто прихоть.

По левую руку от себя он заметил треугольный след на белом нетронутом гравии. Здесь явно ворошили грунт. Гард подошел. Под подошвами скрипели камни. Зарылся рукой поглубже — ничего, тронул в другом месте — опять пусто. В третьем...

Вот оно.

Под подушечками пальцев было что-то гладкое, гораздо более гладкое, чем камень. Гард наклонился с колотящимся сердцем, но ничего не увидел. Жаль, что не захватил фонарик, но, пойди он с фонарем, Бобби бы что-то заподозрила. И он стал копать. Руками. Разрывая пальцами грязь, которая струилась и осыпалась с каменистого склона.

Потом взгляделся и увидел автомобильную фару.

Стало жутко. Его охватило нервное возбуждение. «Так вот оно как бывает, когда находишь в земле странный артефакт, — пронеслась мысль. — Правда, я не споткнулся об него. Я и так знал, где искать».

Он стал лихорадочно копать дальше, отбрасывая ногами грязь, словно собачонка в поисках зарытой кости, превозмогая боль и тяжелый стук в висках.

И вот уже показалась ровная площадка на капоте «катласса» чуть выше правой передней фары. Место, где можно было стоять. Теперь дело пошло живее. Надо сказать, Бобби с компанией схалтурили: всего лишь забросали машину гравием, и Гард счищал его охапками, попросту сбрасывая с машины. Камни со скрежетом сдирали краску с кузова, во рту пересохло, а он все продолжал. И вот уже добрался до ветрового стекла. Теперь стало страшно. Неизвестно, что лучше: найти что-то в машине или не найти ничего.

Вновь пальцы коснулись прохладного гладкого стекла. Лунная ночь, тишина начинали действовать ему на нервы. Теперь уже хотелось вскочить и бежать без оглядки. Не останавливаясь, Гард быстро расчистил свободный участок на лобовом стекле, сложил чашечкой ладони, загораживаясь от бьющего в глаза лунного света, и заглянул внутрь.

В салоне пусто.

Взятый в прокате «катласс» был захоронен без Энн Андерсон.

Быть может, ее засунули в багажник?.. Ведь ничего нельзя знать наверняка.

Впрочем, Гард, кажется, знал. Простая логика подсказывала, что тела Энн нет в багажнике. А иначе зачем так подставляться? Да первый же случайный прохожий, который найдет в куче гравия новенькую дорогую машину, сразу заподозрит неладное и полезет проверять багажник — ну или обратится к властям, которые сделают это.

В самом же Хейвене всем давно уже по барабану. У них сейчас более насущные заботы. Кому интересно разнесчастное авто, зарытое в заброшенном карьере?.. И если кто из горожан случайно и наткнулся бы на кузов, то в полицию обращаться не стал бы. Чужаки здесь никому не нужны; Хейвен закрыт на лето. Так что похорони эту мысль, старичок.

Итак, в багажнике ее нет. Ясно как дважды два. Что и требовалось доказать.

А ты допускаешь, что люди, сотворившее это, не обладали безукоризненной логикой, а, Гард?

Да полная чушь. Возьми любого хейвенского вундеркинда. Он двадцать три ракурса найдет там, где ты увидишь всего лишь три. Уж такого они из виду не упустят.

Гарденер попытился к краю капота и спрыгнул с насыпи. Теперь он ощутил жгучую боль в израненных ладонях. Дома надо выпить пару таблеток аспирина и скрыть от Бобби следы полуночных бдений. С утра натянет рабочие перчатки — и не будет снимать весь день.

Итак, Энн в машине не оказалось. Тогда где же она? Конечно, в сарае. Только теперь Гарденера осенило, зачем он сюда поплелся. Ему хотелось не только проверить мысль, которую он нечаянно вытащил из подсознания Бобби (если действительно вытащил; возможно, он сам пришел к такому умозаключению, машинально прикинув, где удобнее всего спрятать по-быстрому большой автомобиль), но главное, ему нужно было убедиться, что Энн — в сарае. С решением затягивать нельзя — мало того, что Бобби на его глазах превращается в нечто неземное, ему самому ужасно хочется вырыть из-под земли этот корабль. Вырыть его и использовать по назначению: Вот так, ни больше ни меньше.

И прежде чем на что-то решаться, он должен проверить, что же такое таится в сарае Бобби.

5

На полпути к дому он вдруг остановился. В прохладе лунной ночи его мучил один вопрос: с чего им вообще понадобилось прятать эту машину? Боятся, что сюда кто-то заявится в поисках просроченного авто? В службе проката еще много дней не всполошится. Пройдет время. Заявят в полицию. А там жди, пока те выйдут на хейвенскую родню. Неделя, а то и две. Судя по тому, как развиваются события, Хейвен тогда вообще перестанет беспокоиться по поводу внешнего мира.

Так от кого же тогда спрятали машину?

От тебя, от кого же еще. Машину спрятали от тебя, Гард. Не хотят они показывать, на что способны, когда дело доходит до защиты собственных интересов. Потому и зарыли авто, а Бобби скормили тебе легенду про отъезд Энн.

Разгадав этот опасный секрет, он направился домой.

Глава 3

ЛЮК

1

Случилось это два дня спустя. Хейвен раскинулся в лучах палящего августовского солнца. Стояла гнетущая жара. Можно сказать, собачья. Жаль только, в Хейвене эти животные давно перевелись — за исключением, пожалуй, пса в сарае Бобби Андерсон.

Гард и Бобби работали на глубине в сто семьдесят футов. Одну сторону выемки образовывал гладкий корпус корабля, на другой, за серебристыми ромбами сетки, виднелись срезы самого разного грунта. Геолог был бы в восторге. Почва, глина, сланцы, за ними — гранит и губчатый водоносный слой. На глубине царила прохлада, и Гарденер живо себе представил, каково приходится жуку, ползающему по покрытой испариной бутыли с охлажденной водой. Они с Бобби оделись потеплее: в джинсы и свитера. На голове у Гарда красовалась каска с фонариком, примотанным изолентой. Бобби заранее предупредила: свет зря не расходовать — батарейки в дефиците. Заложив уши ватой и вооружившись пневматическими дрелями, они вручную долбили породу, подбираясь к кораблю с двух сторон.

В то утро Гарденер поинтересовался, зачем понадобилось делать это вручную.

— Мне по душе радио со взрывчаткой, — сказал он. — Не визжит, не дрожит и мозгами дорожит. А, старушка?

Бобби приняла шутку с суровой холодностью. Уже давно стало ясно, что чувство юмора она утратила вместе с волосами.

— Теперь уже очень близко. Мы же не хотим ничего повредить, так?..

— Ты про люк?

— Про люк.

Гард устал. Отяжелели плечи, ломило железку в голове. Скорее всего, это психологическое, ведь металл не может болеть, но здесь, на глубине, он всегда чувствовал боль. Оставалось надеяться, что Бобби вот-вот объявит перерыв на обед.

Тарахтящее сверло вгрызалось в твердую породу, прокладывая путь к находке Бобби. Работал Гард с определенной долей

беспечности. Конечно, сверло могло отскочить от твердьни корпуса и запросто отхватить ногу, если не поостеречься, но повредить самому кораблю — вот уж нет, вероятность равна нулю. В этом не приходилось сомневаться, после того как его не взял даже динамит.

И вдруг грохочущая автоматная очередь дрели перешла на пронзительный визг — сверло чиркнуло о корпус корабля. Показалось даже, что с пульсирующего кончика сорвался дымок, раздался звучный щелчок, и что-то просвистело мимо головы. Все случилось в доли секунды. Гард вырубил дрель. Конец сверла был срезан — вместо него торчал зазубренный обрубок.

Обернувшись, Гард увидел обломок, который секунду назад просвистел у самого уха. Он рассек прочную стальную сеть и вонзился в кусок породы. Волной накатил запоздалый испуг. Казалось, сейчас подломятся колени и Гард безвольной тушей рухнет на землю.

Подумать только, он был на волосок от смерти. В прямом смысле. Мамочки!

Он попытался вытянуть обломок из скалы, тот не поддавался. Казалось, застрял там намертво. Гард стал раскачивать его взад-вперед, точно больной зуб в десне. «Стоматолог хренов», — подумал Гард, и у него вырвался истеричный смешок.

Наконец сверло поддалось. Он вытащил его наружу, взвесил на ладони кусок размером с пулью сорок пятого калибра, а может, и больше.

Волной накатила слабость. Казалось, Гард сейчас вырубится. Он вцепился в железную сетку на стене, опустил голову на руку и закрыл глаза. Где-то в глубине сознания пронеслась мысль, что дрель Бобби тоже молчит.

Очертания предметов обретали ясность — Бобби трясла его за плечи.

— Гард? Что с тобой? Что случилось?

В ее голосе сквозила неподдельная озабоченность. От умиления Гарду хотелось расплакаться. Устал он, силы были на исходе.

— Я чуть не пристрелил себе голову обломком сверла сорок пятого калибра, — проговорил он. — Или триста пятьдесят седьмого, как у «магнума».

— Что ты несешь?

Гарденер протянул Бобби обломок, который только что выковырял из скалы. Бобби присвистнула.

— Господи!

— Кажется, мы с ним только что разминулись. Второй раз настигает меня нелегкая в этой дыре. Сначала твой дружок, Эндерс, забыл спустить веревку, когда я заложил тут взрывчатку. Теперь — это.

— Он мне не друг, — рассеянно проговорила Бобби. — Он идиот... Гард, а что ты задел? Отчего это вышло?

— Откуда я знаю? Камень, что же еще?

— Ты был совсем рядом с кораблем? — Бобби внезапно засуетилась. Ее лихорадило.

— Да, но я и раньше, бывало, задевал корабль. Дрель просто отскакивала и...

Бобби уже не слушала. Рухнув на колени, она торопливо разгребала камни рукой.

Сверло будто задымилось, вспомнил Гард.

Вот он, Гард! Я нашла! Нашла! Наконец-то!

Гарденер рванулся к ней и вдруг понял, что слова эти она не произносила, а сказала мысленно. Он слышал ее голос у себя в голове.

2

Ну хорошо, уже что-то.

Отгребая камень, который успел надробить Гард перед тем, как сломалось сверло, Бобби обнаружила на корпусе какую-то линию. Единственную линию на необытной глади корабля. Гарденер взглянул на нее и сразу понял причину столь бурной реакции Бобби. Протянул руку, чтобы дотронуться, но та одернула его:

— Стой! Вспомни, что было в прошлый раз.

— Не лезь, — буркнул Гарденер. Отвел ее руку и коснулся борозды. В голове зазвучала музыка, но скоро стала затихать и исчезла. Зубы завибрировали во рту. Ближайшей ночью он точно распрошается со многими из них. И плевать. Ему надо прикоснуться, и он прикоснется во что бы то ни стало. Это — путь внутрь, кратчайший путь к томминокерам и их секретам. Единственное доказательство того, что эта штуковина — не сплошная железная глыба (такая мысль его уже посещала; а шуточка была бы что надо, согласитесь). Казалось, сейчас он трогает пальцами застывший свет далеких звезд.

— Это люк, — сказала Бобби. — Я знала, что он здесь!

Гарденер улыбался:

— Надо же, Бобби, какое мы дельце провернули.

— Ага, Гард. Спасибо, что ты приехал!

В порыве благодарности Бобби обняла его. Ее желеобразное тело подалось вперед, и Гарду вдруг стало на редкость мерзко. Свет далеких звезд? Вот он, этот свет, висит у него на шее.

Эту мысль он поспешил прикрыть — во всяком случае, постарался, чтобы Бобби ее не уловила.

Извини, эта информация не для посторонних.

— А люк-то большой, как думаешь?

— Не знаю. Сегодня расчистим, там видно будет. Надо спешить, время поджимает.

— В каком смысле?

— Воздух над Хейвеном теперь другой. Это все корабль. — Бобби постучала костяшками по блестящему боку.

— Я в курсе.

— Тем, кто сюда приезжает, становится плохо. Сам видел, что творилось с Энн.

— Да.

— И это при том, что у нее есть защита, железки во рту. Звучит дико, конечно, но факт остается фактом. Видел бы ты, как она драпала.

Да неужели?

— И это еще полбеды, Гард, что здешний воздух отправляет людей, которые сюда приезжают. Мы и сами не можем отсюда уйти.

— Разве?

— Нет, ну ты, я думаю, сумеешь. Пару дней тебе будет нехорошо, но уйти ты сможешь. Меня это убьет, и очень быстро. И еще у нас стояла жара и затишье. Если вдруг изменится погода и поднимется ветер, всю нашу биосферу сдует в Атлантический океан. И мы будем здесь хватать ртами воздух, как тропические рыбки в пустом аквариуме. Мы умрем.

Гард покачал головой.

— Знаешь, Бобби, погода изменилась в день, когда ты пошла на похороны той женщины. Это я помню. Было ясно, дул легкий ветер. Поэтому очень странно, что тебя хватил солнечный удар. Какая тяжелая, душная жара стояла до того дня...

— Теперь все иначе. «Обращение» набирает обороты. Мы меняемся быстрее.

Неужели все перемрут? — задумался Гарденер. Все до единого? Или только ты и компашка твоих приближенных? А, Бобби? Те, кому теперь приходится ходить в гриме.

— У тебя есть какие-то сомнения, я их чувствую, — сказала Бобби. Отчасти это забавляло ее, отчасти приводило в смятение.

— Я сомневаюсь, что такое в принципе возможно, — сказал Гард. — Да ну его. Пошли копать, киска.

3

Они по очереди долбили камень киркой. Пятнадцать минут один, расчистка, пятнадцать — другой. К трем часам дня взору Гарденера прелестала округлая выемка футов шести в диаметре, напоминающая крышку люка с каким-то символом. Ну наконец-то. Гард нерешительно взглянул на таинственный знак и протянул руку. Раскаты музыки в голове на этот раз были чуть громче. Они звучали как последнее усталое предупреждение, перед тем как его защита окончательно исчезнет. Предупреждение не ходить сюда, не трогать эту штуку. И все же ему необходимо было это сделать.

Символ отдаленно напоминал китайские иероглифы. Поглаживая его пальцами, Гард думал: этот знак придумало существо из другой галактики. Что он означает? «Вход воспрещен»? «Мы пришли с миром»? Или, быть может, это символ чумы, какая-нибудь инопланетная версия фразы «Оставь надежду, всяк сюда входящий»?

Таинственные линии были вдавлены в металл и походили на барельеф. При прикосновении из глубин его существа поднимался суеверный трепет. Невероятное чувство. Гард никогда бы не поверил, что способен на такое. И если бы еще полтора месяца назад кто-то сказал ему, что это возможно, он рассмеялся бы ему в лицо. Пожалуй, то же самое испытывал пещерный человек, наблюдавший затмение солнца, или средневековый крестьянин, ставший свидетелем пришествия кометы Галлея.

Этот знак придумало существо, обитавшее под иным солнцем. Я, Джеймс Эрик Гарденер, житель Земли, уроженец города Портленд штата Мэн Соединенных Штатов Америки, что в Западном полушарии, прикасаюсь к этому символу, и одному богу известно, что за неведомая тварь за тысячи световых лет отсюда выбила его на корпусе корабля.

Конечно, с недавних пор он довольно близко соприкасался с инопланетным разумом, но это было совсем не одно и то же.

Неужели мы правда туда войдем? Из носа опять потекла кровь, но он не отнял пальцы от символа. Его рука неустанно скользила взад-вперед по гладкой поверхности.

Вернее, ты действительно собираешься туда войти? Даже несмотря на то, что это, возможно, тебя убьет? Тебя и так словно ударяет током, когда ты прикасаешься к кораблю. А что будет, если ты сдуру туда сунешься? Вполне возможно, эта штуковина запустит на твою металлическую пластину какие-нибудь гармонические колебания, и башка попросту разлетится к чертям, как гнилая раба от динамитной шашки.

А что это нас вдруг стало так волновать собственное благополучие? Кое-кто, кажется, собирался покончить с собой, да позабыл об этом. Сам того не желая, Гарденер ослабился в улыбке. Он отнял от символа руку, пощелкал пальцами, чтобы избавиться от покалывания — так обычно делают, чтобы стряхнуть с ногтя увесистую козявку. Ну давай, решайся. Какого черта, если ты все равно намерен свалить на тот свет, так помереть в летающей тарелке от вибрации — не самый худший вариант. Почти экзотика.

Гард рассмеялся. На дне скважины, прорубленной в земной тверди, этот смех прозвучал странно.

— Что смешного? — тихо спросила Бобби. — Что смешного, Гард?

Сотрясаясь от хохота, Гарденер ответил:

— Да все смешно. Нет, слушай, тут либо смеешься, либо сходишь с ума, догоняешь?

Бобби явно не догнала. Она молча смотрела на него, и Гарденер подумал: конечно, чего от нее ждать, она впала в другую крайность — сошла с ума.

Гарденер хохотал, по щекам текли слезы. Иногда они были кровавыми, а он не замечал. Бобби все видела, но ничего не сказала.

Два часа ушло на то, чтобы полностью расчистить люк. Когда дело было сделано, Бобби протянула Гарду грязную, с потеками тонального крема руку.

— Что? — спросил он, пожимая ее ладонь.

— Вот и все, — проронила она. — Конец раскопкам, Гард.

— Да?

— Да. Завтра войдем внутрь.

Гард посмотрел на нее, но ничего не сказал — во рту пересохло.

— Да, — ответила Бобби и кивнула, решив, что Гард ей не верит. — Завтра будем уже внутри. Мне иногда кажется, что миллион лет прошло с тех пор, как я все затягала, а иногда — что это случилось вчера. Споткнулась, увидела, смахнула пыль — и завертелось. Только грязь пальцем сковырнула — и уже конец.

— Вначале была совсем другая Бобби, — отчего-то сказал Гарденер.

— Да, — задумчиво проговорила она. Подняла взгляд, в них мелькнула смешинка. — И совсем другой Гард.

— Ага, ну да. Ты знаешь, эта штука, наверное, меня убьет, но попытаться надо.

— Не убьет, — возразила Бобби.

— Почему же?

— Не убьет и все. Давай-ка вылезать отсюда. Дел по горло: мне еще вечером в сарай.

Гард метнулся на нее взгляд, но она смотрела на моторизированную лебедку, которая размеренно спускалась на подвесных тросах.

— Я там кое-что подготавливаю, — сказала Бобби. Голос у нее был мечтательный. — Ну, мне помогают. Для завтрашнего.

— Они сегодня к тебе присоединятся, — сказал Гарденер, и это был не вопрос.

— Да. Сначала мне надо сводить их сюда, хочу показать люк. Они... Ты знаешь, они очень ждали этого дня, Гард.

— Охотно верю, — проговорил Гарденер.

Опустились стропы. Бобби обернулась и пристально посмотрела на Гарденера.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Ничего такого.

Они встретились взглядами. Гард отчетливо ощущил, как она прощупывает его, пытаясь проникнуть в мысли, узнать его секрет.

Тогда он послал ей мысленный сигнал.

(пошла вон из моей головы Бобби тебя сюда не звали)

Бобби отпрянула, как будто ей дали оплеуху. На ее лице появилось виноватое выражение — словно бы Гард поймал

ее за недостойным занятием. Как видно, сохранились в ней остатки человечности, и это немного утешало.

— Пожалуйста, приводи, мне не жалко, — сказал Гард. — Только обещай, что открывать люк будем вместе, только ты и я, и никаких посторонних. Черт возьми, мы его раскопали, и мы первыми в него войдем. Справедливо?

— Да, — проронила Бобби. — Войдем первыми. Только я и ты. Без оркестра, без процессии.

— И полиции Далласа.

Бобби устало улыбнулась:

— Само собой:

Бобби протянула ему стропу.

— Поднимешься первым?

— Лучше ты. У тебя, похоже, дел невпроворот.

— А то! — Бобби оседлала стропу, нажала на кнопку и стала подниматься. — Спасибо тебе, Гард.

— Пожалуйста, — ответил Гарденер. Задрав голову, он провожал взглядом Бобби.

— Ты будешь спокойнее ко всему относиться
(когда закончится твое собственное «обращение»).

Бобби поднималась все выше и выше, пока окончательно не скрылась из виду.

Глава 4

САРАЙ

1

Наступило четырнадцатое августа. Гард подсчитал, что они с Бобби вместе уже сорок один день. Почти столько же блуждал по пустыне Иисус. Гарду казалось, что прошло гораздо больше времени, как будто за эти дни он прожил целую жизнь.

На ужин они разогрели замороженную пиццу, но почти не притронулись к ней.

— Я не откажусь от пива, — сказала Бобби, направляясь к холодильнику. — Будешь?

— Не, я пас.

Бобби вскинула брови. Достала баночку и отправилась на крыльцо. Скрипнуло ее любимое кресло. Гард нацедил из-под

крана стакан холодной воды, вышел и устроился рядом с ней. Так они сидели и молчали, завороженные туманной тишиной уходящего дня.

— Мы с тобой так давно вместе, Бобби, — мечтательно проговорил он.

— Ага, давно. И такой странный финал, — добавила она.

— А это уже финал? — спросил Гард и в ожидании взорил-ся на Бобби. — Да? Все кончено?

Та чуть заметно пожала плечами и отвела взгляд.

— Ну, скажем, конец очередного этапа в отношениях. Так устроит?

— Что ж, устроит. И знаешь, если так, то это — единствен-ное, что имеет значение. Не этому ли я тебя учил?

— Ага, «Бесценные псы и англичане», — засмеялась Бобби. — И учителя английского... На первом курсе.

— Еще бы!

— А то!

Прихлебывая пиво, Бобби посматривала на Олд-Дерри-роуд. Поджидает свою компашку, догадался Гард. Что ж, если после стольких лет им нечего сказать друг другу, он почти жа-леет, что поддался импульсу и вообще сюда вернулся, незави-симо от причин и конечного резульгата. Многое их объединяло в свое время: дружба, любовь, постель; они прошли через не-взгоды и потери, ссорились, мирились. Хилый конец бурных отношений. И не стоило приезжать: пустая траты времени, сил и нервов.

— Знай, что я всегда тебя любила, — задумчиво и нежно проговорила Бобби, не глядя на него. — И, что бы там ни было, люблю до сих пор.

Она взглянула на Гарда, и он увидел ее лицо. Вернее, не лицо, а жуткую пародию на него под густым слоем грима. Словно рядом была не Бобби, а какой-то клоун, отдаленно похожий на нее.

— И еще помни, что я не хотела спотыкаться об эту штуку. И что бы там ни говорили некоторые умники, я такую судьбу не выбирала.

— Но ведь ты могла и не раскапывать, — возразил Гарденер. Говорил он нежно и мягко, как и Бобби, хотя в сердце его уже прокрался предательский страх. Как понимать эту шуточку насчет свободы выбора? Может, это такой обходной маневр, извинение за то, что его вот-вот убьют?

Хватит, Гард. Завязывай уже со своей дурацкой мнительностью.

Хороша мнительность. А про машину, погребенную под кучей камней на Ниста-роуд, забыл уже?

Бобби нежно рассмеялась.

— Слушай, когда такое происходит, уже не имеет значения свобода воли. Мы же не на уроке риторики, мы здесь и сейчас. Ты всерьез веришь, что человек в таких обстоятельствах может выбирать? И если появился шанс прикоснуться к знанию, способен его добровольно отвергнуть?

— Как раз потому я и хожу на пикеты против строительства АЭС, — медленно ответил Гарденер.

Бобби отмахнулась.

— Ну, скажем, чисто ради спора я допускаю, что общество может решать, претворять в жизнь идеи или нет, хотя и это под вопросом. Ну а простые люди... Извини, но нет, не соглашусь. Когда обычный человек идет и видит, что что-то торчит из земли, он поневоле начнет раскапывать. А вдруг там сокровище?..

— И ты даже на секунду не задумалась, что произойдут какие-то, хм... — В голове крутились слова «вредные выбросы», но он подумал, что Бобби это покажется обидным. — Последствия?

Бобби улыбнулась чистой искренней улыбкой.

— Ни на секундочку.

— Но ведь Питеру твоя находка не понравилась.

— Ну да, не понравилась. Да только умер он не от этого.

Кто бы сомневался.

— Он был стар и умер своей смертью. А там, в лесу, зарыт корабль из другого мира. Не ящик Пандоры и не божественное Древо познания. Думаешь, раздался глас с небес и изрек «не вкушай от корабля сего или умрешь»? Как бы не так.

— Древо познания — корабль познания, — улыбнулся Гард.

— Наверное.

Видимо, не желая говорить на эту тему, Бобби уставилась на дорогу.

— Когда они должны подъехать? — поинтересовался Гард.

Фраза повисла в воздухе. Бобби кивнула в сторону дороги. Приближался «кадиллак» Кайла Арчинбурга, следом — старенький «форд» Эдли Маккина.

— А я — в дом, вздремну маленько, — бросил Гард, поднимаясь.

— Если захочешь с нами взглянуть на корабль, то милости просим.

— Если я пойду, то только с тобой. А с ними... — Гард ткнул большим пальцем в сторону приближающихся авто. — Я для них местный дурачок. Они меня на дух не переносят, потому что мои мысли для них — полная загадка.

— Если я им прикажу, то тебя возьмут.

— Да нет, спасибо. Я пас, — проговорил Гард. Встал, потянулся. — Они мне тоже поперек горла.

— Прости.

— Да не важно. Давай завтра. Только ты и я, ладно?

— По рукам.

— Передавай привет и напомни там лишний раз: с пластиной или без, а я тоже помогал.

— Напомню обязательно, — заверила Бобби, поспешно отводя взгляд, и Гарду это не понравилось. Ой как не понравилось.

2

Поначалу он решил, что первым делом они наведаются в сарай, но ошибся. Компания пошаталась возле дома, поговорила о чем-то, а потом Бобби, Фрэнк, Ньют, Дик Эллисон, Хейзел и остальные плотной группой направились в лес. Небо обагрилось лучами заходящего солнца, и большинство захватили с собой фонарики.

Гард смотрел им вслед и понимал, что прощается с Бобби навсегда. Теперь он зайдет в сарай и увидит, что там творится. Решающий миг настал.

«Я за большой зеленой дверью так хотел бы оказаться...»*

Гард поднялся, прошел в кухню и встал у окна. Вереница огней, приплясывая на ходу, двигалась сквозь буйные заросли огорода. Он пересчитал всех по головам и, убедившись, что никто не задержался во дворе, пошел в подвал. Бобби хранила там запасной комплект ключей.

Гард открыл дверь и остановился в задумчивости, в последний раз взвешивая все «за» и «против».

Ты точно хочешь через это пройти?

* Песня «The Green Door».

Нет, конечно, не хочет. Но он это сделает. Неожиданно Гард понял, что к страху примешалось еще одно, довольно сильное, чувство. Чувство полного одиночества. Больше ему некого позвать на помощь. Сорок дней и сорок ночей странствовал он по пустыне на пару с Бобби Андерсон, а теперь он сам по себе. Господи, помоги.

Все, хватит, подумал он. Обратной дороги нет. Встаешь из окопа и вперед, в атаку, поднять бойцов и крикнуть: «Ну что, черти, вечно, что ль, жить собрались?»

Гарденер одолел первую ступень и стал спускаться.

3

Связка ключей, снабженных ярлычками, висела на гвозде — там, где ей и положено. Все хорошо, если б не одно «но»: ключа от сарая среди них не оказалось. Когда он видел его в последний раз? Гард попытался вспомнить и не смог. Неужели Бобби приняла меры предосторожности? Не исключено.

Он стоял в «новой и улучшенной» мастерской, пот струится по лбу, мочонка взмокла. Ключа не было. Просто отлично. И что прикажете делать? Схватить топор и рубить им все подряд, как Джек Николсон в «Сиянии»? «Хрясь — бряк — бремс». Берегись, Гард идет! Правда, трудно будет потом прибираться — никак не поспеть к возвращению пилигримов с паломничества по святым местам.

Время шло, сочилось, как песок сквозь пальцы, а он все стоял в мастерской, остро ощущая себя «старым и неулучшенным». Сколько они еще там пробудут? Да кто ж знает...

Ладно, куда люди обычно кладут ключи? Если допустить, что Бобби просто убрала их, чтобы не потерялись, а не прятала их от него специально.

И тут вдруг его осенила догадка, Гард хлопнул себя по лбу. Да не брала она этот ключ. И никто не собирался его прятать. Ключ исчез — когда? Когда Бобби предположительно отправилась подлечиться в стационар Дерри после солнечного удара. В этом он почти не сомневался. Там, где его подводила память, выручала логика.

Бобби не лежала ни в какой больнице, все это время она оставалась в сарае. И если кто-то туда наведывался, чтобы за

ней ухаживать, то у него должен был быть свой ключ, запасной. А может, у каждого из них по дубликату. Да нет, к чему лишняя морока. Золотые времена настали в Хейвене, никто ни у кого не ворует. Все заняты только одним — «обращением». Так что единственная причина, почему они держали дверь на замке, — чтобы туда не проник Гарденер. Соответственно, можно было просто...

Тут же вспомнилось, как они приезжали после того, как что-то произошло с Бобби... Это «что-то» было куда серьезнее, чем обычный тепловой удар.

Гарденер закрыл глаза и мысленно увидел «кадиллак». «КАЙЛ-1». Вот они выходят и...

...и Арчинбург на пару секунд отделяется от общей группы. Ты сидишь, подперев лицо рукой, и смотришь на них в окно. Тебя посещает мимолетная мысль: наверное, он зашел за угол, чтобы облегчиться. Ах нет! Он зашел за угол, чтобы взять ключ. Точно, именно так.

Осененный догадкой, Гарденер сорвался с места. Взбежал по ступеням и устремился к двери, но тут же вернулся назад. Он вспомнил, что где-то в ванной, поверх аптечки, завалились старые очки от солнца. Они обосновались тамочно, как это случается с мелкими предметами в холостяцких домах (как косметика покойной жены в доме Ньюта Беррингера). Гарденер схватил очки, сдул с них толстый слой пыли, протер, сложил и сунул в нагрудный карман.

Теперь можно и в сарай.

4

Гард остановился у дощатой двери с навесным замком, внимательно глядываясь в предзакатный сумрак, туда, где через сад Бобби тянулась тропинка, ведущая к месту раскопок. Было довольно темно, и лес позади сада превратился в единую сине-серую массу. Как он ни глядывался, вереницы огней не увидел: ничто не предвещало нежданных гостей.

Правда, они могут вернуться в любую минуту. «Придут и схватят тебя с поличным, пока ты уплетаешь варенье из стеклянной банки».

Скорее всего, они там млеют от восторга и возвращаться не спешат. Тем более что площадка освещена как днем.

«Эх, знать бы наверняка».

«Наверняка ничего знать нельзя».

Сквозь щели меж досок лился зеленый свет, но это было не единственной странностью сарая. Изнутри шел неприятный глухой звук, словно бы там, захлебываясь плотной пеной, вращался барабан допотопной стиральной машины, набитой бельем под завязку.

Да, пожалуй, там не одна машина, а целая батарея.

В едином ритме с басовитым хлюпаньем пульсировал свет.

«Я туда не хочу».

Оттуда чем-то пахло. Гарду показалось, запах немногого мыльный. Приторный, с легкой прогорклостью. Запах старого рассохшегося мыла.

Да только звук издают не сами машины. Какой-то он органический, и пишущие машинки на телепатической тяге тут ни при чем, как и водонагреватели «новой усовершенствованной модели». Там явно что-то живое, и как же страшно туда заходить.

Страшно — не страшно, а придется. В конце-то концов, не затем ли ты вернулся с того света, чтобы заглянуть в сарай Бобби и застукать томминокеров, рассевшихся на своих странных низеньких лавочонках? Может, и затем.

Гард обогнул сарай. Там, на ржавом гвозде под самым козырьком, висел ключ. Гард потянулся и снял его дрожащей рукой. Попытался сглотнуть. В горле пересохло, оно — как наждак.

Выпить бы сейчас хоть один глоточек. Сбегать в дом, одна нога здесь, другая там. Хлопнуть рюмашку джина с содовой — и порядок.

Ага, звучит отлично. Просто здорово. Но Гард прекрасно понимал, что не станет этого делать. Дальше откладывать нельзя. Зажав ключ в потной руке, он шагнул к двери. В голове пронеслось: «Как же не хочется входить туда. Не знаю, смогу ли. Господи, как страшно...»

Ну хватит, пора покончить с этим. Подведи черту, пусть уже завершится «период томминокеров».

Он оглянулся, втайне надеясь узреть в темноте вереницу огней, движущихся из лесной чащи, услышать голоса.

Ну, на голоса ты особо не надейся — они же теперь молча разговаривают. Мысленно.

Ни огней, ни движения, ни звука. Стихи кузнеци, смолкли птицы трели. В этой мертвом безмолвии лишь мерно жамкали стиральные машины.

Склисс-склисс-склисс...

Сквозь прорехи в стене пробивался пульсирующий зеленый свет. Гард сунул руку в карман и вынул очки от солнца.

Надел их и стал молиться. Он уж и позабыл, как это делается. Молитва была короткой, но искренней.

— Господи, пожалуйста, — проговорил Гард в тусклые летние сумерки и сунул ключ в замочную скважину.

5

Он втянул живот и затаил дыхание, как человек, опасающийся получить удар током. Гард боялся, что в голове, как обычно, грянет радио, но этого не случилось.

Облизал пересохшие губы и повернул ключ в замке.

Раздался щелчок, сдава слышный на фоне гулкого чавканья.

Дужка отскочила. Негнущимися пальцами Гард вытащил замок, машинально защелкнул его и, не вынимая ключа, сунул в левый карман. Все происходило будто во сне, в безумном ночном кошмаре.

Воздух в сарас был нормальный. Во всяком случае, такой же, как и во всем Хейвене. Надо думать, иначе и быть не могло — сарай представлял собой настоящее решето, и если где-то и существовала идеальная среда для томминокеров, то уж точно не здесь. Ну, по крайней мере, так казалось Гарденеру.

И все же без предосторожностей не обойтись. И Гард это понимал. Он решил так: набрать полную грудь воздуха, задержать дыхание — и три шага вперед. Три, не больше! Ну так, на всякий пожарный. Осмотреться и пuleй обратно.

Надеешься на что-то?

Да, надеюсь.

Оглянулся напоследок и, убедившись, что тропинка, ведущая к лесу, пуста, распахнул дверь.

...И будто шагнул внутрь солнца, зеленого, страшного солнца. Таким ярким было свечение, жалящее даже через темные очки.

6

Поначалу сложно было что-нибудь рассмотреть — яркий свет заливал все вокруг. Конечно, он уже видел этот свет, тогда он казался даже ярче, но никогда раньше Гард не подходил так близко. Сейчас же он был не просто близко — внутри! Если бы кто-нибудь стоял в проеме двери, то не заметил бы Гарда.

Подслеповато щурясь, Гард начал на ощупь пробираться внутрь. Шаг, другой, третий. Вытянув перед собой руки, он шарил ими в воздухе — как слепец. Черные очки лишь усиливали сходство.

«Склисс-склисс-склисс», — доносилось откуда-то слева. Гард повернулся на звук, но подходить не спешил. Ему вообще не хотелось двигаться вперед, он боялся наткнуться на что-нибудь страшное.

Глаза начали привыкать к свету, и среди зелени уже стали различаться какие-то темные очертания. Лавочка — правда, без томминокеров. Ее попросту отпихнули подальше, чтобы не мешалась в проходе. А еще...

Боже мой, стиральная машина! Самая натуральная!

Так и есть, машина. Старого образца, с валиком для отжима белья. Да только звук шел не от нее. Машину отодвинули к стене, и над ней явно кто-то начал работать в лучших традициях томминокеров. Впрочем, сейчас она была выключена.

Рядом притулился неуклюжий приземистый пылесос на колесиках, «Электролюкс». Низкая посадка — ну вылитая механическая такса. Чуть поодаль — цепная пила. Уйма детекторов дыма из магазина электроники, прямо нераспечатанных, в коробках. Несколько керосиновых бочек — все на колесиках, и шланги торчат в стороны, будто руки...

А-а, нуда, точно. Руки! Они же роботы. Роботы в процессе создания. И что-то не больно они похожи на белого голубя мира, так ведь, Гард?

Склисс-склисс-склисс...

Еще чуть левее — вот откуда светится.

Из горла вырвался задушенный писк. Словно шарик напоролся на ветку, и из него со свистом вышел воздух. У Гарда подкосились ноги. Вытянув руки перед собой, он слепо нашарил лавку и тут же плюхнулся на нее. Он не мог оторвать глаз от того, что увидел в левом углу сарая. Там, в оцинкованных

душевых кабинках без дверей, точно мясные туши на крюках, висели Эв Хиллман, Энн Андерсон и добряк Питер, старый бигль Бобби. В них еще теплилась жизнь, Гард понял это сразу. Каким-то непонятным образом они оставались в живых.

Толстый черный кабель наподобие тех, что используют в высоковольтных линиях, торчал изо лба Энн Андерсон, ровнехонько по центру. Еще один тянулся из правого глаза старика. Что касается пса, то с его черепа срезали верхнюю часть, а обнаженный пульсирующий мозг был весь утыкан проводками поменьше.

Глаза Питера, чистые, без всякой катаракты, вдруг повернулись и воззрились на Гарда. Пес заскулил.

Боже... Боже, что это, боже...

Гард попробовал встать и не смог.

Теперь он разглядел, что и у старика, и у Энн тоже удалены фрагменты черепа. С душевых кабинок были сорваны двери, однако прозрачная жидкость, наполнявшая резервуары, почему-то не вытекала — наверное, ее удерживало силовое поле сродни тому, что окружало крохотное солнышко под раковиной Бобби. И если Гард попытается просунуть туда руку, то ощутит то же пружинящее сопротивление. Но проникнуть внутрь кабинки не сможет.

Что, внутрь захотелось? Да выбраться бы отсюда!

В голове крутились слова:

Боже-боже-боже... ты только посмотри...

Я не хочу на них смотреть.

Но он не мог отвести глаз.

Прозрачная жидкость была изумрудно-зеленого цвета. И она двигалась, издавая тот самый низкий и гулкий звук лопающейся пены. Гарду подумалось, что жидкость, хоть и прозрачная, скорее всего, тягучая и клейкая, и по консистенции напоминает средство для мытья посуды.

Как же они там дышат внутри? И отчего они до сих пор живы? А может, и нет, быть может, это просто колебания жидкости, и Гарду лишь померещилось. Обман зрения. Боже, пусть это будет обман зрения, умоляю.

А как же Питер... Ты ведь слышал, он скулил.

Померещилось. Простая иллюзия. Он висит на крюке в душевой кабинке, наполненной межзвездным аналогом геля для посуды, но не может он там скулить. Просто пошли бы пузырьки, и все. А ты перепугался до чертиков, вот и мерещится всякое.

Да только дело не в испуге. Питер скулил. И Гард это уловил, хоть и не ушами.

Беспомощная мольба раненого существа исходила из того самого места, где временами звучали музыкальные радиоволны. Из центра мозга.

И тут Энн Андерсон открыла глаза.

«Вытащи меня отсюда! — заорала она. — Вытащи меня, я оставлю ее в покое. Я ничего не чувствую, а когда они приходят — делают больно, так больно, больно...»

Гарденер вновь попробовал подняться. Он вдруг осознал, что издал какой-то звук. Странный нечеловеческий писк. Такой, наверное, мог бы вылететь из горла сбитого машиной сурка.

В зеленом, подвижном вареве лицо сестрички окрасилось в жуткие землистые тона, как у жабы. Некогда голубые радужки стали белесыми, а язык вывалился изо рта и плавал в «бульоне» мясистой водорослью. Морщинистые посиневшие пальцы колыхали неспешным потоком.

«Я ничего не чувствую, пока они не делают больно...» — завывала Энн, и Гард не находил спасения от этого голоса. Невозможно было заткнуть уши, потому что зарождался он в его собственной черепной коробке.

Склисс-склисс-склисс.

Было даже что-то смешное в этих душевых кабинках, увенчанных замысловатыми медными трубками. Конструкции напоминали некий гибрид камеры Бака Роджерса и бредовых картинок из «Малыша Абнера».

У Питера лезла шерсть. Выпадала клоками. Живот прилип к позвоночнику. Ноги ритмично двигались, словно бы совершая длинные прыжки. Казалось, пес пытается убежать от кого-то во сне.

Как больно, больно, они делают мне больно!

Старик открыл нетронутый глаз.

Мальчик.

Эта мысль прозвучала в голове Гарденера совершенно ясно. И Гард неожиданно для себя вступил в диалог.

Какой мальчик?

Тут же последовал ответ, в первый момент удививший Гарденера.

Дэвид. Дэвид Браун.

Единственный глаз уставился на Гарда, сапфировый с изумрудным отливом.

Спаси мальчика.

Мальчика. Дэвида Брауна. Неужели и он каким-то образом причастен ко всей этой заварухе? Тот самый мальчик, которого все безуспешно искали в разгар жары? Как пить дать он. Пожале, и он тут косвенно замешан.

Где он? Гард направил эту мысль старику, парящему в бледно-зеленом растворе.

Склиссс-склиссс-склиссссс...

Альтаир-4, наконец ответил старик. Дэвид — на планете Альтаир-4. Спаси его, а потом убей нас. Это... Парень, это страшно. Очень странно. Не получается умереть. Я пытался. Мы все пытались, каждый из нас, и даже...

(стервастерва)

...она. Здесь как в аду. Используй преобразователь, спаси Дэвида и кончай с этим. Перережь провода. Спали здесь все. Ты понял? Сожги.

Уже в третий раз Гарденер попытался встать и снова свалился на лавку. Ноги были будто ватные. Он заметил, что по полу разбросаны электропровода. В памяти всплыла рок-группа, которая подобрала его на автостраде, когда он возвращался из Нью-Хэмпшира. Пол в сетке проводов напоминал концертную площадку, сцену перед началом выступления. Ну или крупную телестудию. Все кабели, которые змеились по полу, тянулись в огромный ящик, заполненный электронными платами и видеомагнитофонами. Все они были соединены между собой. Гард поиском взглядел розетку, но так и не нашел. И тут вдруг его осенило: а зачем им ток, если у них все на батарейках?

От видеомагнитофонов провода отходили к нагромождению бытовых компьютеров — здесь были «Атари», второй и третий «Эппл», TRS-80, «Коммодор». Один из мониторов светился, на нем то появлялась, то исчезала надпись.

ПРОГРАММА?

Позади переделанных компьютеров валялись платы, сотни плат. И весь этот конгломерат перешептывался, создавая тихий сонный фон, звук, который в сознании Гарда ассоциировался с каким-то

(исользуй преобразователь)
крупным электроприбором.

Из ящика и беспорядочно составленных рядом компьютеров лился пульсирующий зеленый свет. Причем между этой пульсацией и ритмичным хлюпаньем жидкости в душевых кабинках угадывалась явная взаимосвязь.

Вот он, командный центр, подумал Гард со слабым возбуждением. Связь с кораблем. Они приходят в сарай, чтобы им воспользоваться. Это — преобразователь, из него они черпают силы.

Используй преобразователь, спаси Дэвида.

Ага, еще попроси меня в истребителе полетать. А помудрее ничего не мог придумать? Предложил бы почитать Марка Твена или Эдгара По, а тут — да тут черт ногу сломит. Взрыв на электронной фабрике.

А как же мальчик?..

Сколько ему? Четыре-пять?

Господи, да куда его вообще отправили? Вариантам нет числа.

Спаси мальчика... используй преобразователь.

Сейчас, конечно, совсем не время с этим разбираться — вот-вот гости пожалуют. И все же единственный включенный видеотерминал приковал к себе его внимание.

ПРОГРАММА?

И тут он подумал: а если набить на клавиатуре «Альтаир-4», что тогда? Но здесь и клавиатуры-то никакой нет. И в ту же секунду надпись на мониторе сменилась.

«АЛЬТАИР-4», — прочел он.

«О боже, только не это!» — возопил рассудок.

Буквы заколыхались.

БОЖЕ ТОЛЬКО НЕ ЭТО

Гарденер взмок. «Отмена! Отмена!»

ОТМЕНА ОТМЕНА

Буквы мигали и гасли, мигали и гасли, Гарденер был в ужасе. Смотрел, не в силах отвести взгляд. Потом появилось слово:

ПРОГРАММА?

Усилием воли он поставил мысленный щит и вновь попробовал подняться. На этот раз попытка увенчалась успехом. Гард заметил, что от преобразователя тянутся и другие провода, гораздо более тонкие. Он насчитал восемь, и каждый оканчивался наушниками.

Наушники. Фриман Мосс. Как ловко тот вел своих механических слонов. Здесь несколько комплектов. Неожиданно вспомнился класс для занятий иностранным языком.

Они что здесь, учат языки?

Да. Нет. Они здесь учатся «обращаться». И машина им в этом помогает. Но где же аккумуляторы? Что-то я не заметил ни одного. Для такого агрегата понадобится дюжина автомобильных «Делко».

И тут его будто током ударило. Гард медленно поднял взгляд и воззрился на душевые кабинки.

Взглянул на кабели, торчащие изо лба женщины, из глаза старика. На Питера, который бежал во сне, на его двигающиеся лапы. Интересно, когда Бобби успела перепачкать шерстью платье? Произвела замену инопланетного масла? Или, быть может, ее захлестнули простые человеческие эмоции? Любовь, жалость, стыд? Подержала его на руках, прежде чем погрузить в свежий раствор?

Вот они, батарейки. Органические долгоиграющие «Делко». Эти нелюди, вампиры приходят сюда и высасывают из них жизнь. Выпивают всю, без остатка.

Гарда захлестнула злоба. Она явилась на смену отвращению, изумлению и страху.

Они делают больно, больно... так больно...

Ее голос оборвался внезапно. Тихое урчанье преобразователя смилило тональность, вращение замедлилось. Свет в ящике стал чуть-чуть тусклее. Наверное, она провалилась в забытье, и производительность машины упала на сколько-то — чего там? Вольт? Дин? Ом? Кто их теперь разберет...

Кончай с этим, сынок. Спаси моего внука и покончи с этим.

Голос старика отчетливо прозвучал в голове Гарда. А потом замолк. Старик смежил веки.

Зеленое свечение заметно поблекло.

Когда я вошел, они проснулись — лихорадочно пронеслось в голове. Его колотило от злобы. Сам того не заметив, он выплюнул очередной зуб. Даже Питер как будто проснулся. А теперь они вновь погрузились в то состояние, сродни сну, в котором пребывали до моего вторжения. Только это не сон, что-то другое. Что-то типа глубокой консервации.

«Мечтают ли батарейки об электроовцах?» — подумал Гард. У него вырвался надтреснутый смешок.

Он стал пробираться назад, удаляясь от преобразователя (а что он вообще преобразовывает как и зачем) от душевых кабинок и сплетений кабеля. Взгляд скользнул в сторону. У дальней стены он увидел массу всевозможных приспособлений. Стиральная машина с отжимным валиком, увенчанная неким подобием телевизоров в форме бumerанга — такие часто крепят на багажники больших лимузинов. Чуть левее «стиралки» стояла педальная швейная машина с прицепленной к маховику стеклянной воронкой. Бочки из-под керосина со шлангами и железными руками... к одной из таких рук был приварен разделочный мясницкий нож.

Господи, это что еще такое? Для чего оно все?

Для защиты, прошептал внутренний голос. Эта механическая армия нужна на тот случай, если «полиция Далласа» нагрянет сюда до того, как они успеют завершить свои дела. Они переделали старые приборы. Стиральные машины со спутниковыми антеннами, «Электролюксы», циркулярные пилы на колесах. Чего здесь только нет!

Гарду казалось, он вот-вот лишится рассудка, слетит с катушек. Взгляд то и дело возвращался к Питеру со срезанной верхушкой черепа и пучком проводов, воткнутых в нежную мякоть, — в то немногое, что осталось от его головы. Обнаженный мозг был похож на бледную телячью поджарку, нашпигованную температурными датчиками.

Питер словно пытался убежать, рефлекторно двигая лапами в зеленой тягучей жидкости.

Ярость и отчаяние охватили Гарда. Господи, Бобби, как ты могла сделать такое с Питером? С людьми — ужасно, чудовищно, но с собакой — еще страшнее. А пес загребал и загребал лапами, словно пытаясь спастись от кого-то во сне.

Вот они, батареи. Живые органические батареи.

Пятась, он на что-то наткнулся. За спиной что-то лязгнуло. Гард повернулся и увидел еще одну душевую кабинку. Двери тоже не было, на боковинах расцвела ржавчина. Сзади пробиты отверстия, а сквозь них пропущены провода с толстыми стальными штекерами на концах.

«А это для тебя, Гард», — возопил мозг. Как говорится, «утоли свою жажду». Раскрученный рекламный лозунг. Это не больно. Они просто крышечку спилият, ну, может, замкнут двигательные центры, чтобы не рыпался, а потом сунут стержень

туда, откуда смогут щедрить энергию. Собственным штекером разжившесь за свои заслуги. Все уже готово, тебя дожидается.

Гард усилием воли подавил подступающую истерику. Нет, это не для него. По крайней мере, первоначально не для него. Резервуаром уже пользовались. В кабинке витал мягкий парфюмерный запах. Изнутри на стенах виднелись засохшие потеки — остатки той самой тягучей зелено-желтой жижки. Смахивает на семя волшебника из страны Оз.

То есть Бобби засунула свою сестру в здоровенный банк спермы?

От этой мысли его разбирал смех. Нервы ни к черту. Пришлось буквально зажать рот ладонью, чтобы не расхохотаться в голос.

Невзначай он опустил взгляд: перед кабинкой стояли летние туфли Бобби. Нагнулся, поднял одну. Она была перемазана засохшей кровью.

Единственная пара приличных туфель. Можно сказать, выходных. Она надела их, когда собиралась на похороны.

Другая туфля тоже в крови. Заглянув за кабинку, Гард обнаружил сваленную в кучу одежду — ту самую, в которой Бобби была в тот день.

Все перемазано кровью.

Гарденеру не слишком хотелось прикасаться к окровавленной одежде, да только под ней проступали недвусмысленные контуры, и не заглянуть туда было нельзя. Брезгливо, двумя пальцами Гард поднял блузку. Под ней лежала темно-серая юбка.

Под юбкой покоился револьвер. Такие старые стволы Гард видел, пожалуй, лишь на картинках. Он взял его, покрутил цилиндр, пересчитал пули. Четыре. Двух не хватало.

Он готов был поспорить, что они достались Бобби.

Гард защелкнул цилиндр и сунул пистолет за пояс. И тут снова в голове прозвучал насмешливый голос. «Подстрелил жену... Ничего, бывает».

Да и плевать. Пистолет еще пригодится.

Но знаешь, Гард, как только они просекут, что ствол исчез, ты станешь первым подозреваемым. Тут же за тобой кинутся. Наверное, уже и сам просек?

Ну, о пропавшем стволе нужно волноваться в последнюю очередь. Увидят, что слова изменились на мониторе, — сразу

заподозрят неладное. Вещи же пролежали здесь бог знает сколько. Наверное, как Бобби сняла их, так и не вспоминала больше.

Когда эта компашка оказывается здесь, они, наверное, настолько переполнены восторгом, что им не до какого-то там грязного белья. Слава богу, все мухи давно передохли, иначе черт знает, что бы тут творилось.

Рука вновь потянулась к пистолету, но теперь внутренний голос молчал. Видимо, решил, что во всей округе не осталось жен, о которых стоило бы волноваться.

А если тебе придется пристрелить Бобби, рука не дрогнет?

Этот вопрос пока оставался без ответа.

Склисс-склисс-склисс.

Давно ли они ушли, Бобби и ее компашка? Он не знал, не имел ни малейшего представления. Здесь, в сарае, времени как будто не существовало. Старик прав, это сущий ад. Неужели Питер до сих пор отвечает на ласки своей чудаковатой хозяйки, когда она сюда приходит?

Живот скрутило, Гард понял, что его вот-вот стошнит.

Надо выбираться — прямо сейчас. Гард будто очутился в страшной сказке. Мучимый жаждой познания, залез в тайник Синей Бороды. Вскарабкался по бобовому стеблю и попал в логово великаны. Он держал в руках одежду, затвердевшую под коркой крови, и не в силах был шелохнуться. Как будто оцепенел. В прямом смысле слова.

«Где Бобби?»

«С ней случился солнечный удар».

Странный такой солнечный удар — полно кровищи, блузка вымокла насеквость. Гарденер давно питал нездоровыи интерес к огнестрельному оружию и к тому, какой вред оно может причинить человеческому телу. И знал: если бы в Бобби попали из той здоровущей пушки, которую он теперь носил за поясом, то она бы не выжила — пусть даже ее мгновенно доставили бы в больницу, специализирующуюся на огнестрельных ранениях. Она бы в любом случае умерла.

«Поломанный вдребезги и в дребедень, в сарае поправился я через день».

Не для него. Старый душ приготовили не для него (у Гарденера было чувство, что от него избавятся быстро и окончательно). Нет, этот резервуар — для Бобби.

Ее приволокли сюда, а потом — что потом?

А потом подключили к питанию, что ж еще... Энн на ту пору не было в сарае, только Питер и старик Хиллман.

Он уронил блузку, заставил себя вновь взять ее в руки и положить на место, поверх юбки. Неясно было, насколько они забывают о внешнем мире, когда попадают сюда, — но ни к чему искушать судьбу.

Гард посмотрел на отверстия на задней стенке, на болтающиеся провода и стальные штекеры.

Зеленый свет начал пульсировать быстрее и ярче. Гард обернулся. Энн смотрела на него широко раскрытыми глазами. Короткие волосы парили вокруг ее головы. В глазах по-прежнему была бесконечная ненависть, но теперь смешанная с ужасом и растущей отчужденностью.

Из рта вырвалась россыпь пузырьков.

Страшный крик взорвался в голове Гарда — то ли мысль, то ли звук.

Она орала.

Гарденер кинулся прочь.

7

Человек, испытавший неподдельный страх, теряет всякую возможность связно мыслить. В кровеносное русло впрыскиваются сильнодействующие вещества, щедро поставляемые эндокринными железами, сокращаются мускулы, ускоряется сердцебиение. Не помня себя от страха, на трясущихся ногах Гард выскочил из сарая Бобби Андерсон. Выглядел он как сущий идиот: бесмысленный взгляд, рот открыт, язык высунут. Живот подвело, он готов был наделать в штаны.

В воображении, подобно дискотечным огням, вспыхивали увиденные образы. Подвешенные на крюках тела напоминали насаженных на иглы насекомых, от скуки убитых злыми детьми. Беспокойно движущиеся лапы Питера. Перепачканная кровью простреленная блузка. Допотопная «стиралка» с бумерангом антеннами. Но самым ужасным был пронзительный крик Энн, вырвавшийся из ее рта вместе с россыпью пузырьков и эхом отозвавшийся в его голове.

Пробравшись в дом, он побежал в уборную, рухнул на колени перед унитазом и попытался очистить желудок. Так хотелось

извергнуть из себя все ужасы последних минут. Но его не рвало. Тщетно Гард рисовал в своем воображении омерзительные картины: кишащие опарышами хот-доги, пиццу в зеленой дымке плесени, розовый ситро с комками волос. Пришлось прибегнуть к старому добному приему — два пальца в рот. Но и это не помогло. Он добился лишь пустой болезненной отрыжки.

Если меня не вырвет, я двинусь рассудком.

Двигайся сколько хочешь, только сначала сделай что должен. До тех пор уж продержись как-нибудь. Да, кстати, Гард, у тебя еще остались сомнения в том, что нужно предпринять?

Да какие уж тут сомнения. Питер, загребающий лапами во сне, был чрезвычайно убедителен, и струйка пузырьков изо рта Энн. Гард поражался: как мог он так долго сомневаться пред лицом этой силы, столь очевидно темной и порочной?

Да потому что ты был не в себе. Гард кивнул. Так и есть. Тут не нужны объяснения. Он спятил и пребывал в таком состоянии целый месяц. Ну а теперь очнулся и пришел в себя. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Этот звук. Склиссс-склиссс-склиссс.

И запах. Приторный мясной дух. Запах сырой телятины, стухшей в молоке.

Живот подвело. Горло обожгло едкой отрыжкой. Гарденер застонал.

И тут вновь его посетила одна идея, и он ухватился за нее. Да, можно будет остановить все это — ну или, по крайней мере, заморозить надолго. Если сработает.

Придется тебе забыть о судьбах мира и минутной стрелке на часах Судного дня.

Он вновь подумал о Тэде Ядерной Шишке, о том, как безумные военные организации, ошелев от жадности, сбагривают друг другу все более и более совершенные виды оружия, и в эту минуту вся яростная злость, что скопилась внутри, вырвалась наружу, в последний раз попытавшись одержать верх над рассудком.

Уймись уже, сказал ей Гарденер.

Он зашел в гостевую спальню, стянул рубашку и посмотрел в окно. У леса мелькали огоньки. Стемнело, и они возвращались. Возможно, зайдут в сарай и проведут небольшой сеанс. Встреча друзей среди душевых кабинок в зеленом сиянии изувеченных умов.

Приятных посиделок, подумал Гарденер. Сунул «кольт» под матрац в изножье кровати и расстегнул ремень. Может, в последний раз, так что...

Ненароком взглянул на рубашку — и обомлел. Из кармана торчала железная дужка. Замок, черт возьми. Это замок от сарая.

8

На миг, чудовищно долгий миг, Гард оцепенел. Ужас наполнил сердце. Казалось, он попал в какую-то кошмарную сказку. Как безучастному зрителю, напуганному донельзя, ему оставалось смотреть на эти медленно движущиеся по тропинке огни. Еще чуть-чуть — и они окажутся у сада, минуту его, пересекут двор и приблизятся к сараю. Увидят дверь без замка, а потом войдут в дом, и дальше одно из двух. Либо Джима Гарденера убьют, либо разберут на атомы и отправят в неведомую дыру, на Альтайр-4.

Но вот истошным криком прорвалась первая связная мысль: беги! Убирайся отсюда!

Дальше дрожащей походкой на сцену ступил здравый смысл: поставь щит. Если тебе когда и удавался этот фокус, действуй сейчас.

Он стоял, голый по пояс, со спущенными штанами и расстегнутым ремнем, и ошарашенно глазел на замок, торчащий из кармана рубашки.

Беги туда и верни его на место, БЫСТРО!

Нет. Слишком поздно. Я не успею. Они уже в саду.

Успеешь. Еще есть время. Ноги в руки и вперед!

Последним усилием воли он сбросил оцепенение, нагнулся, схватил замок с торчащим из него ключом и помчался, застегивая штаны на ходу. Выскочил через заднюю дверь, замер на миг и, когда последние два фонаря скрылись в саду, побежал к сараю.

Словно издалека до него доносились приглушенные мысленные голоса, исполненные суеверного трепета и ликования.

Он поставил щит.

Дверь в сарай была приоткрыта, из проема выбивался клин зеленого света.

«Господи, Гард, как можно быть таким недотепой?» — не-годовал возмущенный рассудок, хотя в его оплошности и не было ничего сверхъестественного: как тут не забыть о замке, если ты только что видел двух людей на штырях с торчащими из головы проводами.

Они уже в саду — слышно, как шуршат гигантские стебли несъедобной кукурузы.

Он потянулся к щеколде и тут вдруг вспомнил, что машинально защелкнул замок, когда запихивал его в карман. Рука дернулась, Гард уронил замок. Тот глухо шлепнулся о землю.

Гард шарил по траве рукой — все, вот он. Нашелся. Обронил как раз возле узкого клина пульсирующего света. Замок-то на месте, да в нем нет ключа — тот вывалился при падении.

Боже-боже-боже, рыдал рассудок. Гарда прошиб холодный пот. Волосы лезли в глаза. Должно быть, он сейчас вонял, как обезьяна.

Уже громче шуршали стебли и листья. Кто-то тихо рассмеялся, до ужаса близко. Еще несколько секунд — и они выйдут из зарослей. Гард рухнул на четвереньки, схватил замок и принялся шарить руками в траве в поисках ключа.

Ну где ты, гад, ну где ты? Где же ты, гадина? Гаденыш такой! Ну где, где?

Он отдавал себе отчет, что даже сейчас машинально накинул на мысли экран. Действует ли он, Гард не имел понятия. И если он не найдет ключ, то какая вообще-то разница, так ведь?

Чуть поодаль от того места, где он шарил, блеснуло на земле что-то матовое — ключ отлетел гораздо дальше, чем он думал. Просто повезло, что попался на глаза; слепой случай сродни тому, как Бобби споткнулась о выступающий из-под земли край корабля.

Схватив ключ, Гард вскочил на ноги, развернулся пружиной. Времени оставалось в обрез: секунда — и они выйдут из-за угла, который пока скрывает его от посторонних глаз. Второго шанса не будет. Надо проделать все быстро, без осечки.

Как тяжко приходится современному человеку, изумленно подумал Гард. Ведь можно сказать, что на чаше весов оказалась жизнь всей планеты, и судьба мира зависит от того, сумеет ли он повесить замок на дверь с первой попытки.

В какой-то момент ему показалось, что он так и не сможет попасть в замочную скважину. Ключ, беспомощный пленник

в его трясущихся руках, чиркал по металлу вокруг отверстия. И тут, когда Гард уже подумал, что все кончено, железка по-далась и скользнула в паз. Один оборот — дужка замка откинулась в сторону, Гард быстро закрыл дверь, просунул дужку в петлю, щелкнул замком. Вынув ключ, зажал его в потной руке и тенью скользнул за сарай. И в этот момент из-за угла дома показались люди, побывавшие у корабля; следуя друг за другом, они заходили во двор.

Гарденер вытянул руку, чтобы повесить ключ обратно на гвоздь. Прошиб холодный пот — на миг показалось, что он сейчас снова уронит и придется искать его в высокой траве, которая росла у этой стены сарая. Гард насадил ключ на гвоздик и шумно выдохнул.

Хотелось замереть на месте и не дышать, но в этом был свой риск. Ведь он не знал, есть ли у Бобби собственный ключ.

Боком он продвигался вдоль стены. Задел лодыжкой за рукоять старой бороньи и стиснул зубы, чтобы не закричать от боли. Перешагнул препятствие и скользнул за угол, оказавшись позади сарая.

Здесь хлюпало до одури громко.

Я прямо за ними, за этими треклятыми кабинками, подумал Гард. До них — буквально несколько дюймов, рукой подать.

Зашелестела трава. Легонько чиркнул металлы по металлу. Гарденеру хотелось одновременно кричать и смеяться: у Бобби не оказалось своего комплекта. Кто-то только что зашел за сарай и снял с гвоздя ключ, который Гарденер повесил туда всего несколько секунд назад. Может, даже сама Бобби.

Ты не ощутила на нем тепло моей руки, а, Бобби?

Ты не заметила? И, кстати, ты меня слышишь? Вы слышите меня? А вдруг сейчас кто-то — Эллисон или Арчинбург, или Беррингер — заглянет сюда и воскликнет: «Ку-ку, мы тебя видим!» Действует ли щит?

Он стоял и ждал, когда они придут и заберут его.

А они не пришли. И не забрали. Обычным летним вечером, когда воздух наполнен стрекотом сверчков, он, может, и не услышал бы, как щелкнул ключ в замке, как отпирали дверь. Теперь же не было сверчков. Скрипнули дверные петли — открылась дверь, скрипнули вновь — дверь закрылась. Они вошли.

И почти сразу быстрее замигал пробивающийся сквозь щели свет, разгораясь все ярче и ярче, и тут разум Гарда пронзил отчаянный крик:

Больно! Больно!

Он отпрянул от сарая и поспешил в дом.

9

Еще долго Гарденер не мог уснуть. Все ждал, когда они выйдут из сарая и станет ясно, раскрыли его или нет.

Ну, допустим, я могу попытаться остановить «обращение», думал он. Но для этого надо попасть внутрь корабля, иначе никак. В моих ли это силах?

Он не знал. Бобби, похоже, не беспокоится, Бобби с компашкой теперь другие. Да и сам он уже меняется. Доказательство тому — выпавшие зубы, способность к телепатии. Он даже изменил надпись на мониторе усилием мысли. Впрочем, не надо лелеять пустых надежд: он им не чета. Интересно, а что будет, если Бобби спокойно войдет в корабль, а ее приятель, старина Гард, упадет замертво? Хоть кто-то из них — даже сама Бобби — всплакнет? Вряд ли.

Может, они этого и хотят? Все они, включая Бобби. Чтобы ты вошел, и мозги твои взорвались от какофонии радиоволн. Тогда Бобби не придется мазать руки. Убийство без слез.

Гард ничуть не сомневался, что его давно уже решилипустить в расход. Но он надеялся, что Бобби — та, прежняя Бобби — оставит его в живых еще на какое-то время и позволит заглянуть внутрь той штуковины, которую они так долго и мучительно откапывали. Это было бы справедливо. А по существу — какая разница? Если Бобби запланировала убийство, то вряд ли Гард сможет ей помешать, правда? Он должен попасть внутрь, и точка. Ведь если он не попадет туда, у него не будет шанса воплотить свою, пусть и безумную, идею.

Попробуй, Гард.

Он намеревался осуществить задуманное, как только они окажутся внутри корабля, то есть, скорее всего, завтра утром. А пока — не испытать ли ему удачу? Ведь если все пойдет по плану, то помочь мальчику он не успеет. Так что малышом надо заняться в первую очередь.

Гард, он наверняка уже мертв.

Скорее всего. Только старик убежден в обратном, он считает, что мальчика можно спасти.

Да что значит судьба одного ребенка по сравнению с этим? И ты ведь сам прекрасно знаешь, что Хейвен превратился в большой ядерный реактор, который вот-вот взорвется. Оболочка уже плавится, так сказать.

Да, логика проста, но это — логика банкомета. Логика убийцы. Логика Тэда Ядерной Шишки. И если ты решил играть по их правилам, то к чему вообще утруждаться?

Если махнуть рукой на паренька, тогда и все остальное пусть летит в тартарары.

Может, таким образом он даже спасет Бобби. Хотя нет — она зашла слишком далеко. Впрочем, попытаться стоит.

Эх, старина Гард, шансы слишком малы.

Да кто ж спорит. На часах минута до полуночи. Счет пошел на секунды.

С такими мыслями он провалился в сон. Ему привиделся кошмар, в котором он парил в прозрачной зеленой воде, опутанный проводами. Хотелось закричать — не вышло, потому что кабели тянулись изо рта.

Глава 5

СЕНСАЦИЯ

(журналистское расследование)

1

Джон Леандро сидел в таверне «От щедрот» с бутылкой «Хайнекена» (бакс за бутылку) и пытался забыться. Забыть ему хотелось о многом. Например, о том, как жестоко над ним посмеялся Дэвид Брайт. Он даже приписал Джонни желание быть похожим на Джимми Олсона, верного друга Супермена. И теперь Леандро пребывал в нерешительности. Чего греха таить, он действительно колебался. Провидцам жилось несладко во все времена: тычки, насмешки; их распинали, вели на костер, вытягивали на пять-шесть дюймов на специальных пыточных рамках. А те все одно предсказывали, обрекая

себя на муки и инквизиторские пытки. Совсем недавно Дэвид Брайт вот на этом самом месте, за бутылочкой пива спросил невзначай, не поломались ли его «секретные часики». Ах, как было больно. Конечно, нельзя назвать это главной трагедией в жизни Джонни Леандро, и все же, черт возьми, он пережил не лучший момент.

И Джонни решил во что бы то ни стало напомнить Дэвиду Брайту, а заодно и всем тем, кому злопыхатель успел поведать про безумные идеи «шизанутого Джонни» о том, что КАКАЙТО НЕСУСВЕТНАЯ ХРЕНЬ ПРОИСХОДИТ В ХЕЙВЕНЕ, — одну старинную истину: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Потому что там действительно происходит нечто странное и сенсационное. Он ощущал это каждой клеточкой своего тела. Порой, когда ветер дул с юго-востока, ему казалось, что и тот несет с собой вожделенный запах. Запах тайны.

Отпуск начался в прошлую пятницу. В тот же день Леандро мог умчаться в Хейвен, чтобы раскрыть свою тайну, если бы не вмешательство провидения. Его матушка, вдова, которая находилась на его полном попечении, рассчитывала на сына в одном дельце: ей хотелось навестить сестру. Для этого он должен был отвезти ее в Новую Шотландию; путь неблизкий. Нет, конечно, если он с кем-то уже договорился, она это поймет. В конце концов, кому интересно проводить время со старухой, пусть даже она готовит ему еду и стирает штанишки (она ведь только на то и годится, чтобы готовить для него да стирать ему штанишки). Так что, конечно, ты езжай, Джонни, я не обижусь, гоняйся там за своей сенсацией. Я позвоню Меган, и, может быть, через пару недель твой двоюродный брат привезет ее повидаться со мной, ведь Альфредик очень заботлив со своей матерью, такой образцовый сын, и все в том же духе, до бесконечности.

Итак, в пятницу он повез ее в Новую Шотландию. Как водится, они остались там ночевать. В субботу вернулись в Бангор, но ехать куда-либо было уже слишком поздно. Воскресенье — не самый подходящий день для начинаний, особенно с поправкой на воскресную школу: занятия для первого и второго года обучения в девять утра, богослужение в десять, а в пять вечера — лекция в доме приходского священника «Жизнь молодого человека во Христе». Приглашенный лектор показывал слайд-шоу с картинками из Апокалипсиса, во всех подробностях разъясняя, что грозит нераскаявшимся грешникам. Адские

котлы, кровоточащие раны и больные кишечки. Джорджина Леандро тем временем в сопровождении дам из числа приходских активисток разносила пластмассовые стаканчики с напитками и овсяные печенья. Вечером в церковном подвале устроили непременные хоровые спевки во славу Христа.

По воскресеньям Леандро каждый раз чувствовал себя в равной степени просветленным и изнуренным.

2

Иными словами, выбраться удалось не раньше понедельника, пятнадцатого августа. Бросив блокнот, диктофон и «Никон» с полным кофром пленок и объективов на переднее сиденье верного «доджа», Леандро отправился в Хейвен — как он надеялся, навстречу своей будущей журналистской славе. Он бы не слишком испугался, если бы узнал, что история, в которую он собирается влезть, грозит стать величайшей сенсацией со времен распятия Христа.

Выдался ясный тихий день. Было тепло, но не чересчур, без изнуряющей удушливой жары, терзавшей землю последние несколько дней. Этот день запомнят все люди на планете. В своей алчной жажде сенсации Джонни позабыл о народной мудрости: «Бог одной рукой дает, другой забирает».

Он только знал, что наткнулся на что-то грандиозное. И никакие Дэвиды Брайты его не остановят, и плевать на их подколки про Джимми Олсона, волшебные часики и Фу Манчу.

Он завел машину и начал выруливать на проезжую часть.

— Джонни, сынок! Не забудь мешочек с обедом! — крикнула матушка. Она спешила ему навстречу, пыхтя и отдуваясь. Бока пакета из темной оберточной бумаги соблазнительно лоснились от жира. Еще со школы Леандро сохранял верность сандвичу с болонской колбасой и колечками красного лука, поджаренными в растительном масле.

— Ну зачем ты так утруждаешься? — сказал он, забрал пакет и пристроил его на полу. — Спасибо, конечно, но ведь я могу перехватить гамбургер по пути.

— И не думай, — встремляя матушка. — Я не устану тебе повторять, чтоб и в мыслях не держал заходить в придорожные забегаловки. Джонни, неизвестно, что там творится на кухне.

И зловеще прибавила, подавшись вперед всем торсом:

— Микробы.

— Мам, мне пора...

— Микробов просто так не увидишь, — продолжала миссис Леандро. Она села на любимого конька и слезать с него не собиралась.

— Да, мам, — покорно молвил сын.

— Некоторые заведения — настоящий рай для микробов, — напутствовала она. — Повара, ну как тебе сказать, не следят за собой. Неизвестно, моют ли они руки после уборной. И иногда даже под ногтями у них грязь или — какашки. Знаешь, мне не приятно говорить такие вещи, но кто еще тебе скажет, кроме матери? От этой еды человек может очень тяжело заболеть, очень.

— Мам...

Издав протяжный страдальческий вздох, она промокнула передником уголок глаза.

— Ну конечно... Твоя мать — глупая, ни на что не годная старуха, давно уже в маразме. Пора бы уж научиться помалкивать.

Хотя Леандро понимал, что это всего лишь ловкая манипуляция, он покорно стоял перед матерью и выслушивал нотации, как провинившийся второклашко.

— Ну что ты, мам, — ответил он. — Я так не думаю.

— Я ведь о чем, ты у нас знаменитость, известный репортер, а я просто сижу дома, заправляю тебе кровать, стираю тебе одежду и проветриваю твою комнату, если ты всю ночь пукал после пива.

Склонив голову, Леандро молчал и ждал, когда ему позволят уйти.

— Пообещай мамочке, что будешь держаться подальше от придорожных забегаловок, Джонни. А то смотри, заболеешь из-за микробов.

— Обещаю, мам.

Удовлетворившись вытянутым из сына обещанием, мать решила, что можно отпустить его с богом.

— Ты, конечно, вернешься к ужину?

— Да, — ответил Леандро, не решившись огорчить мать.

— Ровно в шесть? — не унималась старушка.

— Буду-буду!

— Ну прости меня, я старая, глупая...

— Пока, мамулечка! — торопливо распрошался он и вырулил с бордюра.

Леандро поехал, а она еще долго стояла на тротуаре и махала вслед. Глядя на нее в зеркало заднего вида, он помахал в ответ в надежде, что теперь она наконец пойдет в дом, — и не желая ее огорчать. Через два квартала он свернул направо, и мать пропала. У него как будто гора с плеч свалилась. Стыдно — не стыдно, а каждый раз он испытывал облегчение, когда его мать скрывалась из виду.

3

Тем временем в Хейвене Бобби Андерсон показывала Джиму Гарденеру модернизированный дыхательный аппарат. Эв Хиллман узнал бы эту вещицу. Респиратор был очень похож на тот, который он прихватил для Батча Дугана. Разница состояла лишь в том, что для Дугана респиратор служил защитой от хейвенского воздуха, а в случае с Бобби и Гардом все было наоборот. Внутри корабля томминокеров они собирались дышать привычным хейвенским воздухом из баллонов, которые она теперь и демонстрировала.

В тот же час, в половине десятого, Джон Леандро рассекал по Дерри. Он вырулил на обочину неподалеку от места, где в свое время был обнаружен выпотрошенный олень и патрульный автомобиль, закрепленный за инспекторами Роудсом и Габбонсом. Леандро открыл бардачок, где лежал «смит-вессон» тридцать восьмого калибра, которым он обзавелся неделю назад в Бангоре. Достал его, взял в руки, опасаясь коснуться спускового крючка, хотя и знал, что ствол не заряжен. По сути, ему нравилось чувство уверенности и силы, исходящее от смертоносной игрушки, и притом было отчего-то боязно. Будто он вцепился в кусок мяса — и тот явно ему не по зубам.

«Микробы», прозвучал в голове голос матери. Не ешь в таких местах, а то очень тяжело заболеешь.

Он проверил коробочку с пулями — порядок. Спрятал пистолет. Пожалуй, держать его в бардачке — небезопасно и противозаконно (опять вспомнились наказы матери, причем это даже не зафиксировалось в сознании). Вот остановит инспектор для какой-нибудь мелкой проверки, попросит документы и уви-

дит в бардачке пистолет. Как раз так в основном и попадались убийцы в сериале «Альфред Хичкок представляет», который они вдвоем смотрели по кабельному телевидению каждую субботу. Вот вам и сенсация, правда, совсем иного рода. «ПО ОБВИНЕНИЮ В НЕЗАКОННОМ НОШЕНИИ ОРУЖИЯ АРЕСТОВАН КОРРЕСПОНДЕНТ «БАНГОР ДЕЙЛИ НЮС»».

Тогда вытащи документы из бардачка и носи их в бумажнике, раз так боишься.

Впрочем, делать этого он не стал. Чего доброго, накличешь беду. Хотя мысль сама по себе, конечно, неплохая. А меж тем в голове звучал беспокойный голос, точь-в-точь голос матери, рассказывающей сорванцу о вреде микробов и об ужасах, которые могут произойти с ним, если он не положит бумагу на ободок унитаза в общественном заведении, прежде чем на него садиться.

И хотя сёрдце бешено колотилось в груди, а на коже выступила испарина, неожиданно обильная даже для столь жаркого дня, Леандро упорно ехал вперед.

Эх, какую сенсацию отхватил. Так и чую запах жареного.

Что-то здесь нечисто, разумеется. И смерть этой женщины, Маккослэнд (ага, конечно, взрыв отопительного котла в середине июля, ну не смешите); и исчезновение инспекторов, которых направили расследовать это дело; и самоубийство копа, который, по слухам, был в нее влюблен. Но первейшее и самое главное — исчезновение мальчика. Дэвид Брайт нечаянно сболтнул про старика. Как будто бродит тут дед Дэвида Брауна и несет всякую ахинею про телепатию и волшебные фокусы, что происходят на самом деле.

Эх, жаль, что вы нарвались на Брайта, а не на меня, мистер Хиллман, уже в пятидесятий раз вздохнул Леандро.

Да только вот теперь Эв Хиллман бесследно исчез. Испарился. Уже две недели его нет в доме, где он снимал комнату. Ни разу не появился в больнице Дерри, где лежит его внук, хотя раньше, как уверяют медсестры, старика приходилось выгонять чуть ли не пинками. В официальный розыск он не объявлялся, да и не числился среди пропавших, ведь система такова, что тебя признают пропавшим лишь после того, как кто-то напишет об этом заявление. В том-то и загвоздка. Ловушка регламента. Поэтому в глазах закона все обстоит нормально, с чем Джон Леандро был категорически не согласен. Шито белыми нитками. Домовладелица в Дерри утверждала, что старый чур-

бан обманул ее на шестьдесят баксов; Леандро навел справки по своим каналам и выяснил, что это был первый и единственный счет, не оплаченный дедом за всю его нелегкую жизнь.

Так и тянет жареным.

Конечно, не все странности происходили исключительно в Хейвене. В июле при пожаре погибла пара на Ниста-роуд. В нынешнем месяце какой-то доктор на легкомоторном самолете разбился и сгорел. И пусть самолет рухнул в Ньюпорте, с этим никто не спорит, да вот авиадиспетчеры подтвердили, что пресловутый док пролетал над злосчастным городком, причем на недопустимо низкой высоте. Мало того, начались какие-то неполадки с телефонами, туда нельзя было дозвониться. Нет, кому-то удавалось прорваться, но далеко не всегда. Леандро подал заявку в налоговую службу Огасты, запросив список всех хейвенских избирателей (распечатка на девять страниц обошлась ему в шесть долларов по официальному тарифу). Удалось вычислить родственников почти шести десятков жителей Хейвена. Они были разбросаны по городам и весям: в Бангоре, Дерри и близлежащих районах. Всем этим Леандро занимался в свободное от работы время.

И, похоже, не нашлось ни одного человека, который на-вешал бы свою хейвенскую родню после десятого июля, а ведь с тех пор минул уж месяц.

Причины, конечно, у каждого были свой. Кто-то, может, и полгода не видел родственников — да и пропади они пропадом, хоть шесть лет о них не слышать. Иные удивлялись, но что поделать, лето — дело хлопотное, то страда, то жатва. Ну, позвонят своей тетушке Мэри или братцу Биллу — поговорят пару раз, а то, бывает, и вовсе не дозвонятся. Хотя чаще удавалось.

В показаниях этих людей было много схожих моментов, и Леандро нутром чуял: что-то там неладно.

Был один маляр в Бангоре, Рики Беррингер. Так вот, его старший брат, Ньют, зарабатывающий на жизнь плотницким делом, был по совместительству членом городского управления. «Примерно в конце июля, — поведал Рики, — мы пригласили его на обед, но он отказался, сославшись на недомогание. Где-то подхватил грипп».

Дон Блю, риелтор из Дерри, поведал такую историю. Бывала у его тетушки Сильвии, которая также жила в Хейвене, замечательная традиция: с завидной регулярностью она наведывалась к ним на обед. Чуть воскресенье — она тут как тут. И что странно,

последние три воскресенья она пропустила. Один раз сказала, что у нее грипп (непонятное поветрие, охватившее исключительно Хейвен, отметил про себя Леандро), пару раз отложила визит из-за жары — слишком ее разморило, чтобы куда-то ехать. Из дальнейших расспросов Блю выяснил, что, пожалуй, таких случаев было даже не три, а скорее пять, а то и все шесть.

Билл Спрюс держал дойных коров в Кливз-Миллз. В Хейвене жил его брат, Фрэнк, который тоже владел собственным стадом. И бывало у них обыкновение раз в неделю или две собираться всем кланом, устраивать пикничок во дворе у Фрэнка или рассаживаться двумя семьями на крыльце Билла, где съедались тонны барбекю, выпивались галлоны пива и пепси-колы и где мужчины делились своими сображенными о том, что они называли бизнесом. Билл припомнил, что с Фрэнком они не виделись уже месяц, а то и больше. Сначала у брата сломалась механическая кормушка, в другой раз возникли проблемы с сан-инспекторами. У Билла тем временем начались и собственные проблемы. Навалилась жара, издохло с полдюжины голштинских коров, к тому же, добавил он задумчиво, жена попала в больницу с сердечным приступом. Так что этим летом свидеться не довелось. Он порядком удивился, осознав, как много времени прошло с их последней встречи тридцатого июня — они подсчитали по карманному календарю, который Леандро извлек из бумажника. Присвистнув, Спрюс почесал лоб под фуражкой.

— Ничего себе, как дни-то летят, — изрек он. — Надо бы к нему наведаться, как только моя Эвелин пойдет на поправку.

Леандро ничего не сказал, но с учетом тех отзывов, что он собрал за последние пару недель, был почти уверен, что путешествие это плохо скажется на здоровье фермера.

— То-то у меня с утра горло пело, — сказал Элвин Рутледж, в прошлом водитель-дальнобойщик, а в настоящее время безработный из Бангора. Его отец, Дэйв Рутледж, был хейвенским старожилом.

— Боюсь, я вас не совсем понял, — смущился Леандро.

Элвин Рутледж с прищуром взглянул на молодого репортера.

— Я бы не отказался пропустить кружечку-другую, — пояснил тот. Они сидели в бангорской таверне «У бабуси». — Горло сожнет от разговоров. Смочить бы.

— Не вопрос! — согласился Леандро и попросил официанта принести еще две кружки.

Когда подали пиво, Рутледж от души отхлебнул, отер пену с губ и продолжил:

— Сердце колотится, башка трещит. Того и гляди вырвет. Меня и правда вырвало, между прочим. Хлестало струей, я только и успел окно опустить.

— Ух ты, — проговорил Леандро, поскольку от него ожидали какой-то реакции. Перед мысленным взором промелькнула картина, как рвота Рутледжа хлещет струей, и он постарался поскорее прогнать ее. По крайней мере попытался.

— Ну и смотри сюда.

Задрав верхнюю губу, Элвин обнажил остатки зубов.

— Фидифь дыфу фефеди? — поинтересовался он. Дыр у него было порядком. Впрочем, как воспитанный человек, Леандро говорить об этом не стал и просто согласно кивнул. Рутледж вдоворил губу на место. Испытание закончилось. — У меня с детства плохие зубы, — безразлично продолжал Рутледж. — Вот пойду снова работать, подкоплю на вставные челюсти, а эти — к чертам, все повыдергиваю. Так к чему это я? У меня ведь на позапрошлой неделе были два зуба. Вот здесь, наверху, пока не дернуло меня поехать в Хейвен навестить деда. И ведь даже не шатались, вот оно как.

— То есть зубы выпали, когда ты приблизился к Хейвену?

— Да какое выпали? — Рутледж выцелил последние капли. — Меня ими вырвало.

— Ох ты, — еле слышно ответил Леандро.

— Ты это, горло б надо промочить. Знаешь, от всей этой говорильни...

— Знаю-знаю, в горле пересохло, — закончил за него Леандро, делая знак официантке. Денег у него оставалось впритык, но после всего услышанного он и сам был не прочь пропустить стаканчик-другой.

Не только с Элвином Рутледжем приключилась такая история. Вооружившись телефонным справочником и списком избирателей, Леандро разыскал еще троих. Люди собирались в Хейвен навестить кого-то из друзей или родственников, но вынуждены были повернуть назад из-за жестокого приступа

недомогания. Четвертого свидетеля он нашел по чистой случайности — ну или не совсем. Мать, узнав, что он расследует некую «сенсацию», между делом рассказала о своей подруге, Эйлин Пульсифер, чья приятельница, ты подумай, живет в Хейвене.

Эйлин было уже под семьдесят, на пятнадцать лет больше, чем матери Леандро. Свою историю, которая как две капли воды походила на рассказы других очевидцев, старушка поведала за чашечкой чая, пичкая гостя переслащенной сдобой.

Приятельнице миссис Пульсифер звали Мэри Жаклин (она приходилась бабушкой тому самому Томми Жаклину). Пожилые леди ездили друг к другу в гости более сорока лет, вместе выступали на соревнованиях по бриджу. В то лето им свидеться не довелось ни разу. Они сознавались, говорили по телефону, и, казалось, все было в порядке. И все-таки что-то настораживало. То у подруги миссис Пульсифер голова разболелась, то надо срочно напечь кучу пирогов, то они с семейством вдруг решили сорваться в Кеннебанк — посетить музей трамвая.

— По отдельности вроде бы ничего особенного, а все вместе — как-то странно... Берите, берите, — прервала она свой рассказ, чтобы предложить гостю печенье.

— Спасибо, — вежливо отказался Леандро.

— Да ну, не скромничайте. Все вы такие, воспитанные мальчики. Сколько бы мамочка ни запрещала, ни один ребенок на свете добровольно не откажется от имбирного печенья! Не стесняйтесь, берите то, чего душа просит!

С покорной улыбкой Леандро взял еще одно печенье.

Вернувшись на свое место и сложив руки на кругленьком упругом животе, миссис Пульсифер продолжала:

— И вот я заподозрила, у них что-то неладно... И по сей день так считаю, говоря по правде. Как-то мне было боязно — вдруг, думаю, Мэри не хочет больше со мной общаться? Мало ли, не то ляпнула, не так сделала, и она обиделась. Да только не стала бы она скрывать. Мы уже сорок лет дружим, какие уж тут тайны. И не сказать, чтобы она со мной холодно говорила, нет.

— Но что-то в ее голосе изменилось, так?

Эйлин Пульсифер убежденно закивала:

— Да-да, так и было. И я даже подумала грешным делом, а не больна ли она. Может, упали бог, врачи обнаружили у нее какой-нибудь рак, и она не хочет никого расстраивать. Ну, я позвонила Вере и сказала: «Вера, собирайся, мы едем в Хейвен

повидаться с Мэри. Мы ее заранее предупреждать не станем, чтобы она не стала отпираться. Так что, Вера, будь готова, — говорю я. — В десять часов я за тобой заеду, и если ты будешь копаться, уеду без тебя, так и знай».

— А Вера — это...

— Вера Андерсон. Она из Дерри. Можно сказать, моя лучшая подруга, не считая Мэри и твоей матери. Твоя мать на той неделе уехала в Монмут навестить сестру.

Леандро хорошо помнил этот момент: неделя тишины и покоя — незабываемая редкость.

— И вы вдвоем подались на юг.

— Ну да.

— И вам стало плохо.

— Плохо — не то слово! Я думала, что умираю. Сердце! — Она эффектно хлопнула ладонью по груди. — Оно так колотилось! Заболела голова, и потекла кровь из носа. Вера напугалась до ужаса. Говорит мне: «Айлин, поворачивай немедленно, тебе надо срочно в больницу!»

— Ну, я кое-как развернулась, со мной едва обморок не случился. Голова кружится, и вдруг ртом кровь пошла, выпали два зуба. Раз — и вылетели! Нет, вы про такое когда-нибудь слышали?

— Нет, — мгновенно солгал Леандро, вспомнив при этом Элвина Рутледжа — Где это произошло?

— Ну я же говорю: мы ехали навестить Мэри Жаклин.

— Да-да, но вы уже въехали в Хейвен, когда вам стало плохо? И каким путем вы добирались?

— А-а, я поняла. Нет, еще нет. А ехали мы по Олд-Дерри-роуд. Это в Трое.

— Значит, поблизости от Хейвена.

— Да, в какой-нибудь милю от указателя. Мне еще до этого было плохо — знаете, такая разбитость, — но я не хотела говорить Вере. Надеялась, само отпустит.

Чего Леандро не мог взять в толк, так это почему Вера Андерсон не испытала никакого дискомфорта. Это не вписывалось в общую картину. И кровь из носа не текла, и зубы не выпадали.

— Нет, ее даже не муттило, — подчеркнула миссис Пульси-фер. — Ну разве что от страха. Да, надо думать, перепугалась она за меня порядком. Ну и за себя тоже. Представляю...

— Что-то я вас не понял.

— Совершенно пустая дорога. Что, если я, не дай бог, потеряю сознание. Пока кто-нибудь проедет мимо, минут пятнадцать-двадцать пройдет.

— А сама она не могла сесть за руль?

— Ну что вы, помилуйте, Джон. Вера уже многие годы страдает мышечной дистрофией. У нее на ногах огромные железные скобы. Смотреть страшно, как в камере пыток. Как увижу ее — слезы наворачиваются.

5

Пятнадцатого августа, в четверть десятого утра Леандро выехал в Трою. От волнения сосало под ложечкой, его бил озноб и, будем откровенны, слегка разбирал страх.

Как только почувствую, что мне стало плохо, сразу ударю по тормозам и поверну обратно. Ясно?

Вас понял, босс, ответил он сам себе. Принял к сведению.

Ну, выпадет пара зубов, продолжал он разговаривать сам с собой, но ведь пара зубов — ничтожная плата за историю, которая может принести Пулитцеровскую премию! Ну а Брайт — так тот позеленеет от злости.

Пока он ехал по главной улице Трои, все вроде бы было хорошо. Здесь текла обычная размеренная жизнь. Странности начались, пожалуй, через милю к югу, причем такие, каких он никак не ожидал. В машине у него работало радио, «WZON», трансляция из Бангора. Все бы ничего, да вдруг четкий сигнал начал слабеть и прерываться. К нему примешалась одна радиостанция, вторая, третья. Леандро нахмурился. Такое, конечно, бывает в ночное время, когда земля остывает, а атмосфера истончается и проходимость сигналов становится лучше обычного, но чтобы в десять утра! На частоте AM, да еще и не в условиях оптимальной дальности приема, которую радисты называют «скакочок».

Он покрутил ручку настройки, поискал каналы. Из колонок полилась какофония звуков. Смешение стилей и жанров: рок-н-ролл, кантри, классика — все они шли внахлест, перекрываая друг друга. Где-то на заднем плане Пол Харви увлеченно вещал о прелестях «Амвея». Леандро продолжал крутить ручку,

как вдруг одна станция привлекла его внимание. Это было столь неожиданно, что он ошалело уставился на приемник.

Говорили на японском.

Джонни тупо сидел и ждал, что диктор вот-вот скажет: «Это была передача «Японский для начинающих», которую подарили вам местный салон анилиновых красок». Но ничего такого не случилось. Одни реплики сменялись другими, и тут, к его величайшему изумлению, из колонок полились первые аккорды песни «Beach Boys», «Be True to Your School». Пели на японском.

Трясущейся рукой Леандро продолжал крутить ручку, перемещаясь по килогерцевой шкале. Одно и то же, на всех волнах. Ночью это обычное дело: чем выше частота, тем хуже прием. Дикое смешение голосов и музыки становилось все гуще и путанее. Леандро всерьез испугался. То, что вливалось в его уши, можно было сравнить с шипением целого клубка змей. Под конец он выключил радио — осточертело. Сидя за рулем с круглыми глазами, приходил в себя. Его трясло, словно он ехал в санях по узкоколейке.

Что это такое?

Какой смысл ломать голову, если ответ находится всего в шести милях отсюда? Ну конечно, если ты сумеешь его раскопать.

А ты сумеешь. Возможно, тебе не понравится то, что ты там обнаружишь, но ты отыщешь ответ с легкостью.

Леандро посмотрел в окно. По правую руку простиравлось нескошенное поле. Луговая трава была слишком высока для августа. Судя по всему, первый покос в начале июля пропустили. Что-то подсказывало ему, что и в августе траву не уберут. Слева стоял убогий сарай в окружении ржавых частей от автомобилей. В темном нутре заброшенной постройки виднелись остатки «студебекера» пятьдесят седьмого года. Казалось, окна разглядывают Леандро. Людей вокруг не было. Во всяком случае, они не попадались ему на глаза.

Тихий голосок внутри его — голос хорошо воспитанного ребенка, попавшего на вечеринку, которая обернулась чем-то пугающим, — тревожно нашептывал:

Я хочу домой, пожалуйста.

Да, домой, к маме. Смотреть вместе с ней очередную мыльную оперу. Поспеть как раз к началу. Она будет рада видеть

его и с сенсацией, и еще больше — без нее. Они пили бы кофе с печеньем и судачили. Вернее, говорила бы она, по своему обыкновению, а он все больше слушал. И хорошо, и пусты. Бывает, она его раздражает, но зато с ней...

Безопасно.

Вот именно, безопасно. А на южной оконечности Трои этим летним солнечным днем безопасностью и не пахло.

Пожалуйста, я хочу домой.

Правильно. Наверное, в какие-то моменты то же самое испытывали и Вудворт, и Бернстайн, когда парни из администрации Никсона всерьез закручивали гайки. И Бернард Фолл, выходя из самолета в Сайгоне в свою последнюю командировку, наверняка чувствовал себя не лучше. Когда нам показывают репортажи из горячих точек наподобие Ливана и Тегерана, корреспонденты держатся молодцом, такие спокойные и собранные. Зрителям же не представится шанса заглянуть им в штаны.

Вот она, моя история. И я ее раскопаю. И на вручении премии я скажу, что обязан успехом Дэвиду Брайту — и моим суперменским часам.

Он выжал сцепление и помчался в Хейвен.

6

Не проехав и мили, Леандро понял, что захворал. Поначалу тешил себя надеждой, что это от страха. Поджилки тряслись — вот и занедужил. Шло время, симптомы усиливались. Чувствуя, что тошнота поселилась в желудке и уходить не собирается, он стал вспоминать, что ел на завтрак. Тут не к чему было придраться. С утра перед поездкой он слишком нервничал, в рот кусок не лез. Отказавшись от обычной порции бекона с жареными яйцами, он ограничился чаем и подсущенным хлебцем. И это все.

Я хочу домой! Теперь в голосе слышалась истеричная нотка.

Стиснув зубы, Леандро упрямо давил на газ. Его сенсация — в Хейвене. Нет Хейвена — нет сенсации. Нельзя поймать то, чего не видел. Что и требовалось доказать.

И вот когда до въезда в город оставалось меньше мили, среди мертвой и зловещей тишины вдруг раздался треск-писк-

визг. Да не где-нибудь, а под самым ухом. Что-то орало и визжало на заднем сиденье. Ошалев от неожиданности, он вскрикнул и свернулся на обочину.

Обернулся и посмотрел назад. Поначалу никак не мог взять в толк, что ж там такое жужжит. Наверняка галлюцинация — из-за тошноты померещилось.

Как раз в прошлые выходные, когда они с матерью ездили в Галифакс, он водил в «Дэйри куин»* племянника Тони (сорванца, которого втайне считал совершенно несносным поганцем). Мальчишка сидел на заднем сиденье и забавлялся с электронной игрушкой. В пластиковый корпус был вмонтирован компьютерный чип. Внешне игрушка под названием «Мерлин» напоминала телефонную трубку и могла выполнять несколько нехитрых команд. В ней было штук пять простеньких игр, не требующих особого напряжения мозгов и рассчитанных в основном на память и способность подмечать несложные математические последовательности. Ах да, вспомнил Леандро, еще там были крестики-нолики.

Как видно, Тони забыл ее на заднем сиденье, и теперь она совершенно свихнулась. Хаотично перемигивались красные лампочки. Игрушка попискивала, снова и снова издавая серии звуков. Работала сама по себе.

Наверное, он угодил колесом в колдобину, машину тряхнуло, вот она и включилась. Но черная кнопка сбоку находилась в выключенном положении. Однако «Мерлин» продолжал писать и тренять, как игровой автомат в Лас-Вегасе, выдающий крупный выигрыш.

И тут приборчик задымился. От жара пластмассовый корпус вспутился, пошел пузырями, стал отекать и таять, как воск. Огоньки мерцали быстрее и быстрее, и вдруг загорелись все разом. Игрушка издала сдавленный писк, и корпус разлетелся на части. Тысячи пластмассовых осколков брызнули во все стороны, на сиденье задымился чехол.

Забыв о дурноте, Леандро вскочил на колени и сбил игрушку на пол. На том месте, где только что лежал «Мерлин», красовалось обугленное пятно.

Это что еще такое?

Вместо ответа в его голове раздался громкий визгливый крик:

* Сеть закусочных быстрого питания.

Я ХОЧУ ДОМОЙ ПРЯМО СЕЙЧАС!

«Способность вычленять простые математические последовательности». Я это подумал? Тот самый человек, который завалил математику в старших классах? Вы серьезно?

Не до того сейчас, вали отсюда!

Нет.

Он врубил передачу и поехал дальше. Ярдов через двадцать его осенила восхитительная идея:

«Способность вычленять простую математическую последовательность указывает на существование общего правила, так? И при желании можно выразить это следующим образом:

$$ax[2] + bxy = cy[2] + dx + ey + f = 0.$$

Упс. Это истинно, если a, b, c, d и f — постоянные величины. Кажется. Да. Конечно. Но нельзя допускать, чтобы a, b или с были нулем — ясен пень! А f пусть сама о себе позаботится! Ха!»

Несмотря на позывы к рвоте, Леандро был совершенно счастлив. От радости он даже хохотнул. Казалось, его мозг воспарил вверх. Прямо через макушку. Сам того не подозревая, поскольку в свое время проспал всю ботансскую математику, он заново изобрел общее квадратное уравнение с двумя неизвестными, с помощью которого и в самом деле можно вычленять отдельные компоненты простой математической последовательности. Это начисто сорвало ему крышу.

И в этот момент у него из носа потоком хлынула кровь.

Так закончилась первая попытка Джона Леандро пробраться в Хейвен. Он врубил заднюю передачу и стал пятиться, неловко виляя из стороны в сторону. Обхватив рукой спинку сиденья и развернувшись вполоборота, он слезащимися глазами следил за дорогой. Кровь хлестала на плечо рубашки.

Так он ехал где-то с милю, а потом развернулся на первой же отводной дороге. Осмотрел себя. Рубашка вся в крови, мокрая и липнет к телу. Зато он чувствовал себя уже получше. Немного лучше, стоило бы уточнить. Не задерживаясь, он доехал до Трои и оставил машину у придорожного магазина.

Зашел, готовый к тому, что кучка старицы уставится на него с молчаливо-сдержанным изумлением. Однако внутри оказался лишь владелец, и того ничуть не удивил ни вид Леандро, ни его вопрос, имеются ли в продаже какие-нибудь рубашки.

— Нехило, я смотрю, из носа натекло, — добродушно сказал он и предложил Джонни целый ряд футболок на выбор.

Чрезвычайно богатый для такой забегаловки, отметил Леандро. Понемножку он приходил в себя, хотя голова по-прежнему раскалывалась, а желудок болезненно реагировал на любое движение. Да и сам он до сих пор не оправился от испуга после этого фонтана.

— Можно и так сказать, — ответил Леандро. Руки у него были перемазаны кровью, и старик сам, по просьбе Леандро, стал копаться в стопке футболок. Здесь имелись вещицы на любой размер, от малого до большого. На одних красовалась надпись: «ГДЕ ТУТ В МЭНЕ ТРОЯ?» С других подмигивал лобстер с девизом «ПОВОДИЛ Я ХВОСТИКОМ В ТРОЕ, МЭН». На третьих — сидела огромная мошка, похожая на чудище из глубокого космоса. «ПТИЦА ШТАТА МЭН», гласила она.

— Богатый выбор, — проговорил Леандро, указав на футболку с надписью «ГДЕ ТУТ В МЭНЕ ТРОЯ?» Конечно, ему больше понравилась с лобстером, но матушка не оценила бы игру слов.

— Ага, — согласился хозяин. — Без запаса никак. Хорошо берут.

— Туристы? — мысли Леандро неслись вскачь. Он думал, что напал на одну сенсацию, а тут, похоже, сенсации на каждом шагу.

— И туристы тоже, — продолжал продавец. — Правда, не много их тут этим летом, все больше народ как ты.

— Как я?

— Ага. У кого кровь носом пошла.

Леандро в изумлении уставился на старика.

— Кровь пошла, рубашка пропала, — вещал старик. — Так же, как и у тебя. Им нужно переодеться. А если они местные навроде тебя, как я понял, то чемоданов со сменной одеждой у них с собой нет. Вот и заезжают в первое попавшееся место и спрашивают чистую рубашку. Что ж, их можно понять. У меня б кишки вывернуло, если б я ходил такой обгаженный. Да что там — тут дамочки давеча заезжали. Такие фифы, одеты с иголочки, а разит от них — как из помойки.

Старик захихикал, обнажив гладкие, как у младенца, десны.

— Так, я не понял, — медленно проговорил Леандро. — Выходит, я не один такой? Другие тоже приезжали из Хейвена с окровавленными носами?

— А то как же! Куда там один! Толпами валят. В день, когда хоронили Рут Маккосланд, я продал пятнадцать штук! С дохода

подумывал бизнес закрыть и податься во Флориду, уйти, так сказать, на покой.

Старик опять гоготнул.

— И все они не с нашего города, — добавил старик, полагая, что этим все сказано. Сего точки зрения, возможно, так и было. — У пары человек так и шла носом кровь, когда они отоваривались. Как из фонтана! И из ушей тоже иногда льется. Етитьярастак!

— И никто об этом не знает?

Старик с хитроватым прищуром глянул на Леандро и ответил:

— Теперь ты знаешь, сынок.

Глава 6

ВНУТРИ КОРАБЛЯ

1

— Ты готов, Гард?

Гарденер сидел на крыльце и задумчиво созергал убегающую в бесконечность дорогу. Голос раздался из-за спины, породив кучу киношных ассоциаций. Трудно было не почувствовать себя заключенным, которому предстоит пройти свою последнюю милю. Совершенно типичная сцена. В камеру заходит охранник и ревущим басом вопрошают: «Ты готов, Рокки?»

Приготовиться к такому? Да ты, видно, шутишь.

Он встал и обернулся. Бобби держала в руках оборудование, необходимое для спуска, а на губах ее играла странная улыбка — улыбка человека, который что-то знает, но не спешит этим делиться.

— Что смеешься?

— Я слышала тебя, Гард, только что. Тебе вспомнились фильмы про тюрьму, — ответила Бобби. — А потом ты подумал: «Приготовиться к такому? Да ты, видать, шутишь». Поймала твою мысль, а ведь это редкость — ну, кроме тех случаев, когда ты сам их посылаешь. Вот и обрадовалась.

— Так ты шпионила.

— Ага, и поверь, с каждым днем это становится все легче, — добавила Бобби улыбаясь.

Ментальный щит ветшал. Прикрывшись им, Гард подумал: «Знаешь, Бобби, а у меня есть пушка. Лежит под кроватью. Я подобрал ее в Первой реформатской церкви томминокеров». Рисковый ход, да только пребывать в неведении куда опаснее. Надо непременно выяснить, как далеко Бобби способна теперь «заглянуть».

Улыбка потихоньку сползла с ее лица.

— О чём ты подумал? — спросила она.

— Это ты мне скажи, — ответил он, и в ее взгляде мелькнула подозрительность.

— Да ладно, я просто хотел тебя подразнить. Мне было интересно, что там у тебя.

Бобби принесла две резиновые дыхательные маски с загубниками, которые были прикреплены к баллонам с самодельными вентилями.

— Надо будет надеть их, когда пойдем внутрь, — сказала она.

Внутрь.

Это слово горячей волной окатило внутренности, всколыхнув массу противоречивых чувств: благоговейный страх, нетерпение, любопытство и нервозность. Душа разрывалась на части, окунувшись одновременно в переживания терзаемого суеверным ужасом дикаря, который собирается шагнуть в запретные земли, и малыша в предвкушении рождественских подарков.

— Выходит, там другой воздух, — проговорил Гард.

— Да не то чтобы...

Сегодня Бобби наложила крем небрежно, видимо, решив, что бессмысленно дальше скрывать от Гарденера мутацию, которая с каждым днем набирала обороты. Пока она говорила, внутри ее рта серой тенью шевелился язык, но и он выглядел как-то странно. Зрачки ее как будто увеличились в размере и колыхались, постоянно меняясь, словно бы она смотрела на него из-под зеленоватой воды. От этих глаз у него внутри все переворачивалось.

— Не сказать, что другой, — добавила она. — Скорее тухлый.

— Тухлый?

— Ну представь, корабльостоял там двадцать пять тысяч веков, — терпеливо объясняла она. — Герметично запечатанный. Стоит открыть люк, оттуда хлынет смертоносный воздух. Без защиты нельзя. Я тут кое-что припасла для нас.

— И что там?

— Старый добрый хайвенский воздух. Баллоны маленькие, хватит ненадолго. Минут на сорок-пятьдесят. Пристегивай к ремню. Вот так, смотри.

— Понял.

Бобби вручила ему отдельный комплект, и Гард прицепил баллон к ремню. Пришлось задрать подол футболки, и Гард порадовался, что решил пока оставить ствол под кроватью.

— Дышать начнешь до того, как я открою люк, — наставляла Бобби. — Ах да, чуть не забыла. Вот, держи, а то вдруг отвлечешься ненароком.

Она протянула Гарденеру затычки для носа, и он тут же сунул их в карман джинсов.

— Ну что ж! — оживилась Бобби. — Ты готов?

— Мы правда войдем внутрь?

— Правда-правда, — проговорила Бобби почти с любовью. Гарденер нервно хохотнул. Вдруг стало зябко.

— Места себе не нахожу.

— И я, — улыбнулась Бобби.

— Слушай, мне страшно.

— Да не бойся, все будет нормально, — проворковала Бобби, и за этой приторной нежностью скрывалось нечто воистину страшное.

2

Забравшись в «Томкэт», они беззвучно скользили по лесу. Мертвую тишину нарушало лишь негромкое урчанье аккумуляторов. Ехали молча.

Бобби припарковала «Томкэт» возле навеса для инструментов. Они немного постояли, созерцая серебристый диск, выглядывающий из траншеи. Чистый свет утреннего солнца лился на него сквозь кроны широким клином.

«Что там внутри?» — крутилось в голове у Гарда.

— Ну что, ты готов? — в очередной раз поинтересовалась Бобби. — Не дрейфь, Роки, последний рывок, больно не будет.

— Да, отлично, — хрипело сказал Гард.

Бобби устремила на него непроницаемый взгляд своих изменчивых глаз: Казалось, цепкие пальцы ворошат его мыс-

ли, пытаясь найти слабину и раскрыть створки внутренней раковины.

— Ты ведь можешь умереть там, — молвила Бобби. — На-счет воздуха я спокойна, тут мы подстраховались. Знаешь, в чем заключается ирония? Любой пришелец извне через пять минут вырубится с непривычки, если дать ему подышать из баллона. Через час — считай, покойник. А в нас этот воздух поддерживает жизнь. Щекочет нервишки?

— Ага, еще как, — ответил Гард, задумчиво глядя на корабль и в сотый раз задаваясь одними и теми же вопросами: откуда вы прилетели и как долго скитались по вселенной, прежде чем попасть сюда?

— Наверняка все обойдется. Просто эта металлическая пластина у тебя в голове... — Бобби пожала плечами. — Она ведь как-то взаимодействует с...

— Я знаю, на что иду, — перебил ее Гард.

— Ну что ж, тебе виднее.

Развернувшись, Бобби направилась к траншею. Гарденер стоял и глядел ей вслед.

Что касается пластины, я знаю, чего от нее ждать, а вот чего мне ждать от тебя, Бобби? Надену я маску, и что там? Хейвенский воздух или какой-нибудь аналог «Рейда»?

Теперь уже не важно. Ставки сделаны, и никто меня не остановит — ни Дэвид Браун, ни целый мир. Я войду в корабль и посмотрю, что там внутри.

Бобби уже стояла у траншеи. Она обернулась; ее лицо — безжизненная маска под слоем грима — мелькнуло меж обрамляющих котлован сосен.

— Ты идешь?

— Иду, — ответил Гарденер и бодро зашагал к кораблю.

3

Как ни странно, спуститься оказалось сложнее, чем подняться. Все дело в том, что на дне котлована имелся свой переключатель, и достаточно было нажать цифру «0» на трубке радиотелефона, чтобы запустить лебедку. Наверху же кнопка переключателя находилась возле навеса для инструментов на одном из опорных столбов, в пятидесяти футах от края котлова-

на. Это был обыкновенный бытовой выключатель с кнопками. До сих пор никому не приходило в голову, что если однажды кто-то захочет спуститься без посторонней помощи, ему придется отрастить пятидесятифутовые руки.

Лебедкой пользовались долго, и такой порядок вещей стал привычным. Теперь же, глядя вниз с края траншеи, они поняли, что до сих пор не было случая, чтобы в траншее отправлялись сразу двое. Можно было бы, конечно, спускаться по одному, но на этот раз между ними царило негласное соглашение: они сделают это вдвоем и только вдвоем, поставив ноги в общее стремя и обхватив друг друга руками, как двое влюбленных на качелях. По иронии судьбы таков был единственный возможный вариант.

Они молча переглянулись, и между ними пронеслись две мысли:

(ну вот, мы как парочка студентов)

(Бобби, у тебя, слушаем, не завалялся вертолет с подвесной лестницей?)

Рот Бобби дрогнул в улыбке. Она обернулась и прыснула. Гарденер ощущил, как сердце окатило теплой волной. Он вновь увидел «старую и неулучшенную» Бобби Андерсон, теперь уже в последний раз.

— Слушай, а ты можешь подключить сюда какую-нибудь штучку для дистанционного управления?

— Жаль время терять. Есть тут одна мыслишка.

Ее взгляд задержался на лице Гарденера, словно она что-то взвешивала и просчитывала в уме. Тот терялся в догадках. Поразмыслив, Бобби направилась к навесу для инструментов.

Гарденер поплелся следом. Бобби подошла к столбу, к которому крепился здоровенный железный ящик, выкрашенный в зеленый цвет. Отворила дверцу и стала что-то искать среди инструментов и разного хлама. Наконец с победным видом извлекла свою находку: небольшой транзисторный приемник. По размеру он уступал тем, в которые помощники Гарда за-кладывали «новый и улучшенный» динамит, пока Бобби восстанавливала силы. Этот маленький радиоприемник прежде не попадался ей на глаза.

Видимо, кто-то принес его ночью.

Бобби вытащила коротенькую антенну, вставила штекер в пластмассовый корпус, а пуговку наушника — в ухо. Гарду вспомнился Фриман Мосс с его железными слонами.

— Надо немного подождать.

Бобби повернула антенну в сторону фермы, и Гарду показалось, что он слышит мощный гул. У него помутилось в голове от музыкального всплеска, заломило во лбу — так бывает, когда залпом выпьешь леляной воды.

— И что дальше?

— Подождем, — ответила Бобби. — Это недолго.

Она вновь многозначительно посмотрела на Гарда, и тот понял, что означает этот взгляд. «Она хочет мне что-то показать».

Сев на корточки возле траншеи, он обнаружил в нагрудном кармане старую пачку с двумя сигаретами. Одна сломанная, другая — погнутая, но целая. Он прикурил и задумчиво затянулся, не слишком-то сожалея о вынужденной заминке. Представился случай еще раз все обдумать. Конечно, если он рухнет замертво, ступив на корабль, это несколько нарушит его планы.

— Вот он, моя умничка! — воскликнула Бобби и вскочила.

Гард тоже встал, огляделся — и ничего не увидел.

— Вон там, на тропе.

В голосе Бобби звучала неподдельная гордость ребенка, хвастающегося самодельной гоночной машинкой. Когда Гарденер наконец узрел это чудо техники, то не смог удержаться и прыснул со смеху. Надо же, он наивно считал, что перевидел все чудеса изобретательности этих умников и удивить его уже невозможно. Как вдруг очередной немыслимый гибрид отправляет его прямехонько в Зазеркалье.

На лице Бобби блуждала задумчивая улыбка — смех Гарда не мог отравить ее радости.

— На вид странновато, конечно, но ты еще увидишь, на что он способен.

В каких-то дюймах над землей, вращая маленькими колесиками, двигался «Электролюкс». Тот самый, который Гард видел в сарае. Рядом, как такса на поводке, послушно трусила его тень. Из заднего отсека, где обычно хранятся всевозможные трубы и насадки, торчало два тонких провода, расширявшихся под острым углом. Антenna, догадался Гард.

Пылесос приземлился — если можно назвать приземлением посадку с трехдюймовой высоты — и покатился по утоптанной площадке в сторону навеса, оставляя позади узкую полосу следов. Возле распределительной коробки, где находился выключатель для лебедки, он остановился и замер.

— Зацени-ка, — проговорила Бобби довольным голосом хвастливого подростка.

Раздался щелчок. Что-то загудело. Тонкий черный шнур восстал из бока пылесоса, словно магическая веревка из корзинки индийского факира. Приглядевшись, Гард понял, что это не шнур, а самый настоящий кабель.

Он поднимался вверх, все выше и выше. Ткнулся в бок распределительной коробки и обогнул ее с фланга. Гарденер почувствовал отвращение, словно перед ним трепыхала крыльями летучая мышь. Слепая бестия, которая ищет и находит цель в полной темноте при помощи некоего внутреннего радара.

Конец провода нащупал кнопки: черную, которая запускала лебедку, поднимая стропы вверх или вниз, и красную кнопку выключения. Головка кабеля коснулась черной кнопки, которая мягко подалась. Позади навеса заработал мотор, и стропы послушно стали спускаться в траншее.

Тут кабель опять ожила и скользнул к красной кнопке, нависнув. Мотор смолк. Гарденер заглянул в траншее: стропа свободно раскачивалась внизу на глубине двенадцати футов. Кабель вновь нажал черную кнопку. Мотор запыхтел. Стропы поползли обратно, достигли верха, и мотор выключился автоматом.

Бобби повернулась к Гарду. Она улыбалась, хотя во взгляде сквозила настороженность.

— Работает, как видишь.

— Невероятно.

Гарденер пристально следил за манипуляциями Бобби. Антенной радиоприемника она указывала маршрут парящему кабелю, но не совсем так, как это делал Фриман Мосс. Сосредоточенно наступив брови, взглядом управляла кабелем: вот она переводит взгляд с черной кнопки на красную, и кабель послушно перемещается следом.

Пылесос двигался словно очаровательная железная такса, собачка-робот, сошедшая с полотна Келли Фриса. Это была чисто зрительная иллюзия. Конечно, агрегат не обладал собственным мозгом, а потому и роботом-то не стоило его называть. Бобби заменила ему разум, став их общим мыслительным центром. И именно это она хотела продемонстрировать.

Много всякого модернизированного добра стояло в сарае, во всю стену. Особенно Гарда поразила стиральная машина, увенчанная антенной в форме бумеранга.

Сарай. Тут возникал один интересный вопрос. Гард уже открыл было рот, чтобы спросить, да вовремя одумался. Поплотнее завесил мысли защитным пологом. Он чуть не подписал себе смертный приговор. Словно путник, завороженный предзакатным небом, остановившийся в шаге от пропасти.

Насколько мне известно, дома никого, а на сарае висит замок. Так как же малышка Фида пробрался сквозь закрытые двери?

Хотел спросить, да вовремя одумался — ведь Бобби не говорила, откуда взялся «Электролюкс». Гарда прошиб холодный пот.

Он повернулся к Бобби, перехватив ее взгляд. На ее губах блуждала улыбка. Она знала, что Гард о чем-то думает, но не могла понять, о чем именно, и это ее раздражало.

— Слушай, а он вообще откуда? — спросил Гарденер.

— А-а, да так, завалялся, — отмахнулась Бобби. — Главное, что все работает. Ну что, погнали?

— Погнали. Надеюсь, у него батарейки не сядут, когда мы окажемся внизу?

— Я его батарейка, — ответила она. — Так что пока я жива, ты сможешь подняться. Уловил?

— Ясно, и тут подстраховалась. Да, уловил.

— Ну и отлично, — ответил он.

Они направились к траншее. Бобби спустилась первой, управляя лебедкой при помощи дрессированного троса. Стропы поднялись, Гарденер встал в стремя, крепко вцепился в ве-ревку и поехал вниз.

Кинув взгляд на старенький пылесос, напоследок подумал: «Черт, как же он оттуда выбрался?»

Гард погружался во мрак траншеи, во влажный соленый запах мокрого камня, а слева монолитным небоскребом взды-малась гладкая громада корабля.

Гарденер сошел со строп. Плечом к плечу они с Бобби стояли перед округлым углублением люка, смахивавшим на здоровенный иллюминатор. На его поверхности красовался какой-то таинственный символ, навевающий смутные воспоминания из детства.

Давным-давно, когда Гард был еще маленьким, в пригороде Портленда, где он рос, случилась вспышка дифтерии. Умерло двое малышей, и власти по настоянию медиков ввели карантин. Он вспомнил, как шел в библиотеку, мимо домов с табличками на дверях, его ладошка покоялась в надежной маминой руке. Одно и то же слово было выведено на каждой двери большими черными буквами. Гард спросил мать, что это за слово. Она ответила. Он поинтересовался, что это значит, и она объяснила, что это слово пишут, когда в доме есть больной. Это хорошее слово. Благодаря ему люди знают, что сюда заходить нельзя. Ведь если бы они зашли, то заразились бы сами и заразили других.

— Ну что, готов? — спросила Бобби, прервав его задумчивость.

— А что это значит? — спросил он, указывая на таинственный знак.

— Добро пожаловать, — буркнула Бобби без улыбки. — Готов?

— Нет, но лучше уже не будет.

Гард кинул взгляд на баллон, висящий на поясе, и в который раз задался вопросом, стоит ли доверять этому газу. А вдруг там яд и его легкие лопнут от первого же вдоха? Вряд ли. По логике вещей, это его заслуженная награда. Он побывает в святая святых, прежде чем его окончательно спишут со счетов.

— Ну и ладненько, — проговорила Бобби. — Сейчас я открою люк, и...

— Ты откроешь его силой мысли, — перебил Гард, взглянув на затычку в ухе Бобби.

— Да, — отмахнулась Бобби, словно бы желая сказать: «Ну что еще?» — Будет выброс плохого воздуха — реально плохого, Гард. Так, что у тебя с руками?

— В каком смысле?

— Есть царапины, порезы?

— Свежих нет.

Он протянул ладони, как мальчик, которому мама велела вымыть руки перед едой.

— Хорошо.

Бобби вынула из заднего кармана пару хлопчатобумажных перчаток, надела.

— Заусенцы, — буркнула она в ответ на вопрошающий взгляд Гарда. — Может, и пустяки, но перестраховаться не по-

мешает. Гард, когда начнет открываться люк, зажмурься. Дыши из баллона. Если хоть чуточку вдохнешь — свалишься замертво.

— Убедила, — проговорил Гарденер. Сунул в рот мундштук дыхательной маски, а в ноздри затычки. Бобби проделала то же самое. Глухо стучало в висках, бешено колотилось сердце, словно музыкант лихо отстукивал ритм пальцем на обтянутом мехом барабане.

Вот и все. Назад дороги нет.

— Готов? — в последний раз спросила Бобби. Маска заглушала звуки, и раздалось шепелявое: «Батоф?»

Гарденер кивнул.

— Запомнил?

«Валомнил?»

Гард кивнул опять.

Да пошли ужс, Бобби, что ты тянешь!

Бобби кивнула.

Хорошо, приготовься.

Гард хотел спросить к чему, но не успел: символ распался на части, и Гард, задыхаясь от ликования, понял, что люк открывается. Раздался пронзительный скрежет, как будто неохотно пришла в движение старая проржавевшая дверь, которой давно не пользовались.

Бобби повернула вентиль пристегнутого к ремню баллона. Гард последовал ее примеру и зажмурился. И тут по лицу скользнуло легкое дуновение ветерка, откинув со лба непослушную прядь. «Смерть, — подумал Гарденер. — Это смерть. Она пронеслась мимо и заполнила собой траншею, точно газообразный хлор. Сейчас каждый микроб на моей коже умирает».

Сердце бешено колотилось, и он уже испугался, что этот выброс газа (будто сгусток воздуха из-под крышки гроба) его все-таки убьет, как вдруг понял, что до сих пор стоит не дыша.

Он вдохнул через маску и стал ждать конца. Воздух оказался сухим и спертым, но вполне пригодным для дыхания.

Запас на сорок-пятьдесят минут от силы.

Тихо, Гард. Не спеши. Экономь воздух.

Он стал дышать медленнее. Во всяком случае, попытался.

Скрипучий визг смолк. Поток воздуха ослаб, а потом и вовсе исчез. Гард провел в темноте целую вечность, стоя с закрытыми глазами лицом к люку. Единственными звуками были биение его сердца и сопение воздуха в респираторе. Во рту стало гор-

чить: от страха он чересчур сильно прикусил резиновые загубники. Невероятным усилием воли он заставил себя успокоиться.

И вот наконец в голове раздалась отчетливая мысль Бобби: Расслабься. Все в норме. Теперь можешь открывать ясны очи.

Словно ребенок в предвкушении подарка, Гарденер медленно открыл глаза.

5

Перед ним был коридор.

Почти идеально круглый, если не считать плоского прохода с одной стороны, по высоте примерно на середине стены. Такое расположение наводило на определенные мысли. Воображение услужливо подкинуло картину: чудовищные разумные муhi бегают по стенам, перебирая клейкими лапками. Но тут включилась логика. Здесь все было под наклоном, и проход, и сам корабль.

От стен исходило мягкое свечение.

И за это время у них не сели батарейки, подивился Гарденер, с неподдельным интересом заглядывая в коридор, ведущий куда-то в глубь корабля. Подумать только, он жив, до сих пор функционирует, после стольких лет.

— Ну что, я пошла. Решайся.

Попытка — не пытка.

Пригнув голову, чтоб не удариться о свод люка, Бобби шагнула внутрь. Гарденер затаил дыхание и, прикусив резиновые штыри маски, шагнул в неизвестность.

6

В какой-то момент мозг пронзила чудовищная боль: отовсюду хлынули звуки, как будто все радиостанции мира разом завопили внутри его черепа.

А потом все пропало. Попросту исчезло, смолкло. Так бывает при въезде в тоннель. В стенах корабля глохли все сигналы. И как выяснилось, не только внешние. Бобби выразительно глядела на Гарда; очевидно, пытаясь послать ему мысль: «Ты как там?», но он её не слышал.

Любопытно, подумал Гард и передал в ответ: «Нормально! Идем дальше!».

На лице Бобби по-прежнему читалось ожидание. В сравнении с Гардом она далеко ушла в плане телепатии и все равно ничего не улавливало. Гарденер махнул рукой: пошли. Мгновение спустя она кивнула и продолжила путь.

7

Они продвинулись шагов на двадцать в глубь корабля, как вдруг слева в стенах обнаружился круглый лаз, фута три в диаметре, ведущий в одно из внутренних помещений. Он был открыт. Бобби полезла в люк, даже не оглянувшись на Гарденера.

Он помедлил — сзади остался тускло освещенный проход и открытый люк, за которым простиралась темнота траншеи, — и полез следом.

К стене была прикручена лестница, да и сам коридор больше напоминал тоннель или лаз — настолько он был узким. Впрочем, теперь, когда корабль стоял под углом, в лестнице отпала всякая необходимость. Двигались они на четвереньках, временами царапая об нее спины.

Что-то в этой конструкции здорово беспокоило Гарда. Ну, для начала — ступени располагались в четырех футах друг от друга. Человеку, пусть даже и очень длинноногому, будет, пожалуй, сложно по ней взбираться. Ну и еще один небольшой нюанс: на каждой ступени, ровнехонько по центру, была выдавлена заметная полукруглая выемка.

Ну и что с того, подумаешь. Видимо, у томминокеров плоскостопие, утешал себя Гард, прислушиваясь к собственному хриплому дыханию.

Однако воображение услужливо нарисовало совсем иную картину, и образ этот, проникнув в разум, отнюдь не спешил его покидать. В темноте тоннеля крадется едва различимое существо; взираясь по лестнице, оно цепляется за эти выемки мощными когтями, венчающими каждую стопу.

Гарду стало страшно. И вдруг, будто стены начали сходиться, он задохнулся в приступе клаустрофобии. Томминокеры живы, они здесь и сейчас появятся. Вот-вот его схватят за лодыжку чьи-то крепкие пальцы.

Пот застилал глаза.

Гард замер на месте, нервно озираясь.

Никого, никого тут нет, успокойся. Возьми себя в руки!

Нет, они где-то здесь. Может, они и мертвые, но все равно в них теплится жизнь. И Бобби одна из них...

Но ты должен увидеть! Иди, Гард! Вперед!

И он пополз дальше. Отпечатки потных ладоней оставались на железных перекладинах. Подумать только, следы человеческих рук внутри неведомой штуковины, прилетевшей сюда черт знает из каких миров.

Бобби тем временем успела добраться до конца коридора, перевернулась на живот и исчезла из виду. Гарденер двинулся следом, но задержался у выхода из коридора, чтобы оглянуться. Взгляду предстало просторное помещение, по форме напоминающее пчелиные соты. Пол здесь был наклонен под нелепым углом, наводящим на мысль о причудливом аттракционе. Стены тускло светились. Из пола тянулся непонятный толстый кабель. От него отходили штук шесть проводов помельче, и каждый подсоединялся к прибору, напоминающему шлемофон с выступом в центре.

Однако Бобби их не замечала. Она стояла, уставившись в угол. Гарденер проследил за ее взглядом и обомлел. Внутри будто что-то оборвалось, голова пошла кругом, сердце дрогнуло.

Когда корабль упал, они все находились в командной рубке, перед телепатическим штурвалом, или как там он называется. Наверное, до последнего пытались избежать столкновения — да, видно, не смогли. При ударе их отбросило в дальний угол. На что они похожи — непонятно, двое или трое так переплелись, что ничего не разобрать. Корабль саданулся о землю, их отшвырнуло в эту часть зала, где они и остались лежать.

Н-да, межзвездное авто потерпело крушение, подумал Гард с тоской. И это все, что осталось, Альф?

Бобби не нашла в себе сил приблизиться к коричневым телам, кучей сваленным в нижнем углу этой странной пустой комнаты. Она стояла и смотрела, и кулаки ее сами по себе сжимались и разжимались. Гард хотел бы проникнуть в ее сокровенные мысли и чувства, но не мог. Повернувшись, он осторожно наклонился над краем прохода. Пошел к ней, аккуратно ступая по покатому полу. Бобби посмотрела на него своими странными глазами. «Интересно, каким она видит меня

теперь?» — подумал Гард и направился к останкам в углу. Она так и стояла, сжимая и разжимая кулаки.

Гарденер двинулся к пришельцам, но Бобби схватила его за руку. Гард машинально отдернул ее: он должен взглянуть на них. Его как магнитом тянуло в злосчастный угол; так ребенка влечет к разверстой могиле — хоть и страшно, а назад пути нет. Надо увидеть все собственными глазами.

Гарденер, человек из штата Мэн, решительно пересек помещение, походившее на рубку межзвездного корабля. И хотя пол под ногами был гладким как стекло, кроссовки не скользили. Он слышал лишь собственное хриплое дыхание, ощущал пыльный запах хайвенского воздуха. Он подошел к сваленным в кучу телам и посмотрел на них.

Это они, томминокеры, пронеслась мысль. Когда Бобби и ее товарищи завершат свое «обращение», они будут выглядеть несколько иначе. Окружающая среда, наверное, влияет, и физиология исходного образца. Или, скажем так, целевой группы. Но результат будет другим. Хотя близкородственная связь налицо. Может, они и не предки, но похожи как пить дать. Страшные, черти.

Суеверные ужас и отвращение пронизывали все его существо.

«Если б только вы знали, как громко в夜里, — запел в его голове дрожащий голосок, — в мою дверь томминокер стучит и стучит».

Сначала он решил, что их пятеро, но оказалось — четверо, один разорван напополам. Это была страшная смерть. Долгая, зверская и мучительная. Уродливые, вытянутые морды оскалены. Глаза подернуты белой пленкой, похожей на катараракту.

Чешуйчатая прозрачная кожа, а под ней — застывшие перекрестья мышц на скулах, висках и шеях.

Эти твари были беззубы.

Бобби подошла и встала рядом. На лице ее отразился благоговейный трепет. К богам ведь не испытывают отвращения, подумал Гард, а она теперь создана по их образу и подобию.

Он выразительно, по очереди указал на каждый труп, словно учитель, желающий привлечь внимание учеников к отдель-

ным деталям. Пришельцы были обнажены, и раны на их тела просматривались без всяких помех. Конечно, межзвездное судно потерпело крушение, ударилось о землю. Да только вряд ли причиной тому стала техническая неисправность. Эти странные чешуйчатые тела были рассечены, покрыты рваными ранами. Шестипалая рука сжимала нечто, похожее на нож с дискообразным лезвием.

«Взгляни на них, Бобби», — беззвучно обратился к ней Гард, хотя и понимал, что в этих стенах она неспособна читать его мысли, даже если бы он решил полностью открыться. Он указал на них: вот разверстая пасть, уткнувшаяся в горло другого существа, вот глубокая рана, зияющая в широкой нечеловеческой груди, зажатый в кулаке нож.

Взгляни на них, Бобби. Они дрались, это ясно как дважды два. Дубасили друг друга в командном отсеке. Сели бы, поговорили — так нет же, это не для твоих богов. Они бились не на жизнь, а на смерть. И что не поделили? Не могли решить, стоит ли приземляться на этой планете? Или не свернуть ли налево у альфа Центавры? Да какая теперь разница, результат один. А помнишь, мы всегда думали: если инопланетяне прилетят к нам на Землю, это будет технологически развитая раса, этакий мистер Визард, блистательный, как Роберт Янг в телесериале «Отец знает лучше». Бобби, они угробили корабль из-за банальной драки. И где же их бластеры, лазеры? Где транспортеры для телепортации? Я вижу один-единственный нож, и все. Они рвали друг друга голыми руками. Ох, ты погляди на эти когти.

Бобби отвернулась, не желая смотреть, — как упрямый ученик, что не хочет учить урок. Нахмурившись, она двинулась было прочь, но Гарденер схватил ее за руку и потянул обратно. Указал на ноги пришельцев.

Будь у Брюса Ли такие ноги, он бы пачками отправлял противников на тот свет.

Ноги их были непропорционально длинными. Они напомнили Гарду тех артистов, что в День независимости наряжаятся в костюмы цветов американского флага и вышагивают по площади на ходулях. Под полуупрозрачной кожей вились серые узлы мышц. Узкие стопы без пальцев были увенчаны толстым хитиновым когтем, словно у гигантского пернатого хищника.

Гард вспомнил выемки на лестничных ступенях, и его передернуло.

Бобби, посмотри на эти черные когти. Под ними полно запекшейся крови, или что там у них течет в венах. И все потому, что как раз когтями они наносили самые жестокиеувечья. Перед столкновением это место совсем не походило на командный мостик корабля «Энтерпрайз». Ничего подобного. Они дрались и рвали друг друга, как петухи на потеху толпе. И это, по-твоему, прогресс? Да на их фоне Тэд Ядерная Шишка — это Индира Ганди.

С хмурым лицом Бобби отстранилась. В глазах ее читалось: пошел к чертю.

Неужели ты не понимаешь, Бобби?!

Бобби отвернулась. Она не хотела ничего понимать.

Гард стоял подле расчлененных тел, глядя ей вслед. Бобби поднималась по наклонной палубе, как по крутыму гладкому холму, причем делала это легко, не скользя. Приблизилась к дальней стене, где виднелось еще одно круглое отверстие, и, с силой оттолкнувшись от края, нырнула внутрь. Мелькнули грязные подошвы теннисных туфель, и она исчезла.

Гард двинулся вверх и на миг замер в центре комнаты, разглядывая толстый провод, торчащий из пола, и прикрепленные к нему наушники. Это было похоже на тот агрегат в сарае Бобби. Хотя...

Гард осмотрелся. Пустая шестиугольная комната, голые стены. Ни стульев, ни картин, ни изображений Ниагарского водопада — или, если уж на то пошло, водопадов в созвездии Лебедя. Ни навигационных карт, никаких лабораторий с оборудованием. Да все известные киношники-фантасты и мастера по спецэффектам пришли бы в негодование, подумал Гарденер. Ничего, кроме наушников, спутанных шнурков и трупов в углу, внешне вроде бы целых, но наверняка хрупких, как прошлогодняя листва. После стольких-то лет... Наушники и останки, пустой шелухой сваленные в дальнем углу, куда швырнула их сила тяжести. И ничего интересного. Никакого полета мысли. Хейвенцы наделали много хитроумных штуковин, да только, если копнуть поглубже, грош цена всем этим мудреным чудачествам.

Грустно, конечно. Да только этого и следовало ожидать. Все так, как и должно быть. И не сказать, чтобы это было пра-

вильно — нет. Просто предсказуемо. Никакой праздничной музыки: «Добро пожаловать в Диснейленд!» — ничего. На ум пришли стихи Одена о бегстве. Рано или поздно ты попадаешь в пустую комнату с голой лампочкой и в три часа утра раскладываешь пасьянс. Как оказалось, в «стране будущего» — пустота. Умнейшие существа, которым оказалось по силам покорить межзвездное пространство, сошли с ума и порвали друг друга в клочья собственными когтями.

Вот вам и Роберт Хайнлайн, подумал Гард и последовал за Бобби.

9

Мелкими шажками он двигался вверх, чувствуя, что совершенно перестал ориентироваться относительно внешнего мира. Хотя сейчас лучше об этом и не думать. По пути он придерживался за перекладины лестницы. Добравшись до прямоугольного отверстия в стене, Гард заглянул внутрь — по ту сторону находился зал, который можно было принять за машинное отделение. Большие железные ящики, с одной стороны квадратные, с другой — закругленные, простирались двойным рядом далеко вперед. От квадратных торцов под причудливыми углами отходили толстые трубы цвета тусклого серебра.

Как трубы из детского драндуплета, подумал Гард. Он ощутил теплую влагу над губой, струйка разделилась надвое и потекла по подбородку. Опять кровь из носа.

Мне кажется, или стало светлее?

Гард огляделся.

Так и есть. И еще он слышал тихое жужжание. Или почудилось?

Он поднял голову. Нет, не почудилось. Как будто включился какой-то механизм.

Не обманывай себя, он включился не сам, это мы его запустили.

Гард закусил резиновые загубники. Ему хотелось бежать отсюда. Бежать вместе с Бобби. Корабль — живой, он своего рода венец эволюции томминокеров. Раздался рев. И это было самое страшное. Корабль — разумное существо, он проснулся. Вернее, его разбудили. Внезапно Гард почувствовал себя Джे-

ком, который забрался в логово великана, пока тот спал. Прочь отсюда, надо спасаться. Он пополз вперед. И вдруг замер на месте от пронзившей его догадки.

А что, если тебя отсюда не выпустят?
Отбросив эту мысль, он продолжил путь.

10

Дальше коридор раздваивался. Слева по-прежнему продолжался подъем, а вот справа был пологий спуск. Гард прислушался и понял, что Бобби пошла по левому коридору. Направился следом и очутился возле очередного люка. Андерсон стояла внизу. Она взглянула на Гарденера круглыми испуганными глазами и отвернулась.

Гард уже полез было в люк, но остановился: ну уж нет, ни за какие коврижки.

Внизу находилась ромбовидная комната, в ней на металлических рамках под немыслимым углом висели гамаки, сотни гамаков. Казалось, кто-то щелкнул затвором фотокамеры в кюте парусника, когда тот накренило очередным валом. Гамаки по-прежнему были заняты своими обитателями, пристегнутыми накрепко. Прозрачная кожа, по-собачьи вытянутые морды, подернутые смертной пеленой глаза.

Из треугольных чешуйчатых черепов отходило по кабелю.

Их держат не ремни, а цепи! Так вот она, движущая сила корабля, так ведь, Бобби? И если это — будущее, то самое время вышибить себе мозги. Галеры с мертвыми рабами.

Морды чудовищ застыли в оскале, некоторые были покорежены. Похоже, у них лопнули черепа. При крушении им буквально вышибло мозги.

Все мертвые, все как один. Навечно прикованные к своим гамакам. Полный ларчик мертвцов.

Поблизости заурчал мотор. Хрипло прочихался и заработал ровнее. Мгновение спустя ожили вентиляторы, по всей видимости, приводимые в движение этим самым мотором. В лицо хлынул поток воздуха. Свежим он был или спертым, Гард выяснять не стремился.

Можно, конечно, предположить, что эта штука запустилась, когда открылся внешний люк, но почему-то верится с тру-

дом. Датчик засек наше присутствие, и мотор ожил. И что, Бобби, по-твоему, проснется дальше?

А если дальше проснутся они, томминокеры? Шестипалые кулаки с полупрозрачной кожей начнут сжиматься и разжиматься — совсем как руки Бобби, когда она стояла и смотрела на трупы в пустой капитанской рубке. Станут подергиваться стопы с птичьим когтем. Повернутся головы с затянутыми смертной поволокой глазами.

Прочь отсюда. Эти призраки слишком живые, мне страшно.

Он положил руку на плечо Бобби, и та вздрогнула. Гард машинально кинул взгляд на свое запястье, но часов там не оказалось, лишь белая полоска незагорелой кожи на смуглой руке. Дешевенький электронный «Таймекс», неизменный спутник последних лет, побывавший в бесчисленных переделках, не вынес напряжения последних недель. Пришел в негодность уже на второй день раскопок. Чего только не выделявал с ним Джон Суэйзи в старой телерекламе, но такого киношники явно не предусмотрели.

Бобби поняла. Указав на закрепленный у пояса баллон с воздухом, она вскинула брови. Сколько уже прошло?

Этого Гарденер не знал, да и знать не хотел. Скорее бы выбраться отсюда, пока вся эта машина не проснулась и не устроила черт знает что.

Он показал рукой в сторону прохода, откуда они пришли. Задержались мы тут. Самое время делать ноги.

Тут же прямо из стены, рядом с которой стоял Гарденер, послышался чавкающий звук. Он отпрынул, забрызгав кровью стену — из носа по-прежнему текло. Сердце колотилось как бешеное.

Хватит шарахаться. Просто врубился насос.

Звук вроде бы начал выравниваться, как вдруг раздался скрежет, а затем серия глухих взрывов. Стена задрожала, свет моргнул и потускнел.

Сможем ли мы выбраться отсюда, если он погаснет? Не надо так шутить, сеньор.

Насос вновь заработал. Раздался пронзительный металлический визг, и Гард невольно закусил загубники. Затем послышался громкий треск, как будто кто-то водил соломинкой по дну пустого стакана. Наконец все смолкло.

Да, время никого не щадит, подумал Гард, и эта мысль его успокоила.

Бобби отчаянно жестикулировала: быстрее, Гард, не зевай!

Уходя, он перехватил ее взгляд. Она вновь испуганно смотрела на бесчисленные ряды подвешенных в гамаках мертвцев.

И вот Гард уже забрался в люк и пустился в обратный путь, сопровождаемый злобной спутницей клаустрофобией.

11

Одна из стен рубки превратилась в огромное окно — пятьдесят футов в длину и двадцать в высоту.

Разинув рот, Гарденер созерцал голубое небо штата Мэн в пушистой бахроме еловых веток, сосен и кленов. Внизу справа виднелся конек двускатной крыши, под которой стояли всякие землеройные агрегаты. Несколько секунд он смотрел, не в силах поверить своим глазам. Большие белые облака плыли в бездонной синеве неба. Нет, это точно не окно. Они сейчас находятся где-то в центре корабля, глубоко под землей. Будь тут окно, из него открывался бы вид на переборки. И даже если бы они были у внешней части корпуса, их взглядам предстали бы лишь расчерченная сеткой каменистая стена рва да крохотный мазок неба на самой верху.

Однозначно, это какая-то телетрансляция. Ну или что-то типа того.

Но никаких помех, совершенная иллюзия.

Гарденер, забывшись, сделал шаг к стене. Клаустрофобия отступила. Его охватило чувство полета. Как будто сидишь в кабине авиатренажера и тянешь за штурвал, закладывая кругой вираж. Яркое небо слепило глаза, и приходилось шуриться. Гард все пытался проникнуть взглядом сквозь изображение, увидеть за ним стену, на которую осуществлялась проекция, но тщетно. Перед глазами были настоящие иглы, зеленые; протяни руку — и дотронешься. Как будто он стоял у распахнутого окна, за которым — лес, и единственное, чего не хватало для полного правдоподобия, — запаха хвои и свежего ветра.

Гард подошел поближе, но стены по-прежнему не было видно.

Видеокамера, не иначе. Наверняка закреплена на верхней части корпуса — может быть, на той самой железяке, о которую

споткнулась Бобби. Судя по углу наклона, вполне вероятно. Как же реалистично, бог ты мой!

Видели б такое парни из «Кодака» или «Полароида», они бы лопнули от зависти.

И тут кто-то схватил его за руку. Крепко вцепился. Внутри все сорвалось. Гард повернулся, готовясь узреть длиннорылого мертвеца. Воображение услужливо подкинуло картину: вот он стоит с кабелем в руках и штекером наготове и ухмыляется в своем зверином оскале: вы только не дергайтесь, мистер Гарденер, это совсем не больно, просто наклонитесь.

То была Бобби. Она нелепо дергала руками, явно пытаясь ему что-то сказать, временами указывая на «смотровую стену». Был в этом какой-то черный комизм. Наконец до Гарденера дошло: она изображала смерть на электрическом стуле, пытаясь объяснить, что трогать ее — все равно что коснуться контактного рельса в метро.

Гард дал знак, что понял, и махнул рукой в сторону коридора, по которому они сюда пришли. Бобби согласно кивнула и побрела вперед.

Гард подтянулся, забираясь в проем люка. На миг ему по-мерещился шорох падой листвы за спиной, словно бы сваленные в углу трупы ожили и встают на свои когтистые лапы, как зомби. Это было похоже на детские ночные кошмары.

Он оглянулся: мертвые так и лежали на своих местах, спущенный клубок рук и ног. Широкий просвет неба в окаймлении деревьев на стене постепенно меркнул. Изображение теряло четкость, и вместе с ней пропадало ощущение, что оно реально.

Гарденер отвернулся и поспешил вслед за Бобби.

Глава 7

СЕНСАЦИЯ (продолжение)

1

Совсем спятил, ругал себя Джон Леандро, выруливая на стоянку. Сам того не подозревая, он выбрал как раз то место, где недели три назад припарковался Эверетт Хиллман. Как видно, на то была воля providения.

Да, тебе явно неймется. Кровью изошел, как вспоротая свинья, двух зубов лишился в одночасье — и туда же. Вернуться надумал! Совсем делать нечего.

А то! Напоролся на сенсацию. Шел и наткнулся, можно сказать, из-под земли вырыл. Сам посуди, продолжал он мысленный диалог, вылезая из автомобиля. Кто ты? Тебе уже двадцать четыре, ты так и не женился, жирком уже начал обрасти. И вот тебе раз! Такой подарок судьбы. И ведь кто нашел? Я сам, собственной персоной, это моя находка, моя и больше ничья, понятно? Моя статья, моя история. Нет, назовем это — сенсация! Да, сенсация. Пусть старомодно, да плевать, думайте что хотите. Но, я себя в обиду не дам, вскочу, и оседлаю, и буду скакать, пока жирный бакс не попрет.

Часики отбили четверть второго. Шел самый долгий и, надо заметить, последний, невзирая на упорные мысленные уверения в обратном, день жизни Леандро. Стоя на парковке, он продолжал: «Повезло так повезло, держи удачу крепче, чтоб не сбросила. А как ты думаешь, Роберт Капа, Эрни Пайл — они не боялись? Боялись, еще как».

Резонно. Язва ты, хоть и правду глаголешь. Однако в глубине души сму страшно хотелось написать эту историю, и все разумные доводы шли побоку. Моя статья, всплыла упорная мысль, моя сенсация.

Джон Леандро, облаченный в футболку с надписью, над которой Дэвид Брайт с удовольствием смеялся бы до кишечных колик, «ГДЕ ТУТ В МЭНЕ ТРОЯ?», пересек узенькую парковку и вошел в магазин. Вывеска гласила: «Медицинские товары штата Мэн» («Респираторное оборудование и терапия к вашим услугам с 1946 года»).

2

— Не многовато ли? Тридцать баксов залога за какой-то респиратор, — посетовал Леандро, копаясь в кошельке с мелочью. Тридцатку-то он бы набрал, да вот на обратный путь останется бакса полтора. — Никогда бы не подумал, что поношенные респираторы — ходовой товар на черном рынке.

— Да мы раньше и не требовали залога, — оправдывался продавец, — просто записывали имя или место работы. Да

только пару-тройку недель назад у меня случилась недостача. Пришел старик, попросил воздуха. Я подумал, ему для дайвинга — ну знаете, он такой крепенький, поджарый. Я хотел порекомендовать обратиться в «Скуба-дайв» в Бангуре, но он перебил. Сказал, что ему нужен сухопутный комплект. Вот я и выдал ему новенький комплект «Белл». Так с тех пор его и не видел. Пролетел на двести баксов.

Обалдев от такой удачи, Леандро впился глазами в клерка. Охваченный диким охотничим азартом, репортер продолжал расспросы. Он словно забрался в пещеру и шел по стрелкам, все дальше и дальше, углубляясь в непознанную и сказочную глубину.

— Ты лично дал ему напрокат эту маску? Сам?

— Ну, вообще-то это была не маска, а целый комплект, но, в общем, да. В магазине-то нас всего двое: я да отец. Он кислородные баллоны повез в Огасту, а я остался. Влепил он мне по первое число. Не знаю даже, не отругает ли, что я еще один «Белл» отдал — ну вроде с залогом теперь, не должен.

— А описать старика можешь?

— Ой, вам плохо? Вы что-то поблед...

— Нормально. Можешь описать, как он выглядел, тот человек?

— Старый. Загорелый такой. Почти совсем лысый. Костлявый — ну жилистый, вернее сказать. Ну я же говорю, он показался мне крепким.

Потом добавил, поразмыслив:

— Он вообще-то на «валианте» приехал.

— А ты, случайно, дату не записал?

— Вы коп, что ли?

— Репортер. «Бангур дейли ньюс».

Леандро показал пареньку пресс-карточку. Клерк явно воодушевился.

— А он еще что-нибудь натворил? Ну, то есть, кроме того, что зажал наш комплект.

— Посмотришь для меня? Когда взял и кто?

— Я мигом.

Продавец полистал журнал учета, нашел нужную запись и показал Леандро, чтобы тот сам мог прочесть. Там стояла дата, двадцать шестое июля. Возле даты накарябана подпись: Эверетт Хиллман.

— Я так понял, вы в полицию не обращались, — предложил Леандро. Это он знал почти наверняка, ведь если бы

к жалобе домовладелицы, которую старый скряга обобрал на двухнедельную ренту, добавилось заявление о краже, полицейские проявили бы более рьяный интерес и попытались выяснить, как и почему пропал Хиллман... а заодно и где.

— Не-а. Отец сказал, ни к чему это. У нас все равно страховка не покрывает арендованные товары, да и... Ну нет, одним словом.

Паренек пожал плечами, заулыбался. Было в его жесте какое-то смущение, и в улыбке угадывалась неловкость — одним словом, Леандро сразу все понял. Дэвид Брайт зря боялся. Он, может, и конченый простофия, но далеко не глупец. Заяви они о краже арендуванного оборудования, страховая компания ничего не стала бы возмещать. По всей видимости, отцу были известны иные пути, и он нашел бы способ подвести пропажу под законную статью. Впрочем, теперь все это не важно.

— Ну что ж, благодарю за помощь, — сказал Леандро, возвращая книгу. — А теперь не могли бы вы меня уже обслужить?..

— Да-да, конечно, — прощебетал продавец. Он был ощутимо рад закрыть тему страховки. — Но только вы это сначала отцу покажите, ладно? Прежде чем печатать.

— Обязательно, — горячо заверил Леандро с искренностью, которой позавидовал бы сам Финеас Барнум*. — А теперь покажите, где мне расписаться...

— Да-да, конечно. Только сначала я должен проверить ваше удостоверение личности. Знаете, уж отец меня так отругал за старика.

— Я же только что показал свой репортерский жетон.

— Да, но мне, наверное, надо увидеть что-то более веское.

Леандро со вздохом выложил на прилавок водительские права.

3

— Охолонись, Джонни, не гони лошадей, — вклинился Дэвид Брайт. Леандро звонил из телефонной будки, которая стояла на углу кафе «драйв-ин». В голосе Брайта сквозил неподдельный интерес — старик воодушевился. Он мне поверил! Поверил, старый черт! Наконец-то.

* Американский шоумен, мастер мистификаций.

Покончив с покупками в «Медицинских товарах», Джонни вновь направился в Хейвен. Эмоции били через край. Казалось, он сейчас лопнет, если только с кем-нибудь не поделится. К тому же в нем говорило некое подобие чувства долга перед своей дражайшей находкой — ведь если, не дай бог, с ним что-нибудь произойдет, сенсация так и останется погребенной под покровом тайны, и никто, ни одна живая душа об этом так и не узнает. Почему из всех доверенных лиц он выбрал несносного Брайта? Потому что тот совершенно не умел плутовать и никогда бы его не обошел, втихую воспользовавшись его открытием.

Да-да, спокойно, спокойно.

Он переложил трубку к другому уху. Полуденное солнце припекало шею, но это было даже приятно. Свое повествование он начал с поездки в Хейвен. Рассказал о бешенстве, охватившем его магнитолу, о жестоком приступе рвоты и выпавших зубах. Поведал о том, как истекал кровью, и о том, что узнал от старика продавца из придорожной лавчонки. О тишине и безлюдии, о вымершей округе — хоть знак вешай: «Все ушли на рыбалку». Он не упомянул о своих озарениях в области математики — тем более что уже смутно помнил, происходило это с ним на самом деле или лишь померещилось..

Разумеется, он поделился с Брайтом своей догадкой о том, что воздух в Хейвене чем-то отравлен, будь то химические выбросы или яд, истогшийся из-под земли.

— Яд, который улучшает качество радиоприема?

Да, это маловероятно. Кое-какие части головоломки пока не сходились. Тем не менее он понял, что виной всему — тамошняя атмосфера. И теперь Джонни едет туда вновь, на этот раз с запасом воздуха.

Он не преминул поведать о том, как вышел на след Эверетта Хиллмана — старика, с которым Брайт не стал даже разговаривать, сочтя, что тот немного не в себе. И кстати, этот самый Хиллман до него посетил то же заведение, с той же самой целью.

— Ну и как вам это нравится? — подвел черту Леандро.

В разговоре наступила недолгая пауза, и Брайт изрек слова, слышать которых Леандро не слышал за всю свою жизнь. Он сказал:

— Я думаю, Джонни, что все это время ты был прав. Там действительно происходит нечто чертовски странное, и я тебе настоятельно советую держаться оттуда подальше.

От радости Леандро не мог дышать. Он закрыл глаза и, прижавшись головой к телефонному аппарату, молча улыбался. То была блаженная улыбка бесконечного счастья. Вот они. Вот они, эти слова, которых он ждал всю свою жизнь. Сладким нектаром текли по жилам, прекрасные, милые слова. Он был прав. Был прав все это время.

— Джон! Джонни! Ты еще там?

Не открывая глаз, со счастливой улыбкой на губах Леандро произнес:

— Да, здесь.

Я просто вкушаю тот нектар, Дэвид, старик. Мне так этого недоставало, чтобы хоть кто-нибудь сказал, что я все это время был прав хоть в чем-нибудь — да в чем угодно.

— Не суйся туда. Вызови полицейских.

— А ты бы вызвал?

— Черт, да ни за что!

Леандро рассмеялся.

— То-то и оно. Да я не пропаду, у меня кислород.

— Ну, если верить информации из «Медицинских товаров», у Хиллмана он тоже был. Меж тем старик сгинул.

— Я еду в Хейвен, — повторился Леандро. — И что бы там ни происходило, я все узнаю первым. Увижу и привезу фотографии.

— Ох, не нравится мне это.

— Сколько сейчас времени?

Как ни странно, у Леандро остановились часы, хотя он точно помнил, что, проснувшись с утра, успел их завести.

— К двум подходит.

— Хорошо. К четырем жди звонка. Следующий — в шесть, и так каждые два часа, пока не доберусь домой. И если вдруг я в какой-то момент не выйду на связь ни с тобой, ни с кем-нибудь в офисе, тогда вызывайте копов.

— Джонни, ты похож на мальчишку, который решил поиграть со спичками и благодушно говорит отцу, что если возникнет пожар, то он позволяет папаше его потушить.

— Ты мне не отец, — не задумываясь, отрезал Леандро.

Брайт вздохнул:

— Слушай, Джонни. Если это что-нибудь изменит, то прости, что я называл тебя Джимми Олсоном. Да, ты был прав. Неужели этого недостаточно? Не суйся в Хейвен, я тебя прошу.

— Два часа. Я прошу всего два часа, Дэвид. И по-моему, я, черт побери, их заслужил, — сказал Леандро и повесил трубку.

Он уж было направился к машине, но вдруг развернулся и демонстративно потопал к окошку для пешей клиентуры. Заказал два чизбургера со всеми возможными добавками. Впервые в жизни он покупал еду в придорожной забегаловке. Мать всегда просила его остерегаться таких заведений. Она даже говорила о них зловещим голосом как о чем-то исторгшемся из глубин ада: «Оно восстало из придорожной забега-а-аловки», или «Нашествие микробов на Землю».

Ему вручили заказ. В промасленной вошеной бумаге лежали горячие гамбургеры. На упаковке красовались восхитительные слова: «Дерри бургер ранч». Не успев дойти до машины, Леандро умял один из них.

— Объедение, — пробормотал он с набитым ртом. Для сторонних ушей это прозвучало бы как «няминене». — Какая вкуснотища.

«Добро пожаловать, микробы!» — подумал он с вызовом. Выруливая на шоссе номер 9, он, конечно же, не подозревал о том, какие события разворачивались в Хейвене с самого полудня. Ситуация была накалена до предела. Выражаясь языком атомщиков, достигла критической отметки. Фактически Хейвен превратился в отдельное государство, и границы его тщательно охранялись.

Ни о чем не подозревая, Леандро мчался навстречу судьбе, жадно упивая последний чизбургер и сожалея только об одном: что не прихватил на третью ванильный коктейль.

4

К тому времени как Джонни миновал придорожную лавочку в Трое, эйфория испарилась без следа. Вернулась былая нервозность, и хотя небо над головой блистало слепящей синевой, в которой парили белые воздушные облачка, у него было гнетущее чувство, что надвигается гроза. Он кинул взгляд на респиратор, который валялся на соседнем сиденье. К золотой чашечке был приклесен целлофановый кружок с надписью «СТЕРИЛЬНО. ДЛЯ ВАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ». Иными словами, микробы не пройдут.

Пустынная дорога, пустые поля. Ни машин, ни тракторов, ни босых мальчишек, идущих с улочками по обочине. В лучах августовского солнца дремала тихая (и беззубая, предположил Леандро) Троя.

Магнитола была настроена на «WZON», и когда он проезжал мимо баптистской церкви, сигнал начал пропадать, сменившись нарастающим гулом голосов. И вскоре у него в животе заплясали чизбургеры, вероятно, обливаясь при этом сочным жиром. Отсюда было рукой подать до поворота, куда он свернул при первой попытке попасть в Хейвен. Впрочем, до него Леандро не доехал. Он притормозил на обочине, не дожидаясь, пока сму станет хуже, — обидно было бы лишиться столь восхитительного обеда.

5

Кислородная маска сделала свое дело: дурнота отступила, но щемящая тревога осталась. Леандро ненароком поймал свое отражение в зеркале заднего вида. Нос и рот были скрыты под золотистой маской, и он ощущил мгновенный испуг — он ли это? У человека в маске чересчур серьезный, напряженный взгляд, точно взгляд летчика, который сидит за штурвалом скоростного истребителя. Леандро, конечно, хотел бы доказать людям наподобие Дэвида Брайта, что он не слабак, но не до такой же степени.

Теперь поздно. Ты влез в это дело по самые уши.

По радио наперебой трещали голоса — сотни голосов, а может, и тысяча. Он вырубил его. Впереди показался знак, отмечающий въезд на территорию Хейвена. Леандро, и ведать не ведавший о невидимых нейлоновых чулках, спокойно проехал мимо указателя и беспрепятственно проник в город.

Ситуация с батарейками сложилась критичная. Конечно, при желании можно было бы установить силовые поля на въезде на основных магистралях. Впрочем, утренние события и связанная с ними неразбериха привели к тому, что Дик Эллисон и Ньют приняли решение, которое самым прямым образом сказалось на судьбе Джона Леандро. Они посчитали, что въезд в Хейвен закрывать ни к чему, ибо любой, проскочивший за городскую черту и упершийся в сотканный из воздуха необъ-

яснимый барьер, поспешил бы вернуться и раструбить об этом тем, кому не следовало знать.

И в эту категорию сейчас попадали все остальные жители земного шара.

Не думаю, что кто-нибудь сумеет подобраться так близко, проговорил Ньют. Они с Диком мчались в общем потоке к дому Бобби Андерсон в пикапе Дика.

Мне раньше тоже так казалось, ответствовал Дик. Еще до Хиллмана... и до сестрицы Бобби. Нет, кто-нибудь, может, и проберется, но в любом случае, живым ему отсюда уже не уйти.

Ну все, ты у нас самый умный, ладно. Только, ради бога, дави на газ, мы всех задерживаем.

Сейчас эти двое были раздражены и обескуражены, эти эмоции царили в их мыслях, как и в мыслях всех остальных, и вторжение непрошшеного гостя в такую минуту казалось им наименьшим из всех зол.

— Я же говорил, давно надо было избавиться от проклятого пропойцы! — выкрикнул Дик, саданув кулаком о приборную панель. Сегодня он был без грима. Кожа, все сильнее и сильнее терявшая цвет, одновременно начала огрубевать. И теперь его лицо — а также лицо Ньюта и всех тех, кому доводилось бывать в сарае Бобби, — стало вытягиваться, все больше напоминая звериную морду.

6

Само собой, Джон Леандро ни сном, ни духом не ведал о том, что тут творится. Он понимал одно: воздух сильно отравлен, но даже не предполагал, что настолько. Ему хватило одного случайного вдоха без маски: перед глазами поплыло, мир утратил четкость. Леандро натянул маску и стал понемногу приходить в себя. Сердце билось как ненормальное, руки похолодели.

Проехав ярдов две сти после городской черты, верный «додж» вдруг заглох. По Хейвену ходили в основном переделанные автомобили. Горожане приспосабливали их под электромагнитное поле корабля, которое в последние пару месяцев становилось все сильнее. (В основном этим занимался Эльт

Баркер на своей заправке.) Машина Леандро, само собой, должных процедур не прошла.

Репортер растерянно сидел в машине, глупо таращась на красные сигнальные лампочки. Он врубил парковочную блокировку в коробке передач, крутанул ключом. Мотор не завелся. Никаких щелчков.

Наверное, клемма с аккумулятора слетела.

Да нет, не то — с чего тогда мигать лампочкам амперметра и топливного бака? Но и это в общем-то пустяки. Леандро нутром чуял: клеммы тут ни при чем.

По обеим сторонам дороги росли деревья. Солнце проглядывало сквозь кроны, отбрасывая пестрые тени на темный асфальт и белую пыль грунтовой обочины. Вдруг Леандро показалось, что из-за деревьев за ним наблюдают. Это, конечно, глупо, но мысль упорно не отпускала.

Знаешь что, пора выбираться отсюда. Вылезай из машины и топай своим ходом. Авось успеешь выйти из отравленной зоны прежде, чем закончится воздух. Пока ты здесь сидишь и накручиваешь себя, шансы твои убывают.

Он попытался напоследок еще раз завести машину — бесполезно.

Взял фотоаппарат, перекинул лямку через плечо и вылез из авто. Постоял немного, тревожно всматриваясь в густую зелень по правую сторону дороги. Что там? Будто шорох за спиной. Обернулся, испуганно ослабившись.

Показалось. Ничего не видать.

Шумит маняще темный лес,
Лишь шаг шагни — ты в нем исчез*.

Шевелись. Пока ты тут мечтаешь, воздух кончается.

Он вновь открыл дверь, нырнул в салон и вытащил из бардачка загодя припасенный пистолет. Зарядил, стал заталкивать в правый нагрудный карман — ствол не помещался. Нехорошо будет, если он нечаянно вывалится и что-нибудь отстрелят. Леандро задрал свою новую футбольку и заткнул пистолет за пояс.

Вновь посмотрел на лес, потом с сожалением на машину. Можно было бы щелкнуть пару кадров, но что толку? Что там будет изображено? Пустая дорога? Да их полно по всему штату,

* Роберт Фрост. Снежным вечером в лесу.

снимай — не хочу, даже в разгар туристического сезона. Картина не передаст ни безмолвия леса, ни отравленного воздуха.

Ну вот и все, можешь распрощаться со своей сенсацией. Нет, ты, конечно, напишешь о ней массу статеек, тебя будут приглашать на каналы, но вот о портрете на обложке «Ньюс-уик» и Пулитцеровской премии придется забыть.

Взрослый голос внутри возмущался: перестань глупить. Синица в руках лучше журавля. Любой журналист мечтал бы оказаться на твоем месте.

Впрочем, в свои двадцать четыре Джон Леандро оставался, по сути, зеленым юнцом. И когда Дэвид Брайт решил для себя, что встретил в лице Леандро редкого простофилю, он был не слишком далек от истины. Конечно, неловким выходкам имелось свое объяснение, но объяснения не меняют сути. Джон ощущал себя новичком на бейсбольном поле, который получил чрезвычайно удачную подачу и не использовал ее на все сто. Неплохо, конечно, но от всего сердца хочется крикнуть: «Слушай, бог! Ну почему ты одной рукой даешь, а другой отбираешь?»

До города оставалось не больше мили. Он с легкостью дошел бы туда за пятнадцать минут, но тогда у него не останется воздуха на обратную дорогу, вот в чем беда.

Проклятые кислородные баллоны. Ну что стоило взять не один комплект, а два.

Даже если бы такая мысль и пришла в голову, у тебя все равно не было достаточно наличности, чтобы внести залог за два. Вопрос в другом, Джонни, готов ли ты умереть за свою сенсацию?

Нет, к такому повороту он готов не был. Конечно, ему страстно хотелось попасть на обложку «Ньюсик», но уж точно не в черной рамке.

Леандро неохотно потащился обратно в сторону Трои. Сделал шагов пятьдесят, как вдруг до него дошло, что он слышит отдаленный гул моторов, причем их там множество.

Что-то явно происходит в противоположной части города.

Ну и пусть происходит. Это теперь для тебя как темная сторона луны.

Опасливо взглянув в сторону леса, он тронулся дальше. Шагов через десять вдруг понял, что слышит еще какой-то звук — низкий, гудящий. Сзади явно что-то приближалось.

Когда Леандро обернулся, у него отвисла челюсть. Июль в Хейвене прошел под знаком технических изобретений. Чуть позже, когда «обращение» вошло в новую фазу, хейвенцы по большей части утратили интерес к подобным вещам. Кое-какие приборы сохранились, странные белые слоны наподобие того, что Гарденер видел в сарае Бобби. Многих из них отправили патрулировать границы города. Надзирала за ними Хейзел Маккриди. Она заседала в собственном офисе в здании городского собрания перед кучей наушников, быстро переключаясь между аппаратами. Ее передергивало от злости при мысли о том, что ее оставили нести вахту, когда вселенское будущее зависит от расклада сил на ферме Бобби. Но вот... кто-то все-таки умудрился проникнуть в город.

Неожиданное происшествие развеяло ее скуку: она с энтузиазмом принялась за нарушителя.

7

Это был тот самый автомат с кока-колой, который некогда стоял перед магазинчиком Кудера. Леандро встал как вкопанный, не в силах поверить своим глазам. Прямо на него перелихой красно-белый железный шкаф шести с половиной футов в высоту и четырех в ширину. Он бодренько рассекал воздух в восьми дюймах над землей.

Я попал в рекламу, подумал Леандро. Это какой-то нелепый розыгрыш. Сейчас откроется дверь и из нее выпорхнет О. Джей Симпсон*.

Это показалось ему смешным, и он расхохотался. Пока Леандро смеялся, он успел отметить про себя, что пропадает отличный кадр. Боже мой, вот оно! Летающий автомат с кока-колой парит над асфальтовой дорогой на краю провинциального городка!

Леандро вспыхах схватил «Никон», а автомат тем временем, жужжа что-то себе под нос, обогнул его, развернулся и вновь полетел на него. Это походило на бред сумасшедшего. Хотите верьте, хотите нет, но на передней стенке автомата читалась надпись крупными буквами: «Настоящее».

* Скандально известный актер и футболист.

Не успев опомниться, Леандро вдруг увидел, что агрегат и не думает замедляться. Он уже мчался на него, здорово прибавив скорость. Что это вообще такое, автомат по продаже напитков? Тот же холодильник. Тяжелый, железный. А эта штуковина рассекала воздух, как самонаводящаяся ракета, и неслась прямым курсом на Леандро.

Какие уж тут съемки! Репортер отпрыгнул влево. Машина со всей силы саданула ему по правой голени, сломав ее. Вспышка боли затмила собой все вокруг. Леандро в золотистом респираторе закричал, упав на живот. Рубашка порвалась. «Нikon» подскочил на лямке и с лязгом ударился о каменистую насыпь.

Ах ты, гад! Я четыре сотни выложил за этот фотик!

Дико озираясь, Леандро встал на колени. Рубашка разодрана, на груди кровоточащая рана, нога горит от адской боли.

Автомат дал задний ход и завис в воздухе, поворачиваясь из стороны в сторону наподобие радара. Солнце было в стеклянную дверь. Внутри агрессивного холодильника Леандро заметил баночки с кока-колой и фантой.

И тут гаденыш попер прямо на него, стремительно набирая скорость.

Нашел меня, боже!

Он встал и, прыгая на левой ноге, поспешил к своему авто. Расстояние быстро сокращалось. Автомат устремился к нему, зловеще подвывая лоточком для сдачи.

Пронзительно вскрикнув, Леандро рухнул наземь и откатился. Железная машина просвистела в ладони от него. Он упал на дорогу. Сломанная нога откликнулась резкой болью. Леандро закричал..

Бестия развернулась, подождала немного и, обнаружив цель, вновь пошла в атаку.

Леандро нашарил за поясом пистолет, выхватил его и выпустил четыре пули, едва удерживаясь на коленях. Все пули попали в летучую мишень. От третьего выстрела вдребезги разлетелась стеклянная дверца.

Последнее, что увидел репортер, прежде чем машина рухнула на него всем своим весом — а весила она, ни много ни мало, фунтов шестьсот, — были бутылочки с газировкой. Из отбитых горлышек, в которые попали его пули, брызгала сладкая пена.

Стеклянные «розочки» летели на него со скоростью сорок миль в час.

Мама! — мысленно вскрикнул он и закрыл лицо руками.

Не было смысла теперь переживать о «розочках» с острыми краями и микробах в чизбургере. Жизнь устроена так, что когда на тебя мчится автомат с кока-колой весом в шестьсот фунтов, это — единственное, о чем стоит волноваться.

Гулкий удар, хруст. Лобная часть головы Леандро разбилась вдребезги, как драгоценная ваза династии Мин, которую нечаянно смахнули на пол. В следующую секунду переломился позвоночник. Какое-то время машина тащила за собой безвольное тело, прилипшее к ней, словно крупный жук к ветровому стеклу. Неуклюже вывернутые ноги мотались по дороге, между них вилась бледная ленточка разделительной полосы. Каблуки мокасин обдирались на ходу, вспучиваясь дымящимися резиновыми узелками. Один ботинок слетел с ноги.

Наконец труп отклеился от аппарата и плюхнулся на дорогу.

Автомат по продаже кока-колы заложил обратный курс к Хейвену. Окошко для монет сильно тряхнуло при ударе, и теперь из возвратного лотка на лету сыпались никели, даймы и четвертаки. Они падали и катились в разные стороны, вычерчивая путаные траектории.

Глава 8

ГАРД И БОББИ

1

Гард даже не сомневался, что рано или поздно Бобби сделает свой ход. Прежняя и неулучшенная Бобби исполнила свой долг перед старым приятелем Джимом Гарденером, который приехал спасать подругу и остался докрашивать забор. Чертовски, надо заметить, странный забор...

По правде говоря, он был уверен, что для него все закончится лебедкой. Тут все просто — ей даже не придется марать руки. Она спокойно поднимется вверх и невзначай забудет отправить назад стропу. Так он и погибнет в одиночестве возле таинственного символа. И никаких угрозений

совести из-за того, что милый добрый Гард где-то там один медленно умирает от голода. «Милый добрый Гард» попросту истечет кровью.

Однако все случилось не так. Бобби настояла на том, чтобы он поднялся первым. Встретив ее насмешливый взгляд, Гард понял, что она догадалась о его подозрениях. И для этого даже не требовалось читать мысли.

Крепко вцепившись в кабель, Гарденер поднимался вверх. Из последних сил он превозмогал накатывающую тошноту. Как только они протиснулись сквозь люк корабля на свободу, Бобби отправила ему ясный посыл: «Не снимай маску, пока не очутишься наверху». Теперь ее мысли стали улавливаться отчетливее. А может, показалось... Да нет, не показалось. Пока они находились внутри корабля, произошел очередной «прорыв». У Гарда до сих пор текло из носа. Рубашка вымокла насовсем, и уже начала наполняться кровью воздушная маска. Такого сильного кровотечения, пожалуй, не было с тех самых пор, как Бобби впервые привела его к кораблю.

Почему не снимать? Эту мысль он тщательно отделил от всех остальных и отправил ей.

Ты слышал, в корабле включились какие-то механизмы? Это воздухообменники. Теперь воздух внутри траншеи мало чем отличается от того, что был внутри корабля, когда мы только открыли люк. Он выветрится в лучшем случае к вечеру.

Нехарактерный ход мыслей для женщины, которая планирует тебя убить. Так-то оно так, да только во взгляде Бобби сквозила все та же насмешка, что придавало ее предостережению особый тон.

Он вцепился в кабель и, вонзив зубы в резиновые загубники, из последних сил удерживал в себе содержимое желудка.

Стропа достигла поверхности. Ноги не слушались, словно были сделаны из резинки и канцелярских скрепок. «Электролюкс», при помощи провода управлявший лебедкой, казался размытым пятном. Досчитай до десяти, приказал себе Гард. Считай до десяти и уберись как можно дальше от траншеи, а потом снимай маску и будь что будет. Лучше подохнуть на месте, чем обрекать себя на такие муки.

Он досчитал до пяти и не смог дольше терпеть. Перед глазами заплясали дикие образы: вот он опрокидывает бокал на платье Патрисии Маккардл, вот Бобби радостно сбегает по

крыльцу ему навстречу. Вот здоровяк с золотистым респиратором на лице смотрит с пассажирского места внедорожника на пьяного Гарда.

Пожалуй, копнуть там в двух-трех местах, так и внедорожник найдется, пронеслась мысль, и тут живот окончательно взбунтовался.

Гард сорвал респиратор и исторг из себя содержимое желудка, обхватив руками росшую на краю просеки сосну.

Потом его вырвало снова. Такой жестокой рвоты не случалось с ним за всю жизнь. Подобные случаи описывались в литературе, и он был в курсе того, что в медицинских кругах эти симптомы считаются признаком серьезного недуга. Из него извергались кровавые сгустки, и остановиться он не мог. Рвота буквально была фонтаном. Глаза заволокло темной пеленой, колени подогнулись.

Кажись, умираю, подумал он, и эта мысль не вызвала в нем должного эмоционального отклика. Конечно, новость безотрадная, но не более того. Рука скользнула по шершавой коре, коснувшись смолистой живицы. Дрянной же здесь воздух, прошелестело на краю сознания. Пахло серой и какой-то тухлятиной. Так, бывает, воняют выхлопы бумажной фабрики в пасмурную погоду. Плевать уже, что там. Хоть Елисейские поля, хоть пустая и черная непроглядность — там точно не будет этого запаха. Так что, может, и удастся сорвать главный приз. Пусть все идет своим чере...

Нет! Никаких «чередом»! Ты вернулся, чтобы спасти Бобби. И пусть даже Бобби уже нельзя спасти, не забывай про мальчика. Возможно, у него еще есть шанс. Крепись, Гард! Ну хотя бы попытайся!

— Лишь бы не впustую, — надтреснутым голосом пробормотал он. — Господи, только бы не впustую.

Чья-то рука дотронулась до его затылка, и по спине побежали мурашки. Оказалось — Бобби, но это уже не походило на касание человеческой руки.

Тебе нехорошо, Гард?

— Нормально, — вслух ответил он и кое-как поднялся на ноги.

Перед глазами плыло, но постепенно изображение обретало былую четкость. И первым делом он увидел лицо Бобби, которое не выражало ничего, кроме холодного расчета. Ни любви,

ни даже попытки изобразить обеспокоенность его состоянием. Бобби уже не ощущала подобных эмоций.

— Идем, — хрипло проговорил Гарденер. — Сядешь за руль, а то я себя что-то...

Запнувшись, он машинально схватился за плечо Бобби, какое-то узловатое и странное.

— ...чувствую не очень.

2

К тому времени как они добрались домой, Гарду заметно полегчало. Он даже подумал, что рвало его в основном кровью, которую он проглотил, пока был в маске. Из носа текло уже меньше — буквально сочилось тонкой струйкой. Появилась надежда.

За этот спуск он потерял в общей сложности девять зубов.

— Пойду рубашку сменю, — сказал он, обращаясь к Бобби. Та без особого интереса кивнула.

— Ты, как переоденешься, на кухню спускайся. Поговорим.

— Согласен. Давно назрел разговор.

Гард вернулся в спальню, снял испачканную футболку, надел свежую, решив ее не заправлять. Подошел к изножью постели и, подняв матрац, достал припрятанный там ствол сорок пятого калибра. Сунул его за пояс, прикрыл футболкой. В последнее время он здорово сбросил вес, и та висела свободно. Пистолет был не виден — разве что рукоять, но и она скрывалась, стоило втянуть живот. Гард постоял немного, подумал — готов ли он к этому? Сделать решительный шаг, если возникнет необходимость. Как знать, как знать... Виски сжимало словно тисками, комната плыла перед глазами. Горло саднило, а нос был забит свернувшейся кровью.

Ну вот и все. Эффектный финал, решающий поединок. Пора открыть карты. Как часто Бобби выстраивала вестерны по той же схеме. «Солнце висит в зените над центральной частью штата Мэн. Делай свой ход, напарник».

Губы тронула тень улыбки. Согласно студенческой философии, жизнь — штука сложная, но эта ситуация была и вовсе возмутительной.

Он пошел на кухню.

Сидевшая за столом Бобби встретила его безрадостным взглядом. На лице едва уловимо просматривалась зеленая жидкость, которая циркулировала под ее прозрачной кожей. Большие глаза, странной формы зрачки.

На столе стояла магнитола. Три дня назад по просьбе Бобби ее принес Дик Эллисон. Это был тот самый прибор, при помощи которого Хэнк Бак отправил Питца Барфилда на небо, в «дежурку». Бобби подсоединила микросхему к детскому фотонному пистолету — на все про все прошло минут двадцать. Теперь он был навсегда на Гарденера.

На столе стояло два пива и пузырек с капсулами. Гард узнал этот пузырек. Судя по всему, пока он переодевался, Бобби успела заскочить в ванную и забрать валиум, который тот когда-то принимал.

— Присаживайся, — проронила Бобби.

3

Едва покинув корабль, Гарденер поднял ментальный щит. Правда, было неясно, насколько он теперь прочен.

Он медленно подошел к столу и уселся. Мало того, что ствол вонзился в живот и неприятно жал в паху, так и в голове упорно стучала мысль о нем.

— Ты это для меня припасла? — спросил он, указав на пиллюли.

— Гард, знаешь, я тут подумала, — ровным голосом начала Бобби, — а не посидеть ли нам как в добрые старые времена? Поговорим, хлебнем пивка, и ты будешь потихоньку глотать пиллюли. Наверное, так гуманней.

— Ясно. Мне — пиллюли, Питеру — дельфинарий в сарае. Бобби, ты не находишь, что твое понятие о гуманности не-хило изменилось с той поры, когда ты плакала, если Питер приносил с прогулки мертвую птицу? Помнишь те времена? Мы жили здесь вдвоем и вместе давали отпор твоей сестрице, и при этом не было нужды засовывать ее в душевую кабинку. — Он угрюмо взглянул на Бобби. — Ты помнишь? В те времена, когда нас связывала не только дружба. Да я бы умер за тебя, я жить без тебя не мог. Ты еще не забыла, каково это, быть вместе?

Бобби молча разглядывала свои руки. Что это, слезы в глазах? Или он принял желаемое за действительное?

— Когда ты ходил в сарай?

— Вчера вечером.

— Ты к чему-нибудь прикасался?

— Бывало, я прикасался к тебе, — вспоминал Гард. —

А ты прикасалась ко мне, и никто из нас не возражал, помнишь?

— Что ты там трогал?! — пронзительно заорала Бобби, устремив на него ненавидящий взгляд. В тот миг глазам Гарденера предстала уже не Бобби, а разъяренное чудовище.

— Ничего. Я ни к чему не прикасался.

Презрение на его лице было гораздо убедительнее, чем любые аргументы. Бобби угомонилась и пригубила пиво.

— Да бог с ним. Ты все равно не мог там ничего испортить.

— Я никак в толк не возьму. Ну ладно стариk, я его не знал. Ну ладно сестричка — она сама напросилась. Но Питер?! Как ты могла с ним такое сотворить? Он любил тебя больше жизни!

— Знаешь, пока тебя не было, он и поддерживал во мне эту самую жизнь, — сказала Бобби, словно бы в свое оправдание. Голос ее едва уловимо дрогнул. — Я работала не покладая рук, день и ночь, день и ночь. Да от меня вообще ничего не осталось бы. Ты бы приехал, а меня нет.

— Да ты, ты... Ты — вампирша!

Она посмотрела на него и отвела взгляд.

— Боже, и я тебе потакал... Ты совершила такие поступки, а я принимал в этом участие. Господи! Я ведь видел, что с тобой творится. И видел, что происходит с другими — в меньшей степени, конечно, но все равно. И при этом продолжал, продолжал. На меня затмение нашло. Безумец! А ты-то все понимала и пользовалась?.. Ты бы и меня в кабинку заточила, как бедного пса, да только в этом не было необходимости. Я и так покладист. Задурила мне мозги, вручила лопату — и вперед, старишок. Давай выкопаем эту хреновину и устроим кранты «полиции Далласа». Да только знаешь что, самая страшная полиция здесь — это ты. И я был с тобой заодно...

— Пей пиво, — проговорила Бобби. Лицо ее вновь ничего не выражало.

— А если я не хочу?

— Ну тогда придется включить магнитолу, — сказала Бобби, — и открыть дыру в другую реальность, и отправить тебя куда бог пошлет.

— На Альтаир-четыре? — спросил Гарденер, стараясь не выдать голосом своего волнения и не уронить ментальный щит. (щит-щит-щит)

Он все крепче держал защитный барьер, заслонявший то, что происходило у него в голове. Легкая тень легла на чело Бобби. Казалось, чьи-то тонкие пальцы пытались прощупать его мысли, выяснить, насколько он осведомлен и как завладел этим знанием.

— Значит, ты все это время шпионил за мной? — спросила она.

— Да нет. Лишь с тех пор, как понял, что ты врешь напропалую.

И тут до него дошло. Сам того не осознавая, в сарае он кое-что узнал.

— В основном ты сам себя обманывал, Гард.

— Да ну? И про детишек, которых вы послали на смерть? Один умер, другая ослепла.

— Откуда ты...

— Из сарая. Вы же туда ходите, чтобы ума-разума набираться.

Она промолчала.

— Отправили их на погибель, и зачем — за батарейками. Бобби, вы что, совсем тупые?

— Мы в своем развитии достигли таких высот, что тебе и не сни...

— Какие еще высоты? Какое развитие? Бобби! Я говорю об элементарном здравом смысле! У тебя возле дома столбы стоят. Линия электропередачи! Ты почему к ним не подключилась?

— Ну да, — усмехнулась Бобби своим странным беззубым ртом. — Очень «здравая» идея. Да первый же диспетчер на подстанции увидит, что у него перерасход энергии.

— У вас все на батарейках работает. Самых мелких бытовых батарейках. Да с такими затратами — это тьфу! Любая ленточная пила с более-менее мощным движком тянет на себя несравненно больше.

На миг она смутилась. Прислушалась, точно пытаясь уловить собственный внутренний голос.

— Батарейки — это постоянный ток, а в сети — только переменный. Нам это не подошло бы...

Гард в исступлении заорал, саданув себя по вискам:

— Бобби, ты что, никогда не слышала про конвертер постоянного тока? Да он в «Электротоварах» валяется по три бакса за штуку! Ты мне всерьез сейчас пытаешься втереть, что вы не в состоянии подключить обычный преобразователь? При всех этих ваших летающих тракторах и пишущих машинках, которые пашут на телепатической тяге? Вы что!

— Нам это просто не пришло в голову! — вдруг сорвалась она.

И все смолкло. Бобби будто испугалась своего собственного голоса.

— Не пришло в голову, — усмехнулся Гард. — Отлично. Поэтому надо было послать на погибель двух геройских спляков, готовых голову сложить во благо любимого Хейвена. И теперь один из них мертв, а другая ослепла. Бобби, послушай, я не знаю, кто или что тобой овладело, но где-то в глубине души наверняка осталась часть прежней тебя. Хотя бы наедине с собой ты должна понимать, что ничего «здоровского» и «гениального» вы не сделали и не делаете, а как раз наоборот. Это как будто все разом выпили таблетки от ума, отупели и ходят поздравляют друг друга. И я себя утешал, что все обойдется, а ведь чувствовал... Не с вас это началось, испокон веку такое творится. Вы чего только не напридумывали — и людей они распыляют на частицы, и телепортируют куда-то на космические чердаки. На хранение или захоронение, не важно. Это все равно что дать в руки младенцу заряженный пистолет.

— Не пора ли тебе заткнуться, Гард?

— «Просто не пришло в голову», — продолжал он, утомившись. — Господи, Бобби, как ты только в зеркало на себя смотришь? И все вы, каждый из вас.

— Я сказала, тебе пора...

— Помню, ты как-то обмолвилась про «сумасшедшего гения». Твое словцо. Так вот, вы — хуже. Вы как стайка ребятишек, решивших потрясти мир своими «мыльничными» гонками. Вы даже не злые. Вы просто тупицы.

— Гард...

— Кучка кретинов с отвертками.

Гард хохотнул.

— Заткнись! — заорала Бобби.

— Боже, — сказал Гард. — А я-то подозревал, что сестричка мертва. Обалдеть.

Ее тряслось.

Он продолжал, кивнув в сторону фотонного пистолета:

— А если я не выпью и не проглочу, тогда что? Отправишь меня на Альтаир-четыре? Буду там нянчиться с Дэвидом Брауном, пока мы оба не загнемся от голода, удушья или космического облучения?

Теперь она заговорила со злобной прохладцей в голосе. Ей было, конечно, обидно — даже сильнее, чем он мог себе представить, — но хотя бы сейчас она не читала его мысли. Позабыла со злости.

Так же, как они позабыли, что работающий на батарейках проигрыватель можно запросто подсоединить к любой настенной розетке. Надо только подключить между ними конвертер.

— Нет никакого «Альтаира», и нет никаких «томминокеров». Некоторые вещи не имеют названий, они существуют без имен. Они просто есть, и все. Где-то их назовут так, в другом месте — иначе. Да и названия-то не раскрывают полной сути, но это не важно. Ты из Нью-Хэмпшира притащил это словечко, «томминокеры». Так и прилепилось к нам это имя. На других планетах нас величали по-другому. То же самое и с Альтаиром-четыре. Это всего лишь место, где хранятся вещи. Как правило, неживые. Кстати, на чердаках бывает темно и холодно.

— Это ваша родина? Твой народ оттуда?

Бобби — ну или то, что теперь отдаленно ее напоминало, — рассмеялась с неуловимой нежностью.

— Мы — не народ. И не раса. И не вид. И не ждите, что придет Клаату и скажет: «Отведите меня к своему вождю». И да, мы не с Альтаира-четыре.

Она смотрела на него все с той же невыразительной полуулыбкой. К ней вернулось былое самообладание. Казалось, она даже забыла про пилюли.

— Кстати, коль скоро тебе стало известно про Альтаир-четыре, не задумывался ли ты, зачем нам вообще было строить корабль?

Гарденер молча взглянул на нее в ожидании ответа.

— Ну тебе не показалось странным, что раса, владеющая телепортацией, — Бобби покрутила в воздухе пластмассовым

пистолетом, — рассекает пространство на вполне материальном корабле? Не задумывался об этом?

Гарденер приподнял брови. Не задумывался, пожалуй. Зато сейчас он вспомнил одного приятеля по колледжу, который как-то раз вслух спросил: «А с чего это Кирку, Споку и иже с ними заморачиваться со звездолетом «Энтерпрайз», когда гораздо проще было бы путешествовать по вселенной с помощью луча?»

— Очередная тупость? — предположил Гард.

— А вот и нет. Здесь все устроено как в радио. Принцип радиоволн. А вот дальше мы еще не разобрались. Такова наша природа, Гард. Мы — не мыслители, мы строители.

Как бы там ни было, а мы выявили что-то около девяноста тысяч чистых радиоволн, то есть линейных установок, позволяющих сделать две вещи: избежать бинарного парадокса, который мешает восстановлению живой ткани и непостоянной материи, и фактически куда-нибудь добраться. Правда, почти во всех случаях там, куда они доставляют, нормальному человеку не хотелось бы оказаться.

— То же самое, что выиграть путевку в Ютику со штампом «все оплачено»?

— Не в пример хуже. Допустим, есть место, во многом похожее на поверхность Юпитера. И если открыть туда дверь, будет очень сильный перепад давления. В проеме мгновенно возникает торнадо. И скоро оно обретает заряд такой мощности, что буквально разносит границы портала. Оно раздвигает его, и тот расползается, как свежая рана. Тамошняя гравитация гораздо выше, и она втягивает, буквально всасывает в себя материю того мира, откуда осуществлен вход. Если с этой «станции» долго не переключаться, то в орбите планеты произойдет гравитационный срыв. Мы берем для примера планету с массой, близкой к земной. Либо она просто разлетится на куски, все зависит от состава.

— Что-то аналогичное могло произойти на Земле? — У Гарда онемели губы. На фоне таких перспектив Чернобыль казался «пуком» в телефонной будке. В мозгу билась возмущенная мысль: и ты во всем этом принимал участие! Ты сам помог ее раскопать!

— Нет. Хотя пришлось тут кое-кого разубеждать, особо рьяных лудильщиков, у которых руки чесались поиграть с пе-

редатчиками и материями. — Она улыбнулась и добавила: — Впрочем, на других планетах, где мы были, такое случалось.

— Что произошло?

— Они успели, конечно, закрыть дверь до разрыва оболочки, но планета сошла с орбиты, спеклась куча народу.

— Ее эта тема, похожа, начала утомлять, скука смертная.

— Все до единого? — прошептал Гарденер.

— Да нет. Тысяч девять или десять живут на одном из полюсов, — сказала Бобби. — Вроде бы.

— Господи. Боже ты мой, Бобби!

— Бывает, каналы открываются в камень. Сплошной камень внутри какого-то места. Но чаще всего — в пустом космосе. Нам до сих пор не удалось вычислить хотя бы одну точку выхода наверняка, по картам звездного неба. Ты представляешь? Везде столько нового и непознанного даже для нас. А ведь мы — известные космические странники.

Она подалась всем корпусом вперед и пригубила немного пива. Детский пистолетик, который уже не был игрушкой, не отклонился от груди Гарда ни на дюйм.

— Вот тебе и телепортация. Скалы, дыры и один космический чердак. Не ровен час, кто-нибудь найдет новую волну и откроет дверь прямо в центр солнца. Вмиг планета станет головешкой.

Бобби задорно рассмеялась, словно это была на редкость удачная шутка. Пистолет в ее руке не дрогнул.

Вновь став серьезной, Бобби продолжила:

— Но знаешь ли, это еще не все. Когда ты включаешь приемник, думаешь, что ловишь радиостанцию. Да только все эти мегагерцы, килогерцы, короткие волны — это не просто станции. Надо еще иметь в виду пустоту между ними. Собственно, из этого и состоит большинство диапазонов. Ты улавливаешь, к чему я клоню?

— Да.

— Я как бы пытаюсь убедить тебя все-таки проглотить пилюли. И тогда мне не придется отправлять тебя в место, которое ты называешь Альтаир-четыре, потому что там ты умрешь медленной и мучительной смертью.

— Дэвид Браун умирает?

— Я тут ни при чем, — спохватилась она. — Это целиком и полностью дело рук его братца.

— Нюрнберг не напоминает? В кого ни ткни, все ни при чем.

— Дурак ты, — буркнула Бобби. — Неужели не понимаешь, что иногда такое происходит? Тебе духу не хватает признать, что в жизни есть место случайности.

— Ну это я как раз могу принять. Просто я верю, что человек, как существо разумное, способен противостоять своим спонтанным порывам.

— Да ну? Что-то незаметно.

«Пристрелил жену», как выразился помощник шерифа, ковыряя в носу. Подумаешь, велика важность.

После свадьбы — горькое похмелье, подумал Гард, взглянув на свои руки.

Глаза Бобби метнулись к его лицу. Она явно что-то уловила. В ответ он еще глубже запрятал мысли — набросил тонкую пелену галиматы поверх важного, словно окутал белым шумом.

— О чём задумался, Гард?

— Не твоего ума дело, — ответил он с усмешкой. — Считай, что там висит замок. Как на сарае.

На миг ее губы распоплзлись в оскале, обнажая непривычно нагие десны, и тут же это выражение сменилось все той же отрешенной улыбкой.

— Да не важно, — отмахнулась она. — Я, может, и не пойму даже. Я же говорю, нам не так-то легко постигать природу вещей. Мы не Эйнштейны. Нам, наверное, ближе Томас Эдисон, космическая версия. Да бог с ним. Не хочу я обрекать тебя на мучительную медленную смерть в каком-то заброшенном месте. Знаешь, я ведь все еще люблю тебя, Гард, по-своему. И если мне все же придется тебя куда-то отправить, то я отправлю тебя — в небытие. — Она пожала плечами. — Ну наверное, это сродни эфиру. Возможно, будет больно. Или даже начнется агония. Так или иначе, когда знаешь, чего ожидать, всегда легче.

Внезапно Гарденер разразился слезами.

— Жаль, ты мне раньше не напомнила. Сэкономил бы уйму времени.

— Давай лопай свои пилюли. Прими неизбежное. В твоем состоянии двухсот миллиграмм с лихвой хватит. Унесешься на облаке. Не заставляй посыпать тебя, как письмо до востребования.

— Расскажи еще про томминокеров, — попросил он, утирая слезы.

Бобби улыбнулась:

— Сначала пилюли. Ты только начни, и я тебе расскажу все, что пожелаешь. А нет...

И она погрозила фотонным пистолетом.

Гард открутил крышку на пузырьке с валиумом.

Вытряхнул на ладонь с полдюжины синих пилюлек с сердечком посередине (надо же, подумал он, «валентинки» из страны сладких грез), швырнул их в рот, отхлебнул пива и проглотил. Шестьдесят миллиграмм отправились прямиком в луженую глотку. Конечно, можно было бы спрятать штучку под язык, но целых шесть? Без вариантов, будем реалистами. Ну все, время пошло. Желудок пуст — проблевался как следует, кровища потерял уйму и привычки никакой, давным-давно бросил принимать эту дрянь. Да еще минус тридцать фунтов веса с тех пор, когда был выписан рецепт. Если в ближайшее время не выгнать из себя эту отраву, то сшибет меня, как фура на полном ходу.

Гард не унимался.

— Расскажи про томминокеров.

Уронив руку под стол, он нашупывал дуло
(щит-щит-щит-щит)

пистолета. Сколько осталось времени, прежде чем это вещество начнет действовать? Двадцать минут? Память безмолвствовала. К тому же никто не рассказывал ему о передозировке валиума.

Бобби легонько качнула игрушкой в сторону пузырька и потребовала:

— Выпей еще, Гард. Как могла бы сказать Жаклин Сьюзан, «шесть — явно недостаточно».

Он вытряхнул на скатерть еще четыре пилюли, но принимать их не спешил.

— А ведь ты чуть со страха не обделалась, когда увидела их, признайся, — проговорил Гард. — В лице переменилась. Как будто они сейчас встанут и пойдут на нас. День живых мертвецов.

Новая и улучшенная Бобби дрогнула — что-то промелькнуло во взгляде, однако виду она не подала.

— Зато мы, Гард, ходим и разговариваем. Мы вернулись, — мягко проговорила она.

Гард подцепил пальцами пилюли, положил на ладонь и сидел, задумчиво подбрасывая их в руке.

— Давай так: ты мне кое-что скажешь, и тогда я их проглотчу.

Да, всего один момент мог бы прояснить очень многое, ответить на все вопросы, задать которые было как-то несподручно. Отчасти поэтому он до сих пор и не пощекотал Бобби пулевой. Потому что оставалась пока одна неясность. Единственное, что на этом этапе интересовало его всерьез.

— Скажи мне, кто вы такие, — решился Гарденер. — Мне надо знать.

4

— Хорошо, я отвечу, — проговорила Бобби. — Во всяком случае, попытаюсь. Если ты проглотишь, наконец, эти пилюли, которые держишь в кулаке. А нет — тогда помаши маме ручкой. Чую я, ты что-то задумал, да понять не могу, все как в дымке. Будто вуаль накинул. Не нравится мне это.

Гарденер положил пилюли в рот и проглотил.

— Еще.

Гард вытряс на ладонь еще четыре пилюли. Принял их. Теперь в его желудке было уже сто сорок миллиграмм. Коня свалит. У Бобби явно отлегло от сердца.

— Ну, попросту выражаясь, если брать Эдисона и Эйнштейна, то нам ближе первый, — продолжала она. — Эйнштейна, наверное, потрясли бы многие вещи в Хейвене, но он, во всяком случае, знал, что $E = mc^2$. Знал закон относительности, понимал природу вещей. А мы — мы их изготавливаем. Чиним, работаем руками. Мы не теоретики.

— «Улучшаете» вещи, — поправил Гарденер и слготнул. Когда пересохнет в горле — это знак, что валиум начал действовать. Уж тогда времени не теряй, делай свой ход, и быстро. В пузырьке оставалось еще с десяток капсул, хотя свою смертельную дозу он, скорее всего, уже принял.

Бобби просветлела лицом.

— Улучшаем! Вот именно! Точно, мы все улучшаем. Наподобие того, как мы улучшили Хейвен. Ты ведь сам, как только приехал, увидел потенциал. Можно оторваться от корпоративной титьки и перейти совсем на иные виды топлива. Ну, скажем, органические источники глубокой консервации. Они легко возобновляются и долго служат.

— Ты говоришь о людях.

— И не только о них, хотя организмы высшего порядка, несомненно, вырабатывают энергию гораздо больше, чем примитивные существа. И это, наверное, зависит не столько от интеллекта, сколько от духовности. Как говорится, эссенция, суть. Правда, Питер держится чертовски долго, удивительно. Такой отличный генератор, неисчерпаемый. А ведь он всего-навсего собака.

— Может быть, дело в его духе, — проговорил Гарденер. — Может, потому что он любил тебя.

Он вынул пистолет из-за пояса. Прижал
(щит-щит-щит)
...к внутренней стороне бедра.

— Речь ис об этом, — отмахнулась Бобби. Тема духовности Питера, как и тема его собачьей любви, ее больше не интересовала. — Ты там себе напридумывал про мораль, мы будто бы совершаешь что-то неприемлемое и недопустимое... но знаешь, твои представления о морали слишком узки. Да это и не важно, ты все равно скоро уснешь.

У нас нет истории, письменной или устной. Ты заявляешь, что корабль упал, потому что те, кто отвечал за него, подрались, не поделив штурвал. Ну да, здесь есть доля правды. А с другой стороны, может, это было предрешено. Судьба так распорядилась. Знаешь, ведь телепаты в каком-то смысле еще и провидцы, и провидцам легче подчиняться течениям и потокам, всему тому, что управляет вселенной. Люди называют это богом, но ведь это всего лишь слово, как «томминокеры» или «Альтаир-четыре».

Я хочу сказать, что, не повинуясь мы этим течениям, нас давно бы уже не было в живых. Натура у нас вспыльчивая, мы всегда готовы ринуться в бой. Да и «бой» — какое-то слишком общее слово. Мы... мы... — Глаза Бобби вдруг позеленели, жутко засветились насыщенным ярким цветом. Губы растянулись в беззубой ухмылке. Правая рука сама собой стиснула запотевший в ладони пистолет. — Потасовки, вот нужное слово. Мы все время устраиваем потасовки. Так по-детски, — улыбнулась Бобби. — Мы и сами как дети, и это наша хорошая сторона.

— Ты по-прежнему так считаешь?

Чудовищная сцена нарисовалась в воображении Гарденера. Современная школа: ученики начальных классов разбредаются по аудиториям. В портфелях — учебники и автоматы «узи», ко-

робочки с завтраком и винтовки «М-16», яблочки для любимых учителей и осколочные гранаты — для нелюбимых. И каждая девочка была точной копией Патрисии Маккардл, а каждый мальчик как две капли воды походил на Тэда Ядерную Шишку. Зеленым огнем светились глаза Тэда, где уже были готовые объяснения для всей чертовщины, что когда-либо происходила на земле, начиная с Крестовых походов и арбалетов, кончая рейгановскими спутниками с боеголовками.

— Неугомонная у нас душа. Время от времени надо почудить и попихаться. Мы взрослые с детским характером. Мы вспыльчивы, любим веселье и проказы. Поэтому мы создаем ядерные «рогатки» и время от времени подкидываем их людям. Что поделать, натура шаловливая. И ты знаешь, люди их подбирают и используют. Еще никто ни разу не отказался. И такие, как Тэд, который готов убивать ради того, чтобы ни одна домохозяйка в Солнечной Бринляндии, способная платить по счетам, не испытывала перебоев с электроснабжением, когда ей вдруг потребуется высушить волосы феном. И такие, как ты, Гард, готовые пойти на убийство во имя мира.

Что за жизнь без пушек и потасовок, так ведь, Гард? Скучный блеклый мир.

Гарденер почувствовал, что его клонит в сон.

— Мы как дети, — повторила она. — Мы драчуны, но делаем щедрые подарки. Возьми тот же Хейвен.

— О да, Хейвен вы осчастливили, — пробормотал Гарденер. Вдруг челюсти его резко распахнулись до самого предела, до боли в желваках, и он протяжно зевнул.

Бобби улыбнулась:

— Да ладно. Главное другое. Мы рухнули на эту планету, следуя вселенским течениям, о которых я тебе говорила. Значит, пришло время. Конечно, корабль не пострадал. А потом я начала раскапывать его, и мы — вернулись.

— А вас там много вообще?

Бобби пожала плечами:

— Не знаю.

«Да и знать не хочу», — словно бы говорил ее жест.

— Достаточно того, что мы здесь и нам предстоит еще кое-что улучшить.

— И это все? Другого предназначения у вас нет? — Гард хотел убедиться. Ему надо было знать наверняка: они — то,

что она сейчас сказала. Он боялся, что тянет слишком долго, но ему обязательно надо узнать. — Это все?

— А что «все»? Неужели тебе этого мало?

— Если честно, да, — ответил Гарденер. — Понимаешь, я всю жизнь искал дьявола снаружи, потому что поймать внутреннего дьявола чертовски трудно. Тяжело долгие годы мнить себя Гомером, когда ты на самом деле — капитан Ахав.

Рот опять растянулся в зевке. Веки отяжелели, словно к ним привязали по кирпичу.

Наконец, в последний уже раз, он в отчаянии спросил ее:

— Это все, что вы есть? Люди, которые подправляют вещи?

— Наверное, — ответила она. — Жаль, что приходится тебя разоча...

Гарденер навел под столом пистолет, и тут пиллюли наконец-таки предательски включились в дело: он уронил свой щит.

У Бобби засветились глаза — даже не засветились, а вспыхнули. Оглушительный крик, ее мысленный голос, рассек нежную мякоть его мозга словно мясницким ножом.

(У НЕГО СТВОЛ У НЕГО СТВОЛ СТВОЛ)

Она навела на него фотонный пистолет. Гарденер под столом поднял дуло и спустил курок. Раздался сухой щелчок. Старая железка дала осечку.

Глава 9

СЕНСАЦИЯ (окончание)

1

Джон Леандро погиб. Журналистское расследование продолжалось.

Дэвид Брайт обещал ждать звонка до четырех и собирался сдержать обещание. Во-первых, это было делом чести, а во-вторых, ему не очень-то хотелось мораться. Почем знать, не обернется ли сенсация порядочной головной болью. Надо сказать, что он не сомневался в правдивости слов Леандро. Во всяком случае, было ясно, что Джонни сам искренне верит во все это. Конечно, Джонни — простак, любитель делать скоропалительные выводы, но лжецом он никогда не был. (К тому же Брайт

сомневался, что человек со столь скромными умственными способностями может состряпать такую путаную историю.)

Примерно в два тридцать Брайту неожиданно вспомнился еще один Джонни, по фамилии Смит, несчастный бедолага, который, прикасаясь к предметам, «ощущал» что-то такое. Брайт верил Смиту. Верил в его искренность и в то, что, по его словам, у него действительно получается. Глядя в ошеломленные глаза этого человека, невозможно было не верить. Брайт ни к чему не прикасался, он лишь бросил взгляд на стол Леандро, на прикрытую чехлом «словодробилку», и у него возникло щемящее чувство, что Леандро больше нет.

И сколько ни обзывал он себя старой пугливой каргой, предчувствие грядущего ужаса не проходило. Вспомнилось, каким взволнованным был голос Леандро, когда он говорил по телефону, нетерпеливый и радостный. «Это история всей моей жизни, я с ней так запросто не расстанусь». Вспышкой мелькнуло перед глазами лицо Джонни Смита. Его черные глаза и умилительная привычка потирать лоб с левой стороны. Брайт думал о Смите, а взгляд его то и дело возвращался к столу с пишущей машинкой Леандро.

Он продержался до трех. Терпеть дальше не было сил. Беспокойство переросло в мучительную уверенность: Леандро мертв. То есть все, нет его, без вариантов. И пусть Брайта никогда раньше не посещали прозрения и никогда больше не посетят, но теперь он просто знал наверняка. И не то чтобы бедолага ранен, или потерялся, или сошел с ума — нет. Он умер.

Брайт поднял трубку и набрал номер. И пусть на коммутаторе номер значился под телефонным кодом Кливз-Миллз, на самом деле это был звонок на очень дальнее расстояние. Уж Бобби с Гардом поняли бы это. Ровно пятьдесят пять дней минуло с тех пор, как Бобби споткнулась в лесу о непонятную железяку, и лишь теперь кто-то наконец додумался вызвать «полицию Далласа».

Брайт разговаривал с полицейским Энди Торгюсоном, чья часть была расквартирована в Кливз-Миллз. Давние приятели, они вместе учились в колледже, и только ему, пожалуй, Брайт мог спокойно довериться, зная, что тот отнесется к нему как

к нормальному человеку, а не как к представителю вездесущей прессы. Торгюсон слушал терпеливо, перебивал редко, и так, мало-помалу, приятель поведал ему обо всем, что знал сам, начиная с исходного задания Леандро расследовать загадочное исчезновение копов.

— Кровь из носа, выпадение зубов, рвота — это все из-за воздуха, он был совершенно уверен?

— Да, — подтвердил Брайт.

— И что бы там ни было в воздухе, оно улучшает качество приема радиоволн?

— Точно.

— И ты полагаешь, что он здорово влип.

— Все верно.

— Да, Дэйв, похоже, у него действительно неприятности — как минимум увольнение по состоянию здоровья. Похоже, парню снесло крышу.

— Я знаю, на что это смахивает, да только дело тут в другом.

— Дэвид, — в голосе Торгюсона звучало бесконечное терпение, — может быть, чисто теоретически, и реально отравить город и завладеть им — как минимум в кино. Но подумай, через него проходит магистраль, там полно людей, мы живем в эру телефонов. Неужели ты думаешь, что кто-то отравил город и никто об этом даже не подозревает?

— Ну, Олд-Дерри-роуд — отнюдь не магистраль, — уточнил Брайт. — Во всяком случае, уже лет тридцать. С тех пор, как между Бангором и Ньюпортом проложили I-95. Теперь Олд-Дерри-роуд — просто кусок посадочной полосы с желтой линией посередине.

— Ты пытаешься меня убедить, что в последнее время по ней никто не ездил?

— Ничего я не пытаюсь... Джонни мне рассказывал, что нашел людей, которые уже пару месяцев не видались со своей хейвенской родней, а те, кто собирался съездить туда, возвращались с полдороги, потому что им вдруг становилось плохо. Кто на еду списал, кто еще на что. Вдбавок он говорил, что какой-то старый пень в Трое держит магазинчик, так у него футболки идут нарасхват, потому что люди возвращаются из Хейвена с расквашенными носами — и это продолжается уже несколько недель.

— Он обкурился, — заключил Торгюсон, бросив взгляд в помещение для патрульных. В том конце комнаты у аппарата

сидел дежурный. Он вдруг выпрямился, переложил трубку к левому уху, схватил ручку и принялся строчить в блокноте. Вид у него был ошарашенно-придурковатый — случилось явно что-то посерьезнее кражи кошелька или рядовой свары на дороге. Конечно, люди без приключений не могут, рано или поздно что-то где-то обязательно случается. И как бы ни хотелось верить в обратное, кое-что вполне могло произойти и в Хейвене. С подачи Брайта все это жутко смахивало на Безумное чаепитие из «Алисы в Стране чудес», правда, до сего времени Дэвид не напоминал ему Мартовского зайца. Во всяком случае, напоказ он этого точно не выставлял.

— Может, и обкурился, да только ведь это легко проверить — и подтвердить или опровергнуть. Слушай, пусть твои ребята слетают? — Брайт примолк. — Прошу как друга. Я и сам от Джонни не в восторге, но что-то всерьез волнуюсь о парне.

Торгюсон тем временем пристально следил за происходящим в диспетчерской. Смоки Доусон таращел без умолку, отбивая языком милю в секунду, но вот он оторвался от бумаг, перехватил взгляд шефа и воздел руку к небу, растопырив пальцы. Этот знак означал: ждать. Что-то стряслось.

— Я вышлю кого-нибудь к концу дня, — пообещал Торгюсон. — Или сам скатаюсь, если получится. Правда...

— А меня захватишь, если я в Дерри подоспею?

— Я перезвоню, — резко переключился тот. — У нас, похоже, ЧП. У Доусона такое лицо, словно его сейчас удар хватит.

— Жди, я приеду, — добавил Брайт. — Энди, мне не до шуток.

— Понял, — отрезал Торгюсон. Его смущило, что Брайт не проявил ни малейшего интереса к сообщению о ЧП, что было отнюдь ему не свойственно. — Я тебе позвоню.

Доусон вышел из диспетчерской. Лето было в самом разгаре, и весь персонал — если не считать Торгюсона, отслеживавшего ситуацию в штабе, — нес постовую службу. Фактически вся казарма была в распоряжении двух старых приятелей.

— Боже, Энди, уж не знаю, что об этом и думать, — заговорил Доусон.

— О чём? — Торгюсона охватило волнение. Он знал, что время от времени у него тоже случаются интуитивные прозрения. И до сих пор они укладывались в рамки его собственной профессии. А тут — что-то из ряда вон выходящее. Доусон

стоял ошалелый, словно получил по голове кирпичом. Давно забытое возбуждение вновь проснулось в нем и заворочалось. Он ненавидел сго и любил, как наркоман может любить дозу. И вдруг он сложил два плюс два, нашел связь, необъяснимую и столь же неоспоримую. Все происходящее как-то связано с тем, о чем ему только что поведал Брайт. Так что ловите Соню и тащите сюда Шляпника, суньте Соню в чайник и поехали. У нас назревает чаепитие.

— В Хейвене лесной пожар, — отрапортовал Доусон. — Наверняка лесной пожар. Докладывают, что это, вероятно, в Большом индейском лесу.

— Вероятно? Что еще за «вероятно»?

— Углядели на брандвахте в Чайна-Лейкс, — ответил Доусон. — Где-то с час назад засекли дым над лесом. Около двух пополудни. Сразу вызвали пожарную brigаду из Дерри и рейнджеров с третьего пожарного поста и в Ньюпорте. Из Ньюпорта, Юнити, Чайна-Лейкс и Вулиджа выехали пожарные наряды.

— А из Трои? Альбиона? Что, про них забыли? Они же граничат с городом!

— Троя и Альбион ничего не докладывали.

— А Хейвен-то?

— Телефоны молчат.

— Кончай, Смоки, ты меня без ножа режешь. Какие телефоны?

— Все до одного. — Взглянув на Торгюсона, он слготнул. — Я, конечно, лично не проверял, да только это еще не самое страшное. Бред какой-то...

— Да не ломайся, выкладывай.

И от того, что он поведал, у Торгюсона пересохло во рту.

Рейнджеры с третьего поста следили за очагами пожара в округе Пенобскот; по крайней мере, пока не разросся огненный фронт. Первым делом они ведут наблюдение, потом их задача — выявить очаги, а дальше уже — локализовать. Все как будто бы просто. На деле же оказалось иначе. Положение осложнялось тем, что пожар, на который им пришлось ехать, находился в двадцати милях от них. Они вызвали brigады на пожарных машинах, справедливо рассудив, что те могут пригодиться, ибо дозвониться до Хейвена и прояснить ситуацию на местах им не удалось. Ориентировочно предположили, что горит где-то в районе восточного пастбища Фрэнка Спрюса

или чуть дальше. Кроме того, они выслали три наряда по два человека на полноприводных машинах, с топографическими картами и корректировщиками. Доусон называл лес по ста-ринке, Большой индейский лес, но поскольку вождь Уалиуайвока давно канул в Лету, на современных политкорректных картах mestечко значилось под более актуальным названием «Горелый лес».

Первыми на место прибыли пожарные машины из Юнити — на свою беду. Когда до Хейвена оставалось мили три-четыре, а горизонт, милях в восьми оттуда, окутала зловещая дымовая завеса, экипажу пожарной машины вдруг стало нехорошо. Да не паре человек, а сразу семерым. Водитель давил на газ до тех пор, пока не рухнул на руль без сознания. Машина на полном ходу слетела с Олд-Скулхауз-роуд и рухнула прямиком в лес, не доехав до Хейвена каких-то полторы мили. Трое погибли на месте, двое истекли кровью и скончались. Двое выживших буквально выползли на карачках, на протяжении всего пути изрыгая рвотные массы.

— Сказали, это походило на отравление газом, — пояснил Доусон.

— Так это они звонили по телефону?

— Да какое там! Их, полуживых, везут на «Скорой помощи» в Дерри. Звонили с третьего поста. Они там пытаются что-то сделать, да похоже, в Хейвене одним лесным пожаром дело не обошлось. Пожар быстро распространяется, а метеорологи сообщили, к ночи поднимется восточный ветер, так что туда вряд ли можно будет подобраться.

— А еще что им известно?

— Да ни черта! — воскликнул Смоки Доусон, словно такая постановка вопроса оскорбляла его лично. — Как только человек приближается к Хейвену, ему становится плохо. Чем ближе ты к чертову городищу, тем тебе хуже. Вот и все, никто ничего толком не знает. Разве что про возгорание.

В Хейвен так и не въехал ни один пожарный расчет. Ближе всех оказались бригады из Чайна-Лейкс и Вулиджа. Торгюсон взглянул на анометр, висящий на стене, и тут же понял, в чем дело. Они пытались подойти с наветренной стороны. И если в Хейвене и окрестностях воздух действительно отравлен, то его сносило прямо на них.

Господи боже, а если это радиация?

Что ж, о такой радиации Торгюсон еще не слышал. Расчеты из Вулиджа доложили о стопроцентном отказе всех двигателей на подходе к границе Хейвена. Из Чайна-Лейкс выслали одну пожарную машину и одну автоцистерну. Машина не прошла, зато цистерна катилась как миленькая, водителю чудом удалось развернуться и выехать из опасной зоны, захватив и людей, которые набились в кабину, висли на бамперах, держались, распростервшись на самой цистерне. Почти у всех текла кровь из носа, кое у кого сочилась из ушей, а у одного лопнул сосуд в глазу.

И у всех без исключения выпали зубы.

Так что ж это за радиация такая?

Доусон кинул взгляд на диспетчерскую: теперь мигали все сигнальные лампочки, на каждой линии его ждал вызов.

— Энди, ситуация ухудшается, я должен...

— Знаю, знаю, — прервал его Торгюсон, — идти и снова слушать этот бред. Мне надо позвонить генеральному прокурору Огасты и разговаривать уже с другими ненормальными. Джим Тирни — лучший прокурор из всех, кто служил в Мэне с тех пор, как я впервые надел эту форму, и знаешь, где он прохлаждается в этот веселый денек?

— Нет.

— Он в отпуске, — изрек Торгюсон, издав смешок, при данных обстоятельствах звучавший диковато. — Впервые ушел в отпуск за все время службы. Единственный человек в администрации, который мог бы понять, что здесь происходит, отдахает с семейством в Юте. В Юте, черт бы ее побрал! Скажи, отлично?

— Отлично.

— И что же там творится-то?

— Не знаю.

— Есть еще жертвы?

— Умер лесник из Ньюпорта, — неохотно проговорил Доусон.

— Кто именно?

— Генри Эмберсон.

— Что? Только не Генри! Господи!

Торгюсона будто ударили под дых. Он знал Эмберсона уже двадцать лет. Не сказать, чтобы они были закадычными друзьями, но любили перекинуться в картишки да порыбачить на блесну.

Господи, Генри! Генри Эмберсон. А Тирни пропадает в этой своей Юте.

— Он что, был в одном из тех джипов?

— Н-да. И у него в груди стоял кардиостимулятор, и...

— Ну что? Что? — Торгюсон сделал шаг вперед, словно собираясь схватить Смоки за грудки. — Не тяни!

— Водила, что сидел за рулем, вроде как сообщил третьему посту по радио, что у Эмберсона кардиостимулятор в груди взорвался.

— Боже милосердный!

— Пока еще точно не ясно, — поспешил добавить Доусон. — Ничего определенного. Следим за развитием ситуации.

— Как может взорваться кардиостимулятор? — тихо спросил Торгюсон.

— Не знаю.

— Это шутка, — ровно проговорил Торгюсон. — Это точно какая-то шутка, или розыгрыш, или радиошоу. «Война миров».

Смоки робко проговорил:

— Не думаю, что это шутка... или розыгрыш.

— Я тоже, — ответил Торгюсон и пошел в свой кабинет, чтобы сделать звонок. — Чертова Юта, — тихо проговорил он, оставив Смоки Доусона разгребать все более и более невероятную информацию, поступающую из района, центром которого была ферма Бобби Андерсон.

3

Джим Тирни отдыхал в Юте, и если бы не этот прискорбный факт, Торгюсон обязательно первым делом связался бы с офисом генерального прокурора. А так он прикинул, что время терпит, и решил по-быстрому позвонить Дэвиду Брайту из «Бангор дейли ньюс».

— Дэвид? Это Энди. Слушай, я...

— Нам отовсюду звонят: в Хейвене пожар. Похоже, большой. Что-нибудь слышно по твоим каналам?

— Я тоже в курсе. Дэвид, я не смогу тебя захватить, но зато твоя информация подтвердилась. Пожарные и разведчики не в состоянии прорваться в город. Всем становится плохо, и по-

гиб лесник, мой старинный приятель. Сказали, будто... ладно, не важно. Все равно не поверишь.

Брайт живо заинтересовался:

— Ну говори, говори.

— Забудь об этом.

— Ты сказал, пожарным и спасателям становилось плохо?

— Разведчикам, а не спасателям. Спасатели не выдвинулись — ведь пока неизвестно, требуется ли там помощь. И еще, какая-то ерунда происходит с машинами. Джипы, пожарки — все заглохли. Стоит приблизиться к Хейвену, отказывает двигатель.

— Что?

— Что слышал.

— Это вроде импульса?

— Что за импульс? О чём ты?

Торгюсон ошибочно решил, что Брайт в курсе того, что случилось с кардиостимулятором, и говорит именно о нем.

— Описано в науке такое явление, ЭМИ, электромагнитный импульс. Происходит в считанные секунды после ядерного взрыва. Вырубается вся электроника, в том числе и в автомобилях.

— Жуть. А радиоприемники?

— И они тоже.

— Но твой друг сказал...

— Да-да, сотни радиостанций по всем диапазонам. Я могу сослаться на тебя и обнародовать информацию про пожарных и спасателей? И про машины.

— Валяй. Сошлись на «источник». «Информированный источник».

— А когда ты впервые услышал...

— Давай оставим на потом интервью для журнала «Плейбой». Дэвид, я так понял, твой Леандро наведывался в «Медицинские товары» за воздухом?

— Да.

— Значит, он подумал, что дело в воздухе, — проговорил Торгюсон, не обращаясь ни к кому конкретно. — Так-так...

— А знаешь, Энди, ведь есть еще одна ситуация, когда останавливаются машины и вырубаются двигатели. Если, конечно, принимать на веру то, что нам время от времени докладывают...

— Говори же, не томи.

— Контакт с НЛО. Да-да, не смейся. Все, кто был в машине или самолете, когда рядом пролетал НЛО, жаловались на отказ двигателя, который чудесным образом оживал, стоило инопланетной штуковине исчезнуть из поля зрения, — доложил Брайт, а потом добавил: — Кстати, помнишь, тут доктор разбился на самолете? Пару недель назад, в Ньюпорте.

«Война миров», вновь подумал Торгюсон. Сущий бред.

А с другой стороны, разве кардиостимуляторы взрываются? Как такое возможно?..

Решено, хватит теряться в догадках, надо туда поехать и самому во всем разобраться.

— Все, Дэйви, даю отбой, перемолвимся при встрече, — отрезал Торгюсон и повесил трубку. Часы показывали три пятнадцать. Пожар, разгоревшийся на ферме старого Фрэнка Гаррика, полыхал уже больше часа. Широким полумесяцем он стремительно шел на корабль.

4

В три пятнадцать пополудни Торгюсон позвонил в Огасту. В то же время по трассе I-95 на север выехали два седана со следственной группой из шести человек. Ровно в два часа двадцать шесть минут в офис генерального прокурора позвонили с третьего пожарного поста, а в два сорок девять — из полицейского управления Дерри. Рапорт полицейских состоял из описания первых разрозненных фактов — авария с пожарной машиной из Юнити, гибель лесника, подстреленного собственным кардиостимулятором. В тринадцать тридцать, с поправкой на часовой пояс, у палаточного лагеря, где расположился на отдых Джим Тирни с семьей, притормозил автомобиль полиции штата Юта. Вышел инспектор и сообщил, что в родном городе генерального прокурора сложилась чрезвычайная ситуация. Когда тот пожелал узнать, какого именно рода ситуация, ему ответили, что сведения эти распространяются по принципу служебной необходимости. Тот, конечно, мог сразу позвонить в Дерри, но ему хотелось говорить с кем-то, кого он знал и кому доверял. И это был Торгюсон из Кливз-Миллз. Внутри разрастался страх, терзали жуткие

предчувствия: это «Мэн-Янки»* как пить дать. Авария на АЭС. А иначе зачем было гнать за ним через всю страну? Но вот полицейский соединил его с Торгюсоном, и прокурор с облегчением услышал голос друга.

В тринадцать тридцать семь Тирни сел в патрульную машину, на место подле водителя, мимоходом поинтересовавшись:

— Сколько выжимает машина?

— Сэр! Крейсерская скорость тридцать миль, сэр, и я мормон, сэр, и не боюсь ехать на этой скорости, сэр, потому что точно знаю, что не попаду в ад, сэр!

— Сейчас отличный повод это доказать, — сказал Тирни.

В четырнадцать ноль три Тирни уже был в «лиарджете» без опознавательных знаков, кроме американского флага на хвосте. Самолет ждал их на небольшом частном аэродроме неподалеку от городка Коттонвудз, о котором в свое время Зейн Грей поведал в своей книге «Всадники пылающих прерий». Роман этот некогда вдохновил Роберту Андерсон стать той, кем она впоследствии стала: писательницей вестернов.

Пилот был в штатском.

— Вы из министерства обороны? — спросил Тирни.

Пилот кинул на него непроницаемый взгляд сквозь черные очки и изрек:

— «Мастерская».

Больше он не проронил ни слова до конца перелета.

«Полиция Далласа» вступила в игру.

5

Заселенная полоса придорожной земли, вот чем был Хейвен до недавнего времени. Особого интереса он не вызывал, да и располагался на приличном удалении от главных туристических маршрутов Мэна. Теперь же туда повалил народ. Поначалу люди ничего не знали об аномалиях; их внимание целиком и полностью занимала дымовая пелена, зловещим облаком нависшая над горизонтом. Зеваки слетались из городов и весяй,

* Атомная электростанция «Мэн-Янки» близ города Портленд, ныне закрыта.

как мотыльки на свет. И лишь к семи вечера полицейским, при содействии местного подразделения национальной гвардии, удалось кое-как отрезать доступ к опасной зоне, перекрыв все без исключения подъездные пути. К утру пожар достиг небывалого размаха, став самым крупным пожаром за всю историю штата. Порывистый восточный ветер, предсказанный метеорологами, не заставил себя долго ждать, и теперь у людей не осталось ни малейшего шанса спрятаться с бедствием, взявшим столицу лихой старт. Пусть и не сразу, но стало ясно, что даже в безветренный день они не смогли бы остановить его, пока лес не выгорел бы дотла. Невозможно потушить огонь, к которому нельзя подобраться, ведь все попытки проникнуть в зону поражения имели самый плачевный результат.

Воздушный наблюдатель потерпел крушение.

Полный автобус вооруженных бойцов из резервного подразделения штата, высенный из Бангора, слетел с дороги, впечатался в дерево и взорвался, а все потому, что за секунду до этого водителю разнесло мозг, точно помидор, фаршированный «вишневой бомбой». Ни один из семидесяти не выжил. Половина погибла на месте, половина почила в бесплодных попытках выползти из отправленной зоны.

Что поделаешь, им не повезло — ветер дул не в ту сторону... слабое утешение, но это единственное, что мог бы сказать им Торгусон.

Пламя пожрало половину Ньюпорта прежде, чем спецы успели толком приступить к работе. К тому же редкая цепочка пожарных вряд ли справилась бы с линией огня, которая растянулась, ни много ни мало, на шесть миль.

К семи часам вечера зону ЧП наводнили сотни людей — кое-кто из них пытался бороться с пламенем, но в основной массе это были просто зеваки, этакая разновидность овощей-ротозеев. Большинство выбралось из опасной зоны своими силами. Бледные, с выпученными глазами, они тащились, исходя кровью из носов и ушей. Другие убегали, зажав в руках свои выпавшие зубы, словно драгоценный жемчуг. Но немало народу погибло. И это не считая тех, кого накрыло ядовитой волной в зоне проживания. Когда ветер сменил направление, жители восточного Ньюпорта получили свою дозу Хейвена.

Многие умерли, не выходя из дома. Другие попытались покинуть жилище или вылезли, чтобы поглядеть, да так и за-

дохнулись гнилым воздухом. Теперь они лежали, свернувшись калачиком на обочинах дорог, обхватив руками животы. Как позднее рассказал репортерам «Вашингтон пост» один солдат (строго-настрого запретивший разглашать свои личные данные), они напоминали кровавые запятые в форме человеческих тел.

Впрочем, Лестеру Морану, продавцу учебных пособий, была уготована иная судьба. Он жил в пригороде Бостона и целыми днями разъезжал по северной части Новой Англии, распространяя книги в школьных округах.

Вот и теперь он возвращался из очередного рейда по округу Арустук, как вдруг увидел на горизонте дым. Случилось это в четверть пятого дня.

Лестер немедленно сменил маршрут. Он не спешил домой, так как был холостяком и на ближайшие две недели не имел никаких планов. Он свернулся в любом случае. Даже если завтра ему пришлось бы выступать на конференции в роли главного действующего лица и еще предстояло бы написать речь. Дело в том, что Лестер Моран родился пиromаном и противостоять природной склонности не мог. Пять дней он крутил барабанку. Задница одеревенела, почки ломило от постоянной тряски по дорогам мелких безымянных поселений, которые обозначались лишь точкой на карте. Ни минуты не колеблясь, коммивояжер развернул машину и погнал в сторону пожара. Усталость как рукой сняло, глаза горели, его лихорадило. Начальники пожарных команд легко распознавали этот сверхъестественный огонек и страшились его: то был нездоровы́й блеск глаз истинного пиromана.

От таких людей бежали как от огня, но в случае крайней нужды прибегали к их помощи. Минут пять назад Лестер Моран, который в двадцать один год подавал заявление в пожарное дело Бостона и которого не приняли из-за железной пластины в черепе, чувствовал себя загнанной лошадью. Теперь же он был на взводе, словно принял дозу амфетамина. Он с радостью взвалил бы на плечи здоровенный разбрзыгиватель массой в половину собственного веса, чтобы ночь напролет вдыхать сладкий запах дыма (как иные вдыхают аромат духов на шее любимой женщины) и бороться с огнем, пока щеки не обгорят до пузырей и не истлеют брови.

В Ньюпорте он съехал с магистрали и взял прямой курс на Хейвен.

Железная пластинка в голове — это отдельная история. Мальчик заработал ее в двенадцать лет, еще школьником, когда нес службу в дорожном патруле. Его сбила машина, он пролетел тридцать футов, пока не вмазался в крепкую кирпичную стену мебельного магазина. Ему отпустили грехи, хирург, оперировавший его, сказал рыдающим родителям, что сын их, по всей вероятности, умрет в ближайшие шесть часов либо зачахнет, не приходя в сознание после нескольких дней или недель комы. Однако еще до захода солнца сорванец открыл глаза и попросил мороженого.

— Это какое-то чудо, чудо! — восклицала мать, давясь рыданиями. — Это чудо господне!

— Не иначе, — изрек хирург, который оперировал мальчика и видел его мозг сквозь зияющую в черепе дыру.

И теперь, приближаясь к восхитительному дыму, Моран чувствовал, что у него подвело живот, но, приписав это возбуждению, вскоре позабыл о минутном недомогании; железка в его черепе вдвое превосходила по размеру железку в голове Гарденера. Пелена сгущалась, а в округе не было ни полиции, ни пожарных, ни машин лесничества. Это казалось немного странным и чудесно волнующим. Заложив плавную дугу, он съехал на обочину и узрел в придорожной канаве перевернутый «плимут» бронзового цвета. На приборном щитке автомобиля еще мигал красный огонек, а на боку красовалась надпись: «Пожарное депо Дерри».

Лестер припарковался, вылез из фургончика и поспешил к разбитому автомобилю. Со стороны водителя все было перевякано кровью: руль, сиденье и коврик на полу; сю же обильно забрызгано лобовое стекло..

В общем и целом, кровища в салоне хватало. Лестер какое-то время смотрел на нее в немом ужасе, а потом обратил взгляд на Хейвен. Тусклый красный огонь плясал в основании дымной шапки, слышался сухой треск горящей древесины. Складывалось ощущение, будто стоишь возле самой большой в мире мартеновской печи или словно мартеновская печь, самая крупная в мире, вдруг отрастила ноги и неспешно бредет на тебя семимильными шагами.

И на фоне этого огненного колосса перевернутая машина начальника пожарного депо перестала казаться такой уж трагедией. Выиграв схватку с совестью, Лестер поспешил к собственному автомобилю. Он пообещал себе остановиться у первого

же телефона-автомата и позвонить в полицию штата в Кливз-Миллз, а лучше в Дерри. По добной традиции коммивояжеров он держал в голове подробную карту своей территории. Сверившись сней, он решил, что Дерри будет поближе.

Хотелось гнать и гнать. Мчаться на полном ходу, выжимая максимум из своей колымаги. На ту пору предел скорости для его фургона не превышал шестидесяти миль в час. Желание это он поборол. Казалось, что вот-вот на одном, другом, третьем повороте появятся «ежи», перегораживающие проезд, в спешке брошенные поперец дороги автомобили и кричащие мужчины в касках, шлемах и резиновых плащах.

Пустые ожидания. Ни «ежей», ни бурной деятельности — ничего, только опрокинутая пожарная машина с отломанной кабиной, да шистерна, брызгущая остатками своего спасительного содержимого. Лестер стоял на обочине, вдыхая дымный воздух, смертельно опасный для всех остальных жителей планеты, и зачарованно смотрел на бессильно свесившуюся из отчлененной кабинны белую руку с ручейками запекшейся крови.

Что-то здесь не так. Что-то посерьезнее пожара. Надо сматываться отсюда, пока не поздно.

Но вопреки здравому смыслу он обернулся навстречу огню — и пропал.

В воздухе все острее чувствовалась гарь. Огонь не потрескивал, а раскатисто грохотал. И тут Лестера посетило внезапное прозрение, окатило, как ведром жидкого цемента. Никто, ни одна живая душа не борется с огнем. По какой-то непонятной для него причине люди не могли проникнуть в эту зону, либо им запретили это делать. Ветер крепчал, раздувая рассвирепевшее пламя, которое вырвалось на свободу и бушевало, словно какой-нибудь радиоактивный монстр из ужасистика.

Страх, пронзивший его при этой мысли, сменился возбуждением, какой-то нездоровой извращенной радостью. Да, такие чувства — плохой знак, но это ничего не меняло. Факт оставался фактом. Подобная радость просыпалась в Лестере при встрече с каждым пожарником, которого он когда-нибудь угощал выпивкой (то есть почти со всеми пожарниками, которых он встречал на своем пути после того, как провалил тест на физическую пригодность к пожарной службе).

Спотыкаясь и падая, он добрался до машины, кое-как завел ее, врубил на полную кондиционер и направился в Хейвен.

Он, конечно, понимал, что все это — настоящий идиотизм, ведь он не Супермен какой-нибудь, а сорокапятилетний холостяк, торгующий школьными учебниками, который настолько застенчив, что не может пригласить женщину на свидание. Впрочем, не сказать, что дело здесь было лишь в идиотизме. Как бы категорично это ни звучало, он даже умудрялся найти рациональное объяснение своему поступку. Конечно, вел он себя безрассудно, но остановиться уже не мог — так чувствует себя наркоман, глядя, как булькает в ложке вожделенная доза.

Он не сумеет потушить...

...но подъехать и посмотреть — вполне.

«А ведь там и впрямь будет на что посмотреть?» — прикидывал Лестер. По лицу струился пот, словно в предвкушении грядущего пекла. Посмотреть, о да. Лесной пожар, которому по какой-то причине позволили бушевать. Словно миллион лет назад, когда жалкая горстка людей, тогда еще бывших безволосыми обезьянами, ютилась в колыбели человечества меж рек Нил и Евфрат, а вокруг бушевали стихийные пожары, загорающиеся от искры, удара молнии или падения метеорита, а вовсе не от окурка, брошенного в лесу по дури пьяным охотником. Запылает пламя и пойдет шагать по лесу, точно колосс на огненных ногах, пожирая все на своем пути, окутывая просеки, поляны, луга и поля, пронесется сплошной стеной, словно огонь в прериях, охвативший Канзас в 1840 году. Как от зажигательной бомбы будут взрываться дома из-за резкого перепада давления. Так было во времена Второй мировой. И эта дорога, та самая, на которой он стоит, исчезнет в адском пекле.

Лестер представил, как начнет плавиться асфальт, размякнет, хлынет ручейками — и загорится.

«Разве можно пропустить такое зрелище? — думал он, на-жимая на газ. — Шанс, который выпадает человеку лишь раз в жизни».

6

— Но мне надо будет как-то объясняться с отцом, — промялил продавец из «Медицинских товаров». Он уже сто раз пожалел, что четыре года назад настоял на том, чтобы ввести

в магазине дополнительную услугу: аренду приборов. И папаша неоднократно поставил это ему на вид, после того как старый хрыч замотал их дыхательный аппарат. А теперь в Хейвене невесть что творится, сообщают про лесной пожар и еще говорят, как будто бы здесь происходят дела и почище лесного пожара. Мало того, наверняка можно рас прощаться с комплектом, который он выдал с утра репортеру в толстых очках. А теперь еще завалились два парня, ни дать ни взять птицы высокого полета, и тоже требуют маски с баллонами. Да не по одному на каждого, а целых шесть.

— Скажешь отцу, что мы их реквизириуем, — ответил Торгюсон. — Я так понимаю, вы предоставляете дыхательное снаряжение для пожарных, ведь так?

— Ну да...

— В Хейвене пожар, так?

— Да, но ведь...

— Тогда таши сюда банки с воздухом, мне некогда с тобой пререкаться.

— Отец с меня шкуру спустит! — завопил парень. — Это весь наш запас.

Клодель Вимс и Торгюсон встретились на парковке перед полицейским управлением: один въезжал на парковку, другой — выезжал с нее. В управлении штата Мэн числился лишь один чернокожий полицейский. Высокий здоровяк, он немногим уступал покойному Монстру Дугану. Сверкая золотым зубом и подаввшись к собеседнику всем торсом — например, к подозреваемому или продавцу, который не слишком охотно содействовал властям, — он заставлял его нервничать. При случае Торгюсон поинтересовался у Вимса, как это ему вообще-то удается, на что тот загадочно ответил: не иначе древняя черная магия, и разразился хохотом, от которого, кажется, затряслись казарменные окна.

Вимс склонился к продавцу и показал сверкающий золотом оскал. «Древняя черная магия» и в этот раз сделала свое дело.

Продавец оцепенело провожал взглядом двоих в штатском, взваливших на себя шесть дыхательных комплектов, и никак не мог взять в толк, что же произошло... перед глазами маячил темнокожий верзила с огромным золотым резцом во рту... Самым большим резцом на свете.

7

На крыльце магазина, где Леандро покупал себе футболку, стоял беззубый старик продавец. Безучастным взглядом он проводил пронесшуюся мимо машину Торгюсона, а затем неторопливо зашел в свою будку и набрал номер, по которому мало кто сумел бы дозвониться. Сиренний вой на линии — вот что услышал бы посторонний, звук, который столько раз поворгал в бешенство Энн Андерсон. На задней панели аппарата, которым пользовался хозяин, был закреплен замысловатый приборчик, и вот уже старик говорил с Хейзел Маккриди, чей голос становился все тревожнее.

8

Выгнув шею, Клодель Вимс взглянул на спидометр и задорно воскликнул:

— Ого! А скорость у нас ничего себе, за девяносто перевалило. Ученое собрание вынесло вердикт: такого дрянного водителя мы еще не видали.

— Кто-кто вынес? — переспросил Торгюсон.

— Я, собственной персоной, — ответил Клодель Вимс. — Я пришел к умозаключению и сделал вывод: очень скоро мне крышка. Не знаю, веришь ли ты во всю эту чушь про последнее желание приговоренного, но если веришь, не откажи в последней просьбе. Очень хотелось бы знать, во что мы тут вляпались. Ну, если успеешь, конечно, до того как мы с тобой получим блок цилиндров в качестве имплантатов.

Энди открыл рот, но передумал и сказал:

— Нет, не могу. Это бред. Но слушай, возможно, тебе станет плохо. И если это случится, то сразу бери банку с воздухом и дыши из нее.

— Хренъ господня, — буркнул Вимс. — В Хейвене отправили воздух?

— Не знаю. Могу лишь догадываться.

— Хренъ господня, — буркнул Вимс еще раз. — Ну и откуда «дровишки»?

Энди лишь покачал головой.

— Потому и не тушат пожар.

Горизонт застилало дымовое облако. Оно росло иширилось, расползаясь в обе стороны. Пока, слава богу, дым был белым.

— Не знаю. Вероятнее всего. Включи-ка какую-нибудь радиостанцию.

Вимс на миг показалось, что Торгюсон не в своем уме.

— Какую именно?

— Любую.

Вимс врубил полицейскую волну и поначалу ничего не мог разобрать в путаных переговорах недоумевающих людей, по-немногу поддающихся панике, — копов и пожарных, которые вроде бы хотят тушить пожар, но не могут к нему подобраться. И тут же перекали запрос всем подразделениям: ограбление в винном магазине по адресу Медфорд, Мистик-авеню, сто семнадцать.

Вимс озадаченно взглянул на Энди.

— Черт, сколько живу и не подозревал, что в Медфорде есть Мистик-авеню. Да какие там авеню? Пара троп для лесовозов, и все.

— Я думаю, что этот запрос из другого Медфорда, — проговорил Энди, и собственный голос доносился до него будто издалека. — Из Медфорда в штате Массачусетс.

9

Одолев двести ярдов в черте города Хейвен, автомобиль Лестера Морана заглох. Он не кашлял, не ворчал и не дергался, вырубился молча. Лестер вышел, даже не потрудившись повернуть ключ в замке зажигания.

Глухой рокот огня заполнил собой весь мир. Температура воздуха подскочила градусов на двадцать. Ветер гнал в лицо клубы дыма, немного отклоняя их от земли — лишь поэтому здесь еще как-то можно было дышать. В горячем воздухе висел едкий запах гари.

По обе стороны дороги расстилались поля. Левое принадлежало Кларендону, правое — Рувалию. Мягкими волнами оно нисходило к лесу. Меж деревьев, разгораясь все ярче, плясали красные и оранжевые огни, змеились светлые столбы дыма, сливаясь наверху в непроглядную сизую тучу. Пустые стволы

лопались с сухим треском — огонь высасывал из них кислород, точно мозг из старых костей. И хотя ветер дул не в лицо, дым относило достаточно близко. Было ясно, что очень скоро, в считанные минуты — или секунды, — пожар вырвется из леса и охватит поле. Он стремительно достигнет того места, где раскрасневшийся Лестер обливается жарким потом. Подпустишь ближе — не миновать смерти. Ни к чему искушать судьбу. Моран решил вернуться в машину и гнать подальше от бесноватой стихии. Заведись, только заведись, старушка. Ты ведь ни разу не подводила.

Ну уходи! Уходи, ради бога! Посмотрел — радуйся! Теперь вали отсюда!

Да только дело в том, что он так и не увидел главного. Да, ощущал жар пламени, огненный дракон мигнул глазом и пустил дым из ноздрей — но огня все еще не было.

И тут он появился...

Он вспыхнул в западной части земель Лютера Руваля. Часть пламени отделилась от основного массива, охватившего Большой индейский лес, и стала подбираться к роще, примостиившейся на самом краю поля. Рыжий зверь торопливо подкрадывался к добыче. В огненном зареве темнели силуэты стволов, становясь все темнее и контрастнее по мере того, как пламя меняло свою окраску с желтого на оранжевый, с оранжевого на красный, а потом оно мгновенно слизало их яркими языками. С секунду видны были макушки деревьев, но и они пропали, будто по мановению руки великого иллюзиониста, каким так страстно мечтал стать Хилли Браун.

До линии огня было рукой подать. Поднявшись на дыбы, огненная бестия неслась, пожирая все на своем пути. Перед ней, разинув рот и не в силах сойти с места, стоял зачарованный Лестер Моран. И вот уже огонь яростной волной хлынул по склону, волоча за собой удущливый дымный хвост. Лестер закашлялся.

Сматывайся! Господи, что ты медлишь?!

Да. Сейчас, вот прямо сейчас. Еще чуть-чуть и побегу. Перед ним трепетала пламенная стена. Ожидания его не обманули, это волшебное, пленительное зрелище. Но огонь — дикий зверь, а что должен делать любой трезвомыслящий человек при встрече со зверем? Правильно, бежать. Бежать, чтобы пятки сверкали, драпать без оглядки, как это делают все живые существа... Живые?..

На полпути к машине Лестер встал как вкопанный.

Живые существа.

Да, вся живность испокон веку бежит из горящего леса, и звериные законы тут не работают, койот мчится бок о бок с кроликом.

И где же они? Койоты, кролики? Ни зверей, ни птиц, пусто в свинцово-бронзовом небе.

Тиши да гласть, ни одной живой души.

Если никто не бежит из горящего леса, так, значит, там никого нет?..

Опрокинутое авто из пожарного депо и лужи крови.

Покореженная цистерна, окровавленная рука.

«Да что здесь такое творится?!» — орал в истерике перепуганный разум.

Кто ж его разберет... Ясно одно: надо выбираться отсюда. Он распахнул дверь своего фургончика, оглянулся напоследок — и вскрикнул, увидев нечто, вздымавшееся в небо из столба густого темного дыма. Глотнул копоти, закашлялся и закричал вновь.

Подобно киту в морских пучинах, гигантское нечто являло себя миру.

Серебристый бок тускло мерцал в лучах окутанного дымкой солнца. Он поднимался все выше и выше, не издавая ни единого звука среди громовых раскатов движущегося семимильными шагами пламени.

Вверх, все выше и выше...

Задрав голову, Лестер неотрывно следил за небесной громадиной и ее невероятным взлетом, а потому не заметил небольшой предмет, который выплыл из-за дымной завесы и легонько трусил к нему по дороге. Еще в начале лета эта красная тележка была собственностью маленького Билли Фанина. В ее центре крепилась платформа с ручной косилкой «Бенсон» — по сути, шест с мощным режущим лезвием на одном конце и рукояткой с кнопками управления на другом. На верхушке колыхался ярлычок с рекламной надписью «ВЗМЕТНИ БУРЮ В СВОЕМ САДУ». Шест, закрепленный на подвижном шарнире, выступал вперед, точно нос скоморошьего корабля.

Пока Лестер глазел в небо, встав возле машины, датчик мозговых волн, бывший когда-то цифровым тестером готовности мяса, автоматически запустил электронный стартер косил-

ки-триммера (при разработке исходной модели этой опции не было и в помине). Взвизгнуло лезвие, одуревшим котом взвыл компактный бензомотор.

Лестер обернулся на звук. На него мчалось некое подобие удочки, снабженной комплектом стальных челюстей. Он вскрикнул и нырнул за автомобиль.

«Что за чертовщина?! — завопил ошалелый рассудок. — Что за черт, что за черт, что за...»

Агрегат вращал суставом, выгибая «шею» в поисках жертвы. Он улавливал волны, которые испускает человеческий мозг, воспринимая их в виде мерной пульсации сродни сигналам радара. Косилка не отличалась особым интеллектом (мозг ее был заимствован у электронной игрушки под названием «Мощный разведывательный танк»). Впрочем, ей вполне хватало ума на то, чтобы не упустить добычу, нацелившись на низкочастотную вибрацию живого мозга, в каком-то смысле той же батареи.

— Кыш! Отстань! — заорал Лестер на тележку, которая упрямо приближалась. — Отстань! Пошла вон!

И тут тележка метнулась прямо на него. Моран отпрянул, сердце как бешеное колотилось в груди. Триммер дернулся следом, Лестер вновь попытался отскочить, но тут, на беду, над макушкой зависла огромная тень, и он, сам того не желая, на миг поднял взгляд и запутался в собственных ногах. В этот момент триммер совершил бросок. Крутящаяся лопасть вонзилась в голову, вгрызаясь в податливую плоть. Когда обоих объял огонь, «железные жвала» все еще кромсали свою добычу.

10

Торгюсон с Вимсом одновременно заметили распластертое на дороге тело. Тошнота накатила еще на подходе к городу. Они нацепили дыхательные маски и теперь чувствовали себя неплохо. Леандро оказался прав: все дело в воздухе.

После полицейской волны Массачусетса, которую они поймали, Клодель Вимс перестал задавать вопросы. Он сидел, опустив руки на колени, и с внимательной настороженностью водил глазами из стороны в сторону. В тот день спутники много чего узнали о полицейских буднях в таких интересных местах, как Фрайдей, Северная Дакота, Арнетт (Оклахома), Техас.

Торгюсон остановил авто, и они вышли. Вимс задержался, достал из-под приборной панели пугач, взглянул на напарника. Тот кивнул. Наконец-то начало проясняться. Никто не говорит, что всему нашлось разумное объяснение, просто кое-что встало на свои места. Гэббонс и Роудс пропали на пути в этот город. И Монстр тоже был здесь за день до самоубийства. Как там поется у Фила Коллинза? «В чистом небе назревает гроза».

Да, в небе явно что-то назревало.

Торгюсон бережно перевернул труп, нимало не сомневаясь, что это — тот самый смельчак, который решил наконец разворошить осиное гнездо.

Да, Торгюсону пришлось повидать всякое на своем веку, не раз разбирал он завалы после дорожных аварий, но это зрелище оказалось слишком жутким даже для него: он охнул и закрыл лицо руками.

— Господи, чем его так? — опешил Вимс. Дыхательная маска отчасти скрадывала его интонацию, но в голосе звучало явное смятение.

Ответа Торгюсон не знал. Однажды ему довелось видеть человека, сбитого снегоуборочной машиной. Труп выглядел примерно так же. Пожалуй, это наиболее близкое сравнение.

От места, где когда-то была голова убитого, до самой поясницы зияла сплошная кровавая рана. Пряжка от ремня глубоко впилась в тело.

— Боже... Прости, бедолага, — пробормотал Торгюсон, бережно опуская мертвца на землю. По идеи, можно было бы поискать бумажник с документами, но трогать это раздробленное тело ему совершенно не хотелось, и он пошел обратно к машине. Вимс держался рядом, с ружьем на перевязи. Меж тем где-то вдали, в западном направлении, стущался дым. Впрочем, до них долетал лишь слабый смолистый запах.

— Бред какой-то, — пробормотал Вимс.

— А то.

— Жуткое место. Не нравится мне здесь.

— А то.

— Думается мне, линять надо отсюда да пожи...

И тут сзади раздался треск, и Торгюсону на миг почудилось, что к ним уже приблизился огонь — пусть еще недавно он был далеко в стороне, но во время Безумного чаепития возможно

и не такое. Пока он оборачивался, до него дошло: то был не звук горящего дерева. Это ломались ветки.

— Черта с два! — заорал Клодель Вимс.

У Торгюсона отвалилась челюсть.

На них тупо пер тот самый автомат для продажи газированных напитков. Он опять вышел на боевой рубеж и на этот раз выскочил из придорожных кустов. Стеклянный дисплей был разбит. Большая прямоугольная жестянка с поцарапанными боками зависла над землей. На передней панели виднелась чудовищно красноречивая вмятина, словно вышедшая из-под резца скульптора.

Она походила на половину чьей-то головы.

Вырнувшись с обочины, автомат для газировки на какое-то время замер над дорогой. Сейчас он смахивал на цветастый гроб, раскрашенный нелепыми яркими красками. Он выглядел бы забавным, если бы не кровавые потеки и брызги, которые уже начали подсыхать.

Автомат ненавязчиво жужжал, внутри что-то щелкнуло, словно сработало реле. Наверное, там неисправность, но как же тогда он...

И тут автомат ринулся на них.

— Хрень господня! — заорал Вимс. В его голосе слышался ужас пополам с безумным смехом.

— Вали его! Вали! — крикнул Торгюсон и отскочил вправо.

Вимс попятился, споткнулся о тело Леандро, упал. Какая небывалая тупость и небывалая удача. В нескольких дюймах от него просвистел автомат для газировки. Пока тот описывал дугу, собираясь выйти на новый вираж, Вимс успел сесть и один за другим выпустил в агрессивную железку три заряда из ружья. На стенках ящика расцвели вогнутые воронки с черной сердцевиной. Механизм зажужжал и замер в воздухе, непроизвольно подергиваясь, словно припадочный с хореей Гентингтона.

Торгюсон выхватил из кобуры пистолет и выпустил четыре пули. Автомат с бутылочками кока-колы рванул к нему, но так и не сумел набрать скорость — движения его были ленивы, словно он погружался в летаргический сон. Рывок, остановка, рывок, остановка и снова рывок. Его водило из стороны в сторону, как пьяного. Жужжание стало надрывным. Сквозь дверцу липкими струйками побежала газировка.

Торгюсон с легкостью увернулся, когда автомат сделал очередной выпад.

— Ложись! — крикнул Вимс.

Торгюсон рухнул на землю. Лихо работая затвором, Клодель Вимс выпустил в агрегат еще три залпа. При последнем выстреле в железном чреве что-то взорвалось. Оттуда повалил черный дым, вырвался язык пламени, лизнув разукрашенный бок.

Зеленого пламени, отметил про себя Торгюсон.

Автомат гулко плюхнулся на дорогу в двадцати шагах от мертвого Лсандро. Накренился, замер на миг и рухнул, брякнув, как пустая бочка. Зазвенело битое стекло. Секунды на три воцарилась тишина. Потом машина испустила протяжный гулкий скрип и осталась лежать на желтой разделительной полосе. Из отверстий в ее изрешеченной пулями красно-белой шкуре сочился дымок.

— Я выхватил оружие и пристрелил автомат с газированными напитками, сэр, — отрапортовал Клодель Вимс в маску.

Обернувшись, Торгюсон парировал:

— Но ты не сказал «Стой!» и не сделал предупредительный выстрел. Это попахивает служебным взысканием, болван.

Смерив друг друга взглядами, они расхохотались. Отсмеха Клодель чуть не надорвал живот.

И все же Торгюсона не отпускала мысль: зеленый. И хотя он продолжал хохотать, внутри ему было совсем не до смеха.

— Предупредительный выстрел, — задыхался Вимс. — Извини, брат, как-то не додумался.

— Нарушил его гражданские права, — добавил Торгюсон.

— Светит тебе служебное разбирательство, точно! — загибался Вимс. — О да, крошка! То есть, то есть...

Он плясал на цыпочках, этот здоровяк. И надо заметить, Клодель не был похож на балерину. Торгюсон вдруг понял, что и его ведет в сторону, голова пошла кругом. Они вдыхали чистый кислород. Дыхание стало учащенным. Казалось, воздуха уже не хватает.

— Хватит ржать! — скомандовал он, услышав свой голос будто издалека. — Клодель, кончай смеяться!

Кое-как он добрался до Клоделя — тот еле держался на ногах. Казалось, ковылял целую вечность. Почти уже дошел, запнулся и чуть не упал. Вимс подхватил его, и они замерли,

покачиваясь, поддерживая друг друга, словно Рокки Бальбоа и Аполло Крид в конце первого раунда.

— Ты меня сейчас уронишь, дурень, — пробормотал Вимс.

— Да пошел ты, сам первый начал.

Постепенно мир вокруг обрел былую четкость. Он колыхался все меньше и меньше. Дыша спокойно, говорил себе Торгюсон. Медленный глубокий вдох, легче, легче. Уймись, сердце, бейся ровно. На последней сентенции хотелось прыснуть, но он сдержался.

Обхватив друг друга за талию, неверной походкой они направились к патрульной машине.

— Труп, — изрек Вимс.

— Забудь пока. Он мертв, а мы еще нет.

— Гляди! — сказал Вимс, когда они проходили мимо останков Леандро. — Голубки вырубились.

Синие проблесковые маячки на крыше автомобиля, получившие нежное прозвище «голубки», не светились. Что странно, ведь по прибытии на место происшествия полицейские обязаны всегда оставлять мигалку включенной, и это укоренилось в сознании:

— А ты их... — Торгюсон умолк на полуслове.

В природе будто что-то поменялось. Небо померкло среди бела дня — словно солнце заволокло тяжелыми тучами или наступило затмение. Они переглянулись, и тут... Торгюсон увидел ее первым. Огромная серебристая фигура выплыvalа из дымного облака, мерцая на свету лоснящимся боком.

— Хрень господня! — взвизгнул Вимс, сдавив смуглой ладонью руку Торгюсона.

Торгюсон этого даже не почувствовал, хотя на следующий день на его руке простили синюшные отпечатки массивной пятерни.

Она поднималась все выше и выше, накренившись под углом градусов в сорок. Отраженный солнечный свет играл на блестящем металлическом корпусе. Казалось, она немного колышется, хотя это могло быть обманом зрения в дымном мареве.

Да и все это не может быть ничем иным. Обман зрения — и точка, решил про себя Торгюсон. Кислородный глюк.

А разве могут двое одновременно видеть одну и ту же галлюцинацию?

— Боже, боже мой, — простонал Вимс. — Это же летающая тарелка, Энди, чтоб я сдох. Летающая тарелка!

На взгляд Торгюсона, она походила не столько на тарелку, сколько на армейскую жестяную плошку. Самую большую на свете жестяную плошку. Она поднималась вверх, все выше, и уже казалось, сейчас появится полоса сизого неба, отделяющая ее от дымных поручней, но нет, она все поднималась, заслоняя собой деревья. На ее фоне все вокруг сжалось до карликовых размеров. Дымовые столбы в лесу напоминали пару бычков в пепельнице. Она заполняла собой небо, закрывая горизонт. Эта штука поднималась над Большим индейским лесом в полной тишине, не издавая ни звука. Ни единого звука.

Они безумно пялились на чудную громадину, вцепившись друг в друга, как дети, и Торгюсон даже подумал: а вдруг она на нас свалится...

А она все поднималась, простираясь над дымом и огнем, и не было сей конца и края.

К наступлению сумерек войска Национальной гвардии отрезали Хейвен от внешнего мира. Военные оцепили город. Те, что занимали наветренную позицию, были облачены в дыхательное снаряжение.

Торгюсону с Вимсом удалось выбраться из зараженной зоны. Правда, не на автомобиле. Движок сдох, и машина была мертва, как Джон Уилкс Бут. Попеременно дыша кислородом, они максимально растянули имеющийся запас. И к тому времени, когда исчерпались все резервы, они были на территории Трои, где уже свободно могли дышать атмосферным воздухом. По счастью, ветер их пощадил, рассказывал потом Клодель Вимс. Они вышли из «зоны загрязнения», как впоследствии она будет называться в правительственныех документах с грифом «совершенно секретно», и представили первый официальный отчет о том, что происходит в Хейвене. Правда, к тому моменту в органы поступило уже около сотни неофициальных сигналов о смертоносном воздухе и тысячи — о гигантском НЛО, который видели выплывающим из дыма в Большом индейском лесу.

Вимс отделался носовым кровотечением. Торгюсон лишился дюжины зубов. Оба искренне считали себя везунчиками.

Поначалу в оцеплении стояли лишь бойцы национальной гвардии Бангора и Огасты. К девяти вечера подошло подкрепле-

ние из городов Лаймстоун, Преск-Айл, Брансуик и Портленд. К рассвету из городов «восточного коридора» подтянули еще с тысячью вооруженных гвардейцев в полной боевой амуниции.

В промежутке с семи вечера до часа ночи Объединенное командование ПВО Североамериканского континента совещалось на экстренном заседании. По шкале ДЭФКОН ситуации был присвоен второй уровень оборонной готовности*. Президент, забрасывая в рот горсти желудочных таблеток, кружил по Среднему Западу на высоте шестидесяти тысяч футов в «Увеличительном стекле»**.

К шести вечера на место событий приехал представитель ФБР. К семи пятнадцати — человек из ЦРУ. До восьми они шумно спорили по поводу юрисдикции. В девять пятнадцать взбешенный и напуганный агент ЦРУ по фамилии Спаклин застрелил агента ФБР по фамилии Ричардсон. Инцидент быстро замяли; Гарденер с Бобби прекрасно поняли бы почему. К тому моменту на место подтянулась «полиция Далласа».

Глава 10

«В МОЮ ДВЕРЬ ТОММИНОКЕР СТУЧИТ И СТУЧИТ»

1

После того как старый пистолет дал осечку, в кухне наступила оцепенелая тишина. Голубые глаза Гарда смотрели в непроглядную зелень глаз Бобби.

— Ты пытался, — начала было Бобби, и ее слова (пытался!)

эхом отозвались в мыслях Гарда. Казалось, пауза затянулась на целую вечность — и вдруг разлетелась, брызнув осколками битого стекла.

* Имеется в виду шкала оборонительной готовности в случае чрезвычайного положения национального масштаба, DEFCON.

** Кодовое название бортового командного центра США. С его помощью осуществляется командование и контроль над ядерными силами США в случае, когда наземные базы командования уничтожены или непригодны к использованию по другим причинам.

Мгновением раньше от неожиданности Бобби выронила из руки фотонный пистолет, теперь спешно его подхватила. Другой возможности не будет. В суматохе она даже забыла спрятать свои мысли, и Гард почувствовал ее смятение — шок от осознания того, какой шанс она ему дала. И теперь Роберта твердо вознамерилась расквитаться: второй раз она так не оплошает.

Счет шел на секунды. Правой рукой Гард ничего сделать не мог — он держал ее под столом, в ней был зажат ствол. Бобби уже наводила фотонный пистолет, когда Гард свободной левой резко толкнул стол на нее. Тот поехал, ножки скрипнули, столешница впечаталась в грудную клетку Бобби, уродливо выгнутую, словно впереди у нее выступал горб. И в тот же миг из дула игрушечного пистолетика, подсоединенного к большой магнитоле Хэнка Бака, вырвался ослепительный зеленый луч. Вместо того чтобы угодить в грудь Гарда, луч взметнулся, проскочив выше плеча на целый фут, но все равно кожу под рубашкой неприятно защипало, словно бы на поверхности плясали брошенные на горячую сковородку капельки влаги — так ощущался зловещий танец молекул.

Гард нырнул вправо, чтобы увернуться от луча, здорово саданулся ребром о край стола, ненароком еще больше сдвинув его в сторону Бобби. Удар пришелся ей под дых, стул накренился, завис в неустойчивом положении — и с грохотом повалился назад. Бобби опрокинулась на спину. Зеленый свет ухнул вверх, пробежал по потолку. Гарденер тут же вспомнилось, как парни с мощными фонарями по ночам выходят на посадочную полосу аэропорта и машут, указывая самолетам путь.

Послышался резкий хруст, словно кто-то раздирал надвое лист клееной фанеры. Гард машинально поднял голову и увидел, как тонкий зеленый луч из фотонного пистолета прожигает в потолке глубокую длинную щель. Гарденер вскочил на ноги, и тут его рот, на удивление, вновь открылся в неодолимом зевке. В голове дребезжащим эхом отдавались мысли Бобби.

(ствол у него ствол он пытался меня застрелить гаденыш пытался меня застрелить у него).

Гард хотел унять злость, заблокировать мысли, но не смог. Бобби лежала, зажатая между столом и перевернутым стулом, и бешено верещала внутри его головы. Она уже наводила на него дуло для следующего выстрела.

Гард поднял ногу и ненароком зацепился за стол. Скорчился от боли. Стол перевернулся, бутылки, таблетки, магнитола — все полетело вниз, пряником на Бобби. Пиво расплескалось, брызнуло ей в лицо и струящейся пеной потекло по «новой и улучшенной» прозрачной коже. Магнитола грузно плюхнулась ей на шею и кувыркнулась на пол, приземлившись в мелкой лужице пива.

Взрывайся, паскуда! Давай! Взорвись уже наконец! — кричал Гарденер вне себя от злости. Давай самоуничтожайся! Взрывайся, гадина!

И магнитола взорвалась. И даже больше. Она будто стала разбухать — и разлетелась на куски со звуком рвущейся ветоши, плюясь брызгами зеленого пламени, словно бутылка с зажигательной смесью. Бобби заорала — уши закладывало от этих воплей, но то, что происходило на ментальной волне, было стократ хуже.

Гарденер кричал вместе с ней, не слыша собственного голоса. Он увидел, что на Бобби загорелась рубашка, и дернулся к ней, не понимая, что делает.

Рванулся вперед, на ходу машинально выронил пистолет, и на этот раз тот выстрелил. Пуля угодила ему в лодыжку, размозжила кости. Рассудок захлестнуло потоком жгучей боли, словно обдало порывом жаркого ветра. Гарденер вскрикнул, подволакивая ногу, шагнул вперед — в голове звенело от жутких криков Бобби. Можно сойти с ума. Эта мысль принесла облегчение. Когда он окончательно лишится рассудка, все эти мелочи перестанут его волновать.

И тут вдруг на одну секунду перед Гардом предстала его собственная, прежняя Бобби.

Ему показалось, что она пробует улыбнуться.

А потом вновь начался адский ор. Бобби кричала, пытаясь сбить с себя пламя, в котором ее тело таяло, будто свечное сало. Она билась и кричала, кричала и билась. Это было невыносимо — невыносимо для них обоих. Он нагнулся, поднял с пола треклятый ствол. Теперь оставалось взвесить курок, а для этого нужны оба больших пальца одновременно. Раненая лодыжка отошла на второй план, несравненно страшнее была мучительная агония Бобби, многократно перекрывавшая его собственную боль. Удерживая в руках пистолет Хиллмана, Гард прицелился ей в голову.

Сработай, наконец, дрянная железяка, умоляю, сработай.

А что, если он выстрелит, но промахнется? Что, если это последний патрон и магазин пуст?

Не унять дрожи в проклятых руках.

Гард рухнул на колени, словно им овладело неистовое желание молиться. Подполз к Бобби, которая орущим огненным коконом металась на полу. Он ощущал ее запах; видел, как на коже пузырятся черные обломки пластмассы. Потерял равновесие и чуть не свалился на нее, а потом приставил к ее шее дуло пистолета и спустил курок.

Опять осечка.

А Бобби между тем кричала и кричала, вопила в его голове.

Он вновь передернул затвор. Почти получилось. Потом тот выскользнул. Чиркнула насечка.

Господи, помоги мне в последний раз поступить по-дружески.

На этот раз он оттянул затвор до предела. Надавил на спусковой крючок. Раздался выстрел.

Крик сменился громким трескучим гулом внутри головы. Ментальная связь разорвалась. Гард воздел взгляд к небесам. Яркий солнечный луч упал сквозь прорезь в крыше и потолке, надвое рассекая лицо. Гард пронзительно заорал.

Гул неожиданно смолк, и наступила полная тишина.

Бобби Андерсон — или то, во что она превратилась, — была мертва, как те ссохшиеся трупы в командном отсеке корабля. Мертва, как галерные рабы, когда-то питавшие собой летающую тарелку.

Она умерла, и Гарденеру тоже очень хотелось умереть вместе с ней прямо тут же, не сходя с места, но — сначала надо завершить дела.

Еще не время.

2

Когда раздались крики, Кайл Арчинбург пил пепси в магазинчике Кудера. Он прижал руки к вискам, выронив бутылку, и та разлетелась вдребезги. На улице, облокотившись о стену магазинчика, сладко подремывал Дэйв Рутледж в плетеном кресле, изготовленном собственными руками. Он спал и видел

чудные сны в инопланетных тонах. Дэйв резко распахнул глаза и выпрямился, словно кто-то тронул его оголенным проводом. Горло вытянулось, напрягая сухие жилы. От рывка кресло выскользнуло из-под него, он ударился затылком о дошатую стену магазина, разом сломав себе хрупкую шею, и замертво рухнул на асфальт. Хейзел Маккриди готовила чашечку чая. От истошного крика в эфире рука, державшая чайник с кипятком, дрогнула, и она ошпарила тыльную сторону ладони, сжимавшей чашку. Обварилась не на шутку. Отшвырнула от себя чайник, вереща на весь дом. Эшли Руваль, в тот момент проезжавший на велосипеде мимо здания городского собрания, вывалился из седла и остался лежать на дороге. Дик Эллисон с Ньютом Беррингером сидели за карточным столом в доме Ньюта и занимались совершенно пустым делом, перекидываясь в «крибидж» — что толку играть, если ты знаешь все карты на руках у партнера? Они бы забили «двадцать пять», но в доме Ньюта не нашлось специальной доски, к тому же эти двое попросту убивали время в ожидании звонка. С минуты на минуту должна была позвонить Бобби и передать им краткую информацию: забулдыга мертв, и можно спокойно переходить к следующему пункту плана. Ньют сдавал. Карты выпали у него из рук и рассыпались. Дик вскочил, всклокоченный, сверкая глазами, бросился к двери, но промахнулся и врезался в стену тремя футами правее, отлетел и растянулся на полу. Доктор Уорвик сидел в своем кабинете, листая дневники. Дикий крик шарахнул его, словно груда цементных блоков, свалившихся с прицепа на полном ходу. Сердце захлестнуло всплеском адреналина, и оно лопнуло, как перекачанная шина. Эд Маккин ехал в своем пикапе, направляясь к Ньюту. Он слетел с дороги и врезался в опустевший магазинчик хот-догов, принадлежавший Пучу Байли. Ударившись лицом о руль, отдался контузией. Реакции его замедлились, он сидел и оглядывался по сторонам, потерянный и напуганный. Венди Фанин как раз вылезала из подполья, неся под мышками две банки закатанных персиков. С тех пор как началось «обращение», Венди не могла есть ничего, кроме персикового компота, и за последние четыре недели опустошила девяносто с лишним банок. Завопив, она всплеснула руками и подкинула склянки, как заправский жонглер. Они рухнули и разбились вдребезги на бетонных ступенях. Повсюду разлетелись персики, потекли липкие струи сиропа.

«Бобби, — заторможенно подумала она, — Бобби Андерсон горит!» Нэнси Восс стояла, тупо уставившись в окно, которое выходило на задний дворик, и думала о Джо. Вспоминая о нем, она все чаще предавалась грусти. В глубине души Нэнси лелеяла тщетную надежду, что со временем, когда «обращение» наберет должную силу, тоска ее отпустит, ведь с каждым днем горечь уходила все дальше и дальше. Страдать по Джо было приятно, и расставаться с этой болью она не спешила. По логике вещей, как будто глупо, но тем не менее факт оставался фактом. Когда в ее голове раздались дикие вопли, она резко дернулась и проломила лбом тройную оконную раму.

3

Сигналом воздушной тревоги накрыл Хейвен безмолвный крик Бобби. На миг все замерло — и разом хлынули на улицы города его обновленные жители. Их взгляды пылали. Смятение, боль и ужас сменились лютой злобой.

Каждый знал, кто стал причиной жалобных воплей их агонизирующей подруги.

И пока это длилось, в эфире невозможно было ничего разобрать, все перекрывал жуткий вопль — оставалось лишь слушать.

Потом крики сменились предсмертным хрипом эфира, после которого наступила полная тишина, что могло означать лишь одно: она умерла.

Мгновение спустя раздался ровный уверенный ритм мысли: Дик Эллисон оправился от удара и взял на себя командование.

На ферму. Все до единого. Остановить его, пока ничего больше не натворил.

Его слова подхватила Хейзел, усилив, влившись в ритм его мыслей вторым голосом.

На ферму Бобби. Спешите туда. Все до единого.

Вступил мысленный голос Кайла, теперь это было трио. Голоса набирали силу, распространяясь все дальше.

До единого. Остановите его...

Голос Эдли. Голос Ньюта Беррингера.

...пока он ничего не натворил.

В единый глас слились мысли тех, кого Гарденер про себя окрестил «сарайщиками». Властный и четкий, не допускающий возражений... а впрочем, никому во всем Хейвене не приходило в голову им перечить.

Остановить его, пока он не повредил корабль. Остановить, пока не повредил корабль.

Розали Скехан размораживала треску на ужин. Заслышав команду, она бросилась вон из кухни, позабыв выключить воду, которая так и лилась на рыбу. Ее муж на ту пору колол дрова на заднем дворе — когда раздались крики Бобби, он чудом не ампутировал себе пальцы на ноге. Не говоря ни слова, они сели в машину, завели мотор и устремились на ферму Бобби, что находилась в четырех милях от их дома. Выезжая на дорогу, едва не сбили Эльта Баркера, который в тот момент выруливал с автозаправки на своем стареньком «харлее». Фриман Мосс мчал, вцепившись в руль лесовоза. В душе он чувствовал досаду — он симпатизировал Гарду. Как говаривал папаша Фримана, была в этом парне «соль». Правда, все это, конечно, не остановит сго, когда придет черед вырвать тому кадык. Энди Бозман сидел за рулем «олдсмобиля-дельта-88». На пассажирском сиденье примостилась жена с трепетно оберегаемой сумочкой на коленях. В ней лежал «молекулярный ускоритель», способный прожечь двухдюймовую дыру в любом предмете, за пятнадцать секунд нагрев его на тысячу градусов. Она собиралась превратить Гарденера в вареного рака. Только бы подобраться поближе, твердила она. Дайте пять футов, мне большего не надо. Миссис Бозман знала, что за пределами этой дистанции прибор работает ненадежно. В свое время она могла повысить дальность действия до полумили, но не сделала этого, о чем теперь страшно жалела — просто Энди уж сильно капризен. Отсутствие шести чистых рубашек в шкафу повергает его в неуемную ярость. Бозман сердито скалился, обнажив в мистической ухмылке последние пеньки зубов. Ну погоди, доберусь до тебя и так тебе забор размалюю — мало не покажется. С такими мыслями он жал на педаль газа. На скорости в девяносто миль он обогнал ряд более медленных автомобилей, каждый из которых направлялся к дому Бобби. Все они двигались, повинуясь командному голосу, который твердил как заведенный: «ОСТАНОВИТЬ ПОКА НЕ ПОВРЕДИЛ КОРАБЛЬ, ОСТАНОВИТЬ ЕГО ПОКА НЕ ПОВРЕДИЛ КОРАБЛЬ, ОСТАНОВИТЬ ЕГО, ОСТАНОВИТЬ ЕГО, ОСТАНОВИТЬ ЕГО!»

Гард, убитый горем, стоял возле трупа Бобби — и неудержимо зевал... Он направился к раковине, прыгая на одной ноге, но тело плохо слушалось из-за принятого лекарства. Временами вес ненароком приходился на раненую ногу, и тогда простреливало болью, словно изнутри в кости впивался безжалостный железный коготь. В горле все пересохло. Руки висели как гири. Мысли, словно желтки на тарелке, расплывались в голове, утратив былую четкость. Подобравшись к раковине, он снова зевнул, в этот раз намеренно наступив на раненую ногу. Отгоченным тесаком боль рубанула туманную истому.

Крутил кран, нацедил стакан теплой, почти горячей воды. Открыл шкафчик, задел пачку с хлопьями, опрокинул на пол бутылочку кислового сиропа. Под руку попалась картонная пачка соли с нарисованной на ней маленькой девочкой. Когда идет дождь, она сыплется*, осоловело подумал он. Целую вечность искал дыру на коробке. От души сыпанул в стакан, вода стала мутной. Взболтал пальцем, с пыхтением хлебнул. Коктейль утопленника.

Его стошило голубоватой солью. В рвотных массах синели бочка нерастворившихся пилюль. Были среди них и совсем целые. Сколько ж она в меня затолкала?

Его опять стошило, а потом еще и еще. Неудержимая рвота. Словно бы перегретые платы в мозгу замкнуло на рвотном рефлексе, икотных спазмах. Так можно и до смерти заикаться.

Наконец позывы стали реже, а потом и вовсе прекратились.

Пилюли в раковине. Голубоватая водица.

И кровь. Много крови.

Он неловко попятился, наступил на раненую ногу, вскрикнул от боли и рухнул на пол. На вспученном линолеуме лежала Бобби, уставившись на него стекленеющим глазом. Невыносимое зрелище. Гард закрыл глаза, и тут его стало увлекать в страну грез. Сквозь темень до него донеслись голоса. Великое множество голосов, слитых воедино. Этот глас был ему хорошо знаком: «сарайщики» идут.

* Дословный перевод английской идиомы "When it rains it pours", который являлся слоганом компании "Morton Salt", производившей соль. Тогда в соль добавляли карбонат магния, не позволявший соли слипаться в комки. — Прим. ред.

Они шли за ним. Гард всегда знал, что рано или поздно они явятся.

Остановить его... остановить его... остановить его!

Шевелись, пока тебя не остановили. Пока ты тут прохладаешься на полу, тебя застрелят или разберут на атомы, или что похуже.

Кое-как, придерживаясь за кухонную стойку, он умудрился встать. Сперва на колени. Вспомнилось, что в шкафчике в ванной комнате завалялась коробочка «Но-доза», бодрящих таблеток. Правда, теперь, пожалуй, не стоит рассчитывать, что измученный недавними потугами желудок благодарно ее примет. При других обстоятельствах Гард, может, рискнул бы попробовать, но сейчас он больше всего боялся, что его вновь захлестнет волной неукротимой рвоты, и тогда уж точно ему никуда не поспеть.

Шевелись давай. Если будешь отключаться, наступи пару раз на больную ногу — мигом очухаешься.

Впрочем, не факт. Сейчас надо как можно быстрее отсюда бежать, и еще нет гарантий, что он справится и не заснет по дороге.

Он кое-как допрыгал до двери и напоследок оглядел комнату. Бобби, которая много раз спасала Гарденера от внутренних демонов, безжизненно лежала на полу в дымящейся рубашке. Вот так, под конец он не сумел спасти ее от самой себя. Просто спрятал подальше — туда, где демоны ее не достанут.

Застрелил своего лучшего друга. Ничего, бывает.

Желудокрыкнул, забурлил. Гард зажал рот рукой, зажмурился и подавил рвотный позыв.

Отвернувшись, он вновь открыл глаза и начал нелегкий путь по гостиной. Увидев надежную опору, Гард допрыгивал до нее, хватался и пережидал в поисках следующей. Мозг очень хотел отключиться, стать серебристым дирижаблем, каким он был, пока его не закружило большим черным смерчом. Так, борясь с искушением, Гард прыгал дальше, намечал подходящие объекты и устремлялся к ним. И если на свете существует Бог, и если он... хороший, то пусть сделает так, чтобы все эти вещи выдергали его веc и он прошел, наконец, эту бесконечную комнату, как Моисей с соратниками преодолели бесконечную пустыню.

Было ясно, что «сарайщики» очень скоро будут здесь. И если к их прибытию Гард не успеет убраться, то для него

точно запахнет жареным — может, даже ядерным грибом. Боятся, что он повредит корабль. Ну да. А мыслишка-то неплохая. Нет, он и сам об этом подумывал. К тому же сейчас корабль стал самым безопасным для него местом.

И конечно, Гарденер понимал, что идти туда рано.

Сначала надо провернуть одно дельце в сарае.

Наконец он выбрался на крыльцо, где они с Бобби так часто засиживались допоздна летними вечерами, а Питер мирно посапывал, устроившись между ними на дощатом полу. Они пили пиво, и девятка «Ред сокс» отыгрывала свой еженощный матч где-нибудь на Фенуэй-парк или на стадионе в Комиски, или еще бог знает где; крохотные бейсболисты ловчили и виляли среди лабиринта трубок и микросхем. Друзья сидели и разговаривали, а под рукой, в ведерке колодезной воды, охлаждались баночки с пивом. Говорили о любви и о жизни, о смерти, политике, боге и литературе. Может, как-то даже заходила речь о жизни на других планетах. И Гарденер как будто бы вспомнил пару таких разговоров, а может, затуманенный мозг его подводил. Здесь они были счастливы тысячу лет тому назад.

Как раз Питер поглощал все его мысли. Ради пса Гарденер стремился попасть в сарай и доделать начатое. Понятно, что прежде всего остального надо предпринять попытку и спасти Дэвида Брауна, но, по сути, побудительной силой для него был все-таки пес. Мальчика он совершенно не знал, а Питер занимал в его жизни особое место.

— Старый верный друг, — проговорил Гард в знойном безветрии летнего полдня. (Или уж вечер? — да нет, пока еще день.) Вышел на крыльцо, и тут произошло несчастье. Он оступился, рухнув всем весом на больную ногу. Разбитые кости безжалостно впились друг в друга. Из глотки вырвался протяжный визг. Так, пожалуй, кричит даже не женщина, а совсем молоденькая девчонка, угодившая в беду. Его повело вбок, на лету он ухватился за перила.

В знойную июльскую страду Бобби укрепила перила, ведущие из кухни в подвал. До крыльца руки так и не дошли. Годами доски тлели, расшатывались, прогнившие опоры надломились. В воздух взмыло облачко трухлявой пыли вперемешку с головами испуганных термитов. Пронзительно вскрикнув, Гард нырнул в сторону и вывалился с крыльца. Упал на землю тяжелой тушей. По инерции попытался встать, а потом заду-

мался: а стоит ли? Перед глазами все поплыло, почтовый ящик раздвоился, затем ящики-двойняшки превратились в тройняшек. Он махнул на все рукой и решил забыться сладким сном.

5

Сквозь тяжелую и муторную дрему Эв Хиллман почувствовал — или увидел — падение Гарденера и уловил отчетливую мысль...

(забыться сладким сном)

С тяжелых век старика спадала сонная одурь. Тяжкие то были грэзы. Тело ломило, внутри все переворачивалось. Изматывающая борьба с зеленым светом. Хоть и жарит земное ярило что есть мочи

(да, не забыл он солнечный свет),

но закроешь глаза — и отпустит. А от зеленого света не уйти, он всегда внутри, как третий глаз, что смотрит, зеленый свет, что жжет. Рядом жили еще два разума.

Один принадлежал «ЖЕНЩИНЕ», другой — «СУЩЕСТВУ НИЗШЕГО ПОРЯДКА», тому, кого когда-то звали Питером. «СУЩЕСТВО НИЗШЕГО ПОРЯДКА» больше не думало, оно могло лишь выть. Иногда оно выло, взывая к «БОББИ», чтобы та пришла и освободила его от противного зеленого света. В основном существо скучило от жгучей боли, в которой оно беспрестанно тонуло. «ЖЕНЩИНА» тоже кричала, просила ее отпустить, хотя порой в ее голове крутились пугающие ненавистные сцены, от них даже Эву становилось не по себе. Так что да. Лучше всего

(лучше всего)

заснуть

(легче)

и забыть обо всем, да только вот как же Дэвид?

Дэвид умирал. Его мысли поначалу улавливались легко, теперь же их словно закручивало в бездонную спираль, которая вела к потере сознания и затем к смерти.

Потому-то Эв и боролся с тьмой.

Он поборол ее и закричал:

Вставай! Вставай! Ты видишь солнечный свет! И я его помню! Дэвид Браун тоже хочет ходить под солнцем! ТАК ВСТАВАЙ ЖЕ, ВСТАВАЙ!

ВСТА-ВАЙ ВСТА-ВАЙ!

В голове Гарденера отчетливым ритмом билась мысль. И даже не ритмом. Она перла через мозг, как машина на стеклянных колесах, нещадно пропахивая нежную мякоть.

ВСТА-ВАЙ мальчик Дэвид ВСТА-ВАЙ хочет Дэвид ВСТА ходить под солнцем ВСТА-ВАЙ же!

— Ладно! — пробормотал Гарденер, шамкая полным крови ртом. — Я слышу тебя, слышу. Отстань уже!

Кос-как он встал на колени. Попытался подняться на ноги. Мир качнулся, в глазах потемнело. Дурной знак. Хорошо хотя бы хрусткий режущий голос чуть-чуть унялся. Гард ощущил, что владелец его каким-то образом смотрит его глазами, словно сквозь немытые окна

(будто видит сквозь них сон)
видит то, что видит и сам Гарденер.

Он вновь попытался подняться и вновь впustую.

— Эх, какой же я дурак, — проскрипел Гард. Выплюнул изо рта два зуба и пополз через двор к сараю.

Весь Хейвен был брошен на травлю Джима Гарденера.

Они ехали на машинах, пикапах, тракторах. Гнали на мотоциклах. Миссис Айлин Креншоу, женщина из «Эйвона», которая расстроила своим безучастием Хилли Брауна, когда тот давал ВТОРОЕ МАГИЧЕСКОЕ ГАЛА-ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, мчалась на позаимствованном у сына Галена «дюноходе». Позади нее гнал преподобный Гурингер, жидаенькие седые лохмы отчаянно раздувались ветром, являя миру обгорелую лысую макушку. Верн Джерниган ехал на катефалке, который в свое время пытался переделать в дом на колесах, еще до того как «обращение» вошло в полную силу. Люди стекались отовсюду, заполняя дороги. Эшли Руваль лавировал среди пешеходов, неистово накручивая педали своего велосипеда. Дома он оказался довольно рано и успел прихватить самоделку — то, что он называл «пестик пиф-паф». Еще весной он пылился на чердаке в куче старых игрушек. Теперь же, оснащенный батарейкой на девять

вольт и платой, вынутой из говорящей азбуки младшего братишки, «пестик» являл собой оружие, представляющее интерес для Пентагона. Он пробивал в предметах дыры. Большие такие дырищи. «Пестик» был прицеплен к багажнику — тому самому, на котором совсем недавно паренек развозил подписчикам газеты. Они мчались как угорелые. Не обошлось и без инцидентов. «БМВ» Эрли Хатчинсона въехал в универсал Фанинов, и хотя погибло два человека, это никого не остановило. На такие пустяки уже просто не обращали внимания. Эфир был наполнен мысленными голосами. Все в унисон твердили: «Пока он не повредил корабль! Пока он не повредил корабль!» День выдался ясный, прекрасно подходящий для убийства, а уж если кого на этом свете и стоило убить, так это Джеймса Эрика Гарденера. И пятьсот добропорядочных горожан, которые научились кое-каким новым трюкам, хлынули на улицы единой волной. Они прибывали, прихватив свое обновленное вооружение.

8

Уже на полпути к сараю Гард заметил, что чувствует себя намного лучше. Может, открылось второе дыхание, а может, он попросту избавился от основной дозы валиума.

Не исключено, что старик каким-то образом его подпитывал.

Как бы там ни было, а Гард нашел в себе силы подняться на ноги и остаток пути преодолел вприпрыжку. У двери замер на миг, пытаясь унять сердцебиение. Случайно опустил взгляд и заметил дыру в двери. Совершенно круглую, с корявыми заузбринами по краям. Ее словно прогрызли в доске.

Так, значит, вот как выбрался из сарая пылесос, который так лихо управлялся с кнопками лебедки. Надо же, додумались нацепить на пылесос режущую насадку. Как говорится, «новый улучшенный образец». Начисто свихнулся народ.

Он обошел строение с леденящей кровь мыслью, почти уверенностью: ключа там не будет.

Слушай, Гард, сколько можно! Расслабься уже наконец... С какой стати...

Ключа действительно не было, исчез. Гвоздик, на котором он раньше висел, оказался пуст.

Гарда прошиб пот. Дрожащий и изможденный, он привалился к стене и вдруг увидел, как что-то блеснуло в траве. Судя

по всему, гвоздь расшатался, и он сам погнул его в прошлый раз нечаянно, даже не заметив. Вот ключ и скользнул.

Превозмогая боль, Гарденер наклонился и поднял находку. Заковылял обратно к двери. Время летело стремительно, и очень скоро они появятся здесь, примчатся за ним. Гард не питал ни малейших иллюзий, надо спешить. Покончить с делами в сарае, а потом — пулей к кораблю, пока его не опередили. Да только как тут успеешь? Нереально. А раз так, нечего и пытаться.

Когда он добрался до двери, вдалеке послышался рев моторов. Гард сунул ключ в замочную скважину и промахнулся. Слепило солнце, отбрасывая от его тела крохотную лужицу тени, которая слва отделялась от пят. И снова Гард попытался вставить ключ в замок, на этот раз удачно. Провернул его, распахнул дверь и скользнул в сарай.

Его окутала прозрачная зелень.

Было ярко как никогда. Здоровая, наспех сколоченная машина

(преобразователь)

наматывала круги, но только на этот раз крутилась куда быстрее. Светились даже серебристые платы, испещренные дорожками микросхем, по которым бегали-искрились зеленые огоньки.

Гард осмотрелся. Старик, парящий в своей зеленой ванне, взглянул на него единственным уцелевшим глазом. Невыносимая мука читалась во взгляде, при этом старик был явно вменяем.

Используй преобразователь, спаси Дэвида.

— Старик, за мной идут, — прокрипел Гарденер. — Время поджимает.

В углу. В дальнем углу.

Он взглянул в угол и увидел нечто, напоминающее одновременно и телевизионную антенну, и здоровущую карусель для детской кроватки, и решетку, которую женщины раскладывают на заднем дворе, чтобы сушить белье.

— Оно?

Вынеси это во двор.

Гарденер действовал быстро, не задавая вопросов. Время было на исходе. Штуковина крепилась к небольшой квадратной платформе, где, судя по всему, помещались батарейки и электроника.

При ближайшем рассмотрении то, что издалека напоминало изогнутые ответвления телевизионной антенны, оказалось тонкими

стальными трубками. Он схватился за центральную ось. Сама по себе вещица весила не так много, но уж очень неудобно она была устроена, сразу и не подберешься. Придется ступать на большую ногу, иначе никак ее отсюда не выволочь.

Гард оглянулся на емкость, в которой плавал дед.

Ты уверен в этом, ветеран?

Ветеран промолчал. Зато ответила женщина. Она открыла глаза и глянула на Гарда. Сколько же яда умещалось в одном взгляде — точь-в-точь колдовской котел с адским зельем. Боль, усталость, тошнота — все сгинуло, отошло на второй план. Гард смотрел на нее как зачарованный. В эти мгновения он оценил всю суть страшной женщины, которую Бобби называла «сестричкой», ощущил ее мощь и власть. Он понял, почему Бобби спасалась от нее, как от злобного чудовища. Потому что она и была чудовищем. Ведьмой. И даже теперь, в своей страшной агонии, ненависть ни на минуту ее не покинула.

Хватай, тутица, я сама ее запущу!

Гард перенес вес тела на раненую ногу и заорал от боли, пронзившей его существо от лодыжки до мошонки, уязвимого сдвоенного мешочка.

Тихо, не спеши, — это старик.

Прибор приподнялся сам. Не слишком высоко, на пару дюймов. Еще ярче стал жуткий болотный свет.

Тебе придется направлять его, сынок.

Ну с этим-то он справится. Конструкция парила в зеленом свете, словно остов безумного пляжного зонтика, подпрыгивая и кивая, отбрасывая на стены и пол длинные причудливые тени. Гарденер неуклюже скакал следом, не желая и не смея обернуться и встретить взгляд этой сумасшедшей. В голове упрямо билась одна и та же мысль: сестра Бобби Андерсон — ведьма... ведьма... ведьма...

Гард вывел прыгающий зонтик на солнечный свет.

Фриман Мосс подоспел первым, на том самом лесовозе, который когда-то подобрал Гарда на обочине. Лихо вырулил во двор и, не дождавшись, пока стихнет старческое попердывание натруженного движка, выпрыгнул из кабины. И боже мой,

кого я вижу! Вон он, этот наглый гад, стоит тут собственной персоной, вцепившись в какую-то вешалку для мокрого белья. Совсем запыхался — марафонец, мать вашу. Одну ногу поджал, как собака. И кроссовка вся в крови.

Видно, успела тебе Бобби вмазать перед смертью, гадина ты поганая.

Приятель Бобби, от чьей руки она приняла смерть, похоже, уловил эту мысль. С усталой усмешкой поднял взгляд. Он стоял, вцепившись в рамку на подставке, которая служила ему опорой.

Фриман зашагал навстречу, не удосужившись захлопнуть водительскую дверь — та осталась болтаться на петлях. Было во вражьей ухмылке что-то наивно-детское. Ах да, это зубы. Впереди не хватало нескольких резцов, и физиономия Гарда теперь напоминала страшную рожицу, вырезанную ребятней из тыквы.

Господи, а ведь ты казался мне неплохим парнем. Эх, да что же ты наделал?

— Ты что здесь забыл, Фриман? — спросил Гарденер. — Не послушался меня. Ехал бы лучше домой. Сидел бы сейчас перед теликом, смотрел матч «Ред сокс». Забор-то уж давно выкрасили.

Ах ты, образина!

Мосс выскочил из дома без рубашки, успев лишь набросить пуховый жилет. Он откинул полы, обнажив — нет, не прибор и не хитроумную новоделку. Под пуховиком скрывался «кольт» «Вудсмен», который тот быстро выхватил из-за пояса. Гард так и замер с приподнятой ногой, вцепившись в опору колченогой сушки.

— Закрой глаза. Ты умрешь быстро. Это — единственное, что я могу для тебя сделать.

(ПРИГНИСЬ ИДИОТ ИНАЧЕ НЕ СНОСИТЬ ТЕБЕ ГОЛОВЫ КОГДА У НЕГО БАШКА СЛЕТИТ С ПЛЕЧ И МНЕ ПЛЕВАТЬ КТО ИЗ ВАС СДОХНЕТ ТАК ЧТО ПРИГНИСЬ ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ)

В резервуаре у Энн Андерсон адским огнем полыхнули глаза. Столько в них было ярости и необузданного гнева. И пусть у нее не осталось зубов, она скрежетала пустыми деснами.

Скрежетала и скрежетала, а изо рта ее исторгалась струйка пузырьков.

Свет стал пульсировать, набирая обороты. Все быстрее и быстрее, пока мигание не слилось в единую дрожащую пульсацию, будто в стробоскопе. Жужжание сменилось низким электрическим гулом. В сарае повис запах озона.

На единственном включенном мониторе появилось слово ПРОГРАММА?

и тут же

УНИЧТОЖИТЬ

Запись быстро мигала, вновь и вновь.

(ПРИГНИСЬ ДЕБИЛ ИЛИ УМРИ СТОЯ МНЕ ПЛЕВАТЬ)

11

Гарденер резко дернулся вниз, ударившись о землю поврежденной ногой. Болью стрельнуло в пах. Он рухнул на колени и замер в пыли.

Над головой начала медленно раскручиваться железная рамка. Месс ошарашенно замер, едва не выронив пистолет. В самый последний момент он все понял. Изменился в лице, но сделать уже ничего не смог. Тонкие зеленые струи прочертили двор. Рамка раскручивалась, разбрасывая по центробежной жидким огонь. В этот миг агрегат походил на пляжный зонт. Огромный пляжный зонт, который какой-то чудак воткнул в землю так, что торчал лишь купол. Это был огненный зонт. Под ним скorchился Гард. Он зажмурил глаза и загораживал лицо рукой, словно прикрываясь от сильного жара. Правда, жара там не было. Во всяком случае, внизу — под колдовской поганкой сестрички.

Фриман Месс оказался на самой границе огненного периметра. У него загорелись брюки, вспыхнул жилет. Поначалу огонь был зеленым, но потом пожелтел.

Месс вскрикнул и отшатнулся, выронив пистолет. Все быстрее вращалась адская карусель над головой Гарденера. Железные прутья, точно нелепо заломленные руки, висевшие над землей, постепенно стали приподниматься, повинуясь центробежной силе. Огненная полоса хлестнула пятящегося Месса, обяяв пламенем плечи и лицо. Мысли Гарда рассек

истошный крик, и не существовало способа спрятаться от него и не слышать. Взгляд поймал чудовищную картину: по лицу Мосса расплавленным шоколадом стекала кожа. Смотреть на это не было никаких сил, Гард по-детски закрыл лицо руками, словно увидел страшную сцену в фильме.

Огненная спираль все ширилась, описывая во дворе Бобби смертоносные дуги и выжигая в песчанике стекленеющие полосы. В зону действия убийственной парасоли попали и лесовоз, и синий пикап Бобби. Сарай располагался чуть дальше. Вокруг него царило пекло, и очертания дощатой постройки, точно мираж, дрожали в нагретом облаке. Жарче всего было по внешнему кругу, а отнюдь не там, где, скorchившись, притаился Гард.

Сначала запузырилась краска на кабине грузовика и по бокам пикапа. Почернела, вспыхнула и выгорела дотла, обнажив чистую белую сталь. В кузове грузовика валялись кучки мусора: куски коры, стружки, опилки. Едва туда дошел огонь, они полыхнули, словно сухой хворост в печи. В пикапе Бобби стояли два мусорных бака из плотного прессованного гипса. И они не избежали огня. Спеклись, как кексы в духовке. На земле выгорел ровный круг — там, куда доставали летящие зеленые брызги, — круглый, как блюдце, черный, как клеймо. На потрепанном водительском сиденье вспыхнуло армейское одеяло. Загорелись чехлы, а потом и горючая набивка, и вот уже пылала вся кабина. Ни дать ни взять, огненная топка здоровущей печи. Черными скелетами в жарком пламени повыскакивали из сиденья пружины.

Фриман Мосс вертелся и махал руками, точно киношный каскадер, который забыл надеть защитный костюм. По инерции он попятился — и рухнул замертво.

12

Мысленный клич Энн Андерсон перекрыл даже предсмертные вопли Мосса.

Ну что, съел?! Съел клопа на палочке?! Сдохни, вот тебе!

И тут в ней что-то сломалось. Ослепительный зеленый свет вспыхнул на пару секунд и погас. Одновременно усилился электрический гул, от которого задрожали все доски и половицы в этой несчастной постройке.

А потом гул оборвался, вернувшись к мерному зудящему похрапыванию. Голова Энн бессильно повисла в растворе, ее волосы плавали вокруг, словно лохмы утопленницы.

Слово на мониторе
УНИЧТОЖИТЬ
погасло, как задутая свеча, и вместо него возникло прежнее
ПРОГРАММА?

13

Огненный зонтик дрогнул — и опал. Рамка, крутившаяся до этого с бешеною скоростью, стала замедлять вращение, ритмично поскрипывая, точно калитка на ветру. Распростертые трубки вернулись в исходное положение. Напоследок скрипнув, вертушка остановилась.

Как раз в этот момент решил взорваться бензобак в автомобиле Бобби. Устремился к небу столб желтого пламени. Металлический обломок просвистел в опасной близости от Гарда.

Он поднял голову и задумчиво уставился на пылающий пикап. Сколько раз мы ездили на нем в кинотеатр под открытым небом. Помнится, даже умудрились переспать под какую-то редкую скотину с Райаном О'Нилом. Что же стряслось? Господи, что же такое стряслось?

Его размышления прервал голос старика, изможденный донельзя и при этом настойчивый:

Скорее! Когда подоспевут остальные, я возьму на себя преобразователь, но действуй быстро! Мальчик! Дэвид! Поспеши, сынок!

Время поджимает, устало подумал Гарденер. Господи, и так всегда.

Потный, с желтым как воск лицом, он поспешил к распахнутой двери сарая. Помедлив перед темным кольцом выгоревшей земли, Гард неловко перепрыгнул его, замахал руками, чтобы не упасть и, чудом устояв, поскакал дальше. Едва за ним закрылась дверь сарая, в лесовозе со злобным грохотом взорвался сдвоенный бензобак. Кабину отшвырнуло прочь, тяжеловоз опрокинулся набок, и его протащило в сторону. Из пассажирского окна выскочили пылающие ошметки набивки, куски чехла и разлетелись по всему двору, точно огненные перья.

Большинство из них потухли, коснувшись земли. Некоторые отнесло к самому крыльцу. Три или четыре штуки влетели в открытую дверь, подгоняемые легким восточным ветерком. Лоскуток горящего хлопка приземлился на книгу в мягком переплете, которую Гарденер оставил на столике недалеко от двери примерно неделю назад. Обложка загорелась.

Другой фрагмент волею судеб приземлился в гостиной. Как раз на лоскутный коврик, который миссис Андерсон вязала собственными руками, запервшись в спальню, а потом втайне от Энн, улучив минутку, отправила его в подарок Бобби.

Когда Джим Гарденер вновь вышел из сарая, пламенем был объят уже весь дом.

14

Свет в сарас едва теплился, напоминая оттенком стоячую воду в мутном пруду.

Гарденер настороженно посмотрел на Энн, опасаясь встретить все тот же горячий взгляд. Но нет. Она просто парила в воде, безвольно уронив голову, словно обнятая глубокой думой, и лишь волосы свободно колыхались в неспешном потоке.

Она мертва, сынок. Если хочешь спасти мальчишку, делай это сейчас. Не знаю, надолго ли меня хватит. К тому же я не могу раздвоиться и одновременно следить за ними и поддерживать преобразователь.

Он уставился на Гарденера, и тому стало невыносимо жаль старика. Хотя неизвестно, чего тут было больше, жалости или восхищения отвагой старого вояки. А смог бы я так, поменяйся мы местами, думал Гард. Сделал бы хоть половину того, что сделал он? Зашел бы так далеко? Скорее, нет.

Тебе, наверное, очень больно, да?

Сынок, мне, конечно, несладко, но уж я как-нибудь справлюсь... В смысле, если ты поторопишься.

Поторопиться. Да. Что же он тут разводит волынку?

Рот его вывернуло в очередном изматывающем зевке, и он решительно шагнул к устройству, которое размещалось внутри и снаружи оранжевого ящика — того, что старик называл «преобразователем».

ПРОГРАММА?
взывал монитор без клавиатуры.

Хиллман мог бы подсказать ему, что делать дальше, но Гарденер в этом не нуждался. Он и сам прекрасно знал. А еще ему вспомнилось кровотечение и душераздирающий звук в тот момент, когда он пытался поэкспериментировать с левитирующим приборчиком Мосса. По сравнению с этим агрегатом эта игрушка казалась детским конструктором для сборки деревянных избушек. Правда, с той поры, хочешь — не хочешь, а он и сам уже порядком продвинулся по пути «обращения», и теперь оставалось уповать на то, что этого д...

Господи, сынок, очнись, к нам пожаловали гости.

И тут слова Хиллмана заглушил какой-то более громкий голос, который был ему смутно знаком, но чей он конкретно — Гард разобрать не мог.

(ВСЕМ ОТОЙТИ СТОЯТЬ НА МЕСТАХ)

Думаю там один только один или может двое

Это Хиллман вновь подал голос. Гард ощутил, что внимание старика переключается на вертушку во дворе. Свет в сарае становился все ярче. Началась смертоносная пульсация.

15

Дик Эллисон с Ньютом Беррингером находились в паре миль от владений Бобби, когда до них донеслись мысленные крики Фримана Мосса. Мгновением раньше они чудом увернулись от Эльта Баркера, который не сумел вырулить и теперь летел по воздуху на своем железном коне. Этот процесс Дик наблюдал в зеркало заднего обзора. Эльт гордо парил над землей, похожий на Ивела Книвела*, даже не будучи блондином. Потом трюкач выпал из седла и приземлился в придорожных кустах.

Ньют нажал на тормоз, и джип, взвизгнув, встал посреди дороги. Ньют был испуган и зол, и это явно читалось во взгляде, которым он одарил Дика.

Этот пустомеля раздобыл прибор!

Да. Огонь. Какой-то...

И тут вдруг мысли Дика сорвались на крик. Ньют подхватил их и усилил. Из «кадиллака» Кайла Арчинбурга отзовались Кайл и Хейзел Маккриди.

* Американский трюкач, прославившийся благодаря рискованным трюкам на мотоцикле.

(ВСЕМ ОТОЙТИ СТОЯТЬ НА МЕСТАХ)

Все встали. Замерли на местах. Они не слишком-то любили исполнять приказы, эти томминокеры, но чудовищные крики Мосса, которые теперь уже стихали, убеждали без слов. Все остановились — ну, то есть, все, кроме синего «олдсмобиля-дельта-88», на заднем бампере которого красовалась надпись: «ПРОДАЕТСЯ АКРАМИ».

Когда в эфире разнеслась команда отойти и оставаться на местах, Энди Бозман как раз находился поблизости от владений Андерсон. Ненависть его росла в геометрической прогрессии. Из головы не шла картина: Гарденер лежит мертвый в луже собственной крови. Повинуясь какому-то бешеному импульсу, Бозман вырулил во двор Бобби, ударил по тормозам — да так, что отвалился задний бампер. Здоровущая машина чуть не опрокинулась.

Я тебе сейчас докрашу забор, ах ты мерзкая с-сучара. Сейчас принесут тебе крысу на веревочке, головешка несчастная.

Его жена извлекла из сумочки ускоритель молекул. Надо отдать должное тому шизу, который его изготовил. Внешне вешлица напоминала бластер Бака Роджерса*. В качестве рамы — садовый инструмент, некогда продаившийся под торговой маркой «Сорно-жвак». Миссис высунулась из окна и, не удосужившись прицелиться, спустила курок. Восточное крыло дома Бобби вспыхнуло, как адский котел. Ида Бозман радостно осклабила лягушачий рот.

Едва Бозманы попробовали выйти из автомобиля, вновь завращалась карусель. Мгновение — и вырос зонт зеленого огня. В последний момент Ида Бозман попыталась навести на него свое «молекулярное диско», но было поздно. Попали ее первый заряд в вертушку, а не в дом, все могло бы сложиться совершенно иначе — но...

Они вспыхнули, как два сухих дерева. Мгновением позже взорвался и «олди», на чью долю пришлось целых три заряда.

16

И вот когда крик Фримана Мосса начал затихать, единий разум сотрясла новая волна воплей — на этот раз гибнущих Энди и Иды Бозман. Ньют и Дик с гримасами боли на лице терпеливо пережидали эту пытку.

* Герой кинофильма «Бак Роджерс в XXV веке».

Наконец крики смолкли.

Дик Эллисон узрел скопившиеся впереди машины. Они заполонили все шоссе номер 9. Стояли на обочинах и дорожном полотне. Фрэнк Спрюс, водитель здоровенного бензовоза, высыпался из кабины и уставился на Ньюта с Диком. Фрэнк, как и эти двое, чуял остальных. Всех тех, кто пытался добраться до фермы Бобби. Всех тех, кто застрял на этой и других дорогах, посреди полей, замер в ожидании команды.

Дик повернулся к Ньюту.

Пожар.

Да. Пожар.

Сможем ли мы его потушить?

Ньют задумался, и на миг его мысленный голос смолк. Дик понимал, что напарнику хочется попросту на все плюнуть и устремиться на поимки пьяницы. Его собственные желания тоже были весьма прозаичны: он мечтал порвать Джиму Гарденеру глотку. Да только таким способом всех бед не предотвратить, и это понимали оба, как понимали и все «сарайщики», и даже Эдли. Ставки росли. К тому же Дик нимало не сомневался, что питомец Бобби все равно лишится глотки, так или иначе.

Пустое дело связываться с томминокерами, они слишком легко раздражаются. Многие народы с других планет успели уяснить себе эту житейскую мудрость задолго до нынешних фейерверков в Хейвене.

Взгляды Дика с Ньютом были устремлены на окруженнное деревьями поле, где разбился Эльт Баркер. От легкого дуновения колыхались венчики трав, шелестели пышные кроны — пока не сильно, зато ощутимо угадывался ветер, который дул с востока на запад. Его даже нельзя было окрестить бризом, и все же чувствовалось, что он понемногу крепчает.

Да, мы сумеем потушить пожар наконец, ответил Ньют.

Остановим и огонь, и забулдыгу? А точно сможем?

Последовала новая пауза. Подумав, Ньют пришел к решению, которое Дик уже давно просчитал.

Не уверен, что нам удастся сделать и то, и другое. Думаю, одно из двух, но не оба дела сразу.

Тогда пусть пока горит не будем отвлекаться да пусть горит.

Корабль будет спасен корабль останется невредим учитывая как дует ветер.

Они переглядывались, скаля рот в беззубой ухмылке, и их мысли сливались в единую многозвучную гармонию. Один голос, один ум.

Пожар отрежет его от корабля. Ему не подобраться к кораблю!

На дорогах и в полях люди слушали это мысленное сопровождение. И вот они с облегчением вздохнули: да, он не пройдет, не подберется к кораблю.

Он все еще в сарае?

Да.

Ньют обратил на Дика встревоженный взгляд.

Какого черта он там забыл? У него есть что-то, чем он может что-нибудь сделать — сделать что-то кораблю?

Повисло молчание. И тут голос Дика обратился не только к Ньюту Беррингеру, но ко всем «сарайщикам». Он звучал четко и повелительно:

СОЕДИНЯТЕ МЫСЛИ. СОЕДИНЯТЕ СВОИ МЫСЛИ С НАШИМИ. ВСЕ, КТО МОЖЕТ, СОЕДИНЯТЕ СВОИ МЫСЛИ С НАШИМИ И СЛУШАЙТЕ. СЛУШАЙТЕ ГАРДЕНЕРА. СЛУШАЙТЕ.

И все прислушались. В знойной тиши летнего полдня они молча слушали, а за ближайшими холмами в небо тянулись удущивые столбы дыма.

17

Гард чувствовал, что его прощупывают. Странное это было ощущение — будто тысячи лапок ползают по голой коре мозга. Невероятно, но факт: Гарденер вдруг понял, каково быть уличным фонарем, вокруг которого вьются беспокойные мотыльки.

Старик зашевелился в резервуаре, стараясь привлечь к себе внимание Гарда. Тот не увидел этого, зато услышал мысленный голос.

Ты не обращай внимания, сынок. Им надо знать, что ты задумал, ну и пусть себе узнают. Это делу не повредит, даже наоборот. Успокоятся и не будут особо дергаться. Плевать им

на Дэвида — их ничто не волнует, кроме этого чертова корабля. Давай, сынок, начинай!

Гарденер стоял перед преобразователем, теребя в руках пуговку наушника. Уж больно не хотелось засовывать внутрь эту штуковину. Так человек, которого один раз уже здорово шибануло током, боится прикасаться к треклятой розетке.

А мне обязательно его надевать? Я ведь в прошлый раз только подумал — и экран среагировал.

Да, но это максимум, на что ты способен. Так что придется надеть. Прости, сынок.

Поразительно, но веки вновь налились свинцовой тяжестью. Гард сопротивлялся.

Боюсь, эта штука меня убьет, мысленно обратился Гарденер к старику в надежде, что тот поспешит возразить. Но Хиллман безмолвствовал, грустно глядя на Гарда единственным целым глазом, и лишь мерный звук работающего оборудования нарушал тишину. Склисс-склисс-склисс.

Да, может и убить, и он прекрасно об этом знает.

Снаружи доносился приглушенный рев свирепствующего пожара.

Противное порхание вокруг мыслей вдруг прекратилось. Мотыльки улетели прочь.

С большой неохотой Гард сунул пуговку в ухо.

18

Теперь можно успокоиться. Кайл с Хейзел переглянулись, и было в их взгляде что-то на удивление человеческое. Так бывает, когда вопреки ожиданиям происходит нечто неправдоподобно хорошее.

Дэвид Браун? Ты тоже это...

да услышала он пытается спасти мальца и
вернуть его обратно
домой с Альтаир-4

И тут, на миг перекрыв все прочие мысли, в сети раздался громогласный голос Дика Эллисона, полный ликования и злорадного триумфа:

Ага! Я ЗНАЛ, что мальчишка еще пригодится!

Сначала Гард ничего не почувствовал. Немного даже успокоился — благо принятая доза валиума упорно брала свое. И тут вдруг грянуло, проторанило голову, чуть в щепки не разлетелась.

— Ой, нет! — заорал он. Руки взметнулись к вискам, он стал колотить по голове. — Не надо, убери это, как больно!

Плыви с ним, сынок, плыви в потоке!

— Не могу, я не могу! БОЖЕ, УБЕРИ ЭТО СКОРЕЕ!

Боль была адской. В сравнении с ней боль в раздробленной лодыжке казалась комариным укусом. Он смутно ощущал, что хлынуло из носа и рот переполнен кровью.

ПЛЫВИ В ПОТОКЕ, СЫНОК!

Боль немного отступила. На смену ей пришло другое чувство. И оно наводило страх. Жуткое, страшное чувство.

Когда-то давным-давно, еще в студенчестве, он выступал от своего кампуса на конкурсе едоков. Каждый кампус выставлял своего кандидата. Всего их было шесть. Гард защищал честь клуба «Дельта-Тау-Дельта». Запихнув в себя шестой бигмак, он вдруг почувствовал, что больше ничего не лезет, что он надут до предела, еще чуть-чуть — и лопнет. Будто внутри него сидит огромный дирижабль, и носить его надо с особой осторожностью. Казалось, в голове красной лампочкой пульсирует сигнал тревоги: по экстренному вызову задействовано множество систем организма, и все они пытаются кое-как справиться с диким количеством мяса, хлеба и соуса, которое столь безрассудно направил туда хозяин. Его не вырвало, и не оставалось ничего другого, как стойко переносить это на ногах. И он ходил медленной неверной походкой, стараясь не лопнуть от натуги. Несколько часов он чувствовал себя если не Твидлдумом, так Твидлди точно. Желудок был натянут донельзя, казалось, только ткни — взорвется к чертям.

Теперь то же самое творилось с его головой. Гард понимал, что находится на грани смерти, балансирует на лезвии бритвы. Так, наверное, чувствует себя циркач без страховки, летающий с трапеции на трапецию, который понимает, что от гибели его отделяет лишь шаг. И все же было здесь что-то еще. К осознанию риска примешивалось новое, странное и ни с чем не сравнимое чувство. Чувство переполненности и восторга.

Впервые Гард немножко проникся сутью томминокеров, стал понимать, что ими движет, что подстегивает в неумолимом стремлении вперед.

Боль хоть и не отступила, но немного уменьшилась, и, несмотря на чувство предельной наполненности, он ликовал. Он насытился энергией до предела, словно принял чрезвычайно сильный наркотик и теперь, как мощный «крайслер», заправленный под завязку, на холостых оборотах газовал, чтобы, взвизгнув резиной, сорваться с места.

И куда же сорваться?

А никуда. Куда угодно.

Хоть к звездам.

Ты пропадаешь, сынок.

Старик. Его голос был на удивление слаб, и Гард спустился с небес, решив вернуться к текущей задаче. Ему предстоит сдвинуть очередной комод. Ощущение это было, конечно, прекрасно, но он чувствовал себя подлецом и вором. Он заставил себя вспомнить увиденное на корабле. Сухие истлевшие тела цвета бурой листвы, прикованные к гамакам галерные рабы. Сейчас он пожирал энергию старика — тот питал его, теряя силы. Гард был вампиром, сосущим чужую кровь. Глядишь, так и навсегда застрянем в этом состоянии. Не боишься им уподобиться?

Гард направил старику отчетливую мысль: я с тобой, тягловая лошадка.

Эв Хиллман закрыл единственный здоровый глаз в немом облегчении. Гарденер повернулся к экрану, деловито прижав к уху ладонь. Сейчас он был похож на телерепортера в прямом эфире, который внимательно слушает вопрос ведущего из студии.

В замкнутом пространстве сарай вновь замигали огни.

Слушайте!

И все прислушались. Все до единого. У них образовалось что-то наподобие селекторной связи, которая расходилась от центра по радиальной, во все концы. Сам же центр располагался примерно в паре миль от неприметного облачка дыма,

зависшего над лесом. Все находились на связи и внимательно слушали. У них не было настоящей общины. Случайным именем назывались межзвездные скитальцы, странники без царя, цыгане без барона. И все же в трудную минуту — как, скажем, теперь, когда они находились на стадии регенерации и были чрезвычайно уязвимы, томминокеры предпочитали прислушиваться к голосам тех, кто прошел более высокую очистку, томминокерам «высшей пробы». Тем, кого Гарденер называл «сарайщиками».

Самое время закрывать границы.

В сети прошуршал всеобщий вздох одобрения. Рут Макколанд легко узнала бы этот мысленный вздох — он походил на шорох опавших листьев под порывом холодного ноябрьского ветра.

На какой-то момент «сарайщики» потеряли след Гарденера. Впрочем, они были довольны, что он отвлекся на что-то несущественное. Если потом и вздумает направиться к кораблю, путь туда будет отрезан пожаром.

Единый голос расставлял «пешки» по своим местам, назначая, кому и где нести вахту. Несколько недель назад появился первый, весьма поверхностный план действий, который потом, по мерс «дозревания» людей в сарае, обретал все большую ясность.

Новые приборы изобретались будто невзначай; но ведь и птицы так же мигрируют на юг. Вдруг, повинуясь какому-то внутреннему зову, они ложатся на крыло с наступлением зимы, сами не ведая, что перед ними нет иного пути. «Что, милочка, а не слетать ли нам в Северную Каролину? — Отличная мысль, дорогой».

Вот они и строили всякие вещички. Порой с их помощью убивали друг друга. Но в большинстве своем; закончив очередную поделку и с сомнением покачав головой, запихивали ее куда-нибудь с глаз долой, ибо не видели в обозримом будущем для нее реального применения. Кое-что они привозили на границу Хейвена в багажнике легковушки или в кузове грузовика, прикрыв брезентом. Тем же способом на границе оказался автомат с кока-колой, чьей жертвой пал Джон Леандро. Это было творение покойного ныне Дэйва Рутгледжа, который в прежней жизни занимался обслуживанием подобных автома-

тов. И косилка Бенсона, что атаковала Лестера Морана, появилась на свет тем же путем. И «подправленные» телевизоры, плевавшиеся огнем, и детекторы дыма (один из них Гарденер увидел при первом посещении сарая). Они летали по воздуху, как проворные фрисби, испуская смертельные ультразвуковые волны. В некоторых местах стояли силовые барьеры. И почти все эти предметы легко приводились в движение с помощью специальных электронных штучек, в быту известных как «звонари» и не слишком отличавшихся от прибора, при помощи которого Фриман Мосс переносил по воздуху детали дренажного агрегата.

И никто не задумывался, зачем вообще надо размещать эти поделки по периметру города. Не задумывается же птица, зачем ей лететь на юг, или гусеница — зачем ей оборачиваться в кокон. Просто настает время, и это происходит. Вот и теперь пришел час закрывать границы. Может быть, немного раньше срока, но медлить дальше было нельзя.

«Сарайщики» надумали отправить несколько томминокеров обратно в город. С ними послали Хейзел Маккриди, как наиболее развитого представителя. В общем-то штуковины, стоящие на защите границ, вполне способны были работать самостоятельно — во всяком случае, до тех пор, пока в них не сядут батарейки. В городе имелся и еще один разряд приборов — те, которые действовали избирательно. Их-то и решено было направить в лес для создания защитной сетки вокруг корабля — на случай если забулдыга попытается прорваться к нему.

Имелся и еще один агрегат. Чрезвычайной важности агрегат, который необходимо было охранять на тот случай, если в город все же кто-нибудь — хоть одна живая душа — проникнет. Во дворе Хейзел Маккриди, подобно цирковому шатру, раскинулся здоровенный тент на пять человек, маскировочная сетка. Прибор, сделанный из отопительного котла, чем-то походил на преобразователь в сарае Бобби, однако имелись у него две особенности. От «нового и улучшенного» котла отходили оцинкованные трубы, некогда служившие вентиляционными отводками в различных комнатах дома Маккриди. Каждый из них был направлен строго вверх. На двух платформах из клееной фанеры покоялись двадцать четыре автомобильных аккумулятора, к которым подключалась вся конструкция. Для защиты от капризов природы устройство обвернули серебрист-

той сеткой — такой же, какой покрывали склоны траншеи при раскопке корабля. Когда этот прибор решат включить, он будет производить воздух.

Воздух, пригодный для дыхания томминокеров.

Как только атмосферная мини-фабрика начнет работать, они уже не будут зависеть от ветра и каприсов погоды. И даже в случае урагана воздухообменник, окруженный со всех сторон силовыми полями, защитит большинство жителей при условии, что они соберутся в городе.

Предложение закрыть границы поступило в тот самый момент, когда Гарденер засовывал в ухо пуговку наушника. Пять минут спустя Хейзел в компании четырех десятков граждан выпала из сети. Они возвращались в город. Одни — в здание городского собрания, чтобы надзирать за границей и защищать корабль при помощи всевозможных приспособлений. Другие — обеспечивать сохранность атмосферной фабрики на случай, если внешний мир — вопреки всем ожиданиям — среагирует слишком быстро и организованно. В истории томминокеров такое происходило уже не раз, и обычно все завершалось благополучно, хотя и не всегда «обращение» имело счастливый конец.

За десять минут после команды о закрытии границ и отъезда группы под предводительством Хейзела, дым, маячивший на горизонте, особенно не изменился ни по форме, ни по размеру. Ветер не спешил подниматься. Это было и хорошо, и плохо. С одной стороны, без серьезного пожара шансы привлечь к себе внимание извне весьма скромны, а с другой — маловероятно, что в ближайшее время пламя перекроет Гарденеру подступы к кораблю.

И все же, как в один голос полагали Ньют, Дик, Эдли и Кайл, его песенка спета. Еще минут пять они продержали оставшихся томминокеров на местах в ожидании незримых сигналов от механических патрульных о том, что они готовы к выполнению своих прямых задач.

В эфире это звучало как нарастающий гул.

Ньют взглянул на Дика. Тот кивнул. И оба вышли из сети, переключив все свое внимание на сарай. И хотя Гарденер по-прежнему был им не по зубам — даже Бобби при жизни не смогла его расколоть, — прослушать преобразователь не составляло никакого труда. Мерная пульсация прибора различалась так же ясно, как эфирные помехи, которыми нередко перемежается

радио- или телетрансляция, если в доме включили какой-нибудь пустячок типа кухонного миксера.

На удивление, преобразователь выдавал лишь едва различимый «шепот» — так шумит океан внутри пустой морской раковины, если приставить ее к уху.

Ньют испуганно взглянул на Дика.

Господи он слиньял гаденыш слиньял.

Дик улыбнулся. Он не верил, что Гарденер, который был едва способен читать и посыпать мысли, так быстро управился со своей задачей — если она вообще ему по силам. Присутствие этого человека в Хейвене, как и нездоровая привязанность к нему Бобби, сильно действовали на нервы, и он свято верил, что теперь, слава богу, этому положен конец.

«В мою дверь томминокер стучит и стучит».

Он подмигнул Ньюту своим странным глазом. Зрачок, в котором нелепо перемешалось человеческое и инопланетное, производил одновременно и пугающее, и смешное впечатление.

Да нет, Ньют, он не ушел. Этот кретин издох.

Ньют воззрился на Дика, словно бы размышляя, и заулыбался.

Все разом зашевелились, тронулись с места и направились к дому Бобби, затягивая петлю воображаемого лассо.

21

И на плечах моих ядро что надо.

Гарденер повернулся к монитору, а где-то в глубине его сознания буйным шепотком повторялась фраза. Раньше, в той прошлой жизни, с тем прошлым Джимом Гарденером, от которого не осталось и следа, вокруг таких строчек выстраивались целые поэмы — совсем как жемчужины в створках раковины, куда попала песчинка.

И на плечах моих ядро что надо, босс.

Что-то знакомое, наверное, из криминального фильма наподобие «Хладнокровного Люка»? Песня? Ага. Какая-то песенка. Что-то чудное, какая-то дикая смесь тюремного романа с джазом. Психоделический образ — хиппи в косухе из «Ангелов Ада» с мотоциклетной цепью, намотанной вместо браслета на худенькую бледную руку с пальцами скрипача.

Разберись с мыслями, Гард, у тебя что-то не то в мыслях.

О да, ты суперкрут, красавчик. И на плечах моих ядро что надо. Свобода мне мила, дорога нелегка, и если скажет кто, что я тебе не мил и будто не любил, то им не верь. И на плечах моих ядро что надо. Каждая венка, артерия и капилляр вздувается и пухнет, выпирает, как было, когда мы пацанами из интереса заматывали жгутами руки и смотрели, что будет дальше. И на плечах моих ядро что надо. И если гляну я в глаза, зеленый свет прольется из зрачков тончайшими лучами фонарей. Ядро что надо. И только подтолкни, пройди по краю, дрогни, оно взорвется, Гард, я знаю. Гард, берегись, сынок.

Да, стариk, ла.

Дэвид

Да-а.

У Гарда было чувство, будто он качается над бездной, кое-как удерживая равновесие, готовый сорваться. Ему вспомнился кинорепортаж про эквилибриста Карла Валленду. Мужественного отчаянного старика, который разбился, упав с проволоки в Пуэрто-Рико, — как он накренился, замер на минуту, пытаясь удержаться на канате, — и полетел вниз.

Усилием воли Гарденер выкинул это из головы. Он выкинул из головы все лишнее и подготовился стать героем. Или умереть.

22

ПРОГРАММА?

Гард затолкал наушник в ухо и хмуро уставился на экран, направляя на него поток мыслей. Адская боль вспыхнула в голове. И без того раздутый мозг разнесло, казалось, до предела. Вскоре боль начала стихать, но ощущение растянутости не покидало. Он уставился на экран.

АЛЬТАИР-4

Так, хорошо. Что дальше? Он прислушался к старику, стараясь уловить хоть какую-нибудь подсказку, но тот безмолвствовал. Хотя не исключено, что связь со стариком перекрылась ментальной связью с преобразователем; а может, Эд просто не знал, что ответить. Как бы там ни было, суть от этого не менялась.

Гард молча смотрел на экран. Появилась надпись
ОБМЕН ФАЙЛАМИ С

И тут вдруг по монитору побежали девятки. Побежали и заполонили его снизу доверху, от края до края. Гарденер оцепенел: о боже, я сломал его!

Девятки исчезли, и на экране загорелась надпись:
О БОЖЕ Я СЛОМАЛ ЕГО

Мелькнула — и исчезла, точно и не было, но тут вновь появилась строчка:

К ОБМЕНУ ФАЙЛАМИ ГОТОВ

Фу, отлегло. Техника вроде в норме. Гард знал, что мозг его напряжен до предела. Машину пока питают старики и то немногое, что осталось от Питера. Если их силами удастся вернуть парня, то не исключено, что Гард сумеет уйти — ну или упрыгать, учитывая, что с такой лодыжкой он не ходок. Но если машина решит подключить еще и его в качестве источника энергии, то у него просто лопнет мозг. Взорвется, как праздничная хлопушка.

Поздновато ты спохватился, браток.

Облизнув губы опухшим языком, Гард снова взглянул на экран.

ОБМЕН ФАЙЛАМИ С ДЭВИДОМ БРАУНОМ

Девятки по экрану.

Целая бесконечность девяток.

ОБМЕН ФАЙЛАМИ ЗАВЕРШЕН

Так, ладно. Что дальше? Гарденер пожал плечами. Ну ты ведь знаешь, что надо делать. Так к чему эти реверансы?..

ВЕРНУТЬ ДЭВИДА БРАУНА С АЛЬТАИРА-4

Девятки по экрану. Целых две бесконечности. И тут на экране появилось сообщение. Такое простое и до одури логичное, что Гарду дико захотелось расхохотаться, но он понимал — это начисто выбьет хилые предохранители, которые еще фурычат в его мозгу.

КУДА ЕГО ДОСТАВИТЬ?

Смеяться расхотелось. Надо было отвечать на вопрос. А в самом деле, куда? Водрузить на центральную базу стадиона «Янки»? На площадь Пиккадилли? Или на волнорез посреди водного берега перед калифорнийским отелем? Это все, конечно, не варианты. Одно ясно: в Хейвене ему не место. Мало того, что здешний воздух вполне способен прикончить мальца, так ведь и родичи его превратились в сущих монстров.

Так куда ж тогда?

Перехватив напряженный взгляд старика, Гард все понял: в мире есть лишь одно место, куда можно отправить мальчика. Задал команду машине...

И стал ждать. Чего угодно. Требования уточнить координаты, или сообщения, что команда не может быть выполнена, или предложения каких-нибудь мудреных действий, которые он будет не в состоянии осуществить. Но ничего этого не произошло. Лишь сплошное поле девяток, словно навечно застывших на мониторе. От трансформатора исходил нестерпимо яркий зеленый свет. Он пульсировал. Хотелось закрыть глаза.

Гард зажмурился и сквозь зеленоватую завесу, как показалось, уловил слабый, отчаянный крик старика.

И тут же сила, переполнявшая разум, оставила его. Взяла и ушла, так запросто. Гарденер отшатнулся, наушник выскочил и упал на пол. Рубашка насквозь пропиталась кровью, которая все это время текла из носа. Интересно, сколько пинт крови умещается в одном человеке? И что же в итоге произошло?

Ответа не было.

Гард готов был увидеть на мониторе любые слова.

ПЕРЕДАЧА СОСТОЯЛАСЬ

или

ПЕРЕДАЧА НЕ СОСТОЯЛАСЬ

или, быть может,

ДА ПРЕБУДЕТ С ТОБОЙ БОЛЬШОЙ И ЗЛОБНЫЙ
ТОММИНОКЕР

Так чего ради он тут старался? Нахлынула тоска. Гарденер понял, что ответа на этот вопрос он не получит никогда. В памяти всплыли строки, которые написал когда-то Эдвин Арлингтон Робинсон:

Пахал наш брат, сбивая руки в кровь
И светом одержим, он корку клял*.

Нет, брат, не до света сейчас. Они уже взяли след, а ты и половину забора не покрасил.

Нет никакого света. Пустой бездушный экран. Гард взглянул на старика — тот висел, в изнеможении уронив голову на грудь.

* Эдвин А. Робинсон. Ричард Кори.

По щеке сползла слеза и смешалась с кровью. Пластина в черепе тупо саднила, но зато прошло ощущение, что голова раздута и вот-вот лопнет. Как и чувство неимоверного могущества. Неожиданно для себя он понял, что скучает по этому чувству. В глубине души хотелось испытать его вновь, ценой любых лишений.

Торопись, Гард.

Да-да. Для Дэвида Брауна он сделал все, что было в его силах. Получилось ли, нет — неизвестно. Быть может, он убил парнишку, и пацан, который наверняка когда-то играл с фигурами из «Звездных войн» и мечтал встретиться с инопланетным мальчиком, как Эллиот из фильма, теперь парит в межзвездном пространстве облачком расщепленных атомов. Этого Гард так и не узнает. Что ж, он взялся за непомерную ношу и тащил ее слишком долго. Чуток надорвался, но дело сделано. А теперь пора идти дальше.

Старик приподнял голову.

Ты знаешь, что с ним, дедуль?

Жив ли он? Нет. Но ты молодец, сынок. Сделал все, что мог. Спасибо тебе. А теперь умоляю тебя, сынок, умоляю...

Все тише и тише. Ментальный голос старика слабел.

Пожалуйста, избавь меня от этого
по долгому светлому коридору и
смотри полки за твоей спиной

Теперь Гарденеру приходилось напрягаться, чтобы разобрать его мысли.

Пожалуйста, ну *пожа...*

Слабый шепот. Голова старика упала на грудь, жидкие седые волосы парили в зеленом киселе.

Питер задумчиво двигал лапами во сне — наверное, гнался за кроликом, а может, искал любимую Бобби.

Кое-как Гард допрыгал до полок. Они обросли грязью и пылью. На них валялись старые предохранители, стояли кофейные банки с болтами, шайбами, дверными петлями и ключами от каких-то непонятных, давным-давно потерянных замков.

На одной из полок лежал игрушечный бластер с кнопкой на боку. Наверное, юный владелец нажимал на кнопку, и игрушка улюлюкала на разные голоса, имитируя космическую перестрелку.

На что теперь способна эта вещица?

Да хрен его знает, устало подумал Гарденер. Он уже порядком притомился от всей этой неразберихи.

Может, и притомился, а пистолет все равно за пазуху сунул. Допрыгал до двери, у выхода оглянулся на старика.

Спасибо тебе, друг.

Слабый отклик. Слабее, еще слабее, шорох сухой листвы. ...Отсюда, сынок

Да. И тебя, и Питера. Клянусь.

Прыгая на одной ноге, Гард выбрался из сарай и посмотрел вокруг. Никого. Пока удача на его стороне, но искушать судьбу не стоит. Прочь отсюда. Они уже рядом. Гард мысленно ощущал их, касаясь их общего разума. Враги будто слились в единую

(сесть)

Сущность. Они его не слышали — ну или не чувствовали. Пока он находился внутри сарая, в контакте с преобразователем, его разум был будто бы отрезан от внешнего мира. Но скоро, очень скоро они поймут, что он вернулся и вновь на сцене. И пританцовывает, словно обрюзгший и раздавшийся Элвис. Встречайте!

Солнечный свет слепил глаза. В жарком воздухе висел запах гари. Дом Бобби полыхал, точно куча сухого хвороста в очаге. Завороженный зреющим Гард не увидел, как пропалилась часть крыши. Множество искр взвилось в предзакатное небо. Дом занялся ясным пламенем, но преследователи — Дик, Ньют и остальные — пока этого не заметили, ведь дым шел в основном от припаркованных во дворе автомобилей.

Гард на секунду задержался в дверях сарая, передохнул, стоя на здоровой ноге, и, неуклюже прыгая, направился к садовой вертужке. На полупути растянулся в пыли. Падая, вспомнил про космический бластер, который лежал в кармане. На игрушках не бывает предохранителей. И если ненароком спустить курок, от физической оболочки Гарденера мало что останется, он заметно потеряет в весе. Фирменный рецепт похудения от томминокеров. Он извлек из-под ремня детский пистолетик, точно это была живая мина, и продолжил путь на четвереньках. У вертужки он кое-как поднялся на ноги.

В сорока шагах от него провалились остатки крыши. Раскаленными искрами обдало сад и раскинувшийся позади лес.

Гард обернулся к сараю и изо всех сил подумал: «Спасибо тебе, друг, выручили».

И будто бы даже услышал ответ — слабый, едва различимый.

Гарденер навел бластер на сарай и спустил курок. Тонкий зеленый луч света, не толще карандашного грифеля, рассек пространство. Что-то зашипело, будто жарящийся бекон за-прыгал на сковородке. Зеленый луч плеснулся в стену, словно вода из шланга, миг — и доски полыхнули. Теперь Медведь Смоки* ко мне не подкопается.

С лазером в руке, обливаясь потом и кровавыми слезами, Гард поскакал к заднему входу. Черчилль бы, пожалуй, одобрил. Воистину: никогда не сдавайтесь. Смешно до слез. Когда «Томкэт» уже был в пределах видимости, челюсти свело очередным зевком и вдруг осенило: а ведь Бобби, сама того не зная, пожалуй, спасла его шкуру. И не «пожалуй», а очень даже вероятно. Вполне возможно, что валиум защитил его от немыслимого по силе заряда преобразователя. И эта горсть таблеток...

В горящем доме загремела канонада — взорвалась очередная самодельная примочка. Гард инстинктивно вжал голову в плечи. Часть дома ракетой стартовала в небо. По счастью, дальняя. Гард приводил ее взглядом и глубоко зевнул.

В небесах парила пишущая машинка Бобби.

Все выше, выше, выше, летучий «Ундервуд» кувырком мчался под облака.

Гард вскочил на ноги и метнулся к «Томкэту». По счастью, ключ торчал в замке зажигания. Намаялся он с ключами в последнее время, хватит на всю оставшуюся жизнь, сколько бы там ни было отмерено.

Кое-как забрался на сиденье. За спиной послышался рев моторов. Преследователи ворвались во двор. Гард не обернулся, каждая минута была на счету. «Томкэт» стоял слишком близко к дому. И если он сейчас же не сорвется с места, спечется, как яблоко.

Он повернул ключ в замке зажигания. Мотор не издал ни звука, но это Гарденера не смущало. Двигатель мягко вибри-

* Талисман службы леса США, пропагандистский символ, защитник от лесных пожаров.

ровал. В доме снова что-то взорвалось. Колючая россыпь искр брызнула во все стороны, обжигая и жаля. Во дворе скапливалось все больше народу. Умы прибывающих были обращены к сараю, мелькали мысли

печеное яблочко
спекся в сарае
сдох, так и есть

И хорошо, пусть пока пребывают в неведении. Новый и улучшенный «Томкэт» двигался бесшумно, с легкостью бойца-ниндзя, и не мог выдать себя рокотом мотора. Срочно линять отсюда. Сад пыпал. Гигантские подсолнухи и исполнинская кукуруза с огромными несъедобными початками горели ясным пламенем. Благо поперек участка пролегала дорожка, по которой все еще можно было двигаться.

Эй! Тихо! ОН ПОЗАДИ ДОМА! ЖИВОЙ, ПОДЛЕЦ!

Гарденер в смятении обернулся: *справа, по каменистой* площадке, тянувшейся вдоль соседского поля, гнала на мотоцикле Нэнси Восс. За спиной ее разевались заплетенные в косы волосы, глаза горели ведьминским огнем... Жуткая бестия. Впрочем, в сравнении с сестричкой Энн она — сущий ангелок.

ЗА НИМ! ОН ЗДЕСЬ! БЫСТРЕЕ!

Ах ты, крыса, подумал Гарденер и навел на нее акустический космобластер.

23

Их было человек двадцать или тридцать. Эдли и Кайл, Фрэнк Спрюс, Голдены, Розали Скехан, Поп Кудер. Ньюти и Дик следили за порядком, замыкая колонну.

Вдруг все разом обернулись на призыв Нэнси.

СЮДА! БЫСТРЕЕ СЮДА! ГАДЕНЫШ ЖИВ! ЗА ДОМОМ.

Все видели, как она мчится через поле на мотоцикле, галопируя, словно всадник на полном скаку. Жесткие подвески «ямахи» подбрасывали ее вверх и вниз. И тут из-за горящего дома выстрелил тонкий зеленый луч, объявив ее пламенем.

Никто и не заметил, как вдруг снова начала вращаться вертушка.

24

Стена сарай полыхала. Часть крыши провалилась, подняв в воздух жгучие искры. Одна попала на кучу сального тряпья, и оно живо занялось.

Избавление, подумал Эв Хиллман. И последнее последнее послед...

Напоследок прозрачной зеленью стал пульсировать преобразователь. Пару мгновений он еще противостоял огню.

25

Дик Эллисон услышал скрип вертушки. Разум его наполнился яростным нечеловеческим криком, когда стало ясно, что Гарденер по-прежнему жив. Все произошло слишком быстро. Справа от дома Бобби посреди площадки тряпичной куклы валялась полыхающая Нэнси Восс. «Ямаха» промчалась еще двадцать ярдов, налетела на камень и кувыркнулась через руль.

Дик мигом оценил ситуацию. Увидев сгоревший остов пикапа Бобби, машину Мосса и «олдсмобиль» Бозмана, он тут же заметил вертушку.

ВСЕ ПРОЧЬ ОТ ЭТОЙ ШТУКИ. БЕГИТЕ! БЫСТ...

Их было уже не спасти. Дик выпал из сети и не мог пробиться сквозь тугую завесу. В едином разуме простеньким рок-н-рольным ритмом бились две последние мысли:

Еще жив. Вон там, за домом. Еще жив. Вон там, за домом.

Народ все прибывал. Они хлынули через двор, не обращая внимания на горящий дом, на пылающий сарай и беспорядочно брошенные автомобили.

НЕТ! ИДИОТЫ! ПРИГНИТЕСЬ! БЕГИТЕ!

Ньют застыл, не в силах отвести взгляда от адского пламени, охватившего дом. Он не видел карусели, которая крутилась все быстрее, набирая обороты. С какой радостью Дик бы его прикончил, но этот человек был по-прежнему нужен. Дик грубо толкнул его на землю и прикрыл своим телом.

И в этот миг зеленая смертоносная вуаль по центробежной накрыла двор.

26

Гард услышал крики — множество криков, и постарался отгородиться от них. Сейчас это не важно. Сейчас вообще ничего не важно. Впереди — последняя пересадка.

Бессмысленно было поднимать «Томкэт» в воздух. Гарденер врубил первую передачу и поехал в чудовищный, объятым пламенем сад Бобби.

В какой-то миг стало сомнительно, что эта полоса препятствий окажется ему по зубам. В запущенном заросшем огороде пламя распространялось гораздо быстрее, чем можно было представить. Со всех сторон жутко припекало, казалось, легкие просто вскипят.

Слышались глухие щелчки — так потрескивают в печи смолистые сосновые дрова. От жара на бахче лопались тыквы и кабачки. Ладони обожгло до пузырей.

Голове стало жарко. Гарденер протянул руку — горели волосы.

27

Изнутри сарай был объят пламенем. Преобразователь плавился, корежился, и лишь зеленый кошачий глаз мерно пульсировал в центре адского пекла.

Питер лежал на боку. *Ему больше некуда было спешить.* Эв Хиллман устало смотрел на прибор, сосредоточив на нем последние силы. Жидкость, в которую он был заключен, накалилась до предела. Но это еще терпимо. В его ситуации боли не существует — во всяком случае, телесной. На кабеле, соединявшем его резервуар с преобразователем, стала плавиться изоляция. Соединение пока худо-бедно держалось, и Эв Хиллман успел подумать:

Последняя просьба. Дай ему спастись. Последняя
ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Высветилось на экране компьютера.
ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

И тут экран заполонили девятки.

28

Во дворе Бобби царило невиданное разрушение.

Дик и Ньют, не в силах отвести взгляда, следили за происходящим. Уже во второй раз Дик поражался, что все могло зайти так далеко, — как и в тот день, когда они травили в лесу полицейского со стариком. Со стороны было видно, что они, как и те, кто еще не подоспел к дому, находятся вне смертоносного периметра, но сам Дик не был в этом уверен и встать не решался.

Во дворе горели люди — как сухие огородные пугала. Одни метались, хлопали руками и по-вороньи орали, в том числе и мысленно. Некоторым удалось вовремя отскочить от смертоносной спирали. Мимо того места, где лежали Дик и Ньют, медленно прошел Фрэнк Спрюс с выжженным лицом. Его полоснуло по щеке, и теперь с одной стороны его десны обнажились в полуулыбке. Единичные вспышки озаряли двор — у кого-то было при себе оружие, и оно самоуничтожалось.

Дик и Ньют встретились взглядами.

Отводи их. На перехват по флангам? Надо

Да вижу боже там наши горят десять или двенадцать

НЕ СКУЛИ!

Ньют отпрянул, раздвинув губы в беззубом оскале. Дик не обратил внимания. Ментальная сеть распадалась, и теперь были все шансы докричаться.

В обход! Поворачивай в обход! Задержать! Задержать хмыря!

Они зашевелились. Медленно выходя из оцепенения, двинулись, набирая скорость.

29

Монитор вспыхнул, что-то взорвалось, послышался кашель, словно какой-то великан прочищал забитое мокротой горло. Из душевой кабинки, ставшей тюрьмой для Эва Хиллмана, хлынула вязкая зеленая жижка. Добравшись до огня, она превратилась в едкий зеленый пар. Эва выбросило волной, словно рыбу из разбитого аквариума. По счастью, он был уже мертв. Потом настала очередь Питера. Резервуар Энн Андерсон лопнул последним. Покойница лежала на полу, злобно скрючив пальцы.

30

Когда иссяк огненный водоворот и машина смолкла, воздух по-прежнему наполняли крики умирающих и настойчивые приказания Дика. Повсюду бушевал пожар. Двор превратился в грязную лужу с островками огня, хотя томминокерам было не привыкать — они везде сеяли огонь и разрушения.

Ньют вторил Дику. Кайл погиб. Эдли получил сильнейшие ожоги, но в общий хор голосов влился и его голос:

Перехватить его, пока он не подобрался к кораблю! Он жив!
Перехватить, пока не подобрался! Пока не подобрался!

Томминокеры были разгромлены. Пятнадцать из них живьем полжарились в саду Бобби, но и это не самое страшное. Бобби и Кайл мертвы, Эдли вот-вот к ним присоединится. Границы перекрыты, возникла острая нужда в преобразователе, но он уничтожен. Да еще Гарденер жив. *Жив вопреки всему*. Невезение какое-то.

И что хуже всего, подул свежий ветер.

31

Схватить его, быстро.

Сеть. Томминокеры восстановили сеть.

Они прошли через поле и двинулись навстречу огню.

БЫСТРО!

Дик Эллисон повернулся в сторону города, и вся сеть повернулась следом, будто тарелка радара. Где-то там, в доме, сидела Хейзел, поражаясь такому повороту событий.

Он

(сеть)

Дал отпор.

Хейзел, отправь за ним все, что у тебя есть в той стороне.

Дик повернулся к Ньюту.

Необязательно так толкаться, насупился тот, стирая с подбородка каплю крови.

— Умолкни, не до тебя, — сплюнул Дик. — Сейчас надо гниду ловить.

32

Вертушка, с которой все и началось, замерла, а пожар ве-
ром продолжал распространяться. От дома Бобби остались
лишь черные остья конструкции, и теперь они были объяты
рыжим столбом пламени. Огонь охватил сад с гигантскими
растениями-мутантами, и те, сгорая, испускали зеленое све-
чение.

Пожар наступал с двух флангов, они смыкались. Меж ними
мчался Джим Гарденер, увенчанный венком из тлеющих волос.
На нем загорелась рубашка, рукав дымился. Гард похлопал по
руке, затушил огонь. Хотелось кричать, но на это уже не было
сил. Голова плыла как в тумане.

Меня выжали и выбросили. Как тряпку. Сам виноват.

Он выехал из сада. «Томкэт» накренился и скатился по
склону прямиком в лес. Молодая поросль вдоль дороги горела,
пламя струилось по земле, постепенно вливаясь в Большой
индейский лес. Гарда это сейчас меньше всего интересовало.
И страх, что он поджарится, как в микроволновой печи, тоже
понемногу отпускал. Он то и дело стукался обо что-то головой,
а волосы пахли ужасно — словно ребенок похозяйничал
у плиты.

Едва он оказался в лесу, правое плечо опалило струей зе-
леного огня.

Гард дернулся влево и припал к рулю, оглянулся. Позади,
вооружившись огненной пушкой, мчался Хэнк Бак. На ферму
он пригнал на мотоцикле, грохнулся с него на той же полосе,
где обрела конец Нэнси Восс, вскочил и на своих двоих ри-
нулся в погоню.

Гард обернулся. Крепко сжимая в правой руке пистолет,
для верности схватил себя за запястье другой рукой и спустил
курок. Тонкий луч пронзил пространство и каким-то чудом
шарахнул Хэнка в грудь — прямо в сердце. Зашипело, как мясо
на сковородке. Зеленая смерть плеснула в лицо Хэнка, и он
рухнул на землю.

Гард очень вовремя посмотрел на дорогу: трактор держал
курс на пылающую елку. Со скоростью пять миль в час. Гард
стал выруливать, на руках лопались пузыри. Чудом не про-
таранил елку. Гусеница чиркнула по стволу, и трактор начал

заваливаться вбок. Лицо чуть не опалило разлапистой веткой, окутанной огнем, — в последний момент увернулся, буквально на ощупь продираясь среди жалящей хвои, будто человек, запутавшийся в горящих шторах. Трактор-коротышка накренился, замер в таком положении и удачно встал на землю, обретя равновесие. Гард вдавил дроссель, выжимая из «Томкэта» максимум, и тот погнал вперед по лесной дорожке.

33

Томминокеры наступали и наступали. Они пробирались по флангам, пытаясь обойти огненный веер, который охватывал все большую площадь. Дик Эллисон, руководивший операцией, рвал на себе волосы, прекрасно понимая, что беглеца уже не поймать. Гарденер успел проскочить через сад, ему повезло. Промедли он три минуты — да что там, минуту, — и все, путь был бы отрезан. Он попросту спекся бы в адском пламени пожара. Его пытались догнать. Четверо смельчаков сгорели заживо, и среди них — миссис Айлин Креншоу и преподобный Гурингер. Креншоу погибла на кукурузном поле. Два пылающих ствала упали на нее, когда она проезжала мимо них на «дюноходе». От неожиданности она выпустила руль, заорала, «багги» понесло прямо в горящие дебри огненного сада. Шины лопнули с оглушительным хлопком. Секунду спустя дорожка была в огне, выбраться ей не удалось.

Сказать, что Дик рвал и метал, — не сказать ничего. В истории томминокеров уже имели место случаи, когда «обращение» приходилось резко сворачивать. Такое происходило не часто, но все же случалось. Впрочем, во все времена причиной тому служили естественные, природные факторы. Так бывает, скажем, когда гибнет целое поколение мотыля в стоячем пруду из-за того, что в разгар грозы в воду попала молния. Но тут же, вы поглядите, не гром и не природный катаклизм — человек! Да еще какой! Жалкое подобие мужчины, шут, которого все презирали и побаивались, точно собаку, что по собственной глупости способна укусить протянутую руку. Человек, не выходящий из пьяного ступора. Хмырь, который обхитрил Бобби,

убил ее, да еще и упорно оставался в живых, несмотря на все попытки с ним справиться.

Нас не остановит какой-то там человек, с остервенением думал Дик. Нет, нет и нет! Да только как теперь этому помешать? Огненный фронт распространялся с небывалой быстротой, напрочь отрезая преследователей. Гарденер — единственный, кому удалось проскочить в самом центре полыхающей аллеи. Хэнк Бак пытался в него стрелять, но не попал, зато, по ironии судьбы, мерзавец сразил его наповал, убил с первой попытки.

Дика обуревала ярость (Ньют это чувствовал и предпочитал держаться в стороне — Дик был тяжелее на двадцать фунтов и моложе на десять лет). На самом деле под толстым слоем злости скрывался леденящий душу страх, словно пропущенный крем внутри отравленного шоколада. И это было гораздо хуже.

Да, томминокеры, как поведала Бобби, и впрямь великие космические странники. Этого у них не отнять. Но нигде до сих пор, во всех вселенских просторах, не встречали они такого человека, как этот. Он боролся вопреки всему. Вопреки разбитой лодыжке, потере крови и смертельной дозе лекарства, которое, по идеи, должно было свалить его пятнадцать минут назад, даже учитывая, что большую часть таблеток ему удалось из себя изрыгнуть.

Происходило невозможное.

Почему-то огонь, который должен был перекрыть Гарденеру путь к кораблю, стал естественной и главной его защитой.

Придется прибегнуть к последнему средству: механическим стражам.

— Они его схватят, — прошептал Дик.

Дик и Ньют стояли на пригорке по правую руку от дома, словно два генерала, наблюдающих за передвижением пехоты. Пехота медленно прокладывала путь к лесу, обходя растянутые фланги пожара. Дик работал кулаками, остервенело скимая и разжимая ладони. В шейных артериях пульсировала зеленая кровь.

— Схватят, остановят, он не пройдет к кораблю, не пройдет, не пройдет.

Ньют Беррингер осмотрительно помалкивал.

Датчик дыма, как миниатюрная летающая тарелка, бессовсем рассекал по лесу. На брюхе его беспорядочно мигала красная лампочка индикатора. Малышку вела Хейзел Маккриди. Дистанционно. Она уловила волну злости, отчаяния и страха; которая исходила от Дика Эллисона, и решила лично заняться Гарденером. Но сначала она дала одно небольшое поручение Паулине Голдж, наиболее ответственному, на ее взгляд, человеку. Затем перешла в свой кабинет, закрыла за собой дверь и заперлась на ключ.

В нижнем ящике картотеки у нее был припрятан гетто-блaster, стерсомагнитофон чуть меньшего размера, чем «utiлизатор» покойного Хэнка Бака. Водрузив его на стол, она нажала кнопку включения, взяла миниатюрный наушник с лотка для исходящих бумаг и сунула его в ухо.

Она сидела с закрытыми глазами и, замерев, слушала, как справа и слева проносятся деревья, хлещут ветками по лицу — дымовой датчик мчался над землей на высоте человеческого роста. Очень скоро Гарденеру вспомнится одна яркая сцена из фильма «Возвращение джедая» — там, где хорошие парни, оседлав воздушные мотоциклы, гоняют на бешеной скорости, пытаясь поймать плохих.

Впрочем, Хейзел было не до метафор сейчас. И не до них будет потом, если вообще удастся выбраться из этой заварушки. Так что образность — это не для томминокеров.

А меж тем электронный киборг почувствовал дым в объятом пожаром лесу и жаждал выполнить свое исконное предназначение — врубить пожарную сирену.

Датчик дыма легко покачивался из стороны в сторону, обходя препятствия, огибал стволы, подскакивал над кочками и медленно вновь выравнивал высоту, подобно самому крохотному в мире самолету-опылителю.

Хейзел сидела за столом, подавшись вперед, до упора вдавив наушник в ухо, максимально сосредоточившись на задаче. Она гнала свой крохотный летательный аппарат на пределе возможностей, превышая любые скоростные ограничения, рискуя разбить его вдребезги, но и этого было мало. От корабля их отделяло целых пять миль, и сейчас датчик подлетал к Хей-

вену со стороны Ньюпорта. До Гарденера нужно добраться как можно скорее. Успеть. Время на исходе.

Датчик нырнул вбок, ловко увернувшись от тонкой сосенки. Пронесся на бреющем... Вот и он. А вот и корабль впереди, весь переливается, пуская в кроны солнечных зайчиков.

Датчик на миг застыл над землей, укутанной толстым покрывалом вековой хвои, — и устремился прямо на Гарденера. Хейзел уже готова была включить ультразвуковую насадку, способную перемолоть все кости в теле Гарденера в мелкую труху.

35

Гард, берегись! Слева!

До били знакомый голос. Невероятно, но факт. Это была Бобби Андерсон. Прежняя, «неулучшенная» Бобби. На размышления времени не оставалось. Гард обернулся налево: что-то со свистом неслось на него сквозь деревья. Диск с мигающим огоньком на брюхе. Разглядеть его не хватило времени.

Гард навел на цель звуковой космобластер, попутно удивляясь, что вообще надеется попасть в эту летающую мишень. И тут вдруг голову наполнил нарастающий тонкий писк, словно бы все комары мира собрались в единый хор и гудели в унисон. Сперва он ощущил этот звук ушами, потом головой, а после всем телом. Да, он был где-то внутри, и все внутри его начало вибрировать.

А потом словно чьи-то руки сжали его запястье. Крепко сжали и развернули в нужную сторону. Он спустил курок. Стрела зеленого огня рассекла солнечный луч. Дымовой датчик взорвался, разлетевшись на осколки. Несколько кусков пласти массы просвистели рядом, едва не задев Гарда.

36

С диким криком Хейзел дернулась в кресле и застыла — чудовищной силы отдача саданула в наушник. Она вскинула руку, пытаясь содрать его скрюченными пальцами, но промахнулась. Губительный жучок так и остался в левом ухе, и тут же из правого брызнули зеленые влажные хлопья, похожие на облученную овсянку. Ее мозги вылетали сквозь узкий слуховой проход,

пока, наконец, череп ее не лопнул от давления, раскрутившись подобно чудному цветку. Из сердцевины плеснул мозг и шмякнулся об стену, заляпав календарь с репродукциями.

Хейзел завалилась на стол, раскинув руки и устремив впустоту удивленный взгляд стекленеющих глаз.

Гетто-бластер поурчал и затих.

37

Бобби? — дико озираясь, подумал Гарденер.

Отвали, жеребчик! — Она явно забавлялась. — Большего от меня не дождешься. Я же труп, не забывай.

Помню, Бобби.

Мой тебе совет, берегись бешеных пылесосов.

А потом она сгинула, исчезла, как не бывало. За спиной с треском рухнуло горящее дерево. Лес и ферма позади превратились в адскую доменную печь. Преследователи нагоняли. За спиной слышались крики, улавливался звон мысленных голосов.

Бобби пропала.

Гард, да ты все напридумывал. Ты просто хочешь, чтобы она была рядом, она нужна тебе, физически нужна, вот и мешается всяческое. Пытаясь возродить ее к жизни.

Да? А как же рука? Ее я тоже придумал? Меня ведь явно кто-то схватил за руку, меня вели. Я не мог сам попасть в эту штукку, да никто бы не попал с первого раза и без посторонней помощи. Я ж не чемпион по стрельбе.

А меж тем голоса приближались. Они витали в воздухе, проносились в голове. Нагоняя пожар. Гарденер глотнул дыма, поперхнулся, потянул рычаг управления и полным ходом побежал вперед. Сейчас не до размышлений и споров.

Его путь лежал к кораблю. Через пять минут «Томкэт» выскочил на поляну.

38

«Хейзел, Хейзел?!» — в исступлении орал Ньют.

Хейзел да Хейзел, — гаркнул в ответ Дик Эллисон. Терпение его было на исходе — ну что за тупица! И он бросился на Ньюта с кулаками.

«Ах ты, паскуда!» — смачно плюнул в ответ Ньют, и они, вцепившись друг другу в глотки, покатились по земле. Глаза пылали ненавистью, каждый страстно желал придушить недавнего приятеля. Логика тут напрочь отсутствовала. Сейчас странно было бы сравнивать томминокеров с кем-то вроде мистера Спока.

Пальцы Дика впились в рыхлые складки на шее противника, руки сомкнулись мертвой хваткой. Кровавая зеленая пена пузырилась под ногтями. Дик стал отчаянно бить Ньюта головой об землю, поднял и со всей силы швырнул вниз, опять и опять, снова и снова. Сопротивление ослабевало, Ньют задохнулся в руках противника.

Разделавшись с ним, Дик почувствовал себя значительно лучше.

39

Гарденер неловко спешился, потерял равновесие и упал. В тот самый момент, когда он невольно пригнулся, над ним просвистел массивный шмель. Гарденер сидел на земле, озадаченно глядя на летающий пылесос, который секунду назад чуть было не снес ему голову.

«Электролюкс» пулей пронесся по вырубке, затормозил и вновь помчался на него, как торпеда. Позади этого монстра с бешеною скоростью вращалось подобие пропеллера — так быстро, что в воздухе висела серебристая зыбь.

Гарду отчетливо представилось дупло, прорубленное гигантскими жвалами в нижней части двери сарая, и во рту пересохло от страха.

Берегись бешеных...

Пылесос заложил вираж и нырнул прямо на Гарденера, вращая в воздухе циркулярной насадкой, которая зудела и жужжала, подобно бензиновому мотору детского самолетика-истребителя. Бытовой прибор висел в воздухе, неторопливо покручивая небольшими колесами, некогда облегчавшими жизнь какой-то усталой домохозяйки, которой приходилось таскать за собой верного спутника из комнаты в комнату. Отверстие, куда вставлялись разнообразные шланги, теперь зияло голодным жерлом.

Гарденер сделал вид, что собирается прыгнуть вправо, но задержался чуть дольше ожидаемого, — двинься он слишком

резво, и пылесос прогрыз бы его внутренности с той же легкостью, с какой он прогрыз дощатую дверь сарай, когда Бобби вызвала его на подмогу.

Гард подождал немного, дернулся влево и в последний момент рухнул вправо, прямо в грязь. Ударились друг о друга кости в раненой лодыжке, он отчаянно вскрикнул.

«Элекстролюкс» с грохотом упал на землю, взрывая пропеллером грязь, и тут же подскочил, словно самолет, слишком рано севший на взлетно-посадочную полосу. Со свистом взметнулся в воздух и полетел в сторону огромного наклоненного блюдца, развернулся и устремился на Гарда. Из голодного жерла показался кабель, которым совсем недавно пылесос нажимал кнопки на пульте управления. Кабель плеткой стегнулся воздух, издав сухой щелчок, точно шелест резко развернувшейся змеи, — сквозь грохот и рев пламени этот звук едва улавливался. Когда-то в детстве мать свозила Гарденера на родео, посмотреть, как ковбои управлялись с лошадьми на Диком Западе. Долго тряслись они по кочкам и ухабам Портленда штата Мэн. Был там один ковбой в высокой белой шляпе, он выделявал всякие штуки с веревкой. Имелся у него фирменный фокус: длиннущее лассо он крутил на высоте лодыжки. При этом ловко прыгал над петлей и дул в губную гармошку, наигрывая «My Gas Sall». Этот кабель вращался так же лихо, как то лассо.

Гард, очнись! Он срубит тебе голову с плеч. Гладенько, как нож по маслу.

И теперь эта железная дура со свистом неслась на Гарда, волоча за собой серую тень.

Приподнявшись на коленях, Гарденер навел на нее космобластер и выстрелил. Пока он целился, пылесос успел уклониться, но выстрелом его задело по касательной. Отлетел кусок хромированной стали над правым колесом. Кабель плеткой упал в грязь, прочертив в ней неверную дугу.

взять его

взять пока он не

пока не навредил кораблю

Близко. Голоса были уже близко. Пора с этим кончать.

Пылесос обогнул дерево и лег на обратный курс. Взял носом вверх, разогнался, набрал высоту и спикировал ястребом. Все быстрее вращались остро отточенные лезвия.

Гарденеру тут же представился Тэд Ядерная Шишка. То-то старина повеселился бы, окажись в такой ситуации. Воистину жизнь благодаря электричеству заиграла новыми красками!

В доли секунды Гард спустил курок игрушечного пистолета, и тонкий зеленый луч выстрелил в рыло взбесившегося пылесоса. Не жалея ног, Гард вскочил и бросился наутек. И в этот миг «Электролюкс» рухнул на землю совсем рядом с «Томкэтом», зарывшись в грязь фута на три. Из выступающей надземной части плотным облачком вырвался дым. Пылесос раскатисто перднул и издох.

Опершись о бок «Томкэта», Гарденер поднялся на ноги. В руке бессмысленно болтался сверхзвуковой космобластер. Детская игрушка не была приспособлена для таких нужд. Дуло оплавилось, вещица пришла в негодность. «Теперь толку от нее ноль, — подумал Гард. — Как и от меня».

Пылесос смолк навеки. Он торчал из земли наподобие неразорвавшейся бомбы. Впрочем, расслабляться не время. Сейчас еще и другие подоспевают. Много у них занятных приспособлений и приборчиков. И некоторые уже в пути, это точно. Спешат, летят и катятся по лесу на своих импровизированных колесах.

О чём там думал старик напоследок? Последнее, последнее, что там... Избавление.

— Избавление. Неплохое словечко, — проговорил Гарденер хрипло.

Он тут же вспомнил, что есть новелла с таким названием. Написал ее какой-то поэт. Джеймс Дики. Речь в ней шла про молодых парней, которые сплавлялись на каноэ, играли на гитаре, влипли в неприятности и наломали дров, но под конец сошлись на том, что неплохие они, в сущности, чуваки. Была там строчка... Один из них посмотрел на напарника и проговорил как бы невзначай: «Все машины портятся, Льюис, все системы отказывают».

Как раз на это Гарденер сейчас очень надеялся.

Он подскочил к навесу и нажал кнопку, запустив лебедку на спуск. Теперь ему предстоит вручную карабкаться вниз по тросу. Дурацкая затея, но придется. Вот они, технологии томминокеров, к вашим услугам. Захныкал мотор. Трос стал опускаться. Гарденер прыгнул к самому краю и посмотрел вниз. Если получится — считай, спасен.

В полной безопасности среди инопланетных мертвецов.

Мотор заглох. Где-то на глубине болталась бесполезная стропа. Голоса приближались, огонь наступал на пятки, сужалась цепь злых испорченных приборов. Он преодолел много препятствий в этой гонке на выживание и пришел к финишу первым.

Примите наши поздравления, мистер Гарденер! Вы только что выиграли летающую тарелку! Как решите ею распорядиться? Возьмете деньгами или совершите бесплатное путешествие в открытый космос?

— Эх, — просипел Гарденер, небрежно бросив огловленный пистолетик, — была не была.

Слова эти чем-то отозвались в памяти.

Он схватился за кабель и оттолкнулся от края обрыва. И тут вдруг он вспомнил, чьи это слова. В точности, один в один. Гэри Гилмор сказал их, стоя перед расстрельной командой в Юте.

40

На полпути вниз он понял, что последние силы его покидают. Если он сейчас же что-нибудь не предпримет, то попросту рухнет на дно.

Гард начал торопливо спускаться по тросу, проклиная всех и вся за то, что эти умники не придумали ничего лучше, как поместить ручное управление так далеко от траншеи. Было чертовски душно. Пот застилал глаза. Руки дрожали от усталости. Живот подвело. Ладони заскользили по веревке, вцепились в нее, заскользили снова. И тут вдруг трос поехал меж рук, как сквозь горячее масло. Он крепко сжал его и закричал от боли — резко увеличилась сила трения.

— Господи! — орал Гарденер. — Боже ты мой!

Приземлился он точно на раненую ногу. Боль раскаленным стержнем пронзила все его существо, прошла вверх по ноге, через живот, через шею. Казалось, сейчас вспорет макушку и вырвется наружу. Колено подломилось, саданувшись о корпус корабля. Коленная чашечка пробкой вылетела из сустава.

У Гарда потемнело в глазах. Он встряхнулся, преодолевая накатившую дурноту. Впереди был люк, все еще открытый: Мерно гудели воздухообменники.

Левая нога пылала от боли. Он посмотрел вниз и удивился: будто по волшебству она стала короче правой. И выглядела как-то... странно. Как погнутая сигара, которая слишком долго болталась в кармане.

— Разваливаясь на куски, — прошептал Гард и неожиданно для себя рассмеялся. А вообще оно того стоило. Во всяком случае, это гораздо занимательнее, чем просто спрыгнуть с похмелья с волнореза.

Над головой послышалось писклявое жужжание. Смотри-ка, еще кто-то пожаловал. Гарденер медлить не стал, любопытство его не снедало. Он подтянулся в люк и пополз по круглому коридору. Со стен, вместо привычной зелени, лился мягкий белый свет. Измученное лицо Гарда в этом свете выглядело живым, и даже могло показаться, что он вовсе не умирает.

41

Если б только вы знали, как громко в夜里
(Бубенцы-колокола, мчимся через поле)
В мою дверь томминокер стучит и стучит.
(По лесам и по долам, белое раздолье)
Он как будто бы мертв, но и ты жив едва —
(К милой бабушке домой на санях приедем)
Томминокерским гриппом больна голова!
(Поздравляем с Рождеством, взрослые и дети).

В голове крутились бессвязные стишкы, а он все полз по коридору. Один раз остановился, не справившись с рвотными позывами. Отвернулся, освободил желудок, пополз дальше. Воздух здесь был по-прежнему чертовски гадок. Голубая канарейка, верный спутник горняков, давно бы уже лежала лапками кверху, ну или валялась на последнем издохании.

Зато, Гард, обрати внимание. Тебе не показалось, что механизмы при твоем появлении заработали как будто громче?

Да. Громче и увереннее. И воздухообменники исполняют здесь отнюдь не главную партию. Глубоко в чреве корабля возвращалась к жизни какая-то другая машина. Свет становился ярче. В корабле теплилась жизнь, и теперь он подключился к своим скрытым резервам. И пусть.

Гард добрался до первого внутреннего люка. Обернулся — наружный вход был по-прежнему открыт. Преследователям ничего не стоит спуститься в котлован (а может, они уже и спустились) и ринуться следом, внутрь корабля. Правда, если вспомнить, с каким трепетом созерцали эту махину его горе-помощники (и даже здравомыслящий Фриман Мосс, который вроде бы продержался дольше остальных), они не решатся. Хотя положение у них отчаянное, и это тоже нельзя сбрасывать со счетов. Устал он от этих сумасшедших. Хотелось отгородиться от них надежной стеной, пока они не забрали у него то немногое, что еще осталось.

В голове огненным цветком полыхнула боль. Из глаз брызнули слезы, мозг будто подцепили на крючок, и неведомый рыбак теперь вытягивал его на сушу. Жуткая мука, но ничто в сравнении с болью, пронзающей ногу от паха до лодыжки. Сил не осталось, он уже ничему не удивлялся. Заслонки сдвинулись — люк закрылся сам собой, отгородив его от внешнего мира. Возник вопрос: а сумеет ли Гард при желании открыть его снова? Невозможно что-то с уверенностью утверждать. Он оказался запертым в корабле, набитом мертвыми томминокерами.

А ты уверен, что они мертвы?

Нет, конечно. Как раз напротив, даже не сомневаюсь, что живы. Да они тут такого натворили, что мертвым и не снилось. Устроили всю эту заварушку. Превратили Хейвен в фабрику по производству оружия.

— Ну это вряд ли, — хрипло проговорил Гарденер. Он подтянулся и сквозь люк проник в простиравшийся за ним коридор. В чреве корабля ворочались гигантские молоты, стены гудели от вибрации.

Мертвяки? Нет, старина Гард, и не надейся. В целой вселенной не найдется столь древнего дома с привидениями, и ты червем ползаешь по его внутренностям.

Вдруг ему показалось, будто где-то раздался звук. Гард резко обернулся. Сердце зачастило, слюнные железы прыснули в рот горькой слюной. Да нет здесь никого. А вот и неправда! У тебя есть все основания испугаться, ты же видел томминокеров, которые некогда были людьми.

— Боже, помоги! — отчаянно взмолился Гард. Откинув с глаз волосы, он осмотрелся. Над головой тонкой паутиной

простиралась лестница с широкими зазорами меж перекладин. И в каждой перекладине — узкие длинные выступы, наводящие на жуткие мысли. Когда и если корабль поднимется в воздух и примет горизонтальное положение, ступени выровняются по вертикали.

А запах здесь все же есть, несмотря на работающие вентиляторы. И его ни с чем не спутать. Тут пахнет смертью. Долгой одинокой смертью и безумием.

— Господи, помоги. Я ведь немного прошу. Дай пердохнуть, ну хоть чуть-чуть, ладно?

Так, разговаривая с богом, Гарденер упорно продвигался вперед и скоро достиг главной рубки корабля.

42

Томминокеры стояли, сгрудившись над краем обрыва, и смотрели на Дика. С каждой минутой их прибывало все больше и больше. Добравшись сюда, они вдруг замирали на месте, словно механизмы, которые выполнили череду предписанных операций и ждут дальнейшей команды.

Они стояли и смотрели то на корабль, под углом торчавший из земли, то на Дика, потом снова на корабль, и так переводили бессмысленные взгляды с одного на другое, напоминая толпу сомнамбул на теннисном матче. Дик чувствовал и знал, что остальные — те, что ушли в город охранять подступы к нему, выжидает, глядя на происходящее глазами тех, кто находится возле корабля.

А сзади надвигался огонь. Он пожирал все вокруг, набирая силу. Совсем рядом, из густых крон, зазмелился дымок, на поляну потянуло дымом. Кто-то закашлялся, но все оставались на местах.

Томминокеры смотрели на Дика, тот отвечал озадаченным взглядом, не понимая, чего от него хотят. Смутно, но до него начало доходить. Он — последний из «сарайщиков». Остальные погибли по милости Гарденера. Прямо ли, косвенно — пьяничуга тому виной. Все это было непостижимо и нелепо, и, мягко говоря, страшно. Дик все больше убеждался, что за долгую историю существования томминокеров такого провала у них еще не было.

Они на меня смотрят, потому что я — последний. Думают, я скажу им, что теперь делать.

Но сделать ничего нельзя. В этой гонке они проиграли, Гарденер победил. Каким-то чудом он пришел первым, и теперь им ничего не остается, кроме как сидеть и ждать. Ждать и надеяться, что корабль сам его уничтожит, пока тот не успел ничего натворить. Прежде чем...

Томминокеры...

И тут будто бы огромная рука проникла под черепную коробку Дика и нещадно сжала нежную мякоть мозга. Он вскинул руки к вискам, дико растопырив пальцы. Хотел крикнуть, но не смог. То, что он увидел, запечателось последним осознанным образом в его голове. Там, на поляне, как подкошенные, валились на землю люди, словно пилигримы, узревшие Божественное пришествие или какое иное чудо.

Корабль завибрировал. Воздух наполнился тяжелым гулом, резонирующим в челюстях.

Это Дик еще успел ощутить — и тут его глазные яблоки выскочили из черепа, точно сгустки заплесневелого желе. Больше он ничего уже не видел.

43

Господь, помнишь наш уговор? Помоги хоть самую малость.

Он сидел посреди шестиугольной комнаты с наклонным полом, вытянув перед собой покореженную (это, пожалуй, самое верное слово) ногу. Рядом из отверстия в полу тянулся толстенный кабель.

Подсобил бы немного. Ну ты прав, что со мной возиться, я расходный материал. Подстрелил жену, подстрелил друга, лучшего друга в моей жизни. Вечно я все порчу. И ты скажешь, что я — неудачник, да не абы какой, а новой и улучшенной модификации, и будешь прав. Но, господи, если б ты знал, как мне сейчас нужна помощь.

Помощь бы ему не помешала, и это без преувеличения. И самой малостью тут не обойдешься. Основной, толстый кабель разветвлялся на целых восемь проводов потоньше,

и провода эти оканчивались не просто затычкой, а гарнитурой на оба уха. И если в сарае Бобби он, образно говоря, сыграл в русскую рулетку, то здесь попал в еще более серьезную переделку. С таким же успехом можно было сунуть голову в жерло пушки и попросить кого-нибудь дернуть за шнур.

Но делать нечего, надо решаться.

Вытащив из кучи пару наушников, он заметил, как странно прогнута перемычка над теменем в центре. Сработано под инопланетный череп. Перевел взгляд в дальний угол, где валялись скрученные высохшие тела.

Ну и названьице, «томминокеры». Но как бы там ни было, даже такого они не заслуживают. Дикари из космоса, троглодиты. Вот они кто. Понаделали механизмов, управляют ими своими когтистыми лапами и даже не пытаются разобраться, чего насобирали. На ногах — крючья, словно шпоры у бойцовского петуха. Этот корабль — раковая опухоль, и надо срочно избавить от него Землю.

Господь, сделай так, чтобы я оказался прав.

Можно ли подключиться сразу ко всем? Вот это вопрос на миллион. Если «обращение» — закрытый процесс без обратной связи и корабль попросту испускает в атмосферу какие-то продукты распада, тогда это точно не вариант. Если же допустить, что объект вступает в контакт с окружающей средой — как раз к этой идеи Гарденер и склонялся, — то корабль «питает» людей, способствуя их «обращению», и получает что-то взамен. Что именно? Они тоже «питают» его, помогая ему ожить, восстать из мертвых, воскреснуть — нет, слишком патетично и возвыщенно для такого обмена. Если Гард окажется прав, то такому партеногенезу место на ярмарке уродов, под пестрыми зазывающими флагами и гирляндами, ну или в желтых газетенках, а не в мифах и религиозных вероучениях. Это рабская система, и пусть она катится ко всем чертям.

Господи, пожалуйста. Подсоби, молю. Ты мне нужен как никогда.

Гарденер неторопливо возложил на себя венец — наушники.

Это произошло мгновенно. На этот раз он не испытывал боли. Просто вокруг все озарилось небывалым белым сияни-

ем. Лампы вспыхнули на полную мощность. Одна стена вновь превратилась в окно, показав небо в дыму и верхушки деревьев. Тут исчезла другая стена, третья, четвертая, и вот уже Гард парит в невесомости, словно в космосе, а над головой — лишь дым, застилающий небеса, да траншея, с обеих сторон укутанная серебристой сеткой. Отсюда открывался полный обзор, на все триста шестьдесят градусов. Корабля будто не существовало.

Двигатели врубались один за одним, разгоняясь на полную мощность.

Где-то зазвенел колокол. С мощным гулом включались реле, одно, другое; задрожала под ногами металлическая палуба.

На Гарденера нахлынуло чувство невероятной мощи. Казалось, Миссисипи вышла из берегов и несется через его голову смертоносным потоком. Понятно, что он этого не выдержит, но теперь уже наплевать.

Я подключил их всех, пронеслась зыбкая мысль. Господи боже, спасибо, спасибо тебе! Получилось!

Корабль задрожал, завибрировал. Затрясся в мучительных спазмах. Время пришло.

Оскалив оставшиеся зубы, Гарденер напряг все силы.

44

Подключения никто не миновал. Правда, кое-кому досталось больше других. Дик Эллисон не выжил, ибо пребывал на более продвинутом этапе эволюции. Не посчастливилось и четырем десяткам наблюдателей за внешними границами, которые в ту пору находились в городе. Все они были связаны в единый узел; к нему в первую очередь и подключился корабль, опустошив их напрочь.

Истекая кровью, которая вдруг стала сочиться из глаз и носа, они разом осели на землю и умерли, как только корабль начисто высосал их мозги.

К тем, кто находился на вырубке, корабль тоже подключился. Несколько томминокеров преклонного возраста не выдержали нагрузки. Остальные — кто упал на колени, кто лежал плашмя по всему периметру вырубки. От невыноси-

мой боли они едва не теряли сознание. Некоторые понимали, что пожар приближается. Ветер с новой силой раздувал пламя, оно распространялось в форме веера. И вот уже на просеку повалил дым, густой — не прдохнуть. Огонь трещал и гудел.

45

Пора, подумал Гарденер.

В голове что-то сдвинулось. Скользнуло, зацепилось, сорвалось, снова зацепилось, теперь уже намертво. Невидимый рычаг в коробке передач. Было больно, хотя и терпимо.

«Они — там, внизу, — вот кто испытывает сейчас настоящие муки», — пронеслась мысль.

Стены траншеи дрогнули. Самую малость. Еще немного, еще. Раздался жесткий скрипучий писк.

Гарденер напрягся, сдвинув брови, зажмурив глаза.

Серебристая сетка медленно, но верно поползла вниз. Конечно, сама сетка оставалась на месте — то была лишь иллюзия. Двигался корабль. Со скрипом и скрежетом он протискивался сквозь твердую породу, что так долго удерживала его в своих каменных объятиях.

«Мы поднимаемся, леди и джентльмены, — пронеслась бессвязная мысль. — Женское белье, трикотаж, все для шитья, и не забудьте посетить наш зоомагазин».

Теперь корабль двигался быстрее. Стены траншеи уходили вниз. Неба над головой становилось все больше. В этом тяжелом свинцовом небе порхали искры, как крохотные горящие птицы.

Радость била через край.

Гарденер вспомнил метро. Как поезд отходит от станции, набирает скорость, и вот уже кафельные стены начинают раскручиваться назад, как рулон перфоленты в механическом пианино. Справа налево бегут афиши и рекламные слоганы: «Энни», «Кордебалет», «Наши времена требуют "Таймс"», «Прикоснись к бархату» — и тут же тьма, и ты мчишься, а мимо проносятся черные стены.

Да, я поднимаюсь, поднимаюсь! Да, да!

Он чуть не оглох и заорал от боли, когда в голове трижды звякнул клаксон. Колени оросило кровью. Корабль дрожал и трясясь и с визгом проталкивался, пытаясь вытащить свое тело из подземного каменного склепа. Он поднялся над землей в облаке густого дыма и душного полуденного марева. Полированный корпус выплывал из траншеи, становясь все больше и больше, поднимался выше — живая металлическая стена. И если бы кто-то созерцал это величественное и безумное зрелище вблизи, он бы подумал, что сама земля порождает из своего чрева гору нержавеющей стали или выстреливает в небо гигантской титановой стеной.

На глазах разрастались вширь серебристые бока корабля, пока не достигли краев траншеи — тех самых, что Гард с Бобби продолбили тупыми орудиями, как двое полудурков, решивших сделать кесарево сечение.

Все выше и выше поднимался корабль. Вокруг стоял визг и скрежет, стонала земля. Камни дымились от трения, в воздух вздымалась пыль. С близкого расстояния по-прежнему казалось, что в небо восходит гора или стена, но если смотреть с края вырубки, было видно, что из-под земли появляется нечто идеально круглое: титанического размера блюдоце. Сам корабль не издавал шума, но всю поляну наполнял оглушительный рев дробящегося камня. Объект поднимался вверх и ширился, распирая границы траншеи и заслоняя собой дневное солнце. И горящий лес, и вырубка — все было накрыто его гигантской тенью.

Верхний край его корпуса — тот самый, о который споткнулась Бобби, гуляя по лесу, — как бритвой срезал верхушку высоченной ели, и она с треском обрушилась вниз, ломая все на своем пути. Корабль покидал земляную утробу, носившую его в себе так долго; он рос и рос, пока не заслонил собой все небо, и, лишь полностью высвободившись из тугих объятий, обрел новую жизнь.

В какой-то момент края траншеи перестали расширяться — теперь появились зазоры между корпусом и земляным отвалом.

С грохотом корабль выбрался из дымящейся амбразуры, в облаке пронизанного солнечными лучами дыма, и, наконец, все стихло. Корабль завис над землей.

Он вышел.

При подъеме сохранялся наклон, но едва корабль вырвался из земляных тисков, он тут же принял горизонтальное положение, круша деревья своим невиданным весом, выжимая из них сок. Во все стороны брызнули янтарные капли.

Корабль двигался медленно, срубая на пути верушки со-сен, оставляя за собой ровную дорожку, словно отточенный клипер, ровняющий зеленую изгородь. И тут он замер на месте, будто в ожидании чего-то.

46

Вдруг под ногами Гарденера исчез пол — став прозрачным, невидимым; он парил в чистом небе и смотрел на проплывающий под ногами лес и висящие в воздухе дымовые трубы.

Корабль теперь полностью вернулся к жизни — Гарда же стремительно покидали силы.

Руки потянулись к наушникам.

Скотти, подумал он, врубай варп-скорость. Взорвем эту дискотеку.

Он сосредоточился, и на этот раз его пронзила острые боль, она рвала ткани и била под дых.

Распад, подумал он. Ядерное облучение. Вот каково это.

Появилось чувство, что он мчится с огромной скоростью. Будто какая-то неведомая сила сбила его с ног, и он распластался на палубе. При этом ощущения перегрузок не было. Очевидно, томминокеры нашли способ победить законы гравитации.

Не накренившись ни на градус, корабль взмыл в воздух.

Он не закрыл собой целое небо, нет. Только три четверти, потом половину. Дым окутал корабль, и чем выше он поднимался, тем туманнее становились его жесткие железные контуры. И вот уже показалось, будто все это лишь сон.

А потом он и вовсе исчез в дыму, а ошеломленные, выжатые досуха томминокеры поднимались на ноги, пытаясь обрести равновесие, прежде чем их пожрет неумолимая пламенная стихия. Корабль уходил вверх, навсегда оставляя томминокеров, и эту просеку, и навес для инструментов. Опустевшая траншея теперь чернела далеко внизу, словно лунка на месте извлеченного ядовитого зуба.

Гард лежал на полу рубки, раскинув руки и уставившись в непроглядную свинцовую завесу, окутавшую небо. Наконец дым рассеялся, и взгляду его предстали самые яркие и чистые небеса, какие он только видел в своей жизни.

Божественно, попытался сказать он, но не смог. Из горла не вылетело ни звука, ни всхлипа. Он слотнул кровь и закашлялся, не отводя взгляда от блистательного зрелища.

Небесная синь густела, обретая цвет индиго, затем сменилась пурпуром.

Пожалуйста, молю, только не останавливайся.

Пурпур перешел в черноту.

И вот уже в этой черноте засверкали первые звездочки.

Вновь рявкнул клаксон. Он ощутил острую боль — это корабль тянул из него силы, набирая скорость.

«Куда поедем?» — пронеслась в голове бессвязная мысль, и тут его захлестнула чернота — корабль резко взмыл вверх и вырвался за пределы земной атмосферы с той же легкостью, с какой он покинул бренную оболочку планеты, так долго державшей его в плену. Куда мы сейчас?..

Все выше и выше, дальше и дальше уходил корабль, а вместе с ним Джим Гарденер, уроженец города Портленд штата Мэн.

Теперь его мотало по темным просторам беспамятства, и незадолго до последнего приступа рвоты, которого он уже не осознавал, ему привиделся сон. Сон был настолько реальным, что Гард улыбался, паря во мраке посреди непроглядного космоса. Земля висела внизу гигантским голубовато-серым шаром.

Каким-то чудом он выбрался из этой передряги. Патрисия Маккардл пыталась его сломать, но ей это не удалось, как не удавалось и раньше. И теперь он вернулся в Хейвен. Его встречала Бобби. Она спустилась с крыльца и устремилась к нему через двор. Рядом лаял Питер, радостно виляя хвостом. Гард обнял Бобби и прижал к себе, ведь так здорово быть с друзьями, найти свое место. Хорошо, когда есть тихая гавань, где всегда можно укрыться.

Джим Гарденер лежал на прозрачном полу рубки, преодолев уже добрых семьдесят тысяч миль, в луже собственной крови — и улыбался.

Эпилог

Прячься, детка. Скройся прочь. Не спа-
сешься — сгинешь в ночи.

The Rolling Stones. Undercover

День за днем, из ночи в ночь, ты по ча-
стичке улетаешь прочь. Будь как все,
не глупи, смягчит анестезия муки твои.
Смерть за каждым придет, мы ждем
лишь часа, когда молот пробьет.

Queen. Hammer to Fall

1

Большинство погибло при пожаре.

Хотя и не все. Многие так и не добрались до поляны, откуда в раскаленные небеса взмыл титанический инопланетный ко-
рабль. Эльт Баркер свалился с собственного мотоцикла. Эшли Руваль и старенькая библиотекарша, мисс Тиммс, выдававшая
книги по вторникам и четвергам, не успели обогнать огонь.
И таких было много, сотня или больше.

Впрочем, из тех, кто добрался до вырубки, погибли не все. Ко-
рабль взмыл в небо, и чудовищная иссушающая сила, ко-
торая завладела ими, ослабла и сошла на нет. Но пожар уже
подбирался с востока, и многие деревья вовсю полыхали, под-
паленные сыплющим во все стороны фейерверком жалящих
искр. Некоторые, ковыляя и падая, упорно шли на запад, где их
ждала незавидная участь. Гонимые ревущим огненным фрон-
том, они обрекали себя на гибель от удушья, ибо медленно и
верно покидали пригодное для жизни пространство. Ды-
шать нормальным воздухом они не могли. (Так погибли Фрэнк
Спрюс и Руди Барфилд, брат покойного Питца Барфилда, по
которому в свое время никто не проронил и слезинки.) Ошибка
стала фатальной, ведь чтобы спастись, надо было сначала идти
на запад, а потом свернуть на юг или на север, огибая ревущую
огненную волну. Отчаяние в такой игре — плохой советчик,
и проигравший превращается в горстку пепла в Большом ин-
дейском лесу. И все же некоторым удалось выбраться.

Впрочем, большинство несчастных так и почили на вырубке, в свое время обильно орошенной потом и кровью Бобби Андерсон и Джима Гарденера. Умерли в нескольких шагах от пустой ямы, в которой когда-то покоилось нечто, ныне исчезнувшее.

Какая-то мощная сила грубо использовала их, иссушив без остатка. На раннем этапе «обращения» это оказалось для них перебором. Корабль подсоединился к общему разуму и выпил их энергию. Его органико-кибернетическим сетям предстояло исполнить неясную, но безошибочную команду: «врубай warp-скорость». И хотя такого выражения в лексиконе корабля не было, суть оставалась ясна.

Большинство выживших лежали без чувств, некоторые пребывали в глубоком оцепенении. Кто-то сидел, обхватив себя за голову. Они стонали, не обращая никакого внимания на летающие вокруг искры. Сохранившие остатки здравомыслия пытались подняться и уйти из опасной зоны.

Среди тех, кто не успел убраться, был Чип Маккосланд, проживавший на Дагаут-роуд вместе с гражданской женой и стайкой ребятишек. Когда-то давным-давно, миллион лет и два месяца назад, Бобби Андерсон заглянула к нему в поисках картонных сот из-под яиц, куда она могла бы сложить растущую коллекцию батареек. Чип проковылял на непослушных ногах по вырубке, словно пьяница, и свалился в пустой котлован. С криком летел до самого дна, где сломал себе шею и раскроил череп.

Однако многие предпочли ничего не делать. «Обращение» завершилось. Отлет корабля стал его венцом. Цель была достигнута, их жизни утратили всякую ценность. Они просто сидели и ждали, когда пламя заберет то, что осталось от них.

2

К наступлению ночи живых в Хейвене осталось не больше двух сотен. Западная лесистая часть выгорела подчистую, где-то вовсю еще полыхало. Ветер усиливался. Состав воздуха изменился, и те, кому посчастливилось выжить, бледные и задыхающиеся, понуро топтались во дворе Хейзел Маккриди. Фил Голден и Брайан Браун запустили здоровущий воздухо-

обменник. Подобно первым поселенцам, греющимся у очага в холодную ночь, уцелевшие хейвенцы жались вокруг аппарата. Дышать стало легче.

Брайан взглянул на Фила.

Погоду на завтра слышал?

Безоблачно, ветер уляжется.

Мэри, стоявшая поблизости, расслабилась.

Уф, слава богу.

Да, какое-то время небеса им покровительствовали, но ведь глупо надеяться, что так и будет до скончания жизни. Корабля больше нет, уповать приходится на единственный прибор и двадцать четыре автомобильных аккумулятора. Дальше — неизбежная смерть от удушья.

Сколько нам еще осталось? — спросил Брайан, но никто ему не ответил. Лишь глаза, испуганные нечеловеческие глаза светились в огненном зареве ночи.

3

Наутро живых стало меньше на двадцать человек. В ту ночь история Джона Леандро прогремела по миру. Госдепартамент и министерство обороны все отрицали, но куда денешь свидетельства десятков людей, успевших сделать фотографии зависшего в небе корабля. Снимки получились убедительными. К тому же никто не смог пресечь утечку информации из «осведомленных источников», коими являлись перепуганные жители близлежащих городов и солдаты Национальной гвардии, прибывшие первыми на место событий.

Въезд в город был ограничен, во всяком случае, на текущий момент. Пожар распространился и захлестнул Ньюпорт, и только там огонь наконец удалось обуздать.

Несколько томминокеров в ту ночь пустили себе пулю в лоб.

Поли Эндрюс наглоталась снотворного.

Неприятное известие ждало Фила Голдена по пробуждению: его двадцатилетняя жена Куини прыгнула в пересохший колодец во дворе Хейзел Маккриди.

В тот день произошло еще четыре самоубийства, а ночью... По ночам было хуже всего.

Спустя несколько дней в Хейвен ворвалась армия, подобно грубым неумехам, взломавшим сейф с хитрой защитой. Из горожан на тот момент в живых осталось лишь восемьдесят человек.

Джастин Хёрд подстрелил одного сержанта из детского пневматического ружья, изрыгавшего зеленое пламя. Толстяк разлетелся на куски. На ту пору мимо магазина Кудера, грохоча гусеницами, проезжал бронетранспортер с автоматчиком на крыше, который обалдел от увиденного и поймал Хёрда в прицел. Тот прохаживался перед скобянкой лавкой в застиранных кальсонах и оранжевых рабочих башмаках.

— Расправьтесь с этими сурками! — ликующе орал он. — Расправьтесь с ними со всеми, вы, гребаные, вы...

Программа очередь. Одна из пуль пятидесяти калибра угодила в Джастина, и его буквально разорвало.

Автоматчика стошило в дыхательную маску, и он чуть не захлебнулся собственной рвотой. Хорошо, люди подоспели вовремя и натянули ему на лицо новую.

— Кто-нибудь, заберите этот пугач! — крикнул майор в мегафон. Мaska здорово искажала речь, но кое-что все-таки можно было разобрать. — Берите осторожно! За дуло! Повторяю: предельная осторожность! Не наводить на людей!

Гарденер подтвердил бы, что наводить его на людей не-безопасно.

4

Больше десятка томминокеров были застрелены в первый день военного вторжения. Одуревшие от страха солдаты палили во все, что движется. На Хейвен кинули безусых юнцов, которые и оружия не успели толком в руках подержать. Почувяв собственную силу и опомнившись от испуга, они гоняли томминокеров от дома к дому. К полудню это уже превратилось в забаву и напоминало травлю кроликов по пшеничному полю. Еще две дюжины угrobили, прежде чем военные врачи и пентагоновские «мозговики» сообразили, что любой воздух за границами Хейвена смертелен для этих мутировавших страхолюдин, бывших некогда американскими налогоплательщиками. Казалось бы, уже тот факт, что здеш-

няя атмосфера не подходит нормальному человеку, должен был навести на мысли об обратной закономерности, но во всеобщей неразберихе никто толком не соображал. (Чему Гард не особенно бы удивился.)

На тот момент осталось порядка сорока особей. Большинство были невменяемы. Те же, кто сохранил рассудок, говорить отказывались. На городской площади, чуть правее обезглавленной городской ратуши, наскоро соорудили некое подобие загона. Томминокеров согнали туда, как скот, и продержали неделю, в течение которой потеряли еще четырнадцать.

Сделали анализ измененного воздуха, тщательно изучили аппарат, который его производил, заменили севшие батареи. Как и предсказывала Бобби, «мозговики» быстро раскололи принципы работы механизма, и лучшие умы госструктур в МТИ, Калтеке, Белловских лабораториях и «Мастерской» в Виргинии вовсю корпели над полученным материалом. Высокоболевые едва не лопались от восторга.

Осталось двадцать шесть томминокеров. Запуганные и усталые, истомленные неведомой болезнью, они напоминали последнюю горстку выживших апачей во времена покорения Американского континента. Их загрузили в военный транспортник, в контейнер с искусственно поддерживаемой средой, и доставили на особую базу в Виргинии. Эта база, никогда выженная до основания из-за детской шалости, и была той самой «Мастерской».

Там их изучали, там же они и умерли один за другим.

Дольше всех продержалась Элис Кимвалл, школьная учительница-лесбиянка (о чем Беке Полсон нашептал на ушко Христос одним жарким июльским полднем). Она умерла 31 октября, на Хеллоуин.

5

Как раз в тот момент, когда Куини Голден забралась на край пересохшего колодца во дворе Хейзел, намереваясь в него прыгнуть, дежурная медсестра в больнице, где лежал Хилли Браун, зашла в палату проводить мальчика. В последние дни ребенок как будто начал приходить в себя.

Она посмотрела на постель и нахмурилась. Взгляду ее предстало нечто странное. Скорее всего, обман зрения. Наверняка это двойная тень в свете из дверного проема.

Она щелкнула настенным выключателем, сделала еще шаг, и тут у нее отвисла челюсть. Надо же, не показалось. На стене действительно были две тени, потому что в постели лежало два мальчика. Крепко обнявшись, они мирно спасывали.

— Что это?..

Она сделала еще шаг, и рука сама потянулась к крестику на груди.

Хилли Брауна она, бесспорно, узнала. Изможденное худое лицо, тонкие, как палочки, руки, кожа белая, как больничная рубашка.

Другой мальчик, совсем малыш, был ей незнаком. Синие шорты, футболка с надписью «Меня зовут доктор Лав». Запачканные черной грязью ступни. Какой-то странной грязью.

— Что это?.. — вновь прошептала медсестра, и малыш зашевелился, крепче прижимаясь к Хилли. Он лежал, обхватив того за шею и прижавшись щекой к его плечу. С нарастающим ужасом сестра вдруг заметила разительное сходство мальчуганов.

Надо скорее рассказать обо всем доктору Гринлифу, немедля. Сердце колотилось со страшной силой, рука сжимала распятие. Сестра повернулась к двери и вдруг увидела нечто и вовсе невероятное.

— Что это?.. — выпучив глаза, прошептала она в третий, последний раз.

Необычная черная грязь, та самая. Темные следы на полу, ведущие к кровати. Малыш подошел к постели и забрался под одеяло. Внешнее сходство мальчиков наводило на мысль, что второй — это пропавший братишка Хилли, тот самый, которого давно считали мертвым.

Следы вели отнюдь не в коридор. Они начинались прямо посреди комнаты.

Так, словно бы паренек возник из ниоткуда.

Сестра пугаясь выскочила из палаты, громкими криками призывая доктора Гринлифа.

Хилли Браун открыл глаза.

— Дэвид?

— Молчи, я сплю.

Хилли улыбнулся, не понимая, где находится, в каком месте и времени, наверняка зная лишь одно: все плохое, что было в его жизни, больше не имеет никакого значения, и теперь все будет хорошо. Дэвид жив и мирно посапывает рядом.

— Я тоже, — пробормотал Хилли. — Завтра поменяемся солдатиками.

— Зачем?

— А низнай, просто так надо, я пообещал.

— Когда?

— Низнай.

— Меняю на хрустальный шарик, — сказал Дэвид, уткнувшись ему в плечо.

— Заметано.

В комнате медсестер дальше по коридору поднялся несусветный переполох. Однако в палате, где спали мальчики, царили покой и уют.

— Хилли? — вдруг позвал младший.

— Что? — пробормотал тот.

— Знаешь, как я там замерз?

— Замерз?

— Ага.

— Отогреваешься понемногу?

— Отогреваюсь. Ты самый лучший.

— И ты. Прости меня, ладно?

— За что?

— Низнай.

— М-м.

Дэвид нашупал одеяло и натянул его до самого подбородка. На планете Земля в девяноста трех миллионах миль от Солнца и сотне парсеков от центра галактики мирно посапывали два маленьких мальчика, Хилли и Дэвид Брауны.

*19 августа 1982 —
19 мая 1987*

Оглавление

Предисловие	7
-------------------	---

Книга первая. КОРАБЛЬ В ЗЕМЛЕ

Глава 1. Андерсон спотыкается	9
Глава 2. Андерсон копает.....	24
Глава 3. Питер видит свет	40
Глава 4. Раскопки продолжаются.....	54
Глава 5. Гарденер переживает падение	61
Глава 6. Гарденер на волнорезе.....	111
Глава 7. Гарденер приезжает	125
Глава 8. Перемены	138
Глава 9. Рассказ Бобби Андерсон	162
Глава 10. Гарденер принимает решение	184

Книга вторая. ИСТОРИИ ХЕЙВЕНА

Глава 1. Город	217
Глава 2. Бекка Полсон	227
Глава 3. Хилли Браун	242
Глава 4. Бент и Джинглс	270
Глава 5. Рут Маккосланд	278
Глава 6. История Рут Маккосланд, окончание	311
Глава 7. Бич Джерниган и Дик Эллисон	344
Глава 8. Эв Хиллман	361
Глава 9. Похороны	390
Глава 10. Хроника событий. Город. Заключение	433

Книга третья. ТОММИНОКЕРЫ

Глава 1. Сестричка	507
Глава 2. Гарденер отправляется погулять	532
Глава 3. Люк	541
Глава 4. Сарай	548
Глава 5. Сенсация (журналистское расследование)	571
Глава 6. Внутри корабля	588
Глава 7. Сенсация (продолжение)	608
Глава 8. Гард и Бобби	621
Глава 9. Сенсация (окончание)	637
Глава 10. «В мою дверь томминокер стучит и стучит»	664
Эпилог	726

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

ТОММИНОКЕРЫ

Роман

Ответственный редактор А. Батурина
Художественный редактор Е. Фрей
Технический редактор Г. Этманова
Компьютерная верстка Н. Билюкиной
Корректор Е. Сербина

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» дәлел ООО
129085, г. Москва, Жулдызы гүлзар, д. 21, 1 күрүшім, 39 балым
Бағын; электрондық мекенжайысы: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Казакстан Республикасында дистрибутор
және енбек бойынша артылыштырылған
екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksimo.kz

Өнімнің харалығы, мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылған

Подписано в печать 20.09.2017. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ 8903.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-17-102168-9

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени. Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем. Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов. Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

...Что-то странное происходит в тихом провинциальном городке Хейвен, где живет Роберта Андерсон. У каждого жителя открываются поразительные сверхъестественные способности, а сам городок превращается в смертельную ловушку для чужаков.

Неужели причина всего этого — в таинственном металлическом объекте, погребенном в земле тысячелетия назад и случайно найденном Роберто? Неужели она и другие обитатели Хейвена заключили сделку с беспощадной и жестокой силой? Или Зло из далеких миров само нашло их — и теперь медленно, но верно завладевает их душами и телами?..

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-102168-9

9 785171 021689